Ю.Н.РЕРИХ

ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АГНИ»

Книга ученого-востоковеда Ю.Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» описывает первую Центрально-Азиатскую экспедицию, в которой участвовали Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий Николаевич Рерихи. В книге помещены репродукции картин Н.К.Рериха.

Перевод Рериховского Центра Духовной Культуры г.Самары
Главный редактор Гороховский Г.А.
Художник Панидов В.А.

Издательская группа выражает признательность за участие в подготовке книги сотрудникам Нью-Йоркского музея имени Н.К.Рериха
Даниэлю Энтину
Аиде Тульской
Майклу Брину

сотрудникам музея-квартиры имени Ю.Н.Рериха
Ираиде Михайловне Богдановой
Виктору Юлиановичу Васильчику

ОТ АВТОРА

Срединная Азия с ее могучими горными хребтами и бескрайними пустынями и степями, страна резких климатических контрастов и колыбель выносливых кочевых племен, которые некогда колебали границы Китая и стран Ближнего Востока, всегда манила исследователей. Целая плеяда блестящих ученых, открывших для науки недоступные земли Азиатского континента, в течение нескольких десятилетий поддерживала тот дух первооткрывательства, которому столь многим обязана наша цивилизация, и их пример вдохновляет других отваживаться на покорение далеких и неизведанных земель.

Во Внутренней Азии перед взором исследователя предстает одна из самых грандиозных горных систем мира.

Огромную, не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины Сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей Средней Азии.

Центральноазиатская экспедиция, возглавлявшаяся профессором Николаем Рерихом, изучала эти земли почти пять лет подряд. Главной целью экспедиции было создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии. Пятьсот полотен Н.К.Рериха, в настоящее время выставленные в Музее Рериха в Нью-Йорке, являются одним из самых больших ее достижений. Вторая задача экспедиции состояла в проведении археологической разведки, с тем чтобы подготовить основу для дальнейших серьезных исследований этих малоизученных районов Внутренней Азии. И наконец, большое значение мы придавали сбору этнографического и лингвистического материала, характеризующего древние культуры региона.

За годы путешествия по Тянь Шаню, степным областям Джунгарии, Алтаю, горам Юго-Западной Монголии и высокогорному Тибету экспедиция открыла многочисленные могильники кочевников, относящиеся к периоду между I и VIII веками, в надежде, что в недалеком будущем здесь будут проведены планомерные археологические раскопки. Во время пребывания экспедиции в Монголии и Тибете было собрано также большое количество тибетских и монгольских книг.

Экспедиция выехала из Нью-Йорка в мае 1923 года и в декабре того же года прибыла в Дарджилинг. Здесь мы провели весь 1924 год, готовясь к странствиям по Внутренней Азии. Прежде чем выступить в путь, следовало хорошо изучить тибетский язык Свое повествование о путешествии мы начинаем со дня выхода экспедиции из Дарджилинга.

В течение пяти лет напряженной полевой работы автор часто пользовался помощью и советами своих друзей, которым он выражает глубокую признательность. Благодарности заслуживают также все участники Центральноазиатской экспедиции Рериха, как европейцы, так и азиаты, стоически выполнявшие свой долг в самых тяжелых условиях.

Я посвящаю эту книгу своим родителям, которые подвигнули меня на стезю науки и с детства вдохнули в мою душу жажду новых открытий и исканий.

Июнь 1931 года Ю.Н.Рерих

I

КАШМИР – ЛАДАК

6 марта 1925 г. наша экспедиция покинула Дарджилинг, а с ним и дружественное княжество Сикким. Спуск по склонам Восточных Гималаев, покрытых джунглями, оставляет неизгладимое впечатление. Внимание путешественников привлекают тропическая растительность и бесконечный поток горцев, бредущих по накатанным телегами дорогам. В Силигури мы прибыли ночью. Поезд шел по Бенгальской равнине, покрытой джунглями, обширными болотами – рассадниками тропической лихорадки – и затопленными рисовыми полями. Сквозь густой покров тропической ночи можно было наблюдать за незнакомой жизнью около мерцающих костров, разбросанных среди джунглей и у порогов деревенских хижин, ютящихся меж пальмовых деревьев. Люди в белых тюрбанах и дхоти переходили с места на место, а на железнодорожных станциях воздух звенел от пронзительно высоких голосов торговцев чаем, питьевой водой и сигаретами. Все вокруг казалось живым от непрестанного движения под сенью ночи.

Рано утром поезд прибыл на большую станцию Силдах. После уединения в Гималаях путешественник будет непременно поражен полуевропейским, полувосточным видом города. Улицы Калькутты с автомобилями, конными экипажами, рикшами и разноцветной толпой прохожих напоминают поток, в котором странным образом перемешались Восток и Запад. После суетливого и жаркого дня в большом городе и визита в штаб-квартиру Бенгальского азиатского общества, которое является плодом сотрудничества между западной и восточной школами, мы вновь сели в пенджабский почтовый поезд, чтобы за двое суток миновать пыльные равнины Северной Индии.

Заканчивался сезон жары, и над горизонтом поднималось ослепительное сияние.

Вечером 8 марта экспедиция прибыла в Равалпинди. За несколько часов поезд промчал нас через засушливую каменистую равнину, изрезанную каньонами. Переночевав в местной гостинице, мы снова двинулись в путь, на этот раз в автомашинах.

Равалпинди – пограничный город. Повсюду мужчины в форме цвета хаки, а городской базар пестрит разноцветными одеждами, что так характерно для приграничного района. Среди пенджабцев и местных жителей выделяются красивые хазарцы и воинственные патаны, прибывшие из-за границы.

Автомобильная дорога через Мурри в Шринагар хорошо известна, и нет необходимости описывать ее подробно. Это одна из живописнейших и красивейших дорог в мире. Постепенно поднимаясь в горы, в Мурри она проходит на высоте 7000 футов над уровнем моря.

Мы провели ночь в гостинице Гархи, небольшой деревушке на территории Кашмира, расположенной на высоте 2628 футов. Вечером местные мусульмане праздновали приход весны. Освещенная факелами процессия, шествовавшая по противоположному берегу реки, отчетливо выделялась на фоне темного силуэта гор. Эта картина индийской весны поистине незабываема.

На следующее утро мы прибыли в Ури, живописную деревушку-крепость, расположенную на высоте 4370 футов. Горный пейзаж в ее окрестностях необычайно красив, а снежные вершины отливают глубокой синевой. После Ури мы миновали разрушенный храм Бранкутри – типичное строение средневековья в Кашмире. В полдень экспедиция проехала через небольшой городок Барамулла. День выдался ясный, и казалось, что до вершины Нанга Парбата (26900 футов) подать рукой.

В нескольких милях от Шринагара проходит одна из самых красивых дорог в мире, окаймленная рядами высоких тополей. Вокруг расстилается знаменитая Кашмирская долина, опоясанная белоснежными горами.

Около трех часов дня мы прибыли в Шринагар, где на нас накинулась целая толпа кашмирцев. Отталкивая друг друга и пронзительно крича, они рекламировали дома-лодки, или шикары, и другие местные достопримечательности. В общем это было довольно жалкое зрелище. Устроив штаб-квартиру в гостинице Недоу, мы сразу же занялись подготовкой к

путешествию в Ладак и в пустыни Китайского Туркестана, лежащие по ту сторону высокогорных перевалов Каракорума и Санджу.

Трудное и длительное путешествие в горы требует основательной подготовки, каждая деталь его должна быть продумана тщательнейшим образом, так как путешествие из Кашмира в Китайский Туркестан проходит по самому высокогорному пути в мире. Шринагар – последняя стоянка, где можно закончить все приготовления и запастись провизией. Кашмирские ремесленники славятся своим мастерством и под нашим руководством должны были подготовить снаряжение. В городе было несколько фирм, занимавшихся пошивом зимней амуниции и лагерного снаряжения, но, конечно, мастерам следовало дать самые подробные разъяснения. Для упаковки грузов пришлось заказать яхтаны – деревянные ящики, обитые кожей, ибо металлические ящики не используются, т.к. легко разбиваются.

Зимнее обмундирование для морозной погоды на горных перевалах и для зимнего времени в Китайском Туркестане было сшито из меха кашмирской козы и состояло из гилгитских сапог, меховых шапок, носков и спальных мешков. Мы заказали несколько палаток из водонепроницаемой парусины на теплой подкладке. Эти палатки были специально сделаны так, чтобы противостоять трудностям путешествия и бурям высокогорья.

Они имели двойной полог. Наружный доходил до земли и предохранял от сильных ветров. Каркасные шесты были сделаны из толстого бамбука с металлическими креплениями, а колья – из гальванизированного железа.

Кроме того, мы решили обзавестись собственными верховыми лошадьми, чтобы не зависеть от местного транспорта, на который не всегда можно положиться. В Шринагаре есть хороший рынок, где можно купить прекрасных лошадей яркендской или бадахшанской породы, славящихся по всей Центральной Азии и незаменимых во время длительных путешествий. В горных условиях хороши шринагарские пони, но они, как правило, отличаются строптивым нравом и плохо управляются. С помощью Недоу, хозяина местного отеля, мы купили шесть скакунов, с которыми и прошли от Кашмира до границ Алтая.

Отъезд был назначен на начало августа, и в оставшееся время мы решили совершить короткое путешествие по Кашмирской долине.

Не буду описывать столицу или долину Кашмира, так как существует много литературы о них, а древности страны изучались и описывались таким ученым как Аурел Стейн.

Сравнивая красоты природы и уникальные сады Нишада и Шалимара, заложенные Великими Моголами Акбаром и Джахангиром, с влачащим жалкое существование Шринагаром, поражаешься этому глубокому контрасту. Мы были рады покинуть индийскую Венецию и снова почувствовать себя на открытых просторах прекрасной долины. Запомнилась нам и прогулка по озеру Вулур. Мы наняли большую лодку-дом «Монарх», принадлежавшую приветливому кашмирцу Собра Вангану, и отправились в короткое путешествие к озеру Вулур. Плавание по каналам было не слишком интересным. Лодка медленно продвигалась меж низких берегов. Сами каналы узкие, и вода в них не всегда чиста. Большое озеро Вулур окружено высокими горными хребтами, и в ясную погоду на их склонах играют причудливые тени. Мы высадились в Бандипуре – маленькой деревушке с несколькими хозяйственными постройками. Здесь начинается дорога, которая ведет через Гилгит, Хунзу и Сарыкол в Кашгар и Таримский бассейн.

На озере разыгрался сильный шторм, во время которого оборвались тросы, соединяющие лодку с берегом, и ветер унес ее прочь. Лодочники потратили несколько часов на борьбу со стихией. Лодки-дома не предназначены для дальнего плавания, и лодочники никогда не рискуют уводить их от берега в ветреную погоду. Лодка-дунга, в которой находился наш переводчик-китаец и слуги, лишилась из-за ветра крыши. Так как лодочники сочли нашу ситуацию опасной, то мы решили сократить свое пребывание на озере.

На следующий день погода была прекрасной, и у нас было достаточно времени, чтобы пересечь озеро и войти в канал. Днем снова заштормило, но мы уже были вне опасности.

15 апреля экспедиция направилась в Гульмарг – высокогорную станцию Кашмира. Здесь в прохладе гор мы смогли завершить приготовления к путешествию и решить все организационные вопросы. На станцию мы прибыли в начале весны, когда все еще было

покрыто снегом. Там нам довелось пережить ужасную грозу, бушевавшую целую неделю. Раскаты грома с треском рассыпались в горах, молнии со страшной силой носились вокруг нашего дома, освещая ночью все окрестности. В течение нескольких дней мы были полностью отрезаны от внешнего мира и вынуждены оставаться в своих комнатах. Никогда более нам не довелось переживать такой жуткий электрический шквал, сопровождавшийся необыкновенно крупным градом.

В Гульмарге экспедиция провела май, июнь и июль. В конце июля мы получили последнюю партию снаряжения и 8 августа выехали на машинах в Гандербал, находящийся на долгом пути в Ладак и Китайский Туркестан. Наши караваны состояли из 82 вьючных пони, которые должны были нести нашу поклажу в Драс, расположенный в Ладаке на перевале Зоджи. Это было предельное количество животных, которых мы могли прокормить.

Мы прибыли в Гандербал поздно вечером того же дня и увидели, что наши караванщики уже расположились лагерем на постоялом дворе. Языки пламени больших лагерных костров освещали лица людей и длинные ряды караванных животных.

Утром 9 августа мы встали рано и некоторое время были заняты разгрузкой лодок, прибывших из Шринагара. Для наших людей эта работа была новой – приходилось давать им указания по каждому поводу. Старший караванщик Вахаба Вангану был опытным и хладнокровным человеком и прекрасно руководил нашими людьми.

К вечеру весь караван покинул Гандербал. На автомашинах мы доехали до маленькой деревушки Нуннер, затем пересели на лошадей и пересекли Синдх около Ваила. Путь длиною в две мили пролегал по правому берегу реки среди цветущих лугов, и верховая езда доставила нам приятные впечатления

Канган – небольшая деревушка с просторным бунгало, где мы встретили нескольких путешественников. Дорога от Кангана до Балтала у подножия перевала Зоджи описывалась довольно часто, и я ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Для мирных караванов лехский международный путь стал доступным в 1891 г благодаря усилиям воинской части полковника Дуранда. Правительство Кашмира контролирует этот маршрут, поэтому с транспортом и снабжением здесь нет проблем. Государственные амбары и просторные караван-сараи для путешественников расположены на всех этапах пути.

Далее маршрут проходит через Гунд и Сонамарг – место летней стоянки европейцев. Ясная погода сопровождала нас до Сонамарга. В Гунде довелось пережить несколько неприятных часов из-за наших лошадей, и только счастливый случай избавил их от фатального исхода. На всем пути от Гандербала до Балтала растет ядовитая трава, называемая местными жителями «гумаи». Местные лошади даже не притрагиваются к ней, а пришлые часто едят ее и погибают. Из-за недосмотра конюхов четыре наши лучшие лошади поели этой травы и к вечеру слегли. Несмотря на все наши усилия, их состояние не улучшалось. Испробовав все местные средства, мы решили дать им хорошую дозу соды. Произошло чудо: наутро животные почувствовали себя лучше, и мы смогли дойти до Сонамарга.

По дороге мы встретили первую группу ладакцев, идущих в Шринагар. Они были одеты в простую серую домотканую одежду, типичную для тибетских жителей. Когда мы прибыли в Сонамарг, расположенный на высоте 8600 футов, начался сильный ливень, продолжавшийся всю ночь. Пришлось остаться в бунгало при почтовой станции почти до середины следующего дня. Мы выступили в путь только в полдень, когда дождь стал стихать Сонамарг, слывущий прекраснейшим местом Кашмира, не поразил нас ничем особенным. Мы увидели лишь несколько цветущих лугов, окруженных прекрасными сосновыми лесами. Ближайшие горы скрывались за непроницаемой пеленой тумана и облаков. Дорога была скользкой, и нашим вьючным животным идти было нелегко. После тяжелого трехчасового перехода показался Балтал, раскинувшийся в смешанном березово-сосновом лесу. Гостиница была занята приезжими из Шринагара, и мы поставили палатки на лужайке. К вечеру снова зарядил дождь и стих только под утро. На рассвете группа балтистанских погонщиков пони, пришедшая с перевала, сообщила об оползнях на дороге. Плохое известие означало, что придется остаться в Балтале на день и отправить людей на расчистку пути от завалов. Мы послали нашего главного шикари Сатархана и десять погонщиков пони с лопатами на перевал. В полдень дождь полил с новой силой, и ненастье продолжалось до позднего

вечера. Все промокло, пришлось принять меры предосторожности, чтобы сохранить сухими наши ящики с продуктами. Поздним вечером наши люди вернулись и сообщили, что дорога расчищена, но кое-где сохраняется опасность оползней, если дождь будет продолжаться. К счастью, дождь прекратился к вечеру, и в пять часов утра небо совершенно прояснилось.

Путь из Гандербала в Балтал проходит по типичной кашмирской горной местности с хорошо орошаемыми склонами холмов, получающих большое количество влаги и покрытых прекрасными лугами и сосновыми лесами. Резкая перемена в пейзаже наступает только за перевалом Зоджи. Мы выехали в шесть часов утра и, медленно двигаясь, поднялись на перевал. Летом и осенью перевал вполне доступен, но зимой подъем на него чрезвычайно опасен и проходим только для людей. Поскольку отшлифованные лавинами склоны покрыты льдом и снегом, всегда есть опасность того, что снег в любой момент может обрушиться и увлечь путешественника в пропасть. Поэтому зимой и ранней весной всякое движение здесь прекращается, и путешественнику приходится намного дороже платить кули, которые согласились бы рисковать жизнью на горных высотах.

Дорога через перевал Зоджи была известна еще в древности. Первое упоминание о ней мы находим у китайского путешественника Ву Кунга, который посетил Кашмир между 751 и 790 гг. и сообщил о пути в Тибет через Зоджи. В прошлом этот путь был свидетелем многочисленных конфликтов. В XIV веке по нему проходили турки; вскоре после них вторгся в Кашмирскую долину ладакский принц Рин-чен. В 1532 г. в Кашмир проник знаменитый мирза Мухаммад Хайдар и успешно сражался возле перевала.

Зоджийский перевал (11300 футов) имеет еще одно название – Ду-ши-ла (дус-бши-ла). По мнению доктора А.Х. Франке, это сокращенное название имени богини Ду-ши-лха-мо, жены сиддхи Наропы. По преданию, Наропа бросил ее, потому что от нее пахло кашмирской козой. Негодующая богиня отвернулась от Ладака, и это привело к тому, что Ладак стал страдать от засух, а Кашмир превратился в цветущую долину.

При подъеме на перевал пейзаж совершенно изменился. Теперь мы вошли в местность с голыми горными хребтами, а между ними лежала широкая нагорная равнина, покрытая валунами и скудными пастбищами.

В Митсахое, на девятой миле, мы задержались на час, затем направились к широкой равнине, на которой находился постоялый двор Матаян. Погода ухудшалась, тяжелые серые тучи цеплялись за вершины гор. Последние шесть миль мы ехали под проливным дождем, который сделал тропу скользкой, и мы были рады добраться до постоялого двора, где и разбили лагерь на ночь.

На следующий день экспедиция продолжила путь к Драсу. Проезжая через деревушку Пранд, мы видели несколько ферм, окруженных ячменными полями и похожих на небольшие крепости. Через час после Пранда мы въехали в открытую долину реки Драс, где находилось несколько небольших деревушек. Население их состояло из дардов и балтов. Рядом с бунгало возвышалась современная крепость догров, а у подножия холмов и по долине разбросаны развалины нескольких старинных крепостей.

По-тибетски Драс называется Хембабс. Он расположен на высоте около 10 000 футов.

Для меня в Драсе наибольший интерес представляли буддийские каменные скульптуры, найденные на обочинах дороги за деревнями Драса. Всего их четыре, и все они были описаны сэром Александром Каннингемом, который определил их как женские божества, и доктором А.Х.Франке, который точно описал их в книге «Древности индийского Тибета». Первый камень изображает фигуру всадника, вероятно, местного раджи, который, как сообщает надпись на обратной стороне камня, воздвиг две статуи бодхисаттвы. На соседнем камне высечен бодхисаттва Майтрейя в великолепном костюме раджакумары, или принца. Он изображен стоящим. В поднятой правой руке он держит четки, а в левой – вазу, или бум-па, на его голове диадема (мукута). Ниже расположены фигуры подданных. В правом углу камня выбита шарадская надпись, к сожалению, плохо сохранившаяся.

Я уже упоминал в других работах, что культ Майтрейи связан с распространением Махаяны.

Изображения бодхисаттвы Майтрейи, встречающиеся вдоль караванного пути Кашмир – Ладак и других караванных дорог Центральной Азии, оставляют глубокое впечатление.

На третьем камне изображен бодхисаттва Авалокитешвара с двумя учениками. Надпись над головой одного из них, обнаруженная доктором Франке, сильно повреждена.

На четвертом камне высечен цветок лотоса, который Франке датирует примерно X веком. Несомненно, они в какой-то степени связаны с проникновением буддизма в княжества Западного Тибета и могут относиться к IX веку.

В Драсе нам пришлось заменить пони на других животных, что потребовало длительных переговоров с местными старшинами. Благодаря отличной организации перевалочной службы на ладакском пути транспорт можно получить без проволочек. В нашем случае требовалось не менее 70 вьючных животных. Это много, если учесть, что население здесь не так уж велико. К вечеру все было устроено, и вьючные лошади и дзо (помесь яка с коровой) начали собираться во дворе почтового бунгало. Утром мы прошли через обычную «церемонию» распределения грузов старшинами среди погонщиков. Во дворе толпились горцы в темных тюрбанах, и, как всегда, погрузка сопровождалась громкими выкриками, а подчас и спорами. Однако надо отдать должное ладакцам и балтам, которые очень быстро управились.

За Драсом дорога проходит вдоль ячменных полей, обнесенных низкими каменными оградами, и спускается к реке Драс.

Маленькая деревушка Дунделтханг была местом недавней трагедии. Американский путешественник м-р Лэндон пропал здесь по дороге в Ладак. Его тело впоследствии было найдено и погребено на небольшом европейском кладбище в Лехе.

Долина сужалась, и тропа шла по левому берегу реки, протекавшей через красивое ущелье. К вечеру мы были уже в Шимша-Карбу и разбили лагерь на постоялом дворе, живописно расположенном в ивовом саду. Над бунгало возвышались руины крепости, некогда принадлежавшей, по преданию, султану Кри из Сода, местечка возле Каргила. В Шимша-Карбу все чаще встречаются ладакцы.

В караван-сарае рядом с бунгало мы обнаружили небольшой караван яркендских торговцев и несколько паломников, шедших из Кашгара в далекую Мекку. Со времени мировой войны большинство паломников преодолевают высокие перевалы Каракорума, а затем следуют через Бомбей и морем. Многие гибнут в пути, но большинство возвращается, чтобы занять почетное место в своих общинах.

Следующий переход привел нас в процветающий городок Каргил – последнее крупное поселение в районе Дарда. У Кхарала имеется хороший висячий мост. Здесь дорога ответвляется в Скардо и пересекает реку, затем следует в Каргил вверх по течению реки Суру.

В Донгга, находящемся между Шимша-Карбу и Чанигундом, я обследовал валуны с множеством высеченных на них горных козлов, охотников с луками и знаков свастики. Такие наскальные изображения широко распространены в Ладаке и соседних горных местностях и встречаются даже в оазисе Санджу, на северном склоне перевала. Они принадлежат примитивному культу природы Тибета, обычно называемому Бон. Горные козлы очень популярны в древнем культе огня монголов и связаны с символом плодородия. Видимо, эти наскальные изображения принадлежат древнему общему религиозному периоду Внутренней Азии.

Городок Каргил расположен на обширном плато. Аллювиальные склоны, постепенно понижающиеся к реке, орошаются. Он является столицей провинции Пуриг. Население его составляют тибетцы, принявшие ислам. Улицы его заполнены разноцветной толпой торговцев и других приезжающих на городской базар. Крепкие и красивые яркендцы перемешаны с гилгитами и хунзарами. Низкорослые и коренастые ладакцы в серой домотканой одежде гонят по улицам табуны лошадей и ослов. Горбоносые и огненнобородые кашмирцы заключают сделки с дардами в черных тюрбанах и горцами из Скардо.

Мы испытали некоторые трудности, пытаясь заполучить необходимое количество вьючных животных. Большой торговый караван забрал всех подходящих животных, и мы провели несколько часов, укомплектовывая свою колонну. Наконец, небольшой ладакский караван согласился отдать нам внаем своих животных до следующего перевалочного пункта.

Достопримечательностью города является замок догров, построенный в наше время, интересен и замок Сод, расположенный немного севернее Каргила, побывать в котором у нас не хватило времени.

Следующий переход привел нас из Дардистана в буддийский Ладак. При выходе из Каргила дорога пересекает обширное песчаное плато. Через два часа мы достигли деревни Пашкьюм – свидетельницы победоносного рейда догров. После деревни путь пошел по узкому ущелью из песчаниковых скал. Первые буддисты встречаются в Шар-го-лха. Долина внезапно расширяется и линия чортенов, или ступ, возвещает вход в буддийское королевство Ладак.

Деревня Шар-го-лха оставила след в местной истории. В соответствии с преданиями, один из министров тибетского короля Сронг-бцан-сгам-по, Лон-по Риг-па-цан, говорят, родился именно здесь. Его дом еще сохранился и расположен около моста в Шар-го-лха.

Около деревни находится пещерный монастырь, представляющий значительный интерес. В соответствии с местными преданиями, монастырь построили два местных вождя Тхог-лде-джо и Янг-лде-джо.

Последние три мили дорога из Шар-го-лха к Мульбе проходит через местность необычайной красоты: остроконечные контуры неровных скалистых горных хребтов четко выделялись на фоне неба. Маленькая деревня Мульбе приютилась у подножия скалы, на которой находился небольшой ламаистский монастырь Мульбе.

Мульбе и ее древние достопримечательности были тщательно изучены доктором Франке, замечательным исследователем истории Западного Тибета. Результаты его изысканий изложены в научной статье «Наскальные изображения в Мульбе».

Мульбе славится старинным замком дардов, двумя монастырями и несколькими значительными надписями, найденными на скале, на которой стоит один из монастырей.

Однако главной достопримечательностью Мульбе является выбитая на камне колоссальная фигура Майтрейи. Впервые изображение было обнаружено и описано Муркрофтом в 1820 г. Оно представляет собой стоящего бодхисаттву, высотой не менее двадцати футов. Бодхисаттва облачен в одежду индийского аскета со священным брахманским шнуром, который отличает изображения бодхисаттвы от женских божеств в подобных облачениях. Трудно сказать что-либо определенное относительно датировки этой статуи, но ее чисто индийское происхождение очевидно, и как памятник искусства она занимает выдающееся место среди каменных скульптур Ладака. Местное предание относит ее к эпохе великого лотзавы, или переводчика, Рин-чен-бцанг-по (Ратнабхадра 964-1054). Я полагаю, что эта версия близка к истине, и это каменное изображение бодхисаттвы принадлежит к X-XI векам. Нижняя часть изображения скрыта за небольшим храмом, или лха-кхангом, построенным Вазиром Сод-намом, местным землевладельцем. Пожилой священник служит в часовне и возлагает цветочные гирлянды и топленое масло буйволицы к изображению, перед которым на низком алтарном столике горит жертвенная лампада. Стены часовни украшены фресками, представляющими «восемь великих сыновей Ньева», о которых говорят, что они высекли изображение. Хранитель принадлежит к старинному роду астрологов, и его обязанностью является быть продолжателем семейной традиции.

Снаружи изображение скрыто деревьями и часовней, но при входе в помещение неожиданно перед глазами возникает колоссальная статуя. Она производит мощное незабываемое впечатление на каждого, кто посещает это место.

Из часовни мы направились в дом местного землевладельца, который воздвиг часовню Майтрейе. Он расположен несколько выше дороги и представляет собой обычный тибетский дом с конюшнями и комнатами для слуг на первом этаже и жилыми покоями на верхнем этаже. Мы застали вдову в личной часовне, молящейся за упокой души ее умершего мужа.
Зажиточные тибетцы очень часто тратят значительные суммы денег на поминовение души умерших родственников. Огромные пожертвования преподносятся монастырям, в которых молятся за спасение и скорейшее воплощение умершего. Вдова последнего землевладельца Мульбе наняла ламу, который проводил дни в чтении молитв, при этом ритмично ударяя в барабан.

В часовне имелось несколько глиняных и бронзовых изображений Сакьямуни, Учителя Падмасамбхавы, Тары, Спасителей, а кроме того несколько фотографий настоятеля, или шку-шок, монастыря Хемис, Таши ламы из Цанга и Далай ламы Лхасы.

Служанки мололи на крыше ячмень и сбивали масло.

Из дома землевладельца мы поднялись по крутой скале к монастырю, расположенному на вершине. Это был небольшой храм обычной тибетской архитектуры, расположенный

внутри ограждения. В лха-кханге служил пожилой священник. Внутри храма находился алтарь с позолоченным глиняным изображением Падмасамбхавы. Маленькая библиотека, состоящая из шестнадцати томов Праджнапарамиты, или Бум, располагалась вдоль стен храма. Этот монастырь принадлежал секте Дуг-па, нереформированной школы Ньинг-ма-па тибетского буддизма.

Возвращаясь из монастыря, мы исследовали надписи, высеченные на скале. Среди них был эдикт, обнародованный королем Бум-лде, и свадебное поздравление королю Джамьянгу (Джамдбьянгс) и его супруге.

Мы выехали рано утром следующего дня, для того, чтобы добраться до следующего пункта Бод-Кхарбу.

Дорога проходила через перевал Намике на высоте 13000 футов. Подъем очень пологий, и после перехода через перевал дорога ведет в долину Кхарбу, представляющую интерес многочисленными разрушенными замками, которые венчают голые вершины гор. Это место было ареной боевых действий в период правления короля Дел-дена (бДе-лдан рнам-ргьял, 1620-1640 гг.).

Долина орошается небольшой речкой Танджичу и покрыта зеленью ячменных полей, тщательно обнесенных каменными заграждениями. Мы разбили лагерь на постоялом дворе Бод-Кхарбу, небольшой ладакской деревушки, расположенной на высоте примерно 11000 футов. На противоположной стороне реки на высокой крутой скале находится сильно разрушенная крепость сТаг-рце. Немного ниже долины, к северу, находится старая крепость Чигтан. Деревня Чигтан тоже имеет небольшой монастырь, который можно отнести к XI веку.

Старый город Кхарбу, разрушенный, вероятно, во время войны, начатой королем Дел-деном против султана Кхри из Карце (около 1620-1630 гг.), расположен на песчаном плато выше деревни Бод-Кхарбу. Над руинами города возвышается тоже разрушенная старая крепость Кхарбу.

За деревней в узком ущелье находится небольшой буддийский храм, или лха-кханг. Там мы встретили пожилого ламу, ведущего богослужение перед несколькими глиняными изображениями. Одно из них, в центре алтаря, представляло Спьян-расгзигс Тхугс-рдже-чен-по, Авалокитешвару, бога милосердия. В храме не было собственной библиотеки, за исключением нескольких молитвенников.

Следующий переход привел нас в Ламаюру, знаменитый монастырь на маршруте Кашмир-Ладак. Уникальный по красоте вид открывается перед путешественником с вершины перевала Пхо-тхо-ла, на высоте 14000 футов над уровнем моря, – обширный амфитеатр зубчатых гор, остроконечных скал и отдаленных снежных пиков.

Через час спуска по пологому склону из-за низкого песчаного отрога появляются первые ступы, стоящие у въезда в узкое ущелье. На входе в долину открывается удивительный пейзаж: высоко на крутых песчаниковых скалах стоит живописный ламаистский монастырь Ламаюру. Чортен и монашеские кельи ютятся в узких расселинах скал. Крутые склоны скал испещрены многочисленными пещерами, используемыми в качестве хранилищ, а иногда и в качестве жилищ местными жителями деревни. Известно, что такие пещерные поселения существуют по всему Тибету и особенно часто встречаются в западных районах страны. Современная деревня Ламаюру расположена у подножия скал, несколько выше постоялого двора.

Мы провели еще один день в Ламаюру и посетили монастырь. В настоящее время он принадлежит ламаистской секте Бри-кхунг-па. Согласно местному монастырскому преданию, он был основан знаменитым махасидхой Наропой, который жил в девятом веке и с именем которого связано много событий в религиозной истории Ладака. Говорят, что свое название монастырь позаимствовал от гьюнг-друнг, или свастики, синонима Бон, т.е. примитивной религии поклонения силам природы Тибета. Доктор Франке связывает с названием монастыря следующую легенду:

> «Когда сюда прибыл Наропа... место, где теперь находится долина, было занято озером, которое он осушил. Монастырь получил свое название от плантации священного зерна, которая таинственным образом приняла форму свастики (гЮнг-друнг)». Интересно, что вокруг Ламаюрских гор видны следы озерных отложений, и странно, что Дру в своей книге даже не упоминает об этом. Ладакцы, должно быть, обладают настоящим геологическим чутьем, если

придумывают такие легенды. У них есть легенды о существовании в прошлом озер около Леха и Трилоканатха в Лахуле. Конечно же, название гьюнг-друнг было дано не Наропой, и его следует отнести ко времени задолго до приезда учителя в страну, так как это было самое древнее место появления религии Бон, которое называлось Гьюнг-друнг Бон».

Мы посетили ду-кханг, или зал собраний, в котором молились около двадцати монахов, монастырскую библиотеку, содержащую Канджур и Танджур нартанского издания, и маленький внутренний двор, в котором исполнялись религиозные танцы.

Воплощенный лама Ламаюру отсутствовал, и нам позволили посетить его покои, которые, как обычно, были чисты.

По словам монастырских лам, самая старая часть храма называлась Сенг-ге сганг, расположенная с южной стороны скалы Ламаюру. Главное изображение представляет Манджушри, или Джам-пе янг. Согласно местному преданию, храм Сенг-ге сганг датируется периодом бКа-гдамов, т.е. XI веком. Доктор А.Х.Франке, посетивший этот храм, считает, что предание полностью согласуется с действительным временем появления храма.

Мы также посетили разрушенное святилище Бон, описанное доктором Франке. К сожалению, фрески, когда-то украшавшие стены помещения, находились в очень плачевном состоянии, и с трудом можно было узнать изображенные образы.

23 августа мы свернули лагерь и продолжили дальнейшее путешествие, надеясь достичь деревушки Нурла за один день.

Дорога довольно плоха. В некоторых местах приходится пересекать сглаженные лавиной склоны, с которых непрерывным потоком сползает песок и гравий. Несколько раз нам пришлось пробираться через огромные скопления разрушенных горных пород – следов недавно пронесшейся лавины. После трехчасового перехода мы достигли открытой долины Инда и, перейдя большую реку по подвесному мосту, оказались в крупной деревне Кхалаце.

Кхалаце, старый дардский центр, знаменит памятниками древности, и доктор А.Х. Франке описал большинство из них в нескольких статьях и книгах. Когда-то это была дардская колония, и здесь до сих пор сохранились развалины крепости дардов. Король Ладака Лха-чен Наг-лунг (1150-1175 гг.) построил знаменитую крепость Браг-наг, развалины которой все еще возвышаются над деревней. Доктор Франке обнаружил ряд надписей на древних языках кхарошти, брахми и гупта, которые доставляют много трудностей его последователям.

Современная деревня Кхалаце живописно расположена среди абрикосовых рощ. После короткой стоянки в деревне мы продолжили путь в сторону Нурлы (сНьур-ла). Путь пролегал по ровной каменистой почве. Стояла сильная полуденная жара. Мы прибыли в Нурлу днем и сняли комнаты для ночлега на небольшом постоялом дворе.

Дорога из Нурлы в Засполу проходила по голой местности, почти полностью лишенной растительности. Саспола – огромная деревня с многочисленными рощами. За Индом на расстоянии двух миль находится интересный монастырь Алчи, один из старейших монастырей Ладака. Он относится к периоду Рин-чен-бзанг-по (XI в.) и в нем сохранилось много древней индийской резьбы по дереву, которая напоминает изящную резьбу средневекового Кашмира. В деревне Саспола есть две разрушенных ступы, приписанные Рин-чен-бзанг-по. На разрушенном фундаменте большей из них воздвигнут небольшой монастырь, называемый Чам-па гом-па (Бьямс-па дГон-па). В нем хранится большое позолоченное изображение из глины бодхисаттвы Майтрейи и несколько других крупных изображений стоящих бодхисаттв. Согласно местному преданию, стоящая статуя Майтрейи была воздвигнута самим Рин-чен-бзанг-по. Но более вероятно, что настоящая статуя относится к сравнительно недавнему периоду и просто заменила старую, которую можно отнести ко времени великого переводчика.

Следующий переход из Засполы в сНье-мо был интересен несколькими старыми монастырями. Выходя из Засполы, дорога пересекает широкое песчаное плато. Недалеко от маршрута находится большой монастырь Клу-дкьил, в народе называемый Ликир. Его основал король Лха-чен ргьял-по (1050-1080 гг.). Дорога спускается в более глубокую долину и приводит к романтически расположенной деревушке Базго, знаменитой одним из старейших монастырей Ладака и древним дворцом его королей.

В старом храме, основанном королем Тхсе-дбанг рнам-ргьялом, имеется огромная статуя Майтрейи, Авалокитешвары и фрески. Древний дворец ладакских королей имеет

небольшой монастырь Селджанг. В нем находится большая статуя бодхисаттвы Майтрейи, воздвигнутая королем Сенг-ге-рнам-ргьялом около 1610 г. Здесь же хранится древняя королевская библиотека Ладака. Насколько я знаю, ее содержимое никогда тщательно не исследовалось, а тома не были систематизированы. Базго была ареной серьезного сражения, когда монгольские войска осадили ладакского короля бДе-легс рнам-ргьяла, правившего между 1640 и 1680 гг.

Базго с полуразрушенными храмами и крепостями, построенными на обрывистых утесах, и причудливыми домами современной деревни, ютящимися между святилищами и песчаниковыми скалами, производит неизгладимое впечатление на путешественника; и я до сих пор лелею в памяти картину этого древнего уголка западного Тибета. Здесь, как уже было сказано, находятся самые старые монастыри Ладака.

Из Базго дорога ведет по ровной каменистой почве к группе крестьянских хозяйств, называемой сНье-мо. Бунгало оказалось занятым группой европейцев, путешествующих из Леха, и мы предпочли разбить лагерь в тенистой роще.

Рядом с сНье-мо находятся развалины старого форта, называемого Чунг-кхар, от которого остались только стены.

26 августа мы выехали рано, чтобы преодолеть последние семнадцать миль до Леха.

Около сНье-мо дорога уходит в сторону от Инда и пересекает широкое к плато, окруженное скалистыми горами. После трехчасового перехода мы (прибыли в деревушку Пхьи-дбанг, где находится знаменитый монастырь, построенный королем бКра-шис рнам-гьялом (1500-1532 гг.). Монастырь принадлежит секте Бри-кхунг-па и имеет прекрасный лха-кханг, или храм.

Около двух часов дня мы достигли большого монастыря желтошапочников Спитуг (дПи-тхуг), построенного королем Бум-лде (XV в.) на крутой скале. Этот монастырь был одним из первых монастырей желтошапочников в Ладаке. Он имеет филиалы: монастырь Зангскар, неподалеку от Леха, и широкоизвестный монастырь Ридзонг (Ри-рдзонг).

Монастырь Спитуг широко известен во всем Тибете, благодаря суровой жизни монахов и учености настоятеля. Он был воздвигнут в честь великого реформатора рДже-рин-по-че Дзон-капа (1357-1419), и в ду-кханге, или зале собраний, находится огромное изображение святого. Мы решили посетить монастырь и для этого поднялись на крутую скалу, где он находился. Без труда получили разрешение и были сердечно приглашены настоятелем и его помощником, или умдзе. Сначала нас провели по дукхану, где около 30 монахов совершали богослужение. Стены были покрыты фресками, но густой сумрак внутри помещения мешал хорошо рассмотреть многие из них. Перед алтарем горели в несколько рядов жертвенные светильники, и их мерцающий свет время от времени освещал ясные лики святых.

В личных покоях воплощенного ламы, или ску-шока, нас угостили чаем и сладостями. Сам лама находился в это время в монастыре Ридзонг, где получал наставления по буддийской метафизике. В его отсутствие монастырем управлял лама Лобзанг, приятный пожилой мужчина со спокойными манерами, который произвел на всех нас очень хорошее впечатление. Он был одним из посвященных лам, впитавших в себя вековую религиозную культуру.

Личные покои ламы были опрятны и хорошо меблированы в тибетском стиле. В них стояли расписные застекленные шкафы, в которых хранились глиняные и бронзовые статуэтки и небольшая библиотечка из религиозных текстов, предназначенных для личного пользования ламы. Его мантия висела на низком троне, стоящем у северной стены комнаты. После приятно проведенного времени в обществе настоятеля и его помощника мы взобрались на крышу монастыря и любовались изумительным видом широко открытой долины Инда, к северу от которой находилась столица Ладака.

Последние пять миль до Леха дорога проходила по каменистой равнине, поросшей кое-где небольшими рощицами. Лех и его базар, обнесенный высокими стенами, городские ворота, возвышающаяся громада дворца и живописная толпа, запрудившая базарную площадь и улицы, производят незабываемое впечатление. Это один из тех городов Нагорной Азии, который сохранил типичные черты караванного центра, куда стекаются многочисленные караваны, везущие товары из Индии, Китая, Тибета и Туркестана.

Чтобы тщательно провести археологические исследования Ладака, следует подольше оставаться в этой стране Все, что мы знали о прошлом страны и ее древних памятниках, почерпнуто из работ доктора А.Х.Франке и его предшественников из моравийской миссии.

Экспедиция находились в столице Ладака с 26 августа по 19 сентября 1925 г., за исключением нескольких дней, потраченных на путешествие в знаменитый монастырь Хемис и на осмотр других достопримечательностей в окрестностях города. Большая часть времени была занята подготовкой к предстоящему трудному переходу через высокие горы в Китайский Туркестан. Нам пришлось распустить всех наших кашмирских слуг, которые были совершенно непригодны для трудного путешествия в горах, и нанять новых, опытных людей. Транспортная проблема тоже доставила много хлопот, так как было необходимо найти надежных караванщиков и хороших животных. Большинство караванов, прибывавших в Лех, имело очень слабых животных, которым требовалось несколько недель для восстановления сил.

После недолгих поисков и длительных переговоров с аксакалом Леха, назначенным британцами, мы подписали договор с Назар-баем, караванщиком из Каргалыка, в распоряжении которого было тридцать шесть хороших вьючных лошадей. Он прибыл в июле, и его табун лошадей пасся в течение двух месяцев на пастбище в окрестностях Леха. Нам требовалось семьдесят шесть вьючных животных для перевозки снаряжения экспедиции, и оставалось найти еще тридцать лошадей в добавление к тем, которые у нас уже имелись.

Каждый день мы совершали обход караван-сараев и постоялых дворов, в которых останавливались яркендские торговцы, интересуясь прибывающими и уходящими караванами. Наконец нам посчастливилось найти тридцать вьючных лошадей, принадлежавших афганскому торговцу Омар-хану, прибывшему из Яркенда. Его лошади недавно вернулись с перевалов и были в плохом состоянии, но владелец обещал хорошо откормить их за оставшиеся три недели и подготовить к отъезду. Нам пришлось согласиться, так как это было единственным решением нашей транспортной проблемы. На таком трудном и безлюдном маршруте, как каракорумский торговый путь, всегда предпочтительнее использовать наемный транспорт и не подвергать риску караван из купленных животных. Трудности горного маршрута, разреженная атмосфера и абсолютная бесплодность, гибель большого количества караванных животных делают путешествие очень дорогостоящим. Цены за одну вьючную лошадь от Леха до Хотана или Яркенда колеблются от шестидесяти до восьмидесяти рупий. Мы установили цену за одну лошадь в размере семидесяти шести рупий с условием, что караван из таких животных будет везти снаряжение экспедиции на протяжении двадцати четырех дней из Леха в Хотан.

Нашими караванщиками были крепкие тюрки из Каргалыка и Хотана, одетые в огромные чапаны, высокие ботинки и чаруки большие овальные меховые шапки, защищавшие их от жестоких ветров и бурь нагорий. Странно было слышать резкую гортанную речь восточных тюрков, так непохожую на мягкий индийский урду и беглую речь лхасских тибетцев. Некоторые караванщики знали немного китайский, и наш переводчик-китаец мог кое-как с ними объясняться.

После решения транспортной проблемы у нас появилось больше времени для осмотра достопримечательностей Леха и его окрестностей.

Современный Лех расположен на перекрестке нескольких важных центральноазиатских караванных путей, поэтому имеет важное историческое значение для приграничного района Индии.

С Лхасой, столицей Тибета, его связывают три длинных трудных маршрута, первый из которых пересекает Тибетское нагорье и ведет к северу от Великих Озер: Нгантзе тшо, Чьяринг тшо (Кьяринг тшо) и Нам тшо, или Тенгри-нор, как обозначено на наших картах, соединяясь с великим монголо-лхасским маршрутом в важном пограничном центре Нагчу дзонг. (По-тибетски «дзонг» означает административный центр района, а не крепость, как ошибочно пишут).

Второй из трех маршрутов пересекает Тибетское нагорье по направлению к священной горе Кайлас и проходит южнее Великих Озер: Дангра юм-тшо, Нган-тзе и Тенгри-нор. Путешественники, следующие этим маршрутом, выходят к Лхасе через высокий перевал Горинг ла горной цепи Ньенчен Тангла.

Третий путь пролегает по течению реки Брахмапутры, через Сага-дзонг, расположенный к северу от нее. Далее он проходит либо по берегу Брахмапутры к Лхарцзе-дзонгу или пересекает реку и проходит через Тенгри по непальской границе. Причем в обоих случаях путь лежит через Лхасу и Шигадзе. Последний маршрут используется большинством ладакских торговцев, путешествующих в Лхасу, и посланниками кашмирского махараджи ко двору

Каракорумский путь, который справедливо называют самым высокогорным торговым путем в мире, соединяет Лех с далеким Китаем и оазисами Китайского Туркестана. Торговцы из Яркенда, Кашгара и Хотана, главных оазисов Юго-Западного и Восточного Туркестана, следуют по нему в Индию. Из Леха центральноазиатские караваны попадают в Кашмир через перевал Зоджи ла или через Зангар, Лахул, долину Кулу и провинции Манди; Хошиарпур и Амритсар – два больших торговых центра Пенджаба В течение последних десяти лет туркестанский торговый путь приобрел особо важное значение, и индийское правительство всячески содействует его развитию на территории Индии. В связи с закрытием русской границы и недавно начавшимися волнениями и гражданской войной в Западном Китае туркестанский торговый путь повернул на юг, к Индии. Он жив благодаря караванам, которые идут навстречу ледяным ветрам и частым снежным лавинам на горных перевалах.

Такое благоприятное положение делает Лех чрезвычайно интересным местом для проведения археологических и этнографических исследований. Два главных городских базара заполнены разноцветной толпой, среди которой выделяются опрятно одетые тюрки из Туркестана. Перед открытыми лавками громоздятся огромные тюки туркестанского войлока, или нимдаха, который привозят из Хотана, Гума и Яркенда. Он диктует высокие цены на индийских рынках. Некоторые сорта войлока украшены декоративным рисунком и по качеству намного превосходят такой же войлок из Монголии и Китая. В походной жизни войлок незаменим, т.к. им выстилают пол палаток, а караванщики используют его в качестве постели. Экспорт такого войлока из Туркестана в Индию за последнее время сильно увеличился, и это благоприятно отразилось на развитии древнейшего промысла.

С севера кочевники привозят мягкую тибетскую шерсть, из которой кашмирские умельцы изготавливают прекрасные пашминские шали.

Караваны из Туркестана прибывают обычно в июле и августе, а отправляются обратно в октябре и даже в ноябре, до того как снег закроет на зиму перевалы. Основные товары, привозимые в Лех и Кашмир, – туркестанский войлок, китайский и хотанский шелк, меха, шерсть, изделия из кожи, такие как туркестанские высокие сапоги и чаруги, так высоко ценимые ладакскими караванщиками. На продажу выставлено много лошадей. Яркендские караванщики обычно пригоняют огромные количества верховых лошадей, которых они гонят ненавьюченными через перевалы, зная, что выносливая и быстроногая туркестанская лошадь всегда найдет покупателя в Кашмире или на равнинах Индии, где не разводят собственных скакунов.

Возвращаясь домой, караваны везут европейские товары: манчестерское сукно, бредфордскую шерсть, английские и немецкие красители, различные предметы галантереи, индийские товары и специи, такие, как шафран, в большом количестве экспортируемый из Кашмира в Туркестан и Тибет.

Вся эта пестрая толпа приезжих движется, кричит, жестикулирует на улицах и базарах Леха. Сидя на веранде почтовой гостиницы, постоянно слышишь приятные позвякивания колокольчиков проходящих мимо караванов и песни ладакских жителей, везущих с полей траву. Время от времени неиссякаемый поток людей и животных неожиданно прерывается табунами лошадей, погоняемых пастухами. В закоулках базара и окрестностях ламаистских монастырей можно увидеть лам, одетых в красное, проделавших путь в сотни миль из центральных районов Тибета, торгуя священными реликвиями и талисманами. Забавно было видеть буддийские талисманы, или сунг ва, у тюркских караванщиков из Каргалыка, искренне верящих в их могущество. Среди уличной толпы выделяются балты в черно-синих тюрбанах, обычно выполняющие работу кули, или носильщиков, переносящих тяжелые грузы. Часто можно встретить странные фигуры жрецов – хранителей древнего ладакского учения, представителей коренной этнической расы, растворившейся в волнах внешней миграции.

Во время стоянки в Лехе мы познакомились с сыном ладакского аксакала из Лхасы, очень проницательным молодым человеком, прибывшим в город на лето. Он привез с собой плитку чая, тибетскую одежду-пуру, ламаистские сапоги, сшитые в Дрепунге, и другие культовые предметы. Ему принадлежало несколько тибетских ксилографии, среди которых особенно привлекало жизнеописание, или нам-тхар, Джецюна Миларепы, великого тибетского отшельника и поэта XI века.

Прогуливаясь по улицам Леха, чувствуешь пульс Великой Азии, скрыто бьющийся за внешним покровом современности.

Коренное население Ладака занимается в основном сельским хозяйством на фермах и в деревнях, разбросанных по долине Инда и широкой песчаной равнине в окрестностях Леха. Заниматься сельским хозяйством в этой гористой местности можно лишь в долинах рек и редко на высотах, превышающих 12000 футов над уровнем моря. Из-за нехватки пахотных земель, представленных главным образом речными наносами и террасами, местное население вынуждено заниматься сельским хозяйством только в нескольких речных долинах.

Лех, название которого иногда произносится как сЛел или сЛес, со времени правления раджи Бум-лде (XV век) стал постоянной резиденцией ладакских раджей.

Достопримечательности Леха состоят из дворцов, ступ, храмов, каменных изображений и древних захоронений. На подступах к Леху уже издали виднеется очертание белой громады дворца, воздвигнутого около 1620 г. раджой Сенг-ге рнам-ргьялом, одним из величайших строителей Ладака. В работе ему помогал лама сТаг-тшанг рас-чен, которого он пригласил к своему двору. Дворец возвышается над городом, а дома, ютящиеся вокруг него, напоминают каменные ступени, ведущие к внушительного вида зданию, или алтарю. Говорят, что лехский дворец строился по образцу знаменитой Поталы в Лхасе, поэтому между этими двумя памятниками древнего Тибета есть некоторое сходство. Благодаря любезности ладакского раджи, нам посчастливилось провести несколько дней в лехском дворце.

К знаменитым «львиным» воротам дворца раджи ведет широкая дорога, с обеих сторон обнесенная низкими стенами из неотесанного камня. Крыша над входом поддерживается расписными деревянными колоннами, а большая каменная лестница ведет в верхние комнаты дворца. Она сильно обветшала, некоторые камни выбиты из ступеней, поэтому подниматься следует осторожно, проверяя ступени на прочность. Наши спутники называли ее «Сассери», сравнивая лестницу с трудной горной дорогой, ведущей на перевал Сассер на каракорумском маршруте. Слева и справа от лестницы в стенах зияли темные провалы – все, что осталось от дверей в кладовые и комнаты прислуги. На верхнем этаже темноту коридора внезапно пронизывает яркий свет, льющийся из бокового квадратного окна без стекла и рамы. Темной ночью, позабыв об осторожности, можно запросто из него выпасть. Пройдя немного вперед, попадаешь в просторный зал с глинобитным полом. Вдоль стен тянется крытая галерея, которую поддерживают резные деревянные колонны с яркой росписью. Стены украшены многочисленными изображениями Зеленой Тары. Несколько каменных ступеней ведут на следующий этаж в жилые покои, комнаты в которых оформлены в обычном тибетском стиле, с квадратными рамами на окнах и резными колоннами, упирающимися в потолок. Массивные двери имеют огромные железные запоры и металлические пластины, служащие украшениями. В одной из комнат дворца лестница выходит на крышу, откуда открывается изумительный вид на город, лежащий внизу, на снежные вершины горной гряды, окаймляющей южную часть долины Инда, и обдуваемый ветрами хребет Кхардонг ла, над которым нависли легкие облака – предвестники непогоды.

На закате песчаная равнина и скалы, расположенные с противоположной стороны, освещаются ярким заревом. Город погружается в густую фиолетовую дымку, а вереница белых ступ сверкает на равнине как ожерелье из драгоценных камней. Для ладакцев это время молитв, и над каждым домом медленно поднимается дымок благовонных воскурений. В этот час покоя и молитв путешественник, прибывший в столицу маленького королевства, начинает ощущать своеобразную красоту этой страны и непреодолимую силу притяжения, которую она оказывает на своих сыновей.

С крыши дворца по другой лестнице можно спуститься в маленькую великолепную королевскую часовню. Священник, совершающий богослужение, охраняет святые

изображения и зажигает у алтаря жертвенные светильники. В центре находится изображение Спасительницы Дуг-кар.

Оно выполнено весьма успешно ладакским художником. Тысячерукая богиня держит многочисленные символы своего могущества. Вдоль стен часовни висят знамена, некоторые из них старые и чрезвычайно интересные по своему стилю. Поскольку Ладак расположен на пересечении нескольких высокогорных азиатских путей, его культура и искусство несут на себе отпечаток космополитизма. Некоторые знамена раскрашены в индо-персидском стиле, а многие детали, по-видимому, заимствованы из монгольской миниатюры. Рисунок других очень напоминает один из известных живописных мотивов Китайского Туркестана. Мы долго рассматривали знамена в мерцающем свете свечей, так как кощунственно было нарушать полумрак часовни ярким светом карманного фонаря.

К сожалению, дворец не был идеальным местом для стоянки экспедиции, обремененной сотнями чемоданов, тюков и вьючных пони. Проведя несколько дней в фантастической атмосфере древней обители ладакских раджей, мы были вынуждены вернуться в нашу штаб-квартиру в почтовом бунгало, где было достаточно места, чтобы разместить грузы и лошадей.

Самый древний дворец Леха расположен в окрестностях города на крутой скале Нам-ргьял рцэ-мо. По преданию, он был воздвигнут раджой бКра-шис рнам-ргьялом (1520 г.). Ныне от этого древнего сооружения остались лишь развалины, а некоторые из его стен пошли на строительство нового монастыря на холме.

У подножия холма расположена маленькая деревушка Чуби, основанная тем же раджой.

Нынешний раджа Ладака живет в своей летней резиденции в Тоге, получает небольшую пенсию и ведет уединенный образ жизни, редко бывает в городе и заезжает в Лех лишь в канун новогодних праздников. В почтенном возрасте он постригся в монахи и в настоящее время занимается религиозной деятельностью. Это святой, благородный человек, владеющий сокровенной мудростью своей страны. Когда он появляется на улицах Леха во время редких визитов, многие люди падают ниц, приветствуя потомка древнего рода Гесера.

Храмы и монастыри Леха с их своеобразной архитектурой придают городу особый колорит. Самый древний храм Леха, расположенный на скале Нам-ргьял рцэ-мо, посвящен Майтрейе. По преданию, его воздвиг раджа Бум-лДе. Здесь же находится знаменитый храм Гон-кханг, посвященный владыкам, или называемый по-другому – Дхармапалас четырех сторон света. Он был воздвигнут раджой бКра-шис рнам-ргьялом, строителем дворца на этом самом холме и деревушки Чу-би. В храме есть фрески, значение которых усиливается тем, что их можно точно датировать. В истории развития тибетской живописи, к сожалению, отсутствует датировка по годам. Можно отметить чужое влияние на тибетское искусство, но соотнести его с определенным историческим периодом невозможно. Вот почему всегда испытываешь радость, обнаружив фрески и картины с точной датировкой. В дальнейшем хотелось бы написать отдельную работу, посвященную настенной живописи монастырей Тибета. Как и все в Ладаке, она имеет глубокие корни в прошлом, ведь художники, которые выполняли их, вдохновлялись не только каноническим искусством Тибета, но и светской живописью соседних стран. Очень сильное впечатление производит фреска, изображающая семейство ладакских раджей. Мужчины одеты по-монгольски, а женщины изображены в национальных ладакских платьях. Это свидетельствует о двойственности, которая все еще характерна для культуры современного Ладака.

Ниже дворца Сенг-ге рнам-ргьяла стоят два храма, один из которых посвящен грядущему Будде Майтрейе, а другой Авалокитешваре – божественному владыке Тибета. В храме (лха-кханге) Майтрейи, кроме огромного изображения грядущего Будды, имеются замечательные и интересные древние фрески. На одной из них представлен Созерцающий, или Дхиани-Будда, облаченный в великолепное одеяние бодхисаттвы. Поблизости виднеются развалины дома бывшего министра (бКаблона) Ладака, где еще можно найти древние глиняные изображения и рукописи.

К северу от Леха расположен небольшой монастырь Зангскар, филиал монастыря Спитуг. Он построен сравнительно недавно, и в нем сохранились довольно хорошо выполненные изображения и фрески. Если пройти через квадратный дворик, вымощенный массивными каменными плитами, то попадешь в центральный храм, расположенный перед

входными воротами, в первом зале которого находится глиняное изображение Авалокитешвары, Бога Милосердия. Стены храма покрыты современными фресками, прекрасно выполненными широко известным ладакским художником. Сейчас он уже старик и живет в монастыре Трикше. Из первого зала попадаешь в маленькую часовню, отведенную для богослужений богине Дуг-кар. Здесь, кроме изображения богини, мы увидели большое изваяние Манджушри, или Джам-пе янга, покровителя знания. Остальные монастырские постройки заняты под кельи и кладовые.

Стоит посетить городскую резиденцию скушока, или настоятеля, широко известного монастыря Хемис, находящуюся в ведении нирва – управляющего. Настоятель бывает здесь крайне редко, и поэтому большую часть года дом пустует. Это типичный тибетский особняк, из верхних комнат которого открывается прекрасный вид на долину Инда и снежные вершины гор. Как и подобает, на первом этаже размещены конюшни, комнаты для слуг и кладовые. На втором находится чистая кухня с огромными блестящими котлами и другой кухонной утварью. Верхний этаж занимают просторные жилые покои с большими квадратными окнами. Лишь в одной комнате окна застеклены, а в остальных рамы без стекла и бумаги были украшены красивой резьбой.

В некоторых частных домах Леха жилые покои расписаны фресками. В одном из них я обнаружил серию картин, повествующих о жизни Джецюна Миларепы, о его столкновении с бонским магом Наропой на священной горе Кайлас и о других эпизодах из жизни святого. В той же комнате мое внимание привлекла любопытная фреска, на которой были изображены китайский император и момент прибытия к его двору ладакских послов, но, к сожалению, она также не была датирована.

Владелец дома называл ее «Китайский император», или рГья-наг-ги конг-ма чен-по. Это была вторая историческая фреска, которую я обнаружил в Ладаке, но, несомненно, существуют и другие. Фресковая живопись до сих пор распространена в Ладаке, и местные художники создают иногда произведения искусства, вполне сопоставимые с работами мастеров центральноазиатской школы, для которой характерна строгость композиции и рисунка.

В деревне Чангпа, в окрестностях Леха, доктор Франке нашел интересные фрески, воскрешающие важные события из жизни Гесера. Настенная живопись, обнаруженная в летней резиденции семьи бКа-блон, или министров, рассказывает о войне Гесера против лДжанг-дмаг, страны, расположенной на востоке Тибета. Фрески, посвященные Гесеру, чрезвычайно редко встречаются в Тибете, и с благодарностью вспоминаешь доктора Франке, снявшего с них копии.

Столица Ладака изобилует ступами, мендонгами и каменными изваяниями. На широкой равнине в окрестностях Леха находится самый длинный в стране мендонг с огромными ступами по краям. Он был построен раджой Дел-дан рнам-ргьялом (1620-1640 гг.). Ладакские ступы отличаются тем, что имеют у основания роспись по штукатурке. Иногда это фигурки крылатых лошадей, львов, павлинов или лебедей. В Лехе и на подступах к нему встречается множество каменных статуй. В деревушке Чангпа имеются два замечательных каменных изваяния, одно из которых принадлежит Будде Сакьямуни, а другое Будущему Будде. Сакьямуни изображен стоящим, руки сложены в жесте наставления (дхарма чакра-мудра). Ему помогают Майтрейя и Падмапани, находящиеся по обеим сторонам главной фигуры Второе изваяние принадлежит Майтрейе, который держит четки и вазу, или бум-па. Следует отметить, что повсюду в Ладаке Майтрейя представлен с четками в правой руке, а не со стеблем цветка лотоса, как это принято изображать на бронзовых фигурках в Центральном Тибете. Очевидно, что четки принадлежат к более древней традиции. По дороге к перевалу Кхардонг находится каменное изображение Майтрейи с теми же атрибутами.

В окрестностях деревушки Дранг-цзе на озере Панконг наше внимание привлекла группа памятников, имеющих форму Мальтийского креста с согдийскими надписями. До сих пор неясно, когда и почему они были установлены в столь отдаленном месте, как Дранг-цзе на Пангконг тшо. Очень вероятно, что здесь существовало поселение несторианских христиан, приплывших в Ладак в VIII-X веках, когда вдоль торговых путей Туркестана и в других регионах Центральной Азии находилось множество несторианских колоний. В настоящее время уже невозможно определить, были ли приезжие несториане купцами или

паломниками. Среди мусульманского населения Ладака и Кашмира существуют легенды христианского толка, по-видимому, относящиеся к несторианской эпохе. В Центральной Азии несториан называли «эркэгун-аргун». Следует отметить, что ладакцы смешанного происхождения (а таких здесь не меньше половины), имеющие тюрков среди своих предков, так же называют себя аргунами. В Монголии несториан называли тарсами и эркэгунами. Этимологию последнего слова установить теперь уже трудно.

Культура ислама представлена в Лехе большой мечетью, расположенной в верхнем углу базара. Вероятно, она была воздвигнута после прихода Наваба Фате-хана в Ладак. Из других памятников старины можно упомянуть так называемые дардские могилы, раскопанные миссионерами в Тэу-гзер-по, местечке, расположенном на две мили выше бунгало британского представителя. В этих подземных помещениях, сложенных из неотесанных камней, были найдены глиняные горшки с линейным орнаментом, мелкие бронзовые предметы, четки и т.д.

В некоторых горшках лежали человеческие кости. Это свидетельствует об обычае расчленять мертвые тела и хоронить кости и плоть в кувшинах. Однако происхождение этих захоронений неясно, а доктор Франке полагает, что они оставлены дардами. Все найденные черепа принадлежали долихоцефалам (длинноголовым), в то время как современные тибетцы Ладака – брахицефалы. Тибетцы – смешанная раса, и во время наших стоянок среди кочевников я собрал ряд фактов, доказывающих, что когда-то в древности здесь существовало население с продолговатой формой черепа. Кочевники приграничных районов Тибета имеют черты долихоцефалов и брахицефалов. По результатам исследований можно сделать вывод, что хорпы из района Тангла в большинстве своем долихоцефалы, панаги, голоки, ньяронгвы и жители северной провинции Кхам имеют аналогичное строение черепа. Чангпы из района озер в большинстве имеют черты брахицефалов, у некоторых прослеживается переходный тип. Аграрное население в долине реки Брахмапутры и Юго-Восточного Тибета так же относятся к брахицефалам. Из вышесказанного становится ясно, что поселения долихоцефалов сохранились вдоль тибетской границы, в то время как центральная часть страны в первые века была покорена расой брахицефалов. Я склоняюсь к тому, что могилы в Тэу-гзер-по оставлены древне-тибетскими племенами долихоцефалов. Интересно отметить, что лехские захоронения в народе называют «могилами кочевников», что полностью соответствует действительности, и не удивительно, что среди кочевого населения встречается долихоцефалический тип с тонкими чертами лица и прямыми волосами. К сожалению, миссионерам пришлось прекратить раскопки, и множество захоронений ждут своего часа. Было бы очень интересно сопоставить ладакские захоронения с аналогичными находками в районе Великих Озер на севере Трансгималаев.

Знаменитый монастырь Хемис часто описывался в книгах об этой стране. Религиозные танцы, проходящие здесь в конце июня, привлекают многих европейцев. Несмотря на относительно небольшой возраст постройки, в монастыре хранится старая бронза, а фрески в храмах современные и имеют лишь иконографическую ценность.

Дорога, пролегающая по долине Инда, необычайно живописна. Яркая зелень полей контрастирует с суровыми очертаниями неприступных гор.

Деревня Шел, расположенная на правом берегу, когда-то была столицей Ладакского княжества и славится древними наскальными надписями и каменными скульптурами. На крутой скале очень романтично расположился монастырь желтошапочников Тик-це (Криг-рце), но, несмотря на это, выглядит запустевшим. Его населяет толпа грязных и невежественных монахов, нагло вымогающих подаяние, отличающихся отсутствием дисциплины, монашеского достоинства и всех тех качеств, которые присущи обитателям монастырей Спитуг и Ридзонг. Их настоятель, разочаровавшись в монашеской жизни, был вынужден покинуть монастырь. Новой инкарнации не произошло, и монастырь был предоставлен сам себе. Здесь нам посчастливилось найти несколько древних бронзовых изделий и старые раскрашенные знамена. Некоторые из дверей монастыря украшены интересной резьбой. Сильное впечатление произвела колоссальная статуя Будды Будущего, освещенная многочисленными жертвенными лампадами. Однако груды мусора в углах храма и толстый слой пыли на предметах культа лишь усиливали ощущение заброшенности. Несомненно, здесь можно было бы найти много интересного, но царящий повсюду беспорядок препятствовал проведению тщательных исследований монастырских построек.

Быстро надвигалась осень. Желтизна садов и частые порывы холодного ветра, дующего с гор, предупреждали нас, что медлить с отъездом нельзя. Несколько дней в город поступали сообщения о начавшихся на горных вершинах снегопадах, и наш караван-баши настаивал на отъезде экспедиции до снежных заносов. Профессор Рерих завершил серию картин о Ладаке и его святилищах, и мы занялись подготовкой к предстоящему трудному путешествию. В караване не хватало людей, и казалось, что будет непросто найти подходящих спутников для долгого путешествия в Хотан. Мы объявили на базарах о найме караванщиков, и ежедневно наше бунгало стали осаждать толпы желающих. Из этого сборища балтов, ладакцев, кашмирцев, аргунов и тюрков г-жа Рерих выбирала по нескольку человек в день, которые оказали нам неоценимые услуги во время путешествия в Китайский Туркестан. Двое из них служили у доктора Свена Гедина, участвовали в его экспедиции 1908 г., а несколько других прошли караванщиками по каракорумскому пути. Все они хорошо знали дорогу и были готовы разделить с нами трудности и опасности предстоящего путешествия. Большинство из них несколько раз побывали в Яркенде и Хотане и бегло общались на языке восточных тюрков. Мы наняли их до Хотана, пообещав оплатить дорогу домой. Кроме денег каждый из наших караванщиков получил теплую шубу, зимнюю шапку и пару мягких высоких сапог (чаруг) с носками из войлока. Пришлось приобрести для них пару палаток для ночлега, но многие на протяжении всего пути предпочитали спать на свежем воздухе или под откидным пологом наших палаток.

В качестве старшего караванщика нас сопровождал сын местного ладакского старшины. Он оказался незаменимым и преданным человеком во время путешествия. Ладакцы – замечательные караванщики, никогда не пасуют перед трудностями и непогодой, неприхотливы и готовы выполнять любую работу. Они могут долго идти пешком по трудной каменистой дороге, на которой караванные животные приобретают увечья, и никогда не клянут судьбу. Впоследствии мы часто вспоминали наших ладакских спутников и их верную службу.

II

ИЗ ЛЕХА В ХОТАН. ВЕЛИКИЙ КАРАКОРУМСКИЙ ПУТЬ

19 сентября 1925 года – памятный день в жизни нашей экспедиции! Прекрасное осеннее утро. С гор дует легкий, необычайно освежающий и бодрящий ветерок. Большая толпа местных жителей собралась проводить нас. Переход через перевал Кардонг – первый горный перевал на туркестанском пути – обычно совершается на яках, которых нанимают у местных крестьян. Вершина перевала покрыта льдом, и практически только вьючные яки могут идти здесь с грузом; лошади же и мулы преодолевают перевал налегке. Мы решили следовать этому обычаю, выработанному многолетним опытом местных жителей. Однако по неизвестной причине лехцы пригнали только двадцать яков из сорока, и нам пришлось прождать все утро и большую часть дня, пока не удалось собрать всех остальных. Как обычно, было много суеты, окриков, и старший караванщик-ладакец свободно орудовал тростью.

Наконец около четырех часов дня длинный караван экспедиции покинул почтовое бунгало и заполонил узкую дорогу, ведущую мимо лехского дворца в горы, через небольшую деревушку дГон-па. За нами по пятам следовала большая толпа местных жителей, желая счастливого пути. Мы миновали ячменные поля и монастырь Зангскар, чьи белые стены возвышаются над равниной к северу от Леха.

Как только проехали последнюю ладакскую деревню и ячменные поля, в нашу колонну вторглась группа ладакских женщин и девушек с чашами ячьего молока, которым они окропили наши лбы и животных, для чего нам пришлось низко склониться в седлах. Так они благословили нас и пожелали благополучно преодолеть все трудности неприветливого Каракорума.

Три часа мы поднимались в горы, и с каждым шагом местность становилась все более пустынной. Зеленые сады и поля Ладака остались позади, перед нами высились скалистые горы с гребнями, покрытыми снегом и льдом. Огромные каменные глыбы свисали со склонов; приходилось пересекать обширные участки, заваленные обломками пород, скатившихся с гор. Караван вьючных лошадей во главе с Назар-баем и Омар-ханом ушел вперед и остановился на северном склоне перевала Кардонг, в маленькой деревушке Кхалсар.

Мы разбили лагерь на каменистом плато, поблизости от какой-то разрушенной лачуги. Вскоре задул пронизывающий северо-западный ветер, и нам пришлось искать убежища в горах. Наши люди, затаившиеся под утесами, в своих серых овчинных шубах напоминали хищников, высматривающих добычу. Караван яков подошел к месту стоянки только к десяти часам вечера; о его приближении предупреждали громкие крики и свист погонщиков. Вскоре появилась движущаяся темная масса, медленно заполнявшая пространство на небольшом открытом плато, где был разбит наш лагерь. Разгрузку животных мы начали в полной темноте, и неопытным караванщикам пришлось немало потрудиться, чтобы поставить палатки. Ночь выдалась очень холодная, ветер дул не переставая и стих лишь перед рассветом.

Утро 20 сентября было великолепным; ничто не напоминало о тяготах предшествующей ночи. Вскоре караван, вытянувшись в длинную цепочку, уже поднимался по горной тропе. Мы ехали верхом на яках, и кавалерийские седла на лохматых черных животных выглядели очень странно. Яки незаменимы во время горных переходов, и многие путешественники с похвалой отзываются о их выносливости. Подъем на Кардонг сравнительно легок для них, но для лошадей все же слишком крут. Чтобы достичь покрытой снегом вершины перевала, нам потребовалось целых три часа Во многих местах мы видели замерзшие капли крови – следы прошедших здесь караванов. У людей и животных на таких высотах часто возникает кровотечение. С вершины перевала горы напоминали волны огромного моря, увенченные сверкающей белой пеной.

Спуск оказался крутым и скользким. Северный склон перевала был покрыт льдом, и нам пришлось спешиться Один из яков пожелал, видимо, прокатиться и с поразительной ловкостью спустился вниз по крутому склону. Мы думали, что он разобьется вместе с грузом

об огромные камни, наполняющие узкое ущелье, но в критический момент животное неожиданно остановилось и самоуверенно присоединилось к каравану

Спускались мы долго. Вдали полоска растительности отмечала зеленую долину Шайок, где находилась деревня Кхалсар – место встречи нашего каравана. Мы не стали пересаживаться на лошадей, а продолжили путешествие на яках. После двухчасового перехода въехали в долину Шайок, покрытую зеленью и со всех сторон окруженную отвесными скалами. Последние пять миль дорога была ровной и безопасной. В пятом часу дня показалась деревня Кхалсар, и вскоре мы встретили наших караван-баши Назар-бая и Омар-хана. Еще через два часа мы расположились в небольшом тенистом саду караван-сарая и наблюдали за прибытием яков с грузами. Отсюда их предстояло нести лошадям в течение двадцати двух дней, взбираясь на жуткие высоты горных перевалов.

21 сентября мы продолжили путь по долине Шайок. Местность была великолепна своими пламенеющими желто-красными скалами из песчаника и гранита, возвышающимися над ярко-зелеными участками дна долины

В трех милях от Кхалсара мы перешли подвесной мост и благополучно добрались до живописной деревушки Тирит. Здесь наш главный проводник Лон-по владел поместьем и большим комфортабельным сельским домом. Он был очень радушен, и, поддавшись на уговоры, мы остались ночевать у него. Верхние комнаты были чистые и светлые. Стены украшала веселая роспись, изображающая восемь счастливых символов тибетского религиозного орнамента. С крыши дома открывалась превосходная панорама окрестностей, и до поздней ночи мы любовались великолепным лунным светом, озаряющим все окружающие горы и мирную долину Шайок. Караванщики, забыв о предстоящих трудностях и лишениях, ожидавших их впереди, пели у костров, и вечерние псалмы буддистов переплетались с протяжными, меланхоличными туркестанскими напевами.

Нам хотелось побыстрее прибыть в Панамик – последнее поселение на Каракорумском пути, поэтому утром 22 сентября мы поднялись задолго до восхода солнца над горами, окутанными ночной пеленой.

Вскоре после Тирита дорога свернула в долину Нубры и повела нас мимо многочисленных ферм, деревушек и монастырей. Дорогу оживляли позвякивания караванных колокольчиков, вереницы лошадей и ослов, устало бредущих в направлении Ладака. Караваны шли в сопровождении пропыленных погонщиков с почерневшими от высокогорных ветров лицами. Позади остались трудности тяжелых переходов, и они спешили в Лех, чтобы насладиться долгожданным отдыхом.

По пути мы посетили интересный монастырь Сандолинг, единственный редко упоминающийся в книгах о Ладаке. Дорога вела через русло высохшего ручья, усыпанное галькой, когда-то принесенной с гор. В монастырском зале собраний хранились большая статуя Майтрейи и большие раскрашенные религиозные знамена, посвященные тому же Бодхисаттве. Монастырь имеет замечательную коллекцию религиозных знамен, подобных тем, что мы видели в Ладаке. Главный лама-настоятель монастыря был в отъезде, и молодые послушники исполняли свои обязанности медленно и лениво.

В Панамик мы пришли вечером и разбили лагерь в роще у небольшого ручья, в котором неожиданно поднялась вода и затопила берега, угрожая лагерю.

В Панамике мы узнали о приезде двух сахибов, которые вскоре пришли повидать нас. Это были сотрудники шведской миссии в Кашгаре. Один из них, господин Германсон, поведал о трудностях пути. Положение в Кашгаре было не совсем спокойным, в городе все еще продолжались волнения после переворота, совершенного генералом Ма, и убийства могущественного таоиня Кашгара, ужасного Ма Фу-сина.

В окрестностях Панамика находятся несколько часовен и небольшой монастырь Красной секты. Нам сообщили, что в верховье долины есть наскальные изображения, но, к сожалению, побывать там не хватило времени.

Следующий этап пути, 23 сентября, привел нас к подножию невысокого перевала Караул-даван, с каменистых склонов которого обрушиваются лавины. В течение дня мы брели по левому берегу реки Нубры и видели удаленные деревушки, разбросанные на правом берегу потока. Интересный уголок Ладака эта долина Нубры.

Мы разбили лагерь на краю плато, усеянного валунами и осколками выветренных горных пород. Рядом с нами расположился следовавший из Ладака в Кокьяр и Яркенд

караван из яков Это самые подходящие животные для путешествия по горным тропам Каракорума, и их единственный недостаток – короткие дневные переходы.

Задолго до рассвета мы услышали в лагере ладакцев громкие возгласы: «Дальше, дальше, дальше! Подъем, подъем, подъем!». И вскоре в темноте вспыхнули костры, высветив лохматые фигуры людей, пивших утренний чай с поджаренной ячменной мукой (цампа). В предрассветных сумерках темная масса каравана яков покинула стоянку и направилась в сторону перевала. Мы ехали следом за ним на лошадях. Подъем к перевалу оказался нетрудным, но обрывистые склоны и множество скелетов людей, сорвавшихся вниз на острые скалы, красноречиво предупреждали об опасности пути. Нашему каравану тоже пришлось заплатить «пошлину»: великолепный бадахшанский жеребец, принадлежавший Омар-хану, испугавшись чего-то, вдруг подпрыгнул и тут же полетел вниз по каменистому склону. Он упал на скалы и был еще жив. Выстрел из винтовки положил конец его мучениям. Спуск с перевала был недолгим и пологим, но продвижение по долине, где протекала небольшая речушка, затруднялось из-за невероятных скоплений валунов. Просто уму непостижимо, как караванам удается преодолевать этот участок пути. Валуны, острые камни и предательские ямы, в которых не на что опереться ногой, таков путь после Караул-давана. В течение трех часов мы пробивались сквозь каменные завалы, спешившись, чтобы помочь лошадям преодолевать опасные места Несколько раз вброд переходили быструю холодную речушку, с трудом загоняя караванных животных в ледяную воду. Одну из овец, шедших вместе с караваном, унесло течением, и ее не удалось спасти. Совершенно вымотанные, мы поставили палатки на ровном клочке земли. Нам хотелось добраться до подножия перевала Сассер в тот же день, но Омар-хан сообщил, что его вьючные лошади выбились из сил и едва ли смогли бы идти дальше.

В нашем лагере было очень неуютно: к ветру добавился мокрый снег; темные силуэты гор по краям долины производили гнетущее впечатление. Китаец-переводчик, покуривая свою трубку, грустно повторял: «Ай-я, айя, ну и дорога, ну и дорога! Нигде в Тибете не видел я таких дорог». Вечером две наши вьючные лошади отравились травой и ночью сдохли. Поклажу пришлось распределить между остальными животными. Мы предупредили караванщиков быть более внимательными и привязывать животных, особенно в местах, где была опасность произрастания ядовитой травы.

25 сентября 1925. Мы совершили короткий переход вверх по долине, к подножию перевала Сассер (17500 футов), снега которого белели на северо-западе. Вскоре после нашего прибытия пошел снег, высоко в горах завыл резкий, пронзительный ветер и с огромной скоростью стал приближаться к узкой долине. Через несколько секунд все вокруг погрузилось в снежную круговерть, и мы сидели спиной к усиливающемуся ветру, заваленные снегом. Пришлось срочно откапываться и ставить палатки, что оказалось делом нелегким на высоте 15400 футов.

Ветер прекратился только к ночи, и стало необычайно тихо. Наши лошади бродили по лагерю в поисках уцелевшей травы, кое-где выглядывающей из-под снега. Утром мы обнаружили себя и палатки глубоко погребенными под снегом, который шел всю ночь, закрывая густой пеленой гребень перевала. Омар-хан, опечаленный потерей своих трех лучших лошадей, смотрел на это с большим опасением. Напротив, его друг Назар-бай не унывал и лишь сожалел, что нам не удалось совершить переход днем раньше, до начала снегопада. На самом деле это предложение принадлежало г-же Рерих, которая за сутки настаивала на скорейшем прибытии экспедиции к подножию перевала Сассер. Лошади у Назар-бая были крепкие и хорошо откормленные, поэтому он мог рискнуть пробиться через снежные заносы. Положение Омар-хана было совершенно иным. Его лошади были сравнительно слабы, а погонщики выказывали непокорность. В караване многое зависит от тех, кто присматривает за животными, распределяет груз и следует за ними в пути. Плохой и беспечный караванщик зачастую может погубить вверенных ему животных и не позаботиться о них на трудных участках пути. Мы убедили Омар-хана тщательно приглядывать за животными и не позволять пастись на ядовитой траве, в изобилии растущей в горах.

Ко всему прочему случилось так, что железные колышки наших палаток вмерзли в землю, и невозможно было их освободить. Но ладакские погонщики спокойно отнеслись к этой проблеме и после двухчасового упорного труда все же вытащили их. Теперь я понимаю

разницу между караванщиками на трассе Каракорума и Тибета. Караванщики Каракорума стремятся как можно быстрее преодолеть лишенные растительности нагорья. Их не остановят ни буря, ни снег, они будут бороться с природой, вдохновляемые огромным желанием достичь цели. Природа караванщиков Тибета намного ленивее. В их обычае идти медленно. Бури и снегопады служат предлогом для дневного отдыха. У них нет впереди никакой цели, они так же меланхоличны, как равнины и холмы их высокогорий.

Около десяти утра наш караван начал подъем на перевал. В течение часа солнце освещало снежные пики, и широкие снежные просторы горных склонов, представляющих собой массу сияющих многоцветных огней. Снег блестел так ярко, что мы с трудом могли смотреть перед собой, и потому всем пришлось надеть солнцезащитные очки. Внезапный порыв холодного ветра резко изменил погоду. Над вершиной перевала появилось маленькое облако. Оно приближалось и росло, и через несколько мгновений наша колонна была охвачена метелью. Но, несмотря на снежное неистовство, мы спешно продолжили путь.

Тропу, идущую по самому краю перевала, преграждал труп недавно павшей лошади, и нам пришлось убрать его, чтобы двигаться дальше. Тушу уже расклевывали огромные черные вороны, обитающие вдоль торговых путей. Когда караван оставляет умирающее животное, эти ужасные хищные птицы начинают кружиться над ним, выклевывают ему глаза и пожирают внутренности.

Вершина перевала Сассер была покрыта огромными ледниками, и, чтобы его преодолеть, потребовалось более двух часов верховой езды по скользкой поверхности. К нашему счастью лед оказался покрыт глубоким снегом, но даже при этом моя лошадь то и дело соскальзывала, норовя свалить меня в расселину.

В арктическом уединении перевала мы прошли мимо тюков с товарами, сваленных в кучу и опечатанных владельцем. Здесь проходил караван, но, потеряв большинство животных, был вынужден оставить часть груза. Такие склады довольно часто встречаются в горах, их никто не трогает, и на обратном пути владелец забирает оставленную ношу.

Все чаще и чаще нам стали попадаться трупы животных. Очевидно, что некоторые из них умерли в страшной агонии. Сухой горный воздух мумифицировал их в странных галопирующих позах, с запрокинутыми назад головами. Возможно, что сами караванщики придавали трупам стоячее положение. Было что-то жутко сверхъестественное в этих застывших на бегу лошадях.

При подходе к гребню перевала у одного из наших людей началась горная болезнь, и он упал с лошади. У него открылось сильное кровотечение, и нам пришлось оказывать помощь. Внезапно солнечный луч пронзил густые облака, окутывающие горные вершины, и покрытые снегом склоны засверкали ослепительным блеском. Люди шли с закрытыми лицами, а у животных слезились глаза от ужасного сияния.

Наконец мы достигли северной оконечности ледника – и начался долгожданный спуск. К северу простиралась страна голых черных скал. Постепенный спуск привел нас к Сассер-сараю, жалкому блочному домику, обнесенному несколькими каменными оградами. Неожиданно мы увидели крупных бактрийских верблюдов, обгрызающих скудный кустарник, растущий почти на голых склонах. Эти трудолюбивые животные принадлежали нашему караван-баши Омар-хану и находились здесь на выпасе до подхода каравана лошадей с грузом, предназначенным для Туркестана. Обычно верблюды идут нагруженными через Каракорум до караван-сарая в Сассере. Здесь их оставляют, т.к. скользкая ледниковая шапка, покрывающая перевал, для них непроходима. Некоторые наши ладакцы никогда прежде не видели верблюдов и потому без конца восклицали: «А – тси тиндре!», – «Вот так животные!» – Обычное тибетское восклицание от удивления. Многие наши верховые лошади, особенно те, что из Зангскара и Ладака, зафыркали и повернули назад.

Мы продолжали спускаться, пока снова не оказались в долине реки Шайок, текущей по покрытой гравием равнине. Внезапно прояснилось, и песчаниковые скалы запылали в лучах заходящего солнца. После арктической суровости заснеженного перевала это было воистину великолепное зрелище!

Мимо нашего лагеря прошла небольшая группа паломников, побывавших в Мекке и возвращающихся в Туркестан. У них было только несколько вьючных лошадей, все мужчины ехали верхом. Позади каравана ехали две женщины с лицами, закрытыми черными покрывалами. Переправившись через реку, они исчезли среди песчаных холмов на

противоположном берегу. Спустя несколько дней мы увидели двух мертвых лошадей – результат поспешной езды каравана.

27 сентября 1925 г. Ночь выдалась холодной, и река покрылась тонкой коркой льда. Обследовав участок реки вдоль берега, мы выбрали место для брода и с громкими криками загнали лошадей в воду. Тонкий лед резал им ноги, и они с огромной неохотой заходили в студеную воду. Она доходила до стремян. Погонщики, шедшие всегда пешком, переправлялись верхом, сидя позади всадников.

Перейдя речку, мы стали подгонять лошадей, чтобы они согрелись после ледяного купания. За каменным дном речной долины лежали скалистые холмы. Тропа повела нас через узкий каньон, скалы которого были сложены из кристаллических пород. На дне его протекал крошечный ручей, терявшийся в россыпях камней, не достигая реки. Узкую тропу, идущую вдоль берега, то там, то здесь преграждали трупы павших лошадей, но хуже всего было то, что туши огромных верблюдов с разбухшими животами полностью загораживали путь. Обычно туркестанские погонщики большими ножами перерезают горло умирающим животным, избавляя их от мучений. Наши караванные лошади фыркали, и нам пришлось освобождать дорогу от замерзших останков.

Выйдя из каньона, мы оказались среди черных волнообразных холмов и болотистых почв. В неглубоких впадинах между холмами стояла вода. Местность постепенно поднималась вверх, и мы вскоре оказались на широкой высокогорной равнине. С противоположной стороны от нее высились покрытые снегом горы. Мы разбили лагерь около небольшого ручья со свежей водой. Подмораживало, вода в лужах и небольших впадинах покрылась тонкой корочкой льда.

28 сентября. Ночь выдалась необычайно холодной, мы замерзали даже в спальных мешках. Раннее утро было неописуемо прекрасным в своей торжественной красоте: на фоне предрассветного неба цвета опала сияли четко очерченные горные вершины. Наш караван, разбитый на несколько колонн, шел по высокогорной равнине. Впереди, как всегда, ехал Назар-бай со своими людьми, а позади медленно двигался Омар-хан. Вскоре широкая равнина осталась позади. Дорога привела нас к ущелью со скалами из красного песчаника, дно которого было усыпано плоской галькой. Когда-то здесь мчался стремительный поток, но потом иссяк, оставив на склонах гор многочисленные следы. В этом ущелье мы впервые увидели легконогих животных – тибетских газелей. Они то выскакивали на дорогу, то исчезали вдали.

Большую часть дня мы ехали по дну каменистой равнины. Со всех сторон поднимались кристаллические скалы. Переход был достаточно длительным – около 10 часов, но по довольно ровной местности. После захода солнца мы разбили лагерь на берегу крошечного ручья, несущего свои серебристые воды в каменную долину. К северу высился перевал Дапсанг, а за ним раскинулась широкая высокогорная равнина. Совершенно обессилев от долгого пути, мы наслаждались отдыхом в палатках. Я уже приготовился забраться в спальный мешок, как вдруг почувствовал запах гниющей плоти. Откуда он мог взяться? Оказалось, что пока я занимался нашими ездовыми лошадьми, раздавая им ночной корм, дежурные по лагерю поставили мою палатку на землю, пропитанную кровью, где находились останки лошадиной туши, растерзанной волками. Пришлось переставлять палатку на другое место. Подобное на Каракорумском маршруте происходило довольно часто, так как караваны всегда останавливаются на одних и тех же местах, отмеченных многочисленными трупами животных.

Рано утром двинулись в путь, торопясь преодолеть перевал Дапсанг и большую часть Дапсангской равнины, лежащей за перевалом. Неподалеку от лагеря мы были неприятно поражены, обнаружив труп большого верблюда прямо посреди чистого горного источника, из которого вечером брали воду.

Равнина Дапсанг расположена на большой высоте и представляет собой широкое холмистое нагорье. На юго-западе и юго-востоке от нее высятся могучие снежные гиганты, среди которых пик Дапсанг достигает высоты 22000 футов. К западу внушительная снежная масса нескольких исполинских вершин приближается к высотам Машербрума и других пиков этой группы. Впереди, за главной цепью Каракорумских гор, скрываются темные скалы. По дороге мы наткнулись на камень с латинской надписью, установленный

итальянской экспедицией под руководством доктора де Филипи в 1914-1915 гг. Рассказывают, что итальянские исследователи зарыли здесь сотни ларцов с сокровищами.

Наш караван-баши Назар-бай надеялся достичь перевала Каракорум в тот же день и поэтому поторапливал караван. Но Омар-хан горько сетовал; и, учитывая бедственное положение его лошадей, нам пришлось провести ночь в двух милях от перевала, лежащего за горным отрогом.

Мы предполагали идти до Яркенда, а затем и до Хотана по кокьярской трассе. Но Назар-бай настаивал на альтернативном маршруте через перевал Санджу и склонил нас на свою сторону. Путь через Санджу был короче дней на шесть и пролегал через меньшее количество ручьев.

30 сентября. С раннего утра бушевала метель, скрывая горные вершины густой белой мглою. Подъем на знаменитый перевал Каракорум (18694 фута) осуществлялся постепенно. Сам перевал на фоне окружающего высокогорья больше походил на невысокий гребень горы.

Было так холодно, что нам пришлось закрыть лица, чтобы защитить их от резкого ветра и ледяной крупы, носящейся в воздухе и обжигающей кожу. Г-жа Рерих всегда находила особое очарование в дикой красоте горного пейзажа. Она прекрасно переносила все трудности путешествия, и наш переводчик-китаец каждый раз удивлялся ее мужеству и терпению.

У самой вершины неожиданно пала одна из наших лошадей. Хорошо накормленные животные часто гибнут на горных тропах, поэтому рекомендуется кормить их за день до подъема на высокий перевал. Этот обычай повсеместно распространен в высокогорной Азии и распространяется также на людей. Уменьшение количества пищи и жидкости облегчает восхождение, делая его менее опасным.

С перевала мы спустились в широкую долину, орошаемую крошечным ручьем. Здесь нам повстречался небольшой караван верблюдов, идущий в сторону перевала. Это были паломники, следующие в далекую Мекку. Впереди скакал всадник в тяжелом овчинном тулупе. Приветствуя нас, он низко склонился в седле. На одном из верблюдов ехал седобородый старик, на других караванных животных сидели несколько женщин, с любопытством поглядывая на нас из-под тяжелых покрывал.

Мы доехали до местечка Балти-брангса, где обычно останавливаются караваны. Потому здесь много трупов и костей животных. Привал был коротким, и вскоре мы снова выступили в путь, чтобы достичь Баксум-булака. Балти-брангса находилась у подножия невысокого горного гребня к югу от глубокой впадины в центре возвышенности. На дне впадины было небольшое озеро.

Сильный северо-западный ветер нагонял тучи, а земля была покрыта снегом глубиной в несколько дюймов, выпавшим прошлой ночью. К вечеру мы прибыли в Баксум-булак и разбили лагерь на каменистой равнине. Окружающие горы были покрыты снегом, а непроницаемый туман мешал определить характер окрестности. Вечером к нам присоединился торговый караван, державший путь в Кокьяр и Каргалык. Он состоял из прекрасных вьючных животных, и поэтому продвигался очень быстро. Погонщики замечательно и с большой ответственностью выполняли свои каждодневные обязанности.

Далее маршрут пролегал через ряд возвышенностей, местами покрытых снегом. На одной из них в морозном воздухе мы неожиданно почувствовали тонкий аромат индийских специй и шафрана. Проехав немного вперед, мы повстречали небольшой караван навьюченных ослов. Они везли индийские пряности, от которых и распространялся сильный аромат. Через восемь часов пути мы достигли места пересечения путей на Кокьяр и Санджу на широкой каменистой равнине, окаймленной с севера могучей горной грядой со снежными вершинами. За ней находились летние пастбища горной Киргизии. Торговый караван, стоявший рядом с нами в Баксум-булаке, направился на северо-запад и вскоре растворился в дрожащем воздухе азиатского высокогорья. Сильный северо-западный ветер мешал ставить палатки, и пришлось дожидаться захода солнца, чтобы он немного поутих.

2 октября. Назар-баю очень хотелось в тот же день одолеть перевал Сугет (17 000 футов) и как можно скорее дойти до китайских пограничных постов Сугет Караула. В шесть часов утра мы быстро свернули лагерь и направились к горам через равнину. Несколько часов шли вдоль небольшого ручья, текущего с перевала и исчезающего на каменистой

равнине, к юго-западу от горного массива. Подъем к перевалу осуществлялся постепенно. На южном склоне снега не было. Ландшафт состоял из горных хребтов, вдоль которых вилась тропа. Широкая и плоская вершина перевала была покрыта бесчисленными валунами. К востоку и западу поднимались огромные снежные вершины высотой около 20 тысяч футов. Почти у самой вершины перевал приветствовал нас снежным бураном с сильным ветром. Окрестные горы исчезли за толстой белесой пеленой, и с трудом можно было разглядеть людей, идущих впереди. Дойдя до северного склона, мы увидели, что он завален снегом глубиной в несколько футов. Торговый караван, состоящий из мулов, остановился у самого края; погонщики в нерешительности размышляли, что можно предпринять. О возвращении к южному склону не могло быть и речи, нужно было пробиваться через снег. Коротко посовещавшись, мы решили разгрузить мулов и отправить их вниз, чтобы они протоптали тропу для каравана Отважные животные прекрасно справились с возложенной на них задачей: погрузившись по брюхо в снег, они спустились с крутого склона до узкого ущелья у подножия перевала. За ними следовали мы и наш нагруженный караван. Повсюду слышались крики: «Хош! Хош! Кабхардах! Кабхардах!» Лошади спотыкались, люди ползли по снегу, держась за их хвосты. Иногда из-за движущейся колонны большие комья снега скатывались вниз. Когда мы спустились к подножию перевала и посмотрели вверх, то увидели на склоне горы темную вереницу ползущих людей и вьючных животных. К счастью, никто из нашего каравана не пострадал во время этого опасного спуска. Занятые преодолением трудностей пути, мы не имели достаточно времени, чтобы насладиться суровой панорамой гор, представшей перед нами. Темные, почти что черные зубчатые вершины, окаймленные сверкающим снегом, резко выделялись на фоне мрачного серого неба. В ущелье у подножия перевала бушевал ветер, перемещая снег на горных склонах с места на место и создавая из него фантастические узоры. «Божья милость помогла нашему спуску!» – восклицали погонщики-мусульмане, когда мы достигли каменистого дна ущелья.

Вскоре ущелье из выветренных скал окутала полная темнота. Назар-бай выехал вперед на поиски подходящей площадки для ночлега, и его широкоплечая фигура, как будто сросшаяся с вороным конем, растворилась во мраке. Мы ехали до позднего вечера. Утомленные тяжелым переходом, мужчины недовольно бормотали, а животные совершенно обессилели. Мои часы показывали девять, потом десять часов вечера, а Назар-бай все не возвращался. Недовольство среди погонщиков нарастало. Может быть, старый Назар-бай был не в своем уме, заставив людей и животных идти более двенадцати часов? Темнота делала дальнейшее путешествие невозможным. Пришлось мне с одним из караванщиков отправиться на поиски пути. Мы шли пешком, ведя за собой лошадей, и вдруг почувствовали, что находимся в воде. Оказывается, мы двигались вдоль берега крошечной горной речушки, которая внезапно превратилась в стремительный поток и преградила дорогу. Ничего не оставалось делать, как сесть на лошадей и переправиться на противоположный берег. Впереди из темноты раздался крик Назар-бая, нашедшего подходящее место для лагеря. Усталый караван направился к стоянке. Измученные люди спорили между собой, причем ладакцы обвиняли тюрков в темных намерениях. В этот день мы пробыли в седле четырнадцать часов.

3 октября. Вышли в путь немного позднее обычного: нужно было собрать лошадей, которые разбрелись в поисках корма.

Из ущелья дорога привела караван к широкой равнине, на севере которой возвышалась горная гряда, покрытая снегом, – западная ветвь Куньлуня. На северо-западе зияло широкое ущелье, ведущее в горы к перевалу Санджу.

После долгого перерыва приятно было видеть зеленеющий по берегам реки кустарник, а множество уток и бекасов, гнездящихся неподалеку, напоминали о животном мире, позабытом за 16 дней странствий по пустынной местности. Немногочисленное население этого района составляют киргизы-скотоводы, практикующие земледелие только у подножия снежного отрога, к северу от долины. Единственно возделываемой культурой является ячмень, вызревающий крайне редко и потому идущий на корм скоту. После двухчасовой езды мы оказались у китайского форта – квадратного двора, окруженного несколькими кирпичными домиками. В воротах появилась какая-то фигура и тут же исчезла. Очевидно, мы были замечены, и наш переводчик-китаец поспешил вперед, чтобы возвестить о прибытии каравана.

Офицер, командующий фортом, устроил нам сердечный прием. В его подчинении были переводчик и двадцать солдат из местных киргизов. В момент нашего прибытия гарнизон находился в горах, и в крепости мы встретили лишь тюрка-переводчика, его жену и китайского офицера-пограничника. Кроме экспедиции во дворе форта расположился еще один яркендский караван. Когда со всеми формальностями и проверкой паспортов было покончено, офицер отправил гонца в Санджу и далее в Гуму с сообщением о нашем прибытии и с распоряжением к местному населению по всему пути следования оказывать нам всяческое содействие. Мы решили пробыть в форте день, а назавтра продолжить путешествие. Поздно вечером большие лагерные костры осветили стены крепости и дородные фигуры людей, сидящих на корточках вокруг огня и рассказывающих друг другу последние новости из Яркенда, Леха и Кашмира. Здесь была самая настоящая караванная Азия, где даже прозаические вести превращаются в героические легенды и разносятся караванщиками вдоль великих торговых путей.

4 октября. Всегда трудно прерывать отдых людей. Вышли мы только в полдень, поскольку переход до форта Шахидулла довольно короткий. Караван сопровождали двое конных солдат-киргизов, имевших приказ следить за нашим благоустройством во время путешествия. Оба скакали на лошадях без седел и предавались всевозможным ездовым трюкам.

Миновав широкую равнину, по дороге, ведущей к ущелью, мы подошли к Каракашдарье, «Черной нефритовой реке», одной из трех рек, питающих богатые хотанские оазисы. После двухчасового перехода караванщики разбили лагерь. Здесь были великолепные пастбища, и наши лошади получили долгожданный и заслуженный отдых.

Позади лагеря мы обнаружили развалины китайского пограничного поста, а на крутой скале – могилу (мазар) мусульманского святого. Множество таких мазаров сооружено в местах, официально занимаемых в прошлом буддийскими ступами.

5 октября. Мы продолжили спуск по каракашской долине. Дорога была трудной, каменистой и местами очень узкой с нависшими над ней песчаниковыми утесами. Кое-где тропа была размыта вешними водами и четырнадцать раз пересекала речку за время нашего дневного путешествия. Мы прошли мимо первого постоялого двора – грязной хижины со стожками сена на крыше, принадлежавшего киргизской семье. У обочины дороги стояли женщины в высоких белых головных уборах и длинных чапанах (халатах). Неподалеку от этого места вьючные пони Назар-бая вдруг чего-то испугались и бросились бежать, сбрасывая груз. Двое из них споткнулись о камни и сломали передние ноги. Это происшествие надолго задержало нас, и лишь только к вечеру мы прибыли на следующий постоялый двор и разбили лагерь у его стен. Очень грустно было смотреть на двух лошадок, хромавших позади каравана. Мы уговорили Назар-бая оставить их у местных киргизов, слывущих искусными лекарями переломов у лошадей.

Местность становилась все более и более обжитой. Кроме паломников мусульман, спешивших попасть на юг до начала снежных заносов на перевалах, тут и там виднелись небольшие группы киргизских мужчин и женщин. Ячменные поля располагались террасами по обоим берегам реки, и наши голодные животные получили свою дневную порцию корма. К вечеру из-за горного хребта в направлении севера выползли тяжелые пыльные тучи и обрушились на равнину. Мы приближались к огромной пустыне Центральной Азии, и каждый порыв ветра приносил пыль с ее песчаных просторов.

6 октября. Продолжали идти по долине реки Каракаш. Местность вновь становилась все более пустынной; по обеим сторонам речного ущелья теснились суровые песчаниковые скалы. Мы миновали большое киргизс кое кладбище, состоящее из величественных мазаров, архитектура которых отвечала подлинному иранскому стилю, и из обычных каменных гробниц с высокими шестами, увенчанными черными лошадиными и ячьими хвостами, непременным атрибутом мусульманских захоронений в Китайском Туркестане.

Проехав семь миль, мы увидели на горном склоне множество выдолбленных пещер. Говорят, что местные киргизы используют их зимой в качестве жилищ и кладовых. Эти сооружения поразительно напоминают буддийские пещерные монастыри Китайского Туркестана.

Трудная каменистая дорога привела нас к перевалу Санджу. Речное ущелье значительно сузилось; некоторое время тропа бежала вдоль реки, а затем свернула в сторону,

где находилась долина, покрытая гигантскими валунами и обломками горных пород. Это и было подножие перевала Санджу. Здесь мы поставили палатки для ночлега, но из-за неровностей почвы спали плохо. Ко всему прочему вечером пошел густой мокрый снег, а яки пришли только ночью и в непроглядной тьме едва не разнесли наш лагерь. Киргизы-погонщики не знали точно месторасположения стоянки и гнали животных прямо на палатки. Нам пришлось защищать свои жилища, а перепуганные яки, пронесясь через лагерь, умчались в горы, откуда их потом с трудом удалось вернуть.

7 октября. Развьюченных лошадей угнали еще до рассвета для того, чтобы они прошли перевал раньше яков. За ними последовали и мы верхом на мохнатых рогачах. Подъем оказался очень крутым, а в некоторых местах тропа была покрыта тонкой коркой льда и петляла из стороны в сторону. Зимой, должно быть, переход через перевал очень опасен из-за снежных лавин и камнепадов. Восхождение заняло около трех часов. Тропа шла среди острых скалистых уступов, а на самой вершине зияла широкая и глубокая расщелина, через которую животным пришлось прыгать. Здесь один из наших спутников свалился с яка и повредил ногу.

Пологий спуск с перевала привел караван в широкую долину, окруженную травянистыми холмами. Это было типичное высокогорное пастбище кочевников; повсюду виднелись киргизские кишлаки. Теперь мы ехали в сопровождении местного киргизского старейшины – бравого сорокалетнего мужчины в большой меховой шапке и с мушкетом. Продолжив путешествие вдоль берега горной речушки, мы вскоре въехали в киргизский стан. Юрты кочевников, сделанные из белого и светло-серого войлока, выглядели очень приветливо; большая толпа людей встречала нас. Мы разбили лагерь невдалеке от аила и обошли юрты кочевников. Хозяева были необычайно гостеприимны и угощали нас сочными дынями, вкус которых мы позабыли за время нашего путешествия. Женщины и дети были опрятно одеты; ковры и вышивка искусно украшали интерьеры войлочных юрт. В некоторых из них стояли огромные, богато украшенные сундуки из Андижана. Нас поразила зажиточность здешних кочевников, которой они превосходили своих собратьев с монгольского Алтая и горной Джунгарии.

Долина казалась живой из-за пасущегося скота и скачущих всадников, возвещающих о приезде чужаков. Киргизские женщины окружили госпожу Рерих, дивясь ее костюму. Это была дружелюбная толпа, в которой высокие белые головные уборы то и дело вздрагивали от изумления нашим походным снаряжением. Местные киргизы разводят главным образом яков и овец. Лошадей здесь сравнительно мало, а верблюды встречаются еще реже. Те же, что паслись на горных склонах, принадлежали богатым яркендским и хотанским торговцам.

8 октября. Дорога вела вниз по течению горной речки Санджу-су и пересекала ее несколько раз. Пройти по тропе можно только зимой или поздней осенью. Летом же, когда река переполняется водой, караванщики пользуются другим маршрутом, проходящим через гребень горной гряды к западу от речной долины и невысокий перевал. Идти долиной было намного легче, и после пологого спуска дорога привела нас в оазис Санджу.

Нам повстречались несколько верблюжьих караванов, медленно преодолевающих подъем, – один из этапов на их долгом и трудном пути к центру горной страны. После шестичасового перехода мы разбили лагерь недалеко от одинокой киргизской юрты. Хозяин принес молоко и изюм и старался оказать нам посильную помощь. Поблизости зеленели заросли ивы; у подножия холмов пасся большой табун лошадей. На севере пыльный туман скрывал равнины Туркестана – «страну шести городов», или Алтин-шар.

Местные киргизы подчинялись начальнику Гумского округа, а в Санджу-базаре, самом населенном пункте оазиса Санджу, находился таможенный чиновник, следивший за торговыми караванами на санджуском пути. Они были единственными китайскими чиновниками в данном округе, и все важные дела обычно отсылались к начальнику Гумы, подчиняющемуся губернатору (таоиню) Хотана, должность которого была введена совсем недавно

Два сопровождавших нас киргиза оказались людьми весьма порядочными и постарались обеспечить нас топливом, а караван кормом. Мы интересовались у местных жителей, есть ли в окрестностях гор какие-либо разрушенные памятники старины (конешахры): пещеры или древние захоронения – мазары. Все мы слышали о разрушенных городах пустыни Такламакан и о богатых находках сэра Аурела Стейна поблизости от

Хотана и на востоке оазиса. Однако ничего не было известно о находках в горах севернее перевала Санджу. Единственной старинной находкой были китайские медные монеты, ввозимые из центральной части страны.

9 октября экспедиция подошла к первой деревушке оазиса Санджу, за которым лежали пустыни Туркестана. Ущелье, по которому текла река, расширилось; высокие скалистые горы перешли в низкие волнообразные холмы, уходившие далеко на север, где над горизонтом никогда не рассеивается пыльная мгла. Мы смотрели на юг, в сторону зубчатых вершин, и прощались с царством гор. Они вздымались, сверкая снегами, а темные скалы были окутаны все той же пыльной пеленой

С приближением к оазису становилось все жарче и жарче, и наши крепкие ладакцы спустили до пояса свои тяжелые овчинные тулупы Словно почувствовав впереди себя оазис, люди и животные ускорили шаг, двигаясь по покрытой лессом дороге. Неожиданно вдали показались непонятные темные пятна, мерцавшие в зыбком воздухе пустыни. Были ли это деревья или кусты? Ладакцы, шедшие впереди, закричали: «Джа-па, джа-па! – Тополя, тополя!» Это были действительно тополя, целая роща у обочины дороги.

Перед рощей мы увидели огромный валун с любопытными рисунками, привлекшими наше внимание. На камне были высечены изображения козлов, лучников и хороводов танцующих людей. Подобные наскальные рисунки встречаются в Кхалаце и в других местах Западного Тибета. Доктор Франке отмечал их ритуальное значение в древнем тибетском обычае поклонения силам природы. Трудно точно датировать эти рисунки, потому что их высекают на камнях и по сей день. Вероятно, они довольно широко распространены по всему Западному Тибету и прилегающим к нему районам и сделаны либо в древности, либо сравнительно недавно. Поверхность валуна была выветренной, и казалось, что изображения очень старые. Наши ладакцы ничего не знали об этом камне, хотя многие из них бывали здесь и раньше. По-видимому, они просто его не замечали. Они говорили нам, что подобные камни с изображениями встречаются в Тибете повсеместно. Интересно отметить, что горные козлы почитались древними монголами и играли важную роль в культе огня. Такие камни, разбросанные по всей Центральной Азии, скорее всего являются памятниками старины и связаны с древними формами шаманизма, повсеместно распространенного в высокогорных районах Азии.

Мы уже готовились к привалу, как вдруг увидели нескольких всадников, скачущих в нашем направлении. Это были санджуские аксакалы с даргой (или йя-йех) Гумского магистрата. Они спешились и, тряхнув бородами по туркестанскому обычаю, поздравили нас с благополучным прибытием, а затем предложили проехать в рощу, где уже было приготовлено угощение – дастархан. На красивом цветном войлоке – нимдахе было выставлено все, чем богат край. Издалека дастархан напоминал натюрморт, написанный французским импрессионистом. Здесь покоились горы дынь и абрикосов, сочные груши соседствовали с красными и голубыми яйцами, жареными цыплятами и бараниной. Были также предложены туркестанские хлеб и чай. Нам предстояло отведать всего этого, и степенные хозяева в темно-синих и зеленых чапанах выстроились перед нами в почетный полукруг. Дарга вручил нам большую красную визитную карточку гумского амбаня. Начальник приказал ему сопровождать экспедицию до Хотана и следить за тем, чтобы на южном караванном пути местные власти встречали нас подобающе. Этот дарга – тюрк, служил в местном гарнизоне и носил старомодную форму китайских императорских войск – широкую черную блузу с огромными красными иероглифами: на груди – «Синьцзян сен», или «Новое владение», а на спине – «Гума»

После часовой остановки мы продолжили путь по пологому склону долины. Повсюду виднелись тополиные рощи и абрикосовые сады; на возделанных полях зеленели пшеница и ячмень; земля орошалась многочисленными каналами; местность напоминала цветущий сельскохозяйственный оазис В густой роще, где рядом с тополями и ивами росли фруктовые деревья, показалась уютная деревушка. Здесь нас ожидала толпа мужчин и женщин в ярких одеждах. Для экспедиции был отведен большой тенистый сад (баг). Мы поставили под деревьями палатки и впервые за многие недели с удовольствием прошлись по мягкой траве. В саду собрались любопытствующие деревенские жители, но вели они себя сдержанно, никто не осмеливался заглянуть внутрь палаток. Мы подарили старейшине часы, и старик, просияв от радости, тут же отблагодарил нас сочными дынями, персиками и грушами.

10 октября. На следующее утро караван двигался по густо населенной местности. Река, прорезав несколько широких и глубоких русел в мягком лессе, разветвлялась. Повсюду зеленели ухоженные поля и сады. Низкие холмистые отроги, возвышающиеся над рекой, тянулись до огромной пустыни, к северу от оазиса.

Проезжая через тенистые деревушки, мы обратили внимание на относительную зажиточность местного населения. Тут не было ни китайских чиновников, ни китайских торговцев. В одном из таких гостеприимных селений нас снова ожидал дастархан, устроенный бывшим андижанским аксакалом, потерявшим свой пост в связи с политическими событиями на родине. Отдыхая в прохладе его сада, мы наслаждались превосходными персиками. Хозяин, высокий, опрятный, со спокойными приятными манерами, рассказывал нам об экспедиции Рузвельта, проследовавшей этой же дорогой в Яркенд и Кашгар. Проведя не без удовольствия несколько часов в деревне, мы двинулись дальше. Кавалькада беков и аксакалов довольно долго сопровождала нас. У наших лошадей, вкусивших вчера свежей люцерны и зерна, поднялось настроение, и они бодро вздымали клубы пыли, в которой можно было задохнуться. Через несколько часов мы въехали на большой базар деревушки Санджу, с несколькими китайскими лавками, в которых томились бледные сыновья великой дальневосточной страны. Стояла ужасная жара. Базарная площадь была завешана циновками, которые препятствовали проникновению солнечных лучей и затеняли улицы.

В самом центре селения, на квадратной площадке, нас снова ждало угощение. Мы предпочли бы сад на окраине деревни, но не смогли отказаться. Громкое позвякивание колокольчика возвестило о прибытии китайского таможенного чиновника – бледнолицего молодого человека в голубом шелковом халате и черной тюбетейке. Он спрыгнул с гарцующего коня цвета стали, уселся перед нашими палатками и что-то долго говорил, покуривая сигарету. Наш китайский переводчик, верный древним обычаям Китая, решил, что он плохо воспитан, и шепнул мне: «Обратите внимание на его манеры». Китаец расспрашивал нас о путешествии и советовал идти сначала в Кашгар. По его словам, таотай имел большой опыт общения с европейцами, а Хотан – замечательное место, но новый правитель Ма – тяжелый человек, и его лучше избегать.

Мы оценили совет этого дружелюбного молодого человека только после конфликта с жестоким губернатором Хотана Ма Шао-ву. Китайский чиновник пригласил нас отобедать в его ямене и уехал. Профессор Рерих и г-жа Рерих предпочли остаться в лагере, поэтому на званый обед пришлось отправиться мне вместе с переводчиком г-ном Цаем. Хотя до яменя было каких-нибудь пятьсот ярдов, тем не менее Цай настоял, чтобы мы ехали верхом. Что поделаешь, таков этикет! Во время обеда я расспрашивал чиновника, есть ли в окрестностях Санджу развалины города. Он сказал, что все древности вывезены европейскими исследователями, и на рынке уже много лет ничего не появлялось. Глиняные изображения можно найти лишь в Зангуйе, но ничего по-настоящему интересного нет. Профессия такламанчи, или людей, занимающихся поисками сокровищ в песках пустыни Такламакан, очень редкая – мало кто отваживается вести раскопки в песчаных дюнах. Китаец рассказал нам об исследованиях в Кашгаре доктора Ле Кока, о том, как его помощник спустился на канате в пещерный храм Учмургана. Рассказы о европейцах-исследователях – обычная тема разговора за обедом. Однако было уже поздно, и, поблагодарив чиновника за гостеприимство, мы поспешили в лагерь, чтобы успеть приготовиться к завтрашнему отъезду.

11 октября. Оставив позади Санджу-базар, мы вышли на обширное плато, и перед нами открылись просторы южной границы Такламакана – безбрежной и выжженной солнцем пустыни. На северо-восток вела хорошо протоптанная караванами тропа. Равнина казалась совершенно безжизненной, как вдруг вдали появился одинокий всадник. Он спешился, стреножил лошадь и положил на раскаленный песок белый войлок, а сверху – несколько дынь. Всадник оказался бедным путешественником, который счел своим долгом поприветствовать гостей из других стран. Мы слезли с лошадей и с удовольствием отведали его дынь, приятно освежавших в палящий полдень. В свою очередь мы преподнесли ему охотничий нож.

Весь день мы шли по песчаной и каменистой равнине. Легкие туманные силуэты гор на юге возвещали о великой горной стране Куньлуня. На закате подошли к пыльной и грязной

деревушке Зангуйе и сразу заметили разницу между жизнью в оазисе и пустыне. Позади остались опрятные деревушки верхнего Санджу с их нарядными и зажиточными селянами. Здесь же, в Зангуйе, все было пропитано пылью, а жители напоминали нищих. Нам предложили дастархан, и мы поставили палатки в пыльном фруктовом саду. Лошади Омар-хана находились в таком плохом состоянии, что для доставки грузов в Хотан надо было нанимать верблюдов.

12 октября. Утро выдалось очень жарким, а впереди – долгий и утомительный переход в Пиалму. Наши предшественники немало писали о трудностях путешествия в древнее царство нефрита. К экспедиции присоединился китайский капитан, ехавший в отпуск в далекий Ланьчжоу в Кансу. Его сопровождал денщик, присматривавший за огромными седельными вьюками – настоящим бедствием караванов, так как они причиняют увечья лошадям и якам. Капитан рассказывал нам о библиотеке Тунь-хуана, о сказочных дворцах около Аксу, о генерале Аненкове и его казаках, и о тибетских племенах возле Синин-фу. Устав от разговора, мы замолкли, а наш неутомимый попутчик начал петь китайские баллады, но как?! Резкие странные звуки, дикие восклицания заставили зафыркать даже лошадей, а моя серая настойчиво пыталась отойти от завывающего всадника. Ранее мне приходилось слышать китайские песни, и я даже научился оценивать некоторые древние религиозные напевы, но завывания капитана были какой-то безжалостной пародией на них. Даже Цай качал головой и выглядел подавленным. Позднее он признался, что поющий капитан вызывал у него отвращение.

Мы ехали на протяжении десяти часов, солнце буквально испепелило пустынную дорогу. Поздно вечером караван достиг деревни Пиалма, где и расположился в отведенном для него саду.

Ранним утром 13 октября мы отправились из Пиалмы в Зава Курган. Дорога была очень тяжелая и проходила через пояса песчаных дюн. Первые два часа мы шли по широкой каменистой равнине; в чистом предрассветном воздухе ясно просматривались снежные вершины Куньлуня. Вскоре и на другой стороне дороги появились дюны и осложнили путь людям и животным.

Нам повстречалось несколько семей китайских солдат, направлявшихся в Яркенд. Мужчины шли пешком с огромными тюками за спиной, женщины и дети ехали на маленьких осликах.

Перед Зава Курганом мы увидели зеленые островки пастбищ и участков возделанной земли. А среди барханов над нами неожиданно появилась стая голубей, летящих на восток. Двухмильный переход привел нас к мазару, к месту поклонения на хотанской дороге, известному как Каптар-мазар, или «Голубиный храм». В деревянных домиках во дворе гнездятся тысячи голубей. По преданию, все они произошли от пары птиц, чудесным образом появившихся из сердца имама Шахид Падшаха, погибшего здесь во время битвы. Говорят, что эти голуби сопровождают заблудившихся в пустыне путешественников. За голубями присматривал старик, у которого мы купили несколько фунтов зерна для птиц. Этот благочестивый акт совершается всеми путниками на хотанском пути.

Зава Курган – самое западное поселение в хотанском оазисе. Мы расположились в небольшом саду около постоялого двора, и здесь у нас случилось несчастье – мы потеряли преданного пса Амдонга. Пес не вынес жары пустыни, один из ладакцев принес его в лагерь бездыханным.

14 октября. Дорога из Завы в Хотан проходит по возделанной земле. Повсюду – деревни, фермы и мазары. Мы миновали несколько базаров с китайскими воротами, на которых красовались надписи, восхваляющие деятельность прежних властей Хотана. К городу вела тополиная аллея. При въезде в ворота китайского город, или Хань-чена, нас окружила крикливая толпа китайских солдат и торговцев, бегущих за нашими лошадьми. Повсюду можно было видеть солдат с красными и желтыми погонами, особенно много околачивалось их на базарах. Говорили, что Ма таджэнь – большой поклонник военного искусства.

Нас встретил мелкий чиновник из губернаторского яменя и провел экспедицию в сад с китайскими павильонами, когда-то принадлежавший разбогатевшему за счет «трудов праведных» члену городского магистрата. Сад был маленький и пыльный, к тому же находился в самом центре скверно пахнущего китайского города. Мы выразили желание

расположиться где-нибудь в другом месте, и нас тут же перевели в ухоженный сад Бадрудцин-хана – афганского аксакала индийских торговцев и старого друга и помощника сэра Аурела Стейна. Пожилой аксакал предложил нам чай, и мы приятно провели время в кругу его многочисленного семейства, слушая рассказы о древностях Хотана и о новых раскопках в его окрестностях. В доме Бадруддин-хана имелась небольшая коллекция антиквариата, и он пообещал нам при случае показать ее.

Экспедиция расположилась в саду, но плотная толпа, состоящая из трехсот китайцев и тюрков, мешала ставить палатки Всем хотелось посмотреть на нашего огромного пса Тумбала. Чтобы пес остался живым во время перехода по знойной пустыне, мы посадили его в повозку и привязали на цепь. Четверо ладакцев доставили Тумбала в город Появление черного пса привело хотанский базар в смятение: женщины начали кричать, магазины позакрывались, все были уверены, что иностранцы привезли с собой большого черного медведя. Губернатор Хотана даже прислал к нам своего личного секретаря с визитной карточкой, чтобы навести справки. Огромная толпа наседала на нас со всех сторон, поэтому наши вьючные лошади и погонщики никак не могли пробиться за ограждение. Успокоив секретаря, я отправил гонца к коменданту хотанского гарнизона с просьбой прислать двух или трех солдат, чтобы освободить сад от толпы. Вскоре появились солдаты, вооруженные винтовками системы Маузера старого образца, но все их старания оказались тщетными. Толпа увеличилась вдвое; потребовалось подкрепление, которое с трудом проникло в сад через узкие ворота. Нашему молодому ладакскому караван-баши вдруг пришла в голову великолепная мысль, и он громко крикнул: «Собака сорвалась с цепи!» Эти слова произвели магическое действие. Люди в панике бросились врассыпную, и через несколько мгновений исчезли все, даже личный секретарь хотанского губернатора, хотя нам хотелось, чтобы он остался. Мы пытались удержать солдат, но и они улетучились вместе с толпой, бросив винтовки у ворот сада.

Чтобы предотвратить повторное вторжение, пришлось поставить у ворот двух ладакцев. Наша первая ночь в Хотане была не из приятных. Липкий воздух и запахи, наполнявшие город, доставляли много неудобств.

III

ХОТАН

Трудно было поверить, что мы находимся в Хотане – древнем царстве нефрита и одном из самых цветущих оазисов китайской провинции Синьцзян. Современный город с крытыми базарами и пыльными улочками скрывал облик древнего Хотана, бывшего когда-то очагом буддийского учения и крупнейшим средоточием торговли Центральной Азии.

В древних китайских анналах город известен под именем Юйтьена; местное название его Кустана, или в китайской транскрипции – Чьиу-са-тан-на (а в другой транскрипции – Чьиу-тан).

Аурел Стейн во время своих археологических экспедиций в Хотан и его окрестности обнаружил массу табличек с надписями на кхарошти – индийской письменности, распространенной в Северо-Западной Индии в начале нашей эры. Эти документы помогают лучше понять прошлое великого торгового центра на южном караванном пути, связывающие Хотан с далеким Тунь-хуаном и Внутренним Китаем.

В домусульманский период истории Центральной Азии Хотан был населен иранцами, говорившими на диалекте, условно названном восточноиранским.

В древнем Хотане и других оазисах на торговом пути находились большие колонии индийских купцов, ведших значительную торговлю с Северо-Западной Индией. Возможно, именно эти колонии и ввели алфавит кхарошти. В то время население Хотана исповедовало махаянистскую форму буддизма. Китайские паломники, пренебрегавшие опасностями скитаний по центральноазиатским пустыням ради приобщения к индийской мудрости, оставили потомкам подробные сведения о процветании буддизма в Хотанском царстве и о поразительном религиозном рвении его монархов.

Мусульманские источники мало сообщают о средневековом Хотане. По-видимому, Хотан оставался буддийским даже после мусульманского завоевания около 1000 года. Мусульманский автор Гардизи сообщает, что население Хотана исповедовало буддизм, но он упоминает также о кладбище мусульман на севере Хотана и о двух христианских церквах в самом городе (однако до сих пор в Хотане не найдено ни манихейских, ни христианских реликвий).

Ибн аль-Атхир говорит о Кадыр-хане Юсуфе, умершем в 1032 году как о мусульманском завоевателе Хотана.

В период с X по XII столетие в Хотане властвовали Илек-ханы и Кара-китаи. В XIII веке древнее царство присягнуло на верность Китаю и продолжало полу-самостоятельное существование под властью Китая до XVIII столетия, когда оно стало частью государства ходжей (святых). После ходжей пришли джунгарские монголы, удерживавшие Хотан до 1758 года, когда ойротская держава распалась под решительными ударами войск китайского императора. С этого времени Хотан находился под китайским контролем, за исключением короткого периода, начавшегося с 1863-1864 гг., когда оазис был завоеван Якуб-беком. После его насильственной смерти в 1877 году Хотан снова оказался во власти Китая и находится под его владычеством по настоящее время. Таковы важнейшие исторические вехи в жизни знаменитого оазиса.

На расстоянии пяти милей к западу от современного города лежат развалины домусульманского города. Сэр Аурел Стейн собрал там интересную коллекцию древних вещиц и монет. Непреодолимое препятствие для систематических археологических раскопок в том, что древний город частично покрыт современными постройками и мусульманскими кладбищами, тревожить которые нельзя.

Случающиеся временами оползни открывают взору терракотовые фигурки и массу древних монет, обычно попадающих в руки местных искателей сокровищ. За последние годы археологические находки были весьма незначительны. Местные жители легко научились подделывать терракотовые изображения ступ и даже животных, и на хотанском рынке можно увидеть немало таких подделок. Сейчас профессия искателя сокровищ почти исчезла, и только отдельные лица отваживаются посещать пустынные районы. Некоторые местные знаменитости, знающие толк в подлинных антикварных вещах, собирают обширные

коллекции с одной целью – продать их богатым иностранцам. Говорят, одну из таких коллекций приобрело Индийское археологическое общество. В таких случаях цена обычно очень высока и считается, что коллекция гарантирована Индийским Археологическим Департаментом. Во время нашего пребывания в Хотане ветеран индийских аксакалов, Бадруддин-хан, бывший помощник сэра Аурела Стейна, показал нам большую коллекцию древностей, собранную им и его помощниками в Йоткане, Раваке, Ние, мазаре имама Джафара Садыка и далеком Миране. Все эти места были исследованы сэром Аурелом Стейном. Коллекция Бадруддин-хана состояла из хорошо сохранившихся гипсовых головок Будды, кувшинов с ручками, украшенных головами людей и животных, фрагментов фресок, предметов из глины, таких, как молитвенные ступы, жертвенные светильники, фигурки животных и т.п. Здесь же было несколько деревянных табличек с надписями на кхарошти, порванные фрагменты текста на восточноиранском языке, обрывки такста с тибетскими письменами, найденные в Миране, в основном содержащие приказы об отпусках солдат тибетского гарнизона. (Любопытная деталь – многократно употребляется слово «дпа-о», означающее «солдат»; в современном языке его значение сузилось до значения «герой»).

У Бадруддин-хана была также солидная рукопись в переплете, испещренная центральноазиатскими наклонными письменами, которую привезли из местности, расположенной между Аксу и Куча.

Все это представляло, конечно, большой научный интерес, но цена, запрошенная за собрание древностей, оказалась чрезмерной и уговоры снизить ее ни к чему не привели. Стесненность в серебряных и бумажных деньгах, затруднения в получении переводов и периодически возникавшие трения с местными властями заставили нас отказаться от приобретения этого материала. Впоследствии я узнал, что коллекцию купили какие-то путешественники, побывавшие в Хотане уже после нашего отъезда.

В современном оазисе Хотан живет около 150000 человек, в том числе и большая колония китайских чиновников с семьями, торговцы и солдаты. Город состоит из двух частей: Конешара, или Древнего города, где живут мусульмане, и Янгишара, или Нового города, называемого также Ханьчьен. Последний является китайским городом и обнесен стеной, возведенной в 1883 году. На протяжении всей своей истории Хотан был важным торговым центром на древнем шелковом пути, а искусство хотанских ремесленников славится и поныне. Хотанские шелка, ковры, войлок, шерсть, меха и нефрит пользуются огромным спросом и высоко котируются в Центральной Азии, Индии и далеком Китае. До революции 1917 года значительная торговля этими товарами велась также и с Россией через пограничный пост Иркештам.

Производство хотанского шелка определяет состояние экономики страны; хотанские шелковые изделия продаются на всех рынках Китайского Туркестана. Несколько лет назад они в значительных количествах поставлялись в Русский Туркестан. Помимо шелковых изделий Хотан производит также хлопчатобумажные ткани, экспортируемые в больших количествах. На хотанских шелковых и хлопчатобумажных фабриках заняты в основном женщины и дети. Мы слышали о нескольких крупных купцах, на фабриках которых работали около двухсот девочек. Умеренная форма рабства до сих пор остается отличительной чертой местной жизни. Родителям ничего не остается делать, как продавать своих дочерей и сыновей в зажиточные семьи, где о них позаботятся. Многие становятся рабами из-за долгов. Обычно за четырнадцатилетнюю девочку дают от пятнадцати до тридцати мексиканских долларов. А четырехлетнего ребенка часто продают за два доллара. Мусульманские купцы регулярно приезжают в провинцию Кансу, где покупают пятилетних детей и вывозят их в Туркестан для продажи в семьи. Пересекая провинцию Кансу, мы встретили группу мальчиков и девочек младше пяти лет, которых продали богатому мусульманскому купцу.

Кроме шелка и хлопчатобумажных тканей Хотан производит много ковров. Однако древнее искусство ткачества ковров давно забыто, и современные фабрики специализируются на имитациях под китайские и древнеперсидские ковры. Хотанские ковры встречаются в Центральной Азии повсюду. Киргизские и торгутские племена из Джунгарии и Карашара наносят ежегодные визиты в Хотан и увозят значительную часть производимых там ковров, которые используются для убранства юрт и монастырей.

В последние годы пользуются спросом хотанский войлок, который выделывается на протяжении всего южного торгового пути между Яркендом и Хотаном. Однако несомненно то, что центром их изготовления является Хотан. Эти войлоки очень пестро раскрашены и имеют броский рисунок. Основная торговля ими ведется с Индией, где спрос на них непрерывно растет как для индийской торговли, так и для иностранной. В Китайском Туркестане также ценятся хотанские овчины, из которых обычно шьют тулупы и зимние шапки. Шкуры эти прекрасно выдублены и не уступают меховой продукции Кашгара, Аксу и Куча.

Нынешнее производство нефрита весьма незначительно. Торговля была подорвана во времена правления Ма Фу-сина, титая Кашгара, который приказал вывезти опытных мастеров для работы по нефриту из Хотана в Кашгар.

Важную роль в Хотанском оазисе играет сельское хозяйство. Поля хорошо орошаются, а лессовые наносы оказывают большую поддержку земледелию.

Здесь широко возделываются такие сельскохозяйственные культуры, как пшеница, кукуруза, ячмень и рис Кроме того, оазис славится плодовыми садами, где в изобилии вызревают яблоки, груши, абрикосы, персики, виноград.

Для путника, привыкшего к богатству красок горных ландшафтов, современный Хотан кажется непривлекательным. Часами вы едете по пыльным улицам, обрамленным тополями. С обеих сторон тянутся полуразвалившиеся глиняные строения – усадьбы типа ферм, мазары или захоронения, придорожные мечети, нескончаемые кирпичные стены, огораживающие участки невозделанной земли. Крытые городские базары распространяют дурной запах, и только исключительно сухой климат предотвращает возникновение эпидемий. Базарные ряды узки и всегда запружены лотками с фруктами. Тут же, в толпе, бродят разносчики. Большинство лавок открыты, и товары выложены на прилавках. Многочисленными лавками управляют женщины, торгуя от имени своих мужей.

В часы базарного столпотворения почти невозможно пробраться по улицам, запруженным людьми. Караваны лошадей, мулов, ослов и верблюдов могут подолгу загораживать дорогу, а когда два каравана столкнутся в каком-нибудь узком месте, то поднимается невообразимый гвалт. Местная манера проходить через толпу – пробивать себе дорогу, и этот метод широко используется китайскими солдатами. Временами слышишь крики и видишь людей, разбегающихся в разные стороны и переворачивающих прилавки. А еще через мгновение в толпу врезается повозка, путь для которой прокладывают несколько конных солдат длинными кнутами. Удивительно, что никто не возражает против подобного обращения, принимая его как одну из прерогатив власти.

Вечером базары красочно освещаются масляными светильниками и бумажными китайскими фонарями, создавая очень живописную картину. Что касается общественной жизни Хотана, то достаточно сказать, что со времен Марко Поло она почти не претерпела изменений. Сведения, оставленные великим венецианцем, и по сей день верно отражают образ жизни и обычаи хотанцев

Наше пребывание в Хотане началось по-деловому: надо было нанести визит губернатору (таотаю), сходить в амбань, или магистрат, и сходить к тунг-лингу – офицеру, командовавшему хотанским гарнизоном. Мы начали визиты рано утром первого дня пребывания в Хотане. Сначала отправились в ямень таотая. Профессор Рерих и я ехали верхом в сопровождении нашего китайского переводчика, а несколько беков, или старшин, с китайскими солдатами прокладывали впереди путь по узким улицам мусульманской части города. При нашем появлении сразу же образовалась толпа, которая следовала за нами до ворот резиденции губернатора. По обеим сторонам массивных входных ворот выстроился отряд пехотинцев. Солдаты в темно-серых мундирах с красными погонами отдали честь. Затем они, опережая нас, бросились к следующим воротам и снова отдали честь. Эта церемония была проделана около каждых из трех ворот яменя. Таотай приветствовал нас во дворе своей резиденции

Ма Шао-ву, завоеватель Кашгара и убийца титая, был невысокого роста, с орлиными чертами лица и вежливыми, спокойными манерами. После обычных церемониальных вопросов о здоровье и дороге он предложил нам пройти в просторную комнату для приема. Мы сели вокруг столика, на котором был сервирован чай, тогда как подчиненные оставались стоять все время.

Комната была обставлена странным и нелепым образом в полукитайском, полуевропейском стиле. В углу стояла обычная китайская кровать. В комнате было много оружия, присутствие которого свидетельствовало о воинственных наклонностях губернатора. На стенах висели немецкие маузеры в деревянных кобурах и казацкие сабли. В одном из углов комнаты было выставлено множество наручных часов. Это была уникальная коллекция, собранная губернатором у русских беженцев в то время, когда он командовал гарнизоном в Учтурфане, городе на русско-туркестанской границе.

За спиной каждого из нас стоял телохранитель губернатора, вооруженный саблей, двумя маузерами и опоясанный тяжелым патронташем. В дверях теснилась любопытная толпа тюркских аксакалов и помощников таотая. Губернатор произнес краткое приветствие. Он сказал, что рад оказать честь таким видным иностранцам, как мы. Он выразил надежду, что наше пребывание в Хотане будет длительным, где мы отдохнем после всех трудностей тяжелого пути через Каракорум. Он обещал всемерно содействовать экспедиции, и, по его словам, сам проявлял большой интерес к прошлому Хотана. Он слышал о замечательной работе, проделанной в этом районе Аурелом Стейном, отсюда его желание – всячески помогать иностранным ученым в их исследованиях. Во время этого краткого обращения, пересыпанного изысканными выражениями, я имел возможность рассмотреть губернатора и припомнить недавние события в его беспокойной жизни.

Ма Шао-ву принадлежал к известной семье китайских мусульман. Его отец когда-то был заместителем правителя провинции Юньнань и погиб во время восстания против китайского владычества. Настоящий губернатор Хотана провел молодость в далекой Юньнани, потом был изгнан в знойные пустыни Западного Кансу и Синьцзяна. Из этой семьи вышли несколько выдающихся личностей, занимавших высокие должности в провинциальной администрации.

Одним из них был Ма Фу-син – покойный кашгарский титай, а «сильный человек» Синина – генерал Ма, принадлежал к этому же роду. На протяжении многих лет нынешний губернатор Хотана командовал гарнизоном в Учтурфане. Во время этого периода глубоко укоренившаяся вражда вспыхнула между ним и его старшим родственником – титаем Кашгара.

Ма титай являлся характерной фигурой китайской администрации нового доминиона. Это был деспот, не знавший пощады ни к китайцам, ни к местным тюркам. Он выстроил себе огромный дворец в китайском городе, или кашгарском Ханьчьене, и владел несколькими летними резиденциями в окрестностях Кашгара. Он построил мосты и дороги и посадил вдоль них деревья. Местному жителю, который осмеливался задеть дерево своей повозкой, отрубали на обеих руках пальцы. Титай имел собственные предприятия вблизи Хотана, интересовался перегонкой нефти и держал большую фабрику по обработке нефрита, где работали лучшие хотанские мастера. Он безжалостным способом избавлялся от своих соперников в коммерческих делах. Несчастных вызывали во дворец губернатора и там их казнили или увечили, отрубая руки. Сейчас многие из этих жертв умерли, но некоторые все еще просят милостыню на кашгарских базарах, являясь свидетелями грубого деспотизма.

Титай славился своим гаремом, в котором было пятьдесят жен. Любая хорошенькая крестьянская девушка жила под постоянной угрозой быть вырванной из своей семьи и попасть во дворец губернатора. Когда титай уставал от своих жен, он обычно дарил их друзьям и офицерам, отличавшимся у него на службе. Он был известен своими необузданными развлечениями и особенно пристрастием к крепкой китайской водке, которую всегда пил за обедом.

В течение нескольких лет, предшествовавших его падению в 1924 году, он лелеял надежду стать независимым правителем Кашгара, и его отношения с Янь Цен-синем, генерал-губернатором провинции Синьцзян, были очень напряженными.

В 1924 году нависла опасность войны. Прошли слухи, что титай замышляет восстание против генерал-губернатора, и провинциальное правительство решило положить конец его опасной деятельности. В Урумчи была собрана большая сила – около 18000 всадников и пехотинцев, а командование возложили на Эрх таоиня из Аксу, одного из самых способных областных начальников Синьцзяна. Войско двинулось на Кашгар в феврале 1924 года, однако не следует думать, что в сражении принимали участие все 18000 человек. Такое большое число отрядов несомненно числилось только на бумаге, и войско, прибывшее в

Кашгар, состояло только из 500 человек. У властей Синьцзяна есть любопытный способ подсчитывать свои военные силы. Количество солдат определяют не по числу сабель или штыков, а по количеству фуражек. Многие из командиров полков имеют в подчинении солдат только на бумаге. У них нет солдат, но есть для них фуражки. И эти фуражки подсчитываются и фигурируют в официальных отчетах.

Ма Шао-ву, командовавший гарнизоном в Учтурфане, решил обратиться к генерал-губернатору за разрешением принять участие в военной экспедиции. С этой целью он покрыл расстояние от Учтурфана до Урумчи, столицы провинции, в поразительно короткий срок – за семь дней. Просьба его была удовлетворена, и он поспешил назад, чтобы возглавить авангард экспедиционных войск. Окольными путями, через горы, шел отряд Ма Шао-ву и 1 июня 1924 года занял Кашгар. Солдаты титая не были готовы к отражению нападения и оказали незначительное сопротивление. Ханьчьенг был быстро занят, и солдаты Ма Шао-ву обрушились на дворец титая. Сын титая, занимавший пост хсиех-тая, сражался храбро и пал во дворе своей цитадели. Говорят, что пожилой диктатор упорно сопротивлялся, но в конце концов был обезоружен и арестован в одной из комнат. Во время боя он был ранен штыком в правую руку. Пленника вывели через главные ворота крепости и там распяли на деревянном кресте. Ма Шао-ву лично командовал карательным отрядом.

По словам очевидцев, торжествующий Ма Шао-ву приблизился к распятому титаю и закричал: «Ты узнаешь меня, Ма Фу-син?» – «Ма Шао-ву», – простонал раненый титай. После этого весьма краткого диалога Ма Шао-ву выстрелил в титая из револьвера. Хлынувшая из раны кровь забрызгала одежду победителя, что у китайцев считается плохим предзнаменованием. Возбужденные солдаты стали стрелять в титая без приказа своего командира, стоявшего между ними и раненым, и чуть было не убили его самого.

В течение нескольких дней труп наместника был выставлен для глумления. Тысячи людей стекались сюда, чтобы отомстить за себя. Они плевали в лицо мертвеца, рвали его бороду и швыряли в него мусор и камни. После этого тело исчезло, и дальнейшая судьба его неизвестна.

Ма Шао-ву стал хозяином города, и иностранцы говорят, что он с помощью ряда суровых мер восстановил порядок и покончил с разбоем. Очевидно, самым заветным желанием Ма Шао-ву было править в Кашгаре титаем, но генерал-губернатор провинции сознавал опасность возвышения этого офицера и решил сослать его в более отдаленный район. В результате в Хотане создали местное самоуправление, а Ма Шао-ву назначили таоинем района, простирающегося от Каргалыка до далекого Дуньхуана на границе Кансу.

Эрх таоинь со своим 18000 войском никогда не доходил до Кашгара, и говорят, что между ним и Ма Шао-ву была вражда. Во время нашего пребывания в Хотане мы слышали о том, что Ма Шао-ву получил приказ отвести свои войска обратно в Урумчи, но отказался подчиниться и оставил их в Хотане, чем и объяснялось присутствие здесь множества солдат.

Такова история подвига Ма Шао-ву, благодаря которому он приобрел известность во всей обширной провинции. Это была семейная вражда, длившаяся много лет, и последний акт драмы, видимо, еще не сыгран. В течение всего нашего пребывания в Хотане таотай опасался выступления генерала Ма из Синина, жаждавшего отомстить за смерть своего двоюродного брата. Говорили, что в Тунь-хуане накапливаются войска, а генерал Ма ведет переговоры с провинциальным правительством Ланчоу о совместном наступлении на Синьцзян.

Вот все, что мы знали о Ма Шао-ву, когда впервые встретили его в Хотане. Человек незаурядных способностей и личной отваги, но мстительный и интриган, он был изгнан в далекий оазис, отделенный от других населенных пунктов Синьцзяна обширными пространствами пустыни.

Наша первая встреча с ним была вполне дружественной, и у нас были все основания успешного пребывания в Хотане. Мы откланялись губернатору и посетили городской магистрат, где беседовали с типичным китайским чиновником внутреннего Китая, чутко уловившим настроение губернатора и вызвавшимся всемерно содействовать экспедиции. После этого навестили тунг-линга, или коменданта гарнизона в Хотане. Это был молодой человек с приятными манерами, который во время наших последующих затруднений занимал нейтральную позицию. Повсюду нас встречали с церемониями и почетным караулом.

Проведя утро в деловых визитах, мы вернулись в лагерь. Днем к нам приехал Ма таотай в сопровождении чих-шиха, или члена городского магистрата и тунг-линга. Губернатор прибыл в закрытом экипаже зеленого цвета, отделанного изнутри фиолетовым бархатом, и запряженный тройкой лошадей. Экипаж сопровождали на вороных конях сорок кавалеристов из личной охраны губернатора. Говорят, что таотай содержит ее на собственные средства. Все кавалеристы были прекрасно вооружены и являлись верховными командующими китайской армии. Губернатор еще раз заверил нас, что в Хотане мы можем чувствовать себя как дома.

Оставаться в саду Бадруддин-хана с большим караваном было невозможно, и мы решили подыскать для нашей штаб-квартиры более подходящее место. Вскоре начались затруднения, вызванные, вне всяких сомнений, происками властей. Нам посчастливилось найти просторный и красивый летний дом, принадлежавший покойному афганскому аксакалу в Хотане, расположенный в трех милях от города. Мы сразу же решили здесь обосноваться. Здание было построено в персидском стиле и пустовало после смерти владельца, так как вдова жила в городе. Мы сообщили о нашем решении местному переводчику Керим-беку, прикрепленному к экспедиции хотанскими властями. Однако он не одобрил наш выбор и намекнул, что губернатор желает, чтобы мы расположились поближе к его резиденции. Все это было странно, и мы послали нашего китайского секретаря Цая в губернаторский ямень для выяснения вопроса. Он вскоре возвратился, сообщив, что губернатор не имеет ничего против того, что мы остановимся в летнем доме бывшего афганского аксакала и что бек неверно истолковал его распоряжение. Мы пригласили Керим-бека, чтобы обсудить детали предстоящей аренды, но он отказался от посредничества, сославшись на то, что с семьей аксакала очень трудно иметь дело.

После этого разговора прошло несколько дней, заполненных безуспешными попытками найти какое-либо приемлемое решение. Именно в эти дни мы познакомились с местным торговцем Худай Берды-баем, ставшим нашим заботливым другом на все время, пока у нас возникали трудности с местными властями Дело с арендой дома принимало, по-видимому, безнадежный оборот, и мы решили вести переговоры сами с членами семьи афганского аксакала. К великому удивлению, мы обнаружили, что им очень хотелось бы сдать дом в аренду, но кто-то просто пытался отговорить нас обосноваться там. Однако мы так и не смогли установить, кто же был этой тенью, постоянно омрачавшей дни пребывания экспедиции в Хотане. В конце концов мы подписали соглашение, внесли плату за месяц вперед и, к ужасу Керим-бека, обрели пристанище.

Обосновавшись на новом месте, мы стали обдумывать планы научных и художественных работ как в самом Хотане, так и в его окрестностях. Следовало изучить древний район Хотана – Йоткан, где время от времени оползни вскрывали разные предметы и остатки древних строений. Мы также планировали короткую экспедицию в мазар имама Джафара Садыка и в район местонахождения ступы Равак, где перемещающиеся пески открывали интересные предметы.

Нашим ладакцам, этим замечательным горцам, трудно было привыкнуть к новым условиям в Хотане, и мы решили отпустить их домой, предварительно хорошо вознаградив за усердие. Позднее мы узнали, что все они благополучно достигли Леха, но на перевале Санджу их застиг сильный снежный буран.

Кроме занятий археологией профессор Рерих намеревался продолжить работу над своими картинами у подножия гор Карангу Таг и в окрестностях Хотана. Думали мы также и о дальнейшем путешествии в Центральный Китай, и уже сейчас следовало приступить к формированию нового каравана. В разгар организации работы над экспедицией собрались грозовые тучи. Наши многочисленные друзья среди китайцев и местных жителей предупредили нас, что на таотая оказывают давление некоторые его советники, которые, по-видимому, «плетут нити заговора против экспедиции». Повсюду ходили странные слухи, но никто не знал, откуда они распространяются.

Некоторое время все было спокойно. Таотай дал обед, состоявший из 50 блюд, в честь профессора Н.К.Рериха, на котором присутствовали все местные чиновники, а также господин К. Молдавак, армянин, проживавший уже много лет в Хотане, один из самых близких друзей губернатора. Г-жа Рерих не смогла присутствовать на приеме, и весь обед из пятидесяти блюд был отправлен к ней адъютантом губернатора. Визит продолжался с трех

часов дня до позднего вечера. Китайцы занимались своими настольными играми, причем каждый проигравший обязан был выпить стакан крепкой китайской водки. Таотай развлекал гостей рассказами о своих подвигах и показывал фотографии прирученных леопардов, которыми очень гордился.

После обеда некоторые из присутствующих начали петь китайские баллады. К сожалению, певцы были не очень искусны и мы не смогли по-настоящему оценить их пение. Обед закончился поздно вечером. Нас проводили во двор, причем сам губернатор возглавлял процессию, впереди которой шли солдаты с китайскими бумажными фонарями в руках. У внутренних ворот яменя стояли оседланные лошади. Сопровождаемые двадцатью кавалеристами из личной охраны губернатора, каждый из которых держал фонарь, мы быстро ехали по улицам Хотана, заполненным толпами несмотря на поздний час. В какой-то момент вороные кони эскорта испуганно шарахнулись в сторону и перевернули несколько фруктовых стоек. Стоял чудесный прохладный вечер, воздух пустыни, обычно мутный, прояснился, стал прозрачным, и на его фоне к югу от Хотана можно было видеть отчетливые контуры гор Карангу Таг, покрытых снегом.

В последующие дни наши отношения с властями внешне оставались дружественными, несмотря на растущие признаки напряжения в окружении губернатора.

Спустя несколько дней после приема заболел младший сын губернатора, и г-же Рерих пришлось оказать ему помощь. Мальчик вскоре поправился. Спустя некоторое время губернатор намекнул, что доброта ее спасла нас от многих неприятностей в Хотане и на маршруте.

В Хотане с населением в несколько тысяч человек не было ни одного врача. Ближайший европейский доктор жил в Яркенде. Обычно посылали срочное послание, приглашающее доктора Нистрема из шведской миссии в Яркенде. Путь до Хотана у доктора занимал обычно около пяти суток езды в китайской повозке.

Мы обратились в магистрат города за разрешением на зарисовки и фотографирование самого города и его окрестностей. В разрешении было отказано. Нам сказали, что они обратились за инструкциями к генерал-губернатору провинции. Мы решили заявить протест таотаю и напомнить об его обещании содействовать работе экспедиции.

Тем временем из Урумчи и Кашгара прибыл новый судья, и повсюду поползли тревожные слухи. Новый судья очень враждебно относился к иностранцам, хотя и кичился своими современными взглядами.

Спустя несколько дней после его прибытия к нам приехал губернатор со всей своей свитой, чтобы поблагодарить г-жу Рерих за помощь во время болезни сына. Они приехали в сопровождении вооруженной охраны. С самого начала разговора мы почувствовали, что у таотая и нового судьи что-то на уме. Мы пригласили их на чай в мою комнату и закрыли дверь, чтобы никто не мешал.

Ма таотай и судья казались смущенными и неприветливыми. Они очень внимательно осмотрели комнату и обменялись краткими репликами насчет ящиков, сложенных вдоль стены. Внезапно таотай кашлянул три раза, дверь распахнулась, и комнату заполнили солдаты, которые выстроились вдоль стен. Комната приняла вид суда. Мы очень удивились и выразили недоумение по поводу поведения губернатора. Таотай улыбнулся и предложил не обращать на солдат никакого внимания. Я понял, что Ма Шао-ву боялся оставаться с нами один.

Разговор продолжался на общие темы, когда новый судья вдруг заинтересовался нашими паспортами. Мы еще раз предъявили свои пекинские паспорта, пересланные нам в Индию китайцем Вай-Чао-пу через г-на Чэнг Ло, китайского посла в Пекине. Позиция китайцев была необъяснима. Они насмешливо заметили, что наши паспорта недействительны в этой провинции и что пекинское правительство ничего не сообщало о нас в Синьцзян и что г-н Чэнг Ло не имел права давать нам разрешение на въезд. Китайцы приняли угрожающий вид, стали жестикулировать, плевать на пол и ухмыляться. Это была очень неожиданная перемена, но мы решили не уступать и сказали им, что они не имеют права угрожать экспедиции и неуважительно относиться к паспортам. Мы предупредили, что безотлагательно свяжемся с британским консулом в Кашгаре и потребуем у генерал-губернатора Синьцзяна разрешения продолжить свою работу. После бурной дискуссии таотай со своей свитой отправился в Хотан.

Г-н Чанг, новый судья, приехал к нам на следующий день и сообщил, что от генерал-губернатора получена телеграмма, приказывающая нашей экспедиции вернуться в Индию через перевал Санджу. Однако это было невозможно, так как перевал уже давно завалило снегом. Мы сразу поняли, что телеграмма была подделана в ямене губернатора. Во время визита судьи произошел эпизод, развеселивший наших людей. Судья торжественно прибыл в сопровождении большого эскорта охранников, поджидавшего его около дома. Чтобы не пугать китайцев, своего тибетского мастифа [Тумбала мы отвели в сад и привязали его там к дереву. Вдруг тишину взорвал отчаянный вопль, за которым последовало стремительное топанье. Оказывается, разорвав цепь, пес медленно направился ко входу в дом. Полицейские, испугавшись его вида, убежали, а некоторые даже забаррикадировались в ванной. Дверь в нашу комнату была открыта, и мы увидели, как пес поднимается по ступенькам террасы. Судья, потеряв самообладание, вскочил на стул, на котором сидел, и уже приготовился прыгнуть на стол, где был приготовлен чай. Не сразу мы смогли убедить испуганного человека, что в нашем присутствии собака не опасна.

После визита судьи мы отправили письмо майору Гиллану – британскому консулу в Кашгаре – с просьбой о содействии экспедиции. Письмо было послано через хотанское почтовое отделение, но пришло обратно с припиской, где было сказано, что таотай отдал распоряжение перехватывать всю нашу корреспонденцию в Британское консульство в Кашгаре. Наши письма и телеграммы в Нью-Йорк, Париж и Пекин тоже возвращались обратно. Положение становилось серьезным. Мы полностью отдавали себе отчет в том, что это только начало длительной кампании преследований, бесконечных переговоров и оскорблений. Экспедиция оказалась совершенно отрезанной от внешнего мира и должна была искать хоть какой-нибудь способ дать о себе знать.

Несколько торговцев вызвались отвезти наши письма в консульство в Кашгар. Кроме того, нам предложили свои услуги двое доброжелательных калмыков, которые придумали бесхитростный план, основанный на знании ими беспечности местных чиновников. План состоял в том, что один из калмыков стоит с письмом в руках около почты. В последний момент, когда почтальон уже седлает лошадь, калмык подходит к нему и вручает ему письмо в Британское консульство с адресом, написанным по-тюркски и по-китайски. Китайский почтальон сердито восклицает: «Почему вы всегда опаздываете?» – и, не глядя на адрес, бросает письмо в одну из сумок. Такой способ отправки писем себя оправдал, и они доходили до Кашгара очень быстро. Ответ приходил через шестнадцать дней обычно по частному каналу.

29 декабря 1925 года к нам нагрянули с обыском новый судья и несколько младших офицеров, представителей таотая не было. Нам было сказано, что в экспедиции имеется огромное количество боеприпасов и что-то вроде «стреляющего колеса», с помощью которого можно уничтожить весь хотанский гарнизон и все население Хотана менее чем за десять минут. Квадратные ящики с консервами от агентства Кокбурн в Кашмире вызвали подозрение в том, что мы везем огромное количество боеприпасов. В итоге все наше вооружение, состоявшее из двух винтовок, одного двуствольного ружья, трех револьверов и одного ящика боеприпасов, было опечатано и увезено. Профессор Рерих в своей книге «Алтай – Гималаи» подробно описал этот нелепый бесплодный обыск.

Мы решили сразу же покинуть Хотан, чтобы отправиться в Кашгар и послать оттуда телеграмму генерал-губернатору. Мы также намеревались вернуть оружие, без которого нечего было и пытаться пройти через районы Центрального Китая, кишащие грабителями. Власти дали свое молчаливое согласие, и мы наняли караван верблюдов, чтобы отвезти багаж в Кашгар. Снова двор нашего дома заполнился людьми и стоящими на коленях верблюдами. Картина предстоящего отъезда радовала сердца путешественников.

1 января все было готово к отправлению, как вдруг явился представитель таотая и холодно сообщил: «Таотай приказывает вам ехать в Тунь-хуан в Кансу, а не в Кашгар». Мы пытались возражать, сказав, что у нас отобрали оружие, что в кашгарском почтовом отделении нас ждут денежные переводы и мы ждем ответа на посланные телеграммы. Однако все наши доводы были оставлены без малейшего внимания, и чиновник тупо повторял одно и то же: «Ма таджень передумал и приказывает вашей экспедиции идти через пустыню к Тунь-хуану». Потом он все-таки сказал, что нам следует поехать к таотаю и переговорить с ним лично. Так мы и сделали. Состоялся долгий и скучный разговор, во

время которого мы настоятельно пытались получить письменное объяснение действий таотая. Мы сидели перед таотаем за маленьким столиком и видели солдат, стоявших позади него. Они строили гримасы и указывали пальцами на голову своего повелителя.

Таотай оставался непреклонным в своем решении задержать нас в Хотане. Трудно сказать, что заставило его изменить свое отношение к нам. Одни говорили, что им овладевал дух убитого кашгарского титая и тогда он терял контроль над собой, другие повторяли рассказ о том, как кто-то однажды усомнился в умственных способностях таотая. Так или иначе, но было ясно, что положение наше очень серьезное и надо найти какое-то решение.

Вернувшись домой, мы отправили письмо консулу в Кашгар, в котором информировали о создавшемся положении и просили его связаться с генерал-губернатором Урумчи. Теперь нас часто посещал г-н Чанг из магистрата Хотана. Каждый день он доставлял какую-нибудь поразительную телеграмму с приказом о нашем немедленном аресте и высылке. Так случалось, что каждый раз, когда он приезжал, мы предъявляли ему то письмо от майора Гиллана, то телеграмму из Америки. Друзья делали все возможное, чтобы помочь нам выехать из Хотана.

Днем мы либо работали в нашей штаб-квартире, либо вели переговоры с местными властями. Переговоры отнимали большую часть времени, т.к. каждый визит к губернатору или в магистрат длился от пяти до шести часов.

20 января мы получили дружеское письмо от майора Гиллана, в котором он сообщал, что генерал-губернатор распорядился немедленно выпустить нас из Хотана. Это были приятные новости, и все члены экспедиции радовались предстоящему переходу в Кашгар.

Вечером того же дня приехал наш друг Худай Берды-бай, который принес новость, что из Урумчи пришло письмо с разрешением идти в Кашгар. Это был беспрецедентный случай, когда приказ генерал-губернатора оглашало частное лицо. Губернатор дискредитировал себя и не мог передать приказ лично или через судью. Власти продолжали хранить молчание, и только начальник гарнизона и старый амбань прислали свои визитные карточки с добрыми пожеланиями счастливого путешествия в Кашгар. К нам приехал офицер в чине шаовэя, или лейтенанта, чтобы справиться о дне нашего отправления. Ему было приказано предоставить конвой солдат сопровождать нас в Яркенд. Казалось, что китайцы смущены и как-то осознали свое неправильное поведение по отношению к экспедиции. Действия местных хотанских властей едва не помешали осуществлению наших планов.

Мы спешили с приготовлениями Большая часть багажа была уже давно упакована Теперь мы нуждались только в надежном караван-баши. Худай Берды-бай рекомендовал нанять Темур-бая – караванщика, разбогатевшего на перевозках товаров из Хотана в Лех. Темур-бай обещал поставить экспедиции семьдесят четыре вьючные лошади по шесть китайских долларов за каждую, учитывая, что мы придем в Кашгар на четырнадцатый день пути. Помимо вьючных лошадей нам пришлось нанять два китайских экипажа, или ма-фа, за двадцать пять долларов Один из них предназначался для нашего китайского переводчика Цая и ящика оружия, возвращенного нам накануне отъезда Несчастный Цай пристрастился к курению опиума, страдая от оскорбительного отношения местных чиновников Благородный старик с горечью говорил о возмутительных действиях хотанских чиновников. В результате курения он настолько ослаб, что не мог держаться в седле и был вынужден ехать в экипаже. Цай тщательно скрывал свою пагубную привычку и старался курить только ночью.

Во втором экипаже в сопровождении слуги томился тибетский мастиф Тумбал.

Три месяца задержки подошли к концу, и мы думали о новых краях, ждавших нас впереди Во дворе дома собрались приветливые жители, пришедшие проститься с нами. Несмотря на трехмесячную задержку, мы приобрели здесь немало верных друзей, и приятно было выразить нашу благодарность всем, кто содействовал экспедиции во время трудной зимы в Хотане.

IV

ХОТАН – КАШГАР

Ранним утром 28 января 1926 года наш двор и сад заполнили вьючные лошади и караванщики в тяжелых овчинах и темно-красных чаругах – картина знакомая каждому, кто путешествовал с караванами по районам Азии. Царила суета, и прошло целых пять часов, прежде чем караван тронулся в путь. Палатки и часть лагерного снаряжения надо было отправить заранее, для этой цели лучшие лошади были взяты в лагерный отряд. Этот отряд оставил лагерь последним, а прибыл в новый лагерь первым. Караванщикам, главным образом хотанским тюркам, явно не хватало инициативы, и они исполняли свои обязанности с поразительной небрежностью.

Большинство вьючных лошадей были крупными животными из Яркенда, способными перевозить около двух сотен футов груза. Их общее состояние было хорошим, и мы надеялись прибыть в Кашгар вовремя. Туркестанские вьючные седла гораздо лучше деревянных вьючных седел из Ладака и Тибета. Они состоят из двух толстых кусков материи, на которых крепится седельная подушка у-образной формы, сделанная из овчины или сукна, хорошо набитая соломой. Груз крепится к седлу канатами, свитыми из верблюжьей или овечьей шерсти. Путешественников предупреждают не применять пеньковые веревки китайского и европейского производства, так как они причиняют неприятности. Очень хороши веревки, сделанные из верблюжьей шерсти, а из овечьей шерсти намного хуже.

Нескольким всадникам под командованием шао-вая, или лейтенанта, было приказано сопровождать нас до Яркенда, следующего занятого войсками оазиса вдоль южного торгового пути. Прибыв, все солдаты выстроились в ряд перед зданием, лейтенант держал красную визитную карточку старшего офицера в своей поднятой руке. Все всадники были старше пятидесяти, они были одеты в широкие серые халаты и меховые шапки с большими ушами, которые при необходимости застегивались под подбородком. Их вооружение состояло из старых маузеров. У офицера была старинная китайская сабля. Нас очень удивил возраст этих вояк. Мы поинтересовались, не собираются ли они в отставку. Ветераны ответили, что в кавалеристы их произвели недавно за доблестную службу. В Синьцзяне молодой солдат обязан служить в пехоте, пока ему позволяет возраст, и только спустя много лет, а также если он отличился, его производят в чин всадника, или мапина. В Синьцзяне, как и во многих районах Китая, лошадь является лишь средством передвижения. Китайского кавалериста учат сидеть на лошади, но никогда не обучают искусству верховой езды. Бека из Караши и двух дарг также послали сопровождать нас в поездке. Они показывали дорогу, сопровождая нас до Гума-базара – ближайшего административного центра на Хотано-Яркендском пути.

Мы выступили около полудня и быстро миновали мусульманские и китайские районы Хотана. Был базарный день, и улицы заполнила пестрая толпа селян. Первая остановка была в Заве. Караван с грузом прибыл только ночью, и мы вынуждены были провести несколько часов в ожидании в саду постоялого двора. Ночь выдалась холодная, и мы согревались у огромного лагерного костра, разведенного местными жителями. Перед отъездом из Хотана наш китайский переводчик Цай Су Ю сшил желтый флаг, на который нанес буквы «Ло» – сокращенное официальное название нашей экспедиции. Флаг мы доверили дарге, который ехал впереди и устанавливал его в местах наших будущих стоянок.

В Заве мы обнаружили флаг на крыше постоялого двора. Как оказалось, Цай Су Ю поступил очень мудро: поскольку здесь питают больше уважения к куску материи, чем к нашим пекинским паспортам, он избавил нас от многих малозначительных формальностей с документами.

Вечером мы обнаружили, что наши солдаты и некоторые китайцы – заядлые курильщики опиума. Они поздно вставали и только всем мешали. Курильщики опиума – большое несчастье для экспедиции, и мы решили при первом же удобном случае от них избавиться.

О дороге из Завы в Пиалму уже говорилось. Мы сделали короткую остановку в Шрайн Кум-рабат Паджахима. На месте древнего храма священных крыс, построенного правителем Хотана, расположена современная мусульманская гробница. Храм был возведен в память о победе короля над Хюн-ну, одержанной благодаря чудодейственной помощи крыс, уничтоживших снаряжение врага.

После «Голубиной гробницы» дорога ушла в сторону от пояса песчаных дюн и вывела нас на широкую каменистую равнину. В Ак-лангаре, заброшенном постоялом дворе, выстроенном при жизни Якуб-бека, мы сделали остановку, чтобы напоить животных. Там был колодец с соленой водой.

В Пиалму – последний оазис на реке Дува – мы прибыли на закате. Когда на небе подобно драгоценным камням засверкали звезды, мы вошли в селение. Лагерь разбили в саду зажиточного землевладельца. К сожалению, здесь почти не было питьевой воды, и мы были вынуждены растоплять снег, а лошадей водить на водопой за четыре мили от стоянки.

Поздно вечером приехал доктор Нистрем из шведской миссии в Яркенде. Он спешил в Хотан, где два офицера из личной охраны губернатора ранили друг друга. Один из них вскоре скончался, другой выздоровел, но потом был казнен по приказу губернатора. Нистрем ехал уже сутки и одну ночь на китайской повозке, останавливался лишь раз, чтобы накормить лошадей.

Путь из Пиалмы в Зангуйе пролегал по пустынной каменистой равнине. Мы поручили дарге, скакавшему впереди, сообщать о нашем прибытии, подыскивать нам жилье в домах зажиточных крестьян, минуя шумные и грязные китайские гостиницы.

Вскоре после нашего прибытия в Зангуйе пришел лейтенант из охраны и попросил меня осмотреть его лошадей, которые неожиданно заболели. Мы нашли их ослабевшими и лежащими в конюшне. Перекормленные, нетренированные животные, которых всегда держали в конюшне, за три дня перехода стали тощими и жалкими. Было ясно, что они не смогут идти дальше и их придется оставить здесь. Поэтому я посоветовал расстроенному лейтенанту нанять лошадей у местных жителей, а своих скакунов оставить в Зангуйе под надзором солдат. Он последовал моему совету, и утром я увидел лейтенанта и его солдат верхом на косматых созданиях с длинными гривами и хвостами. На местных полудиких лошадях редко ездили верхом, и для нашего сопровождения поездка в Гума базар оказалась волнующей. Это важный административный центр с семью сотней домов и губернатором, под контролем которого находятся обширные горные районы вокруг оазиса Санджу. Славится он также своими многочисленными плодовыми садами и тутовыми рощами. Основная отрасль хозяйства – производство грубой бумаги.

В наше распоряжение власти отвели обширный сад с летним домом. Ворота его были ярко украшены красно-желтой тканью, а в саду нас ожидала группа местных чиновников. Вскоре прибыл местный начальник в сопровождении юного сына и отряда полицейских в необычных мундирах и со старинными, заряжающимися с дула, ружьями. Чиновник выразил сочувствие в связи с нашими трудностями в Хотане и дал понять, что Ма таоинь – человек подозрительный и даже опасный. Ему было известно, что хотанский губернатор напал на нашу штаб-квартиру и был отброшен с большими потерями. Кто выдумал эту историю – неизвестно. В Китайском Туркестане всякие слухи часто обрастают невероятными домыслами. Мы попросили местного начальника позаботиться о нашем заболевшем помощнике Танге, и он обещал отправить его в Хотан, как только ему станет лучше. Танг был завзятым курильщиком опиума и за последние четыре дня перехода по пустыне совсем сдал.

Вечером нас посетила труппа странствующих актеров и дала театрализованное представление, или тамаша, которое мы смотрели при свете факелов и китайских бумажных фонарей. Большинство актеров оказались местными тюрками, а сюжеты и песни, которые они исполняли, – китайскими. Такие представления типичны для местной жизни.

В Гуме нам дали другого бека и даргу, которые должны были сопровождать экспедицию до Каргалыка. Мы планировали расположиться лагерем в Чолак-лангаре, находящемся в восемнадцати милях от Гумы, но, по только что полученным сведениям, запасы воды в Чолаке совершенно иссякли.

Поэтому нам пришлось разбить лагерь в Силиг-лангаре, что в десяти милях к западу от Гумы. Силиг-лангар состоял из нескольких жалких грязных лачуг с маленькими дворами,

заваленными охапками сена и вязанками дров. Ночью мимо нас прошел большой караван верблюдов, направлявшийся в Тунь-хуан, и едва не перевернул несколько наших палаток. Ночь была очень темна, и погонщики спали прямо в седлах. О приближении каравана возвестило дребезжащее позвякивание колокольчика. Прежде чем мы сообразили, что происходит, темный силуэт большого каравана уже вклинился в наш лагерь, и ноги верблюдов начали рвать канаты палаток. Только энергичные действия некоторых наших людей предотвратили дальнейшее разрушение и заставили испуганных животных разбежаться.

Следующую остановку мы сделали в Акин-лангаре, перевалочном пункте на тридцатичетырехмильном пути между Гумой и Каргалыком. До сих пор мы наслаждались великолепной погодой с теплыми днями и прохладными ночами, но около Акин-лангара погода внезапно переменилась: к вечеру подул холодный ветер, температура упала ниже нуля. Ночью пошел снег, и к утру вся пустыня покрылась тонким белым покрывалом. День был пасмурный, над каменистыми просторами пустыни неслись тяжелые тучи. Очень холодный западный ветер затруднял продвижение, и мы испытали облегчение только в обжитой зоне Беш-арыка.

Город Каргалык не произвел на нас впечатления крупного центра. Он стоит на одном из притоков Тизнаф дарьи, и через него проходит южный Кокьяр – Каракорумский торговый путь. Большинство владельцев караванов на Лехо-Яркендском пути являются коренными жителями Каргалыка. Город страдает от нехватки питьевой воды, и мы видели, как в самом центре базара люди рубили лед в грязном водоеме. Местные власти отвели нам для отдыха гостиницу, но она оказалась слишком мала для нашего каравана. Поэтому мы дружно расположились в саду известного землевладельца. Вечером другая группа актеров развлекала нас тамаша, а затем выступили два китайских жонглера, продемонстрировавших свое искусство манипулирования тяжелыми саблями и пиками с невероятной ловкостью. Поздним вечером вернулись в свои палатки.

Наутро мы столкнулись с большими трудностями при замене лошадей для наших солдат и лагерного персонала. Как это ни странно, но в сложных ситуациях солдаты всегда обращались к нам за советом. И когда они не смогли найти верховых лошадей, нам пришлось пойти к местному беку. После продолжительных криков и рукоприкладства, во время которого от разгневанного бека серьезно пострадали два человека, лошади были получены, и наш караван двинулся в Посгам.

В Посгаме мы встретились с группой шикарпурийских ростовщиков и несколькими торговцами из Хошиарпура, которые проводили нас в дом местного минь-баши. Деревянная резьба на колоннах этого дома напомнила мне древние фрагменты, обнаруженные Аурелом Стейном на южном торговом пути. Туркестанская резьба очень напоминает деревянные рельефы в старых церквах на юге России. Этот особый стиль, должно быть, когда-то был широко распространен на великом азиатском пути, проходящем через пояса степей, пустынь и простирающемся от Карпат до Великой китайской стены.

6 февраля мы вышли очень рано, чтобы до полудня дойти до Яркенда. Примерно в пяти милях от Посгама нас встретил слуга ладакского аксакала и передал приглашение остановиться в его летнем доме, расположенном на окраине Яркенда. Его мы с радостью приняли. Через Яркенд дарью экспедиция переправлялась на плотах. Чтобы переправить верховых и грузовых лошадей, а также грузы экспедиции, ушло полных два часа. Затем мы направились в Яркенд по пыльной дороге, обсаженной тограками, или тополями.

Дом ладакского аксакала Абдул Разака оказался идеальным местом для отдыха – чистый, с обширным садом, просторным двором и хорошими конюшнями. Абдул довольно бегло говорил на лхасском диалекте тибетского языка, проведя несколько лет в Лхасе; его семья имела твердую репутацию среди торгового люда Центральной Азии. Один из его старших братьев был аксакалом в Кашгаре, другой – в Лехе, а третий возглавлял крупное торговое представительство в далекой Лхасе. Помощь аксакала оказалась для нас неоценимой. Мы не без удовольствия провели вечер с человеком, великолепно знавшим племена самых разных районов Центральной Азии. Утро следующего дня было заполнено деловыми визитами к местным властям.

Яркенд показался нам более деловым и процветающим городом, чем Хотан. Это главные торговые ворота в Индию и Афганистан. На их крытых базарах и в чайханах, или

ресторанах, всегда стоит разноязычный гомон. Яркенд – самый большой оазис в стране. Он прекрасно орошается посредством системы каналов, здесь возделывают рис, экспортируемый в Хотан и Кашгар. Кроме риса в оазисе выращивают кукурузу, пшеницу, ячмень, хлопок, лен, коноплю, кунжут и табак. По последней официальной переписи, в оазисе проживают более 200000 человек. Сам Яркенд разделен на две части: мусульманский город, или Конешар, окруженный кирпичной стеной с несколькими башнями, и китайский, или Ханьчьен, лежащий к северо-западу от центра. Афганское правительство держит в Яркенде консула, который, хотя официально и не признается китайцами, наблюдает за жизнью афганской колонии и блюдет ее интересы в оазисе. Самыми ценными товарами афганского экспорта считаются опиум и бадахшанские лошади. Торговля эта ведется тайно, контрабандистов обычно наказывают. Несколько лет назад вывоз бадахшанских лошадей был запрещен эмиром. Афганские торговцы, отправляясь в Китайский Туркестан или в другие места, обязаны давать подписку, что вернутся со своими лошадьми обратно. Однако несмотря на эти строгие меры, породистых скакунов можно легко приобрести на яркендском рынке, причем торговля ведется через киргизских посредников.

Основная доля экспорта и импорта Яркенда приходится на Индию, и поэтому индийская колония самая многочисленная в оазисе. Местные власти делали все возможное для снаряжения экспедиции. Член яркендского городского магистрата, по происхождению кантонец, представлял тип чиновника, неравнодушного к географическим и археологическим исследованиям. Он заверил нас, что из Пекина были получены письма, извещавшие о нашем прибытии, и он не может понять отношения к нам хотанских властей. Кантонец добавил, что Ма таджень после убийства кашгарского титая лишился рассудка.

Завершив официальные визиты, мы направились в шведскую миссию, где находились церковь, школа, больница и дома для сотрудников. Это было наше первое соприкосновение с Европой после полугодового путешествия по Ладаку, Каракоруму и Хотану. Днем нам нанес ответный визит член городского магистрата, который прибыл в сопровождении кавалерийского отряда, вооруженного русскими винтовками и саблями. Белогвардейские войска, отступив в Синьцзян, побросали большое количество оружия и боеприпасов, и поэтому у китайских солдат было русское оружие. Кантонец проявил интерес к картинам профессора Рериха и высоко оценил серию полотен, написанных на китайские темы.

За деловым днем последовал спокойный вечер. Возвращая в Хотан конвой, мы подарили солдатам по три доллара. Они выразили желание продолжать службу в нашей экспедиции и просили, чтобы мы сообщили об этом генерал-губернатору. Их место заняли солдаты в черных тюрбанах, присланные из местного гарнизона.

Было чудесное ясное утро, когда мы вышли из Яркенда. К западу и северо-западу от оазиса на бледном небе четко выделялись снежные хребты. Там, далеко за снежными грядами, лежали высокогорья великого Памира и очаровательная пограничная страна, которую удалось посетить лишь немногим.

Первый этап нашего пути пролегал вдоль возделанных полей и цветущих деревушек яркендского оазиса. Утром мы доехали до Кок-рабата. Лагерь окружила большая толпа местных жителей, разошедшихся только в сумерках. В деревнях о нас ходили всевозможные слухи, и всем хотелось взглянуть на пришельцев.

На следующий день мы были в Кизил-базаре, наполовину разрушенном селении с обширной пустынной равниной, называвшейся Кара-кум или «Черные пески». Следующая часть пути до Янги-гисара пересекала пустынную область с отдельными деревушками и с небольшими клочками возделываемой земли.

В Янги-гисар мы прибыли вечером и были тепло приняты доктором Андерсоном и его семьей. Вечер провели с гостеприимными миссионерами в светских разговорах о жизни в провинции, о богатейших минеральных ресурсах, скрытых в недрах вокруг Янги-гисара, и горах к западу от оазиса.

Расстояние от Янги-гисара до Япчана наш караван преодолел за шесть часов. Еще в дороге мы почувствовали силу притяжения большого процветающего города: мимо нашей колонны тянулись вереницы китайских повозок, груженных товарами, кавалькады всадников. Япчан – последнее большое селение перед Кашгаром. Мы расположились в поле около деревни, и, как всегда, сразу же собралась толпа доброжелательных тюрков, наблюдавших за нами на расстоянии. В лагерь пришел маленький мальчик с национальным

струнным инструментом и исполнил народные песни, многие из которых были сочинены в дни злосчастного Якуб-бека.

На следующий день, 12 февраля, наши караванщики поднялись задолго до рассвета, и в темноте сквозь двери палаток мы видели костры и дородных людей за утренней трапезой. Для каравана Темур-бая это был последний день пути, и он во что бы то ни стало хотел быть в Кашгаре в первой половине дня. Нам пришлось догонять караван с грузом, уже благополучно двигавшийся по направлению к Кашгару.

Недалеко от кашгарского моста нас приветствовали несколько чапрасис, или ординарцев в алых униформах, с посланием от майора Гиллана, в котором британский консул приглашал нас на обед. За пределами китайского города мы вновь повстречали всадников, оказавшихся местными беками и даргами, посланными приветствовать нас таоинем Кашгарского яменя.

Мы направились прямо в консулат, где были радушно встречены майором Гилланом и его женой. Нам пришлось испытать странное чувство, оказавшись в цивилизованном западном доме в пропыленных одеждах. Консульство занимало идеальное местоположение: из окон открывался прекрасный вид на берега реки Тумен.

Первый день пребывания в Кашгаре прошел в разговорах. Мы поведали о всех пережитых нами трудностях в Хотане и обсудили планы на будущее. В телеграмме, посланной генерал-губернатору Урумчи, сообщалось о нашем прибытии в Кашгар, и господин Джордж Чу, бывший переводчиком в китайском рабочем корпусе во Франции во время Отечественной войны, а теперь являющийся секретарем китайского консульства, пообещал побеседовать с кашгарским таоинем и его секретарем иностранных дел господином М.Е.Тао о необходимых для нас визах.

Разместились мы в просторном помещении Русско-Азиатского банка, любезно приняв приглашение директоров его филиалов. Консул и все проживающие здесь европейцы считали, что нам совершенно необходимо побывать в Урумчи, чтобы лично переговорить с генерал-губернатором. Это совершенно меняло наши планы: вместо Дуньхуана и Кансу – Урумчи и местность к северу от Тянь Шаньских гор. Однако обстоятельства часто бывают сильнее желания. В провинции Синьцзян назревали беспорядки; а на границе между Синьцзяном и Кансу – война. Говорили, что через провинцию Кансу идет маршал Фэн Юйсян, а верховный комиссар Синина Ма Чи намерен выступить вместе с ним. Обстановка была тревожной, все интересовались, смогут ли плохо дисциплинированные войска Янь Ценсиня сдержать наступление армии Фэна.

Кашгар – старая столица Синьцзяна, расположенная на юге Тянь Шаня. До революции 1917 года он был главным центром торговли с Русским Туркестаном. Фактическое закрытие русской границы во время гражданской войны привело к переориентации кашгарской торговли на Индию – через трудное Каракорумское высокогорье. Еще в Кашгаре нам сообщили, что иркештамский путь в русский Туркестан снова открыт, и на запад по веками проторенному пути хлынул поток караванов и торговцев. Большинство караванов, перебрасывающих товары из Кашгара в Андижан, формируются здесь, и не так-то просто было нанять лошадей для продолжения путешествия.

Базары Кашгара, заполненные толпами людей, и огромное количество товаров из Европы, Индии и Китая, выставленных в лавках, свидетельствовали о широком товарообмене в оазисе.

По утрам пешком или верхом мы прогуливались по улицам и базарам Кашгара, и в этот ранний час, до того как пыльный туман окутает горизонт, любовались расположенным на юго-западе Кашгарским хребтом с высотами от 18 до 25 тыс. футов. Город с его садами, рисовыми плантациями на берегах реки Тумен и снежными вершинами вдали – типичный центрально-азиатский город.

Кашгарские базары с навесами из мешковины и соломенных циновок привлекают внимание приезжих. А узкие темные улицы с многоцветными толпами напоминают настоящий этнографический музей, где исследователь может с энтузиазмом изучать новые типы рас. Здесь притаилась темная лавчонка с бухарскими и хивинскими товарами и самаркандскими коврами. Среди разноцветных сундуков восседает чернобородый андижанский торговец, вовсе не ведая, что его сундуки напоминают сундуки раннего Ренессанса в городах Италии, поддерживавших обширные связи со странами Востока. В

другой лавке седобородый афганец предлагает товары своей страны и индийские специи. Его сосед китаец продает большие старомодные очки в массивной оправе. К сожалению, сегодня они уступают более практичным снегозащитным очкам из Индии. В отдаленных районах Центральной Азии большие китайские очки являются одним из обязательных атрибутов престижа, и киргизские и монгольские принцы и старшины носят их независимо от того, нужны они им или нет. В следующей лавке – настоящий музей денег. Здесь владелец хранит монеты и бумажные купюры почти из дюжины стран мира: индийские рупии, старые русские рубли, китайские банкноты, денежные знаки, выпущенные разными местными правительствами времен гражданской войны в России, – все это выставлено на полках и спрятано в железных сундуках. После русской революции и обесценивания рубля местные торговцы скупили по низким ценам огромное количество царских золотых монет и банкнот различного выпуска в надежде, что они вновь поднимутся в цене. По количеству денег владельцы таких лавок – миллионеры, и довольно забавно, что они учитывают эти мифические миллионы в своих сделках. В соседней лавке было выставлено нечто совершенно неординарное. Владелец ее специализировался на военных мундирах, отдавая предпочтение генеральской форме с огромными эполетами и роскошными галунами. Некоторые местные чиновники и киргизские старшины очень любят эти наряды. Среди выставленных сюртуков, кителей, френчей, мундиров я увидел неизвестно откуда взявшуюся форму учащегося русской высшей школы и подумал, в какой горный аил или кочевое селение суждено ей попасть и привести в замешательство будущего исследователя.

Кашгар славится мастерскими, где делают крытые экипажи старинного образца для всех чиновников огромного доминиона. Обычно эти причудливые экипажи окрашивают в яркие цвета: зеленый, голубой или под охру и обивают внутри фиолетовым или темно-красным бархатом.

Между тем толпа на базарных улицах прибывает. Здесь и киргизские кочевники, прибывшие из-за границы, и андижанские негоцианты в разноцветных полосатых халатах, и китайцы в темных робах, и городские торговцы в длинных темно-голубых чапанах. В базарные дни толпа бывает настолько плотной, что невозможно проехать верхом, а воздух оглашается беспрерывными криками и свистом кнутов.

Кашгар небогат памятниками старины. Немногочисленные места и ступы посещались и описывались сэром Аурелом Стейном и немецкой экспедицией доктора Ле Кока.

15 февраля мы нанесли официальный визит местному таоиню, веселому толстяку, который проявил неподдельный интерес к нашим затруднениям в Хотане. Несмотря на предложение британского консула, оружие нам не вернули, а оставили его опечатанным в ящике и... передали под нашу опеку.

Разрешение на раскопки и занятие живописью правитель так и не дал, однако таоинь намекнул, что мы можем продолжать работу и лишь в случае требования местных властей должны будем приостановить ее. Наши паспорта оказались правильными, и мистер Тао, министр иностранных дел таоиня, в дополнительном письме рекомендовал нас местным властям в северной части маршрута.

19 февраля пришел долгожданный ответ от генерал-губернатора. Его превосходительство выразил искреннее желание познакомиться с нами лично и сердечно приглашал к себе в столицу. Однако о каких-либо возможностях продолжения художественной и научной работы экспедиции даже не упоминалось. Несмотря на все наши усилия, караван сформировать не удалось из-за нехватки вьючных лошадей. Оставалось нанять несколько китайских двухколесных повозок, в которые впрягают четырех лошадей, – трех в ряд и одну впереди, что обычно требует большого количества животных. Путь от Кашгара до Урумчи такая колесница одолевает примерно за семьдесят четыре дня, преодолевая в день от восемнадцати до двадцати миль. Кашгарцы взялись доставить наши грузы в Кучу, а там мы должны были нанять повозки до Урумчи. Кроме того, следовало обменять индийские рупии на урумчинские ланы, или лианги, курс которых составлял одну треть кашгарских сар, так как в оазисах, или пей-лу, на северном пути имеют хождение только урумчинские ланы. При обмене надо следить, чтобы вам не подсунули фальшивок. Иногда деньги так потрепаны, что местные менялы наклеивают на них кусочки от новых купюр, невзирая на номера серий.

После Кашгара пришлось оставить Цая, который не бросал курить опиум и так ослаб, что едва держался на ногах. Мы дали переводчику денег на оплату повозки, если он решит вернуться в свою родную китайскую провинцию Сычуань, и распрощались с ним. Оставлять его в экспедиции не имело смысла, т к он постоянно ссорился со всеми и не мог держать себя в руках. Нам удалось нанять десять вьючных пони, принадлежавших двум ладакцам, для доставки лагерного снаряжения из Кашгара в Карашар – крупный центр по продаже лошадей, где мы надеялись нанять новых караванных лошадей или мулов. Персонал экспедиции теперь состоял из представителей различных национальностей: одного оренбургского казака, одного монгола, одного балта, одного китайца, четырех ладакцев и трех тюрок, один из которых оказался исключительно добросовестным работником и сопровождал экспедицию до границ Сибири.

26 февраля вся европейская колония Кашгара собралась на проводы экспедиции. Наши повозки уже отбыли ранним утром, охраняемые тремя вооруженными всадниками из местного гарнизона, которые сопровождали нас до следующего военного городка – Файзабада.

V

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ В УРУМЧИ

Великий северный путь в Синьцзян часто описывался путешественниками. В два легких перехода мы достигли Файзабада – маленького городка с китайским управлением и небольшим военным гарнизоном. Путь был однообразен: повсюду песок, покрытый соляной коркой, песчаные дюны, заросли, кое-где ивовые рощи и пыльные грязные деревушки. Файзабад – последнее крупное поселение Кашгарского оазиса, дальше простираются пески.

Расстояние от Файзабада до Марал-баши мы покрыли в четыре перехода. Путь пролегал через песчаную местность, местами покрытую зарослями, изобилующими дичью. Должно быть, в прошлом здесь шумели леса, а теперь заросли отступают к северу, медленно вытесняемые песками. Продвижению мешали многочисленные сухие пни и корни деревьев, полностью засыпанные песком. О них все время спотыкались лошади, а одна из наших повозок со снаряжением экспедиции едва не перевернулась, налетев с ходу на огромный ствол дерева, занесенный песком. В это время года часть Китайского Туркестана абсолютно пустынна, а высохшие стволы деревьев только усиливали впечатление полной заброшенности. Встречавшиеся на пути грязные деревушки и множество развалившихся лачуг ясно указывали на сокращение сельского населения.

3 марта мы вошли в большой оазис Марал-баши, связанный двумя важными путями с Кашгаром и Яркендом. Сам оазис небольшой, но хорошо орошается, имеет огромные запасы грунтовых вод и несколько озер. С юга к нему подходит Яркенд дарья, а на северо-западе и севере поднимаются невысокие скалистые горные хребты – южные отроги внешнего Тянь Шаня. Наши караванщики хотели задержаться в Марал-баши на сутки, но мы убедили их продолжить переход, а здесь лишь переночевали.

Следующая остановка была в Ак-тумшуке, или просто в Тумшуке. Покинув зеленую зону Марал-баши и Чарбаг-базара, маленькой деревушки в пятнадцати милях к северо-востоку от Марал-баши, мы вышли на широкую песчаную равнину, покрытую кустарником. Этот отрезок пути оказался довольно длинным, примерно в тридцать миль, и в деревню Тумшук мы пришли около одиннадцати часов вечера. Неподалеку от деревни находится китайская надпись, относящаяся ко времени покорения нового доминиона в 1877 г. На севере и юго-востоке Тумшука находятся развалины древних памятников, представляющие интерес. Раскопки в этом древнем районе производил известный французский востоковед профессор Поль Пелльо во время своей экспедиции в 1906-1908 гг.

От Тумшука нам пришлось сделать четыре длинных перехода, чтобы достигнуть Аксу. Дорога пролегала в основном по пескам, поросшим тамариском. Местами ее покрывал толстый слой лессовой пыли, прилипавшей к коже и разъедавшей глаза людей и животных. Оазис Аксу расположен у слияния двух больших рек – Тушкана и Кум-арык дарьи. Весной и в начале лета реки, питающиеся тающими снегами ледников главной цепи Тянь Шаня, несут массу воды, орошая обширную возделываемую зону.

Мы разбили лагерь в мусульманской части города Аксу, в саду бывшего андижанского аксакала. Владелец умер несколько лет тому назад, и дом выглядел заброшенным. Местные власти разрешают останавливаться здесь лишь некоторым иностранным путешественникам. Назойливая толпа тунган, или китайских мусульман, пыталась проникнуть во двор, чтобы поглазеть на нас. В Аксу обосновалась большая колония тунган, и все путешественники единодушны в своих оценках их нахального поведения. Местные хулиганы избили одного из наших погонщиков, но были схвачены и отправлены в магистрат для наказания.

Погонщики требовали дать лошадям однодневную передышку. Мы согласились. Нам доставила удовольствие встреча с господином Пэном – симпатичным членом магистрата, нанесшим нам визит. Он хорошо говорил по-английски и горько сетовал на одинокую жизнь в Аксу. Пэн, испытывая беспокойство за будущее провинции, понимал необходимость обновления старой административной системы.

11 марта мы покинули Аксу и после утомительного перехода достигли небольшой деревушки Кара-кудук уже в полной темноте. Вьючные же лошади с лагерным снаряжением

достигли деревушки только после полуночи. В два часа ночи мы забрались в палатки, а в семь утра надо было снова отправляться в путь.

Из Кара-кудука, или Кара-юлгуна, мы направились в Тограк-донг – пустынное местечко у подножия хребта. Весь день шли по обширной каменистой равнине, пересеченной невысокими песчаниковыми гребнями. Тограк-донг интересен несколькими пещерными храмами, вырубленными в песчаниковом утесе неподалеку от почтовой станции. Штукатурка, некогда покрывавшая стены и потолок кельи, и фрески были сбиты мусульманскими фанатиками. Некоторые пещеры осыпались. Возможно, что здесь когда-то была небольшая буддийская вихара. Как из большинства древних разрушенных монастырей и храмов, расположенных на южных склонах Тянь Шаня, из пещер Тограк-донга открывается великолепный вид на суровую гряду гор, простирающихся в глубь пустыни.

В сторону Куштими, или Куштама, дорога проходила по горной пустынной местности. В Яка-арыке вдоль реки Музарт мы обратили внимание на возделанную землю. В это время года русло реки пересыхает, но летом Музарт несет большое количество воды, орошая большие оазисы Бай и Куча. Лагерь мы разбили в тограковой роще поблизости от лянгара, или почтовой станции, так как в местной гостинице обосновалась шайка профессиональных картежников – этого подлинного бедствия Синьцзяна. Все главные города с базарами на караванных путях изобилуют игорными домами, причем некоторые из них даже выпускают собственные деньги в виде маленьких бамбуковых палочек с указанием дома. Такая валюта принимается всюду и имеет определенный номинал. Компания картежников на постоялом дворе Куштими пополнилась группой кара-киргизских бандитов, известной своими разбойничьими нападениями на соседей. Китайский конвой из Аксу забаррикадировался в одной из комнат постоялого двора и отказался охранять нас ночью. Утром мы обнаружили, что наш конвой охранял преступника в кандалах, который во время перехода шел с нашими повозками. Мы были против этого, и тогда солдаты отправили его одного в Бай. К нашему удивлению, он добрался туда сам и сдался местным властям.

Путь из Куштими в Бай пролегал по левому берегу реки Музарт, занятому плантациями. Небольшой городок Бай с несколькими грязными и пыльными базарами был далеко не идеальным местом для стоянки, и нам пришлось переправиться на противоположный берег реки, где находилась почтовая станция.

В свое время в окрестностях Бая профессор Поль Пелльо обнаружил тохарские рукописи на кученском диалекте и нашел обрывки дорожных пропусков, которые были тщательно исследованы М. Сильвеном Леви, профессором санскрита в колледже Франции и в высшей школе Парижа.

Нашим следующим пунктом был Кизил-ортанг. К юго-востоку от Кизила находятся интересные мингойи, или пещерные храмы с фресками, датируемые V и VIII веками. Профессор П. Пелльо бывал в этих пещерах, а доктор Лекок подробно обследовал их во время своей экспедиции 1905 г.

Выйдя из Кизила, мы прошли каменистую пустыню, пересеченную голыми песчаниковыми хребтами, и прибыли в Кизил-карга, известный разрушенными храмами, расположенными к северу от дороги. Многие фрески в храмах уничтожили мусульмане, часть была вывезена немецкой экспедицией под руководством доктора Лекока. В 1916 г. пещеры пострадали от сильного землетрясения, которое и уничтожило оставшиеся фрески. К моменту нашего посещения пещерных храмов Кизил-карги здесь сохранились лишь незначительные фрагменты настенной живописи. На них был изображен Будда в позе медитации, лицо которого было изуродовано мусульманскими вандалами, фрагменты человеческих фигур с краткими наклонными надписями в центральноазиатском стиле, а также уйгурские цветочные орнаменты на дверных сводах. В этих пещерах в 1902-1903 гг. побывала японская экспедиция Кунта Отани. Возможно, что они являются современниками больших пещерных храмов на юго-востоке Кизил-ортанга.

Посещение пещер задержало экспедицию, и мы достигли Куча только к вечеру. Найти подходящее место для лагеря было не так-то просто, но нам помог какой-то незнакомец, владеющий многими языками, указав на летний дом с тенистым садом, принадлежавший богатому землевладельцу. В доме, однако, было слишком сыро, и мы раскинули палатки в просторном саду.

Оазис Куча и сам город с широкими аллеями из тополей и оживленными толпами местных жителей производили более благоприятное впечатление, чем другие районы оазиса Синьцзяна к югу от Небесных гор. Благодаря своему географическому положению Куча еще в древности стал важным экономическим и политическим центром. Он расположен в том самом месте, где из гор Тянь Шаня вытекают реки Музарт и Куча, направляясь к Таримскому бассейну.

Кроме того, оазис Куча – самый важный торговый центр на караванном пути из Кашгара в Урумчи. Благодаря обилию ледниковых вод, питающих две реки, и множеству подземных ручьев, оазис является идеальным местом для занятия земледелием и крупным центром по выращиванию фруктов во всей провинции. С древних времен Куча известен как центр торговли китайцев с кочевниками высокогорных пастбищ Текес и Кунгес Центрального Тянь Шаня и джунгарских степей. В настоящее время оазис ведет оживленную торговлю с калмыками, торгутами и олотами – племенами, обитающими в высокогорных долинах Тянь Шаня и в степном районе вблизи Карашара. Куча соединен с Хотаном дорогой, проходящей по пустыне и ведущей к истокам реки Керья, благодаря чему тоже участвует в хотанской торговле.

Древности Куча уже изучались европейскими и японскими экспедициями: сначала русскими под руководством доктора Клеменца и Березовского по заданию Российской Академии наук, затем японской, возглавляемой Кунте Отани, несколькими немецкими под руководством профессора А.Грюнведеля и доктора Лекока, двумя английскими экспедициями сэра Аурела Стейна и одной французской под руководством профессора Пелльо. Древние памятники культуры оазиса сосредоточены в трех местах: Кизиле, Кумтуре и Кирише. Чтобы более подробно изучить настенную живопись пещерных храмов, следует обратиться к монументальным трудам доктора Лекока, из которых видно, что стиль фресок разрушенных пещерных храмов оазиса Куча и Турфана (Кходжо, Туйока, Сангима, Базаклика и Чиккан-гола) представляют несколько художественных стилей:

1. Ранний стиль, обнаруживающий четко прослеживающееся влияние греко-буддийской или гандхарской школы Северо-Западной Индии.

2. «Стиль рыцарей с длинными мечами». По мнению доктора Лекока, первый и второй стили характерны для индо-скифского периода и тесно связаны между собой. Второй стиль, возможно, сформировался в период сильного иранского и западного влияния на этот район.

Следующие три стиля обнаруживают преобладающее влияние Востока, характерное для конца VIII столетия. Это период господства уйгуров, на чью культуру сильно повлияла дальневосточная цивилизация.

3. Древний тюркский стиль носит смешанный характер и отмечен сильным влиянием искусства Китая.

4 Новый тюркский, или собственно уйгурский, стиль, где китайские элементы ослаблены тенденциями местного искусства.

5. Пятый стиль, названный доктором Лекоком тибетским, встречается только в Турфане и имеет позднее происхождение. Изучение ламаистского стиля актуально для истории тибетского изобразительного искусства и для определения его влияния за пределами этнографических границ Тибета. Китайские исторические анналы содержат массу сведений о передвижениях тибетских приграничных племен. Мы знаем о их союзе с могущественными хюнну – древнеазиатским племенем, занимавшим степи современной Монголии, и об их периодических набегах на китайскую территорию.

На протяжении VII и VIII веков тибетские орды всадников неоднократно переходили границы Западного Китая, Туркестана и Южной Монголии и даже завоевали тогдашнюю столицу Китая – Чаньань. В конце VII века Китай лишился Китайского Туркестана, а тибетские племена, объединившись с арабами, двигались по направлению к далекой долине Оксус. Мы слышали о тибетских военных правителях Хотанского оазиса и об их фортах на южном торговом пути Китайского Туркестана. Знаменитая военная экспедиция 747 г. под командованием китайского генерала Као Хсин-чи сдерживала тибетские военные силы в районе Гиндукуша. В 750 г тибетцы захватили Тунь-хуан, где не так давно сэр Аурел Стейн и профессор Поль Пелльо прославили свои имена открытием древних рукописей. Турфанские фрагменты тибетских письмен, привезенные профессором Грюнведелем и доктором Лекоком, доктор Франке относит к VIII веку Наличие в Турфане подобных

фрагментов рукописей свидетельствует о тибетской экспансии и, вероятно, о захвате земель северных нагорий, чем и объясняется причина появления ламаистских фресок в разрушенных храмах Турфанского оазиса.

Три дня, проведенных нами в Куча, были заполнены посещениями и переговорами с владельцами повозок. Местные жители рассказали нам, что старинные вещи и рукописи встречаются теперь редко, и единственное место, откуда еще продолжают поступать находки, это район Лоб, к западу от озера Лоб-нор. За несколько недель до нашего прибытия в Куча какой-то торговец привез в раскрашенном деревянном сундучке свертки рукописей, а также монеты и разные древние вещицы. Мы очень заинтересовались этой коллекцией, но найти торговца так и не удалось.

Местный представитель американской фирмы братьев Бреннер в Тьеннцине очень помог нам в покупке повозок для багажа. Новые повозки должны были везти снаряжение экспедиции в Урумчи. Мы также купили трех лошадей: одну верховую и двух вьючных в дополнение к нашим 10 лошадям, принадлежащим двум ладакцам.

Быстро приближалась весна, в садах зазеленела молодая трава. Становилось все теплее, и надо было попасть в Урумчи прежде, чем начнется паводок.

20 марта мы вышли из Куча, рассчитывая за день дойти до небольшой деревушки Яка-арык, расположенной на самом востоке оазиса Куча. Вскоре после того как позади остался город и его окрестности, дорога пересекла каменистую равнину, полого спускающуюся к пустыне, расположенной южнее. Небо внезапно затянулось тучами, и сильный северо-западный ветер поднял в воздух клубы песчаной пыли. В период ранней весны песчаные бури здесь не редкость, а ветры являются предвестниками скорой смены температур.

На ночь мы расположились в саду на окраине Яка-арыка. К востоку от оазиса обширные каменистые пространства были окутаны пылевой завесой, оставленной пронесшейся здесь бурей. Ночью она бушевала в близлежащей пустыне, грозно сотрясая наши палатки.

Следующим был переход в крошечную деревушку Янги-абад, сады которой произрастали на глинистой почве степей. Дорога тянулась по голой каменистой пустыне, кое-где пересеченной узкими полосами лесса, покрытого скудным кустарником и оголенными участками глины. На севере возвышались горные хребты – самые южные отроги великого Тянь Шаня.

Следующий этап пути привел нас в Бугур-базар. До самого оазиса Бугур дорога проходила по каменистой, глинистой местности. В Бугур-базар мы въехали по пыльным переулкам, вдоль которых тянулись бесконечные кирпичные стены, огораживающие поля и сады.

На следующий день после долгого, пятидесятимильного перехода, мы оказались в небольшом оазисе Чадир, к востоку от Янги-гисара. Большую часть дня шли по пескам, поросшим зарослями кустарника, и только поздним вечером разбили лагерь.

Из Чадира экспедиция двигалась по торговому пути с остановками в Чарчи и Тиме. Мы ехали главным образом по пескам, покрытым скудным кустарником и кое-где перемежавшимся участками каменистой пустыни. На севере все лучше просматривались горы, распростершие свои морщинистые отроги в глубь пустынной равнины. В пути между Чарчи и Тимой мы повстречали интересного молодого тюрка, который оказался лекарем, придерживающимся древних шаманистских традиций, сохранившихся среди фанатичного мусульманского населения. Таких людей в народе называют «бакша», или «учитель». Молодой человек ехал верхом на лошади и, ритмично ударяя в большой барабан, иногда напевал заклинания по-тюркски.

26 марта мы прошли вдоль северной окраины оазиса Корла и свернули на северо-восток по течению Конче дарьи. Тропа пролегала по равнине, усеянной разноцветной галькой, и постепенно поднималась к горам. Здесь мы встретили первых торгутов. Из-за невысокого отрога неожиданно показались три всадника, которые быстро приближались к нам. Все они были одеты в синие халаты, у двоих на голове красовались черные платки. Сидя на великолепных лошадях, они внимательно рассматривали наш караван. Они приветствовали нас словами «Та саин банти», и мы выразили желание посетить резиденцию их правителя. «Дза, дза, дза», – кивнули одобрительно всадники и мгновенно исчезли,

подняв тучи пыли. У монгольских кочевников хороший наездник всегда пришпоривает лошадь, чтобы продемонстрировать ее ход.

Вскоре тропа вошла в узкое ущелье, у входа в которое стояла китайская застава, и нам пришлось предъявить пропуска для дальнейшего путешествия в Карашар. По некоторой причине торгутский район находился под тщательным наблюдением китайцев.

Экспедиция стала лагерем на берегу реки, неподалеку от рощи. Воздух здесь был удивительно прохладным и чистым, и мы отдохнули от пыльной пустыни. Ранним утром сняли лагерь и направились к Карашару, до которого отсюда оставалось двадцать миль. Недалеко от стоянки река Конче дарья поворачивает на восток, а за низким холмом начинается спуск в бассейн озера Баграш. Весь этот отрезок пути мы шли по песчаному тракту, поросшему тамариском. Нас сопровождали два торгутских всадника, направлявшихся в горное селение, к северу от дороги. Оба были безнадежно пьяны, но, несмотря на это, продолжали тянуть спиртное из бурдюка, сделанного из желудка овцы. Пьянство – подлинный бич торгутов Карашара и ведет к ухудшению жизни племени.

Из достопримечательностей на этом отрезке пути в Карашар можно отметить развалины у деревни Шорчук, исследованные немецкой и английской экспедициями. После пятичасового перехода мы достигли Карашар дарьи. Дожидаясь парома, вместе с нами стояли несколько торговых караванов. Паромом управляли торгуты – грубоватые парни в шубах и с длинными косичками. В толпе мы заметили несколько киргизов из города Пржевальска на озере Иссык-Куль, которые пасли свои стада овец в горах к северу от Карашара.

За городскими воротами нас встретил представитель фирмы братьев Бреннер, который проводил нас в отведенный для отдыха дом с садом. Наш лагерь разместился недалеко от городского дворца регента ламы торгутов, удобно расположенного по дороге в Хотон-сумбул, в штаб-квартиру Тоин ламы, являющегося ламой-регентом карашарских торгутов и одним из влиятельных лиц Синьцзяна.

Карашар со своим базаром в некоторой степени отличается от остальных базаров оазиса Китайского Туркестана. Очевидно, это происходит из-за множества торгутских кочевников, приезжающих в город из нагорных долин Тянь Шаня и соседнего Баграш Кола.

В районе Карашара кочуют два калмыцких племени: торгуты и кхошуты. Торгуты занимают пространство у подножия гор и летние пастбища, или юлдузы, в самом сердце Тянь Шаня. Зимой кочевники спускаются с высокогорных пастбищ и селятся в степи у подножия гор. Они подчиняются наследному хану, который живет в Хотон-сумбуле, а последние несколько лет Тоин ламе, дяде молодого хана. Кхошутские племена населяют район вокруг озера Баграш, к юго-востоку от Карашара и горные области вблизи Ушакталы, деревни, находящейся на пути Карашар – Турфан. Правят ими наследные князья. Оба племени разводят огромные стада лошадей, верблюдов и рогатого скота. Их лошади ценятся во всей Центральной Азии и в Китае. Карашарская лошадь – сильное животное, от ста двадцати до ста тридцати сантиметров в холке, с хорошо развитой грудной клеткой, мощной шеей, слегка изогнутым носом и стройными ногами. Это превосходное животное имеет быстрый ход, и в прежние времена таких лошадей регулярно поставляли в Пекин к императорскому двору в качестве дани от калмыцких племен. В китайской кавалерии в Синьцзяне много лошадей карашарской породы. Некоторые из них являются живыми потомками прототипов знаменитых глиняных статуэток, созданных скульпторами эпохи Тан и ныне украшающих стеклянные витрины наших музеев.

Мы собирались побывать в калмыцких селениях и в большом монастыре Балгантай-шара-суме, расположенных в горах у городка Хотон-сумбул, и уже оттуда через Сумунта-дабан идти в Урумчи. Становилось жарко, мы опасались чрезмерной духоты в Турфанской впадине и волновались за здоровье госпожи Рерих, которая всегда тяжело переносила зной. Еще находясь в Кашгаре, мы известили генерал-губернатора Урумчи о своем намерении, и местные власти заверили, что провинциальное правительство, конечно же, даст нам разрешение.

Когда прибыли в Карашар, местные власти, казалось, благоприятно отнеслись к нашему намерению посетить Хотон-сумбул. Пожилой таоинь Карашара был болен, однако его личный секретарь заверил от его имени, что никто не будет чинить нам препятствий и мы можем выступать в Хотон-сумбул немедленно. Он посоветовал нам обратиться к члену

местного магистрата. Чиновник был в отъезде, и нас принял его секретарь. Выразив готовность всемерно содействовать экспедиции, он, однако, добавил, что в магистрате обеспокоены снежными заносами на перевалах. Было очевидно, что наш план идти в Хотон-сумбул и оттуда в Урумчи через горные перевалы был предметом обсуждения в яменах Карашара.

Мы вернулись в свой лагерь под впечатлением, что власти не имеют ничего против нашего посещения Хотон-сумбула и Урумчи. Из опыта наших предшественников было известно, что китайские власти не любят, когда в горах ведутся научные исследования, даже далеко от границы в безлюдной местности. Поздно вечером к нам неожиданно приехали начальник местной почты и секретарь магистрата. Сносно говоря по-английски, почтмейстер сообщил, что, к большому сожалению магистрата, у него имеется приказ из Урумчи, запрещающий нам идти через горы. Бесполезно было обсуждать с ними этот вопрос, и мы решили послать телеграмму генерал-губернатору, прося у него разрешения идти в Урумчи через Сумунта-дабан. Мы сообщили в магистрат о своем намерении отправиться на следующий день в Хотон-сумбул и ждать там ответа. Утром мы перенесли лагерь в Хотон-сумбул, зимнюю резиденцию торгутского правителя.

Хотон-сумбул разместился в степи к северо-западу от Карашара.

Накатанная повозками дорога привела нас в местность, густо заселенную кочевниками Повсюду белели войлочные юрты, паслись большие табуны лошадей и стада рогатого скота. Хотон-сумбул – небольшой городок с белеными кирпичными домами, широкими чистыми улочками и базаром Дворец ламы, выстроенный в европейском стиле, и ряд других построек полуевропейской архитектуры свидетельствовали о прогрессивных взглядах правителя

По прибытии во дворец нас провели в большую комнату, где стояли китайские столы и стулья из черного дерева и лежали медвежьи шкуры. Едва мы вошли, как комнату заполнили советники ламы в черных халатах и тут же начали задавать бесконечное количество вопросов, откуда мы пришли и куда направляемся. Чиновники разошлись только к вечеру, но их немедленно сменили седобородые старики и женщины с детьми. Все они курили сигареты и трубки. Трехлетний мальчик на руках у курящей матери держал сигарету и с явным удовольствием вдыхал дым, моргая глазами. Нас оставили в покое только поздним вечером, разрешив поставить палатки около дворца.

Утром экспедицию навестил личный секретарь правителя и сообщил, что правитель ждет нас во дворце. Мы встретились с Тоин ламой, как его называют жители Восточного Туркестана и Джунгарии, в комнате, обставленной по-европейски, с большим столом посередине. На камине красовались две банки консервов, поставленных в качестве украшения.

Тоин лама – интересная личность среди политиков Центральной Азии. Несколько лет назад его называли «сильным человеком торгутов», который взял в свои руки власть после смерти младшего брата, торгутского хана. С самого начала в его политике проявились националистические тенденции, и он сумел искоренить мощное китайское влияние при дворе последнего торгутского хана.

В 1920-1922 гг. Тоин лама, приступая к реорганизации войска, пригласил к себе русского инструктора, бывшего офицера царской армии, который обучил четыре эскадрона торгутской кавалерии. Китайцы следили за его деятельностью с опаской.

В 1924 г., во время беспорядков в Кашгаре, правительство Урумчи потребовало, чтобы Тоин лама послал свою кавалерию против Ма титая и поставил верблюдов китайским войскам. Однако Тоин лама категорически отказался посылать своих всадников, и с тех пор китайцы слегка усилили давление на его народ. В начале 1925 г. Тоин ламе было приказано отправить в Урумчи кавалерию для отражения наступления армии маршала Фэн Юй-сяна. Торгуты всегда были в составе военного резерва Синьцзяна, и власти не замедлили этим воспользоваться: русского инструктора арестовали во время его поездки в Урумчи и выслали из Синьцзяна, а командиром эскадронов назначили китайского офицера.

В тот раз регент подчинился требованиям китайцев и послал в столицу провинции три своих эскадрона. Два эскадрона были оставлены в Урумчи для охраны генерал-губернатора, а третий китайцы загнали в далекий Чарклык, лежащий на южном пути в Тунь-хуан, для наблюдения за тайной торгутской дорогой в Лхасу в Тибете. Спустя некоторое время эта

дорога была закрыта, и генерал-губернатор запретил карашарским паломникам покидать родные селенья.

Во время нашего пребывания в Хотон-сумбуле Тоин лама ожидал новых военных действий от китайских властей. Мы получили от него приглашение посетить Урумчи и пожить некоторое время во дворце, подаренном ему генерал-губернатором.

Позднее в Урумчи мы услышали о том, что китайцы решили передать государственную печать, или тамгу, юному хану, тринадцатилетнему мальчику, и в этом случае Тоин лама вынужден был бы оставить свой пост и уйти в монастырь.

Последователи Тоин ламы считают его воплощением известного ламы Сэнчэна Дорджэчана, одного из просвещенных иерархов Шигацзе. Трагическая кончина этого почтенного ламы подробно описана японским путешественником Экайем Кавагучи. Он был арестован лхасскими властями по обвинению в содействии исследованиям известного индийского путешественника-тибетолога Бабу Сарат Чандра Даса. После длительного заключения ламу утопили в реке Конг-по в июне 1887 г. Рассказывают, что святой, будучи наставником Таши ламы, предсказал свою печальную участь в рисунках, выполненных на стенах его личных покоев.

Тибетское правительство распорядилось о том, что душа ламы не подлежит перевоплощению (это самое страшное наказание в Тибете), и тем не менее он воплотился в далеком Туркестане в семье хана карашарских торгутов. Сэнчэн Дорджэчан прорицал перед смертью, что родится снова в стране войлочных палаток и стад рогатого скота. И действительно, у новорожденного была замечена такая же слабая деформация колена, как и у покойного ламы. Весть о перевоплощении Сэнчэна вызвала негодование в Лхасе, и, когда мать привезла мальчика в столицу Тибета, чтобы посвятить в монахи, его не допустили в знаменитый монастырь.

Однако торгуты были слишком могущественными, а их подношения весьма существенными, чтобы с ними можно было порвать дружеские отношения. После длительных колебаний мальчика приняли в монастырь Ганден, хотя тибетское правительство так и не признало полностью его перевоплощения. В 1921 г. правящий лама, став предводителем карашарских торгутов, нанес кратковременный визит в Лхасу, и его появление там вызвало немало толков.

Тоин лама оказался очень приятным человеком, который отнесся с большим вниманием к нуждам экспедиции и обещал оказать нам посильную помощь. Он согласился дать соответствующие распоряжения настоятелю Балгантай-Шара-суме и обеспечить нас надежными проводниками. Мы покидали дворец, уверенные в плодотворном путешествии по Тянь Шаню, но когда вернулись в лагерь, то узнали от китайского офицера, прибывшего из Карашара в сопровождении нескольких всадников, о приказе следовать обратно в город. Мы, естественно, отказались и заявили офицеру, что не сдвинемся с места, пока не получим письменного объяснения от генерал-губернатора. Офицер уехал, но вскоре вернулся в сопровождении толпы торгутских советников и мелких чиновников и продолжал настаивать на нашем отъезде в Карашар. Но мы были непреклонны в нашем решении остаться в Хотон-сумбуле до тех пор, пока не получим письменное объяснение от регента или от властей Карашара. Возбужденная толпа покинула лагерь.

Экспедиция готовилась к новым испытаниям. Наши люди откуда-то узнали, что местные власти намерены применить против нас силу.

Хотя оружие было опечатано, мы решили держаться до конца. Во второй половине дня мы увидели вокруг лагеря группы калмыков в темных одеждах. Они подходили все ближе и ближе, и вскоре плотная толпа торгутов, выкрикивающих угрозы, окружила нас.

«Давайте разоружим иностранцев!» – крикнул кто-то, и толпа устремилась вперед. «Они откроют огонь!» – раздался чей-то голос, и толпа отступила назад. Оружие находилось в моей палатке, охраняемое двумя походными слугами с топорами. В случае опасности мы намеревались вскрыть ящики, а наши люди при необходимости готовы были взяться за оружие. Вдруг появился китайский офицер и стал убеждать нас вернуться в Карашар, ссылаясь на угрозу со стороны торгутов. Мы снова повторили свой отказ о выезде до получения письменных объяснений. Толпа вновь заволновалась, а несколько парней, находившихся, по-видимому, в состоянии сильного алкогольного опьянения, призвали к нападению на иностранцев. Напряжение росло, все сотрудники экспедиции приготовились к

обороне. Мы подозвали китайского офицера и посоветовали ему принять меры, ибо в противном случае нам придется это сделать самим. Пораженный нашей выдержкой, он выставил перед нашим лагерем солдат, и мы стали свидетелями того, как они разогнали слегка отступившую толпу с помощью кнутов и прикладов винтовок. Сразу же после этой сцены торгуты стали вновь дружелюбными и намекнули, что инцидент был спровоцирован китайцами, чтобы заставить нас вернуться в Карашар.

Регент прислал к нам своего секретаря с просьбой посетить его. Он принял нас в своем кабинете и извинился за поведение соплеменников, а затем вручил письмо, в котором утверждалось, что ни он сам, ни его народ ничего против экспедиции не имеют, но на него оказал давление член городского магистрата Карашара. Получив такие заверения, мы выразили готовность вернуться в Карашар и обсудить все вопросы с генерал-губернатором. Мы вернулись в лагерь, чтобы приготовиться к путешествию.

Утром следующего дня мы выехали в Карашар, где посетили члена магистрата. Этот деятель не отрицал, что именно он отдал приказ о возвращении экспедиции из Хотон-сумбула и выглядел сильно смущенным. Мы выразили протест и потребовали от него представить письменные объяснения своих действий генерал-губернатору, с помощью которого нам хотелось выяснить причины наших злоключений в Хотане и Карашаре.

Непросто было найти повозки и вьючных животных для перевозки багажа и лагерного снаряжения. Буквально в последнюю минуту перед выездом из Карашара нам удалось нанять четыре китайские повозки и десять мулов до Урумчи, принадлежавших торговцу из Ку-чьенга.

2 апреля мы покинули Карашар и в тот же день пришли в деревушку Тавилга, где и остались на ночлег. Дорога вела по пыльному песчаному тракту, поросшему кустарником. Путь в Ушактал шел по точно такой же дороге. Дни были жаркие, и тучи москитов беспокоили людей и животных. К северу поднимались суровые горы. Из деревни Ушактал в Урумчи ведет горная дорога, которой часто пользуются местные кхошуты. Дорога была пустынной, лишь иногда одинокий всадник-калмык, курящий свою длинную трубку, появится в степи и затем снова исчезнет в зарослях.

Из Ушактала дорога вела по песчаной степи со скудным кустарником. На ночь мы остановились в одиноком лангаре, или постоялом дворе, Кара-Кизил.

На следующий день въехали в суровую горную страну, пересеченную полосами каменистой пустыни. Прямо к тропе подступали скалы с обнажениями вкраплениями гранита, порфира и базальта. В лучах заходящего солнца узкие ущелья горели разноцветными огнями. Ночь мы провели на постоялом дворе в Аргай-Булаке, живописно расположенном в узком горном ущелье.

В Токсун нам пришлось добираться по знойным пескам и каменистой пустыне. В нескольких милях за Аргай-Булаком раскинулась широкая каменистая пустынная равнина, постепенно понижавшаяся в направлении Турфанской впадины. Вдали виднелись колеблющиеся очертания Токсуна и его садов.

После пятичасового перехода под вечер экспедиция вступила в Токсун. Было начало лета, и сады изумляли обилием цветов. Мы разбили лагерь около городских ворот на берегу реки. Наши ладакцы, пораженные внезапной сменой температуры и времени года, в растерянности бродили по лагерю и вдоль водоема. Там, в горах и пустынях, – ранняя весна с холодными ночами и ветреными днями, а здесь – лето с жаркими днями и душными ночами. Токсун расположен у края Турфанской впадины, на высоте ста сорока футов над уровнем моря. Ночью мы не спали из-за жары и москитов, набившихся в нашу палатку.

На следующее утро лагерь сняли раньше, чем обычно, чтобы поскорее пересечь раскаленную каменистую Токсунскую равнину. Спустя некоторое время мы остановились у одинокого полуразрушенного постоялого двора, расположившегося среди низких холмов. Приятно было снова ощутить прохладу суровых гор восточного Тянь Шаня.

За все время пути нам повстречался лишь один караван верблюдов, направлявшийся в Кашгар. Ведущий верблюд – крупное животное черного цвета – нес на себе груз с весело разукрашенным штандартом: к длинному шесту был привязан хвост лошади с разноцветными кусочками ткани. После утомительного одиннадцатичасового перехода мы остановились на отдых в небольшом городке Та-пьян-чьенг со смешанным населением из китайцев и тюрков.

Дорога в Цайо-пу пролегала по песчаной равнине, покрытой местами соляной коркой. Порывы ледяного ветра с северо-востока резко изменили погоду: на горизонте появились тяжелые черные тучи, и не успели мы дойти до грязной деревушки Цайо-пу, как над равниной яростно разбушевался ветер и разразилась песчаная буря. Плотные тучи из лессовой пыли пронеслись над несчастным селением. С невероятным трудом удалось нам поставить палатки, и тотчас же на них обрушилась лавина песка и камней. Все, кто мог, в течение двух часов не выпускали из рук опорные шесты и канаты. Ветер завывал до восхода солнца, и ранним утром мы обнаружили толстый слой песка на полу и постелях. Утро, напротив, было изумительно ясным, но настолько холодным, что пришлось надеть шубы.

Последний переход до Урумчи осуществлялся по пустынной местности, по-зимнему мрачной и бесплодной. С вершины невысокого горного хребта мы впервые увидели столицу Синьцзяна. Город раскинулся на берегу реки Архоту, текущей среди широкой равнины, окруженной цепями гор Восточного Тянь Шаня На востоке белела могучая Богдо-ула, впервые обследованная русскими исследователями, братьями Грум-Грджимайло в 1889-1890 гг.

При подходе к городу дорога неожиданно пришла в движение: появились всадники, вереницы верблюдов и лошадей. Мы миновали длинный конвой тяжело груженных повозок и солдат в темно-серых мундирах. Скрип огромных колес, топот копыт и пронзительные крики погонщиков «оу-э, оу-э, оу-э!» сливались в нестройную какофонию. Обоз доставлял груз для отряда на границу Кансу – в Син-син-ся. Оказывается, между Синьцзяном и Кансу началась война, и генерал-губернатор спешно мобилизовывал войска.

У ворот города экспедицию встретили представители фирмы братьев Бреннер и препроводили в специально отведенный для нас дом, находившийся в бывшей русской концессии, состоявшей из одной широкой улицы и небольших домов европейского типа. У ворот дома к нам подошел китайский офицер и хотел реквизировать повозки для военных нужд. Мы запротестовали – и после долгого спора удалось убедить его повременить.

Вечером нас пригласили на званый ужин, который давал глава местного филиала фирмы братьев Бреннер. Казалось, все были обеспокоены военными приготовлениями губернатора Яна. Мобилизация началась месяц назад, и около 10 тыс. солдат были отосланы в Син-син-ся, чтобы воспрепятствовать наступлению генерала Фэн-Ю-Сяна и его союзников из Кансу. Говорили, что неподалеку от Урумчи проходят подготовку новобранцы, лихорадочно приводится в порядок амуниция и оружие. Беспокойные сообщения приходили с монгольской границы: бои со значительными потерями произошли между монгольскими пограничными войсками и киргизскими племенами возле массива Байтик Богдо, и огромные банды торгутов и киргизов бежали в Джунгарию, испугавшись наступления монголов. Атмосфера накалялась, над границей собирались тучи войны.

VI

УРУМЧИ И ДЖУНГАРИЯ

Столица Синьцзяна встретила нас холодом и ледяными ветрами, продувающими насквозь близлежащую равнину. Поскольку наши дом и подворье не могли вместить всех сотрудников, грузы и лошадей, то мы решили подыскать более просторное жилище. Это оказалось трудным и почти безнадежным делом в густонаселенном Урумчи.

Наш первый день прошел в официальных визитах. Чтобы ознакомиться с ситуацией в городе, в первую очередь мы посетили министра почты Синьцзяна мистера Кавальери, итальянца по происхождению. Дорога к его комфортабельному дому, расположенному недалеко от резиденции генерал-губернатора, проходила через русскую концессию и мусульманский квартал Урумчи. Снег растаял, улицы утопали в неописуемой грязи, прилипавшей к копытам лошадей и колесам повозок. Пестрая толпа заполняла городские базары и лавки.

Повсюду сновали китайцы и их мусульманские соотечественники, тунганы. В Урумчи имеется огромное поселение тунган и до недавнего времени они играли важную роль при дворе губернатора. Однако, в связи с воинственными намерениями генерала Ма из Синина, синьцзянских тунган заподозрили в заговоре, и многие из них вынуждены были бежать из столицы, опасаясь гнева губернатора Яна.

Среди уличной толпы выделялось огромное количество конных киргизов, прибывших в город из соседних районов. На всех были одеты своеобразные, шлемоподобные меховые шапки, тяжелые овчинные шубы и кожаные сапоги. Солдаты осаждали многочисленные рестораны и чайханы, проводя последние дни в столице в азартных играх и пьянстве. Среди толпы военных привлекали внимание калмыки своей выправкой и независимым видом, столь характерными для людей, привыкших к дисциплине.

Это был типичный, обнесенный стеной, китайский город с бесконечными рядами лавок, украшенными рекламными надписями на красной бумаге и толпами людей в черных одеждах. Лавки были заполнены всевозможными китайскими и даже европейскими товарами, доставляемыми в Урумчи караванами верблюдов, проделывающих долгий путь в течение шести месяцев по монгольской пустыне Гоби. Среди лавчонок выделялись похоронные бюро с выставленными вдоль улицы огромными деревянными гробами, выкрашенными в красный цвет. Каждый респектабельный китаец должен быть похоронен в своей родной провинции, и эти огромные саркофаги служили для транспортировки тел умерших торговцев и других членов китайской колонии в отдаленные уголки Китая.

Господин Кавальери оказался приятным человеком, известным тем, что оказывал помощь многим американским и европейским путешественникам. Прослышав о наших затруднениях в Хотане, он рекомендовал нам персонально решить все вопросы с генерал-губернатором, чтобы навсегда исключить возможность дальнейших осложнений. Мы рассказали ему о трудностях, которые испытывали на всем протяжении нашей научной и художественной деятельности, и что местные власти не в состоянии отличить живопись от картографии. Господин Кавальери рассказал о моем старом друге господине Аллене Присте, который гостил у него в течение нескольких недель, а затем из Синьцзяна отправился в Сибирь и Китай. Он упорно советовал нам идти в Пекин через Чугучак и Сибирь, так как считал, что для иностранцев это единственный безопасный путь. На границе Кансу происходили волнения, и на дороге были вероятны нападения со стороны многочисленных банд разбойников и дезертиров, сбежавших из армий, дислоцированных вдоль дорог.

Господин Кавальери послал записку личному секретарю генерал-губернатора Чу Тахеню с просьбой немедленно приехать, и тот сразу же прибыл. Чу оказался приятным молодым человеком, хорошо владевшим русским и немного английским.

Мы сразу приобрели в его лице верного друга, который старался помочь нам во время всего пребывания в Урумчи и всегда с удовольствием сопровождал нас на официальных визитах и переговорах. Мы рассказали ему подробно о наших злоключениях в Хотане и Карашаре, после чего он, всплеснув руками, сказал, что будет трудно убедить генерал-губернатора начать расследование. Весьма вероятно, что местные власти превысили свои

полномочия, но это обычное явление для администрации Синьцзяна. Господин Чу сказал нам, что генерал-губернатор очень обеспокоен притеснениями экспедиции в его провинции и намерен встретиться с нами лично.

Распрощавшись с господином Кавальери, мы отправились вместе с Чу Та-хенем к генерал-губернатору и Фэн Яо-ханю, занимавшему должность верховного представителя по иностранным делам в местном правительстве Синьцзяна.

Резиденция губернатора состояла из нескольких изолированных построек и огороженных дворов. Ворота тщательно охранялись хорошо вооруженными патрульными. Около одних ворот мы увидели груду солдатских фуражек, приготовленных для раздачи рекрутам. В другом месте – выстроившуюся пехотную полуроту с многочисленными знаменами и несколькими трубачами. Отряд готовился выступить в Син-син-ся. Губернаторский ямень показался нам очень ветхим: стекла во многих окнах первого этажа были выбиты, их заменяла грязная бумага и тряпки. Зато во дворах слонялось множество слуг, а вход в ямень охранялся грозными телохранителями, вооруженными маузерами и саблями.

Генерал-губернатор принял нас в своем небольшом кабинете, где находились письменный стол и огромное количество китайских книг в синих матерчатых переплетах. Ян Цен-синь, генерал-губернатор Синьцзяна, встал, чтобы поприветствовать нас и предложил усаживаться поближе к столу. Это был человек примерно шестидесяти пяти лет, крепкого телосложения, с длинной седой бородой. На нем был одет очень простой серый халат и обычная черная тюбетейка. Говорил губернатор медленно и тихо, но иногда, чтобы подчеркнуть важность сказанного, внезапно резко повышал голос. Более пятнадцати лет правил Ян Цен-синь обширным владением. Утвердившись на этом посту после китайской революции 1911 г., он продержался в должности генерал-губернатора довольно долго. Методы его правления отличались решительностью и суровостью, и противники не осмеливались открыто выступать против него. В 1916 г. во время опасных выступлений киргизов на Кашгарской границе он показал себя как сильный правитель, приняв решение уничтожить врага. Во время трудного периода 1919-1923 гг., когда русские красные и белые отряды переходили границу Синьцзяна и война перемещалась в Китайский Туркестан, он снова сумел удержать свое положение и избежать опасности. Основная цель политики Яна состояла в том, чтобы сделать Синьцзян независимым от чьего бы то ни было влияния, как европейского, так и китайского. Поддерживая внешне дружественные и лояльные отношения с пекинским правительством и регулярно высылая налоги, он, тем не менее, не терпел никакого вмешательства центральной власти в дела провинции.

Границы Синьцзяна были фактически закрыты: ко всем приезжим, даже к китайцам из самого Китая, относились с большим подозрением, часто арестовывали их и депортировали. Особенно не любил генерал-губернатор китайцев, которые, получив образование в заграничных университетах, пропагандировали современные идеи в Китае. Будучи консерватором, Ян не мог представить себе Китай живущим по-современному. Он считал провинцию своим личным владением, его администрация была настроена реакционно и по своим деловым качествам не уступала даже старой бюрократии времен империи. Во время его правления Синьцзян пережил период так называемого мнимого экономического расцвета. Но в действительности, политика полной изоляции постепенно удушала провинцию, и это становилось все очевиднее. Запрещая открытие фабрик и заводов, Ян стремился не допустить образования пролетариата в Синьцзяне и изменений в социальной структуре провинции. В своей решимости держать Синьцзян в изоляции этот правитель дошел до того, что не позволял даже строить хорошие дороги и использовать автомобили и самолеты для связи с внешним миром.

Радиостанции в Урумчи и Кашгаре и телеграфная линия, связывавшая Синьцзян с Китаем, находились под контролем генерал-губернатора, частным лицам почти не разрешалось пользоваться радиоприемниками. Несколько лет тому назад Русско-Азиатский банк организовал автомобильные перевозки пассажиров и грузов между Китаем и Синьцзяном. Китайские власти выразили свое одобрение этому новшеству, и несколько автомобилей было послано в Монголию с целью проложить дорогу через пустыню Гоби. Генерал-губернатор Синьцзяна быстро наложил вето на это новое дело, и единственному автомобилю марки «Паккард», проникшему в Синьцзян, было запрещено ездить по улицам

города. Автомобиль был продан банком господину Кавальери, который добился разрешения пользоваться им только в пределах Урумчи.

Запрещалось издание газет и журналов, иностранная пресса и переписка подвергались предварительной цензуре. Очень часто газеты и журналы конфисковывались. Такими крутыми мерами создавалась видимость спокойной жизни в провинции.

Правитель Ян прославился расправами над своими врагами. В Урумчи мы наслушались немало разных рассказов об обедах, которые заканчивались кровопролитием. Уже много лет в народе и среди чиновников назревало скрытое недовольство режимом. В 1924 г. по приказу генерал-губернатора был схвачен и казнен титай Кашгара генерал Ма – двоюродный брат знаменитого Ма Чи, пограничного комиссара и наместника Синина, правившего на китайско-тибетской границе с 1915 г.. Во время нашего пребывания в Урумчи ходили слухи, что генерал Ма собирается идти на Синьцзян. Правитель Ян был вынужден мобилизовать войска и укрепить границу от Синьцзяна до Кансу. Трудно сказать, насколько серьезными были эти военные приготовления. Приезжавшие из Кансу рассказывали, что войска в Син-син-ся ужасно бедствуют, нуждаясь практически во всем, и масса солдат дезертирует в близлежащие горы, сея панику среди населения.

Кроме того, губернатора Яна называли человеком большого литературного дарования. Он был автором мемуаров и многочисленных административных указов, изданных в трех солидных томах, копии с которых были отправлены совсем недавно в Британский музей.

Два года спустя мы узнали, что господство Ян Цен-синя трагически закончилось 7 июля 1928 г. Престарелого генерал-губернатора застрелил телохранитель Фэна Яо-ханя, верховного представителя по иностранным делам. По сообщениям из Китая, это случилось во время церемонии вручения ежегодных премий в административной школе. Возможно, что Ян стал жертвой тщательно подготовленного заговора.

Сразу же после покушения Пекин назначил Фэна генерал-губернатором Синьцзяна, но судьба обернулась против него. Прибыв во дворец генерал-губернатора для исполнения своих высоких обязанностей, он был схвачен и брошен в тюрьму личным секретарем покойного правителя. Дочь Фэна тоже заточили в тюрьму, и большинство его приверженцев казнили. Спустя несколько дней после ареста, Фэн Яо-ханя и его дочь приговорили к линь-чи, т.е. к казни, посредством рассечения заживо на 10000 кусков, причем отца заставили наблюдать муки дочери. Власть перешла в руки временного совета сановников и оставалась у них до тех пор, пока новый генерал-губернатор Синьцзяна был назначен националистическим правительством Нанкина.

Мы долго беседовали с генерал-губернатором Ян Цен-синем, который возложил всю вину за наше притеснение на местных чиновников Хотана. Он заявил, что таоинь Хотана Ма Шао-ву совершенно никому не подчиняется, и образно сравнил Хотан с разбойничьим гнездом. По его словам, карашарские торгуты, известные бандиты, поэтому не удивительно, что у нас возникло там столько проблем. Когда же мы высказали предположение, что главным виновником инцидента в Карашаре был член городского совета, правитель Ян очень удивился и покачал головой. Его Превосходительство заверил нас, что здесь, в Урумчи, мы можем делать все, что нам захочется.

Мы попросили губернатора отдать распоряжение чиновникам о возвращении нашего оружия, и его превосходительство воскликнул: «Какой позор! Конечно же, оно будет вам возвращено! Вы, иностранцы – великие люди и должны прощать нас, маленьких людишек». Мы рассказали Яну о своих планах на будущее, и он сильно засомневался, удастся ли нам продолжить путешествие в Кансу. По его мнению, в Пекин можно было попасть только через Сибирь. Создавалось впечатление, что нас снова пытались заставить сменить маршрут.

После поучительной беседы с генерал-губернатором мы отправились к Фэн Яо-ханю, верховному представителю по иностранным делам, временно исполнявшему обязанности таоиня. Фэн несколько лет учился в японском университете и считался хорошим дипломатом. Он обещал всемерно содействовать экспедиции, но тоже усомнился в отношении предполагаемого путешествия в Кансу и сказал, что было бы лучше получить разрешение идти через Сибирь.

В тот же день профессор Рерих подал просьбу о разрешении на проезд через Сибирь, и ему сказали, что ответ поступит примерно через две недели. Мы пробыли в Урумчи гораздо дольше, чем предполагали. Господин Фельдман, директор Русско-Азиатского банка, любезно

предложил нам дом с большим подворьем, принадлежавший банку, и мы с радостью приняли это предложение.

Каждый день мы совершали экскурсии по столице и часто встречались с местными чиновниками. Положение на границе с Кансу ухудшалось, по улицам Урумчи ежедневно проходили войска. Впереди походной колонны обычно шел оркестр, за ним несколько знаменосцев несли огромные красные, желтые и разноцветные флаги. Солдаты выглядели как пестрое сборище хулиганов в униформе. Рядом с солдатами часто вышагивали мальчики лет двенадцати, которые несли сразу по три винтовки. Это означало, что солдаты вверяли мальчишкам свое оружие, а сами в это время с наслаждением курили в ближайшем ресторане.

По синьцзянским законам даже мелкие собственники освобождались от военной службы, поэтому местная армия состояла из бродяг и нищих, набранных по приказу генерал-губернатора. Обычно для поставки нужного количества солдат совершался рейд по всем ночным клубам и игорным домам города и его окрестностей. Всех, кого там заставали, тут же арестовывали и отправляли в казармы. Ежемесячное жалованье солдата в Синьцзяне не превышало пяти лан, что примерно равнялось трем мексиканским долларам. Часто вместо денег выдавали опиум. Войска снабжались огнестрельным оружием разных калибров и систем, и это крайне затрудняло поставку боеприпасов в армию.

20 апреля вдруг неожиданно начался сильный снежный буран, не прекращавшийся трое суток. Резко похолодало, горы вокруг покрылись снегом.

25 апреля Фэн Яо-хань пригласил проживавших в Урумчи иностранцев на банкет в летний дворец генерал-губернатора. Этот дворец примечателен огромным чугунным памятником у входа, воздвигнутым Ян Цен-синем в собственную честь. Расходы по созданию и перевозке монумента из Китая в Урумчи легли на плечи «благодарных» жителей города.

5 мая Фэн Яо-хань подтвердил, что для экспедиции открыт лишь один единственный путь через Сибирь. Мы решили двигаться к озеру Зайсан, а затем на пароходе в Омск.

10 мая город украсили флагами, и солдаты прекратили военные учения. Пришли сообщения, что сининский генерал Ма разбит тибетцами. Несколько месяцев назад тунганские кавалеристы генерала Ма разграбили богатый и почитаемый монастырь Лабранг, и Джам-ян ше-па (Джам- дбьянгз бшед-па), воплощенный лама и настоятель монастыря, был вынужден бежать в Кхам, или Восточный Тибет. Лама разослал письма вождям всех племен на китайско-тибетской границе с призывом защитить монастырь от разграбления тунганскими солдатами. Племена выставили по два воина от каждого стойбища, и вскоре грозные эскадроны кочевников обрушились на аванпосты тунган. Солдаты Ма Чи были вынуждены отступить, а в окрестностях Танкара и Синина появились группы тибетских всадников. Оказавшись в критическом положении, генерал Ма бросил все свои боеспособные части против наступавших тибетцев. Напряжение на границе с Кансу немного спало.

11 мая на обеде в Русско-Азиатском банке мы познакомились с доктором В. Филчнером, известным немецким исследователем и автором нескольких книг о Северо-Восточном Тибете и Китае. Он рассказал нам о трудностях, возникших у него с местными властями, которые отказались уяснить научную цель экспедиции по заполнению существующих пробелов в магнитных исследованиях Центральной Азии.

13 мая генерал-губернатором был дан обед в нашу честь. Среди приглашенных был доктор Филчнер, господин Кавальери, господин Вельдман, католический миссионер и несколько китайских чиновников с кульджанской границы. Генерал-губернатор сообщил, что наш паспорт с разрешением на поездку в Пекин будет готов на следующий день, и пожелал нам счастливого пути. Обещанный документ представлял собой свиток длинной в шесть футов, в котором, помимо подробного перечня снаряжения и действий персонала, излагались художественные и научные задачи нашей экспедиции. Оружие нам вернули только накануне отъезда.

16 мая мы покинули Урумчи на трех русских телегах. Погрузка отняла много времени, к тому же, возница оказался очень раздражительным человеком и доставил нам немало хлопот во время путешествия.

Путь из Урумчи в Чугучак и Дурбульджин часто описывался в литературе. Покинув Урумчи, а вместе с тем и горную страну Тянь Шань, мы вступили в замкнутый Джунгарский бассейн, страну песчаных степей, солевых болот и озер. Джунгарский бассейн и окружающие его горные области всегда были местом великих кочевых миграций.

За два тысячелетия волны неукротимых кочевых племен, следовавшие одна за другой, основали здесь могущественную цивилизацию и поглотили коренное население. В течение столетий древний кочевой путь, один из старейших исторических высокогорных путей Азии, идущий к северу от Небесных гор или Тянь Шаня и соединяющий высокогорья Монголии со степными территориями, расположенными севернее Каспия и Черного моря, оглашался топотом скачущих орд. Мы до сих пор не в состоянии постичь истоки этого могучего движения народов, которые, будучи привлечены центрами древней культуры, вступили на путь завоевания и разрушения границ Китая и Римской империи. Железные легионы древних римлян и тонкая дипломатия китайских правителей не в состоянии были сдержать их яростных атак.

Смещение одного камня в горах часто вызывает грандиозные обвалы. То же мы видим и в истории кочевых племен: вот одно племя переживает период расцвета, непрестанно вторгаясь на пастбища своих соседей; вот путем завоеваний и набегов оно сплачивает вокруг себя либо побежденные соседние племена, либо родственные, которые добровольно присоединяются к могущественному соседу как к своему сюзерену. Азия вновь и вновь переживает восстания кочевников, которые дают импульс мощным волнам племенной миграции. Великие сдвиги в сердце Азии, которые приносили разрушения и голод во многие страны Европы и Ближнего Востока и были описаны современными писателями как божья кара, не только отметили падение классического мира, но и стали предвестниками темных периодов раннего средневековья. Сильный шок от монгольского нашествия в XIII веке, потрясшего всю Европу, оставил мощный отпечаток на умонастроении эпохи и подготовил почву для последующего периода Ренессанса.

Могущественные империи кочевников появлялись и уходили в небытие, не оставив после себя ни величественных памятников, ни письменных свидетельств. Мы узнаем о них по тому неизгладимому отпечатку, который они оставили при прохождении через соседние государства. До последнего времени история кочевых культур была для нас закрытой книгой и ее ослепительный блеск только ставил в тупик ученых. Только теперь мы учимся оценивать историческую важность этих культур и их грандиозное влияния на соседние страны и покоренные народы.

Археологические исследования кочевых районов Центральной Азии все еще находятся в зачаточном состоянии, и сотни древних тумули, или могильников, разбросанных по огромным просторам азиатских степей, дожидаются лопат исследователей. На наших глазах возникает новая отрасль исторической науки, задачей которой станет нахождение законов, обусловивших возникновение кочевых государств, и изучение древностей великого позабытого прошлого.

Одной из задач нашей экспедиции была регистрация обнаруженных нами могильных курганов и других следов кочевой культуры, расположенных вдоль северной границы Тянь Шаня, Джаировых гор и Алтая, еще не описанных в научной литературе. Исторические памятники вдоль великих торговых путей, к югу от Небесных гор, тщательно исследовались рядом археологических экспедиций, и почти не было надежды совершить здесь сенсационные открытия. Оставалась великая культура кочевников Центральной Азии, которая распространилась на огромном пространстве, от степей на юге России до самых границ Китая. Вдоль всего северного края внутреннего бассейна Китайского Туркестана разбросаны могильные курганы, скрывающие сокровища ушедших вождей кочевых племен. С умершим вождем в могилу клали все, что было дорого его сердцу. Вдоль всей пограничной Монголии и Джунгарии также обнаружены многочисленные курганы, но нестабильные условия в этом районе и частые нападения бандитов мешали проводить более тщательные археологические исследования.

Лето быстро вступало в свои права. Начиналась изнурительная жара, и от пустынных равнин исходило ослепительное сияние. Вдали возникали миражи, и безоблачное свинцовое небо было раскалено жгучими солнечными лучами.

17 мая мы ненадолго остановились в Манасе, небольшом городке, окруженном многочисленными разрушенными деревнями и фортами – следами тунганского восстания 1864 г. На каждом этапе пути наши документы проверяли местные чиновники, несмотря на специальные распоряжения генерал-губернатора.

Песчаные участки, поросшие тамариском, перемежались широкими поясами зарослей, изобилующих дичью.

24 мая показались волнистые очертания Джаировых гор. Дорога в Чугучак считалась небезопасной из-за частых нападений разбойников в узких ущельях. Разбойниками были в основном местные киргизы, которые в зимние и весенние месяцы занимались бандитизмом и наводняли соседние горы. После гражданской войны в этих местах осталось значительное количество оружия и обмундирования, и хорошо вооруженные банды киргизов совершали набеги по маршрутам, связывающим Урумчи с Чугучаком и Кульджи. Все горные дороги тщательно охранялись китайскими солдатами и местной милицией, но это не способствовало предотвращению частых убийств. Несколько недель тому назад здесь убили богатого торговца из Кульджи, несмотря на то, что его личный конвой состоял из сорока вооруженных солдат. Нашей экспедиции, обремененной гружеными телегами, пришлось принять необходимые меры предосторожности и провести разведку близлежащих холмов, зорко наблюдая за странными всадниками, то и дело появлявшимися и исчезавшими на гребнях соседних холмов. Ночью мы довольно спокойно миновали опасное ущелье Кунделин.

По ту сторону Джаировых гор местность становилась все более гористой: мы быстро приближались к обширному горному району Тарбагатай. В 1863-1873 гг. Тарбагатай и близлежащие горы Уркошара и Джаира были заселены арбан-сумунскими олотами и калмыцкими племенами, пришедшими с юга. Все чаще нам стали встречаться калмыцкие олоты, а в окрестностях Дурбульджина мы обнаружили множество калмыцких поселений и несколько кочевых монастырей, размещавшихся в войлочных юртах.

26 мая экспедиция прибыла в Дурбульджин, небольшой городок к востоку от Чугучака, центра пограничной торговли, а на следующий день выступила в направлении сибирской границы. Дорога проходила по волнистым холмам, покрытым великолепными пастбищами. Здесь жили исключительно одни киргизы, но в окрестностях Савурских гор было немало калмыцких лагерей. Мы миновали несколько зимних киргизских поселений, или кишлаков, расположенных в хорошо защищенных долинах. Эта идеальная страна, являющаяся пастбищем для огромных табунов лошадей и крупного рогатого скота, всегда была излюбленным местом кочевников. Она изобиловала могильниками, окруженными концентрическими кругами из вертикально поставленных каменных плит, и другими следами кочевого прошлого.

Начальник китайского таможенного поста оказался совершенно безграмотным парнем, и мы с трудом втолковали ему содержание нашего паспорта.

На следующий день в сопровождении сильной милицейской охраны мы направилась к сибирской границе. Нам пришлось преодолеть безлюдную местность, расположенную между китайским и русским пограничными аванпостами. Этот район являлся излюбленным местом киргизских конных банд, нападавших на путешественников.

Два дня мы провели на русских пограничных постах, завершая все формальности, и 1 июня на пароходе «Лобков» отплыли из Зайсана в Семипалатинск и Омск по направлению к Сибирской железной дороге.

VII

МОНГОЛИЯ

Наш экспресс мчался по равнинам Сибири, покрытым темными девственными лесами из елей и кедра. Ранним утром поезд миновал Иркутск с его кафедральным собором, четко выделявшимся на фоне предрассветного неба. Затем показался красивый южный берег и спокойная гладь великого озера Байкал, опоясанного горными цепями. За Байкалом местность стала более гористой и поезду приходилось петлять среди холмов, поросших лесом. Это была Бурятия, и все чаще на платформах станций стали попадаться буряты в остроконечных меховых шапках и голубых халатах. Поздним вечером поезд прибыл в столицу Бурятской автономной республики Верхнеудинск. Здесь мы провели три дня, занимаясь погрузкой и подготовкой автомобилей к экспедиции в Монголию.

Ранним утром 9 сентября мы выехали из Верхнеудинска на двух «доджах», благополучно переправились на пароме через широкую Селенгу и взяли курс на Троицкосавск, последний русский пограничный город, бывший когда-то процветающей колонией торговцев чаем. После двухчасовой езды местность стала более лесистой; мы проезжали мимо великолепных сосновых боров. День выдался пасмурный, с моросящим дождем и холодным ветром, и из-за этого путешествие было мало приятным. Дорога размокла, и порой нам приходилось ехать по степи, объезжая грязные места. На всем протяжении от Верхнеудинска до границы местность была безлюдной.

Лишь дважды нам повстречались буряты верхом на лошадях и в небольшой двуколке.

Днем мы миновали Гусиное озеро, на берегу которого стоит Гусиноозерский монастырь, или дацан (по-тибетски «гра-цан»). Есть предположение, что этот монастырь является центром обучения буддизму в Забайкалье и что здесь находятся резиденция бурятского пандита-ханпо и знаменитая типография, выпускающая прекрасные ксилографии, которые пользуются широким спросом у сибирских буддистов, в астраханских степях и в Монголии.

В полдень мы добрались до маленького казачьего поселка в окрестностях Селенгинска, где была старая церковь и несколько обветшалых домов времен декабристского восстания, в которых отбывали ссылку многие из его организаторов. В нескольких милях от Селенгинска нам снова пришлось переправляться через Селенгу. Переправа оказалась опасной из-за быстрого течения реки и отсутствия парома. Машины доставляли на другой берег на лодках, по очереди. Из-за неосторожности водителя один «додж» едва не сорвался в воду, но лодочник вовремя спас его.

На подступах к Троицкосавску ландшафт становится более холмистым. Дорога пересекает ряд долин, расположенных среди низких песчаных холмов, покрытых густыми сосновыми лесами. Мы ехали очень медленно, так как песчаная дорога после недавних ливней была чрезвычайно скользкой и грязной. Нам часто приходилось выходить из машин и толкать их по косогорам. Кроме того, у одного «доджа» не было фар, и это сильно осложняло продвижение. Около полуночи, в кромешной темноте, мы въехали в Троицкосавск и направились к большой белой гостинице, которая по удобствам превосходила гостиницу в Верхнеудинске.

На следующий день члены экспедиции отправились на пограничный пост отметить свои паспорта. После завершения необходимых формальностей мы пересекли границу и направились к небольшому караульному посту, где находились монгольские солдаты, одетые в меховые тулупы и вооруженные современными ружьями и саблями. Один из солдат запрыгнул в машину и сопроводил нас до монгольского пограничного города Алтын-Булака, известного прежде под названием Маймачен, – главного пограничного пакгауза китайской торговли. Местность, покрытая голыми холмами, и необычайно прозрачный воздух очень напоминали нам о высокогорьях Центральной Азии. Мы стояли у великого географического рубежа: позади остались таежные просторы Сибири, а впереди, насколько видит глаз, простираются обширные степи Центральной Азии.

Алтын-Булак – небольшой городок со смешанным населением из русских, монголов и китайцев. Во время жестоких сражений возле Троицкосавска и Алтын-Булака в 1918-1921 гг.

город был стерт с лица земли, а китайское население уничтожено. После кровавых событий число китайских торговцев значительно уменьшилось, многие крупные китайские концерны были закрыты или захвачены монголами.

Комиссар монгольской заставы был в отъезде, и нам достаточно долго пришлось дожидаться его в управлении. Это был небольшой дом в полукитайском, полуевропейском стиле. В комнатах стояли длинные столы, за которыми на высоких табуретках сидели монгольские служащие. Большинство из них были одеты в национальные монгольские халаты, подпоясанные широкими поясами красного и желтого цвета, и большие монгольские сапоги с загнутыми носами, или гутулы. Монголы невозмутимо курили длинные китайские трубки и внимательно нас разглядывали. Один из них расхаживал по комнате, затем, остановившись перед нами, задумчиво произнес: «Америка». Другой служащий, молодой бичечи, или секретарь, громко читал большой бумажный свиток. У этих монгольских клерков была забавная привычка читать письма и документы вслух, с особой интонацией. Иногда некоторые из них садились рядом и громко повторяли тексты составляемых документов. По особому жужжанию голосов, доносящихся из открытых окон и дверей, всегда можно безошибочно найти ямень, или государственный секретариат. Такой класс государственных служащих относится к разряду монгольской интеллигенции.

Около четырех часов дня с формальностями было покончено, и мы отправились в дальнейший путь. Экспедиция направлялась к обширным и бескрайним степям Монголии, в страну великих покорителей Азии. Дорога постепенно становилась круче, и нам пришлось преодолеть несколько невысоких холмов, поросших травой. Как белое ожерелье сверкали ступы, или субурганы, возвещая о въезде в приграничные районы буддийской Монголии.

Гребни холмов, увенчанные сосновыми лесами, темной полосой выделяются на фоне пылающего заката. Местность кажется совершенно необитаемой. Лишь изредка можно увидеть загорелого монгольского всадника с тонкими чертами лица, одетого в яркий цветной кафтан, в высокой, лихо заломленной монгольской шапке. Всадник на мгновение останавливается, бросает на нас любопытный взгляд и исчезает в бескрайних просторах родной степи. А завтра в радиусе нескольких сот миль все будут знать, что здесь проезжали какие-то иностранцы на двух гелтерге, или «огненных телегах», как здесь называют автомобили. Для монгола навестить друга, покрыв сотню миль, – в порядке вещей. Новости здесь разносятся на лошадях быстрее, чем по телеграфу или на машинах. Говорят, что нынешний главнокомандующий Монголии проезжает по степи до трехсот миль в день, нанося краткие визиты своим друзьям. Удивительная страна Монголия! Едешь часами – и не видишь никого, кроме русских и китайских рабочих, строящих новое шоссе из Кяхты в Ургу.

Вечером, в полной темноте, мы достигли реки Иро, одного из притоков Селенги. На противоположном берегу стояли монгольские юрты, в которых жили русские и китайские рабочие. Мы уговорили паромщика переправить нас через реку и разбили лагерь на открытом месте, поблизости от бедных монгольских юрт, из которых вышли две старые женщины, одетые в тряпье. Ночь выдалась холодная, и мы развели костры. Над гладью реки поднимался белый туман, окутывая противоположный берег. На юге вздымались мрачные силуэты лесистых гор. В соседнем монастыре ламы протрубили в раковины, призывая к вечерней молитве.

Здесь, на берегах реки Иро, недавно родился мальчик, проявивший странные способности. Его появление на свет сопровождалось знамениями, мать-шаманка слышала таинственные голоса, а сам ребенок произносил удивительные предсказания о славном будущем буддийской Монголии. Весть об этом, как молния, распространилась по всей стране, и ламы повсюду шептали о приходе вновь воплощенного Джецюна там-па Хутукхту. Монгольское правительство даже создало комиссию для проверки этих слухов и, чтобы успокоить население, послало в Ургу специальные воззвания. Однако бороться со слухами с помощью печати порой бывает нелегко, и вести о новом Богдо Гегене продолжали волновать умы глубоко верующих монголов. Этот мальчик – не единственный кандидат на пустующий престол Первосвященника Монголии. Есть еще один ребенок, родившийся в центральной части страны, который сейчас обучается в одном из монастырей поблизости от китайской границы.

Мы сняли лагерь еще до рассвета и от реки направились в южном направлении к невысокому перевалу на гребне холма, поросшего лесом. Недавно построенная дорога была

покрыта грязью вперемешку с песком. Машины то и дело увязали в этом месиве, и приходилось вытаскивать их с помощью лошадей.

С вершины перевала, на который мы поднялись, открылась чудесная панорама с волнообразными холмами. Спуск вывел нас к широкой речной долине Баин-гол, где протекала узкая речушка с коварным и топким руслом. У береговой полосы застряло несколько машин, следующих из Урги. Они пытались перебраться через реку, но вода залила моторы. Шоферы предостерегали нас от безрассудной переправы, но мы решили рискнуть, тем более, что несколько всадников предложили нам свою помощь. Сложив багаж в кузов и покрыв радиаторы брезентом, мы привязали к бамперам канаты, а их концы всадники прикрепили к передним лукам седел. Потом все уселись, водители включили зажигание, и верховые с дикими криками погнали лошадей к противоположному берегу. Во все стороны летели брызги, но машины благополучно достигли цели.

За Баин-голом лежали прекрасные пастбища. На склонах гор паслись табуны лошадей и стада верблюдов. Мы прошли мимо развалившихся каменных лачуг – остатков китайских ферм, разрушенных во время гражданской войны 1919-1921 гг. Гористая местность тянулась до Кара-гола – другого притока Селенги, орошающего широкую плоскую долину. Мы остановились на ночлег у деревянного моста, соединяющего берега реки. Ночь была ясной, но очень холодной, и утром небольшие лужицы покрылись тонкой коркой льда.

На рассвете мы снова отправились в путь по красивой гористой местности с долинами, покрытыми травой, и холмами, поросшими лесом. Эти холмы являются отрогами Кентайских гор. Здесь генерал П.К.Козлов, замечательный русский исследователь, сделал блестящее открытие, обнаружив старинные ткани, выполненные в так называемом «зверином стиле». Местность, по которой пролегал наш путь, всегда вызывала восторг. За несколько миль до Урги дорога вывела нас в широкую долину реки Тола, к югу от которой возвышается величественная Богдо-ула, гора, покрытая девственным лесом – прибежище многочисленных животных. В столице монгольских первосвященников под лучами яркого солнца сияли крыши монастырей и храмов.

При въезде в город, на маленьком пропускном пункте все путешественники обязаны предъявить заграничные паспорта, полученные в монгольском пограничном комиссариате. Мы остановились около небольшой деревянной лачуги и вручили паспорта мрачному монгольскому солдату в остроконечном меховом шлеме и бушлате цвета хаки. Он унес наши документы в барак и долго не появлялся. Наше терпение иссякло, и мы вошли в дом, чтобы узнать о причине задержки. Два унтер-офицера играли в шахматы, а солдат с нашими паспортами ждал, когда его начальство закончит партию. Мы возмутились, и наши бумаги тотчас же были отмечены, а офицеры продолжили свою захватывающую игру. В Урге не считаются со временем, так же, как и в любом другом месте Центральной Азии.

Для штаб-квартиры нам посчастливилось найти небольшой четырехкомнатный дом с двумя просторными дворами и конюшнями. В данный момент я не имею возможности описывать разнообразную каждодневную деятельность экспедиции. Нам следовало готовиться к длительному путешествию по Центральной Азии через Монголию и Тибет в Индию и тщательно изучить маршрут. Из Монголии профессор Рерих отослал картины с уникальными видами страны и эпизодами из ее жизни в Рериховский музей в Нью-Йорке.

Современная Урга – город резких контрастов, типичных для страны, переживающей путь коренных реформ. Современные транспортные средства, такие, как самолеты и автомобили, соперничают с овеянными веками длинными вереницами величественных верблюдов и с неуклюжими повозками, запряженными волами.

Старая ламаистская Урга представляет большой интерес для исследователя буддизма. Урга, или Улан-Батор-Хото, – столица автономной Монголии, и самый большой ее город находится у места слияния рек Толы и Сельбы, примерно в ста семидесяти милях от Кяхты на сибирской границе. Он расположен на территории Тушетуханского аймака, или провинции. При спуске с Долан-Дабхурских гор, на северо-западе от Урги, открывается вид на город, лежащий в широкой долине реки Толы, протянувшейся на двадцать миль с востока на запад и на девять миль с севера на юг. Над долиной возвышается Богдо-ула, через которую проходит южная граница лесов в этой части Монголии. На востоке долину прикрывают низкие отроги хребта Баин-Хутула, достигающие значительной высоты в окрестностях Урги. На севере лежат сильно изрезанные хребты горной гряды Чингилту-улы

и ее северо-западного ответвления Далан-Дабхура, а на западе высятся горы Сангийн-улы. В верховьях Толы, с юго-западной стороны, долина остается открытой.

Растительность в долине очень скудная, большинство окрестных холмов покрыто травой. Вдоль реки Толы, у подножия Богдо-улы и по направлению к Сангийн-улы изредка встречаются небольшие рощицы.

Леса в окрестностях Богдо-улы – подлинный национальный парк Монголии, где начиная с XVIII века строго запрещены рубка деревьев и охота. Это место считается священным, и во времена правления лам здесь два раза в год совершались жертвоприношения. Начало этого культа относится к 1778 г., когда императорскому двору было представлено прошение от лица правителей Урги с просьбой, чтобы императорский двор узаконил культ священной горы. Основанием для прошения была вера в то, что у подножия горы Богдо-ула родился Чингисхан. Петиция была принята, и император с удовольствием издал декрет, повелевавший отсылать два раза в год из Пекина нужное количество ароматических палочек и кусочков шелка

Лесной заповедник Богдо-улы представляет огромный интерес для естествоиспытателя. Здесь, на лесных склонах священной горы, он может изучать флору Монголии и наблюдать жизнь многих крупных животных, почти исчезнувших в других регионах страны. Закон, запрещающий охоту на зверей и рубку деревьев, действителен и при новом, республиканском правительстве Монголии, сохранившем полицейские посты в многочисленных ущельях. На южном склоне горы стоит монастырь Манджушри-хит, известный на всю Монголию аскетизмом монахов и ученостью настоятеля, который оказывает значительное влияние на политическую жизнь страны.

Урга занимает обширную территорию и состоит из неизменного центра, где в холодные зимы проживает большинство горожан и вокруг которого кочевники ставят большое количество войлочных юрт.

Европейцам город был известен как Урга, что соответствует монгольскому слову «ургу», т. е. «великолепный лагерь, дворец». Но монголы никогда не употребляли это название, хотя возможно, что оно существовало еще с древних времен, когда долина Толы была резиденцией важных религиозных сановников. Монголы неизменно называли город Икхе-кюрен, что значит «Великий монастырь». В обиходе называли просто кюреном, а на китайско-монгольском – Дакюре (Та-кюре, в китайской транскрипции – Та кью-лунь) Тибетцам известно его последнее название (Так-ху-ре) В ноябре 1924 года Икхе-Кхурулдан, или Великий Народный Хурал Монголии, переименовал Ургу в Улан-Батор-Хото, или «Город Красного Богатыря» Но, несмотря на это, повсеместно употребляется название, освященное веками.

Самые первые исторические справки об Урге, относящиеся к 1649 г., можно найти в монгольской хронике «Эрдени-йин ерикхе». Там говорится, что Ундур Геген, первый в истории Кхалки Джецюн там-па Хутукхту, или шестнадцать раз рожденный, согласно ламаистской традиции, возвратившись из Тибета, основал в Ном-ун Икхе-кюрене семь монашеских школ, или дацанов (по-монгольски – аймак). Икхе-кюрен в долине реки Толы был, вероятно, только временной резиденцией знатного кхалкинского инкарнированного ламы. Ундур Геген провел остаток своей жизни в Джехоле, Долон-норе и Пекине (он умер в Пекине в 1723 г.). Известно, что его преемники жили в разных местах Внешней Монголии. Монастырь Икхе-кюрен не был постоянной обителью, с 1719 г он переезжал с места на место.

В 1741 году постоянной резиденцией Джецюна там-па Хутукхту стал Икхе-кюрен, или Урга. С этого момента и начался расцвет монастыря. В 1756 г была основана первая теологическая школа для изучения цан-нид, или высшей метафизики буддизма. Школе разрешили присуждать ученые степени, и в монастырь начали стекаться ламы. О растущем влиянии монастыря незамедлительно узнали китайцы. Для них очень большое значение имело создание постоянного административного и религиозного центра на территории Монголии, т.к. это облегчало контроль за беспокойными монгольскими племенами. В 1741 г. они организовали пост «шандзот-ба» (слово заимствовано из тибетского языка «чан-цзо-па», «пхьяг-мдзод-па»), на который возлагался надзор за огромным имуществом Хутукхту и его крепостными. В 1758 г., после падения власти ойратских племен, китайское правительство посадило в Урге императорского резидента, который был официально направлен для

помощи шанцзотбе в управлении городом. Это официальное лицо вело все дела, касающиеся пограничных вопросов. Тремя годами позже, в 1761 году, из Манчу был прислан чиновник, чтобы помогать первому резиденту, который с тех пор стал считаться монгольским принцем. Икхе-кюрен и соседняя торговая колония постепенно превратились в постоянное поселение. В 1779 г. в Пекин было направлено послание с просьбой разрешить монастырю обосноваться на берегах реки Селби.

Вскоре в окрестностях монастыря появились довольно крупные русская и китайская торговые колонии. Ламы протестовали против того, чтобы китайские торговцы строили свои лавки около монастыря. Они даже несколько раз посылали петиции в Пекин, но столичные власти не всегда хотели идти на уступки, они обычно тянули время, и китайская торговля в Урге процветала. Неудовлетворенные ламы отодвигали монастырь ближе к реке Толе, но всякий раз возвращались на прежние места. После долгих проволочек китайские власти все-таки предписали торговцам не располагаться рядом с монастырем и не мешать ежегодной процессии Майдари. В результате всех этих действий в шести милях к востоку от кюрена возник большой торговый центр, известный под названием Маймачен. Постелено недовольство лам по отношению к торговцам утихло и в настоящее время кюрен окружен многочисленными лавками и большими торговыми фирмами.

Со временем Урга стала религиозным и административным центром Монголии, резиденцией Джецюна там-па Хутукхту и уполномоченного китайского императора.

В 1786 г. императорский декрет закрепил за своим уполномоченным в Урге право принимать окончательное решение в управлении аймаками Тушету-хан и Сетсен-хан в центральных и восточных провинциях Внешней Монголии.

В девятнадцатом веке значение Урги быстро выросло. Через ее ворота шла интенсивная торговля чаем от Кяхты до Пекина. Ежегодный экспорт в Сибирь значительно увеличился, и в результате этого в городе возникла русская торговая колония. Урга, таким образом, стала главным пакгаузом монголо-русской торговли. В 1863 году здесь открылось русское императорское консульство, и с этого времени Урга приобрела многонациональные черты, которые так характерны и для современного Улан-Батора.

Китайская колония также была мощным фактором в развитии монгольской столицы. Крупные фирмы Пекина и Шаньси разместили в Урге и по всей стране свои филиалы, и через несколько десятилетий Внешняя Монголия стала почти полностью экономически зависимой от Китая. В 1912 году Урга была официально объявлена столицей автономной Монголии и сохранила этот статус до настоящего времени.

Такова краткая история города. Каждый вновь прибывший в Ургу поражается ее полуоседлым, полукочевым обликом. Город возник в переходный период, когда страна еще была отсталой и не приобщенной к западной цивилизации. В границах старого поселения формируется новый город с электроосвещением и автотранспортом. Между величественными храмами, крыши которых сверкают в лучах яркого монгольского солнца, разбросаны жалкие юрты. Высокие деревянные заборы, поставленные вокруг большинства домов, придают однообразие узким улочкам. Серые, выцветшие от непогоды изгороди и ворота, выкрашенные в красный цвет, различаются только крошечными дощечками с номерами домов и названиями улиц, написанными по-монгольски. За заборами обычно скрываются большие дворы с маленькими одноэтажными домиками в русском или китайском стиле. Если подворье принадлежит монголу или буряту, то около дома стоят одна или несколько юрт. Монголы живут в доме только летом; на зиму они перебираются в теплые юрты с деревянным полом и железной или кирпичной печкой. Если в зимних юртах просторно и чисто, то они выглядят очень уютно. В зажиточных семьях их покрывают толстым белым войлоком, украшенным по краям орнаментом. Внутри юрты, как правило, есть низкий диван, на котором спят, или кровать, либо в европейском, либо в китайском стиле. В центре жилища находится печка с железной трубой, которая выведена наружу через отверстие в крыше. Кроме того, здесь имеется стеклянный шкаф со священными изображениями, служащий алтарем. Перед изображениями стоят «восемь счастливых даров», то есть семь поставленных в ряд металлических чаш с жертвенной водой, а между ними, в центре, – зажженный светильник, или чокунг. В богатых домах жертвенные чаши сделаны из тяжелого серебра и украшены богатым орнаментом, а у тех, кто победнее, – из простой бронзы.

Некоторые верующие монголы имеют хорошие собрания религиозной литературы, приобретенной за большие деньги в Тибете, обычно в Лхасе, Кумбуме и Лабранге. Однако большинство этих изданий, особенно Канджур и Танджур, которые покупают только для богослужений, напечатано некачественно. Всеобще известно, что эти книги издаются на плохой бумаге в старой нартанской типографии для богатых монгольских паломников. Отдельные страницы сплошь залиты типографской краской, многие вообще отсутствуют. Канджур и Танджур гораздо лучше издают в Дерге гон-чене. Как правило, для печатания книг там используют плотную китайскую бумагу и металлические печатные формы. Размер томов Канджура несколько меньше, чем у нартанских изданий.

Искусство книгопечатания пришло в Тибет из Китая. Первые тибетские книги были изданы в Пекине в 1069 году, а первый тибетский Трипитака появился, по-видимому, между 1311 и 1319 гг. Последнее нартанское издание Канджура и Танджура датируется 1747 г. С течением времени многие деревянные шрифты истерлись, и, чтобы исправить положение, нынешний Далай лама распорядился несколько лет назад вырезать новые в дворцовой типографии Поталы. Новый потальский Канджур уже готов к печати, но, насколько мне известно, за пределами Лхасы нет ни одной его копии, и не ясно, изготовлены ли печатные формы для Танджура. Говорят, что новый потальский Канджур будет состоять из ста восьми томов, но посмотрим, будет ли он лучше прежних нартанского и дергенского изданий.

Юрты образованных монголов и чиновников освещены электричеством, но европейская мебель в них встречается редко. Большинство монголов обычно сидят на корточках на полу или на толстых матрацах, разложенных вдоль стен юрты. По обеим сторонам двери обычно стоят большие яркие деревянные сундуки красного, желтого и голубого цвета, используемые в качестве хранилищ. Многие европейцы предпочитают жить в таких юртах, так как зимой в них намного теплее и можно укрыться от резких холодных ветров, свирепствующих в долине Толы.

Недавно были предприняты попытки строительства каменных зданий в форме юрт с целью создания национального монгольского стиля в архитектуре. На широкой площади Улан-Батора, по которой проносятся всадники на быстрых скакунах, находится своеобразное сооружение: на многогранном низком фундаменте покоится огромный купол Оно напоминает гигантскую монгольскую юрту. Снаружи здание украшено изображениями «восьми счастливых символов». Здесь расположился национальный монгольский театр и народный клуб Это была первая попытка архитектора придать монументальному строению облик кочевой юрты. Во время нашего пребывания в Урге здание еще строилось, и мне не довелось увидеть его внутреннего устройства. И все же мне кажется, что для зданий не подходит юртообразная форма. Постройка с куполами слишком уподобляется западному стилю, и в лучшем случае, напоминает мусульманскую мечеть, в которой отсутствует поразительное изящество линий. Тибетская архитектура намного монументальнее и больше отвечает современным требованиям. Она позволяет строить высокие здания, не нарушая характер стиля. Такие попытки уже были предприняты в Урге, и есть надежда, что монгольское правительство последует этому примеру в строительстве новых государственных учреждений.

К сожалению, большинство современных зданий в Урге построены в посредственном европейском стиле или похожи на жалкие китайские лачуги, которые совершенно не отвечают характеру города. Летние дворцы последнего Джецюна там-па Хутукхту, расположенные в двух милях от Урги на берегу реки Толы и превращенные в настоящее время в национальный музей и школу, построены в смешанном стиле и практически не представляют интереса. Кирпичные стены, сложенные по китайскому образцу перед главными входными воротами, изрешечены пулями, серьезно повредившими барельефы. Все это следы жестокой борьбы, которая проходила здесь в январе 1921 г.

Богатые частные коллекции умершего Хутукхту представляют собой замечательное собрание вещей: бесценные священные фигурки из Тибета и Пекина, великолепная библиотека с религиозными и светскими книгами на манчу, монгольском, тибетском, китайском языках, разные европейские технические устройства и антикварные вещи, фотокамеры, фильмы, полевые бинокли, телескопы, дорогие изделия из китайского фарфора и бронзы, большое количество современного европейского оружия, запасы сигарет невообразимой длины, мумии животных и, наконец, маленький зверинец из диких животных

В настоящее время все это конфисковано разными Правительственными департаментами или продано на рынке Урги.

Позолоченные парадные кареты Хутукхту, окрашенные в яркие цвета, были проданы с аукциона, и теперь многие из них курсируют между Ургой и его пригородами, являясь собственностью китайских кучеров. Довольно часто на улицах города можно видеть эти странные экипажи, изготовленные по прихоти восточного правителя. Такие общественные «омнибусы», запряженные двумя жалкими косматыми лошадьми и заполненные китайцами и монголами, усиливают колорит живописных улиц Урги.

Другая достопримечательность города – бывший дворец Сайн Нойн хана, бывшего первого министра Монголии. Он расположен между Ургой и Толой и когда-то был одним из прекраснейших дворцов города.

Китайский форт, построенный в 1883 г во время внезапной мобилизации во внешней Монголии, в настоящее время полностью разрушен. За городом находятся бараки монгольской армии, которая состоит только из кавалерийских частей, так как монголы – замечательные кавалеристы и очень плохие пехотинцы.

На северо-западе Урги находятся рынок и торговые кварталы. Здесь сосредоточены все основные торговые учреждения столицы: Центральное Монгольское Кооперативное Общество, Кооперативное Общество Урги и несколько частных магазинов, в основном, филиалы харбинских фирм. Немного в стороне, около монастыря Ганден, раскинулся большой китайский торговый квартал. Узкие улочки по обеим сторонам зажаты высокими стенами из кирпича и камня; на огромных воротах вывешены названия фирм на китайском, монгольском и тибетском языках. Как принято во многих китайских домах, лавки и склады расположены за забором, вдали от шума улиц. Во дворах, как правило, чисто, а в лавках опрятно и уютно. Монгольские покупатели проводят здесь много часов, рассматривая товар и прицениваясь. Покупателям неизменно предлагают чай, а служащие фирмы стараются изо всех сил убедить их купить что-нибудь или взять в долг.

На западной окраине улочек китайского квартала, протянувшихся с востока на запад, находятся лавчонки китайских ремесленников, серебряных дел мастеров, металлистов, плотников, гробовщиков, портных, рестораны, магазины, торгующие религиозной литературой и произведениями искусства, а также мехами и прочим. Каждая улица с противоположной стороны, запирается на ночь воротами, и весь квартал воспринимается как единая гигантская постройка.

Вокруг торгового центра и рынка разбросаны бесчисленные домики и лачуги, в которых обитает большинство населения Урги. Некоторые улочки настолько узки, что всадник по ним может проехать только в одном направлении, и если автомобиль рискнет свернуть на такую дорогу, то все встречное движение возвращается назад, до места разъезда. Время от времени можно видеть, как погонщики поворачивают верблюжьи караваны, уже миновавшие большую часть улицы, в обратном направлении; это значит, что навстречу движется автомобиль.

Много писалось о запахах и грязи в Урге. Совсем недавно муниципальные власти попытались сделать все возможное, чтобы улучшить санитарное состояние улиц, убрав кучи мусора и проведя дезинфекцию бедных кварталов. Естественно, что многое еще предстоит сделать, поскольку на улицах города нет тротуаров, а дренажная система находится в зачаточном состоянии. Во всем городе отсутствует система водоснабжения, и растущее население Урги вынуждено носить воду из Толы. Весной речная вода обычно грязная, с неприятным запахом, и лишь сухой климат препятствует распространению эпидемий.

По улицам бродят огромные своры бездомных собак, крупных черных животных с лохматой шерстью, которые часто нападают на людей. Власти пытались бороться с этим злом, но не встретили поддержки со стороны жителей, считающих за грех убивать животных. Тогда городские старшины нашли замечательный выход из положения: они распорядились, чтобы всех бродячих собак загнали за деревянную ограду и кормили за счет казны. Это привело к дополнительным государственным расходам и не освободило город от собак, кишащих на улицах и площадях. Они чрезвычайно свирепы, и потому вечерами бывает опасно проходить мимо мусорных куч – мест их обитания. Однажды мне пришлось отбиваться от собачьей своры. Хотя я и был в седле, псы пытались стянуть за ноги, но, к счастью, все обошлось благополучно. Рассказывают об одном караульном, на которого

ночью напали собаки и загрызли, несмотря на то, что у него было ружье и сабля. Он сделал все возможное, чтобы одолеть эту голодную стаю, и даже убил несколько собак, но остальные повалили его на землю и разорвали на куски. На следующее утро нашли только ружье, саблю и часть одежды караульного – все, что от него осталось. Шапка, сапоги и даже патронташ были растерзаны на части.

С подобными трудностями столкнулась недавно сформированная в Лхасе полиция. Полицейские тибетской столицы решили очистить город от собак, чтобы улучшить его санитарные условия, но население и монахи трех самых больших монастырей яростно запротестовали и помешали осуществлению проекта.

Собаки Урги – санитары города. Монголы редко хоронят своих умерших. Обычно их тела отвозят в долину, к северу от Урги, и сбрасывают на землю на съедение собакам. Животные выполняют свою обязанность с изумительной быстротой, и через несколько минут от трупа ничего не остается, кроме обглоданных костей. Самое неприятное то, что собаки часто таскают за собой по городу человеческие кости, а иногда и целые скелеты. Однажды я обнаружил человеческий череп с кожей и волосами, лежащий у дороги, недалеко от дома, где разместилась наша экспедиция. Собака притащила его ночью и бросила здесь.

Китайское кладбище в Маймачене с незахороненными деревянными гробами представляет ужасное зрелище. Собаки не могут полностью вытащить трупы из гробов, и из-за этого по всему кладбищу распространяется смердящий запах. Некоторые гробы разбиты на кусочки, а из других торчат головы и ноги, которые собаки спешат сожрать. Разумеется, это кладбище для бедных. Зажиточные семьи отправляют тела своих умерших в родную провинцию Китая, и часто можно видеть верблюдов, груженных огромными китайскими гробами, и следующих в Калган.

Урга является главным перевалочным и распределительным пунктом страны. В 1922 г. в Монголии развернулось кооперативное движение. В настоящее время Монгольское Кооперативное Общество, или Монценкооп, насчитывает 26 филиалов, 102 небольших отделения и четыре агентства в Москве, Тьенцине, Калгане и Кхайларе. Монгольское правительство оказывает финансовую помощь кооперативам. В 1923-1924 гг. Центральный Кооператив импортировал различных товаров на сумму в 531000, а экспортировал – в 523000 мексиканских долларов. Государственный план на 1927 г предусматривает доведение экспорта до двух миллионов тугриков (по обменному курсу 1926 г. один тугрик равен одному мексиканскому доллару), а импорта – до трех миллионов трехсот тысяч тугриков. До сих пор импорт значительно превышал экспорт. В целях укрепления экономики страны в Алтин-Булаке была построена сыромятная фабрика, которая обошлась государству в 420000 тугриков. Эта фабрика снабжает армию и население кожаными изделиями (седлами, сапогами и т.д.), а также овчиной и теплыми войлочными ботинками. Говорят, что правительство собирается построить еще одну сыромятню, чтобы увеличить выпуск продукции. Кроме того, обсуждается возможность строительства кирпичного и металлургического заводов. Для финансирования этих предприятий решено основать Монгольский государственный банк. Из правительственного отчета за 1926 г. видно, что руководство проявляет заботу об освоении природных ресурсов страны и что необходимы специальные законы, регулирующие предоставление концессий гражданам Монголии и иностранцам.

Со времени гражданской войны 1918-1922 гг. в стране значительно сократилось число земледельцев, состоящих в основном из русских и китайских поселенцев. Площадь угодий, обрабатываемых монголами, невелика, и правительство предложило свою помощь в развитии сельского хозяйства. Был издан закон, по которому государство обязуется поддерживать тех, кто хочет стать фермером, выдать им землю и сельскохозяйственные машины. Иностранные концессионеры взялись изучать сельскохозяйственные возможности земли, и больших успехов в этом добилась Датская концессия.

Другая серьезная забота монгольского правительства – это улучшение пород крупного рогатого скота. По данным 1926 г. в стадах Внешней Монголии насчитывалось 19211736 голов. Монголы с незапамятных времен занимаются скотоводством и коневодством, но на протяжении веков за этими выносливыми от природы монгольскими животными не было хорошего ухода и порода сильно выродилась. Никто не занимался селекцией, хотя такие исследования жизненно необходимы не только для самой Монголии, но и для соседних

стран, зависящих от ее экспорта. Посмотрим, какими мерами удастся правительству Монголии улучшить породу скота. При правильной постановке дела страна вскоре может стать одним из крупнейших скотоводческих регионов Центральной Азии.

В стране насчитывается около 1697 иностранных коммерческих предприятий и 700 торговых фирм. Китайское население Внешней Монголии составляет около 100000 человек. В основном это служащие больших концернов из Пекина и Шаньси, ремесленники, рабочие и кули.

Автомобильные дороги связывают Ургу с важнейшими торговыми центрами Монголии и пограничными районами Сибири и Китая. Главные дороги – это Урга-Улясутай – Кобдо, протяженностью в 900 миль, Кяхта – Урга – 180 миль, Урга – Манчжурия, соединяющая столицу Монголии с городом Манчжурия на восточно-китайской железной дороге, – 800 миль и торговый путь Урга – Калган – 800 миль. В 1918 г. совместная компания из нескольких европейцев и китайского уполномоченного в Калгане установила регулярное автомобильное сообщение между Калганом и Ургой. Конечно, это не те автомобильные дороги, в прямом смысле слова, как мы их привыкли понимать. Современным требованиям отвечает лишь строящееся шоссе из Кяхты в Ургу. В основном, автомобилям приходится пересекать степи и песчаные пустыни, преодолевать реки и горные перевалы.

В Монголии до сих пор нет железной дороги, но в настоящее время обсуждается вопрос о строительстве ветки Улан-Батор – Верхнеудинск. Совсем недавно планировалось осуществление грандиозных железнодорожных проектов по соединению Синьцзяна с Ургой и Китаем, однако им не суждено было сбыться, так как ни экономическое положение страны, ни перевозки пассажиров и грузов не требовали таких огромных затрат.

После временного пребывания Далай ламы в Монголии в 1904 г., в результате громадных пожертвований, среди которых были серебро и крупный рогатый скот, возникла необходимость создания тибетского правительственного управления для охраны собственности Его Святейшества Далай ламы.

Во главе его был поставлен ци-пон (рци-дпон), или, официально, доньер (мгрон-гнер), чтобы наблюдать за деятельностью различных правительственных агентов на всей территории Монголии. В его обязанности входило: представлять тибетское правительство и присматривать за личным имуществом Далай ламы, передавать в Лхасу важную политическую информацию, приобретать товар для правительства, наблюдать за тибетской торговлей в Монголии и выдавать пропуска паломникам, идущим через Цайдам и Синин в Нагчу и Лхасу.

В дни правления Богдо Гегена тибетцы, проживавшие в Монголии, находились в полном подчинении доньера. Любой тибетец, уличенный в преступлении, отсылался монгольскими властями к доньеру, который судил их по законам своей страны. Основным наказанием была порка, но иногда преступнику разрешали внести выкуп, освобождавший его от телесного наказания. Заключеный очень редко содержался в полицейском участке тибетского консульства, так как это была хлопотная процедура, требовавшая наличия стражи. Статус доньера мало чем отличался от статуса наших консулов.

Во времена правления Богдо Гегена эти тибетские представители очень пристально наблюдали за монгольским Первосвященником, поскольку хорошо известно, что религиозные власти Тибета были не слишком довольны деятельностью ургинского Хутукхту, и несколько раз Далай ламе пришлось намекать ему о необходимости возвращения в Тибет.

Для охраны огромной собственности Его Святейшества Далай ламы требовался большой аппарат надзирателей. Доньер имел в своем распоряжении доверенных лиц, разъезжавших по стране и повсеместно собиравших с населения денежные пожертвования, которыми народ обложил себя сам во время пребывания Далай ламы в Монголии. Крупные суммы денег сдавались на хранение в та-хуре цзи-кханг, или барун-санг, как тибетцы и монголы называют тибетское казначейство. Деньги часто пускались в оборот, принося большой доход ростовщикам, и только недавно монгольское правительство запретило эти незаконные операции.

Как известно, тибетскую торговлю контролирует государство через посредничество торговых агентов. Оно же выдает лицензии частным лицам, разрешая торговать им от своего имени. Официально их называют шунг-ги тшонг-па, или правительственные торговцы.

В Урге всегда существовало большое поселение тибетцев. Благодаря своей учености, тибетские ламы часто имеют репутацию врачей. Некоторые из них являются воплощенными ламами монгольских монастырей, другие – духовными наставниками высокопоставленных чиновников, оказывая на них значительное влияние. Многие ламы отказались от монашеской жизни, женились на монголках и занимаются торговлей в окрестностях Урги. Бывшие ламы, которых обычно называют тра-ло, или «возвратившими монашеские обеты», образуют целую касту. Остальную часть поселенцев составляют торговцы, ведущие товарообмен между Ургой, Пекином и Синином. Среди них были и преступники, бежавшие из Тибета и беспечно живущие на гостеприимной монгольской земле.

Для того, чтобы вести частную торговлю, богатые тибетские семьи пользуются услугами торговых агентов, доверяя им вести дела от своего имени. Так, известный тибетский государственный деятель, ныне покойный Лончен Шатра, имел такого агента в Урге. Этот человек нажил огромное состояние и считался одним из самых богатых купцов в тибетской колонии.

Во время гражданской войны в Монголии 1919-1922 гг. он лишился всего своего богатства, серьезно заболел и лишился рассудка. Я привык часто видеть его на улицах Урги, одетого в великолепный шелковый халат и большую меховую шапку Он скитался по базарам и, когда к нему обращались, повторял одну и ту же фразу: «Верните мне мои деньги». Удивительно, что он помнил имена всех виновников своего несчастья. Позднее я слышал, что этот разорившийся торговец пытался покончить жизнь самоубийством, используя в качестве оружия тибетскую саблю, и что доньеру пришлось поставить у его юрты охрану.

До начала гражданской войны 1919-1922 гг. Тибет вел интенсивную торговлю с Монголией, экспортируя в огромном количестве изображения святых, лхасские благовония, ксилографии религиозных книг, небольшие партии тибетских мехов, мантии для религиозных сановников и ценную пуру – высококачественную тибетскую хлопчатобумажную ткань. Монгольский экспорт состоял, в основном, из китайского шелка, импортных товаров, русской кожи, шкур, мехов и русской парчи. Нынешнее правительство Монголии установило слишком высокие таможенные пошлины на все предметы религиозного культа, что, практически, и привело к застою в торговых отношениях между Монголией и Тибетом. На протяжении последнего десятилетия дороги, связывающие Тибет с Монголией, были небезопасными для торговых караванов. В 1926-1927 гг. в монгольскую столицу из Тибета пришли только два каравана, доставив столь малую партию товара, что можно смело говорить о затухании тибето-монгольской торговли и о том, что торговые пути перестали быть артериями, по которым осуществляется товарообмен в Центральной Азии.

Китайские ремесленники, в большинстве своем плотники, или мучанги, строят в Урге дома, а тунчанги, или металлисты, заняты в промышленности. Важную прослойку китайских ремесленников в столице составляют сапожники, или, по-монгольски, гутулчи, которые шьют гутулчи, высокие монгольские сапоги с загнутыми носами, и торгуют высококачественными сапогами с орнаментом, ввозимыми из Калгана. За сапожниками идут скорняки, или элдурчи, которые выделывают шкуры, закупаемые у местных жителей. Зажиточные монголы носят зимой шелковые халаты с подкладкой из овчин китайской выделки. Те, кто победнее, предпочитают овчинные тулупы местного изготовления, которые намного тяжелее, но зато теплее и совершенно незаменимы во время зимних путешествий по Гоби. Китайские портные, или цай-фены, обслуживают, в основном, европейцев и своих соотечественников. Если монголы не отдают предпочтение китайской моде, то они носят национальную одежду, считая ее добротнее. Другая большая группа ремесленников состоит из ваятелей и серебряных дел мастеров, изготовляющих бронзовые и глиняные статуи святых для монастырей и личных алтарей, а также серебряные жертвенные чаши и культовые предметы. Однако их изделия больше напоминают грубые поделки, чем произведения искусства. Многие ремесленники приезжают из крупных мастерских Пекина или Долон-нора.

Кроме того, в Урге есть лавки, называемые на полу-тибетском, полукитайском языке ри-во дзе-ньга пу-цу (на тибетском «ри-бо рцзе-лнга»), где продаются изображения святых и предметы религиозного культа, изготовляемые в Долон-норе или в знаменитом монастыре Ву-тай Шань. Здесь можно увидеть позолоченные бронзовые фигурки Будды Сакьямуни, главных идамов, или номинальных божеств «желтой» секты, бодхисаттв Авалокитешвары,

Манчжушри и Майтрейи, Тары и основателя «желтой» веры Дзон-капы. Многие из этих поделок сделаны очень грубо и не представляют художественной ценности. Изображения, изготавливаемые в художественных мастерских монастыря Ву-тай Шань, несколько лучше долон-норских.

Изредка в этих лавках встречаются раскрашенные статуэтки, большей частью выполненные по специальным заказам монгольскими художниками, или дзурачинами. Их качество во многом уступает работам художников из Кама или Дерге, чьи великолепные образцы искусства хранятся в богатых семьях. Краски на знаменах монгольских художников грубые, а рисунок – убогий.

Кроме святых изображений, в ри-во дзе-ньга пу-цу, или лавках, можно увидеть большое количество предметов для храмовых церемоний и одежду для лам, а также жертвенные светильники различных видов и размеров, бум-па, или вазы, павлиньи перья, дамару, или бубны для тантрийских обрядов, большие трубы, или дунг-чены, раковины, ароматические палочки из Тибета и Китая (особенно ценятся благовонные палочки из лхасского монастыря Сера) и толстые тюфяки, или олбоки, на которых обычно восседают ламы.

В некоторых магазинах имеются целые кипы книг, отпечатанных в монастыре Ву-тай Шань и в Пекине. Как правило, они напечатаны хорошим шрифтом на качественной бумаге. Тибетские печатные формы лучше в одном отношении: в них встречается меньше опечаток и ошибок. Это в основном молитвенники и наставления по отправлению религиозных обрядов. Очень редко там можно найти книги по церковной истории, или чо-юнг, а также трактаты по высшей метафизике. Единственная книга, которая часто встречается в лавках, – это «Лам-рим-чен-мо», принадлежащая Дже-рин-по-че Дзон-капа, изданная в Ву-тай Шане. Лхасское издание «Лам-рим» пользуется небольшим спросом из-за плохого качества печати в результате износа старых деревянных печатных форм; а современные шрифты воспринимаются с трудом.

Другое собрание книг относится к тому же типу – это «Чань-скья пандита сунь-бум», или подборка работ Чань-скья Хутукхту. Она отпечатана в Пекине и состоит из пяти толстых томов.

Очень бедно представлена литература рнам-тхар. В шести магазинах я нашел только один экземпляр Ра лоцзавы нам-тхары тибетского издания, который был оставлен в магазине проезжавшим тибетским ламой.

Широко представлены различные чо-га, или наставления по ведению богослужений, и ти-йиги (кхрид-йиги), или руководства для выполнения различных ритуалов, в которых содержатся поучения самых важных идамов, или титулованных божеств, таких как Дем-чог, Сунг-дю, Ямантака и Кье-дордже.

Почти полностью отсутствует литература по тантризму, за исключением небольших работ, содержащих суть четырех основных систем тантры.

Чисто историческая литература, содержащая различные чо-юнги или деб-тхеры, встречается нечасто. Как известно, большие и редкие издания приобретаются у лам, и всегда трудно убедить владельца расстаться с ними. Монастырские типографии в Урге действуют не слишком активно. При жизни четвертого воплощенного Богдо Гегена были изготовлены деревянные печатные шрифты для семидесяти двух томов тибетского Канджура, но после его смерти работа приостановилась, и не похоже на то, что ее возобновят.

Несколько хороших типографий обнаружено в забайкальских бурятских монастырях, где был издан ряд полезных трудов по метафизике и несколько оригинальных лексикографических работ в виде монголо-тибетских словарей. Подобные издания встречаются в Урге лишь изредка. Перед закрытием монголо-китайской границы книжные лавки получили новые партии книг из Пекина. В то время можно было найти бесценные китайские, монгольские, тибетские и манчуйские словари, а также монгольские переводы китайской литературы, такой, к примеру, как описание путешествий Сюань-цанга через Центральную Азию в далекую Индию в поисках знания и оригинальных буддийских текстов. Теперь это время прошло. Из-за высокой пошлины на ввоз предметов религиозного культа и книг количество их ежегодных поставок значительно сократилось, а редкие издания и ценные изделия из бронзы почти полностью исчезли с прилавков.

Во время моих путешествий по Центральной Азии и буддийским землям Монголии и Тибета я обнаружил любопытный факт: ламы часто предпочитают европейские издания буддийской литературы. Они говорят, что легче пользоваться тибетскими текстами, напечатанными государственным издательством в Калькутте или изданными в Петрограде, поскольку они не такие громоздкие и не такого плохого качества, как ксилографии их собственных стран. У многих монгольских и тибетских лам я обнаружил тома буддийских книг, изданных Российской Академией наук, – поразительный пример того, насколько европейская эрудиция и методы книгопечатания ценятся образованными людьми Тибета и Монголии.

В Урге издается ежедневная правительственная газета на монгольском языке, а недавно приступили к изданию учебников для высших школ, содержащих новейшие сведения по географии, истории и естественным наукам. Это стало возможно благодаря многосторонней деятельности доктора Т.З.Джамцарано, ученого секретаря Монгольского ученого совета, и г-на Бату-хана, занимавшего не так давно пост министра образования в Монгольском правительстве. Несмотря на ограниченные возможности типографии, изданные учебники хорошо оформлены и напечатаны.

В стране постоянно растет спрос на книги, из которых молодежь узнает об окружающем мире и о том месте, которое занимает их родина. Приятно отметить пробудившееся стремление к знанию у народа, который до недавнего времени грезил лишь о великих подвигах прошлого. Нация, стремящаяся соединить в себе бесстрашие наездников с искренним стремлением овладеть сокровищами знаний, имеет будущее.

За последние годы Монголия попыталась расширить образовательную систему в провинциях путем строительства там школ для девочек и мальчиков. В отчете правительства за 1927 г. говорится, что в настоящее время в Монголии около ста начальных школ, насчитывающих 2904 учащихся. Однако обширные территории Монголии, плохие пути сообщения и низкая плотность населения чрезвычайно затрудняют выполнение этой задачи. И лишь незначительное число школ имеют хорошую наполняемость и полностью укомплектованы квалифицированными кадрами.

Очень остро стоит проблема учителей, так как из монголов мало кто способен быть таковым, а из европейцев мало кто способен хорошо овладеть разговорной речью и понять местные обычаи, чтобы успешно осуществлять образовательную программу. Несмотря на то, что страна с трудом продвигается вперед, искренний интерес ко всему, что происходит в Америке и Европе несомненно принесет плоды. Несколько лет назад почти невозможно было заставить детей кочевников сидеть за партой и изучать географию и естественные науки. Учащиеся скучали на уроках и то и дело убегали в просторы родных степей. Не следует, однако, думать, что монголы непокорны и недисциплинированны. У кочевников сильно развито чувство дисциплины, и они с готовностью подчиняются своим старшим наставникам. При хороших отношениях они становятся внимательными учениками на уроках, а на военной службе – прекрасными солдатами. Плохая посещаемость школ объяснялась тем, что школьная жизнь не стала привлекательной для детей и не смогла пробудить их воображение.

Систему высшего образования в стране представляет Аютин-сургал, Монгольский Национальный университет, выпускающий учителей и будущих государственных служащих. Его программа не очень обширна и в лучшем случае соответствует средней школе и двум годам колледжа. Ряд монгольских юношей и девушек посланы в Германию, Японию и Россию для изучения сельского хозяйства, инженерного и военного дел. Некоторые из них уже вернулись и занялись перестройкой жизни в Монголии на современной основе. Страна переживает переходный период. Кочевники тянутся из степей в город. Большие скопления юрт на окраинах города свидетельствуют о том, что административные и торговые центры все больше становятся средоточием хозяйственной и культурной деятельности страны. Монголия на другом уровне проходит ту же социальную ступень, которая заставила тысячи людей в Америке и Европе переехать в города, оставив родные очаги.

Высшая научная организация Монголии – Монгольский Комитет по науке. Его главная задача – собирать и записывать всю научную информацию о стране, касается ли она старых рунических памятиков или минеральных запасов. Комитет выдает разрешения иностранным экспедициям на проведение научных исследований, занимается топографией и изучением

обширных монгольских территорий. Со временем комитет, несомненно, будет располагать ценными научными данными и коллекциями. Уже сейчас закладывается основание национального музея, значительную часть экспонатов которого составляют богатые частные коллекции покойного Богдо Гегена, конфискованные государством. Под руководством доктора Т.З. Джамцарано, видного ученого в области монгольской литературы и фольклора, комитет быстро осуществляет сбор материала для всестороннего изучения Монголии и ее народонаселения.

Величайшими сокровищами музея и библиотеки являются чудесные находки генерала П.К.Козлова в горах Ноин-ула и полный комплект Танджура на монгольском языке. Долгое время ученые сомневались в существовании такого издания. Китайские источники сообщают нам, что великий император Чьен-лонг приказал переводчикам и ученым перевести 225 томов Танджура на монгольский язык и подготовить печатные формы для его издания. Из тех же источников известно, что эта грандиозная работа началась в октябре 1740 г. и завершилась в декабре 1741 – поистине замечательное достижение, учитывая трудности в переводе с тибетского на монгольский язык. Полное собрание Танджура, являющееся теперь собственностью Научного комитета, было найдено на землях принца Нга-ванга в окрестностях Калгана, на юго-востоке Монголии.

Помимо двух больших коллекций священных буддийских писаний, комментариев и хорошего собрания монгольских рукописей и книг всех основных издательств ламаистской Азии, в библиотеке имеется хорошая подборка тибетских справочников. Большинство этих книг выпущено крупными издательствами Лабранга, Кумбума и Дерге. Здесь также представлены книги, изданные в Лхасе и Шигадзе, количество их продолжает непрерывно расти. Библиотека владеет ценными, богато иллюстрированными изданиями китайской литературы, переведенной на монгольский язык, но они не столь многочисленны, и, очевидно, число их будет увеличиваться.

Во время нашего пребывания в Урге, ученый хранитель отдела тибетской литературы лама Шакью работал над большим монгольским словарем. Лама является редким знатоком родного языка, сведущ в тибетском, хорошо разбирается в буддизме, и его труд, несомненно, окажет неоценимую помощь всем ученым-монголоведам.

Урга предоставляет уникальные возможности для изучающих тибетскую литературу, так как многие монастыри и даже частные владельцы имеют хорошие собрания тибетских книг, изданных, главным образом, в Дерге или Каме, подобранных тщательно и с глубоким пониманием. Монгольская столица более доступна, чем Тибет, и ее ученые всегда готовы помочь европейским коллегам в исследованиях. Я всегда испытывал истинное наслаждение и интеллектуальный подъем, беседуя с доктором Джамцарано, который, благодаря своим глубоким знаниям, обладает уникальным даром расшифровывать древнее сокровенное учение Монголии и Тибета.

Недавно Комитет по науке осуществил обширную программу исследований Внешней Монголии и ряда древних исторических памятников. Были продолжены раскопки тумули, или могильников, в горах Ноин-ула, где исследователи обнаружили ценные предметы, позволившие по-новому взглянуть на обнаруженный пласт культуры и облегчившие датировку находок генерала П.К.Козлова. Находки в Ноин-ула имеют много общего с древностями Забайкалья, открытыми русским археологом доктором Талько-Гринцевичем на самом восточном краю обширного пояса кочевой культуры, протянувшегося через Минусинск, Алтай (Котанда), Иссык-Куль и аральско-каспийские степи. В поросших лесом долинах Гуджирте, Судзукте и Цурумте, в горах Ноин-ула, к северу от Урги, находятся группы могильников кочевой знати. Большинство из них вскрыты искателями сокровищ, многие вещи похищены. Сейчас уже трудно установить, кому принадлежали эти захоронения: вождям Хюнг-ну или другим древнеазиатским племенам.

Среди находок П.К.Козлова выдающееся значение имеют несколько прекрасно сохранившихся кусков ткани, выполненной в скифо-сибирском стиле, первые из обнаруженных изделий такого рода. Искусство их изготовления носит очень сложный характер, в котором четко прослеживаются греческие, иранские, местные скифо-сибирские и китайские элементы. Кочевые племена Центральной Азии, постоянно перемещаясь с места на место, поддерживали широкие связи с народами разных культур. Найденная Козловым ткань очень напоминает шелк, обнаруженный сэром Аурелом Стейном в Лоу-лане в

Таримском бассейне, и весьма точно датируется первым веком до н.э. На некоторых кусках ткани, найденных недавно, представлены фрагменты, аналогичные рисункам, относящимся к искусству средиземноморских стран. На одном из них, по мнению г-на Боровки, изображено священное дерево Месопотамии, помещенное между главными образами дерущихся животных. Другие рисунки по стилю напоминают китайское искусство периодов Чжоу и Хань. В некоторых фрагментах прослеживается чисто скифо-сибирский мотив, но в манере написания чувствуется сильное китайское влияние.

Вполне вероятно, что китайские художники изображали предметы кочевников в своем национальном стиле, как это делали греки для скифов Южной России и как все еще практикуют китайские фирмы, ведущие торговлю в Тибете и Монголии. Несмотря на сложный характер искусства кочевников, мы можем утверждать, что существовал общий источник, из которого черпали свое вдохновение художники Центральной Азии, где, как показывают современные исследования, и находится центр кочевой культуры. В следующей главе я рассмотрю вопрос о существовании «звериного стиля» в Тибете и среди кочевников Северного и Северо-Восточного Тибета.

Наибольший интерес в Урге представляют монастыри и другие религиозные сооружения. Они возвышаются над городом, и их сверкающие позолотой крыши добавляют ему внешний колорит. Самая старая религиозная постройка – Икхе-кюрен. Мы уже знаем, что это был центр, вокруг которого выросла современная Урга, и в течение многих десятилетий здесь находилась официальная резиденция Джецюна там-па Хутукхту. В настоящее время Икхе-кюрен разделен на двадцать девять аймаков, или монастырских школ. Кроме того, здесь расположено около семи храмов, посвященных определенным направлениям в изучении обряда богослужения. Одним из самых важных монастырских строений является тшок-чен (по-тибетски «тшог-чен»), или зал собраний монашеской общины. Согласно церковной традиции, строительство зала собраний было начато Ундур Гегеном, первым и самым знаменитым Гегеном Урги. Оно представляет собой квадратное здание, которое много раз расширяли за время его существования, чтобы приспособить к растущей общине монахов. Крыша храма украшена позолоченным ганджиром в виде бум-па, или вазы В каждом из четырех углов крыши установлены черно-белые знамена, или джал-цены (тиб. «ргьял-мтшаны»). У этих знамен длинная история Обычно их можно видеть на крышах храмов Монголии и Тибета и обнаружить в далеком прошлом у кочевых племен.

Внутри храма, у его северной стены, возвышается великолепный трон Хутукхту. По обеим сторонам находятся большие стеклянные шкафы с изображениями святых, среди которых выделяются фигурки Сакьямуни, последнего человеческого Будды, Дзон-капы, великого реформатора четырнадцатого века с двумя главными учениками Кхе-дуп-дже (тиб. «мКхас-груб-рдже») и Дже-тшап-дже (тиб. «рГьял-тшаб-рдже»), и изображение Ундур Гегена. Большинство статуэток вылеплено из глины и покрыто позолотой, а сверху на них наброшены дорогие шелковые одежды. Над стеклянными шкафами висит множество религиозных знамен, или танок, многие из которых расписаны монгольскими художниками, или дзурачинами. По качеству и композиции они во многом уступают росписям восточно-тибетской школы.

Крышу храма поддерживают сто восемь колонн. Это число соответсвует количеству томов Канджура и считается благоприятным. Между колоннами лежат низкие тюфяки, или шап-дены (тиб. «шабс-лданы»), на которых во время службы восседают ламы.

В храме есть огромная сокровищница, или санг, где хранится много предметов религиозного культа, относящихся ко времени Ундур Гегена. Возле монастыря построена высокая деревянная «платформа труб» (бурайин шата), с которой трубными звуками созываются ламы.

Изначально зал собраний был построен для духовенства, которое собирается лишь четыре раза в году:

1) Собрание по случаю Нового года;

2) Праздник Чёнкор-дуйчин;

3) Великий праздник Майдари в третьем и четвертом месяцах нового года;

4) Принесение жертв Богдо Гегену (дансик). Празднование последнего праздника было прекращено из-за отмены будущих инкарнаций Хутукхту.

Все важные собрания духовенства содержат впечатляющие обряды, во время которых перед глазами собравшихся происходят внушительные зрелища. Сначала появляются ламы в пурпурных и желтых одеждах, высоких шапках и ниспадающих монашеских мантиях. Они поднимаются на бура-йин шата и глубокими протяжными звуками длинных труб, или дунченов, созывают монахов. Тут же близлежащие переулки и улицы монастырского городка заполняются ламами в пурпурных одеяниях. Внушительная процессия из седовласых геше и габджу (тиб. «ка-бцу»), или священников, давших полный обет и соблюдающих десять заповедей, направляется к залу собраний. У входа в храм толпятся молодые гецулы, или новички, и послушники. Высшие ламы занимают места слева и справа перед троном Богдо Гегена, покрытого красной мантией, на которой лежит церемониальный головной убор первосвященника. Тшок-чин Гебко, или главный церемонимейстер, садится у входа в зал, а остальные священники усаживаются на низкие топчаны, расположенные рядами параллельно северной стене. Позади рядов, у самого входа, садятся ламы-музыканты с длинными трубами, гобоями и барабанами. Начинается служба: низкие голоса интонируют песнопение, периодически прерываемое глубокими звуками труб и резкими звенящими голосами гобоев. Ритмично звучат барабаны, и время от времени в сумраке зала раздается мучительное звучание цимбал. Глубоким низким голосам пожилых монахов вторят пронзительно высокие голоса послушников, ритмично покачивающихся при пении молитв. Это совсем не похоже на песнопения в тибетских монастырях и больше напоминает пение цайдамских монголов. Храмовая музыка, сохранившаяся с древних времен, возвращает назад в шаманское прошлое. В ней есть особое очарование, поэтому она и оказывает глубокое впечатление на посетителей.

Другой примечательный храм в кюрене – Да-чин-галба-йин-суме, основанный в 1739 г. во время царствования императора Чьен-лона. В 1892 г. монастырь сгорел, но потом был отстроен заново. Прежде здесь находились покои Богдо Гегена, здесь же его последователи – тибетские ламы – совершали богослужения. Последний Богдо Геген проводил большую часть своего времени в летнем дворце на берегу реки Толы. После его смерти храм утерял свое прежнее значение. Построен он в китайском стиле, его позолоченные крыши являются одной из достопримечательностей кюрена, зато интерьер не представляет никакого интереса.

К югу от храма находится большая открытая площадь, где покойный Богдо Геген принимал мандалы, или приношения, и благословлял верующих. Теперь в центре площади возвышается несколько триумфальных арок в китайском стиле, возведенных в 1883 г. в честь восьмого воплощения Джецюна там-па Хутукхту, о чем сообщают китайская надпись и ее монгольский перевод.

Барун Орго, или храм, посвященный Абатай-хану, предполагаемому основателю ламаистского буддизма в Монголии, когда-то играл важную роль, но после перенесения многих святых изображений в летний дворец Богдо Гегена быстро утратил свое значение.

Джде-йин-суме, посвященный тантрийскому культу (тиб. «ргьюд»), является еще одним важным храмом кюрена. Здесь проводятся мистические богослужения, в соответствии с четырьмя основными системами тантры.

Емчи-йин-сума, или храм врачей, предназначен для лам, изучающих медицину. Многие преподаватели, выпускники знаменитой медицинской школы в Чак-по-ри в Лхасе, регулярно читают здесь лекции о врачевании. Филиалом этого храма является известный Манла-йин-сума, или храм, посвященный исцеляющему Будде (тиб. «сМан-бла»). Этот образ Будды чрезвычайно популярен среди буддистов Монголии и Тибета. Его изображения, изделия из бронзы и раскрашенные свитки в большом количестве имеются в монастырях и личных часовнях.

Цурха-йин-суме, или храм астрологов, является важным образовательным заведением в монгольской столице. Он был построен в 1798 г. при жизни четвертого воплощенного Джецюна там-па Хутукхту. Храм содержится в большой святости, и посетителям вход в него запрещен. Чтобы осмотреть его внутреннее убранство и священные изображения, необходимо иметь специальное разрешение.

В храме служит особая группа лам, и для тех, кто хочет поступить в него, требуется специальная подготовка. Чтобы стать студентом или членом Храма Астрологов, каждому кандидату приходится сдавать несколько экзаменов по ламаистской астрономии и смежным дисциплинам. Здесь есть росписи и раскрашенные свитки с изображением мандалы, или

мистической сферы влияния системы Калачакры, или «Колеса Времени». Для правильного понимания этой доктрины требуется совершенное знание кар-ци, или астрономии. Это мистическое учение было привезено в Тибет в XI веке великим Дипанкарой Шричжнаной, или Атишей, знаменитым учителем из индийского монастыря Викрамашила. Доктрина, которая, вероятно, появилась в Индии в конце X века, зародилась в королевстве Шамбала, расположенном на севере Тибета.

Центром учения Калачакры был монастырь Ташилунпо. Одна из монастырских школ, занимавшаяся изучением Калачакры, известна под названием Дун-хор-чжи дацан (тиб. «Дус-кхор-гджи гра-цан»), или Школа Калачакры. На протяжении долгого времени она оставалась главным центром, где специально отобранные ученики могли посвятить себя изучению глубоких трактатов доктрины. Книги Калачакры даются лишь ученикам, заслуживающим доверия, а все посторонние могут получить их только после специального разрешения Далай ламы или духовных правителей Тибета. Такие книги издаются редко, а печатные формы для них хранятся в больших монастырских типографиях. Если необходимое разрешение получено, то книга печатается бесплатно на бумаге заказчика.

Великим ламой Ташилунпо был во втором воплощении Риг-ден джам-пе дак-па (тиб. «Риг-лдан джам-пал граг-па»), один из правителей Шамбалы, который правит королевством в течение ста лет. В будущем воплощении Его Святейшество Таши лама родится как Ригден дже-по, будущий правитель Шамбалы, призванный победить приверженцев зла и установить царство Майтрейи, грядущего Будды. Учение Шамбалы – это сокровенное знание Монголии и Тибета, и Его Святейшество Таши лама является его главным мировым проповедником.

После смерти нынешнего Таши ламы в 1923 г. учение получило новый мощный импульс В Центральной Монголии и Буддийском Китае. Его Святейшество утвердил создание многочисленных школ по изучению Калачакры. Даже в далекой Бурятии наблюдается подобное явление. Многие монастыри организуют специальные школы Калачакры со специально подготовленным штатом лам-учителей. Шамбала является не только местом тайного буддийского учения, но и ведущим принципом грядущей кальпы, или космической эры. Говорят, что ученые настоятели монастырей и медитирующие ламы находятся в постоянной связи с их мистическим братством, которое управляет судьбами буддийского мира. Европейский ученый склонен преуменьшать значение слова «Шамбала» или относить многотомную литературу о ней или еще более обширные устные сказания к жанру фольклора или мифологии, но те, кто изучил буддизм по книгам и среди народа, знают, какую огромную силу оно имеет для буддистов высокогорной Азии. На протяжении всей истории это слово не только вдохновляло религиозные движения, но даже двигало армиями, военным кличем которых была Шамбала. Солдаты Сухе-Батора, освободившие Монголию от войск генерала Сю, сочинили песню-марш, которую и сейчас поют монгольские кавалеристы Песня начинается словами «Джанг-Шам-бал-ин-дайин», или «Война северной Шамбалы», и призывает монгольских воинов подняться на священную войну за освобождение своей страны от гнета врагов. «Пусть мы все умрем в этой войне, но мы родимся снова воинами Шамбалы Хана», – поется в этой песне.

В прошлом великие учителя буддизма Монголии и Тибета посвящали доктрине Калачакры и Шамбале целые тома. Среди них, прежде всего, выделяются имена Атиши и Бром-тона, Кхе-дуп-дже, третьего Таши ламы Пал-ден йе-ше (тиб: Пал-лдан йе-шес), и Джецюна Таранатхи.

В наши дни возрождается устное народное творчество, иногда в виде пророчеств, песен, нам-таров, или легенд, лам-игов, или напутствий. Многие барды поют балладу о будущей войне Шамбалы, которая покончит со злом. Не следует недооценивать значения этой разбуженной силы, таящейся в юртах кочевников и в многочисленных монастырях ламаистской Центральной Азии. Оставим свое мнение при себе до тех пор, пока не будет переведена и адекватно истолкована вся обширная литература о Калачакре, изучена устная традиция буддизма и найдены ее истоки. В следующем томе мне хотелось бы проследить развитие учения Калачакры и литературы о нем и подробно изучить его влияние на буддистов Центральной Азии.

Существует несколько иконографических изображений Шамбалы и Калачакры. Правитель Шамбалы, или Риг-ден Дже-по, обычно изображается сидящим на подушке на троне. Левой рукой опираясь на колено он поддерживает «Колесо Закона», правая рука

находится в положении вара-мудра, или знака милосердия. Иногда он держит стебель лотоса, на котором покоятся книга и меч – символы принца Знания Манджушри. На некоторых древних картинах Владыка изображен в остроконечном шлеме и нагрудных доспехах, а на более поздних – в развевающейся мантии, украшенной богатым золотым орнаментом. У подножия трона сидят его родители, носящие имя Риг-ден Дже-по яб-юм, но порой вместо них изображаются Риг-ден пема карпо, первый проповедник учения Калачакры в Индии, и бодхисаттва Падмапани.

Иногда в нижнем углу картины можно увидеть изображение Атиши Шриджнана, проповедовавшего учение Калачакры в Тибете.

На некоторых рисунках внизу под троном Владыки, представлены эпизоды войны Шамбалы с Лалой дже-по, Князем Тьмы. Мы видим Правителя Шамбалы на вороном коне, поражающего короля лалосов. Большой интерес вызывают детали, дающие представление о военном снаряжении древних тибетских воинов: нагрудные доспехи, шлемы с маленькими флажками, тяжелые мечи, кремневые ружья, луки и стрелы и даже бамбуковые пушки на причудливых лафетах.

На других изображениях представлена мандала Шамбалы. Владыка изображен сидящим на фоне одной из дворцовых башен. Огромный дворец, построенный в китайско-тибетском стиле, окружен цепью высоких снежных гор, так как в «Шамбала-лам-йиг», или «Путеводителе Шамбалы», сказано, что королевство Шамбала находится в горном районе, со всех сторон защищенном высокими снежными хребтами.

В верхнем углу этих картин мы видим изображение Пал-дена йе-ше, или третьего Таши ламы, держащего в руках монашескую чашу, и одноголового идама Калачакры (тиб «дПал-дус-кйи кхор-ло яб-юм»). Очень часто идама изображают с четырьмя головами и двенадцатью или двадцатью четырьмя руками. Его тело всегда голубого цвета, а шакти, или юм, – темно-желтого, а иногда и красного. Если идам Калачакры представлен как бодхисаттва, то на нем одеяние бодхисаттвы, а в сложенных руках он держит «Колесо Закона», или Дхармачакру. В этом случае его тело имеет цвет желтой охры. В западной литературе часто ошибочно утверждается, что идам – бог Калачакры. На самом деле он символизирует мистическую силу этой системы и его никогда не следует обожествлять.

В Урге в храме астрологии обучающиеся ламы сначала совершенствуются в астрономии, а затем посвящаются в секреты Калачакры. Существует традиционный ряд предметов, в которые в определенной последовательности следует вводить учение Калачакры. За неимением возможности мы не будем рассматривать здесь данный вопрос, так как это потребует длительного описания тантрийских систем.

Самый лучший храм в кюрене посвящен Майтрейе. Огромная статуя грядущего Будды была сделана мастерами Китая в Долон-норе. Первый храм, приспособленный под статую, был построен при жизни пятого воплощенного Богдо Гегена, но вскоре разрушился, и к Таши ламе в Тибет была послана делегация, чтобы узнать о причине случившегося. Таши лама объяснил, что будущий Будда предпочитает для своего изображения храм в тибетском стиле. Говорят, что сам лама лично содействовал разработке генерального проекта нового храма.

Настоящий храм построен при жизни седьмого воплощенного Джецюна там-па Хутукхту. Это квадратное деревянное здание с куполом в центре крыши, увенчанной ганджирой, и с традиционными знаменами, или чжал-ценами, по углам. В центре храма возвышается огромная статуя Майтрейи высотой в пятьдесят футов. За ней у северной стены находятся пять больших фигур внимающих ему бодхисаттв. Остальные стены уставлены стеклянными шкафами с бронзовыми фигурками тысячи Татхагат.

Перед статуей Майтрейи находится алтарь с обычными жертвенными лампадами, восемью счастливыми знаками и большими горшками для благовоний. В центре алтаря размещена Самсарасакра, или Колесо Жизни. Массивные деревянные колонны, раскрашенные в яркие цвета, поддерживают галерею, на которой стоят полки, или кюн-ра, с двумя полными комплектами Канджура и Танджура. Снаружи храма находится множество барабанов, и паломники, обходя вокруг него, приводят их в движение.

Оставшаяся часть кюрена представляет собой группу построек, состоящую из деревянных лачуг и войлочных юрт монахов, огороженных деревянными палисадниками. Это город в городе, разместившийся в стороне от шумного и грязного Улан-Батора. В южной

части кюрена находится большая площадь, на которой установлена открытая деревянная платформа, где монахи исполняют религиозные танцы. Я присутствовал здесь при исполнении монахами танца Черной шапки во время новогодних праздников. Площадь была заполнена нетерпеливой и растущей толпой зрителей. Ламы и миряне в шелковых одеждах ярко-желтого, голубого и пурпурного цвета, китайские торговцы в мрачно-черных платьях, европейцы, монгольские солдаты в форме цвета хаки и шлемах, отороченных мехом, смотрели на танец, исполняемый двадцатью ламами. На них были черные халаты с расшитыми зеленым шелком рукавами, а сверху надеты ру-джены (тиб. «рус-ргьйан»), или украшения из костей, на головах – специальные черные шапки, давшие название танцу.

Происхождение танца хорошо известно. Правитель Тибета Лангдарма, правивший страной в девятом веке, был верным приверженцем религии Бон. Он делал все возможное, чтобы уничтожить учение Будды: закрывал монастыри, убивал монахов. Знаменитый буддист, аскет Пал-дордже решил освободить страну от монарха-угнетателя и убить его. Для этого он поехал в Лхасу на лохматом белом пони, предварительно выкрасив его углем в черный цвет, а сам переоделся в бонского мага. В широких рукавах его одежды были спрятаны лук и стрела. В таком виде он прибыл к правителю и начал исполнять магический танец. Лангдарма очень заинтересовался танцем и подходил все ближе к танцующему ламе, который не упустил возможности и выстрелил в правителя отравленной стрелой. Смертельно раненный, он вскоре скончался. Лама-мститель вскочил в седло и скрылся из города. При переправе через реку уголь с его пони смылся, и он продолжал свой путь уже на белой лошади. Воинам, поскакавшим преследовать убийцу, сказали, что тот приехал в город на черном пони. Они пустились в погоню и вскоре настигли Пал-дордже на дороге, но вместо бонского мага, скачущего на черном коне, они обнаружили бедного ламу-буддиста на лохматой белой лошади. Они, конечно же, не заподозрили в нем убийцу и поспешили дальше, обыскивая окрестности. Такой была месть за притеснение буддизма, и это событие отразилось в танце Черной шапки, который каждый год исполняется повсюду в Тибете и Монголии во время празднования Нового года.

В северо-западной части Урги находится знаменитый монастырь Ганден – место изучения высшего буддизма. При въезде в город по кяхтинской дороге сразу бросается в глаза громадный квадратный квартал из маленьких деревянных лачуг и заборов, над которыми возвышается величественный храм, или лха-кханг Арьябалы, или Авалокитешвары. Снаружи, на северной и восточной окраинах монастыря, выстроились двадцать восемь белых ступ, защищающих подступы к обители. К центру монастыря, где находится величественный храм Бодхисаттвы Авалокитешвары, ведут узкие улочки, по обеим сторонам которых поднимаются серые деревянные заборы, скрывающие жилища монахов. Храм представляет собой громадное сооружение в китайско-монгольском стиле с высокими террасами, поднимающимися над основным зданием. Китайская крыша с выступающими углами увенчана позолоченной ганджирой в форме вазы, или бум-па. Постройка храма началась при жизни восьмого Богдо Гегена и завершилась в конце 1913 г. после монгольской революции.

Вход в храм украшен деревянными колоннами с богатой резьбой. Два ряда окон в тибетском стиле, с рамами, суживающимися кверху и более широкими у основания, пропускают достаточно света в просторное святилище, в центре которого стоит огромная бронзовая статуя Бодхисаттвы Авалокитешвары, Бога Милосердия. Вдоль стен выставлены стеклянные шкафы с тысячами бронзовых Будд, отлитых в Варшаве. В правом углу Храма стоят два трона, покрытые красными церемониальными покрывалами, на которых в рамках установлены фотографии последнего Богдо Гегена и его супруги Дара-Еке.

Около храма Авалокитешвары находятся гробницы Богдо Гегенов Урги. Здесь погребены пятый, седьмой и последний Богдо Гегены. Шестой захоронен в монастыре Дам-ба-Дордже (тиб: «Дам-па Дордже»). К востоку от храма расположен зал собраний, или чок-чин, деревянное здание квадратной формы, напоминающее огромную четырехугольную юрту. Здесь ежедневно совершаются богослужения, и проходя поблизости, в морозном воздухе можно услышать монашеские песнопения.

Настоящий монастырь Ганден был основан в 1809 г. при жизни шестого воплощенного Джецюна там-па Таранатхи. Главное значение монастыря заключается в том, что здесь

находятся школы для изучения ца-нид, или абхидхармы, буддийской метафизики, и что здесь живут самые образованные монахи Урги.

Во время пребывания в Урге я часто бывал в монастыре и беседовал с ламами о сложных вопросах буддийского мировоззрения на окружающий мир – своего рода проекции внутреннего мира человека. Эти ученые ламы, обладатели высочайшей эрудиции в божественной рап-чам-па (по тибетски – раб-бьям-па) и лха-рам-па как правило живут в монгольских юртах во дворах монастыря вместе со своими учениками, которые ухаживают за ними. Войлочная юрта ламы обычно намного чище, а иногда и лучше обставлена, чем юрта мирянина равного достатка. Однажды мы посетили ученого лха-рам-па, или доктора богословия, хорошо известного в Урге за большие знания и проницательность. Нам очень хотелось увидеть его, так как мы слышали, что он питает глубокий и искренний интерес к западной науке и имеет здравую точку зрения на будущее буддийского учения.

Когда мы прибыли в храм Ганден, нас провели по узкому переулку к маленькой двери красного цвета с монгольским номером. За дверью был небольшой дворик, где разместились две монгольские юрты: белая юрта для лха-рам-па и обычная юрта из серого войлока для его прислуги и учеников. Молодой лама приподнял тяжелый ковер, используемый во многих юртах как занавес, когда деревянная дверь открыта. Лха-рам-па, мужчина лет шестидесяти, сидел на низком матраце перед невысоким столом, заваленным книгами и бумагами. Он поднялся со своего места, поприветствовал нас и предложил сесть на низкую кушетку, которая служила ему кроватью.

Обставлена юрта была просто, но в ней было чисто и уютно. Большая железная печка в центре комнаты давала много тепла. У северной стены находился алтарь со стеклянным шкафом, в котором было несколько маленьких фигурок святых и фотографий великих лам. Рядом с алтарем стояли стол и большой деревянный шкаф с библиотекой ламы. Сам лама был занят переводом с русского на тибетский язык учебника по алгебре для лам монастыря. Он рассказал нам о необходимости обновления буддизма в свете современной науки и улучшения общего образования лам. По его словам, в прошлые времена можно было встретить ученых лам, которые владели санскритом и в совершенстве знали буддийскую литературу чан-нйид. Сейчас такие люди редки, и большинство лам довольствуется заучиванием наизусть нескольких запрещенных молитвенников. Лха-рам-па прекрасно понимал, что до тех пор, пока не улучшится храмовое образование лам, религия будет быстро терять свое влияние. Больше всего служителей духовенства беспокоил вопрос о кхувараках, или послушниках. По старой традиции семилетних мальчиков родители отдавали в монастырь, чтобы они стали ламами. Семья, имеющая нескольких сыновей, должна была расстаться с одним из них. Воспитанные с детства на заповедях и традициях ламаизма, мальчики вырастали верными служителями церкви. Новое прогрессивное правительство Монголии недавно провозгласило закон, согласно которому в монастырь могут поступать только восемнадцатилетние юноши, и то лишь по собственному желанию. Это было тяжелым ударом для церкви, вмиг лишившим ее права набирать послушников среди населения. Наш лама, однако, был того мнения, что важнее качество, чем количество: пусть будет меньше лам, но они будут настоящие, образованные, воспитанные в заповедях своей религии. Ламы, будучи единственным интеллектуальным классом страны, должны идти в ногу со временем, участвовать в жизни народа и помогать в перестройке своей страны. Мне остается добавить, что взгляды этого образованного лха-рам-па разделяют и другие монахи Монголии и Тибета.

Другим колоритным храмом в Урге является Чё-джин лама-иин-суме. Он был построен в 1910 г. и служил резиденцией для брата Богдо Гегена, главного государственного оракула Монголии. («Чё-джин» – монгольское произношение тибетского слова «чос-скъен», что значит «оракул»).

Таковы главные монастыри и храмы Улан-Батора, или Урги. Кроме них, в городе имеются несколько гостиниц и филиалов монастырей, принадлежащих большим монашеским общинам, и маленькие часовни, обычно размещенные в войлочных юртах. Как правило, в них служат два или три ламы, одновременно приглядывая за находящейся в них собственностью. У тибетских поселенцев тоже есть зал для монашеских собраний, под который отведена юрта. Восьмого, пятнадцатого и тридцатого числа каждого месяца проводятся службы, в которых принимают участие все духовные лица колонии. В Урге

постоянно проживают несколько великих тибетских лам. Некоторые из них являются приверженцами последнего Богдо Гегена, а другие, будучи последователями Таши ламы, бежали из Тибета в результате недавних гонений.

Самым известным монастырем в окрестностях монгольской столицы является Манджушри Кхит, или монашеское убежище Манджушри. Он стоит на южных склонах священной горы Богдо-ула и обращен в сторону пустыни Гоби, раскинувшейся к югу от горного массива. Этот монастырь, построенный в стиле тибетской архитектуры, известен строгой монашеской дисциплиной. Манджушри Кхит-ин ширету, или настоятель монастыря, славится ученостью и оказывает огромное влияние на светских чиновников и духовенство Урги.

Одним из наиважнейших событий в религиозной жизни столицы является процессия Майдари, которая проходит в третьем или четвертом месяце монгольского года. Это внушительное шествие охватывает весь город. Огромные толпы людей приходят посмотреть на несомое изображение грядущего Будды. О его приближении возвещают пристальные взгляды толпы, слабый, постоянно нарастающий звук труб и цимбал и множество голосов, поющих молитвы. Воздух насыщен пылью, и в ее желтоватой дымке движутся огромные паланкины с красочными зонтами над изображениями святых, некоторые из них несут монахи, другие везут лошади в богато украшенных попонах. Длинные трубы издают пронзительно громкие звуки, которым чистыми тонами вторят гобои и кларнеты.

То там, то здесь слышится одновременное звучание цимбал, заглушаемое дробью барабанов. По пыльной дороге раздается топот многотысячной толпы. За образом того, кто воплощает надежды буддийской Монголии, следуют величественные настоятели монастырей в головных уборах лам и пурпурных мантиях, молодые гецулы, или послушники в поношенных одеждах, чиновники и простолюдины. Некоторые из случайных прохожих падают ниц прямо в пыль перед проносимыми священными фигурами, другие бормочут молитвы и расталкивают соседей, чтобы оказаться поближе к ним. Это грандиозное шествие, проходящее в стране воплощающихся лам, многоликая толпа в ярких фантастических одеждах, служители духовенства, пурпурные одеяния которых резко контрастируют с мрачной униформой цвета хаки монгольских кавалеристов, охраняющих процессию, являются символами старой и новой Монголии.

VIII

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

В начале марта 1927 г. для экспедиции начались хлопотные дни. Следовало обсудить маршрут будущего путешествия, нанять людей и караванных животных, а также частично обновить экспедиционное снаряжение, починить палатки и пополнить продовольственные запасы.

Центральная Азия еще не до конца была исследована нами, и мы искали поле деятельности для своей будущей художественной и научной работы. О посещении Китая не могло быть и речи, так как страна была охвачена жестокой межнациональной борьбой. Оставался Тибет – страна снегов, который в прошлые времена привлек блестящую плеяду людей, прославившихся в истории географических исследований нашей планеты. Члены правления Музея имени Рериха очень настаивали на посещении экспедицией Тибета с целью поиска письменных и изобразительных памятников буддизма, изучения его населения и создания полотен с видами страны, в которой до этого никогда не бывал ни один художник.

Сначала трудно было решить, в каком направлении нам следовало бы пересечь Тибет, чтобы выйти к окраине Южной Азии. Центральный Тибет с большими городскими монастырями был идеальным местом для изучения древностей. Большинство типографий находилось около Лхасы и Шигадзе, и мы надеялись заполучить в них значительное количество важных ксилографий и манускриптов. Мы решили отправиться в Центральный Тибет и уже там обдумать наш дальнейший маршрут. Из Центрального Тибета можно было либо продолжить путешествие по юго-восточной части страны в китайскую провинцию Юньнань, а оттуда во Французский Индокитай, либо, пройдя через самые труднопроходимые леса, пересеченные глубокими речными долинами, попасть в Британскую Бирму.

Другой возможный маршрут проходил по проторенному торговому пути Гянцзе – Чумби – Сикким. И наконец, оставалось несколько дорог через Юго-Западный Тибет, ведущих в Алмору и Симлу в Британских Гималаях.

С самого начала мы отказались от длительного и тяжелого маршрута в Ладак и от восточного маршрута через Чамдо и Ботан в Сы-чуань, как из-за трудностей, так и из-за того, что по ним уже прошло несколько европейских экспедиций.

В значительной мере все зависело от решения тибетских властей, и хотя они убеждали нас в своих благих намерениях и готовности оказывать помощь экспедиции, мы не были уверены в том, что на последнем этапе пути попадем из Тибета прямо в Индию, Южный Китай или во французские колонии. Обстановка в Центральной Азии и Китае была непредсказуемой, и поэтому нам оставалось лишь положиться на судьбу и продолжить путешествие, решая возникающие вопросы на ходу.

Чтобы обеспечить собственную безопасность при переходе через неприветливый Тибет, мы решили получить разрешение непосредственно от тибетских властей. Нам было известно, что экспедиции, намеревавшиеся штурмовать Эверест, получали паспорта от правительства Лхасы, позволяющие исследовать горы со стороны Тибета. Поэтому, чтобы не быть непрошеными гостями и посвятить в наши планы правительство страны, в ноябре 1926 г. мы обратились к тибетскому представителю в Урге. Этот чиновник, занимавший должность доньера, сообщил нам, что он охотно поможет нашей экспедиции, если получит разрешение от своего правительства. Тибетский караван, возглавляемый мелким тибетским чиновником, был готов к отправке в Лхасу. Вместе с ним тибетский представитель отправил подробное сообщение о нашей экспедиции. На имя Его Святейшества Далай ламы была отправлена петиция, с просьбой телеграфировать ответ через Калькутту и Пекин.

В феврале 1927 г тибетский представитель отправил через Пекин телеграфный запрос в Лхасу. Специальное официальное лицо из тибетского консульства было отправлено в Пекин, чтобы связаться оттуда по телеграфу с Лхасой и получить ответ. Он вернулся в конце марта с хорошими новостями о том, что лхасское правительство разрешило выдать паспорта экспедиции. Тибетский представитель быстро оформил наши документы на путешествие по

Центральному Тибету, или Пё-нангу, написал специальное письмо пограничным властям и рекомендательное письмо к Его Святейшеству Далай ламе.

Тем временем другой тибетский торговый караван приготовился к отбытию из Урги. С ним мы отправили еще одно письмо, уведомляющее лхасские и пограничные власти о нашем прибытии. Трудно было получить верные сведения о дорогах, ведущих из Монголии в Тибет. Хорошо известный путь Урга – Гурбун – Сайханьские горы – Алашан, по которому прошли знаменитые путешественники Пржевальский и генерал Козлов во время своих памятных кампаний, был закрыт из-за политических разногласий. Оставался караванный маршрут через Юм-бейсе – Аньси, но он был мало кому известен, кроме нескольких тибетских торговцев и монгольских лам, которые совершили паломничество в Лхасу.

В течение многих дней мы старались собрать сведения о местностях, прилегающих к маршруту, возможных стоянках, водоснабжении в пустынных районах и транспортных средствах. Единственной экспедицией, прошедшей данным маршрутом, была экспедиция генерала П.К.Козлова в 1899-1901 гг., во время которой господин Казнаков, один из помощников Козлова, сделал съемку юго-западной части Гоби, выйдя из Сучоу в направлении к Монгольскому Алтаю. Горы на севере Аньси-чоу были тщательно исследованы Аурелом Стейном во время его Центральноазиатской экспедиции 1915 г. В целом юго-западная часть Гоби является одним им наименее изученных пустынных районов Монголии и Центральной Азии.

По имеющимся картам мы смогли получить очень смутное представление об этой местности. Кроме того, некоторые монгольские ламы и тибетские торговцы, которым доводилось останавливаться в Урге, и немного знавшие путь, по-разному называли одни и те же места, и поэтому совершенно невозможно было определить маршрут.

Единственными надежными ориентирами, которые удалось отметить на карте, были монастырь Юм-бейсе, оазис Шара-кхулусун, Аньси и Ших-пао-чьенг в горах Нань Шаня – конечной южной точки маршрута следования каравана.

Оставалась еще одна дорога, по которой в 1899 г. шел Потанин, имевшая много преимуществ. Она пролегала к западу от Гурбан-Сайханьского хребта и вела через пустыню Гоби к озеру Гашун-нор и реке Ецин-гол. Узкие полоски растительности по берегам реки могли служить пастбищем для караванных животных. Именно этим путем двигался в 1227 г. Чингисхан, готовясь к покорению тангутского государства Хси-хсиа. К сожалению, пограничная местность между Кансу и Центральной Монголией кишела разбойниками, из-за которых этот путь был неприемлем для большой экспедиции. Мы решили следовать маршрутом через Юм-бейсе.

Следующий важный вопрос касался перехода из Урги в Юм-бейсе. Мы намеревались использовать автомобили на этом отрезке пути. Из Урги в Юм-бейсе ведут несколько дорог, проходимых для автомашин, но о них ничего определенного не было известно в столице. Первая дорога из Урги вела через Дзайн-шаби-лама-йин Геген – Юм-бейсе и была почти непроходимой весной и летом из-за многочисленных рек, Орхона и рек верхнего бассейна Селенги, которые она пересекала на своем пути. Другой путь вел из Урги через Нга-Ван кюрен – монастырь Тукхумун Дуган – Удзен-Ван-Кара-нидун – Юм-бейсе и имел огромное преимущество в том, что позволял избежать труднопроходимых рек бассейна Селенги и пересекал Онгин-гол в его верхнем течении. Третий путь соединялся со вторым у монастыря Нга-Ванг кюрен и оттуда вел на юг, а потом на юго-запад, по направлению к озерам Цаган-нор и Орок-нор. Он проходил по твердой каменистой пустыне; сыпучие пески и топи встречались только в окрестностях озер Цаган-нор и Орок-нор.

Все вышеописанные дороги вели в Юм-бейсе. В наши намерения входило продолжить путешествие на автомобилях в южном направлении от Юм-бейсе. Мы знали об огромных трудностях, которые подстерегают мототранспорт в горах, и пытались найти другую дорогу, чтобы избежать суровых горных хребтов, опоясанных непроходимыми песчаными дюнами, к югу от Юм-бейсе.

С самого начала невозможно было сказать, сколько потребуется дней, чтобы достичь Юм-бейсе. По хорошей дороге мы могли бы ехать со скоростью шестьдесят миль в день, но по тяжелым пескам пришлось бы двигаться с предельной осторожностью. Знающие люди советовали нам выехать в начале апреля, до того, как оттают и станут мягкими пески пустыни. Нам не удалось получить вовремя новые автомобили из Пекина, и пришлось

арендовать те, что были. Для того, чтобы обеспечить себя достаточным количеством бензина на время предполагаемого путешествия из Юм-бейсе в Аньси, мы наняли караван верблюдов, который выступил в путь 15 марта, захватив с собой топливо.

Другой причиной для ускорения нашего отъезда послужило то, что заканчивался верблюжий сезон. В случае, если бы нам не удалось продолжить путешествие на автомобилях далее Юм-бейсе, нам пришлось бы нанимать верблюдов. Если же мы задержимся в Урге, то прибудем в Юм-бейсе в мае и не сможем заполучить верблюжий караван. Караванный сезон начинается во второй половине августа и продолжается всю зиму до апреля или до мая. Он длится весь самый холодный период года. В результате этого появляется огромное количество обмороженных людей, с обезображенными лицами, ушами и конечностями. Однажды мне довелось увидеть большой караван, принадлежащий тибетцам и монголам, возвращающийся в середине зимы из Тибета. Людям пришлось покинуть Синин в сентябре и в течение четырех месяцев пробиваться через продуваемые бешеными ветрами пространства Гоби. Многие из них подхватили пневмонию и умерли за несколько переходов южнее Урги. Даже эти люди, закаленные мрачными условиями путешествия, не смогли выдержать испытания. Те, кто остался в живых, обморозили носы и щеки, а с лиц свисали длинные клочья почерневшей кожи. Жутко распухшие и почерневшие руки и ноги со зловонными ранами, в которых быстро развивалась гангрена, достаточно свидетельствовали об их страданиях. Несмотря на ужасное физическое состояние каравана, люди были бодрыми и даже считали, что путешествие прошло успешно, потому что каравану удалось пройти невредимым через кишащий разбойниками район к северу от Кансу. Так рассуждали эти торговцы, готовые противостоять почти всему, лишь бы их товар и караванные животные прибыли в сохранности. Должно быть такие переходы через пустыню имеют для них особую привлекательность, и они снова и снова храбро встречают опасности зимы в Гоби и проходят сотни миль, чтобы продать несколько кусков тибетской домотканой материи или ароматические палочки.

Это не была явная погоня за прибылью, поскольку монголо-тибетская торговля никогда не развивалась до крупных масштабов. Нам приходится искать объяснение в характере самой пустыни, которая оказывает странное, почти сверхъестественное влияние на каждого, кто хоть раз странствовал по ее просторам. Моряка всегда притягивает море, а у пустыни есть караванщики, которые снова и снова возвращаются к ее обширным незабываемым просторам и свободе.

В Урге, как и в любом другом большом торговом городе Центральной Азии, караванщики представляют особую касту людей, исполняющих роль портовых матросов. Среди караванщиков, к которым в наши дни примкнуло многочисленное братство водителей автомобилей, встречается уникальное собрание типов людей. Здесь есть русские, немцы, французы, монголы, китайцы, татары из Китайского Туркестана, киргизы и тибетцы – люди различных национальностей и различных социальных уровней, сыновья видных государственных деятелей, бывшие военные, торговцы и охотники, контрабандисты и бывшие преступники, которые ищут безопасности в свободных просторах пустыни. Вся эта разноцветная толпа людей, заполняющая постоялые дворы Урги, постоянно находится в поиске какой-либо работы. Руководителю экспедиции постоянно следует быть настороже, имея дело с людьми такого сорта. Они будут приходить к нему и заверять в своих наилучших намерениях, называть его отцом или братом, в зависимости от ситуации, и обещать быть послушными спутниками, готовыми к любой неожиданности. Я не сомневаюсь, что большинство этих людей обладает значительным личным мужеством, и многие были участниками кровавых дел, но для научной экспедиции, задачей которой является исследование, а не приключение или захват новых территорий, такие люди опасны и порой могут расстроить все предприятие

Когда мы набирали людей для нашего каравана и небольшую группу охраны, которая должна была защищать экспедицию во время ее прохождения через разбойничий район Центральной Азии, сотни людей – русские, эстонцы, монголы, китайцы и тибетцы – пришли к нам, чтобы предложить свои услуги. Кто-то распустил в городе и его окрестностях слух, что американской экспедиции требуется 900 человек. Они шли валом – безработные рабочие, сибирские казаки, бывшие монгольские солдаты и китайские кули. Все они уверяли нас, что им нечего терять, нечего оставлять, что жизни большинства из них полностью разбиты, и что

они желают принять участие в научном приключении. Мы отослали назад большую часть наших посетителей и наняли лишь шестнадцать стойких монголов, чье прошлое и настоящее мы смогли установить у местных жителей. Было трудно найти подходящих людей среди тибетцев Урги, так как некоторые из них пожелали вернуться на родину. Казалось, что они предпочитают легкой жизни в Урге – жизнь в Лхасе.

Через месяц мы набрали достаточное количество людей рабочими лагеря, которые могли бы стать боевой силой в случае конфликта с бандами грабителей. Вскоре штаб-квартиры нашей экспедиции и два прилегающих к ним двора, находящиеся в Урге, были запружены толпой. Было поставлено несколько палаток, в которых расположились сопровождающие нас люди, устроены хранилища и размещены запасы. Во втором дворе стояли лошади нашего конвоя, привязанные веревками к кольям. Часовые расположились у входа, чтобы не пускать посторонних. С экспедиционной охраной ежедневно проводили военную подготовку. Их учили обращаться с огнестрельным оружием. Каждый должен был знать, как вести себя в случае боя на коне и без коня, как ухаживать за своим оружием и лошадью. Кроме того, он должен был знать обязанности часового, учился подавать сигнал и осуществлять разведку, чтобы противостоять любой опасности.

Многие мужчины в прошлом были охотниками. Все они умели метко стрелять и хорошо ездить верхом, что немаловажно в экспедиции, чтобы не повредить спины и сберечь животных. Кроме военной тренировки и упражнения в стрельбе, людей обучали ставить и снимать палатки. Все это они должны были уметь делать при необходимости быстро разбить лагерь после долгого и трудного дневного перехода.

В Урге к экспедиции присоединился Портнягин из Харбина, молодой человек, имеющий опыт в трудных путешествиях по монгольской пустыне Гоби, человек большого личного мужества.

Г-жу Рерих в путешествии сопровождали ее личные помощницы, две местные девочки-казачки, хорошо подготовленные к предстоящему трудному путешествию. Отличительной особенностью нашей экспедиции стало присутствие в ней трех женщин, которые переносили все тяготы путешествия наравне с мужчинами. У всех мужчин экспедиции они вызывали глубокое уважение своей замечательной стойкостью в самых изнуряющих условиях и в моменты физической опасности.

28 марта мы с радостью приветствовали наших американских сотрудников, г-на и г-жу Лихтман, которые приехали в Ургу, привезя с собой провизию и снаряжение для экспедиции. К экспедиции также присоединился доктор Рябинин, наш старый друг, добровольно пожелавший сопровождать нас в качестве медицинского консультанта. Знания, которые он имел, будучи врачом и дантистом, делали его пребывание в экспедиции очень полезным. Г-н и г-жа Лихтман привезли с собой некоторое лагерное снаряжение и палатки, а кроме того, крайне необходимую зимнюю одежду и ящики с медикаментами, которые прислали г-н Л.Л.Хорш и г-н С.Н.Рерих. Новые палатки из Нью-Йорка, так называемого канадского образца, имели конусообразную форму, опирались только на один шест с двумя распорками, предназначенными для поддержания углов, и шитый квадратный пол. Эти палатки имели огромное преимущество в том, что были чрезвычайно легкими. Одну такую палатку можно было без труда нести на спине, а вьючная лошадь или мул могли везти сразу четыре. При разбивке лагеря такую палатку мог бы установить один человек. Они выдерживали штормовые ветра и бури тибетских нагорий и оказались очень ценным дополнением к нашему лагерному снаряжению. Прибытие ящиков с медикаментами избавило нас от большого беспокойства: в Урге было невозможно пополнить наши походные аптечки, и мы обрадовались, получив богатое подкрепление из Нью-Йорка.

Старые экспедиционные палатки нуждались в основательном ремонте для того, чтобы они могли выдержать повторный переход через пустыню. Все деревянные колья, пригодные для мягкой песчаной почвы, были заменены на железные, единственно подходящий материал для каменистой почвы пустыни. К тому же мы приобрели несколько китайских май-ханов, или палаток из голубой ткани, поддерживаемых двумя шестами и одной горизонтально расположенной перекладиной. У них была чудесная овальная форма, и они стояли прочно под ударами штормовых ветров. Главным образом, такие палатки использовали в караванах и были водоне-проницаемые, а их единственный недостаток был в том, что они пропускали холод. Мы не взяли с собой войлочные монгольские юрты, так как

установка их деревянных каркасов отнимала много времени, и они становились чрезвычайно тяжелыми после дождя или снежного бурана. Во время нашей последующей вынужденной задержки на тибетском нагорий мы часто сожалели, что не имели ни одной зимней юрты. Починка старых палаток и укрепление новых заняли много времени, и прошел целый месяц, прежде чем все – колья, веревки, мешки для палаток и т.д. – было готово и имело нужное качество.

Также большого внимания требовало седельное снаряжение. Из Нью-Йорка мы получили два западных седла, два чудесных седла для степных лошадей Центральной Азии. Достать европейские седла в Урге было невозможно, а монгольский эскорт не умел ездить верхом в обычном английском седле. Нам пришлось покупать казацкие седла, которые продавали на рынке Урги Они были удобны и хорошо подходили для степных лошадей Крайне важно иметь хорошие седла для верховой езды и вьючных животных, чтобы не повредить спину и уберечь животных. Уздечки тоже должны быть тщательно подобраны. Уздечки с толстыми удилами бесполезны для степных или горных пони Центральной Азии. Для них идеальны казацкие удила. Центральноазиатская лошадь очень своенравна и имеет переменчивый характер, ей необходимы крепкие удила, чтобы она не понеслась – привычка, к которой склонно животное.

Зимняя одежда для членов экспедиции тоже вызывала много беспокойства. Урга не была идеальным местом, где можно было приобрести обмундирование. Мы были вынуждены купить китайские дубленые овчины и сшить из них теплые спальные мешки и шубы. К тому же, на рынке мы отыскали несколько сибирских меховых шуб из тяжелой овчины. Каждый член экспедиции был экипирован парой теплых сапог на меху, или ичигами, которые носят в основном в Монголии и Сибири.

Необходимо было также привести в порядок продовольственные запасы Все это потребовало очень много времени и энергии от европейского персонала экспедиции.

Наше пребывание в Урге быстро подходило к концу, и дата отъезда, намеченная на 15 апреля, была уже близко. 14 апреля ворота владений экспедиции широко распахнулись для въезжающих автомобилей.

IX

УРГА – ЮМ-БЕЙСЕ КЮРЕН

13 апреля 1927 г. вся экспедиция поднялась еще до рассвета. Мы собирались отправиться в путь пораньше, чтобы пройти максимально возможное расстояние. Первый этап маршрута пролегал по долине реки Толы и, по словам проводников, был сравнительно легок для груженных автомобилей. Три грузовика экспедиции были загружены днем ранее, и остались только два «доджа», предназначенные для людей и легкого багажа, который нужно было привязывать к бортам на время движения. К одиннадцати часам все было готово, и большие ворота штаб-квартиры экспедиции распахнулись. Друзья – и европейцы, и монголы – собрались проводить и пожелать удачи членам экспедиции. Монголы болтали с родственниками, ламы бормотали молитвы и развешивали церемониальные шарфы, или хатыки, на автомобилях. Наших тибетцев окружила толпа их соотечественников, прибывших повидать нас. Тибетский персонал экспедиции очень гордился винтовками и настаивал на поездке с приткнутыми к стволу штыками, украшенными хатыками. Члены экспедиции выглядели очень воинственно в меховой одежде цвета хаки, перетянутой ремнями. Все это являло собой весьма красочное зрелище, в котором перемешались европейские и азиатские элементы.

Неожиданный и неприятный сюрприз преподнес водитель грузовика. Он забыл возобновить монгольский паспорт и оформить разрешение на пересечение границы для автомобиля. За две недели до отъезда мы предупредили водителей: иметь все необходимые документы готовыми до 13 апреля. Только два дня назад я спрашивал их об этом, и все подтвердили наличие паспортов для себя и разрешений на пересечение границы для автомобилей. В целом ситуация складывалась очень неприятно, и нам пришлось отложить отъезд до вечера и отправиться за разрешением в транспортный департамент. Без него таможенные власти не позволили бы автомобилям экспедиции выехать из города. Не было никакой надежды на оформление документов в такое короткое время. Обычная процедура оформления занимала три-четыре дня. Но благодаря неутомимой помощи наших монгольских друзей и любезности монгольского министра финансов, документы были все-таки оформлены и получены. Около пяти часов вечера колонна экспедиционных автомобилей начала свой длинный путь через Западную Гоби. Некоторое время нас сопровождали друзья и сотрудники: г-н и г-жа Лихтман из Нью-Йорка, доктор Джамсарано, секретарь Монгольского научного комитета, и другие друзья из Урги.

За мостом через реку Толу мы все вышли из автомобилей и послали последние прощания и пожелания цивилизованному миру и нашим американским друзьям, которые должны были возвратиться самолетом из Урги в Верхнеудинск.

«Привет всем Нью-Йоркским друзьям! Ждите новостей!» – были последние слова профессора Рериха, когда колонна экспедиции начала путь в западном направлении по долине реки Толы. Колонна тяжело загруженных грузовиков с людьми, восседавшими поверх грузов, напоминала огромное чудовище.

Первые пять миль дорога была хорошей, несмотря на мокрый снег, который сделал ее грязной и скользкой. На седьмой миле мы въехали в глубокий снег. Один из наших «доджей» глубоко завяз. Мы все пытались вытащить его, но без особого успеха. Задние колеса увязли слишком глубоко. Тем временем три грузовика, задержавшиеся ненадолго у моста через Толу и поехавшие окружной дорогой, оказались теперь немного впереди нас. Мы сделали несколько выстрелов, чтобы привлечь их внимание. Один из грузовиков остановился, и нам на помощь прибыли люди с лопатами и веревками. Объединенными усилиями «додж» был вытянут, и мы смогли продолжить поездку. Стемнело, мы едва различали дорогу перед собой. Около десяти часов вечера решили разбить лагерь на берегу реки под несколькими ивами. Это были последние деревья, которые мы видели во Внешней Монголии. Переход этого дня был короток, всего около двадцати миль, но нам всем было приятно оказаться снова на открытой местности и почувствовать перед собой пустыню.

После большой сутолоки в темноте все палатки были расставлены, и мы обрели заслуженный отдых после утомительного дня. Примерно в шести милях на дальнем берегу

реки виднелись слабые огни Сангинской ветеринарной станции. К юго-востоку от нашего лагеря возвышался западный отрог горного массива Богдо-ула, а к юго-западу расстилалась слегка холмистая местность, где находилась долина Толы. Ночь была удивительно ясной, но очень холодной, термометр показывал около -25°С.

Мы свернули лагерь прекрасным солнечным утром. Окружающие горы резко выделялись на бледном фоне северного неба. Собирались сделать длинный переход. Местность представляла собой типичное ровное монгольское пастбище. Повсюду виднелись низкие гребни холмов, слегка покрытые травой. Долина реки Толы была шириной от трех до четырех миль. Местность спускалась к реке большим количеством плоских уступов. Дорога в целом была хорошей, т.к. земля была еще сильно проморожена. Но в нескольких местах наш путь проходил через одну или две узкие полосы песчаных дюн, в которых наши автомобили увязали. Но большей частью дорога была свободна от снега, который лежал только в узких боковых долинах и оврагах по сторонам. Людей на пути встречалось очень мало. Ни автомобили, ни караваны не нарушали тишины окружающей местности.

Вечером миновали пару монгольских юрт с несколькими отарами овец поблизости. Остановились на ночь на открытом плато, расположенном на берегу реки Толы. Расстояние, пройденное за день, составляло более шестидесяти двух миль. Ночь снова была холодной, термометр показывал -15° С, а пронизывающий северо-западный ветер делал холод еще крепче.

15 апреля мы снова начали движение очень рано в надежде достичь монастыря Нга-Ванг Церен кюрена, расположенного к северо-западу от изгиба реки Толы. Местность представляла собой тот же самый плоский ландшафт, что и днем ранее. Здесь и там монотонность плоских травянистых холмов нарушалась выветренными массами гранита и порфира. Путь был легок и так гладок и прям, что наши автомобили смогли развить большую скорость, особенно последние пятнадцать миль. Так мы ехали по Саин-Нойнской дороге, по которой следовала третья азиатская экспедиция Американского музея естественной истории в 1922-1923 гг. Геологию бассейна Толы изучали и описывали профессор Чарльз П.Беркли и доктор Фредерик К.Моррис, проведшие геологические исследования, и нет необ ходимости описывать его повторно, поскольку регион посещался многократно американскими и русскими учеными.

Мы были вынуждены разбить лагерь раньше, чем предполагали, возле маленького оврага, заполненного снегом. Несколько монгольских погонщиков верблюдов, которых мы встретили на пути, сообщили об отсутствии воды до Нга-Ванг Церен кюрена, поскольку река Тола протекала на значительном расстоянии от маршрута и была все еще замерзшей. Нам пришлось растопить снег, чтобы получить питьевую воду. Ночь была опять очень холодной – около -17° С. Обжигающий ветер, который начался вскоре после заката, к полуночи стих, и остальная часть ночи прошла спокойно.

16 апреля мы ехали по хорошей каменистой дороге часа два, прежде чем увидели дуган, или собор Нга-Ванг Церен кюрен, на противоположном берегу реки. Недалеко от монастыря мы ушли в сторону от долины реки и поехали через низкий гребень – самый большой отрог гор Долон-кара. Около полудня мы достигли монастыря Тукхумун Дугана, или Дуган-сума, расположенного к северу от соляного озера, называемого Ике Тукум-нор. Озеро занимало неглубокую впадину длиной около четырех миль и шириной около трех. Оно все еще было покрыто льдом, и значительные слои солевых пластов виднелись на берегах.

Монастырь известен ду-кхангом, или залом для собраний, построенным в тибетском стиле с очень хорошей деревянной резьбой. В зимние месяцы это место почти пустынно, но летом число обитателей превышает триста человек. В монастыре побывал генерал П.К.Козлов на пути к мертвому городу Кара-кхото во время своей знаменитой экспедиции 1907-1908 гг. Мы сделали только кратковременную остановку, чтобы осмотреть здания, и продолжили наш путь в Мише-Гун.

После двухчасовой езды по хорошей дороге, во время которой пересекли несколько мелких ручьев, мы достигли Мише-Гун кюрена, большого ламаистского монастыря с колонией русских торговцев, проживавших поблизости. Остановились около монастыря, чтобы позавтракать, и через час продолжили путь на юго-запад через холмистую местность. Сразу за монастырем находился низкий, но крутой перевал и это была единственная

значительная трудность, с которой мы встретились, пытаясь провести по нему наши тяжело груженые автомобили. Мы проехали более двадцати пяти миль по однообразной дороге и остановились лагерем на южных берегах двух маленьких соляных озер, расположенных в неглубокой впадине, окруженной со всех сторон низкими холмами. Почва вокруг озер была очень засолена и во многих местах заболочена

Дни становились все более теплыми, и мы заметили несколько сурков, которые закончили зимнюю спячку

На следующий день мы снова бросили вызов нагорной пустыне, незаметно повышающейся к юго-западу, где пролегала горная страна Хангай. Холодный пронизывающий западный ветер покрывал волдырями наши лица и продувал тяжелую меховую одежду. Почва была каменистой и твердой, и автомобили хорошо шли в колонне. Мы пересекли ряд волнистых холмов, среди которых возвышались одинокие выветренные скалы и плоско обрубленные утесы. В одной из долин, находящейся между двумя низкими грядами, с нашего первого автомобиля, в котором я ехал, заметили странный продолговатый предмет, обернутый в тряпки и лежащий на дороге. Я вышел из машины и обнаружил труп маленького ребенка, обернутый в ветхое тряпье и частично объеденный волками. Кочевые монголы бросают тела умерших детей возле дорог, чтобы проезжающие путешественники могли помолиться за их души. На двенадцатой миле мы проехали мимо огромной каменной человеческой фигуры – одной из тех, которые изобилуют на степных просторах Северной Монголии и Джунгарии к северу от гор Тянь Шаня. Эти фигуры, вероятно, представляли собой надгробные памятники вождям, которые, как правило, изображены держащими в руке чашу с горящим огнем – символ, возможно, связанный с древним культом огня у монголов.

Местная легенда о каменном изваянии гласила, что в древние времена здесь жил могущественный предводитель разбойников, который наводил ужас на окружающих, разорял стоянки кочевников и угонял их стада. Став старым и слабым, он дал обет сделать хорошее для соотечественников. Когда он умер, его дух был найден воплощенным в каменное изваяние. В настоящее время статуя считается обликом местного божества – духа-охранителя рогатого скота и людей. Местные кочевники и редкие путешественники, кому случается идти этим путем, делают возлияния масла и возложения цветной ткани. Эту историю рассказал тибетский проводник, который провел много лет в этой области, собирая монгольские подношения, причитавшиеся Его Святейшеству Далай ламе, после того, как его резиденцией стала Урга в 1904 г.

В нескольких милях от каменного изваяния мы встретили маленький верблюжий караван, который шел от Улясутая в Ургу южным маршрутом. Мы очень хотели узнать о нашем караване с горючим для автомобилей, который вышел из Урги месяцем раньше, но погонщики верблюдов не знали о нем. Очевидно, начальник каравана выбрал другой маршрут или следовал северным путем через монастырь Эрдени Дзу.

Поздно вечером мы достигли северных отрогов Онгин-гола. На подходах к переправе через реку наш путь пересек обширную твердую каменистую равнину. Неподалеку от переправы стояли три монгольские юрты, жители которых пришли к нам на помощь. Три наших грузовика остались позади из-за повреждений колес, и мы решили пересечь реку в легковых «доджах» и подождать остальную колонну на другом берегу. Река протекала по широкой однообразной долине и имела несколько русел. Дно, покрытое гравием, в основном было твердым. Только мой автомобиль заехал на песчаную полосу, и его пришлось вытаскивать.

Грузовики до самой ночи не смогли добраться до реки. В полной темноте мы могли видеть только свет их фар, быстро приближающийся по широкой каменистой равнине. Грузовики не смогли пересечь реку тем же вечером, и им пришлось стать лагерем на другом берегу. Мы остались без палаток и продовольствия – неприятная ситуация, если учитывать ночной холод и возможность снегопада или бури. Наконец решили нанять лошадей у местных монголов, чтобы переправить необходимые палатки, постели и ресурсы. После некоторых переговоров и обсуждений относительно цен восемь оседланных лошадей были приведены в лагерь, и мы поехали к реке. Было совсем нелегко заставить животных войти в холодную воду. Они храпели и вставали на дыбы. После многих усилий и криков мы переправились и загрузили лошадей палатками и ящиками с продовольствием. Некоторые из нас прикрепили легкие вещи к седлам. Лошади вырывались и мчались прочь со своими

всадниками. Один из водителей был серьезно испуган, стараясь удержаться в седле. Мой конь отчаянно лягался, когда я привязывал мешок с палаткой к седлу.

Поздно ночью лагерь был развернут, и каждый смог разместиться в своей палатке. Ночь была ясной, ветер угнал прочь облака, и они нависли над цепью гор на юго-западе.

Следующее утро потратили на переправу трех грузовиков. Два из них переправились через реку без каких бы то ни было проблем, но третий завяз в песке, и пришлось организовывать лошадей, чтобы его вытащить. Около полудня вся колонна экспедиции собралась на западном берегу реки. Мы решили затратить время на краткое посещение Удзен-Ван и нанять монгольского проводника, который знал бы маршрут к Юм-бейсе кюрену. Водители, знавшие довольно хорошо путь до Онгин-гола, не знали ничего об остальном пути до Юм-бейсе. Часовая поездка привела нас к Удзен-Вану, где располагались большой ламаистский монастырь, местный ямень, или административный центр, и несколько русских торговых учреждений, включая местное отделение Монгольского центрального кооператива. В то время как некоторые из нас искали хорошего и надежного проводника, большая толпа одетых в красное лам, монгольских чиновников и мирян собралась вокруг автомобилей. Они пытались разузнать о нашем пути и намерениях. Через некоторое время проводник был найден. Это был морщинистый старик лет шестидесяти, носивший меховую шапку ламы и выцветшие желтые лохмотья, которые служили ему верхней одеждой. Нам сообщили, что он был опытным проводником и знал местность хорошо.

После кратковременного пребывания в Удзен-Ване мы продолжили свой путь через каменистую равнину в южном направлении. После двухчасовой езды поднялись на крутой песчаный холм. Нашим людям пришлось помогать тяжело груженым грузовикам, и много времени было потрачено, прежде чем все три машины благополучно преодолели перевал. Спуск был пологим и вел к широкой открытой равнине, покрытой гравием. Мы остановились на ночь лагерем на этой равнине примерно в тридцати милях к юго-западу от Удзен-Вана и недалеко от главного русла Онгин-гола. К счастью, вечер и ночь были безветренными, иначе было бы трудно сохранить палатки на открытом пространстве.

В течение дня мы заметили первого серого гуся (Anser anser) и несколько турпанов (Casarca casarca). Ночью к лагерю подошли волки, которые выли в его окрестностях до рассвета.

После пересечения Онгин-гола, который занимает небольшую часть широкой долины, мы снова въехали в холмистый район – местность, сильно пересеченную и трудную для автомобилей. Удивительно, как «доджи» шли на частых подъемах и крутых поворотах, иногда по самому краю обрыва. Мы были теперь на юго-восточных холмах Хангайской цепи – большого горного массива Монголии, – которая находится между озерным краем Северо-Западной Монголии и бассейном реки Толы. Центральная масса Хангайского нагорья находится недалеко от города Улясутай и известна под названием Тарбагатай. Самый высокий пик, Очир-Ван, поднимается на высоту около 12000 футов.

Некоторые из наиболее важных рек Монголии подобно Орхону берут начало в Хангайских горах. Эти горы изобилуют остывшими вулканами. Южные склоны всех монгольских гор, как правило, крутые и скалистые, часто выветрены и несут следы сильной эрозии, произведенной климатическими условиями и ветрами пустынь, находящихся к югу от них. Северные склоны часто покрыты травой и кое-где лесом.

После переправы через Татсагол, незначительный приток в верховьях, мы продолжили путь вдоль южного основания перевала Атса-ула. Недалеко от старого разрушенного каменного китайского барака, который использовался как склад китайской торговой компании, один из автомобилей сломался, и мы должны были отстать, чтобы починить его.

В то время как водитель был занят автомобилем, я обошел вокруг и обнаружил большое количество древних курганов и могильников: восемнадцать больших и шесть меньших. Все они имели каменные пирамиды на вершинах и были окружены концентрическими окружностями из каменных плит. Это, вероятно, были могильники, описанные профессором Позднеевым в его работе «Монголия и монголы», хотя точное географическое положение их и не было обозначено. Судя по внешнему виду, происхождение их было аналогичным происхождению таких же курганов на горах Ноин-ула, которые исследованы экспедицией Козлова.

После двухчасовой задержки мы возобновили наш путь и нашли экспедицию, ставшую лагерем в узкой горной долине на берегах крошечной речки. Недалеко от нашего лагеря проходил большой караванный путь Саир-усу – Улясутай.

20 апреля был трудный день для автомобилей и персонала экспедиции. Единственным реальным путем была слабая верблюжья тропа. Многочисленные песчаные лощины сделали поездку очень мучительной. Автомобили часто застревали, и приходилось их вытаскивать, помещая под колеса деревянные доски или большие полотнища брезента, подшитого войлоком, которые были захвачены из Урги для этой цели. После вытаскивания одного автомобиля мы все должны были идти и вытягивать другой, и это длилось до тех пор, пока все не измотались до крайности. Тогда решили установить лагерь. Портнягин и я, сопровождаемый одним из водителей, вышли на поиск более хорошей дороги. Мы не брали нашего проводника, которого теперь использовали очень мало, убедившись, что он знает только тропы, часто непригодные для автомобилей. Мы поднимались на несколько вершин из песчаника в поисках маршрута, но совершенно напрасно. Насколько глаз мог видеть, повсюду простирались все те же бесплодные и холмистые пространства, пересеченные высохшими руслами рек, полными гравия, с песчаными берегами и глубокими и узкими горными долинами, блокированными огромными скоплениями камней. Нам пришлось возвратиться и отложить поиск до следующего дня.

Следующий переход был труден и мучителен. Мы прокладывали путь по бесплодной равнине, пересеченной песчаными грядами и каньонами, сформированными потоками, которые когда-то текли с гор на север. Вскоре после того, как мы оставили наш лагерь, мы встретили первый караван, идущий прямо из Тибета Он принадлежал богатому лхасскому купцу Кушо Кудурпа, одному из тех «государственных торговцев», который торговал от имени Его Святейшества Далай ламы. Его сопровождали несколько слуг-тибетцев. Он направлялся в Ургу и Пекин покупать шелка, парчу и другие изделия. Люди каравана сообщили о больших бандах разбойников в пустыне Гоби, к северу от Аньси чоу. Среди погонщиков каравана мы увидели двух монголов-курлуков из Северного Цайдама – старика и молодого человека двадцати лет. По какой-то причине они решили оставить свою родную страну и идти в Ургу. Мы наблюдали их странные костюмы и живописные рубашки с отвернутыми воротниками, отороченными мехом выдры. Люди носили острые шапки и широкие кожаные штаны. Они осматривали автомобили, которые видели впервые в жизни, но сомневались, будем ли мы способны достигнуть Юм-бейсе, так как нам приходилось использовать те маршруты, которые никогда раньше не использовались автомобилями или любой другой колесной техникой.

На нашем пути мы миновали большое монгольское стойбище, когда они устанавливали свой лагерь. Несколько юрт были уже поставлены, другие прибывали на верблюдах. Мы видели длинные вереницы верблюдов, проходящих через долину. Некоторые из них были закрыты навесами, под которыми сидели женщины и дети. Большая толпа наблюдала за нами в то время, как автомобили пересекали маленький ручей с грязным дном.

Заметное различие существует между типом монголов северной степной и травянистой Монголии и кочевниками, обитающими в Гоби, на юге Хангайских гор и на севере Монголии или в Алтайской пустыне. Северный кхалка-монгол более силен, лучше сложен и в общем лучше одет, он любит яркие цветные шелка и ткани. Кочевники бесплодных пространств вокруг Алтайской Гоби физически хуже развиты и меньше ростом, словно неблагоприятные условия жизни в пустыне повлияли на их физическое строение. Толпа, которая окружила автомобили, была плохо одета: некоторые носили старое тряпье, другие – грязные шубы из овчины, надетые на голое тело. Их длинные нечесаные черные волосы придавали компании дикий вид. В целом толпа больше напоминала хорпов северного Тибета, чем прекрасно выглядевших северных халков.

21 апреля мы собрали лагерь рано, чтобы поискать дорогу через сложную горную систему и переправиться через грязный Тоингол. Большинство из нас должны были идти пешком, чтобы помочь автомобилям. На значительном протяжении песчаных равнин автомобили приходилось толкать и тянуть, подкладывая доски и брезент под колеса. Это чудо, что они покрыли этот трудный путь и выдержали столь серьезное испытание. Около одиннадцати часов утра мы достигли Тоингола, – реки, трудной для переправы из-за илистого и грязного дна. Нам пришлось остановиться и искать подходящее место. После

длительного поиска такое место было найдено, но берег реки в этом месте был слишком крут. Мы срезали его лопатами. После трех часов трудной работы все пять автомобилей благополучно переправились через реку.

За рекой снова столкнулись с очень тяжелым препятствием. Преодолев около десяти миль, мы оказались среди непроходимых песчаных холмов и должны были повернуть на юг в поисках пути. Монгольский проводник спорил с нашим тибетцем, который считал, что надо следовать верблюжьей тропой, пролегающей южнее направления, выбранного нами. Было очень трудно, почти невозможно вернуться на прежнее место, и поэтому мы решили следовать сухим руслом реки, по которому, возможно, сможем пересечь бесплодную горную гряду. Продвижение очень измучило. Каждые десять минут один из автомобилей увязал в песке, и приходилось тратить значительное время, чтобы извлечь его.

Около пяти часов мы решили остановиться на ночь на ровном и плоском пространстве, примыкающем к сухому руслу реки. Была организована разведка этого русла на возможность дальнейшего продвижения. После часового отсутствия люди возвратились с сообщением, что путь тяжел, с большим скоплением завалов, но что пройти можно по отходящей в сторону долине. Мы решили попробовать путь, предложенный разведчиками. Местность вокруг была абсолютно бесплодна. Скудные кусты саксаула (Haloxylon ammodendri) и хармика (Nitraria scholeri), типичные для Гоби растения, росли на берегах маленькой речки, которая когда-то впадала в большую речку, а теперь пересохла.

На следующий день мы снова поднялись очень рано и начали движение, руководствуясь указаниями нашего монгольского проводника, западнее сухого русла реки. После часа тяжелого пути мы свернули в боковую долину, поднялись на низкий горный отрог, который показался нам подходящим перевалом через гряду, перегораживающую наш путь. Мы надеялись, что, переправившись через нее, сможем найти путь в обширную щебнистую равнину, которая пролегала южнее. Наши ожидания были тщетны, за перевалом мы обнаружили ту же самую пересеченную горную местность с крутыми песчаными холмами со скудными вкраплениями гранита. Единственным доступным выходом была узкая горная долина, ведущая на запад. Мы двигались по ней около пяти миль, пока не оказались в маленькой круглой долине, защищенной со всех сторон горами. Было очевидно, что для дальнейшего продвижения вперед никакой реальной дороги нет. Монгольский проводник продолжал настаивать, что мы должны пересечь горы юго-западнее долины.

Это было легче сказать, чем сделать, так как большая часть склонов гор, обращенных к долине, была крута и обрывиста. Мы не видели возможности преодолеть крутой подъем. Вместе с водителем мы взобрались на один из близлежащих холмов, с которого могли бы легко сориентироваться. Нашли тяжелый, но возможный путь на самом краю узкого ущелья, и водитель счел, что мы могли бы рискнуть пройти этим проходом. С этим решением мы спустились и повели автомобили по крутому склону холма и трудной дороге, пролегавшей по краю перевала. Продвигались очень осторожно, одного неверного движения водителя было достаточно, чтобы отправить автомобиль вниз, в ущелье. После того как легкие автомобили были проведены, тяжелые грузовики поднимались с помощью людей. Песок и камни катились вниз, когда грузовики поднимались на гору; люди тянули их спереди и толкали сзади, и все испытали огромное облегчение, когда все автомобили благополучно достигли вершины. Перед нами расстилалась песчаная равнина со слабыми вкраплениями скалистых гор, которая уходила далеко на юго-запад. Чтобы достигнуть этой равнины, мы должны были пересечь несколько следующих друг за другом оврагов, заполненных песком, в которых автомобили застревали не один раз. Горный перевал, с которого мы спускались, вдавался далеко на юг, в песчаную равнину, расстелившую ответвления на значительные расстояния.

Мы решили развернуть лагерь на площадке около ущелья. Ночь была очень теплой – первая теплая ночь с тех пор, как мы оставили Ургу. Ранним утром снова начали движение на запад, подъемы и спуски в многочисленные ущелья и отроги, которые пересекали южную сторону гор. Некоторые из ущелий были очень трудны для пересечения, но монгольский проводник из Удзен-Вана настаивал, чтобы мы продолжали поездку именно в западном направлении.

Около трех часов пополудни мы успешно пересекли низкий песчаный гребень к юго-западу, и перед нами открылась панорама обширной щебнистой равнины с небольшими

вкраплениями скалистых гор далее к югу. Водители ничего не знали о маршруте, а из существующих карт мы смогли получить только общее направление на Юм-бейсе кюрен.

Мы все сошлись во мнении, что наш монгольский проводник – большая неудача и что старик ведет нас в неверном направлении. Поэтому я стал расспрашивать нашего тибетца, который знал верблюжьи тропы хорошо; он считал, что наш маршрут должен пройти к югу через щебнистую равнину После длительной дискуссии монгольский проводник признался, что он вел нас в направлении почтовой станции Юм-бейсе кюрен. И мы решили следовать указаниям нашего тибетца и пересечь равнину в южном направлении. Мы пытались получить некоторую информацию от монгольских женщин, которые жили в юрте, укрывшейся в одном из наиболее глубоких каньонов. Их мужья были далеко, а женщины не знали ничего о маршруте. Нам пришлось полагаться на знания нашего тибетца.

Мы начали движение каравана около пяти часов вечера и направились через равнину по хорошему прочному грунту. Очень приятно быть способными снова двигаться быстро после всех мытарств предыдущих дней. Мы впервые заметили большие стада диких куланов, около двух сотен в каждом (Equus hemionus). Животные долго стояли неподвижно, наблюдая за нашим продвижением, и вдруг бросились с дикой скоростью нам наперерез. Мы последовали за одним из животных на автомобиле и удивлялись, видя скорость, которую оно развивало.

После часового движения пересекли большую проезжую дорогу Коко-Хото-Кучэн, отличающуюся, как и все китайские дороги, глубокими следами колес, оставляемыми тяжело груженными китайскими повозками.

Становилось темно, и только отблеск заката слабо освещал дорогу. Мы решили стать лагерем на ночь на берегу маленького озера Боро-нор, расположенного в неглубокой низине. Оно было почти высушено, но, по словам местных монголов, обретало большие размеры каждое лето после дождей. На берегах мы обнаружили большое количество морских чаек (Chroicocphalus ridibundus), серых гусей (Anser anser) и турпанов (Casarca casarca). Поздно вечером к озеру приходило большое стадо куланов, или диких ослов.

Мы вышли в путь на следующий день с целью достичь Юм-бейсе кюрена. Дорога снова повернула к горам, и мы оказались на тяжелом пути, ведущем на юг и пролегающем по сухому руслу реки. Острые камни, большие скопления гравия и глубокие песчаные наносы сделали продвижение очень медленным Некоторые из автомобилей увязали, и людям приходилось их вытягивать. Это было энергичное упражнение, и многие из нас значительно потеряли в весе После двенадцати дней вытягиваний мы могли считать себя специалистами в такой работе, и действительно, теперь нам требовалось значительно меньше времени, чтобы извлечь автомобиль, чем в начале нашей поездки из Урги. Неприятное происшествие произошло с моим автомобилем, который внезапно загорелся. Ситуация была серьезной, так как на нем было размещено наибольшее количество нашей нефти, запасов бензина и несколько саквояжей с боеприпасами. Мы лихорадочно работали и успели взять огонь под контроль прежде, чем он приблизился к запасам бензина. Мне пришлось пожертвовать водой из фляги, чтобы остановить пожар, охвативший полмашины Убытки были незначительными, и мы были способны возобновить поездку.

Последняя часть пути к Юм-бейсе была чрезвычайно трудной для автомобилей.

Эта горная местность сильно пересечена, и сухие русла рек представляли большие препятствия для колесных транспортных средств. Когда мы достигли вершины крутого хребта, внезапно открылся далеко раскинувшийся Юм-бейсе кюрен, расположенный в глубокой долине, окруженной со всех сторон холмами, защищающими монастырь от сильных ветров, дующих в течение зимних и весенних месяцев. Он представлял собой группу белых домов, в центре которой возвышались два ду-кханга, или зала собраний. Огромная толпа одетых в красное лам, услышавших звук автомобильных гудков, выбежала из монастыря и окружила машины. Возле монастыря мы не нашли подходящего места для установки лагеря, и нам посоветовали установить лагерь за монастырем в местечке, носящем местное название Цаган Тологой – «Белая Голова» – по имени горы западнее монастыря. Место, выбранное для лагеря, было на берегу крошечной речки Цаган Тологой-усу. С северо-запада и запада наш лагерь был хорошо защищен горами Цаган Обо. На восток и на юг от этого места открывалась обширная панорама Гоби.

Нам пришлось провести несколько дней в Юм-бейсе, чтобы подготовиться к более далекой поездке через юго-западную Гоби к Аньси чоу. Наш верблюжий караван с запасом бензина достиг Юм-бейсе в тот же день, что и мы. Они проследовали северным маршрутом, проходящим через Эрдени-дзу и монастырь Лама-йин Геген и потратили несколько дней, чтобы попасти верблюдов около Лама-йин Гегена. Это объяснило задержку. Местные жители считали, что будет трудно, почти невозможно для нас продолжать поездку на автомобилях на юг от Юм-бейсе. Согласно их мнению путь был почти непроходим, и все прежние попытки пересечь пустыню Гоби южнее монастыря, сделанные монгольскими автомобилями, не имели большого успеха. Обследовав машины и убедившись в их плачевном состоянии, мы единодушно решили послать их обратно и продолжать поездку на верблюдах.

Одним из главных препятствий для автомобильного движения через юго-западную Гоби являются широкие долины, раскинувшиеся между параллельными хребтами Монгольского Алтая, которые густо покрыты саксаулом, называемым монголами дзак. Перемещающийся песок накапливается вокруг растений и формирует маленькие бугры, которые часто полностью блокируют путь, оставляя место только для верблюжьей тропы. Проходы через последовательные гребни Алтайской Гоби пролегают по тяжелому каменистому грунту, усыпанному глыбами крупного и слоями мелкого гравия, и являются в большинстве случаев непроходимыми даже для легких автомобилей, не говоря уже о тяжело нагруженных грузовиках.

Вдоль основания этих пустынных гор пролегают большие гряды песчаных дюн, которые часто трудны для пересечения на автомобилях. Незадолго до этого несколько монгольских автомобилей проделали разведку маршрута на юг от Юм-бейсе и после окружного пути смогли достичь только точки около четырех миль севернее Шара-Хулусуна. Дальше на юг автомобили уже не могли пройти, хотя это были легкие туристические транспортные средства, несущие только двоих пассажиров и необходимый запас бензина

Поздно вечером в наш лагерь приходил нирва, или казначей монастыря. Он предложил снабдить нас достаточным количеством первоклассных верблюдов и проводником. Было крайне необходимо получить крепких животных в хорошем состоянии, так как верблюжий сезон уже подходил к концу. Монастырь желал снабдить нас верблюдами и погонщиками до Ших-пао-чьенга – оазиса в Нан Шаньских горах к югу от Аньси чоу. Тот путь, по которому мы должны были проследовать на верблюдах, был, по словам нирва, крайне непроходимым для автомобилей. Дорога на Юм-бейсе в основном используется тибетскими караванами и монгольскими паломниками, идущими в Лхасу или возвращающимися оттуда. Она пролегает через одну из наиболее пустынных областей на земле – крутые горы и покрытые щебнем равнины, где ни люди, ни дикие животные не нарушают однообразия ландшафта. Эта область всегда была известна как укрытие для банд, а деяния и жестокая резня Джа ламы, воинственного монаха, были все еще на устах местных кочевников.

Регион был непроходим в течение лета из-за нестерпимо высокой температуры пустыни, каменная поверхность которой отражает пылающие лучи солнца. Все передвижения караванов осуществляются только между октябрем и апрелем. Когда мы пересекали эти запретные пространства, перевод статьи сэра Аурела Стейна о самой внутренней Азии часто вспоминался мне. Говоря о Такламаканской пустыне, этот великий исследователь замечает:

> «Чрезвычайный дефицит воды, который существует на огромной части рассматриваемой нами области, придает ей характер того, что я назвал бы «истинной пустыней». Позвольте мне подчеркнуть слово «истинная» в этом выражении, чтобы сделать весьма ясным, что та местность, по которой я приглашаю вас последовать за мной сегодня вечером в рассмотрении исторических движений, отличается очень существенно от тех пустынь, с которыми мы встречались в библейской истории в описаниях аравийцев или от пейзажей Южной Африки, по которым, собственно, большинство из нас и знакомы с понятием пустыни. Эти «смягченные пустыни», как я должен отважиться назвать их для различия, могут действительно впечатлять городского обитателя, особенно если он прибывает из наших густонаселенных центров, с их понятием об уединении, пустоте и, позвольте мне добавить, мире. Но пустыни, в которых целые племена могут скитаться относительно долгие периоды и уверенно находить воду и пастбища для овец, по крайней мере в определенные регулярные сезоны, пустыни, в которых поселения, снявшись со

своих мест или встревоженные противниками, могут благополучно искать убежище на время, не похожи на те, которые раскинулись на огромных расстояниях высокого нагорья между Небесными горами и Куньлунем»

Те же самые слова могут быть применены по отношению к Западной Гоби, обширным пустынным пространствам южнее Юм-бейсе и севернее Алтан-усу в горах Артса-йин-нуру. В этом месте абсолютное безводье сделало существование человека и животного фактически невозможным. Передвижение возможно было только на верблюдах, которые могут выстоять в совершенно безводных переходах, и фактически ограничено зимними месяцами. Караваны на лошадях и мулах обречены на большие опасности.

Нирва монастыря предложил нам следовать тропой, проходящей восточнее обычного караванного маршрута Юм-бейсе – Аньси чоу. Эта тропа считалась намного лучше тем, что была короче обычного пути. До недавнего времени ее считали опасной для караванов из-за большой активности разбойников в окрестностях, но, осмотрев наше вооружение, нирва уже был уверен, что мы можем сделать попытку пересечь пустыню этим путем. Этот маршрут часто использовался контрабандистами и был хорошо известен некоторым из монахов в монастыре. Нирва обещал привести надежного проводника на следующий день. Единственный надежный способ пересечь пустыню состоял в том, чтобы нанять хорошего проводника и доверить ему выбор мест расположения на стоянки и обнаружения водных источников. На европейские карты никогда нельзя полагаться, и, кроме того, не имеется никаких карт этого региона достаточно крупного масштаба. Единственные средства обнаружения правильного направления в Гоби – хороший проводник и компас.

Монгольские проводники известны повсюду в Центральной Азии прекрасным знанием местности. Почти сверхъестественная способность всегда помогает им найти пригодную для прохождения дорогу или источник воды. После нашего печального опыта с проводником при переходе из Удзен-Вана до Юм-бейсе мы все были довольно скептически настроены относительно монгольских проводников, но после того, как благополучно достигли Ших-пао-чьенга в Нань Шане, нам пришлось признать, что в течение целого месяца в попытках пересечь пустыню монгольские проводники – ламы из Юм-бейсе кюрена – никогда не вводили в заблуждение караван, всегда находя питьевую воду в местности, которая казалась крайне бесплодной.

На следующее утро, сопровождаемый тибетским проводником, я отправился в монастырь, чтобы договориться с нирва о плате за наем верблюдов от Юм-бейсе до Ших-пао-чьенга и о дате нашего отъезда.

Монастырь Юм-бейсе был расположен примерно в миле севернее нашего лагеря. Он состоял из нескольких узких улиц, с обеих сторон которых высились кирпичные стены с маленькими узкими проходами ворот во дворы, где стояли здания или палатки лам. Монастырь населяли около пятисот лам, которые толпились на улицах и больших дворах перед храмами. В центре монастыря имелась просторная площадь, на западной стороне которой стояли главные монастырские здания, два ду-кханга, или залы собрания. Они были построены в тибетском стиле. Здание непосредственно строилось из кирпича, а передняя часть имела террасы, поддерживаемые восемью деревянными колоннами с обычным цветочным орнаментом, окрашенным в яркие тона. Четыре угла храмов были увенчаны обычным джьял-ценом, или «знаменем победы», и на крыше со стороны основного входа стояла общепринятая эмблема – Колесо Закона и два оленя. Позади храма высились золоченые крыши часовни, содержащей священные изображения. Крыша была увенчана позолоченной ганджирой в форме вазы, или бум-па.

У меня совсем не было времени на посещение храмов, и, решив подождать следующего дня, я пошел повидать нирва. Монастырский казначей жил в просторной монгольской юрте, расположенной в прилегающем дворе. Интерьер всех жилищ лам почти одинаков. У северной стены обычно стоит алтарь с двумя или тремя золочеными глиняными или медными изображениями, часто фотографии первосвященника Тибета, Богдо Гегена из Урги и других высоких лиц ламаистской церкви Тибета и Монголии. Низкий и толстый матрац, распростертый на полу, служит кроватью для хозяина и сиденьем для его гостей. В центре стоит очаг, у противоположной стены – чайная урна, медный чайник и другие предметы домашнего обихода. В некоторых палатках на полу ковры из Нин-шиа и Алашана. Остальное пространство двора, в котором размещалась юрта, заполнено грудами кизяка. Многие

дворики имели маленькие складские помещения, где зажиточные ламы хранили принадлежности. В некоторых мы обнаружили закрытые транспортные носилки, перевозимые обычно верблюдами, – одно из колесных транспортных средств, используемых в путешествии по пустыне. Такие носилки состоят из двух больших деревянных колес и деревянной закрытой кабинки с маленькими окнами с обеих сторон, которые обычно собраны из деревянных панелей. Древесина обшита синей тканью, и иногда окна оклеивают цветной бумагой. Такие повозки используют только богатые ламы и женщины, которые стремятся защитить себя от ветров и бурь пустынного нагорья. В повозку впрягается один верблюд, а приспособлены они обычно только для одного лица или, реже, для двоих.

Нирва встретил нас в своей юрте и после обычного взаимного приветствия и вежливых расспросов о здоровье и пути мы начали говорить о деле. Казначей сообщил, что было чрезвычайно трудно найти верблюдов, так как сезон заканчивался и скоро пустыня должна была стать непроходимой для караванов. Он очень хотел помочь нам и решил отдать своих верблюдов, которых было всего около двадцати, но остальных мы должны были нанять за плату у какого-нибудь богатого ламы в монастыре.

Я попросил его провести меня к владельцам верблюдов, чтобы мог договориться с ними. Он согласился, и мы втроем пошли побеседовать с известным проводником и погонщиком караванов ламой Самбу, который провел большую часть жизни, сопровождая караваны от Юм-бейсе до Аньси. Он знал маршрут хорошо и, кроме того, имел достаточное количество верблюдов в своем распоряжении. Это был крупный человек с решительным лицом, выступающими скулами и толстой красной шеей. Кроме того, он обладал отличным чувством юмора, и впоследствии оказалось, что он был самым лучшим из проводников караванов. Он охотно согласился сопровождать экспедицию в качестве проводника и отдать в наем верблюдов. После долгих переговоров и таинственных знаков пальцами, означающих количество, была установлена цена для найма одного верблюда от Юм-бейсе до Ших-пао-чьенга в размере двадцати двух мексиканских долларов. Казначей монастыря и лама Самбу взяли на себя обязательства довести до Ших-пао-чьенга за двадцать два дня со дня отъезда от Юм-бейсе, если все будет хорошо на пути. Они также согласились продать нам несколько верблюжьих седел, сделанных в Алашане, которые используются для верховой езды. Они представляют собой толстую ковровую подушку, к которой прикреплены с обеих сторон большие откидные ковровые створки. Кожаные стремена приложены под вершиной той части подушки, которая служит сиденьем. Длинная и широкая подпруга служит для того, чтобы сохранять седло в положении между двумя верблюжьими горбами. Некоторые из верблюжьих седел прекрасно украшены и стоят значительных денег. Портнягин и я должны были ехать на верблюдах, чтобы иметь возможность быстро перемещаться и быть способными делать разведку местности. Остальная экспедиция должна была ехать на местах, оборудованных на вершинах грузов. Этот способ путешествия на верблюдах весьма удобен и позволяет путешественнику находиться в лежачем положении и даже спать. Монголы всегда используют его.

После определения цены и даты отъезда мы возвратились в лагерь, и оставшийся день был использован на утомительные, но необходимые занятия по подготовке клади для погрузки на верблюдов.

К закату подул сильный северо-восточный ветер, который скоро превратился в дикий ураган. Толстые облака песка пролетали по лагерю и проникали в палатки. Мы все должны были искать укрытия и закрывать входы в палатки. Это была отчаянная ночь! Песок накапливался в огромных количествах вокруг палаток и образовывал высокие валы. Шум, который производила внешняя палатка, края которой наносили удары по внутренней откидной створке, был настолько силен, что спать было почти невозможно. К рассвету сила ветра удвоилась, и я вдруг почувствовал, что моя палатка лопнула и внезапно рухнула на меня. Две откидные створки разрушились, и я был буквально захоронен под ними и под песком, который быстро наметался над развалинами. После нескольких попыток я сумел выбраться наружу. Окрестности были полностью скрыты под непроницаемой желтой завесой, а ветер дул с неослабевающей силой Наш лагерь представлял собой странное зрелище. Палатка служащих обрушилась на обитателей, но те спокойно спали под брезентом. Палатка Портнягина готова уже была сорваться и держалась только на одной растяжке и одном колышке, который сумел остаться в грунте Палатка доктора имела

наибольшее количество растяжек из всех, и было чудом, что она до сих пор еще сопротивлялась урагану. Палатка профессора и госпожи Рерих твердо противостояла ударам ветра. Портнягин и я пошли по лагерю, закрепляя растяжки и колья палаток. Внезапно раздался дикий грохот, как будто сотни невидимых всадников промчались через лагерь, уничтожая все на своем пути. Палатка кухни взвилась вверх, и все емкости для воды и ковши со страшным грохотом были унесены прочь по песчаной поверхности. Это был кульминационный момент. Все в лагере проснулись. Везде слышались возгласы и восклицания: «Что случилось?», «Поднимите мою палатку!», «Не могу выйти!» После рассвета ветер стал стихать, и мы оказались способны восстановить порядок в лагере. Было очевидно, что нельзя оставаться дольше на этом ветреном месте. Мы нашли другое подходящее место у основания гор Цаган Обо, и профессор Рерих дал указание переместить лагерь.

Новое место было хорошо защищено с северо-запада и северо-востока высокими холмами. Цаган Обо – крутой гранитный массив, изрезанный узкими каньоноподобными долинами, заполненными грудами камней Недалеко от нашего нового лагеря возвышался пик, именуемый Цаган Тологой – самая высокая точка в массиве. В полдень прибыл лама из монастыря, чтобы спросить о потерях, которые мы понесли от ужасного ночного урагана. Ветер нанес серьезные повреждения монастырю, сорвав крыши со многих палаток и поломав флагштоки на крышах храмов Юм-бейсе известен ветрами. Место открыто с юго-востока и северо-востока, а ранняя весна всегда насыщена ветрами и пыльными бурями ужасающей силы.

Следующие ночь и день были тихими, и мы все пошли в монастырь. В большом зале собрания увидели толпу лам и новичков, занятых окрашиванием деревянных матриц (лег-шин) для 333 томов Канджура и Танджура. Зал собрания монастыря имел обычную обстановку внутри. Северная стена была занята троном инкарнированного ламы монастыря и несколькими стеклянными шкафами, содержащими медные и глиняные, сырой выделки, изображения. Другие стены были заняты монастырской библиотекой. Между деревянными колоннами, поддерживающими крышу, были разложены низкие матрацы, которые служили сиденьем для лам во время религиозных служб. Мы заметили только несколько окрашенных знамен. Большое знамя, висевшее на одной из колонн, было выполнено в черно-белых тонах и изображало мандалу, или мистическую сферу влияния Шамбалы, подаренную монастырю, как говорят, по приказу последнего Богдо Гегена. Остальные знамена были окрашены в яркие тона, но гораздо худшего качества. Мы напрасно искали прекрасно выполненные знамена из Восточного Тибета и Дерге Наибольшее количество медных изображений в стеклянных шкафах были доставлены либо из Урги, либо из Долон-нора. Мы были удивлены, обнаружив такое малое количество действительно хороших вещей. Кюрен, расположенный на караванном пути в Тибет, должен обладать лучшими образцами тибетского религиозного искусства.

После посещения мы возвратились в наш лагерь, но доктор пошел посмотреть некоторые каменные изваяния, которые, как нам сообщили, были найдены в окрестностях монастыря.

В полдень я собрал нашу экспедиционную охрану для тренировки в стрельбе, так как мы скоро должны были войти в кишащую разбойничьими бандами местность и люди должны были знать, как пользоваться винтовками. Результаты стрельб были в целом неплохи, и мы полностью наслаждались упражнениями, когда внезапно несколько лам прервали занятия и попросили нас не стрелять в окрестностях монастыря, так как дух Цаган Тологоя, конечно, рассердится и проявит свой гнев, посылая новый ветер и песчаную бурю. Нам пришлось возвратиться в наш лагерь, чтобы избежать недоразумения с ламами. Как оказалось, предсказание лам было истинным: сильный ветер начался вскоре после нашего возвращения в лагерь, и нам пришлось предпринять все предосторожности, чтобы укрепить палатки. Ночью ветер усилился, и две из палаток разрушились, несмотря на все предосторожности. Все было закрыто толстыми желтыми облаками, и нам пришлось большую часть дня провести внутри палаток.

30 апреля яркая и безветренная погода принесла значительное облегчение после двух дней сильного ветра и песчаной бури. Мы наконец-то получили возможность окончательно

распределить грузы для верблюдов, и погонщики принесли веревки и седла, подготавливая путешествие следующего дня.

X

ЧЕРЕЗ ЮГО-ЗАПАДНУЮ ГОБИ

Утро 30 апреля приветствовало нас сильным и ровным северо-восточным ветром. Тучи закрывали пики гор Цаган Обо, и влажный снег хлестал по нашим лицам. Верблюды прибыли к десяти часам – прекрасные стойкие животные в отличном состоянии. Проводник, лама Самбу, был достаточно опытен и привел с собой только молодых животных, пригодных для пересечения пустыни. Большинство верблюдов целый год откармливалось, и они выглядели очень сильными. В одиннадцать тридцать караван экспедиции отправился тремя длинными колоннами в длительное путешествие через Гоби. Верблюды ступали тяжело, и большие караванные колокольчики на последнем верблюде каждого отделения печально звенели. Хлещущий влажный снег и ветер ослабели к полудню, и мы совершили вполне приятный переход по обширной каменистой равнине, ограниченной вдали холмистой местностью, лежащей к югу от гор Цаган Обо. Однообразный ландшафт сильно отличался от севера Юм-бейсе с его ответвлениями гор Хангаи, уходящих далеко в пустыню.

После пяти часов перехода караван остановился в пустынном месте, вокруг которого росли кусты саксаула – любимой пищи верблюдов. Мы разбили лагерь на обширной каменистой равнине. Далеко на горизонте возвышались массивные горные хребты. К северу лежали горы Байн Ундюр, продолжение хребта Цаган Обо. Далеко на востоке можно было только едва различить слабое очертание гор Элги-йин-ула, одного из многих параллельных хребтов Гоби Алтая.

Местные погонщики верблюдов имеют любопытную традицию никогда не упоминать названия лагеря при пребывании в нем. Если произнести имя на месте, неудача может настигнуть караван и верблюды могут погибнуть. Название ими произносится громко только после того, как они оставляют это место. По этой причине название нашего лагеря, Цаган Худук – «Белый колодец» было раскрыто мне только после того, как мы двинулись дальше.

На следующий день мы встали рано и к восьми часам верблюды были напоены и загружены. Обычно нам требовалось около двух часов, чтобы привести наш большой караван в походный порядок.

После пересечения каменистой равнины в северном направлении мы вступили на невысокие песчаные холмы, которые тянулись более чем на пять миль. Эти холмы окружали каменистую равнину с юга и юго-востока.

На юге этой полосы песчаниковых холмов и песчаных дюн лежала широкая песчаная равнина, покрытая лессом и травой дересун (Lasiagrostis splendens). Мы нашли здесь несколько кочевых стоянок монголов, принадлежащих к тому же хошуну, что и монастырь Юм-бейсе. Как и во всех пограничных районах Центральной Азии, население палаток было чрезвычайно разнообразно. Кроме нас, прибывших сюда через Торгут из Монгольского Алтая, здесь были калка-монголы по крайней мере из полудюжины хошунов, или племенных объединений, и несколько тибетцев из Амдо, тех, которые обосновались в этом районе. Некоторые из них утверждали, что являются бывшими ламами великого монастыря Кумбум в районе Синин провинции Кансу.

После пересечения покрытой травой равнины мы прибыли к реке, текущей с северо-запада на юго-восток. Это был крошечный поток, на берегах которого были разбиты несколько палаток монголов. Здесь нам предлагали купить прекрасного белого верблюда. К сожалению, животное было слишком молодо для длительного перехода, но монголы настаивали на этой покупке. Белые верблюды считаются самым лучшим подарком, который можно предложить одному из великих лам Тибета. Мы отказались, опасаясь, что животное слишком молодо и не выдержит длительной поездки до Тибета. Мы должны были запастись водой из реки, так как нам сообщили, что на маршруте ее нет.

После переправы реки вброд мы вступили в пересеченную холмистую область невысокого рельефа. Здесь и там можно было видеть выходившие на поверхность гранит, порфир и другие камни. После длинного перехода в двадцать пять миль мы разбили лагерь в круглой низине среди холмов, хорошо защищенной от частых ветров, выравнивающих ландшафт. До сих пор погода была умеренна и даже встречались теплые дни.

Местоположение нашего лагеря носило название Кхара Боро, и, как говорили, оно получало значительное количество осадков в течение дождливых летних месяцев. Конечно, мы не имели никакой возможности проверить это утверждение наших проводников, но многочисленные высохшие миниатюрные озерца, найденные между холмами, указали нам, насколько обильны осадки здесь в дождливое время года.

После отъезда из Кхара Боро наш маршрут пересек несколько песчаных гребней, которым часто предшествовали зоны песчаных дюн. Все гребни тянулись с северо-запада на юго-восток. Между ними лежали песок и каменистые обширные долины, покрытые кустами саксаула. Ветры собрали небольшие холмики песка и лесса вокруг растений, и эта деталь местности образует одно из самых больших препятствий для продвижения на автомобиле через этот район.

День перехода, в течение которого мы должны были достичь колодца, расположенного в горах, возвышавшихся на юге, был необычайно длинным. К семи часам мы остановились на ночлег на маленьком каменистом плато, защищенном невысокими холмами. К северу и северо-востоку плато было открыто, и мы могли видеть вдали неровное очертание гор Байн Ундюр.

Местоположение лагеря носило выразительное название Дзого-узу, которое означает «испробованная вода». «Дзого» – вежливое монгольское выражение, означающее «принимать участие». Вежливый термин используется потому, что Далай лама делал остановку здесь во время его известного бегства из Лхасы в 1904 г. Его Святейшество следовал тем же самым маршрутом, но в противоположном направлении. Местные монголы, помня этот важный случай, дали бывшим лагерям Далай ламы причудливые названия, чтобы отличать их от других.

От Дзого-узу путь поднимался по низкому гребню горы к югу от лагеря. С этой вершины мы спустились в однообразную долину, которая сливалась с сухим руслом реки. Холмы стали выше, и мы восхищались скалистыми утесами и выветренными базальтом и гранитом, вышедшими на поверхность. Это был наш первый жаркий день – бриз от открытых пространств пустыни не мог проникнуть через узкое речное ущелье. Острые камни и валуны блокировали тропу в нескольких местах. Удивительно было видеть верблюдов, идущих по такой трудной поверхности без какого-либо признака неудобства. Мы заметили по пути несколько глубоких шурфов, погрузившихся в гравий речного русла. Они, как говорят, прежде были золотыми копями, оставленными много лет назад. Копи относились к периоду, предшествовавшему разбойной деятельности Джа ламы приблизительно на десять или двенадцать лет.

К заходу солнца мы вышли с холмов и разбили лагерь на северной границе каменистой равнины, густо заросшей кустами саксаула. Мы собирались ставить наши палатки, когда внезапно холодное дуновение ветра, сопровождаемое отдаленным грохотом в горах на северо-востоке от лагеря известило о подходе монгольского урагана. Через несколько мгновений буря бушевала над лагерем. К счастью, это продолжалось недолго, и ураган пронесся в юго-западном направлении на равнину, поднимая облака песка. Мы приняли все предосторожности, укрепив наш лагерь так прочно, насколько это возможно, но ночь прошла тихо. Этот песок и бури всегда большое бедствие для путешественников. Почти невозможно защититься от них в одиночку. Ураган ломает шесты, срывает полотна палаток и покрывает пол палатки и кровать толстым слоем песка.

На следующий день мы снова двинулись на юг, двигаясь по сухому руслу реки, которая когда-то текла с гор по равнине на юг. Дни стали более жаркими, и верблюды начали терять клочки шерсти.

После восьми часов перехода через каменистую равнину мы остановились на ночлег у заброшенного колодца с солоноватой водой, которая имела дурной вкус. Вокруг возвышались невысокие песчаные холмы. Далеко к югу стояли горы Шара-Хулусун, таинственное место, которое все мы стремились посетить. Согласно нашим проводникам, Шара-Хулусун был узким лесистым ущельем с небольшим горным потоком, бегущим через него. Много историй рассказывалось про этот одинокий оазис, расположенный в самом сердце пустыни Гоби.

Гоби между Юм-бейсе и Аньси чоу представляет собой цепь хребтов кристаллических горных пород, пересекающих пустынные равнины. Большинство хребтов относится к горной

системе Алтая, которая простирается с северо-запада на юго-восток, пересекая бесплодную пустынную местность, расположенную между южной частью гор Хандаи и восточными ответвлениями Тянь Шаня и гор Баркол. Я уверен, что многочисленные каньоны на склонах пустынных хребтов дадут вполне подходящие возможности для изучения ископаемых, если исследовать их должным образом.

Местность на северо-востоке от нашего маршрута – район Сайн-Ноин, область вокруг Цаган-нора, восточные ответвления Монгольского Алтая, горные хребты Бага Богдо, Артса Богдо, и Гурбун Сайкхан – была полностью исследована с точки зрения геологии и палеонтологии Третьей Азиатской экспедицией под руководством доктора Роя Чепмена Эндрюса в 1922-1923 гг. До сих пор Юго-Западная Гоби привлекала слишком мало внимания. Только немногие из европейских путешественников коснулись этой безлюдной местности, и многое придется сделать, чтобы восстановить геологическое прошлое этой пустынной страны. Портнягин и некоторые из наших монголов несколько раз пересекали восточную часть монгольской Гоби от Халгана и Пао-тоу, но все они утверждали, что никогда не видели такой бесплодной и безлюдной местности, как Юго-Западная Гоби.

К настоящему времени нашей обычной практикой стало отправляться в путь днем, разрешая верблюдам все утро пастись, поедая кусты саксаула, найденные в горах. 5 мая мы решили отправиться в путь рано утром, чтобы достигнуть оазиса Шара-Хулусун и дать нашим верблюдам больше времени пастись в лесу оазиса. День выдался исключительно жарким. Далеко к югу возвышались в туманной дымке бесплодные горы Шара-Хулусун. В течение первых двух часов верблюжья тропа вела через широкие участки песка, покрытые высохшей потрескавшейся грязью и пересекающиеся узкими полосами гравия. Плоская равнина была разрезана невысоким хребтом из известняка и песчаными дюнами. Наше продвижение между холмами было очень медленным, так как поверхность в мелких ложбинках была покрыта грязью, и верблюды часто проваливались в песок.

Оставив песчаный хребет позади, мы вышли в широкую песчаную долину, постепенно поднимающуюся к юго-западу. Приблизительно через шесть миль путь продолжился вдоль сухого русла реки с большими скоплениями обломков от соседних утесов из песчаника. Затем путь снова вышел на каменистую равнину, медленно поднимающуюся по направлению к горам Шара-Хулусун, которые теперь ясно вырисовывались на фоне неба. Со значительного расстояния каменистое плато было только гигантским сухим руслом некоторого могучего потока, который когда-то мчался с гор через равнину. Валуны, обломки, и сухие стволы деревьев блокировали проход. Монгольские проводники уверяли нас, что даже в настоящее время, в течение периода летних дождей, уровень воды Шара-Хулусун-гола поднимается, и мощный поток обрушивается вниз на равнину. Летние дожди в Гоби в основном бывают в июле и в августе и часто разрушительны.

Чрезмерный ливень будет формироваться несколько дней и превратится в поток, который унесет обломки вниз в равнину и прорежет глубокие ущелья в горе. Несколько месяцев спустя мы пережили такой ужасный поток, которому предшествовали несколько дождливых ночей в засушливых горах Нань Шаня.

К четырем часам дня, когда люди и животные были полностью измучены необычайной жарой, мы заметили несколько темных пятен у подножья гор и около входа в узкое ущелье, скрытое за длинным уступом. Кто-то в колонне каравана закричал: «Деревья!» Мы не поверили своим глазам, так как большинство из нас были твердо убеждены в том, что в лучшем случае мы увидим только жалкие кусты можжевельника. Тем не менее вдали виднелись настоящие деревья, пустынные тополя (Populus euphratica), растущие по берегам реки. Как ощущалась свежесть при вступлении в прохладу лесистого ущелья и при разбивке лагеря на зеленых лугах!

Погонщики верблюдов быстро разгрузили животных и увели их в густую чащу туи, находящуюся немного дальше от потока. Мы пересекли реку в поисках тенистого места для стоянки и нашли восхитительное место для лагеря в тополиной роще, самое лучшее, что мы имели со времени нашего отъезда из Урги. Я могу добавить, что это даже было намного приятнее всех наших стоянок во время пересечения Тибета по очаровательным рододендроновым лесам Тхангу в Сиккиме.

Мы решили поставить наши палатки в роще и возвратились на другой берег реки. Верблюды, перевозящие палатки, были еще не разгружены, но погонщики бурно

протестовали против переправы верблюдов через реку. Согласно их возражениям, надлежащее место для лагеря было недалеко от берега реки, а не на другой стороне. Удивительно, как эти караванщики приучаются к одному и тому же месту и всегда останавливаются только на нем. После длительного обсуждения мы вынудили погонщиков перевести верблюдов через поток под охраной половины наших людей. Поток был мелок и не представлял никаких трудностей для поддерживания связи между двумя лагерями.

Оазис Шара-Хулусун находится в узком ущелье, орошаемый крошечной рекой Шара-Хулусун-гол, которая разбухает в огромный поток в дождливый сезон. Тополиные рощи растут вдоль речных берегов, покрытых густой зеленью тростника, от которого и произошло название местности – «Желтый тростник». Оазис остался с того периода, когда область получала большее количество осадков, и условия были благоприятны для земледелия. Многочисленные мертвые стволы деревьев и пни указывают на то, что в прошлом оазис занимал обширную область и что леса простирались вдоль подножья гор далеко в каменистую равнину. Оазис – любимое место крупной дичи и птиц. Кроме монгольской антилопы (Antilopea gutturosa), или джейрана, мы видели многочисленных волков и несколько диких ослов, или куланов (Equus hemionus). Зайцы (Lepus tolai) были в изобилии. Королевство птиц было представлено несколькими ястребами (Vultur monachus), огромными черными птицами, которые пролетали над высокими скалами, защищавшими ущелье. Мы также видели несколько гусиных семейств (Anser anser) и турпанов (Casarca casarca). Оазис использовался водоплавающими птицами как остановка на пути их ежегодных перелетов.

Горный массив, в котором расположен оазис Шара-Хулусун, представляет несколько интересных проблем в связи с вопросом о климате Гоби и количестве осадков в пустынных областях Внутренней Азии. Генерал П.К.Козлов во время его экспедиции в 1901 г. обнаружил прекрасные луга, леса и стремительные потоки на плоскогорье Атик Богдо, которое кажется продолжением хребта Шара-Хулусун. Британский исследователь, Дуглас Керразерс, во время его экспедиции в горах Карлик-таг восточнее Баркола, нашел лиственные и сосновые леса в южном и восточном ответвлениях горной цепи Карлик-таг (Керразерс, «Неизвестная Монголия»). Я спрашивал наших монгольских проводников и торговцев, тех, кто следовал путем на Ку-ченг, и все говорили, что это есть массивный горный хребет, который простирается от Атик Богдо к горам Карлик-таг. Изучение жизненных зон Внутренней Гоби и ее оазисов, потерянных в необъятных песках и каменистых пустынях, было бы прекрасной задачей.

Выше ущелья Шара-Хулусун мы обнаружили несколько разрушенных сооружений, и на одном из горных отрогов маленький китайский мяо, или храм. В нескольких местах речные берега были заняты насыпными полями. Наши монгольские проводники сообщили нам, что прежде это было маленькое китайское поселение. Китайцы имели обыкновение приезжать сюда из Аньси для разведения опиумного мака. Теперь уже в течение нескольких десятилетий долина покинута.

Ущелье Шара-Хулусун расположено на пересечении двух важных караванных путей Центральной Азии: маршрутов Юм-бейсе – Аньси и Коко-хото – Ку-ченг, соединяющих Китай с землями китайского Туркестана и Джунгарии. Кроме этих двух маршрутов, есть еще скрытый путь, во многих местах проходящий по реке Ецин-гол Торгутс, затем идущий через ущелье и соединяющийся с маршрутом Коко-хото – Ку-ченг.

Располагаясь недалеко от монгольской границы, ущелье всегда было любимым убежищем грабителей. Джа лама содержал там заставы, смотрящие за караванами, прибывающими из Китая, Тибета и Монголии. Даже после смерти Джа ламы ущелье было все еще посещаемо бандами грабителей. Только за месяц перед нашим приходом в ущелье был разграблен большой караван на пути в Ку-ченг, и один из погонщиков был убит. Наш монгольский проводник советовал нам быть осторожными и выставлять охрану на ночь. Большим недостатком нашего положения, в случае нападения, была необходимость защищать два лагеря вместо одного. Однако этот самый недостаток сохранил нас от убийства невинных людей. Следующий отчет пояснит это.

Был уже поздний вечер, около девяти часов, когда внезапно в полной темноте в лагерь примчался один из наших монгольских погонщиков, наблюдавший за верблюдами, и принес нам тревожное сообщение о том, что в ущелье появились вооруженные всадники. Любым способом необходимо было выяснить, кто эти люди. Мы все еще обсуждали, какие нужно

предпринять меры, когда внезапно раздался громкий выстрел из винтовки, эхом откликнувшийся в ущелье, следом другой через короткий интервал. Наш сторожевой на другом берегу реки немедленно забил тревогу, и все помчались за оружием. Сторожевой ясно видел в темноте двух вооруженных винтовками всадников, один из них, на белой лошади, скрылся в кустарнике и выстрелил около лагеря. Каковы были намерения наездников? Было очевидно, что они нападали на лагерь, и что в любой момент мы могли бы ожидать дико кричащих людей, выскакивающих из-за кустов и камней, окружающих лагерь. Руководитель экспедиции поручил мне собрать людей из охраны экспедиции и обеспечить безопасность лагеря.

Было невозможно защитить оба лагеря сразу, и поэтому я решил оставить лагерь с багажом под охраной четырех из наших стрелков, а с остальными людьми занять линию южнее второго лагеря. Эта позиция позволяла нам не только защитить оба лагеря винтовочным огнем, но и сделать легким нападение на противника, в случае, если бы он предпринял открытый налет на лагерь с тяжелым багажом.

Мы провели долгие, напряженные минуты, так как выстрелов больше не было, но по шуму мы могли понять, что большой вооруженный отряд людей и животных шел через ущелье и приближался к нашему лагерю. Было тяжело удерживать людей от стрельбы по каждому темному пятну, которое появлялось вдалеке. Было необходимо выяснить, кто были наши противники и где они находились. Я решил послать разведывательный отряд, поддержанный группой наших стрелков. Портнягину было поручено защищать лагерь с остальными людьми, а я с двумя из наших монголов занял удобную позицию в кустах на берегу недалеко от места, где путь из Коко-хото подходил к реке. Наш тибетец добровольно вызвался в разведку и исчез в кустах. Длительное безмолвие царствовало в ущелье. Внезапно мы услышали лай собак. Присутствие собак привело нас в легкое замешательство. Я возвратился в лагерь, чтобы сообщить это и госпоже Рерих, которая также слышала собак и была уверена, что это был караван или группа странников. Но почему они стреляли на таком близком расстоянии от нашего лагеря?

Тибетец возвратился после продолжительного отсутствия и рассказал о своих впечатлениях о незнакомцах. Он нашел их лагерь выше ущелья. Это был большой караван, который путешествовал из Коко-хото в Ку-ченг и Урумчи. При его приближении к лагерю все люди сидевшие вокруг костра вскочили, загасили огонь и приняли его в полной тишине. Когда он появился среди них, эти люди просили его не вредить им, так как были убеждены, что он член большой банды грабителей, остановившейся в ущелье Они даже обещали ему большое вознаграждение деньгами или товарами. Караванщики были смертельно напуганы, и тибетец потратил немало труда, прежде чем объяснил им, что мы – научная экспедиция. Наконец они поверили ему и сообщили, что они принимали нас за лагерь грабителей и что начальники их каравана, китаец и татарин из Кульджи, прискакали к нашему лагерю и выстрелили, чтобы напугать нас! Это обычный маневр китайских караванов. В опасных местах они обычно стреляют в воздух или в подозрительно смотрящих людей, чтобы испугать их. Было большой удачей, что все мы были во втором лагере, так как если бы мы были в первом, мы конечно ответили бы на выстрелы и, возможно, нанесли бы урон. Мы все возвратились к нашим палаткам, счастливые от того, что все повернулось так хорошо. Многие наши люди были немного разочарованы – они предпочли бы бороться против реальных грабителей, а не испуганных торговцев.

Рано утром начальники китайского каравана нанесли нам визит и принесли извинения за то, что стреляли рядом с нами. Один из них был китайский торговец из Коко-хото, другой – мусульманин из Кульджи. Оба очень боялись грабителей. Караван принадлежал американской фирме братьев Бреннер в Тинцине.

Мы остались в Шара-Хулусуне на большую часть дня и дали верблюдам достаточно времени попастись. В пять часов вечера мы разобрали лагерь и продолжили продвижение через ущелье. На протяжении первых трех миль ущелье было узким. По обеим сторонам возвышались массы гранита, гнейса и порфира. После трех миль пути ущелье расширилось, и дорогу пересекло несколько насыпей гравия и обломков пород. Растительность исчезла вскоре после того, как мы оставили лагерь, и остальной маршрут пролегал по бесплодной местности. Мы встретили несколько брошенных верблюдов, оставленных здесь китайским

караваном. У животных были воспалены ноги, и они были не в состоянии следовать за караваном.

Вскоре после того, как мы оставили ущелье и начали продвигаться через песчаную равнину, полная темнота окутала окружавшую местность. Мы прошли в темноте по однообразной равнине с невысокими холмами по обе стороны пути, и было невозможно определить реальный характер местности. В час ночи мы подошли к месту у ручья с пресной водой, названного Билгекх, пригодному для лагерной стоянки. От этого пункта обычный маршрут каравана идет по направлению к юго-западу, но путь, по которому мы следовали, ответвлялся к югу.

Мы потратили немало времени, разбивая лагерь. К трем часам палатки были поставлены, и все могли подкрепиться чаем.

Следующие фрагменты моего дневника описывают переход экспедиции через область Мацу Шань. (Мацу Шань – монгольское произношение китайского Мацунг Шань; мы сохраняем монгольскую форму названия.)

Суббота, 7 мая 1927 г. День обещает быть жарким. Облака парят над горизонтом. Всюду песок. Песчаные дюны простираются далеко к югу. Мы начали приготовления приблизительно в полдень. Монгольские погонщики напоили верблюдов, закрепили вьючные седла и смазали кровавые раны под седлами на боках животных. Шерсть животных скатывается под седлом, и седла сдирают кожу постоянным трением. Расширяющиеся раны могут скоро стать открытыми язвами и заживление будет почти невозможным. Около трех часов дня весь караван в трех колоннах начал движение на юг.

После пересечения зоны песчаных дюн, которые обычно опоясывают подходы горных хребтов Гоби, караван прибывает на огромную равнину Гоби, покрытую гравием. Черная поверхность каменной пустыни искрится с глубоким опаловым оттенком. Миражи колышутся в горячем воздухе – озера и острова, покрытые растительностью.

Перед нами – три дня пути по безводной пустыне, и люди и животные каравана степенно двигаются по едва видимой тропе. Сохранение силы верблюдов – главная забота в течение этих длинных переходов через безводные пустыни. В противном случае опасность становится неминуемой. Мы пересекаем узкое ущелье, заблокированное огромными валунами, невысокий непрочный гребень массивных гор, известных под названием Хан-ин-нуру, так же, как и большинство горных хребтов Юго-Западной Гоби, простирающийся с северо-запада на юго-восток. С обеих сторон дороги возвышаются острые камни гранита, переходящие в темные, почти черные массы базальта. Вершины гор увенчаны фантастическими образованиями из выветренных камней, которые принимают форму неприступных замков или цитаделей, охраняющих караванный маршрут.

Снова каменная пустыня – черный гравий Гоби. Верблюды идут в своем равномерном темпе, степенно поворачивая головы в поиске конца каменной пустыни, которая режет подошвы их ног. По пути мы встречаем большое количество фаллических изображений, вырезанных на маленьких белых камнях, лежащих на поверхности гравия. Монгольские погонщики уверяют нас, что создателями этих изображений были китайские торговцы.

Мы пытались пройти как можно больше. Как волшебны рассвет и закат в пустыне! Внезапно тени заката вспыхивают темно-фиолетовым, и огромная равнина светится фиолетовым сиянием. Через несколько секунд большая часть интенсивного блеска и цветов блекнет и обширное пространство пустыни погружается в фиолетовую темноту. На удивительно темном небе Центральной Азии появляются звезды. При исключительной сухости атмосферы они кажутся необычайно яркими, подобными тысячам ламп, горящих вокруг невидимого алтаря. К одиннадцати часам восходит луна и освещает своим мягким голубоватым светом пустыню – мертвое сердце Азии, покрытое мрачным черным камнем. К полуночи караван останавливается, ставятся палатки, и верблюды привязываются внутри лагеря.

Палящий жаркий день следует за тихой звездной ночью. Трудно себе представить обжигающий жар, излучаемый поверхностью камней пустыни. Мы решаем отправиться раньше, несмотря на высокую температуру, чтобы достигнуть скорее обещанного колодца. Верблюды, которые во время зимы способны путешествовать шесть или семь дней без глотка воды, в весеннее время сильно страдают от жажды. Они становятся сонными, и ветер разносит их протяжные крики. Их глаза становятся бесцветными и унылыми.

Мы отправились в путь около двух часов дня по едва видимой тропе, ведущей на юг. Со всех сторон простирается то же самое черное каменное царство. Мы идем весь день и вечер. Около полуночи останавливаемся, чтобы дать отдых утомленным животным. Никакие палатки не ставятся, и все проводят ночь под открытым небом. На рассвете мы загружаем верблюдов и снова движемся вперед. Некоторые из верблюдов так ослабели, что их приходится поить из наших фляг. К полудню высокая температура становится нестерпимой, и все в караване считают часы, приближающие нас к скалистому хребту, который простирается далеко к югу в туманной атмосфере палящей пустыни.

В четыре часа, после мучительного перехода по трудной местности, мы достигаем колодца Алтан-усу. Это место расположено у подножья массивного горного хребта с многочисленными сухими руслами рек. Около двадцати лет назад китайские золотодобытчики из Кансу имели обыкновение прибывать сюда и добывать золото, которое они находили в песке сухих русел рек. Обломки китайских лачуг указывают на то, что место было плотно населено. Теперь все опустело. Наши монголы говорят, что оно имеет дурную репутацию из-за убийств и других преступлений, совершенных здесь. Горные хребты Гоби изобилуют золотоносным песком, и в прошлом китайские старатели имели обыкновение посещать эти отдаленные места. После того, как Джа лама захватил этот район, добыча золота была прервана.

Алтан-усу и горы южнее ее часто посещались грабителями, и банды Джа ламы все еще действуют в многочисленных узких ущельях. Сильно пересеченная местность и запутанная система массивных скалистых холмов напоминает одну из границ Афганистана. Местность изобилует укрытиями для грабителей, используемыми всевозможными преступниками, которые заполонили торговые маршруты.

Поэтому мы решаем предпринять все возможные предосторожности и посылаем разведывательный отряд перед основной колонной каравана. С этого времени лагерь должен защищаться удвоенным количеством часовых в ночное время и все должно быть устроено так, чтобы в любой критической ситуации около половины охраны было готово к действию. Для этого решено, что половина людей будет спать вооруженными и одетыми.

На следующий день (9 мая) мы дали верблюдам краткий отдых и отправились в путь только в четыре часа дня. Дорога поднималась на плоский мыс и вела в узкое ущелье. В некоторых местах мы находили высушенную траву и следы лошадиных копыт. Очевидно, люди были недалеко. Наши проводники часто поднимались на близлежащие холмы и внимательно исследовали местность.

Наши разведывательные группы обыскивали ущелье перед колонной каравана и сообщали знаками, если проход был свободен. Некоторые из караванщиков, у которых не было оружия, несли палаточные шесты, помещенные в ружейные чехлы. С расстояния это выглядело, как будто бы целый караван был вооружен до зубов. Мы прошли мимо места бывшего лагеря, следов очагов из камня, куч аргала и лошадиного навоза. Навоз был все еще свежим, и все выглядело так, как будто лагерь был перемещен только за несколько дней до нашего прихода. Наши проводники сообщили, что во времена Джа ламы ущелье охранялось крепким фортом с вооруженными бандитами.

Мы пересекли крутой перевал, который вел через горы Артсегин-нуру, вступили на широкую каменистую равнину и остановились только в одиннадцать часов в полной темноте. Пока еще не встретилось никакой воды, хотя около лагеря располагалось сухое русло реки. На юге-юго-западе возвышался массивный Икхе Мацу Шань и его продолжение Бага Мацу Шань. Весь этот район был когда-то местом действий Джа ламы и его банд. Его бывшие последователи часто посещают близлежащие горы и часто грабят караваны, так как память о Джа ламе все еще живет среди его людей. Китайские власти из Аньси неспособны остановить разбой и предпочитают оставить все так, как есть.

Вокруг нашего лагеря мы находим многочисленные пустые патроны, напоминание о присутствии разбойников. Наш монгольский проводник-лама сказал, что на этом месте было большое сражение. Позже мы находим многочисленные скелеты мертвых лошадей и верблюдов в ложбине недалеко от нашего лагеря. Караван был уничтожен здесь.

Портнягин и я охраняли лагерь по очереди. При обходе лагеря мы обнаружили огромные фигуры ступ, построенные из белого булыжника на черном гравии. По словам

монголов, это была работа пленников Джа ламы. Это место называется Сукхаи-Бом, оно получило свое название от кустов можжевельника, найденного недалеко отсюда.

Ночь была тихой, и мы не заметили ни людей, ни животных поблизости.

В путь мы отправились днем. Земля стала сырой, и мы проходили через большие участки земли, покрытые соляной коркой. Верблюды, чувствуя присутствие воды, передвигались быстрее. Все было тихо, так как караванные колокольчики были связаны, как предосторожность против возможных столкновений.

Мы послали наш разведывательный отряд вперед, чтобы найти место для лагеря на ночь. Высокие силуэты наших людей на верблюдах исчезли в темноте. Мы знали, что находимся недалеко от крепости Джа ламы, которая все еще была занята остатками его людей. Караван перестроился в компактную колонну, и наездники были выдвинуты, чтобы защитить фланги.

Внезапно мы увидели огонь, блеснувший на расстоянии. Был ли это лагерь кочевников, или это были наши люди? Караван остановился, и мы с Портнягиным отправились на разведку. Скоро мы услышали голоса наших людей, ориентирующие нас в темноте.

Мы решили остановиться здесь, так как местность была трудной для продвижения ночью. Был найден ручей с пресной водой, и мы могли напоить верблюдов. Через час маленький ровный участок земли был покрыт палатками и лагерь засветился в темноте, бросая вызов крепости, которая, как упоминалось выше, была недалеко отсюда.

Ночью лагерь охранялся удвоенным количеством караульных, а остальная охрана экспедиции получила строгий приказ быть готовой к любой опасности. Люди спали вместе с оружием. Ночь была исключительно темной из-за облаков, но соседние холмы казались полностью безлюдными

Ранним утром мы довольно сильно удивились, неожиданно обнаружив устрашающий замок Джа ламы непосредственно к югу от нашего лагеря. Не было никаких сомнений в том, что необходимо занять замок, вместо того чтобы оставаться в лагере, так как в случае, если он занят грабителями, они могли бы легко напасть на наш лагерь. Ранним утром профессор Рерих решил разведать окружающую местность и занять форт. Следуя его инструкциям, я приказал половине нашей охраны сопровождать нас с Портнягиным к крепости. Люди, обычно весьма дисциплинированные, ответили дружным отказом. Они сообщили нам, что были готовы бороться против китайцев, тибетцев или монголов, но никогда не будут входить в крепость Джа ламы или драться с его людьми.

Все наши убеждения были тщетны, и мы должны были идти одни. Было решено, что мы должны подать знаки нашими винтовками с вершины сторожевой башни, в случае если крепость будет безлюдной. Выстрелы с нашей стороны означали бы, что мы встретились с каким-то сопротивлением. Мы быстро продвинулись и заняли первую сторожевую башню, откуда мы могли легко наблюдать за крепостью. Она казалась полностью безлюдной. Тогда мы вошли в первый внутренний двор. Мертвая тишина. Ни собак, ни людей, только кучи мусора, оставленные прежними жителями Второй двор был также пуст.

Крепость стоит на небольшом холме, тыльной стороной к невысокому гребню, который является частью Бага Мацу Шаня. Основное здание, которое служило резиденцией самого Джа ламы, представляет собой двухэтажный квадратный дом с плоской крышей, имеющий маленькие подобия башен, выступающих на каждом из четырех углов. К нему ведут два внутренних двора, окруженные высокими кирпичными стенами. Во внутренних дворах расположены помещения для охраны, конюшни и складские помещения. В самом доме большая дверь. На первом этаже – большой зал с очагом в центре. Маленькая каменная лестница ведет на второй этаж, где были расположены личные комнаты Джа ламы. Крепость выглядела совершенно запущеной. Комнаты и потолки почернели от пожара. Окна не имели рам, и состояние полов было такое, что они могли бы выдержать только двух или трех человек одновременно. Внутренние дворы были полны мусором и грязью, скелетами рогатого скота и собак.

Крепость была защищена несколькими концентрическими поясами стен с башнями. Соседние холмы и скалы, возвышающиеся над крепостью, были увенчаны сторожевыми башнями, каждая из которых, вероятно, имела свой собственный маленький гарнизон. Вне стен крепости – кучи отбросов и заброшенные каменные очаги, ведь во времена Джа ламы крепость была окружена огромным поселением бродяг, состоящим из нескольких сотен

палаток. Теперь все разрушено, но монголы говорят, что люди Джа ламы все еще часто посещают это место, используя его как зимние жилища. Профессор Рерих сделал эскиз этого безлюдного замка, окутанного многочисленными легендами.

После исследования остальной части крепости и соседних сторожевых башен мы возвратились к первой из них и подали знак, что крепость пуста. Возвращаясь в лагерь, мы встретили нашу охрану, идущую в форт. Теперь, когда все знали, что он пуст, они решились осмотреть его.

Наши погонщики верблюдов обнаружили ниже в долине китайский караван из Коко-хото, направляющийся в Ку-ченг. Это были торговцы из Коко-хото, которые предварительно подписали «соглашение о неприкосновенности» с грабителями. Мы послали одного из наших людей, чтобы поговорить с китайцами. Он нашел в их палатке подозрительно смотрящего вооруженного торгута, который поинтересовался, сколько у нас людей и сколько оружия. Он, кажется, был одним из последователей Джа ламы, и его лагерь находился в холмах к западу от крепости. Он сообщил нашему человеку, что несколько семейств бывших разбойников живет по соседству. Он жаловался на недостаток снаряжения и использовал старое фитильное ружье, для которого он мог приготовить что-то сам. Его карабин Маузера лежит без дела в палатке, так как он не может обеспечить достаточно патронов к нему. Согласно его утверждениям, около двух сотен людей все еще укрываются в холмах к северу и юго-западу от Мацу Шаня.

Позже некоторые из разбойников пришли в наш лагерь. Их тела были прикрыты лохматыми шубами, и они носили меховые шапки или синие платки, повязанные вокруг головы. Их вооружение состояло из старых берданок, карабинов Маузера и устарелых фитильных ружей. Они живут за счет выращивания рогатого скота и охоты. Холмистый район вокруг Мацу Шаня изобилует дичью. Меха позже продаются на рынках в Аньси и Ю-мен шина или используются самими охотниками.

Наше оружие, кажется, произвело на разбойников сильное впечатление, и после короткого визита они ушли. Один из наших тибетцев имел неприятный опыт встречи двумя месяцами ранее с отрядом казаков-киргизов, прежде состоявших на службе у Джа ламы. Он пересекал Гоби около Алтан-усу с тибетским караваном, когда был задержан бандой вооруженных киргизов. Группа всадников появилась из-за небольшого холма, спешилась с лошадей и заняла позицию позади холма. Тибетцы были хорошо вооружены огнестрельным оружием и решились ответить на огонь. Нападавшие киргизы, вероятно, поняли их намерение и послали человека, чтобы поговорить по этому делу. После обычных вопросов о том, откуда караван идет и куда направляется, киргизы пригласили тибетцев выпить араки, или китайский коньяк, по случаю китайского Нового года. Тибетцы должны были принять приглашение, но выставили охрану на все время, и руководитель каравана спрятал маленький браунинг в своем большом рукаве. Киргизы оказались бывшими солдатами Джа ламы. По словам нашего тибетца, они были все хорошо вооружены берданками и карабинами Маузера. Они не стали вредить каравану и спокойно уехали.

Около трех часов дня мы разобрали лагерь и долго шли вдоль Бага Мацу Шаня. После двух часов пути мы вошли в узкую горную долину, протянувшуюся с севера на юг, и пошли вдоль берега маленькой речушки, называвшейся Балгунтай. Река пересохла, но говорят, что она несет значительный объем воды в течение сезона дождей. Мы разбили лагерь на ровном участке земли, ограниченном маленьким ручьем со свежей водой. Мы повстречали отряд торгутов, едущих на охоту, один из которых был нашим вчерашним знакомым. У одного из людей было отрезано правое ухо, и вся их компания выглядела неприятно. Наши люди восстановили свое мужество и смеялись над вооруженными торгутами. Торгуты информировали нас, что основная масса их людей скрылась на севере, так как они боялись наступления китайских отрядов генерала Фена, которые шли к Хами.

На следующий день первые шесть миль путь следовал по долине реки Балгунтай. Долина во многих местах предоставляла идеальные места для стоянок кочевников, с хорошими пастбищами и родниками. В верхней части долины мы нашли большой верблюжий караван, расположившийся лагерем. Это была часть того же самого каравана, который мы встретили за день до этого.

Недалеко от верхней части долины Балгантай мы наблюдали большое стадо горных козлов на вершине крутого уступа на западе долины. Оставшуюся часть пути тропа вела по

бесплодным каменисто-песчаным холмам. Мы разбили лагерь на ночь на маленьком плато недалеко от большой гужевой дороги Коко-хото-Хами.

Утром мы продолжили наш путь по горной долине, которая постепенно расширялась в плоскую долину со скудной травой. Для нескольких семейств торгутов с гор Савур, южнее озера Зайсан на русско-китайской границе, долина служила пастбищем. Мы остановились поздно ночью у подножья крутого утеса, увенчанного разрушенной сторожевой китайской башней. Маленький ручей дал достаточный запас воды для нашего каравана.

Следующим утром мы поднялись на утес, чтобы исследовать башню. Мы должны были взобраться по гладкой поверхности и скользким камням, на которые было очень трудно наступать уверенно. От башни почти ничего не осталось, кроме части стены.

Мы разобрали лагерь после полудня и следовали по долине, которая незаметно сужалась в сухое русло реки. Монгольский проводник сказал, что река текла здесь во время сезона дождей.

Мы остановились на ночь около маленького ручья, вытекающего из-под камня, который был замечен маленьким китайским мяо. Раньше храм украшало несколько изображений из глины, но теперь все разрушилось на части и внутренняя часть храма стала грудой развалин.

15 мая мы оставили позади холмы Пей Шань, которые возвышаются севернее низины Кансу. Эти холмы были увенчаны разрушенной китайской сторожевой башней, которая когда-то защищала эти пустынные места. Под палящим солнцем караван перемещался прямо к югу через беспредельную каменистую пустыню. К востоку протянулся невысокий гребень По-хсиен Шаня. Далеко к югу поднимались неотчетливые контуры северного хребта Нань Шаня. Равнина засушлива, ни ручья, ни колодца, но на расстоянии можно было разглядеть проблески строений китайских деревень и садов. Мы приближались к провинции Кансу.

После заката воздух значительно охладился и наши превосходные верблюды ускорили темп. Здесь и там мы замечали глубокие следы колес от тяжелых китайских повозок. Поздно вечером мы достигли реки Аньси-гол, или Су-ло хо, которая течет к Тунь хуану и по берегам которой проходил древний китайский военный путь. Мы решили остановиться на пару часов, чтобы дать отдохнуть людям и верблюдам, и послали нашего монгольского проводника разведать место брода через реку. Палатки не были поставлены, и все отдыхали на верблюжьей поклаже вокруг костров лагеря.

Тишина нашего лагеря была нарушена большим стадом овец, которое направлялось в Аньси. Стадо было доверено пожилой монгольской женщине, которая сообщила, что ее народ принадлежал к калкха монголам, но много лет назад они жили на краю Кансу продажей овец и овечьей шерсти на рынках в Аньси и Сучоу. Проводники посоветовали нам, что будет лучше для нас и наших верблюдов пересечь реку ночью, а горячую низину Кансу – во время прохладных утренних часов.

К трем часам дня караван бесшумно подошел к реке. Берега реки были покрыты песчаными дюнами, которые напомнили нам реки в далеком Китайском Туркестане. Русло Су-ло хо было очень широко, а дно – песчаным, но, к счастью для нас, река пересохла, т.к. вся вода ушла в каналы для орошения полей. Переправившись через реку, мы оказались на большой великолепной дороге, соединяющей Китай с отдаленной провинцией Шин-чан. Некоторое время мы следовали вдоль глубокого оросительного канала, который лежит к югу от дороги, и почти вошли в город Аньси, но тогда наши проводники внезапно решили повернуть обратно и пересечь канал где-нибудь вне города. Снова вся колонна каравана повернула и шла по своему следу, пока мы не нашли место переправы около китайской деревни.

Прекрасная дорога, соединяющая Пекин с Урумчи, столицей нового доминиона, представляет собой многочисленные глубокие следы колес. Здесь, около Аньси, она выглядела точно так же, как и в других частях Китайского Туркестана. Мы ожидали увидеть отряды, движущиеся по дороге, но не увидели никого, хотя нам говорили об их присутствии в большом количестве по маршруту. В этот ранний час дорога была совершенно безлюдна. Телеграфная линия на маленьких несчастных столбах следует вдоль дороги, соединяющей Ших-чан с Пекином.

Мы разбили лагерь около полудня в маленьком лесу, растущем по берегам притока реки Су-ло хо. Нирва ушел повидаться с некоторыми из его китайских друзей в деревне

поблизости, а караван отдыхал в тени леса. Жара была угнетающая, и желтая завеса, оставленная позади прошедшей песчаной бурей, висела над местностью. Нирва вернулся в четыре часа с сообщением, что вдоль маршрута в Ших-пао-чьенг все благополучно и что мы должны отправиться в путь немедленно, чтобы достигнуть места назначения в течение дня.

Верблюды были загружены, и караван еще раз начал движение через горячую равнину у подножья Нань Шаня. Ни ветра, ни облаков, чтобы снизить дневную жару! Верблюды перемещались медленно, и часто испускаемый ими протяжный крик означал, что животные были измучены. Теперь они быстро теряли свою шерсть, и это причиняло нам много беспокойства. Способны ли мы достигнуть Ших-пао-чьенга прежде, чем начнем терять верблюдов? Люди должны были защитить их глаза ветвями деревьев, чтобы уменьшить ужасные отблески пустыни. После двух часов исключительных стараний мы вошли в узкое песчаниковое ущелье и пересекли небольшую седловину, которая отделяла низину Кансу от горной местности системы Нань Шаня. В горах стало значительно прохладней, и животные удвоили свой темп с возобновленной энергией. Мы спустились в широкую заболоченную долину. К югу от нее возвышался внушительный снежный пик Цаган Чулута. В долине располагались несколько монгольских лагерей и стада лошадей; рогатый скот и овцы оживляли картину. Мы разбили лагерь за пределами одного из монгольских поселений, на сухом участке земли.

Монголы вышли нас встречать и были чрезвычайно дружественны. Это были калкха монголы из хошуна Дайчинг-Вонг, которые иммигрировали в Кансу приблизительно десять лет назад. Они жили за счет выращивания рогатого скота и также поставляли животных китайским путешественникам, которые шли из Аньси в Ших-пао-чьенг. Среди них жили несколько торгутов с Ецин-гола, и одного из них мы приняли на службу в нашу охрану. В палатках монголов мы видели нескольких дед-монголов из Цайдама. Они живут выше в горных долинах и редко приходят к северным склонам Нань Шаня. Здесь мы купили нашу первую лошадь, драгоценную покупку, которая верно служила экспедиции долго, как Чу-на-кхе на тибетском нагорье, которая там и умерла от голода и солнца.

Наш доктор, который был одет в фиолетовое монгольское одеяние тибетских пуру, был принят всеми за ламу, и люди приходили просить благословения у него. В каждом лагере была большая потребность в докторе и его аптечке. Мы поставили только две палатки, а остальная часть отряда спала под открытым небом. Это была замечательная звездная ночь с видом на снега Цаган Чулута, ясно выделяющиеся на темном опаловом небе.

На следующий день мы начали движение поздно, к закату, и пересекли каменистую равнину, которая отделяла нас от гор. Расстояние от лагеря до подножия горы кажется пустяковым, но нам потребовалось полных три часа, чтобы пересечь равнину. Наше место назначения было Ших-бочен-ама, или вход в ущелье реки Ших-пао-чьенг. После вхождения в ущелье полноводной реки тропа следовала по левому берегу. Кусты ивы и тополя росли на плоских уступах. Мы остановились около одиннадцати часов на покрытом травой уступе, защищенном прекрасным старым тополем. Воздух был чудесно прохладен, и мы все отдыхали после гнетущей жары Кансу.

Следующим утром мы продолжили движение по речному ущелью, которое расширялось, как только горы по обеим сторонам отступали. У нас произошел неприятный случай с верблюдами, и все дело могло бы легко закончиться бедствием, так как невозможно управлять караваном испуганных верблюдов. Мы спокойно двигались по тропе, когда внезапно маленький осел выскочил из кустов. Этого было достаточно для верблюдов. Передний верблюд подскочил, сбросил наездника и побежал в панике к краю долины. Остальные верблюды последовали его примеру; некоторые сбросили свои грузы, остальные галопировали за первым. Было удачей, что верблюд госпожи Рерих и остальные наши ездовые верблюды были вовремя остановлены и не убежали. Сидя верхом на нашей новой лошади, я мог видеть, что отряд нашего первого верблюда с некоторыми из наших людей исчезает в оживленном галопе за невысоким уступом горы. Я поторопился к месту действия, чтобы найти погонщика верблюдов, лежащего без сознания на тропе, и остальных верблюдов, сбрасывающих грузы. У бедного погонщика был серьезный сердечный приступ после падения, и ему была необходима врачебная помощь. После больших усилий остальные погонщики и наши люди овладели верблюдами, но потребовался почти полный час прежде, чем мы привели все снова в походный порядок. Многие верблюды сильно кровоточили, так

как носовые палки, с помощью которых верблюды были привязаны друг к другу, порвали их ноздри.

Сразу за большой китайской фермой мы вошли в прекрасный еловый лес, недалеко от каменных башен с древним каменным изображением Майтрейи, вероятно, относящегося к периоду, предшествующему десятому столетию На пути в Монголию Далай лама объявил, что это каменное изображение появилось чудесным образом на поверхности камня, и заказал маленькую часовню, которую нужно было установить над ним. Изображение представляет собой стоящего Майтрейю, и теперь оно является объектом поклонения среди местных монголов.

После прохождения китайской фермы с ее тенистым лесом мы повернули на юго-запад через песчаное плато и пошли по местности, пересеченной невысокими песчаными валами. На нашем пути мы снова встретили реку, которую при нашем движении мы переходили, по крайней мере, десять раз. Недалеко от реки мы встретили прекрасно выглядящего дед-монгола, едущего на большом верблюде. Он носил темно-синий халат, отороченный мехом выдры, и маленький белый фетровый головной убор своего племени. Его сопровождала жена, едущая на лошади. У них украли верблюда, и они ехали ловить вора.

После краткой беседы с парой монголов, которые оказались старыми знакомыми монгольских проводников и тибетца, мы продолжили движение. Монгол сообщил нам хорошие новости о Ших-пао-чьенге. Глава монголов оставался в оазисе и имел много хороших верблюдов в своем распоряжении.

Песчаниковые холмы становились все выше и выше, и их выветренные и разрушенные вершины напоминали фантастические замки и цитадели. Недалеко отсюда в этих холмах расположены маленькие Чен-фо-тон, или пещеры Тысячи Будд, посещенные сэром Аурелом Стейном во время его второй экспедиции в 1908-1909 гг.

Мы разбиваем лагерь поздно вечером на маленьком плато на берегу реки. На другом берегу блистают огни лагеря большого китайского каравана из Ю-мен шина, маленького городка восточнее Аньси. Китайские торговцы из Кансу проводят летние месяцы, торгуя среди монгольских племен в более высотных долинах Нань Шаня. Они содержат свои собственные большие караваны верблюдов и перемещаются с места на место, продавая китайские шелка, европейскую ткань, металлическое оборудование, рис, муку, получая в обмен верблюдов, овец, овечью шерсть, рогатый скот и лошадей. Вся торговля производится посредством обмена и, в значительной степени, основана на кредите, но не до такой степени, как в Кхалка Монголии до независимости. В окрестностях большого монгольского поселения или палаток старшин вы всегда найдете синюю палатку китайского торговца.

На следующее утро мы рано отправились в путь, и к десяти часам колонна каравана двигалась по речной долине. Растительность была все еще скудной. То здесь, то там росли кусты можжевельника и маленькие кусты ивы. Ущелье расширилось, и мы еще раз восприняли на расстоянии волшебство Цаган Чулута. Перед ним простиралась обширная равнина – оазис Ших-пао-чьенг. На нашем пути мы прошли несколько полей, обрабатываемых несколькими китайскими поселенцами, которые арендуют землю у местного главы монголов. Река разветвилась в многочисленные каналы, которые разрезали болотистую равнину. Позади темной линии оазиса лежали большие пространства пестрого гравия со скудными кустарниками. Я проехал вперед, чтобы найти место для нашего лагеря. С большими трудностями мы прошли через болота оазиса. Несколько раз верблюд нашего тибетского проводника тонул по колено и моя собственная лошадь падала в грязь. После часа поисков мы находим временное место для лагеря на песчаном плато, возвышающемся над одним из многих притоков реки. Остальная часть колонны каравана медленно перемещается в лагерь, и мы ставим наши палатки. Это был конец нашей поездки на верблюдах, и мы должны были позволить погонщикам идти и снимать грузы. Один из погонщиков был болен в течение нескольких дней и теперь попросил нашего доктора дать ему какое-нибудь лекарство. Доктор обнаружил у него пневмонию и слабое сердце. У этого человека не было надежды на выздоровление, и он умер на следующий день.

В тот же день нашего прибытия нас посетил местный монгольский старшина Мачен, толстый человек лет пятидесяти с хитрым взглядом. Он сообщил, что готов помочь экспедиции и даже может снабдить ее верблюдами и лошадями для поездки в Нагчу. Также он сказал, что в Ших-пао-чьенге довольно трудно найти достаточно провизии, но он может

нам помочь получить продовольствие из Аньси или Чанг-ма пао-тзу, крупного китайского поселения на востоке оазиса. Мы расстались хорошими друзьями, и он обещал посетить нас на следующий день.

XI

ДЖА ЛАМА, ВОИНСТВЕННЫЙ СВЯЩЕННИК

Обширнейшая Внутренняя Азия иногда возвышает странных личностей, которые таинственно влияют на своих соотечественников. Мы будем связывать в данной главе историю Джа ламы с новым воплощением Амурсана, великого западномонгольского лидера восемнадцатого столетия. Тен-пей Джал-дзен, или просто Джа лама, был одной из характерных и передовых фигур монгольской национальной революции 1911-1912 гг. Его жизнь покрыта тайной, и никто не знает точно, откуда он прибыл и каковы были его устремления. Это чрезвычайно трудно – собрать вместе части всей существующей информации о его жизни, настолько разнообразной была его деятельность и обширны его путешествия. Ареной этой деятельности была вся Азия, от Астрахани до Пекина и от Урги до отдаленной Индии. Мне удалось собрать информацию о нем и его жизни у монгольских и тибетских лам и мирян, вовлеченных судьбой в контакт со страшным воином-священником. Эта необыкновенная личность около тридцати пяти лет гипнотизировала всю великую Монголию. Даже в настоящее время, спустя шесть лет после его смерти, монголы чувствуют нечестивый ужас и поклоняются ему как воинствующему воплощению одного из своих национальных лидеров. Я часто спрашивал монголов в Кхалка Монголии и в Цайдаме, был ли человек бурханом, т.е. «божественным существом», или могущественный главарь-разбойник являлся воплощением мощного демона. Простодушные кочевники все еще неспособны решить этот вопрос и приводят различные объяснения.

Хотя деятельность Джа ламы была необыкновенной, но все же она напоминала больше жизнь великого предводителя разбойников. Нужно сказать, что человек имел некоторое воображение и пытался работать по национальным направлениям.

Эта легендарная личность была очень разносторонним человеком. Он строил замки в центре южномонгольской Гоби, изучал трудные для понимания трактаты по буддистской метафизике, лично обучил своих людей науке войны и мечтал завоевать и возродить монгольские племена.

Ему приписывают и обладание удивительной силой, которая, однако, не помогла ему, когда его застрелил монгольский офицер. Живое описание о нем дал Ф.Оссендовский в своей книге «Люди, животные и Боги», где описывает его как ламу-мстителя под именем Туше-Гун ламы.

Его настоящее имя было Пал-Ден (дПал-лден). Он родился в Астраханской провинции на юге России и принадлежал к племени Бага-улуса Дорбот. В раннем детстве он был привезен в Монголию и вошел как новичок в большой ламаистский монастырь Долон-нор на китайской границе. Отсюда он путешествовал в далекий Тибет и провел много лет в Гомангском (мГо-манг) колледже, или дацане, большого лхасского монастыря Дрепунг (Брас-дпунг), где постоянно находится наибольшее количество монгольских лам.

Вероятно, что в течение своего пребывания в Тибете он посетил Индию и святые места буддизма. Его знание тибетских монастырей и жизни было обширно, и он многое мог рассказать о своих поединках с голокскими разбойниками.

В молодости он проявил честолюбивый, импульсивный и жестокий характер. Вообще упоминают, что он убил своего товарища по комнате в монастыре из-за спора и был должен бежать из Лхасы, чтобы избежать строгого монастырского закона. Этот факт общеизвестен в Тибете и Монголии. Кажется, что убийство было критическим моментом его жизни, с которого у него тогда начинается жизнь странствующего воина-монаха, полная замечательных приключений, мессианских пророчеств и жестоких поступков.

Люди, которые знали его хорошо, подтверждают, что его знание буддистской метафизики и тайных тантрических учений было необычайно обширно, и, видимо, он имел большой авторитет среди высоких лам Монголии. Согласно его собственным словам, он служил одним из Та лам, или глав департамента, в Чанг-скья Хутукхту в пекинском ямене. Ученому духовного учреждения вверялось устанавливать календари и решать другие астрономические и метафизические вопросы.

Большое количество историй рассказывают о многочисленных путешествиях Джа ламы по Индии, Китаю, Тибету и Монголии. Он был хорошо сведущ в тибетском, монгольском и китайском языках и знал немного санскрит и русский. Ламы сообщили мне, что он обучался на факультете юриспруденции в Санкт-Петербургском университете, но я сомневаюсь в правильности этого сообщения. В любом случае, его знание казалось необычно обширным, и он обладал надежной информацией о тех странах, в которых побывал. Монголы также утверждают, что он имел огромную силу воли и мог легко гипнотизировать людей.

Первое общественное появление Джа ламы во Внешней Монголии относится к 1890 г. Профессор Позднеев в своей ценной книге «Монголия и монголы» дал краткое сообщение о ранней деятельности ламы. Во время его посещения важного ламаистского монастыря в Амур-байшаланту он услышал от местного чиновника историю о великом ламе, который появился в Монголии осенью 1890 г. и путешествовал от Дзин-дзилика к пограничной станции Улясутай и оттуда к Урге Лама носил меховую шапку, увенчанную золотой ваджрой, и обильно раздавал ценности и золотые монеты бедным людям. Повсюду он сообщал, что он был Тен-пей Джал-дзен, сыном Темурсана, который в свою очередь был сыном известного Амурсана. В других местах он утверждал, что он был не только потомком Амурсана, но также его воплощением, и что вновь появился, чтобы освободить Монголию от китайского ига. Кочевники легко верили его словам, и толпы людей собирались на уртонах или на перевалочных пунктах, чтобы приветствовать воплощенного ламу. Они низко кланялись ему и платили ему глубоким благоговением.

Два влиятельных монгольских воплощенных ламы, Джахантса Хутукхту и Илгусан Хутукхту, присоединились к его делу и позже стали преследоваться китайскими властями. Чтобы освободить этих высоких сановников церкви от подозрений, два простых ламы приняли на себя вину и были приговорены китайцами к смерти. Накануне своей казни ламы отравились.

Китайские власти, которые обеспокоились распространением пропаганды Джа ламы, начали переговоры с императорским консулом России в Урге с просьбой арестовать ламу. Китайский запрос удовлетворили, и предприимчивый монах по прибытии в Ургу был арестован и выслан в Кяхту. В течение следующего года никто ничего не слышал о Джа ламе. Видимо, его принудительное пребывание в России было очень коротким, и он ухитрился сбежать в Тибет или Южную Монголию. В конце 1891 г. он вновь появлялся во Внешней Монголии, путешествующим с двумя великолепными белыми верблюдами, из-за чего среди монголов его стали называть Хоир-темете лама, или «Лама с двумя верблюдами». Он был снова арестован китайскими властями и перевезен в Улясутай для дальнейшего расследования. На вопросы отвечать он отказался, но предъявил паспорт на имя астраханского калмыка Тен-Пей Джал-дзена. Китайцы удовлетворились этим и разрешили идти, даже не осмотрев багаж. От Улясутая Джа лама поехал в Кобдо и провел там несколько месяцев. Из Кобдо он уехал обратно в Улясутай и затем в Ургу, где был арестован второй раз и снова выслан в Кяхту.

После этого он исчезает на десять лет. Ничего не слышно о нем в течение этого периода, но кажется, он часто ездил в Цайдам и Северо-Восточный Тибет. Курлукские монголы Цайдама помнят, что часто видели его путешествующим западным цайдамским путем через Махай с двумя вьючными пони и только одним спутником. Видимо, он не разрывал связи с Тибетом и наносил последовательные визиты в его столицу.

Он вновь появлялся в 1900 г. как проводник экспедиции генерала Козлова П.К. в провинцию Кхам в Тибете. В то время он был известен под именем Ше-Рап (Шез-Раб) ламы. Экспедиция была остановлена на Но-мо чу тибетскими властями, несмотря на то, что генерал Козлов нес подарки от Императора России к Далай ламе. Генерал Козлов уполномочивает Ше-Рап ламу, с псевдонимом Джа лама, перейти к переговорам с тибетскими властями. Возможно, Джа лама никогда и не примыкал к экспедиции и каким-то образом ушел своим путем в Карашар в Китайском Туркестане, где остановился у местного князя торгутов. Из Карашара он прошел в Кобдо и Ургу, откуда был снова отправлен на поиски экспедиции Козлова.

После этого он снова исчезает на десять лет. Мы находимся в совершенном неведении о его деятельности в течение этого периода. В 1910 г. он внезапно вновь появился в Карашаре. Согласно утверждению господина Кряжева, русского купца, торгующего в

Карашаре, Джа лама значительно изменил свою внешность. Прежде он носил бороду, теперь он был чисто выбрит. Под желтым одеянием ламы он носил какое-то подобие европейской военной униформы. После долгого пребывания в Карашаре он уехал в Кобдо и весной 1912 г. внезапно появился в Ханделсике в лагере дорботского князя Тимен-Гуна.

Как было упомянуто, в 1890 г Джа лама пустил слух о том, что является воплощением великого Амурсана (который умер в 1755 г.). Древние пророчества упоминали, что во время новой освободительной войны между монголами и китайцами этот вождь появится под именем Тен-пей Джал-дзена, который будет истинным воплощением Амурсана и будет восстанавливать старое королевство Ойрат. Все, кто знает магическое влияние пророков и предсказаний среди буддистов Внутренней Азии, легко поймут успех Джа ламы. Его повторное появление в районе Кобдо вызвало большую суматоху среди кочевников. Толпы людей собирались вокруг нового лидера, который продолжал пламенно проповедовать священную войну против китайского угнетения.

За короткое время Джа лама собрал вокруг себя сильную группу вооруженных людей и подготовил ее к активному участию в борьбе за независимую Монголию. Крепости Урга и Улясутай пали и были заняты монгольскими отрядами. Губернатору Кобдо Манчу был послан приказ передать ключи от ворот крепости. Чиновник отказался исполнить приказ Урги и закрыл ворота форта. В его распоряжении было около тысячи солдат и китайских ополченцев, готовых бороться против отрядов повстанцев. После получения ответа от губернатора Кобдо, Джа лама объявил войну китайскому гарнизону.

Поднялось огромное полчище монголов, урьянгкхайцев, дорботов и торгутов – всего около пяти тысяч человек, быстро собранных Джа ламой, который повел их против крепости Кобдо. Степи Монголии снова были свидетелями отрядов кавалерии, идущих на запад. Здесь были кхалка-монголы в их специфических высоких шапках, желтых и фиолетовых халатах, вооруженные карабинами Маузера и винтовками Бердана, чакхар-монголы в маленьких круглых шапках, желтых халатах и с патронташами, обильно украшенными серебром, сойоты из Урьянгхая в остроконечных меховых шапках и меховых халатах, торгуты из Булугуна в синих косынках на головах, зеленых кафтанах и кожаных туфлях. Отрядами официально командовал князь Сурун-Гун, но в действительности все совершалось, вдохновлялось и направлялось Джа ламой. Это происходило в мае 1912 года. 6 августа крепость Кобдо пала, город был сожжен, а китайские жители уничтожены. Русскому консулу и его охране удалось спасти нескольких китайцев от ярости завоевателей и выслать их в Россию, Бийск на Алтай для дальнейшей переправки в Китай. После разрушения Кобдо и резни в китайской колонии десять китайских и мусульманских торговцев были убиты в тайном ритуале по распоряжению Джа ламы. Десять человеческих тел были рассечены, сердца вырезаны самим Джа ламой, который освятил знамена монгольской войны человеческой кровью, а затем окропил ею отряды.

Китайские власти соседней провинции Синьцзян были очень встревожены успехом воинственного священника и поспешно выехали из Ку-ченга и Шара-сума. Они не достигли Кобдо, но остановились приблизительно в двухстах милях юго-западнее, в месте, называемом Цаган Тонке, и остались там на зиму. Монгольские отряды под командованием Джа ламы и его союзников остались в укрепленном лагере на монгольской стороне перевала Улан-дабан, но рассеялись в 1913 г. после отхода китайских отрядов. Немецкий путешественник Х.Констен в своей недавно изданной книге о Монголии «Пастбища Монголии», т. 2, дает яркое описание монгольского укрепленного лагеря в Улан-дабане. Он не встречал самого Джа ламу, но был очень поражен твердой дисциплиной в лагере, общей чистотой и порядком на месте, весьма необычными среди монголов. Ему сказали, что это было достигнуто под руководством и при полном контроле Джа ламы, который принимал решительные меры, чтобы сохранить чистоту и дисциплину в отрядах.

За большие заслуги, оказанные новому монгольскому государству, Джа лама получил титул Туше-Гуна, затем был создан номун хан Хутукхту. Целый хошун, находящийся примерно в шестидесяти милях от города Кобдо на одноименной реке, был отдан в его распоряжение, и его союзники поставили ему большое количество лошадей, рогатого скота и даже людей. Он, таким образом, стал военным губернатором Кобдо и одним из самых сильных князей всей Монголии.

В своем хошуне он ввел ряд новшеств, и в этом нашел выражение его многосторонний характер. Он познакомил своих последователей с сельским хозяйством и даже заказал некоторые сельскохозяйственные машины из России. Он предписывал своим людям строить постоянные здания, собирать сено на зимние месяцы и носить русские сапоги. Он основал несколько школ и организовал образцовый монастырь со строгими правилами. Он ограничил количество лам и призывал многих из них в свои отряды. Он обучил свои отряды европейским методам ведения войны. Он пробовал улучшить породу монгольских лошадей и рогатого скота, заказывая их из России.

Он был чрезвычайно жесток к своим врагам и редко доверял своим последователям. Они рассказывали о нем, что он лично пытал заключенных, срезая полосы кожи со спин и клеймя их раскаленным железом. Монастырь Уланком однажды восстал против его новшеств, в результате чего несколько лам были запороты до смерти. Он пытал русского торговца, чтобы получить от него открытое признание. Все монгольские князья в области Кобдо опасались его и даже прислуживали ему как обычные слуги: седлали лошадей и держали его стремя.

Джа лама продолжал управлять своим хошуном до 1914 г., пока не произошло некоторое недоразумение с офицером, командовавшим русской консульской охраной в Кобдо, в результате чего офицер подвергся внезапному аресту и высылке в Россию.

В начале 1914 г. русскими властями были получены сообщения, подтверждающие истории жестокостей, совершаемых Джа ламой. 6 февраля 1914 г. капитану Булатову был дан приказ отправиться с половиной эскадрона сибирских казаков в район Кобдо в Западную Монголию и остановить движение Джа ламы. После нескольких успешных схваток отряд казаков захватил самого Джа ламу и проверил его безжалостные законы. Казаки привезли с собой две целых человеческих кожи, которые были содраны по приказу Джа ламы. Одна из этих кож принадлежала Кхайсану, киргизскому вождю с Монгольского Алтая. Джа лама и киргизские соплеменники враждовали несколько лет из-за некоторых земель в более высоких долинах Алтайских гор. Ожесточенный непрерывной племенной борьбой местный киргизский вождь был захвачен и заключен в тюрьму Джа ламы. Семейство заключенного сразу предложило большой выкуп, и Джа лама согласился выпустить его. Когда мать киргизского вождя прибыла в лагерь Джа ламы, принеся все свое личное имущество – золото, серебро, драгоценные камни и дорогостоящие меха, монгольский руководитель приветствовал ее весьма любезно и попросил подождать. В то время, как он разговаривал с женщиной и рассматривал богатый выкуп, его люди сдирали кожу с живого Кхайсана. Действие было начато со ступней, и палачи имели указание продолжать свою работу медленно с тем, чтобы закончить сдирание кожи, пока страдалец был еще жив. Но Кхайсан умер во время процедуры. Кожа его была натянута на бревно и доставлена несчастной матери. Старая женщина взглянув, лишилась разума, а широкое темное лицо бандита удовлетворенно улыбалось.

Такова официальная история одного из известных поступков Джа ламы, о жестокости которого до сих пор рассказывают в палатках кочевников Монгольского Алтая.

Он сначала был заключен в тюрьму в Томске на год, затем сослан в Якутскую область. Оттуда его перевели в Астрахань, где он и оставался до 1918 г. Революция в 1917-1918 гг. освободила его, и он вновь появился в Монголии на Селенге. Его приветствовали прежние последователи, а когда к нему в Улясутай приехал друг и помощник Джаханца Хутукхту, он переехал на некоторое время в лагерь своего бывшего заместителя Джал-Дзен-бейсе на Юго-Западе Монголии.

Правительство Урги испытывало массу неприятностей из-за нового появления воинственного монаха и выпустило предписание о его немедленном аресте. Джа лама был вынужден оставить монгольскую территорию. Он выбрал для себя новый лагерь, изолированное место на северных склонах Бага Мацу Шаня, на 250 миль южнее Юм-бейсе-сума в самом сердце Монгольской Гоби. Многие из прежних последователей стекались к его новому лагерю, и вскоре вокруг возвышалось уже около пяти сотен палаток. С этого времени власти начали серьезно опасаться активности разбойника Джа ламы и его хорошо вооруженных отрядов. Национальный лидер Монголии, лама-мститель, становится предводителем бандитов. Он организовывает сильную группу хорошо вооруженных людей, независимо от их прошлого; и все виды беглецов – китайские дезертиры, монгольские

разбойники, тибетские контрабандисты, киргизские конокрады и тургутские охотники собрались под его знамена. Имея в своем распоряжении такую силу, Джа лама постоянно вызывал беспокойство на юго-западной монгольской границе. Его отряды росли, постоянно перемещались, тревожили монгольские лагеря и следили за правительственными чиновниками и их действиями. Никому не удавалось беспрепятственно проследовать маршрутом каравана Юм-бейсе – Аньси. Отряды разбойников рыскали по соседней стране днем и ночью, а в узких ущельях, где проходили многочисленные караваны, были размещены сильно вооруженные посты. В течение нескольких лет торговый путь считался закрытым из-за деятельности Джа ламы и его последователей.

В 1919 г. китайские отряды Аньси под командованием генерала Сю заняли Внешнюю Монголию. Китайские гарнизоны размещались в Урге, Улясутае и даже просачивались на русскую территорию, оккупировали пограничные города Кяхту и Троицкосавск, убивая многих мирных жителей.

Монголы не могли допустить новое вторжение на свою территорию. Отряды монгольских партизан начали борьбу, и Джа лама снова принял в ней активное участие. Весной 1920 г. его отряды напали на китайцев в Юго-Западной Монголии и нанесли серьезный урон. Упоминают, что Джа лама сотрудничал с бароном Унгерном фон Штернбергом, который в январе 1921 г. разгромил китайские отряды и занял Ургу.

После поражения отрядов барона Унгерна монгольскими национальными силами летом 1921 г. и введения нового порядка в Монголии Джа лама стал центральной фигурой среди сторонников старых порядков. Он установил дружественные отношения с китайскими властями Синьцзяна, Коко-хото и с последним князем курлукских монголов в Северном Цайдаме.

Его влияние было все еще очень велико среди кочевников области Кобдо, и он в своих военных планах замышлял кампанию против Урги, собираясь сокрушить оппозицию монгольского правительства. Он все еще хранил надежду восстановить могущественное государство во внутренней Азии, включая Монголию, Тибет и Китайский Туркестан.

Чтобы усилить свое положение, он построил укрепленный замок с необыкновенной архитектурой, смесь туркестанского и тибетского стилей, окруженный стенами и наблюдательными башнями на соседних холмах. Место известно монголам под названием Тен-пей Джал-дзен байшин, или «Дом Тен-Пей Джал-дзена» Пленники и заключенные сооружали эту поразительную крепость в столь отдаленном месте. Оно расположено на северных склонах горы Бага Мацу Шань. Окруженная холмами территория была идеальным местом укрытия для банд разбойников. Скудная растительность по берегам рек и у подножия холмов предоставляла достаточно корма стадам рогатого скота и лошадям, принадлежащим Джа ламе и его последователям.

Гарнизон крепости состоял приблизительно из пятисот человек, более или менее дисциплинированных и обученных. Наибольшее количество людей было вооружено старыми винтовками Бердана, немецкими карабинами Маузера и пистолетами, а некоторые – японскими винтовками Арисака, добытыми у китайцев. После основания монгольского правительства, руководимого Монгольской Народной партией, большое количество сторонников старого режима и некоторые из местных князей соединились с отрядами Джа ламы, называя себя Монгольскими Цаганами, или Белыми Монголами.

Все боялись смелого ламу, который соединял в себе известность военного лидера с авторитетом монаха. Он благословлял и давал религиозные наставления народу, и в то же время его люди безжалостно уничтожали паломников.

Животные и товары караванов обычно конфисковывались, а погонщики уничтожались. Оставшиеся в живых становились невольниками Джа ламы и его последователей. Один монгольский лама рассказал, как на пути из Монголии в Тибет в 1920 г. его группа была внезапно атакована Джа ламой. Все миряне, шедшие с караваном, были убиты на месте, все оружие и добро было захвачено. Только некоторым ламам, лишенным всего, позволили продолжить путь пешком. Некоторые из них умерли в пути, не в состоянии вынести лишений и достичь населенных мест Кансу.

Тибетский торговый агент, отправившийся в Монголию торговать от лица лабранга Ташилунпо, был схвачен на пути к Юм-бейсе и заключен в укрепленном лагере Джа ламы. Больше он никогда не обрел свободу и умер в плену. Те, кто остался в живых, сообщили мне,

что большинство людей каравана были убиты, а оказавшим сопротивление были отрезаны уши, и они должны были работать как невольники Джа ламы.

Таким путем Джа лама собрал вокруг себя смешанную группу людей. Тибетские чиновники и торговцы, монгольские паломники, ламы и миряне, политические враги Джа ламы, китайские купцы из Аньси и Коко-хото, киргизские вожди с Монгольского Алтая – все должны были работать, возводить здания, строить башни и стены в обжигающей зноем монгольской пустыне. Некоторые из заключенных целые годы провели в плену у Джа ламы, и, чтобы избежать варварского обращения, объединялись в небольшие отряды. Другим удавалось совершить побег, но большинство умерло от тяжелых испытаний, так как не все могли выдержать отношение людей Джа ламы.

Один цайдамский монгол однажды рассказал мне историю его захвата и побега из лагеря Джа ламы. Он путешествовал с тибетским торговым караваном через Гоби в нескольких сотнях миль северо-восточнее Аньси. Все шло хорошо, и они надеялись пройти благополучно. Внезапно из-за соседних холмов появилась группа всадников. В течение нескольких минут все было кончено. Разбойники подлетали на своих быстрых лошадях, убивали погонщиков верблюдов и угоняли животных. Глава каравана, богатый тибетский торговец, погиб одним из первых при защите своего имущества. Некоторые из монгольских погонщиков оборонялись, но были захвачены разбойниками. Несколько месяцев они работали на Джа ламу: собирали топливо и изготавливали кирпичи для его больших строительных проектов. Многие из них, не привыкшие к тяжелому труду, заболевали и умирали. Другие замышляли побег. Наш собеседник нанес удар одному из охранников и сбежал с его винтовкой. Местность была ему хорошо известна, и он без труда скрылся. Такие истории рассказывают о Джа ламе и тюремной жизни в его лагере.

В сентябре 1922 г. в Урге был раскрыт мощный политический заговор, и ряд влиятельных лиц, включая нескольких прежних министров, были арестованы. Официальное монгольское коммюнике заявляло, что все эти лица имели секретные переговоры с Джа ламой с целью впустить китайские отряды.

После очередного нанесения поражения отрядам барона Унгерна, монголы решили покончить с Джа ламой и его бандами, чтобы установить мир на юго-западной границе. Русско-монгольский отряд обыскал Гоби и даже прошел до самого Нань Шаня, к северу от Коко-нора. В начале 1923 г. правительство Урги послало несколько эскадронов кавалерии под командой Балден Дордже (дПал-лден рДо-рдже), знаменитого монгольского военоначальника, проследить за продвижением Джа ламы. Отряды ожидали встретиться с сильным сопротивлением и продвигались осторожно, имея приказ не встревожить вражеские посты. Балден Дордже решил взять крепость хитростью, а не штурмом. Остановившись, его отряды расположились лагерем приблизительно в двух днях пути от крепости Джа ламы, Балдан Дордже с одним из солдат поехали в лагерь. Они притворились паломниками и попросили позволения подарить церемониальный шарф Джа ламе. По некоторым причинам им это позволили и провели их в монгольскую палатку, разбитую во внутреннем дворе замка. Балдан Дордже приблизился к ламе с церемониальным шарфом и застрелил его из пистолета, спрятанного под хатыком. Джа лама был убит на месте. Его последователи не могли даже оказать сопротивление, поскольку Джа лама, как и другие азиатские вожди, хранил все оружие и боеприпасы в своей палатке и выдавал их только тогда, когда было необходимо. Так как палатка с арсеналом была захвачена Балданом Дордже и его спутником, пораженные паникой последователи не имели иного выбора, как только подчиниться или рассеяться.

Отряды заняли крепость без единого выстрела и сожгли ее, руины замка безмолвно несут следы огня. Некоторые из последователей Джа ламы были казнены, другие – признали власть правительства Урги. Вся собственность Джа ламы, его оружие и боеприпасы были реквизированы монгольскими отрядами. Около 2000 овец были распределены среди невольников Джа ламы, которые жили в крайней бедности.

Голова Джа ламы была отрублена и перевезена на копье в Улясутай, где ее показывали народу на базарной площади. Из-за белых волос отрубленную голову стали называть Цаган Тологой, или «Белая голова», и большая толпа людей собиралась ежедневно поглядеть на нее. Впоследствии ее перевезли в Ургу в большой бутыли с формалином – страшные останки

внушающего страх предводителя. Некоторое время она переходила из рук в руки и, наконец, исчезла – никто не знает как и куда.

Было трудно распознать в подвергшемся атмосферным влияниям черном остове голову этого сильного монгола. У него было широкое лицо с выступающими скулами и плоским носом. Довольно темная кожа и подрезанные белые волосы – таков был облик Джа ламы во время его смерти. В Монгольском научном комитете есть портрет Джа ламы, выполненный его придворным живописцем. На портрете изображен человек средних лет, крепкого телосложения, одетый в великолепный мундир. Джа лама любил шикарно одеваться, и часто его видели в европейской униформе под монгольским мундиром, который он использовал как халат. Человек мертв, но память о нем все еще живет среди кочевников Монголии.

В нашем караване был торгут из Ецин-гола, который провел несколько лет в области Мацу Шань. Он не мог объяснить удовлетворительно причину своего длительного пребывания в этой местности, кишащей разбойниками, и некоторые из монголов в караване серьезно сомневались в нем. Он был прекрасный наездник, как все торгуты, и хороший стрелок. Эти мужественные качества необъяснимо объединялись в нем с величайшей трусостью и изменчивым характером. Однажды я услышал, как он поет песню, как мне показалось, о Джа ламе. Я попросил его повторить слова песни, но он упорно отказывался сделать это и сказал, что он не знает песен о нем. Все мои попытки заставить его спеть оказались напрасными, торгут только смеялся. Так как ему нужно было охранять караванных животных, я отпустил его. Он вскочил в седло и помчался в степь пасти стада. Внезапно донесся его голос – всадник запел туже самую песню о Джа ламе. Я слышал мелодию, но не разобрал слов. Человек отказался петь в нашем присутствии, но в открытой степи он пел песню старого грабителя о Тен-Пей Джал-дзене, воплощении Амурсана. Песня принадлежала пустыне, и петь ее чужестранцам было против закона кочевников.

XII

СРЕДИ МОНГОЛОВ ЦАЙДАМА

С этого момента началась наша более или менее оседлая лагерная жизнь в высокогорных равнинах Ших-пао-чьенга и Шараголджи. Местный старшина не мог добыть верблюдов до августа, а те, которые продавались в его лагере, были плохи, так что мы решили провести июнь и июль в долине, а в Тибет отправиться в августе. Тем временем мы смогли изучить дальнейший путь и закончить приготовления к большому переходу по горному Тибету. Мы решили приобрести для себя верховых лошадей, но покупать их нужно было только в китайских деревнях, т к. местные монгольские лошади непригодны для поездки по Тибету.

Тибетские торговцы лошадьми, ежегодно приезжающие в Синин и Кансу, покупают только китайских или сининских пони, которые, когда вырастают и становятся иноходцами, приносят им большой доход в Лхасе. Мы решили послать нашего проводника-тибетца купить лошадей, мулов и провизию в китайскую деревню Чьанг-ма.

Лагерь, разместившийся на плоскогорье, оказался непригодным по двум причинам: во-первых, во время дождей поверхность плоскогорья становится грязной, а во-вторых, во время сухого периода частые северозападные ветры задувают целые тучи лесса, проникающего в палатки и образующего внутри слой пыли. Через несколько дней после нашего приезда местный старшина пригласил меня проехать верхом по оазису, чтобы найти подходящее место для лагеря, а также посетить его стоянку. Мы ехали по болотистой дороге, и лошади часто вязли в грязи.

Ших-пао-чьенг – большой оазис, простирающийся к северу от Цагана Чулута. Эта обширная низина на каменистой равнине, вытянувшейся вдоль бесплодных гор, которые окружают равнину с юга и севера и ущельем выходят к деревне Чьанг-ма, расположившейся на западе равнины. Оазис представлял собой полосу болот, идущих вдоль берега реки, которая питается множеством родников Многочисленные монгольские поселения, или аилы, разместились на клочках твердой и сухой земли вдоль берега основного русла реки. Летом оазис покрывается прекрасной травой, растущей на солончаковых землях, пригодной для пастбищ

Берега реки и многочисленные болота – настоящий рай для водоплавающих птиц. Морские чайки (Chroicocephalus ridibundus), серые гуси (Anser anser), турпаны (Casarca casarca), разные виды уток и гагар-чомги (Columbus cristatus) и меньшие разновидности их (Columbus minor), бекасы и серые цапли населяют берега реки.

Оазисы и горные пастбища принадлежат монголам-курлукам. Местные монголы и их вожди проводят зиму и раннюю весну в оазисе Ших-пао-чьенг. В июне они перемещаются в высокогорную долину Шараголджи к югу от Кхашкарского ущелья. Старшина Мачен размещался в трех грязных войлочных юртах у реки на сухом и твердом клочке земли. Его семья была такой же грязной, как и его юрты, и еще больше усиливала впечатление неопрятности. При нашем приезде несколько мальчиков выбежали из юрты и взяли лошадей. Мы вошли в большую юрту вместе с женой хозяина. Почти все домочадцы были одеты в тяжелые шубы из овчины, закрывающие нижнюю часть тела и оставляющие открытой грудь и шею. Только на некоторых были зеленые или белые рубашки под шубой, у большинства же не было ничего. Глава семьи сел на груду овчин и пригласил меня сесть на низкий матрац. Остальные члены семьи расположились на полу. Рядом с небольшим деревянным алтарем с несколькими медными грубой работы фигурками Будды Сакьямуни, Тары и Дзонкапы, тибетского реформатора, сидел лама из Амдо в огромных китайских очках, которые закрывали почти весь лоб, и читал молитвы из книги, лежащей у него на коленях. На стол подали сыр и араки, напиток из молока.

После часового разговора мы решили вопрос с верблюдами для будущего каравана. Хозяин согласился сдать нам своих верблюдов до Нагчу – первого тибетского поселения на северном караванном пути. Он сказал мне, что получил беспокойные известия из Теиджинера в Южном Цайдаме, где вооруженные банды голоков или панагов напали на монгольские поселения в долине реки Нейджи и разграбили их. Он настаивал на том, чтобы

при караване был большой вооруженный отряд. Он также сказал мне, что его князь в прошлом году получил приказ из Лхасы не разрешать европейцам проходить здесь. Этот приказ не распространялся на нас, т.к. у нас были тибетские паспорта и рекомендательные письма, кроме того нас сопровождал до Тибета чиновник, назначенный тибетским представителем в Урге.

Обсудив все вопросы, касающиеся нашего будущего путешествия в Нагчу, я поехал поискать подходящее место для лагеря. Самые лучшие места для стоянок уже были заняты монгольскими аилами. Мы нашли большую речную террасу с твердой сухой землей, на которой можно было бы разместить лагерь. На следующий день мы переезжали. Трудно было найти достаточное количество животных, чтобы перевести весь груз экспедиции. Небольшую повозку одолжили нам на день китайские крестьяне. Пришлось делать несколько рейсов, чтобы перевезти весь тяжелый багаж. Мачен прислал нам десять верблюдов, остальные были далеко в горах. Оставшийся груз перевезли на лошадях. Устроившись на новом месте, мы послали переводчика с монголом в Чьанг-ма покупать лошадей и мулов.

Креме исследования оазиса, у каждого из нас было много дел. Профессор Рерих продолжал свою живопись. Госпожа Рерих и ее две помощницы занимались багажом экспедиции, составляя список вещей, необходимых для будущего перехода по Тибету. Доктор, кроме оказания медицинской помощи, исследовал оазис, его фауну и флору. Портнягин был все время занят транспортными вопросами, седлами и другими вещами, которые отнимают так много времени в лагерной жизни. Я изучал местных монголов, их язык и обычаи, кроме того, интересовался будущей дорогой через топи и болота Цайдама, а также горными дорогами Тибета.

Оказалось, что монгольские племена Цайдама никогда раньше не исследовались. Скудную информацию об их диалекте можно было получить из отчетов прошлых путешественников и из работ по монгольской лингвистике доктора А.Д.Руднева и г. Цыбикова.

Однажды вечером мы увидели нашего проводника, подъезжающего к лагерю на красивой черной лошади и ведущего за собой большой табун лошадей и мулов. Животные были хорошим подспорьем каравану. Проводник-тибетец хорошо понял свою задачу и привел целое стадо прекрасных животных, многие из которых дошли до Индии, до самого Дарджилинга, после долгой и трудной зимы в тибетском нагорье.

Портнягин вскоре отправился в Чьанг-ма и Сучоу в провинции Кансу. Ему было поручено закупить продовольствие и установить связь с Америкой. Через две недели он вернулся с парой красавцев коней. Его отослали снова в Чьанг-ма купить вьючных мулов для экспедиции. Мы решили, что надо иметь несколько мулов в караване для перевозки имущества.

В Ших-пао-чьенге, несмотря на его высокогорное расположение, наступила неприятная жара, и мы стали расспрашивать местного старшину о том, не лучше ли условия в высокогорных долинах Шараголджи – летних пастбищах местных монголов. Он ответил, что там нет дождей и скудная трава. Он посоветовал подождать недели две. Вопрос о продовольствии все еще стоял перед нами и вызывал беспокойство. Многие провинции Кансу были охвачены голодом в результате недавнего перемещения войск. Власти Аньси запретили продажу муки и риса без специального разрешения. Стало невозможно пополнить запасы муки для экспедиции. Местные китайские торговцы взвинтили цены на муку, оставалось только послать одного из наших людей купить муку в Чьанг-ма. Мы снова послали проводника-тибетца, который хорошо знал китайский язык, купить все в необходимом количестве, и он через неделю вернулся с ячменной мукой.

15 июня местный старшина приехал к нам и сообщил, что условия в долине Шараголджи улучшились и посоветовал нам переехать туда. Отъезд был намечен на 18 июня.

В этот день в лагере все было готово к отъезду, но до трех часов дня не было верблюдов. Мы попытались узнать у старшины оазиса причину задержки, но он уклончиво ответил, что не все прибыли. Было уже поздно, а верблюдов все еще недоставало, хотя тридцать животных находились уже в лагере. К пяти часам монголы предложили погрузить

багаж на имеющихся тридцать верблюдов. У них, видимо, было намерение получить плату за наем сорока двух животных, как было обговорено, а поставить только тридцать.

В этот день мы не пошли далеко, а пройдя один час разместились в широкой лощине с ручьем. Высказав свое несогласие старшине, мы потребовали, чтобы нам поставили остальных двенадцать верблюдов. Он очень рассердился и попытался сбросить груз с навьюченных животных. Тогда мы предупредили его, что если не согласится немедленно поставить остальных верблюдов, то сообщим о его действиях князю, в подчинении которого он находится. Это сразу возымело желаемый результат, и на следующий день у нас был полный караван в сорок два верблюда.

На следующий день был длинный переход по каменистой равнине, расположенную к северу от Кхашкар-йин-ула. Мы отправились во второй половине дня, когда стало немного прохладнее, и к 11 часам вечера достигли стоянки. На следующий день мы отправили караван вперед, а сами остались с одной палаткой до полудня, чтобы отправиться в путь, когда станет прохладнее. Место носило название Кхашкар-йин-ама и было отмечено грубым каменным троном, возведенным в честь Далай ламы во время его приезда в 1904 г. На стоянке не было воды, и нам пришлось брать ее в Ших-пао-чьенге и держать в больших металлических емкостях. К четырем часам мы покинули лагерь и вошли в узкое ущелье, ведущее в горы. Небольшая речка, протекавшая по ущелью, была еще замерзшая, и во многих местах нам пришлось пересекать ее по ледяному мосту. Через три мили тропа ушла от речки и повернула на юго-запад к Урту-Кхашкар-йин дабану. На ночь мы остановились у перевала, рядом с замерзшим ручьем. Странно было видеть снег и лед в середине июня.

На следующий день мы не смогли продолжить продвижение. Г-жа Рерих чувствовала себя плохо, и решено было остаться в лагере. Тяжелый багаж отправили вперед на верблюдах и должен был ждать нас в южной части перевала. Только десять животных было оставлено для переноса лагерного оборудования. День был солнечный, но холодный, с ровным морозным северо-восточным ветром. Монголы и тибетцы утверждали, что Кхашкар-йин дабан плохо действует на людей и животных, которые часто погибают здесь от «яда земли», или са-ду (са-гдуг). По их утверждению, единственное, чем можно было спастись, – это жевать чеснок во время перехода по этой местности или постоянно курить сильный китайский табак. Ламы, которые никогда не курят в обычной жизни, вынуждены были курить во время подъема, не считая это грехом. Один из наших монголов почувствовал головную боль. Я подумал, что это из-за ледяного ветра, проникающего в узкое ущелье с северо-востока, и усиливающего разреженность атмосферы, но монголы утверждали, что это признак того, что на человека подействовал «яд земли».

В этот день я совершил небольшую экскурсию в горную долину в сторону перевала. Склоны горы были покрыты дерном. В долине было много зайцев (Lepus tolai). Неподалеку от лагеря долина разветвлялась – одна дорога вела прямо к перевалу, другая к югу и прикрывалась высокими горами. В верхней части этой второй долины находился другой перевал с трудным подъемом, и потому им редко пользовались.

22 июня г-жа Рерих выздоровела, и ясным, великолепным утром мы пошли через перевал. Подъем был очень крутой, но летом он не представляет опасности. В зимнее время, когда северный склон покрыт сплошным льдом, бывает много случаев, когда верблюды гибнут во время спуска. С вершины перевала, отмеченной обычным обо, или каменной пирамидой, мы любовались великолепной панорамой. К востоку поднималась величественная гора со снежной вершиной – Цаган Бургусун, на которой, по рассказам, водится много диких яков. Из-за поздней весны сейчас там жили только небольшие грызуны, которые, покинув свои норы, бегали по горе. Мы видели большое количество этих животных во время спуска на большую равнину, по которой протекала река Е-ма хо. Река текла по узкому каменистому руслу и была неполноводной. Мы разбили лагерь на берегу рядом с нашим караваном верблюдов. На другом берегу реки возвышалась гора с тремя вершинами, называемая Гурбун-дабан, или «Перевал трех гор». К югу от реки поднимались в горы заснеженные долины Шараголджи. Это были горы Гумболдта и Пржевальского, называемые Дойугу. У хребта Гумболдта есть разные названия. Западная его часть была известна под полумонгольским-полукитайским названием – Дойугу, восточную часть гор именуют Нунг-хо Шань или Хунгу-ула. Это последнее название дано было массиву из-за многочисленных

ущелий из красного песчаника. Нам пришлось оставаться в долине Е-ма хо весь следующий день, т.к. г-жа Рерих в последние дни чувствовала себя еще плохо.

Ночь была очень холодной и вода в палатках замерзла. Днем мы совершили прогулку в долину реки, которая поднимается в горы Гурбун-дабан и тянется к северо-востоку. В июне воды в реке недостаточно. Она становится полноводной в период дождей т.е. в июле и в августе. За день до нашего отъезда вода в реке внезапно стала грязной – верный признак того, что в горах прошел снег или ливень. Мы наблюдали за дикими ослами, или куланами, и стаями птиц на берегу реки. Была организована охота и через два часа караванщики вернулись с двумя великолепными куланами. Мясо этих животных было очень вкусным и блюда из него часто появлялись на нашем столе.

Погонщики верблюдов представляли собой интересную пестро одетую толпу. Все они были вооружены. У многих из них были винтовки Бердана 1887 г. или германские Маузеры 1891 г., один даже имел английскую винтовку Мартини, купленную в Тибете.

На следующий день мы снова были готовы двигаться к Шараголджи. Путь проходил по Е-Ма хо, затем по обширному песчаному плато, которое постепенно поднималось к югу. Это плато со всех сторон окружали безжизненные горные хребты, и мы удивлялись, где местные монголы пасут свои табуны и рогатый скот. Пройдя 10 миль, мы достигли самой высокой точки плато, отмеченной пирамидой из камней. Отсюда шел пологий спуск в долину Шара-гол. Сама долина была полностью укрыта огромным хребтом, известным под названием Икхе-ула, или «Большая гора». Мы пересекли этот хребет, пройдя через широкое ущелье, состоящее из осыпей и гальки.

К двум часам дня мы подошли к широкой долине Шара-гол, расположенной на высоте 9000 футов. Было почти невозможно найти твердый и сухой участок земли для лагеря, долина была покрыта болотами и сыпучими песками. Мы собирались перебраться через реку, но китайский торговец, который остановился в долине, предупредил о том, что на реке паводок и что он накануне не смог переправиться через реку. Мы вынуждены были разместить лагерь на небольшом клочке солончаковой почвы. Было очевидно, что оставаться здесь надолго невозможно из-за комаров и сырости.

На следующий день я поехал искать новое место для лагеря. Река начала разливаться и мы с трудом находили места для перехода. У подножья горы, к югу от реки, мы нашли покрытую гравием возвышенность и ручей с чистой водой, известный местным монголам под названием Дахин на монгольском и Та-чьинг, «Большой ручей», на китайском языках. Мы вернулись в лагерь после полудня, с трудом продвигаясь по долине и пересекая реку, по крайней мере, восемь раз. Мы уговорили погонщиков верблюдов перевезти багаж на новое место. При переправе через реку лошадь проводника-тибетца погрузилась глубоко в песок, и ее пришлось с большим трудом вытаскивать.

В этом лагере мы провели шесть недель в ожидании начала сезона верблюжьих караванов. Портнягин, вернувшись из Чьанг-ма с двадцатью мулами, отправился в Махай, в Цайдаме, чтобы купить верблюдов для похода в Тибет. Я не буду описывать повседневную жизнь лагеря. Большую часть времени мы проводили в экскурсиях по соседним горам. Горы Хунгу были известны своими золотыми приисками, где работали китайские крестьяне, которые приезжали сюда каждое лето и проводили здесь два месяца, промывая золотоносный песок в горной реке. Здесь они жили в пещерах, вырытых в горных склонах, и всячески избегали контакта с местными монголами, которые с подозрением наблюдали за деятельностью золотоискателей.

Чтобы увековечить место лагеря, профессор Рерих решил соорудить ступу, и наши монголы сами занялись приготовлением камней и кирпичей, и вскоре величественное сооружение ступы возвышалось между палатками.

Портнягин привел из Махайя стадо из сорока двух великолепных верблюдов, которых отослали пастись на целый месяц в горы Шараголджи. Отъезд в Тибет был назначен на 19 августа.

28 июля к нам неожиданно присоединился полковник Н.В. Кордашевский, путешествующий по Гоби из Пекина и задержавшийся из-за неспокойного положения в Китае. До нас дошло известие, что он едет к нам, но никто не знал о его местонахождении. Наконец он добрался до нас и рассказал о своем длинном и опасном путешествии по Гоби и Кансу.

Вечером того же дня почти весь лагерь был снесен потоком воды. Несколькими днями раньше мы слышали странный шум в горах, и местные монголы сказали, что там идут сильные ливни. Вечером 28-го шум усилился, и пока мы успели сообразить, в чем дело, ручей превратился в мощный поток и обрушился на лагерь, унося с собой палатки и лагерное оборудование. Мы сидели в палатке госпожи Рерих, разговаривая с полковником Кордашевским, когда услышали громкие крики доктора: «Вода, вода». Потом последовал треск, как будто гроза разбила лагерь. Мы все выбежали наружу и увидели, что палатки кухни и столовой и моя уносятся потоком воды, а на месте берега скоро образовалось глубокое и широкое русло. Мы все бросились спасать палатки и провели почти два часа по пояс в воде, борясь со страшным потоком. Благодаря невозмутимости и усердию наших помощников, большая часть багажа и все три палатки были спасены. Много небольших вещей было унесено потоком, и они погрузились глубоко в песок.

Спустя три часа вода внезапно убыла, и ручей снова стал прежним, небольшим, но с грязной водой. Но ландшафт полностью изменился. Участки с зеленой травой перед лагерем, где недавно паслись наши лошади и мулы, были покрыты толстым слоем песка. Поток прорыл глубокий канал в песчаном склоне, и в долине образовалось несколько грязных озер. Река Шара-гол затопила долину и снесла много монгольских поселений, скота и овец. Монголы говорили, что не помнят подобного по силе наводнения. Многие из них потеряли все, что имели.

7 августа лагерь посетил главный цайдамский лама, или ширети. Он прибыл в сопровождении местной знати и одного чиновника от курлукского князя, который горел желанием познакомиться с нами. Он привез письмо от своего князя, в котором местный старшина предлагал нам свою помощь и верблюдов для путешествия в Тибет. Мы поблагодарили князя за его любезность и сообщили ему, что верблюды уже куплены.

9 августа в лагерь неожиданно приехал чиновник из Синина и сообщил нам о прибытии в Шараголджи официальных властей из Синина с большим эскортом. На следующий день мы увидели группу всадников, приближающихся к лагерю. Местные монголы сказали нам, что чиновник из Синина, тьунг-ших, хочет получить от нас большую сумму денег, а если мы откажемся заплатить, он попытается остановить экспедицию силой. Это, по-видимому, было результатом неверной информации, данной чиновникам некоторыми из уволенных помощников. Весь лагерь перестроился на военный лад. Мы решили разрешить въехать в лагерь только официальному представителю, его же люди должны были оставаться и ждать за пределами лагеря. С несколькими вооруженными людьми я занял позицию за пределами лагеря, чтобы остановить чиновника и его отряд. Флаг нашей экспедиции развевался над палаткой профессора Рериха, а Портнягин с винтовкой стоял на часах у флага. Профессор Рерих и остальные члены экспедиции собрались в палатке-столовой, где было намечено проводить переговоры. Остальной персонал каравана получил приказ постоянно перемещаться с винтовками по лагерю, создавая впечатление, что у нас большое количество вооруженных людей.

Прибывшему тьунг-шиху и его эскорту было вежливо, но твердо предложено сойти с лошадей. Солдаты должны были остаться за пределами лагеря, охраняемые несколькими нашими вооруженными людьми. Чиновник и его люди были ошарашены нашим твердым поведением и безоговорочно подчинились. Солдаты остались за лагерем, а тьунг-ших, сопровождаемый мною, прошел в лагерь, где был встречен профессором Рерихом и остальными членами экспедиции. Ему предложили сесть в палатке лицом к открытому входу, чтобы он мог видеть, что происходит снаружи. Всякий раз, когда он смотрел наружу, он видел группы наших людей, проходящих или едущих верхом на лошадях. Эти перемещения вооруженных людей длились в течение всего визита официального представителя. У него создалось впечатление, что у нас имеется на менее двухсот человек, и если он позовет на помощь своих солдат, то мы тоже достаточно сильны. Он проверил наши паспорта и нашел, что все в порядке. Во время длительной беседы чиновник расспрашивал нас о дальнейшем пути и под конец выдал нам удостоверение, разрешающее провозить багаж по территории, принадлежащей правителю Синина.

Южная граница Синина, или район Чьинг-хай, проходила в Джекундо, в Тибете, и тьунг-ших сопроводил нас своей бумагой и заверил, что она будет помогать на всей всей территории Джекундо. Мы должны были заплатить небольшую сумму в качестве пошлины

за верблюдов, и тьунг-ших покинул лагерь, заверив о своих лучших намерениях. Интересно отметить, как молва растет в Центральной Азии. Этот эпизод с официальным представителем Синина превратился в легенду, в которой рассказывалось, что китайская армия пришла в Шараголджи, чтобы захватить лагерь и что иностранцы отразили все атаки китайцев, которые даже понесли большие потери. Китайский торговец слышал эту историю в Махай, находящемся в пяти днях хода от Шараголджи.

За несколько дней до отправления произошло странное событие, взволновавшее всех наших монголов. Был прекрасный, вечер в широкой долине Шара-гол при заходящем солнце расстилался фиолетовый туман. Остроконечные вершины гор сверкали за рекой и создавали контраст темным теням долины. Это была типичная картина заката солнца в высокогорной части Центральной Азии, которая никогда не перестанет поражать путешественника богатством красок. Песчаная равнина перед лагерем лежала в безмолвии, и только монгольские стада двигались к своим селениям Вдруг вдалеке появился всадник. Он скакал быстро, и было видно, что его монгольская лошадь устала. Очевидно он ехал издалека. Он примчался в наш лагерь и попросил разрешения поговорить с руководителем экспедиции в палатке На вопросы дежурного часового он отказался отвечать, не назвал ни своего имени, ни намерений. Этот таинственный странник был молод, одет в роскошный шелковый халат, отороченный золотом и парчей. Никогда мы не видели человека так великолепно одетого. Казалось, он сошел со старинной тибетской картины, изображающей королевских жертвователей, приносящих дары Будде – льву среди людей. Одна такая картина имеется во Внутренней Азии. Человек этот мог бы быть и главарем разбойничьей банды, который приехал разведать о силах экспедиции. Его провели в палатку.

Как только он вошел, он начал быстро говорить. Казалось, он был очень подавлен. По его словам, наша дорога была полна опасностей: семьдесят хорошо вооруженных всадников стоят наготове, чтобы напасть на экспедицию в горах, к югу от Цайдамских болот. «Дальше в Элису-дабан дорога открыта для вас, – сказал этот человек, – но на перевале таится опасность», – и он беспокойно потряс головой. Он был уверен, что мы должны были устранить опасность. Затем он ушел, а мы не успели и заметить этого. Внезапное появление странного незнакомца вызвало переполох у наших монголов, но никто не знал, кто он и откуда приехал. И все-таки его предупреждение было серьезным, и требовалось принять меры предосторожности.

Несколько последних дней перед отправлением мы были заняты делами, которые надо было закончить. Мы наняли новых рабочих и увеличили охрану в связи с тем, что стали поступать беспокойные известия с китайско-тибетской границы, где шла междуплеменная война. Лошади и верблюды были в превосходной форме после нескольких недель полного отдыха на хороших пастбищах.

18 августа руководитель экспедиции совершил окончательный осмотр багажа и животных. Отправление было назначено на завтра на 6 часов утра.

К северо-востоку от Тибета протянулись обширные пустынные пространства. В этом изолированном районе летом очень жарко, а зимой холодно. Это место носит название Ца-дам, что означает «Соляные болота», более известное в Монголии, как Цайдам. Эти страшные соляные топи тянутся более чем на двести миль с запада на восток и расположены на высоте около 8000 футов над уровнем моря – безжизненная земля непроходимых соляных озер и бездонных соляных ям, опоясанных сыпучими песками и хребтами песчаных дюн. На западе она граничит с высоким пустынным плоскогорьем, называемым местными кочевниками Сертангом. На востоке она постепенно поднимается к плато Коко-нор. На севере и на юге ее естественные границы образуют бесплодные и разрушенные ветром горные хребты. На севере – мощная горная гряда, относящаяся к Нань Шаньской системе, на юге – горная страна постепенно поднимается к высокогорью северного Тибета. Растительность в долинах рек скудная. Остальной район – горные склоны, обширные лессы и щебнистые равнины с типичной пустынной флорой, свойственной Центральному Гоби. Эта непривлекательная страна со скудными пастбищами населена монгольскими племенами, кхошутами, которые заселили этот район в начале XVII века, когда отважный Богдо Гуши-хан (монгольское обозначение китайского титула куо-шин) ввел свои войска в Коко-нор и Лхасу и лишил трона последнего царя Цана, таким образом, установив священное владычество в Тибете.

Примерно в начале семнадцатого столетия большая конфедерация ойратских племен распалась на несколько частей и те покинули пастбища Джунгарии, севернее Тянь Шаньских гор. Часть из них под предводительством Кхо-орлока двинулись на запад. Другое племя ойратов, кхошуты, во главе с Туру-байху, сыном Ноян-Конкхора, двинулось на юго-восток и в 1637 г. покорило район возле Коко-нора. Этот Туру-байху был знаменитым Гуши-ханом – приверженцем тибетской «желтой веры». С этого времени монгольские племена укрепились на вновь завоеванных землях.

Административно Цайдам составляет часть района Коко-нор, или Чьинг-хай, который, согласно китайским данным о монгольских племенах, состоит из двадцати одного кхошутского знамени, причем, каждым управляет местный вождь. Сам Цайдам разделен на пять княжеств, или нутуков, в народе называемых Табун Цайдам, или «Пять Цайдамов»: Кукет-бейсе, Курлук-бейсе, Барун-дзасак, Дзун-дзасак и Теиджинер. Каждый нутук управляется князем, или дзассаком, который избирается из самых заслуженных членов племени, и только княжество Теиджинер с 1725 г. управляется лицом, выбираемым советом из тридцати трех самых выдающихся членов племени, или теиджи. Во время правления династии Манчу в Чьинг-хае правил специальный пограничный комиссар, у которого была официальная резиденция в Синине. Летом 1915 г. президент Юан-Ших кай передал управление Чьинг-хаем в Коко-норе мусульманскому генералу Синина, который распространил свою власть на весь этот большой район.

Власть Китая на таком большом отдалении – в Цайдаме и на прилегающих территориях – был в течение всего года чисто номинальной, и только летом в провинцию наведывался тьунг-ших из Синина и разрешал споры между племенами, а серьезные дела, такие, как убийства, разбирались в Синине. На самом деле, даже это проявление власти было простой видимостью, остатками прошлой китайской имперской политики. Этот тьунг-ших из Синина, несмотря на вверенную ему официальную власть, чаще всего почти не имел никакого авторитета среди монгольских племен, которые являлись основным объектом налогообложения. Мусульманский генерал Синина обычно оставлял эту ситуацию, как она есть, т.к. у него не было достаточной власти, чтобы поддержать свой авторитет

В 1926 г. в Шараголджи с тьунг-шихом из Синина, ежегодно приезжавшим к монголам курлукам в Шараголджи, обошлись очень грубо. Местный монгольский старшина, или дзангин, приказал ему покинуть этот район и отказался собирать подать. Переписка в резких словах, которая последовала за этим между властями Синина и князем Курлука, вылилась в то, что цайдамские племена стали фактически почти независимыми от Китая.

Живя рядом с тибетскими племенами, монголы переняли многие из их обычаев, одежду и даже язык. Настоящий монгольский тип – физически сильный – находим среди кхошутских монголов Курлука, которые сохранили свой родной язык и обычаи. На юге Цайдамских соляных болот в районе Теиджинера проживают монголы более хрупкого типа с тонкими чертами лица. Они появились как результат смешения типов жителей Амдо, панагов и кхошутов. В восточной части Цайдама вокруг Коко-нора монголы были постепенно покорены более сильными голоками и панагами, бесспорными хозяевами горнистой страны к югу от Коко-нора. Постоянное давление со стороны воинственных тибетских племен, их летние набеги, а также частые карательные экспедиции, предпринимаемые монголами в соседние горы, существенно повлияли на характер монголов и наложили отпечаток на духовную и повседневную жизнь кочевников. Одетые в свои полумонгольские-полутибетские одежды, отделанные мехом, остроконечные шапки панагов или тибетские тюрбаны, с тибетскими саблями и винтовками иностранных фирм цайдамские монголы охраняют свой скот даже от разбойничьих вторжений тибетских кочевников. Горные тропы к югу от Цайдама находятся под постоянным наблюдением дозорных, чтобы обеспечить безопасность на склонах и в горных ущельях.

Опасная зона простирается вдоль всей южной границы больших соляных болот, где идет бесконечная война племен, где люди спят в постоянном ожидании пронзительных криков тибетцев и где каждый живет в ощущении близкой опасности. Все указывает на постоянную готовность кочевников защищать свои владения: спутанные лошади, вооруженные пастухи и дозоры на горных дорогах.

Кхошуты Курлука – наиболее многочисленные и процветающие из всех пяти племен Цайдама. У них самые лучшие пастбища в высокогорных долинах Нань Шаня и прекрасные

пастбища вокруг соляных озер Икхе Цайдама, Бага Цайдама и Курлук-нора. К северо-западу курлукские монголы занимают обширные земли пустынной возвышенности Сертанг. Редких кочевников можно встретить в высокогорных речных долинах Шара-гола, Икхе Кхалтин-гола, Бага Кхалтина и Ичиги-йин-гола. На севере земли курлукских кочевников граничат с районами Шачоу, Аньси и Сучоу. В пограничной зоне между районом, находящимся под контролем Аньси, и землями монгольских племен, ведущей прямо к северу от оазиса Ших-пао-чьенг, находится место, где были обнаружены первые монголы-кхошуты.

На востоке территория граничит с пастбищными землями кукет-кхошутов. К югу от Курлука расположены соляные болота Цайдама, часто называемые местным населением «шала», что по-монгольски означает «ужасная пустыня», или «равнина, непригодная для скотоводства». К югу от болот лежат пастбищные земли монголов Теиджинера.

Управляет монголами Курлука наследный князь с китайским титулом бейсе (кит. пей-цзу) четвертой степени. Владения князя располагаются возле озера Курлук-нор. Вся территория, контролируемая им, разделена на несколько меньших территорий, каждой из которых управляет назначенный им старшина, или дзангин. По словам самих монголов, их насчитывается около тысячи семей, большая часть населения сконцентрирована вокруг озер Цайдам, Бага Цайдам, Курлук-нор и в основном оазисе Махай (кит. Ма-хаи, «пеньковые сандалии»).

Курлукские монголы обязаны платить ежегодно своему князю подать в десять мексиканских долларов с юрты и поставлять необходимое количество людей в армию. Кроме того, они обязаны поставлять вьючных животных и верховых лошадей как ему, так и государственным чиновникам, использующим животных на перевалочных станциях. Кочевникам трудно платить ежегодный налог, т.к. у них не хватает денег, и, чтобы рассчитаться с князем, они вынуждены продавать лошадей, верблюдов и овец по низким ценам. Китайские торговцы, которые обычно летом приезжают сюда, зная их нужду в деньгах, имеют большую выгоду, скупая скот и продукты у кочевников по смехотворным ценам. Монголы понимают свое безвыходное положение и потому ненавидят китайских правителей. Это было главной причиной монгольского восстания 1911 г., последовавшего вслед за провозглашением Китайской Республики.

Другая обязанность монголов перед князем – воинская служба для всех мужчин, способных носить оружие. Князь Курлука содержал конную милицию для защиты территории племени. Все мужчины, физически годные, с 16 лет и до 60, пастухи и ламы составляли резерв ополчения. Каждый год определенное количество мужчин призывалось на действительну службу. Люди обязаны были приводить своих собственных лошадей, приносить оружие и амуницию. Вооружение милиционера состояло из винтовки, сабли тибетского образца и длинного копья. Перевороты в последние годы в Китае и китайской Центральной Азии выбросили на китайский рынок огромное количество огнестрельного оружия, и пограничные кочевники не замедлили этим воспользоваться, чтобы как следует вооружиться. Теперь редко встретишь у монголов Цайдама мушкет с фитильным замком, с дальностью боя в несколько сот метров. Большинство мужчин носят магазинные винтовки русского, немецкого или японского образца, русские одностволки и австрийские карабины Маннлихер. Улучшение вооружения привело к увеличению числа убитых в племенных схватках.

Горцы Северо-Восточного Тибета стали более враждебными, и для войска мусульманского генерала Синина настали трудные времена на границе; все сложнее стало удерживать непокорные племена от набегов на плодородные возделанные земли на юге Синина. Современное вооружение еще не часто встречается среди Цайдамских монголов, хорошая винтовка иностранного образца ценится высоко, за нее предлагаются крупные суммы. Качество большинства оружия китайского производства неудовлетворительно.

Князь считается командующим войсками племени и называется Цериг-ин Джан-джун. Вся милиция делится на эскадроны, или суммуны, руководимые местными старшинами – дзангинами. Для поддержания порядка каждый старшина имеет заместителя – начальника милиции. Военная подготовка не проводится. Каждый год в июле бывает смотр ополчения, на котором оценивается искусство верховой езды и умение метко стрелять. Каждый эскадрон имеет свой флаг и красный треугольник, закрепленный на длинном флагштоке.

10 июля 1927 г., во время стоянки экспедиции на Шараголджи, мы стали свидетелями ежегодного летнего смотра местного ополчения, насчитывающего около трехсот всадников. Церемония началась с возведения огромной каменной пирамиды на вершине горы. После этого люди приступили к выполнению практических заданий в верховой езде и скачкам. Меткость стрельбы была очень высокой, т.к. многие были опытными охотниками. Качество верховой езды было гораздо хуже, т.к. большинство лошадей плохо тренированы и откормлены. День закончился праздником в палатке местного старшины и, как на всяких монгольских праздниках, здесь много пили.

Такая кавалеристская милиция не может иметь военного значения, пока его не станут обучать европейские инструкторы. Это основная территориальная сила, и весьма сомнительно, что мусульманский генерал в Синине включал в состав своих войск контингент монгольских кавалеристов. Общее число курлукских ополченцев при полной мобилизации может достичь пятисот, хотя такое количество вряд ли когда-либо выходило на поля сражений.

Монголы Курлука, как и все монголы Цайдама, в основном, занимаются скотоводством. Рогатый скот служит главной статьей экспорта; большое количество лошадей, верблюдов и овец ежегодно продается китайским торговцам. Цайдамская лошадь – обычно хорошо сложенное животное, ростом около метра двадцати сантиметров в холке; ее серьезный недостаток – слабые копыта. Выращенная на мягких соляных почвах Цайдама, она не приспособлена к длительным походам по твердым, каменистым тропам. Поэтому все путешественники по Тибету стараются приобрести тангутских лошадей или сининских пони, незаменимых на больших расстояниях. Лошади из Сертанга лучше приспособлены к каменистым дорогам. Верблюд из Цайдама, в сравнении с северомонгольским верблюдом, слабее, его грузоподъемность гораздо ниже. Но он имеет серьезное преимущество, так как хорошо переносит разреженный горный воздух и незаменим при перевозке торговых грузов северными караванными путями. Особенно хороши верблюды из горных районов Чьинг-хая. Цайдамский верблюд прошел с экспедицией Рериха весь Тибет и после десяти месяцев невероятных испытаний благополучно достиг Гантока в Сиккиме.

Овец в Монголии тоже много, но меньше, чем верблюдов. Овечья и верблюжья шерсть – наиболее важные статьи экспорта. Ежегодно европейскими фирмами в Тинцине, имеющими своих представителей в основных торговых центрах Кансу, закупается большое количество шерсти. А в летние месяцы представители фирмы ездят даже по монгольским стойбищам Цайдама. Китайцы получают огромные прибыли от торговли шерстью, выступая посредниками между европейскими фирмами Тинциня и монгольскими кочевниками. За каждый фунт верблюжьей шерсти они дают монголам фунт плохо промолотой муки, а во Внешней Монголии тот же фунт шерсти стоит семьдесят центов.

На территории Курлука ведется также незначительная торговля мехами и бурой. Главный рынок мехов Цайдама – Синин, но количество меховых шкур, ежегодно продаваемых на рынках Аньси и Сучоу, невелико. Лучшие меха поступают из горного района на юге Коко-нора. На рынках можно увидеть шкуры волков, медведей, лисиц, рысей и леопардов.

Основными торговыми центрами курлукских монголов являются Ань-си, Сучоу и Шачоу. Каждый год осенью около большого монастыря Кумбум открывается ярмарка, на которую стекаются сотни паломников и торговцев из Цайдама.

Монголы редко посещают Аньси и Сучоу. Торговлю ведут, в основном, китайцы, наезжающие летом на монгольскую территорию. Основные товары – мука, рис, китайские и европейские свечи, металлические изделия, дешевые ткани и китайские шелка, которые редко бывают высокого качества. Ведется также тайная торговля оружием и обмундированием. Китайские торговцы применяют в Цайдаме те же методы эксплуатации, что и большие китайские фирмы во Внешней Монголии, хотя здесь это проявляется в меньшей степени, поскольку нет больших фирм. Излюбленный метод китайцев – держать монгольское население постоянными должниками и получать ежегодный доход на торговле скота. Где бы ни предлагали их монгольским покупателям оплатить сделку, они старались всегда задержать уплату долга и продолжали интересоваться домашним скотом, чтобы продать его на больших базарах Кансу. Каждая торговая сделка заканчивается выпивкой. Пьяный монгол валяется в юрте, а китаец подсчитывает прибыль от своей выгодной

торговли. Бывало, не везло и китайцам, когда разъяренные монголы поджигают юрты с товарами, однако это случается очень редко, потому что китайские торговцы ведут свой бизнес очень тонко, заимствуя монгольскую одежду и привычки, делая подарки ламам и постоянно заговаривая им зубы. Они обычно платят небольшую сумму вождям племен и таким образом обеспечивают свою безопасность и защиту.

Земледелием здесь немного занимаются китайцы, которые арендуют землю у монголов, а иногда и сами монголы – возле озера Курлук-нор. Они арендуют землю у князя и должны за это платить ему каждый год определенную сумму, которую лично вручают ему во время ежегодного собрания, проводимого во владениях князя. В Теиджинере монголы занимаются земледелием гораздо больше, т.к. это место находится недалеко от большого земледельческого района Кансу. Основная культура в Цайдаме – ячмень.

Любимое занятие монголов Курлука – это охота, объектами которой являются куланы, пасущиеся на склонах гор, а также волки, медведи, лисицы и монгольские антилопы.

Некоторые из старшин, а также состоятельные монголы, имеющие огромные стада верблюдов, сдают внаем своих животных торговцам и паломникам, направляющимся в Лхасу или Кумбум. Монгольским паломникам, идущим из Аньси, приходится пересекать территорию Курлука и делать продолжительную остановку в ожидании больших монгольских караванов, обычно отправляющихся в Тибет в октябре. Караванный сезон открывается в сентябре, когда верблюды находятся в наилучшей форме. В последние годы число монгольских паломников значительно сократилось и дороги в Тибет почти пустынны.

Курлукские монголы живут в войлочных юртах, которые значительно меньше юрт монголов в Кхалка Монголии и покрыты войлоком худшего качества. Внутри таких юрт у стен свалены кучи тряпья, у стены напротив входа обычно стоит алтарь с чашей даров, перед статуэтками день и ночь горят светильники. Статуэтки накрыты хатыками, или священными шарфами. В юртах зажиточных монголов иногда можно обнаружить копии Канджура и Танджура, изданные в Дерге, которые лучше, чем тибетские, изготовленные в Нартанге. Статуэтки обычно привозят из Дерге или из Ву-тай Шаня в Шанси. Некоторые из них высокого качества.

Груды грязных овчин служат постелью всей семье. В богатых юртах пол устлан квадратными коврами из Тибета или Нинг-ся. У входа обычно можно найти кухонную утварь, сбивалки для приготовления чая с маслом и седла. Однажды я случайно видел только что народившихся ягнят, которые находились здесь же в юрте с семьей. Длинные шесты с молитвенными флагами, или лунг-та, воздвигаются около палаток, чтобы обеспечить благосостояние семье.

Монголы Курлука принадлежат к ламаистской секте желтошапочников (Гелуг-па) и каждую осень направляются в монастырь Кумбум, место рождения Дзон-капы, основателя секты желтошапочников в Тибете. Монастырь привлекает и как религиозный центр, и как место ежегодной большой ярмарки. Среди курлукских монголов много лам. Их легко можно узнать по бритым головам. Миряне носят косичку. Вопреки уставу ламаистской церкви, ламы все женаты и живут в своих семьях. Многие ламы, соблюдающие воздержание, уходят в монастырь Кумбум или другие монастыри этого кочевого района. Здесь обычно не бывает постоянных храмов, и службы проходят в монгольских войлочных юртах. Совсем недавно монастырь, находящийся возле владений курлук-норского князя, начал строительство нового ду-кханга, или зала собраний, и для этого были собраны взносы со всех сумунов. Эти взносы собирал главный лама Курлука, являющийся духовным советником князя. Обычно его называют ширету, или шире-лама, то есть «аббат». Монголы обычно платят ему за скот, дарят лошадей, овец и верблюдов. По завершению турне аббат возвращается в свой монастырь, оставляя подданных собирать деньги и присматривать за скотом, подаренным монастырю.

Цайдамские монголы уже строят постоянные сооружения. В оазисе Махай, в Икхе Цайдаме, и во владениях князя около Курлук-нора можно встретить кирпичные сооружения в обычном китайском стиле, которые служат складами для всех жителей. Некоторые богатые монголы строят себе дома, или байшины, но не живут в них, а продолжают селиться в юртах, установленных во дворе за домом. Выглядят эти дома довольно жалкими; сразу видно, что их владельцы переняли китайский образ жизни.

Национальная одежда цайдамских монголов напоминает одежду других монгольских племен. Есть что-то величественно-средневековое в облике монгола, скачущего или идущего по степи. Костюм состоит из рубахи с воротником красного, голубого или желтого цвета, редко белой. Ворот и рукава отделаны мехом. Штаны широкие голубые или коричневые китайско-монгольского стиля. Большой, тяжелый теплый халат, отделанный мехом леопарда или рыси – основная одежда. Летом – легкий халат, называемый кемелик, зимой – отделанный мехом. Голубой и красный цвета – наиболее любимые. Монгольские кожаные сапоги и несколько амулетниц га-у дополняют этот костюм. Излюбленный головной убор – белая фетровая шапка, край которой завернут вверх и отделан узкой полоской шелковой парчи. Мужчины всегда носят длинные тибетские сабли и кинжалы из Дерге, богато украшенные кораллами и бирюзой. Цайдамский монгол обожает оружие. Когда приходишь в юрту к другу, полагается оставлять оружие при входе.

Среди них редко встречаются хорошие ремесленники. Все работы обычно выполняют ремесленники из Китая или Амдо, которые живут среди монголов. Женщины, которые делают почти всю домашнюю работу и помогают мужчинам пасти скот, носят большие длинные халаты, отороченные мехом и подпоясанные широким монгольским кушаком. Любимый цвет у них – зеленый с кусочками красной материи, нашитыми на плечах. Курлукские женщины и дети носят остроконечные панагские шапки, отделанные мехом. Незамужние девушки заплетают свои волосы в несколько косичек, которые свисают у них со лба, а замужние женщины заплетают их в две длинные косы и покрываются черным шелком. Эти черные покрывала украшены бирюзой и монетами или другими небольшими украшениями, привезенными из Тибета. Обувь женщин такая же, как и у мужчин. Вокруг шеи они носят коралловые ожерелья с серебряными подвесками, купленные в Кумбуме. Большим спросом пользуются медные армейские пуговицы из Индии и военные британские шинели. Многие мужчины, которые отправляются в паломничество в Лхасу или Шигадзе, носят их.

Монголы очень редко поют, и песен у них немного, в основном, на свадьбах или празднествах по случаю Нового года. Темы песен очень бедные, и многие песни монголов – это импровизации по случаю. Это песни о лошади певца, о его семье и скоте. Много песен религиозного содержания, поучительного характера, в которых воспевается красота монастыря и мудрые слова бакши, или духовного учителя, также сетования монгола, едущего служить солдатом в отдаленные места.

Историческую балладу можно услышать очень редко. Мне посчастливилось записать фрагмент баллады о Богдо Гуши-хане, его юности и завоеваниях в Тибете. Баллада чисто описательна с недостатком действия.

Результаты наших лингвистических исследований курлук-монголов отражены в большом словаре дед-монгольской лексики и фразеологии, куда также включено несколько песен и баллад. Мы надеемся издать этот словарь в ближайшем будущем, сопроводив его руководством по фонетике дед-монгольского диалекта, куда включены некоторое количество дед-монгольских песен и баллад Диалект монголов Курлука напоминает диалект кхошутов, живущих на берегах озера Баграш, около Карашара в Китайском Туркестане, и сохранил многие формы монгольской письменности

Таковы курлукские монголы, с которыми мы познакомились во время нашего пребывания в Цайдаме в 1927г Поворотный момент в их истории приближается, монголы Цайдама больше не смотрят в сторону Лхасы, но на сосланного духовного правителя Цанга, который живет в настоящее время среди их северных соотечественников.

XIII

ЧЕРЕЗ ЦАЙДАМ

19 августа 1927. Этим утром я поднялся задолго до рассвета. Лагерь еще спал и тишину нарушали только размеренные шаги часового и жевание верблюдов, привязанных веревками к кольям. Из темноты появился большой силуэт одного из наших монголов, отвечающего за стадо лошадей и мулов. Он вел наших животных, силуэты которых представляли черную массу за лагерем. Часовой начал разводить костер, и на фоне колеблющегося пламени из палаток стали выползать плотные фигуры монголов. Лагерь быстро пробуждался к жизни, и повсюду замелькали люди, занятые складыванием палаток и груза. Рассвет осветил горизонт, и длинная вереница верблюдов начала движение к горам на юге долины. Передние верблюды несли свой обрядовый груз – шарфы и ящики с амулетами, которые должны были защищать их от бед на высоких перевалах Тибета. Тропа поднималась все выше и выше, и вскоре длинный песчаный уступ скрыл от нас долину. Мы вошли в песчаное ущелье, ведущее к перевалу Улан-дабан, и разбили лагерь на площадке, покрытой зеленой травой. К югу от лагеря поднимались фиолетовые скалистые вершины, которые дают название горному перевалу. Поздно вечером к нашему лагерю присоединилось несколько монголов-курлуков, державших путь в Махай. Таков местный обычай – путешествовать всегда с кем-нибудь, и монголы, которые присоединились к нам вечером, ехали верхом небольшой группой из четырех человек.

На следующий день наш лагерь снялся рано, и мы продолжали свой путь по горному ущелью. У подножия перевала виднелись развалины нескольких лачуг и остатки заброшенного золотого рудника. Высота перевала составляла 17000 футов, и подъем оказался нетрудным. Мы проделали его, не потеряв ни одного животного. С вершины нам открылась огромная панорама гор и скалистых утесов, покрытых то здесь то там снегом. Спуск был пологим и привел нас в широкую песчаную долину, покрытую скудной травой После долгого перехода по равнине, показавшегося нам бесконечным, мы достигли берега реки Икхэ Кхалтин-гол и пересекли одно из ее русел. Мы расположились лагерем на участке между двух русел реки, поверхность которого была покрыта камнями и гравием. Нам пришлось оставаться здесь весь день, потому что наши верблюды достигли лагеря только поздно вечером. Долина была окружена высокой стеной гор. К юго-востоку от нее находились обширные снежные области Чакелды Южный край был сформирован невысокими хребтами, известными под названием Урге-дабан-ула, сливавшимися с горами Чакха-дабан-ула. На юго-западе поднимался горный массив, который местные жители называют Цаган Оботу. Все эти хребты, окружающие долину с юга, относились к системе хребта Коко-нор.

На следующее утро мы выступили в путь около шести часов и переправились через реку в темноте. При переправе вода доходила до стремян, а дно реки оказалось илистым и топким. Переправившись через реку, мы направились по узкой тропе к каменистому ущелью, а оттуда подошли к перевалу Чакха-дабан. Спуск преодолевали по высохшему дну реки, загроможденному огромными камнями и пластами гравия. После семичасового перехода мы достигли долины реки Бага Кхалтин-гол, протекающей по живописной долине, окруженной горными хребтами из базальта и песчаника. Далеко на юге возвышались снежные вершины хребта Риттера, а на западе простирались волнистые песчаные холмы Сертанга.

23 августа мы переправились через реку и прошли через ряд песчаных холмов, покрытых скудным кустарником. За этой цепью песчаных холмов раскинулась обширная песчаная равнина, открытая на запад, а на востоке замкнутая горной цепью. Мы последовали по высохшему дну реки, которое поднималось к перевалу, расположенному в горах к югу от нас. Лагерь поставили на речной террасе около небольшого ручья, который питал реку в периоды летних дождей. Этот год был исключительно сухим, воды в реке не было.

Ночью термометр показывал -2°С, и ручей покрылся тонкой коркой льда. За лагерем тропа вела по тому же ущелью, которое, сужаясь, приближалось к перевалу. Подъем через перевал был легким. На вершине была сооружена пирамида из камней, и пейзаж был

наполнен специфической красотой. Повсюду поднимались высокие, отвесные, зубчатые склоны Внизу были голубые тени горной долины, еще не освещенной солнцем, а выше – пурпурные и красные цвета гранитных и песчаниковых скал, которые защищали долину. На вершине перевала мы встретили монгола кхалка, который часто бывал у нас в лагере в Шараголджи. Он возвращался из поездки по Курлук-нору и захотел пожелать нам успеха в долгом путешествии по Тибету. Спуск был коротким и привел нас в узкую горную долину, которая была усыпана валунами и гравием. По обеим сторонам долины возвышались разрушенные ветром скалы и так называемые «пористые камни». После двух часов езды долина расширилась, холмы отступили назад и наш путь пошел по песчаному пространству, покрытому кустарником кхармика. Мы остановились в месте Аршан-булак, расположенном в песчаниковом ущелье. Ручей струился к середине широкой реки. На карте русского Генерального штаба это место обозначено как «Му-булак», или «Плохой источник», но с 1904 г., когда Далай лама побывал у этого ручья во время своей поездки в Монголию, место стало известно под названием «Аршан-булак», или «Священный источник». Аршан-булак находился на высоте 12040 футов.

На следующий день мы отправились в путь рано, стремясь пораньше прибыть в Ичи, где была назначена встреча с тибетским правительственным торговым агентом, который задержался там из-за болезни и теперь решил присоединиться к нам.

Какое-то время тропа шла по ущелью, где протекал ручей, берущий начало в Аршан-булаке и впадающий в озеро Нор, расположенное примерно в шести милях к юго-западу от нашего маршрута. Путь дальше пошел по обширной равнине, покрытой густыми зарослями можжевельника и тамариска. К юго-востоку мы смогли разглядеть голубую поверхность озера Нор. На северо-востоке долины поднималась бесплодная гора Бом-йин-ула. Долина выходит к реке Ичигин-гол. Приближаясь к реке, которая имеет несколько русел, мы прошли по участкам с соленой почвой, но с хорошей травой, где расположилось несколько монгольских стойбищ. Основное русло реки идет к подножию горного хребта, называемого Ичигин-ула. Берега реки густо покрыты зарослями можжевельника. Как нам говорили, после дождей река несет много воды. Во время нашего пребывания она была обмелевшей.

Нирва (торговый агент) не приехал, и мы решили остаться на пару дней на берегах этой реки и купить несколько верблюдов. Интересно отметить, что местные монголы кхошуты, называющие себя дед-монголами, именуют район вокруг соленых озер Икхе-Цайдам и Бага Цайдам, Цайдамом. Район вокруг Курлук-нор известен под общим названием Гоби, согласно ее характеру соляной пустыни. Соляная пустыня Цайдам на наших картах отмечена под названием «Шала», или «Мертвая пустыня». Район Теиджи-нера обычно называется «Теиджинер», а название «Цайдам» редко применяется к нему.

Тибетский нирва прибыл 29 августа. Он сопровождался махайским тейджи, местным почетным гражданином Махайя, который привел с собой 5 прекрасных верблюдов и несколько лошадей для продажи. Мы были вынуждены купить пять верблюдов по высокой цене: по 80 мексиканских долларов за каждого (около 40 долларов США). Наш доктор осмотрел нирву и нашел у него остатки плеврита. Он был очень слаб и едва передвигался, но настаивал, чтобы разрешили ему присоединиться к нашему каравану. Он был уверен, что горный климат Тибета его оздоровит, и потому он сможет дойти с нами, по крайней мере, до Нагчу. Он рассказал нам, что заболел на пути в Ших-пао-чьенг и был оставлен своим караваном. Кое-как он постарался восстановить силы и, услышав о том, что наш караван направляется в Тибет, попросил разрешения присоединиться к нему. Вечером того же дня к нам приехал молодой узбек из Самарканда, скупающий шерсть для британской фирмы в Тяньцзине.

30 августа мы покинули Ичи. Переправившись через реку, мы пошли по обширной каменистой равнине, спускающейся к озеру Икхе-Цайдам, которое виднелось вдалеке. К югу от дороги возвышались горы Ичигин-йин-ула, незаметно переходящие в другую горную цепь, которую местные жители называют Джасотин-ула. К северу протянулся скалистый Цайдам-иин-ула, сложенный из базальта и гранита. После четырехчасового перехода мы достигли северо-западной окраины большого озера Икхэ-Цайдам, окруженного широким поясом снежно-белых соляных отложений. Вокруг озера простирались обширные засоленные земли с прекрасной растительностью, на которых пасли стада лошадей. Место, как нам сказали, принадлежит князю Курлука, который один имел право пасти лошадей и

рогатый скот на этих высокогорных пастбищах. Мы разбили лагерь рядом с источником пресной воды. На берегах озера имелось несколько таких источников. Высота северо-западной окрестности озера составляла 9500 футов, на несколько сот футов ниже Ичигин-гола.

Следующий переход был коротким. День обещал быть жарким, и мы рано сняли лагерь с тем, чтобы пройти путь в прохладные утренние часы. Наш путь проходил вдоль северной окраины озера. Почва была солончаковая и в некоторых местах болотистая. У источников с пресной водой располагались многочисленные монгольские стойбища. Пройдя примерно шесть миль, мы достигли нескольких грязных лачуг, названных «Цайдам-инбайшин», или «Торговый дом Цайдама». Это был административный центр озерного района. Деревня состояла из одноэтажного ду-кханга, или зала, в котором собирались монахи во время праздников, из нескольких складов, принадлежавших местным монголам, и двух-трех зданий, занимаемых китайскими торговцами из Синина. Здесь мы встретили своих старых знакомых: нирва (казначея) из Кумбумского монастыря, бывавшего однажды у нас на Шарголджи, и монгольского старшину из Икхэ-Цайдама, предложившего купить у него несколько верблюдов. Мы купили у него пару превосходных молодых верблюдов. Днем нас посетил монгольский гаше, или ученый-лама, возвращающийся из Лхасы в свой родной монастырь Дзайн Шаби в Кхалка Монголии. Он хвастался, что был близким другом Далай ламы, и продал нам недорого лошадь – за 40 мексиканских долларов. Из-за сильного ветра, несшего тучи песчаной пыли, оставшуюся часть дня мы вынуждены были оставаться в палатках.

На следующий день мы опять вышли рано, огибая берег озера. Путь сначала шел по широкой песчаной равнине, затем по песчаным дюнам, имеющим форму полумесяца, с обрывистыми западными склонами. Узкое горное ущелье привело нас к перевалу Бага-Цайдам-йин-кётёл высотой около 10000 футов. Перевал находится на горной гряде Бага-Цайдам-ин зумби-йин-ула, которая формирует водораздел бассейнов двух соленых озер. Спуск с перевала был пологим. На ночь мы расположились на берегу маленькой реки с топким дном, названной на русских картах Таталин-голом.

Недалеко от нашего лагеря находился каменный трон Далай ламы, проходившего здесь в 1904 г. Трон был воздвигнут преданными последователями, которые собрались в этом месте, чтобы встретить долгожданного правителя Тибета во время его поездки в Монголию.

Ночью часть наших лошадей напугали куланы, или дикие ослы, и те умчались в сторону Ихэ-Цайдам-ин-нора. Поиски вокруг Бага-Цайдама ни к чему не привели, и двое наших торгутов поехали к Икхэ-Цайдаму. Караван выполнил только небольшой переход и снова остановился на юго-западном берегу озера. Рядом с лагерем мы обнаружили источник пресной воды. Убежавших лошадей вернули в лагерь только после полудня и в таком истощенном виде, что мы решили остаться еще на день около озера, послав караван верблюдов вперед, чтобы вовремя пересечь соляную пустыню Центрального Цайдама. Из-за отсутствия пресной воды на пути лошади и мулы могли бы перекрыть расстояние только одним безостановочным переходом. Остановка на ночлег означала бы потерю большинства животных, сильно страдавших от соляной пыли. Верблюды выдерживают такие переходы лучше, так как могут обходиться без воды до трех дней.

У Бага-Цайдама к нам присоединились двое корчинских лам, которые шли из Сертанга в Лхасу, чтобы принять участие в мон-лам-чен-по – собрании по поводу празднования Нового года. Они попросили разрешения присоединиться к нашему каравану, потому что боялись бандитов. Мы не возражали, но при условии, что они будут выполнять некоторую работу в лагере и помогать в погрузке верблюдов. У них было шесть хороших лошадей, четыре из которых они продали экспедиции.

4 сентября мы вошли в соляную пустыню Цайдам. Нас должны были сопровождать двое местных проводников до Теиджинера, расположенного на южной стороне этой очень опасной соляной пустыни. Эти люди хорошо знали дорогу и, особенно, опасные места у озера Дабасун-нор, которое лежало в центральной части пустыни.

Утро было прохладное, и мы насладились ездой по берегу озера Бага Цайдам и синей поверхностью вод, сверкающей в лучах утреннего солнца. На берегах озера водилось множество водоплавающих птиц, и воздух наполнялся их пронзительными криками. Тропа привела нас к горам Карголжи-йин-ула – зубчатой стене скал. Пройдя через узкое ущелье,

загроможденное огромными камнями и осыпями от соседних скал, мы вышли на обширную каменистую равнину. На юге в знойном мареве дремала соляная пустыня. К западу простирались низкие песчаные гребни. В течение трех часов мы шли по раскаленной каменистой равнине. Свет был настолько интенсивным, что мы едва могли смотреть на сверкающую белую тропу.

Около полудня мы остановились около ручья пресной воды, текущего из ущелья гор Карголжи-иин-ула. Здесь мы пробыли до заката солнца с тем, чтобы начать движение через соляную пустыню прохладным вечером и продолжить его в течение ночи.

Наши верблюды ушли днем раньше, и мы теперь продвигались только легкой колонной из лошадей и мулов, несущих лагерное снаряжение и продовольствие. В наш временный лагерь пришли из пустыни два монгола из Теиджинера. Их костюмы с красными тюрбанами были такими же, что и у курлукских монголов, но черты лица обоих мужчин были совсем другими и напоминали кочевников Северо-Восточного Тибета. Они сообщили нам плохие новости: ручей с пресной водой в Олун-булаке на противоположной стороне пустыни пересох, и нам придется идти до Коко-Арала, расположенного гораздо дальше, на территории теиджинерских монголов. Они были очень встревожены недавними конфликтами на китайско-тибетской границе и рассказывали о подробностях стычки, которая произошла две недели тому назад.

В пять часов дня был дан сигнал отправления и все стали седлать своих лошадей. Пять часов мы шли по каменистой пустыне, спускающейся к югу. На западе пылал темно-красный закат, а на востке небо было погружено в холодную фиолетовую мглу. К одиннадцати часам мы добрались до цепи песчаных дюн. Лошади бесшумно ступали по мягкой почве пустыни. Ни звука! Только луна светила над фантастическим ландшафтом пустыни с темными силуэтами всадников, вытянувшихся в одну длинную вереницу. К югу от нас соляная пустыня Цайдама сияла специфическим безжизненным светом. Невозможно описать словами этот заброшенный район Азии. Это был утомительный переход. Узкая тропа петляла по огромным скоплениям соляных отложений с бездонными колодцами между ними. Один неосторожный шаг лошади – и седок будет сброшен в одну из этих многочисленных ям вдоль тропы. К юго-западу находилось озеро Дабасун-нор – недоступное пространство соленой воды, окруженное солеными болотами. В четыре часа утра мы достигли южного края топей, и здесь почва стала твердой. И люди и животные были полностью истощены, и мы решили сделать короткий привал. Лошадям и мулам дали несколько глотков воды из фляг, чтобы им стало немного легче. В течение нескольких часов мы отдыхали у костра.

С восходом солнца мы снова были в пути. К югу возвышались горы Нейжи-Андак – северная опора нагорий Тибета. День обещал быть очень жарким, и наши измученные животные едва передвигали ноги. Но нам предстояло пройти значительное расстояние. Около полудня мы решили остановиться среди зарослей можжевельника. У госпожи Рерих снова был небольшой сердечный приступ, который всегда случается в жаркое время. Наш полковник продолжал путь, надеясь нагнать караван верблюдов, который, вероятно, был где-то к югу от нас. В 6 часов вечера мы возобновили движение. Пейзаж изменился, и мы ехали среди густых зарослей можжевельника. Прекрасные пастбища покрывали солончаки. Стемнело так внезапно, что мы едва не потеряли направление. Наше внимание привлекли три огня над землей, но мы не могли понять, чьи они. Возможно, это было монгольское стойбище? Внезапно мы увидели появившуюся из темноты высокую фигуру нашего полковника. Он развел эти костры, чтобы вывести нас на лагерь, который расположился на берегу маленькой речушки Джал-цен-гол. Мы решили остаться в лагере на следующий день и дать нашим животным хороший отдых.

6 сентября мы были в оазисе Коко-арал. Мужчинам были розданы дополнительные патроны. Теперь мы должны были следить за грабителями, которыми кишит граница Цайдама и Тибетских высокогорий. Постоянная опасность, в которой жили пограничные племена, здесь была очевидной. Монголы разъезжали группами по семь или десять хорошо вооруженных человек и внимательно следили за тропами со стороны гор. Лошади были стреножены и держались около лагеря. Мы организовали дозор для разведки местности и дороги на 2-3 мили впереди основной колонны каравана. Его задачей было занимать важные стратегические пункты и оттуда вести разведку. Также была обеспечена охрана тыла.

Тибетские грабители имеют обыкновение одновременно нападать с головы и с тыла колонны.

7 сентября мы сняли лагерь и продолжали путь по покрытым травой солончакам. Переправились через Буре-йин-гол, приток Нейджи-гола, и пошли левым берегом реки. Террасы Буре-йин-гола поднимались на высоту 60 футов. Хорошие пастбища и густые заросли камыша и можжевельника покрывали берега реки. Река была мелкой и не более 5-6 метров шириной. Очевидно, она обмелела из-за того, что берега были заняты под пастбища.

Монгольских стойбищ было много, но мы заметили, что некоторые семьи жили в обычных май-ханах, или палатках. Это были беженцы из долины Нейжи, которые были вынуждены покинуть свои пастбища и убежать с парой лошадей. Мы слышали несколько версий о нападении голоков на теиджинерских монголов. По одной из них группа теиджинерских монголов в прошлом году отправилась паломниками в Кумбум и по пути украла несколько овец у голоков. Голоки выследили воров, и их банда напала на монгольские стойбища в долине Нейжи. Во время схватки было убито несколько монголов и голоков и угнано много голов рогатого скота. Это было началом новой племенной войны. Монголы вынуждены были уйти из долины Нейжи, но голоки напали на них даже в Теиджинере, расположенном у подножья гор Нейджи.

Всего за месяц до нашего появления, во время собрания монгольских племен, голоки совершили новое нападение в Нейджи и добрались даже до Буре-йин-гола. Монгольского правителя в Теиджинере патруль оповестил о голокских бандах в долине. Монгольской милиции было приказано бороться с захватчиками. Монголы превосходили в количестве, но голоки оказывали яростное сопротивление, и во время боя трое монголов потеряли жизнь. Голоки потеряли шесть человек и несколько лошадей. Мертвые тела все еще лежали около тропы, и местные монголы задержали карательную экспедицию голоков.

Голоки – источник постоянного беспокойства для Синина и цайдамских монголов. Название «Голок» имеет две интерпретации: одно «мГо-лог» в буквальном переводе означает «повернутые головы», второе «нГо-лог» означает «мятежники». Голоки представляют собой неоднородную этническую группу. По их собственному признанию, они состоят из панагов, ньяронгов, кхампов, беженцев из Амдо, тибетцев и даже монголов. Все недовольные и преступники, которые находили трудной жизнь на территории Китая или Тибета, бежали в горный район вокруг заснеженного Амнемачина и в верховье Хуанхэ. Здесь они растворились в местных горных племенах, и сформировался страшный союз племен голоков. Голоки не признавали ни сининского амбаня, ни правительства Лхасы. Позднее тибетское правительство вынуждено было принять строгие меры, чтобы умерить племена голоков, и так называемые сТод-кьи мГо-лог признали власть тибетского правительства, но «нижние голоки» или сМад-кьи мГо-лог остались независимыми и продолжают оказывать яростное сопротивление мусульманской кавалерии генерала Ма. Мусульманский генерал Синина был вынужден послать несколько карательных экспедиций и расставить усиленные войска на границе с голоками. «Нижние голоки», неспособные продолжать свои нападения на границе с Сининым, повернули на запад, и их вооруженные банды появились между горами Дунгбудра и долиной Нейжи.

Мы расположились лагерем на берегу Буре-йин-гола. Нас навестили монголы, возвращающиеся из Лхасы, и сообщили, что тибетские заставы находятся к югу от гор Дунгбудра. Я отправился на разведку и обнаружил, что местность покрыта густыми зарослями можжевельника и все подступы к лагерю были закрыты ими.

На следующий день мы совершили короткий переход в семь миль вдоль Буре-йин-гола. Тропа шла вдоль берега реки и иногда поднималась на речные террасы. Мы миновали несколько ячменных полей, возделываемых теиджинерскими монголами. Там встретили несколько монгольских женщин и мужчин с лопатами верхом на лошадях. Мы разбили лагерь на берегу той же реки, которая вдруг стала широкой, а ее русло проходило по каньону, похожему на долину.

9 сентября мы снялись часам к 6 вечера, чтобы пройти надоевшую пустыню, протянувшуюся между оазисом Буре-йин-гола и горами Нейджи-Андак. Путь проходил по дну пересохшей реки, а затем по невысокой речной террасе, и вскоре мы вышли на песчаную равнину, называемую местными монголами «Глен-шала». Мы пересекли равнину в юго-юго-западном направлении и после двухчасовой езды подошли к реке Нейджи, текущей среди

террас, которые возвышались до семидесяти футов. Наш караван верблюдов, выступивший двумя часами раньше, возможно, следовал по другому пути, находящемуся на западе от нас. Внезапно вдалеке в темноте мы заметили несколько костров. Это не мог быть наш караван, который шел впереди нас и приближался к ущелью Нейджи. Портнягин и я поехали на разведку к кострам и, к нашему удивлению, обнаружили, что, действительно, это был наш караван верблюдов, который расположился на ночь, опасаясь бандитов. Монгол проводник отказался идти дальше. Мы распорядились людям навьючить верблюдов и немедленно продолжать путь. Проводник очень отказывался и заявил, что он поведет караван только при одном условии, что кто-то еще и я будем ехать впереди каравана и предупреждать об опасности. Полковник и я поехали впереди каравана, внимательно осматривая ближайшие холмы. Мы проехали мимо трех тел монголов и двух коней. У одного из них была большая сабельная рана на голове, а двое других умерли от пуль. У одной лошади был разрублен бок, другая была застрелена в голову. С людей была сорвана одежда, и грабители выкололи им глаза. Зрелище было ужасное, и наши монголы были удручены, за исключением торгутов, которые хладнокровно рассматривали тела и заметили, что каждый нашел свою смерть. Нам сообщили, что впереди лежат тела шести голоков, и я особенно хотел их посмотреть, чтобы установить, к какому племени они принадлежат. Но наш поиск не дал результата. Было темно и, возможно, голоки забрали мертвых, согласно традиции. Песчаная поверхность равнины все еще носила следы жестокого боя, на земле было много следов от копыт скачущих лошадей. Осмотрев эти следы, каждый мог легко описать этот бой. Голоки спрятались за небольшими холмами и оттуда напали на приблизившуюся монгольскую милицию. Последовала атака, и трое монголов, тела которых мы видели, были убиты. Затем милиция атаковала голоков на вершине холма, где произошла короткая кавалерийская схватка, после которой голоки ускакали в горы, а монгольская милиция преследовала их.

После пересечения песчаной равнины мы вошли в ущелье Нейджи. Река Нейджи текла в глубоком каньоне с высокими террасами. Мы остановились в час дня в узкой долине, называемой Цайган-удзур. Транспортные мулы нагнали нас, но было слишком поздно ставить палатки. Мы провели ночь под открытым небом. Ночь была отвратительной, а к утру заморосил дождь. В полумиле от лагеря отдыхал наш караван верблюдов. Тибетский нирва внезапно почувствовал себя хуже, и ответственный за караван подумал, что лучше на ночь остановиться и сообщить об этом нам. На следующее утро мы снова отправились в путь, утомленные почти бессонной ночью. Мы шли путем, по которому прошел Н.М.Пржевальский во время своей третьей центральноазиатской экспедиции, В.В. Рокхилл в 1891-1892 гг. и Г Ц. Цыбиков в 1899 г. Спустившись с перевала Кано (12900 футов), мы преодолели ряд песчаных гребней, спускавшихся к реке. Местность была абсолютно лишена растительности. После трех миль пути мы достигли реки Нейджи, протекающей между высоких, почти вертикальных берегов. Окружающие горы были покрыты пеленой тумана после снежного шторма, который бушевал накануне. Путь снова уходил от Нейджи-гола и шел через высокое песчаное плато. Около одиннадцати часов дня мы достигли места, названного Шугу-ерге, расположенного на Шуге-йин-голе. Отсюда тропа вела некоторое время вдоль Шуге-йин-гола и здесь, на берегу реки, мы сделали небольшой привал.

Во время нашего перехода Шуге-йин-гол была полноводной. Она стекала с гор Шуге-йин-ула, возвышающихся к юго-востоку от долин Нейджи. По течению реки проходит и дорога на Синин, которой часто пользуются банды панагов и голоков. От Шуге-йин-гола мы прошли вниз по песчаному отрогу с огромным количеством камней, которые завалили реку, и потом снова спустились в долину реки Нейджи. Мы встали лагерем на травянистой площадке с несколькими ивами, названной Сайн-тохой или Ногон-тохой (Цаган-тохой у Пржевальского и Рокхилла). Это место оказалось излюбленной стоянкой для караванов, о чем свидетельствовало множество кострищ и кучи верблюжьего и ячьего навоза.

Монгол-проводник предупредил нас о необходимости усиленного ночного дежурства, и я провел всю ночь на речной террасе, не спуская глаз с тропы, идущей от долины Шуга. Также была поставлена усиленная охрана около лошадей и мулов. Верблюдов обычно привязывали к кольям. Голоки почти никогда не крадут верблюдов, потому что с ними трудно уйти, и обычно угоняют лошадей и мулов. Хорошая защита от воров – отрезанные хвосты у лошадей. У кочевников Центральной Азии считается позором ездить на лошади с коротким хвостом. Я знаю случай в Монголии, когда банда конокрадов напала на табун,

принадлежащий русскому купцу. Самые лучшие лошади были с обрезанными хвостами, потому конокрады их не тронули, зато угнали всех лошадей с длинными хвостами и гривами.

11 сентября мы выступили рано, перейдя вброд реку. На противоположном берегу тропа поднялась на крутые утесы и вышла на широкое песчаное плато, в котором река прорезала глубокий и узкий каньон. Низкий каменистый отрог, подступающий к реке, известен под названием Коко-тоно (11910 футов) и был описан Цыбиковым и Рокхиллом как очень трудная часть дороги. Несколько лет назад к прибытию высокого ламы, проезжавшего в Цайдам, этот путь был значительно улучшен. Местные монголы пытались перекинуть через реку мост, чтобы сократить путь, но из этого ничего не вышло: работа вскоре была заброшена из-за того, что не хватило строительных материалов. Мы видели сваленные деревья, разбросанные по берегу.

Пройдя утесы отрога Коко-тоно, мы преодолели ряд низких песчаных гребней и спустились к реке Нейджи, которая теперь протекала по широкой однообразной низменной долине. После перехода в пятнадцать миль мы остановились для отдыха в месте, названном Буду-тохой – широком участке земли, покрытом травой и густыми ивовыми зарослями.

Приближаясь к этому месту, г-жа Рерих неожиданно заметила в зарослях несколько верблюдов и людей. Полковник и я отправились сразу же на разведку окрестности. Мы ожидали встретить паломников или пастухов. К нашему удивлению, в ивняке никого не было, но нам удалось обнаружить затоптанные костры, оставленные несколько часов назад. Кто были эти люди? Путешественники или пастухи, или может быть разбойники, выслеживающие нас? Мы прочесали берег реки и ивовые заросли, но все безрезультатно. У берега реки мы обнаружили свежие следы лошадиных копыт. Лошади не были подкованы; и всадники, по-видимому, переходили реку вброд. Мы решили удвоить на ночь караульных и составили план обороны нашего лагеря на случай ночного нападения. К вечеру другая группа наших людей обследовала ближайшие окрестности, но вернулась ни с чем.

Наш следующий переход был в Нейджи-Андак. Путь проходил вдоль берега реки на протяжении нескольких миль, затем вышли на открытое обширное каменистое пространство. Рядом с долиной мы неожиданно увидели пару диких яков. Казалось, прекрасная возможность попытать счастье, и мы решили воспользоваться случаем. Все были верхом на лошадях, а несколько наших монголов были опытными охотниками. Животные спокойно паслись и не замечали наших всадников, которые стали окружать их широким кругом. Когда круг замкнулся, двое лучших наших стрелков подъехали к якам, прицелились и одновременно выстрелили. Один из яков был ранен и упал на колени, но тут же вскочил и пригнул свои страшные рога. Мгновение замешательства – и оба животных кинулись на охотников. Всадники быстро уклонились от них. Яки бежали на меня. Расстояние было около сотни ярдов, и я выстрелил. Одно из животных упало, а другое понеслось в сторону гор. Я подумал, что животное мертво, и медленно подъехал к нему. К моему большому удивлению, раненный як вскочил и стал быстро удаляться. С необъяснимым проворством дважды раненный як стал взбираться на горы и вскоре исчез из виду. За яком тянулся кровавый след, кровь была и на скале. Охотники нередко преследуют раненых животных сутками, прежде чем удастся добить их или найти их мертвыми.

Около нашей стоянки мы опять обнаружили следы от костров, оставленные несколько часов назад. Очевидно, кто-то двигался впереди нас. Навоза вблизи не оказалось, следовательно, это был не караван. Возможно, это была небольшая группа из двух или трех человек, следивших за нашим передвижением. Мы снова усилили охрану и приняли все меры предосторожности на случай внезапного ночного нападения.

13 сентября произошло ожидаемое столкновение. День был пасмурный, над горами нависли тяжелые серые тучи. Караванная тропа шла по правому берегу реки Нейджи. Среди громоздящихся облаков и тумана нам открывался вид на снежные вершины и ледники горной цепи Марко Поло, белевшие вдали. В этот день экспедиция двигалась в обычном режиме. Впереди колонны ехал небольшой авангард с европейским командованием, затем – руководитель экспедиции с остальными членами, европейцами, и несколько монголов конвоя, затем – мулы с легкой поклажей и ящиками военного снаряжения, а на некотором расстоянии от мулов – караван верблюдов с тяжелым грузом. Колонну верблюдов охраняли несколько вооруженных всадников во главе с одним из европейцев. Но как только мы

достигли северного склона перевала Элису-дабан, места, о котором нам говорил таинственный лама в Шараголджи, мы внезапно заметили отряд всадников, скачущих наперерез нам через плато слева от нашего пути. Кто они? Пытаются ли они обойти нас? Много вопросов пронеслось в голове, но раздумывать было некогда. Всадники мчались в нашем направлении на большой скорости, и сухая земля плоскогорья гудела под копытами лошадей. Все они были вооружены винтовками и саблями, а у некоторых были пики. Наш монгольский проводник, бледный, широко размахивая руками, бросился к реке. Его последние слова были: «Аранган, аранган!» – «Грабители!» Он был единственным, кто струсил и покинул свой пост; остальные мужчины проявили необычайную выдержку. Схватка казалась неизбежной. Руководитель экспедиции приказал нам занять огневую позицию на гребне холма. Авангард, который прикрыл маневром остальную колонну, был отозван к основной силе. Каждый занял свою позицию. Слышалось щелкание затворов винтовок. На нашем левом фланге наши конные торгуты подготавливали обход врага с фланга. Громкие команды раздались в воздухе. Наступил момент, когда все внутренние силы человека напряглись до предела «Стрелять с трехсот ярдов!» – кричал наш полковник, командуя вооруженным отрядом экспедиции, и каждый был готов нажать курок по сигналу. Но вражеские всадники заметили это и дрогнули. Несколько мгновений, и они остановились и сгрудились. Мы видели сабли, вдетые в ножны. Несколько из них спешились и стали совещаться. Наши решительные действия показали разбойникам, что они имеют дело с хорошо вооруженным караваном, и атака кавалерии на открытой местности приведет к значительным потерям с их стороны. Они остановились и послали людей на переговоры. Мы продвинулись вперед, и в качестве предупредительной меры наши всадники окружили отряд бандитов. Никогда прежде мы не видели такие жестокие и зверские лица. Большинство бандитов были молодыми людьми, вооруженными саблями и современными винтовками. Старый человек с седой бородой был главарем банды. Они признали свои намерения. Превосходство нашего огнестрельного оружия заставило их изменить свое решение.

После коротких переговоров мы продолжили путь. Один из наших людей узнал из разговора с бандитом, что у них на следующий день ожидается большое подкрепление. Это требовало дальнейших предосторожностей с нашей стороны. Лагерь на ночь был укреплен траншеями, и часовые, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками охраняли животных каравана и лагерь. Но панаги не вернулись, и ночь прошла спокойно.

Недавние политические перевороты в Китае и Центральной Азии выбросили огромное количество разного рода огнестрельного оружия на китайский рынок, и племена на китайско-тибетской границе не замедлили воспользоваться этой возможностью, чтобы вооружиться. Путешественник или исследователь в Центральной Азии встречается лицом к лицу с хорошо вооруженными бандитами, готовыми дать бой. Мы часто задавали себе вопрос: кто был тот таинственный незнакомец, предупредивший нас о будущей опасности? Благодаря ему мы были способны принять необходимые предосторожности и пересечь опасную территорию без кровопролития.

На следующий день мы поднялись рано, но неожиданно задержались из-за пропажи ночью двух самых лучших верблюдов. Наши монголы были уверены, что животных украли бандиты, и мы должны были провести разведку по их следам, которые вели в горы. Трое отправились на поиски, а остальные ждали в лагере. Через полчаса после их отъезда мы услышали два выстрела, один за другим. Что это было? Мы уже были готовы послать отряд, чтобы узнать причину случившегося, когда заметили одного из наших монголов, показавшегося из-за холмов и гнавшего двух отбившихся верблюдов. За ним следовали двое других. Они имели дело с несколькими грабителями среди холмов и стреляли, чтобы напугать их.

Мы приняли все необходимые меры предосторожности в этом переходе к перевалу Нейджи. Наши разведчики заняли самые важные пункты вдоль дороги, и отряд прикрывал караван с флангов. Подъем был особенно труден для верблюдов: очень крутой и во многих местах покрытый тонкой коркой льда и скользким снегом. Животные скользили и падали снова и снова, и мы их перезагружали. Подъем занял целых четыре часа и полностью истощил всех.

Около вершины одна из наших разведывательных групп наткнулась на небольшой отряд вчерашних разбойников, которые снова шпионили за нами и находились на южной стороне перевала. Они без труда были рассеяны, и караван продолжил свой путь.

Во время спуска с перевала буран закрыл местность плотным слоем снега, и мы с трудом могли видеть перед собой. Потому вынуждены были остановиться на ночь на берегу крошечного источника. Лагерь этот был унылым. У животных не было пищи, и они стояли понурив головы. Люди ссорились между собой, и многие были угнетены. К югу от нас возвышался величественный хребет Марко Поло (Ангар Дакчин) – масса глетчеров и снежных пиков, возвышающихся на большой высоте на унылом фоне бурного неба. Ветер ревел в темной долине, в которой паслись дикие яки. Охота на этих пасущихся животных очень опасна. По сигналу вожака эта масса черных мохнатых животных бросается на охотников. Тибетцы редко охотятся на пасущихся яков. Поэтому они либо преследуют отбившихся животных, либо стреляют, когда стадо находится в движении. Их жертвой становятся последние животные, в которых они осторожно стреляют, когда стадо идет вперед. Раненый як не знает преград. Он будет преследовать охотника, вслед за ним подниматься по крутым скалам или гоняться по равнине, часто настигая лошадь. Скорость, которую дикий як развивает, замечательна, и опытные охотники говорят, что трудно уйти от него на открытой местности. Нашим торгутам удалось подстрелить огромного быка, пополнив таким образом запасы мяса экспедиции.

Охрана принесла новость, что обнаружен отряд верховых панагов в окрестностях лагеря. Им показалось, что грабители готовились к ночному нападению. Была моя очередь охранять лагерь ночью и подавать сигнал тревоги в случае опасности. В десятом часу вечера один из хоршинских лам пригласил меня в свою палатку посмотреть на его товарища, который как-то странно спал, согнувшись и не отвечал на оклики. Я тут же пошел туда и сразу понял, что он мертв. Врач, которого мы позвали, констатировал смерть. Лама умер от сердечной недостаточности. Ночь прошла тихо, тишину нарушали только монахи, которые читали молитвы над покойником.

Чтобы согреться, я пытался ходить вокруг лагеря. Мокрый снег хлестал по лицу и забивал глаза. Вдруг ко мне подбежал один из часовых и сообщил, что к нам ползет группа людей. Мы поспешили к речушке и увидели на другом берегу темные пятна, медленно продвигающиеся к нам Они были точно похожими на людей, ползущих по снегу Монгольские часовые были уже готовы стрелять, и было трудно остановить их Чтобы выяснить, кто это был, я решил выпустить двух собак Собаки были вскоре приведены и посланы к перемещающимся черным пятнам Громко лая, они помчались через поток, а черные пятна вдруг пустились бежать Ими оказались медведи, шедшие к реке напиться Утром мы задержались из-за похорон ламы Его тело было положено на лошадь и отвезено на вершину холма и там завернуто в войлок, который был постелью покойного. Монголы, очень подавленные смертью ламы, втайне решили сбежать. Их заговор был раскрыт, и мы долго их убеждали, указав на то, что рассматриваем это как недружественное действие с их стороны, и что мы обязаны принять строгие меры, чтобы защитить свои интересы. К полудню ситуация изменилась к лучшему и монголы начали навьючивать верблюдов

Примерно в два часа мы покинули печальный лагерь и пошли по широкой каменистой равнине, отделяющей нас от хребта Ангар Дакчин. Горный перевал Ангар Дакчин (15300 футов) преодолели без затруднений. Снега здесь не было, а спуск был пологим. К югу лежали бесконечные гряды песчаных холмов – типичный пейзаж тибетского высокогорья. Мы стали лагерем на ночь у подножия невысокого хребта. Место это было известно под названием Мугчи. Это была первая ночь на тибетском плоскогорье, и напряженная тишина окружающих гор, казалось, усиливала величественность этой самой высокой пустыни на нашей планете.

XIV

ВЕЛИКОЕ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

Требовался двадцать один день, чтобы пройти унылое, негостеприимное нагорье Тибета. Широкие равнины плоскогорья, расположенные на высоте примерно пятнадцати-шестнадцати тысяч футов, простирающиеся к югу от Куньлуня и к северу от Трансгималаев, называются по-тибетски «Чантанг», или «северная равнина». Это страна экстремального климата, палящего солнца в редкие солнечные дни лета с резко холодными ночами. Ураганные ветры и большие колебания температуры способствовали формированию рельефа. Когда-то высоко поднятая страна, пересеченная горными хребтами, Тибетское нагорье сейчас представляет область выветренных горных цепей и широких межгорных равнин, места пребывания стад диких яков.

Наша первая ночь на Тибетском нагорье прошла в полной тишине, каждый отдыхал после предыдущих напряженных дней. Тишина была нарушаема лишь стонами страдающего нирва, примкнувшего к экспедиции. «Аро, аро, аро!» («Друг, друг, друг!») – слышались его печальные жалобы. Ночью у него был сильный сердечный приступ, и было чудом, что он выжил и утром мог продолжить путь. Наш доктор старался облегчить страдания, но каждый шаг верблюда причинял ему боль.

Путь следовал долиной, защищенной грядой низких холмов. Маленькая речка, названная нашими монгольскими проводниками Ангар Дакчин-гол, текла через долину. После длительного перехода через песчаную равнину мы разбили лагерь на берегу озера с пресной водой, питаемого летними дождями. Несколько людей, которые отправлялись в окрестности на поиски топлива, сообщили, что видели всадников у соседних холмов. Это означало, что мы снова должны будем охранять себя и быть особенно бдительными ночью. Но эта ночь была тихой и безветренной, и мы проснулись следующим утром, увидев лагерь и окрестности под снегом. Тяжелые серые облака нависли над горизонтом, и воздух был сырым и холодным. Похоже, что снегопады начались в этом году рано. Покинув лагерь, мы пошли узкой верблюжьей тропой через песчаную равнину со скудной и грубой травой. Около полудня достигли берега реки Чумар. Она была мелкой и текла в нескольких руслах с топким дном. Некоторое время ушло на поиски переправы. Один из монголов вместе с лошадью застрял глубоко в речном дне и его пришлось спасать. После реки путь проходил через гряды песчаных дюн. Лагерь был расположен на берегу озера с дождевой водой. Местность изобиловала такими озерами, наличие которых указывало на обильные ливни в этом регионе в течение июля и августа. Снег, выпавший ночью, быстро растаял утром. Мы вынуждены были провести весь день на этом месте из-за серьезного состояния нирва. Накануне вечером он чуть не умер, и мы советовали ему вернуться в Цайдам и там находиться до полного выздоровления, но он настаивал на продолжении пути с нашим караваном. На следующий день вышли рано как обычно, и к шести часам весь караван уже шел двумя колоннами по песчаной равнине в юго-западном направлении. Абсолютное отсутствие какой-либо тропы делало продвижение довольно трудным Препятствовали многочисленные норы грызунов и вязкие участки песка. Некоторые из верблюдов и лошадей по колено увязали в нем. Очевидно, в этом районе выпало необычно большое количество осадков, и даже проводники не помнили, чтобы когда-либо было так много луж. Местность постепенно поднималась к хребту Кокошили, который виднелся на юге темно-синей грядой низких холмов

Мы переправились через маленькую речку, которая текла с запада на восток и не была обозначена на существующей карте Тибета. После трех часов перехода через песчаную пустыню мы достигли подножья хребта Кокошили. Этот хребет был системой покрытых травой волнистых холмов. От подножья подъем шел по направлению к перевалу Кокошили-кётёл, седловина которого расположена на высоте 14500 футов. Многочисленные куланы и газели паслись на склонах холмов. Спуск с перевала был легким, и путь проходил вдоль маленького горного ручейка, называемого монголами Кокошили-гол. Южные склоны перевала были более скалистые, и мы видели выветренные скалы, которые имели форму зубчатых стен. Пастбища были необычно прекрасны. Большие стада диких ослов и яков

виднелись в долинах. Мы остановились лагерем на берегу реки в месте, где речная долина расширяется и сливается с обычной долиной, отделяющей Кокошили от горной гряды Дунгбудра.

Вечером стадо диких яков спустилось с холмов в долину реки и паслось рядом с лагерем. Мы внезапно услышали шум падающих камней, подобно лавине – грохот и звуки тяжелого топота сотен копыт. Масса яков спускалась по крутому склону горы. В несколько секунд берега реки стали черны от них. Прекрасные животные паслись и пили свежую горную воду. Огромные быки-опекуны и вожаки стояли с опущенными рогами, готовые защитить стадо.

При выходе из речной долины путь пошел через песчаную равнину, пересеченную несколькими сухими руслами реки. К югу и юго-западу возвышалось несколько снежных пиков хребта Дунгбудра. На ночь мы остановились в сухом русле реки среди песчаных дюн, покрытых редкой травой. Воды было мало, и та была грязной.

На следующий день путь продолжился на юго-запад, через песчаные дюны и огромные болотистые пространства с многочисленными дождевыми лужами. Караван двигался медленно: верблюды часто скользили, а лошади и мулы глубоко увязали в грязи. Неподалеку от Хапчига-улан-мурена путь повернул в южном направлении, обогнув большой песчаный холм, после которого начался спуск к реке. С этой точки можно было увидеть окрестности. На севере виднелась темно-синяя линия цепи Кокошили, на востоке протянулись волнистые холмы, на юге поднимались высокие холмы, формирующие подступы к Тибету. За этими горами встретились первые тибетские заставы и вошли в запретную территорию ламаисткого королевства Тибет.

Спускаясь к реке Хапчига-улан-мурен, мы заметили на противоположном берегу что-то белое у подножья холма. На расстоянии это напоминало тибетскую палатку, используемую чиновниками и богатыми торговцами. Мы решили послать туда разведку. Река Хапчига-улан-мурен имела ширину около половины мили. В начале лета переправа через нее была достаточно трудной из-за вязкого илистого дна и плывунов по берегам. Северный берег был печаным и возвышался футов на шестьдесят. В это время года река мелела и текла в нескольких узких руслах, разделенных болотистыми островами. Белое пятно на противоположном берегу оказалось огромным гейзером с кратером из отложений высотой около тридцати футов. Отверстие кратера было треугольным. Мы расположились лагерем у подножия северных отрогов Дунгбудра. Во время дневного перехода нам пришлось оставить двух животных – лошадь и грузового мула.

22 сентября продолжили подъем к горам Дунгбудра. Тропа вела через ущелье, заваленное во многих местах камнями и осколками окружающих гор. К юго-востоку пересекли высокий травянистый хребет с очень грязными склонами. Хорошо заметная тропа проходила через горную долину, покрытую сотнями норок, сделанных полевыми мышами. Мы попытались пересечь крутой перевал, расположенный в пяти милях к востоку от Дунгбудра-кётёл, находящийся на караванном пути в Лхасу. Он сокращал маршрут в Дричу на один день, но оказался непроходимым для верблюдов. Мы были вынуждены повернуть на юго-запад и вернуться на прежнее направление, чтобы достичь узкого ущелья, ведущего к перевалу Дунгбудра-кётёл. Лагерь расположили на берегу маленького горного потока, названного монгольскими проводниками Буре-йин-гол. В течение дня мы видели необычное количество диких животных: бурых медведей, диких яков, куланов и тибетских газелей.

На следующий день выступили рано, чтобы проделать максимально возможный путь. Вдоль тропы мы находили следы от костров. Тибетские заставы, кажется, переместились дальше к югу. Дунгбудра-кётёл был высотой около 15700 футов и не представлял никаких трудностей. Спуск был довольно крут и шел по узкому горному ущелью, заваленному огромными камнями. Через некоторое расстояние тропа повернула к Буре-йин-голу, и тогда появилась широкая долина, которая отделяла главный хребет массива Дунгбудра от скалистой цепи Цаган Кхада, расположенной к югу от основного массива. Ландшафт был очень красив и весьма отличался от монотонной холмистой местности вокруг Кокошили. Острые скалистые пики поднимались повсюду и доминировали над долиной. Тропа проходила между двумя колоссальными скалами, напоминающими огромные ворота, ведущие в запретный Тибет. Почва была топкой и скользкой, и мы вынуждены были держаться ближе к скалам, чтобы преодолеть ненадежное место.

День, который был прекрасен с утра, внезапно стал унылым и облачным, и ворота в Тибет приветствовали нас градом и резким юго-западным ветром. Мы спустились в горную долину и разбили лагерь на площадке у подножья, покрытой кострищами, что свидетельствовало о частых остановках караванов на этом месте. К югу возвышались снежные массивы гор Тангла, а с севера высилась скалистая стена Цаган Кхада.

24 сентября мы продолжили путь в западном направлении. Вскоре тропа вышла на обширную снежную равнину. К югу возвышался могущественный Тангла – масса вечных снегов, один из самых высоких и наиболее важных горных массивов Тибета. К востоку находились многочисленные соляные озера, которые дали равнине монгольское название Олун-нор, или «Много Озер». Тибетское название – Санг-джья джья-лам – дано из-за схождения двух важных караванных путей Тибета: пути из Цайдама, которым мы пришли, и торгового пути из Синина. После двухчасового перехода через равнину мы заметили черную палатку у подножья холмов, протянувшихся на юг равнины. Мы сразу же послали туда разведку, которая скоро возвратилась с сообщением, что это была застава тибетской милиции. Мы увидели всадника, отъезжающего от палатки и во весь опор поскакавшего к юго-западу. Скоро группа милиционеров с их начальником приблизилась к каравану, и начальник предложил нам остановиться на день и попросил наши паспорта. Мы показали их ему. После длительной проверки начальник нашел их в порядке и обещал сразу же послать сообщение своему начальству, находящемуся с отрядом милиции на сининском пути. Он также сказал, что отправит посыльных в Нагчу с сообщением о нашем прибытии.

Застава милиции состояла из десяти жителей района Нагчу. Они были непричесаны, с длинными спутанными волосами и в серых, почти черных овчинных одеждах. Их вооружение состояло из тибетских сабель и мушкетов. Двое из них имели длинные тибетские пики. Начальник заставы носил зеленую гамбургскую шляпу и с некоторым трудом мог писать. Он составил длинное сообщение о нас, спросил о количестве нашего огнестрельного оружия, о количестве верховых и вьючных животных в караване. Люди заставы были совсем гражданскими, и сообщили, что они слышали о нашем прибытии за несколько недель. Начальник заставы сообщил, что посыльные покрывают расстояние между Санг-джья джья-лам и Нагчу за четыре дня. Он также информировал, что оба губернатора Нагчу недавно были смещены, и что в настоящее время район управлялся общеизвестным Го-манг гарпоном, бывшим торговым представителем Тибета в Синине. Кто был новым гражданским губернатором, или нанг-со, они не могли сообщить нам. Милиционеры сообщили нашим монголам, что торговые пути находятся под пристальным наблюдением, и что многочисленные заставы милиции, поддерживаемые регулярными частями, размещены на пути в Лхасу. Они также сообщили, что четверо русских были задержаны в Шенгди. Эти четверо путешественников собирались исследовать страну и прибыли из Синина. Они вели переговоры с правительством Лхасы относительно разрешения посетить Лхасу, в чем им пока отказано.

На на следующий день мы задержались из-за милиционеров, которые должны были ехать перед нами, но не могли найти вовремя своих лошадей. Наконец они согласились позволить нам выйти вперед, а сами присоединятся к нам в пути. Тропа пересекла низкий хребет сразу же к югу от заставы и потом пролегла по песчаной равнине, покрытой холмами и маленькими соляными озерами. Почва равнины была вязкой. Были видны стада пасущихся куланов, тибетских антилоп и газелей. Мы даже наблюдали захватывающую сцену преследования двумя волками молодой газели. У волков были тяжелые времена, и в конечном счете они отказались от преследования.

Два милиционера, посланные в Нагчу с сообщением о нашем прибытии, присоединились к нам на берегу реки Марчу, Токтомаи-гол по-монгольски и по нашим картам. Они оба сидели на маленьких лохматых лошадях, которые с трудом сохраняли темп наших монгольских коней. Они были вооружены длинными тибетскими пиками и мушкетами с длинными рогатинами, используемыми для поддержки оружия. Один носил войлочную летнюю шляпу с красной лентой. В правой руке он нес большой молитвенный барабан, который постоянно вращал для спасения своей души.

На переправу через реку ушел целый час, так как она имела ненадежное дно и плывуны по берегам. Лошади милиционеров увязали глубоко в песке, и нам пришлось их спасать. Лагерь развернули на южном берегу реки. Милиционеры же поехали в Нагчу. Следующий

переход был к Дричу, или Янцзе. Тропа поднималась по грязному грунту к перевалу, высотой около 15600 футов. С его вершины мы увидели первые проблески реки, серебряной лентой пролегающей поперек долины.

Имеются два пути через Дричу, восточный и западный. Оба отмечены на карте Тибета. Западный маршрут сокращает поездку к Тангла на один день. Мы решили следовать западным маршрутом. Далеко к югу возвышалась снежная гора Буху-мангна, также называемая тибетцами Тангла те-це. К югу от нее высились снежные пики и глетчеры главного массива Тангла. Мы не смогли дойти до Дричу в тот же день и остановились лагерем на берегу крошечного потока с неприятно солоноватой водой. Вскоре после установки лагеря налетел сильный ветер и завыл над равниной, но к закату он стих, и ночь была ясной и теплой.

Мы решили двигаться в Нагчу с максимально возможной скоростью, чтобы прибыть туда перед ежегодной ярмаркой, проводимой в конце сентября и начале октября. Ярмарке обычно предшествуют религиозные танцы в монастыре Шабден, который посещает множество людей из Лхасы, Кхама, долины Пон-чу и даже из отдаленных Нгари и Ладака. Ярмарка – одно из важных событий в жизни региона, и мы очень стремились посетить ее.

На следующий день мы были рано в седлах и через полчаса езды достигли Дричу, широкого и чистого потока с твердым руслом из гравия. Переправа не представляла труда, потому что в это время года вода достигала только стремян. Место было известно под названием Раб-дюн, или «Семь бродов». После переправы мы пересекли травянистую равнину с несколькими маленькими соляными озерами и, пройдя около двадцати миль, достигли небольшой низины среди однообразных холмов. Место снабжал водой маленький пресный ручеек. Сильный северо-западный ветер дул с полудня, и снова был град и влажный снег.

Тибетский нирва, который держался в поездке очень хорошо, снова ослабел, и мы опасались, что он будет не в состоянии выдержать разреженную атмосферу Тангла. Нам сообщили о стойбищах кочевников на южном берегу Дричу, но мы не видели ни одного, и окрестности казались даже более пустынными, чем прежде.

На следующий день мы достигли долины, названной по-тибетски Карка. Она представляла покрытую травой равнину, медленно поднимающуюся к массиву Тангла. Снежные пики были видны повсюду, и холодные порывы ветра явились предвестниками близости ледников Тангла. На европейских картах долина Карка названа ее монгольским именем Андак Хапчига. В 1904 г. долину посетил Далай лама на пути к Монголии, и в его честь был установлен трон из камня.

Недалеко от лагеря мы видели большого бурого медведя. Здесь их было много. Полдень снова отметился резким холодным северо-западом ветром с градом и снегом. Ночью холод был чрезвычайным, а сильный буран покрыл лагерь и окружающие горы глубоким снегом.

Утром было трудно найти тропу. Окружающие горы полностью покрылись глубоким снегом, а густой туман скрыл вершины. После нескольких часов блужданий мы вышли на широкую долину, покрытую снегом, и поднялись к седловине. Подъем был крутым, но коротким. С вершины седловины мы увидели такой же унылый заснеженный пейзаж. Горы виднелись повсюду. Было невозможно точно определить маршрут, и, посовещавшись, проводники решили следовать широкой долиной, расположенной юго-восточнее перевала. Следуя указаниям, мы спустились в долину и шли по ней около трех миль, придерживаясь юго-западного направления, пока не достигли места чьей-то бывшей лагерной стоянки. Возможно, что когда-то здесь находилась милицейская застава. Площадка была свободна от снега и камней и окружена низкой стеной, сделанной из камней и дерна. Груды топлива сделали это место настолько привлекательным, что мы решили остаться на ночь. При сырой погоде невозможно найти сухой аргал (ячий навоз), и большие запасы его в этом месте были нам очень кстати.

В этот день у нас была неприятность – потеряли двух лошадей. Гнедой иноходец г-жи Рерих выказывал признаки слабости, и его пришлось поддерживать дополнительными дозами цампы (поджаренной ячменной муки). Мы начинали страдать от нехватки зерна и других ресурсов. Лошадям и мулам приходилось питаться цампой, но многие из животных

отказывались брать ее и в результате слабели. Нужно было обязательно достигнуть Нагчу с рынком, где мы могли бы закупить новые ресурсы на оставшуюся поездку через Тибет.

На следующий день проводники ошиблись в направлении. Мы прошли далеко на запад и, наконец, были вынуждены разбить лагерь в маленькой круглой горной долине, покрытой несколькими футами снега. Было невозможно найти правильный путь к перевалу Тангла из-за тумана, скрывшего горы. Мы послали тибетского проводника поискать местных кочевников в узкой боковой долине. Было замечено несколько стад диких яков, пасшихся на горных склонах. Во время отсутствия тибетца наша небольшая группа направилась через ручей для разведки окрестностей. Мы встретили местного жителя. Он носил зеленые очки от снега и был вооружен длинной тибетской саблей. Мы убедили его проводить нас в лагерь и переправили через реку верхом. Хорп принял нас за монголов, поскольку никогда не видел европейцев. По его словам, мы находились примерно в четырех милях от пути на Тангла, и обещал провести нас на следующий день. Он сказал, что большая тибетская застава, состоящая примерно из тридцати кавалеристов, была размещена недалеко от Карки. Мы прошли мимо нее в снежный буран, сильно отклонившись на запад. Он информировал, что верховный комиссар Хора находился с двумя ротами и несколькими горными орудиями в месте, называемом Чу-на-кхе, в пяти днях пути от нашего теперешнего лагеря. Он также вскользь упомянул, что были мобилизованы большие подкрепления местной милиции, и что местное население удивлялось этим военным приготовлениям.

На следующий день мы двинулись очень рано и, руководимые местным хорпом, возвратились примерно на три мили. Путь следовал гребнем низкого хребта, а затем поднимался по сухому руслу реки. Вся страна была все еще захоронена под снегом, и солнце слепило ужасно. Профессор Рерих получил небольшое ослепление от снега. Также пострадали монгол и тибетец. Через пятнадцать миль тяжелого пути, часто блокированного снегом, мы подошли к маленькой реке, сбегавшей с хребта Тангла, и расположились лагерем на берегу в месте, именуемом по-монгольски Екин Хапчига. Скудная трава по берегам составила некоторый корм нашим животным, которые были лишены этого в течение последних двух дней из-за снежного бурана. В течение этого перехода мы потеряли двух верблюдов и одного мула, которые были оставлены под ответственность хорпа. Мы снова наблюдали куланов, газелей и нескольких бурых медведей. Один из медведей так растерялся, увидев караван, что вбежал в колонну мулов и следовал с ними некоторое время, вызывая сильную панику среди животных. Огромные стаи серых цапель летели на большой высоте в южном направлении.

В течение прошлых дней у нас были некоторые трудности с лошадями, купленными в Цайдаме. Большинство животных безнадежно охромели, их копыта были не приспособлены для хождения по острым камням.

2 октября мы направились к перевалу Тангла. Начали движение, как обычно, рано, с рассветом. Легкий туман парил по вершинам, и лучи солнца рассеивались в его пелене. Холод был интенсивен, и твердая промерзшая земля отдавалась эхом под копытами животных. Каменистая тропа вела вдоль безымянного ручья, стекающего с гор, расположенных к югу. Тропа часто пересекала ручей, но потом вышла на широкое плато. Непроницаемый туман окутывал местность и нависал над плоскогорьем. Дорога была легкой, и несколько хорошо наезженных параллельных троп указывали, что мы идем правильно по дороге на Тангла.

После двухчасового перехода мы поднялись на низкую седловину, не обозначенную на существующих картах региона. Вершина ее была увенчана каменной пирамидой с несколькими флагштоками и развевающимися на них разноцветными кусочками ткани. Спуск привел нас в широкую горную долину юго-западнее седловины. Окружающий ландшафт по своей суровости был арктическим. Всюду поднимались высокие снежные пики, которые ясно выделялись в морозном разреженном воздухе. Несколько соляных озер виднелись к юго-востоку от дороги. Тропа шла на юго-запад и пересекала другой низкий хребет, увенчанный восемью каменными пирамидами. Мы разбили лагерь после двадцатидвухмильного высокогорного перехода. Пастбища были сравнительно хороши, но холод был интенсивен. Морозный день сменился ясной, но очень холодной ночью, и часовые замерзали в тяжелых меховых тулупах.

Мы решили подняться рано утром и пересечь Тангла до обычной полуденной пурги. Место нашего лагеря, используемое монголами во время их ежегодных паломничеств в Лхасу, известно чаще всего под его монгольским именем Кийтун-ширик – «Холодное пастбище». Ширик – грубая трава, растущая на кочках болот Тибетского нагорья. Эта трава – обычная пища животных каравана, так что слово приобрело смысл «пастбище». Монгол, который был послан на поиски стоянки для лагеря, вернулся со словами: «Усу байна, ширик байна» – «Там вода, там пастбище». А это всегда означает, что такое место подходит для лагеря.

Следующим утром мы пошли в половине шестого. Воздух был очень прозрачен. Весь горный хребет Тангла был ясно виден, и его белые искрящиеся контуры поднимались высоко над хаосом горной страны, которая простиралась вокруг него. Мы следовали поднимающейся равниной. Позади низкого отрога мы обнаружили несколько черных палаток кочевников с лохматыми лошадями, стоящими поблизости. Это была застава милиции, но никто не вышел, чтобы спросить нас, кто мы и откуда прибыли. Место казалось пустынным, и только синий дымок, поднимавшийся от палатки, указывал, что она обитаема. Вероятно, мы пришли слишком рано для этих людей, и солдаты мирно пили чай с маслом и цапмой. День обещал быть теплым, поверхность земли стала скользкой, и верблюдам было очень тяжело подниматься на перевал. Одного верблюда нам пришлось оставить, а его груз распределить среди других животных.

Подъем был длинен, но не очень крут. Куланы паслись около тропы и были единственными живыми существами, нарушающими покой большой горной страны. Перевал Тангла считается местом пребывания тридцати трех богов или небесных жителей, и наши монголы и тибетцы сообщили, что было хорошей приметой пересечь перевал в исключительно погожий день. Среди караванщиков Тибета существует твердое убеждение, что всякий раз, когда нежелательное лицо входит в Тибет, пронзительный ветер дует на перевале, и неудачные путешественники замерзают на ледяных склонах горы.

Вершина перевала была отмечена каменной пирамидой мендонгом, или каменной стеной, украшенной молитвенными флагами и церемониальными шарфами. Достигнув вершины, все монголы и тибетцы спешились, а ламы запели мантры. Они жгли благовонья, и их глубокие звучные голоса уносились высоко в разреженном воздухе высокогорного перевала. Спуск не был крут, и море гор и снежных пиков развернулось перед нами. Всюду, насколько можно было обозреть взглядом, возвышались одетые снегом горы. В отдалении стоял синий хребет Шанг-шунг, северное продолжение величественного Ньен-чен Тангла массива, непосредственная часть Трансгималаев, впервые нанесенная на карту великим шведским исследователем доктором Свеном Гедином. Путешественник чувствует чрезвычайное облегчение, когда видит, что ужасный перевал остался позади и огромный подъем при обозрении бесконечных горных массивов в их пышном великолепии, которые закрывают путь к священному городу Тибета и всего мира ламаизма.

На вершине перевала нам пришлось оставить одного из самых лучших коней в караване. Животное истощилось и было не в состоянии идти дальше. Через перевал ехал молодой хорпа с двумя гружеными яками, и мы доверили животное ему. Хорпа говорил на странном диалекте, и даже наши тибетцы не понимали его слов. Он носил серую шерстяную шапку, одежду пуру и тибетские высокие сапоги, сделанные из домотканой материи, подвязанные под коленями веревкой. У него была длинная тибетская сабля и магазинная винтовка европейского производства с примкнутым штыком. Он ехал на маленьком пони северотибетской породы. Его черты не были неприятны, и им в нашем караване многие заинтересовались, хотя его странный язык затруднял общение. Он возвращался с зерном в свой дом, который находился севернее Тангла.

Некоторое время мы следовали вдоль ручья, притока реки Яграчу, стекавшей с перевала в юго-западном направлении. Мы расположились лагерем на ночь после двадцативосьмимильного трудного похода. Недалеко от нашего лагеря находились многочисленные горячие источники, и место было известно под названием Чу-цен-конг, «Верхний горячий источник». Говорят, что долина реки Ягра была особенно богата горячими источниками. Потери этого дня в караване и в верховых животных были исключительно велики: три лошади, мул и верблюд. У тибетского нирва был сильный сердечный приступ, но он остался в живых. Он был доставлен в лагерь около одиннадцати

часов вечера стонущим и почти без сознания. В течение предшествующих нескольких дней доктор находился около него днем и ночью. Нирва был в очень критическом состоянии и просил, чтобы ему дали китайско-тибетских лекарств, изготовленных одним из лам в караване.

На следующий день мы вышли поздно. Все были измучены переходом через перевал и тяжелой горной дорогой. Мы продолжили спуск в речную долину, которая носит местное название Чу-цен-чу, из-за горячих источников и гейзеров, находящихся по берегам. Речная долина представляла собой широкое горное ущелье с низкими круглыми холмами, поднимающимися со всех сторон. Мы пересекли хребет, известный под названием Лам-чунг. По краю долины были замечены черные палатки кочевников.

При пересечении Лам-чунг ла мы столкнулись с маленьким отрядом местной милиции, мобилизованной из жителей Хора. Отряд состоял из восьми человек, вооруженных саблями, винтовками и пиками. Их местом назначения была отдаленная река Чумар. Они рассказали нам, что правительство опасается нападения китайцев и монголов из Кансу и Цайдама, и что заставы милиции были размещены вплоть до северной окраины Чумар. Люди в отряде были весьма дикого внешнего вида. Большинство из них были без шапок, и длинные спутанные волосы развевались на ветру. Их тела были покрыты только грязными овчинными халатами. Они имели два вьючных пони, которые несли их принадлежности, одну палатку и некоторую утварь. Хорское приветствие «Або лам-нье» означает «Друг, хорошего тебе пути». Когда лицо высокого положения обращается со словами шаг-па – это означает «друг». Более вежливое выражение шаг-нье используется редко.

Мы остановились на ночь у подножья скалы на левом берегу реки Яг-ра. Место, известное своими горячими источниками, было названо Чу-цен пар-ма – «Средние горячие источники». Имеются два маршрута к Нагчу, один вдоль левого берега реки, другой вдоль правого. Нам пришлось следовать по левому берегу, так как этот путь был единственно реален для каравана тяжело груженных верблюдов. Другой маршрут использовался только ячьими караванами и был каменист и труден. Мимо нашего лагеря прошел в направлении к Нагчу караван из яков, нагруженный тюками плиточного чая. Каждый тюк содержал двенадцать плиток чая, или ча-ба, и двадцать четыре плитки чая составляли груз каждого яка.

Следующим утром мы возобновили путь по речной долине. Через примерно пять миль путь пересек низкий отрог и вышел в широкую долину, которая снова сузилась и скоро стала горным ущельем, прорезающим низкий хребет. После пятнадцатимильного легкого перехода мы разбили лагерь. Некоторые из животных были все еще утомлены после тяжелого перехода через Тангла, и нам приходилось быть с ними бережными. В лагерь зашли два молодых хорпа, вооруженные русскими винтовками образца 1899 г. Приклады винтовок были изготовлены в Нагчу. Они сообщили нам, что четырем иностранцам, которые были задержаны в Шенгди, разрешили перейти в Нагчу после двухнедельных переговоров. Они выразили сомнение относительно того, можем ли мы получить разрешение продолжить путь дальше на юг, и скоро оставили лагерь. Караванщики считали, что эти люди были шпионы, посланные верховным комиссаром Хора разведать о нашем продвижении и силе. Две хорские женщины, мать и дочь, прибыли в лагерь и дали нам немного молока яков и масла. В свою очередь они получили немного сухого туркестанского изюма. Они очень стремились узнать, видели ли мы голоков на маршруте из Синина, и жаловались, что голокские банды нападают на местных кочевников. Чтобы защитить себя, местные хорпы должны были сниматься и двигаться в отдаленные горные долины. Мы также пробовали обменять некоторые из наших монгольских лошадей на местных, цена которых была около двадцати пяти нгу-сангов за каждую. Наши запасы быстро подходили к концу, и нужно было закупить масло и цампу, чтобы добраться до Нагчу. Цена десяти кхе масла (один кхе – приблизительно пять фунтов) составляет двадцать пять нгу-сангов.

6 октября 1927г. мы сняли лагерь очень рано, чтобы достигнуть Шенгди до полудня и иметь достаточно времени на покупку продовольствия у местных кочевников. Долина реки, которой мы следовали, расширилась, и на соседних склонах были замечены стойбища кочевников с отарами овец и стадами домашних яков. После семи миль легкого пути, мы внезапно заметили группу людей, стоящих на тропе. Они оказались милиционерами, имевшими приказ остановить нас и сообщить верховному комиссару Хора, находящемуся в

Чу-на-кхе. Большинство из них были неряшливая молодежь без оружия. Вместо сабли у одного из них за поясом был рог антилопы. Старший по званию, высовывая язык в знак почтения и жестикулируя, просил нас задержаться на один день в Шенгди, чтобы они могли доложить о нас верховному комиссару.

Мы решили остановиться, потому что намеревались войти в страну мирно, не прибегая к применению силы в регионе, охраняемом заставами милиции. Шенгди представляла собой обширную долину с однообразным грунтом, покрытым хорошими пастбищами в короткие летние месяцы. Мы обнаружили, что вся трава уничтожена караванами из Внутренней Монголии, Цайдама и Китая, которые обычно задерживаются в этой долине, ожидая получения разрешения на посещение Нагчу. Поверхность долины была покрыта болотами, и ночной воздух был холодным и сырым. Примерно в трех милях от нашего лагеря было маленькое озеро, имеющее местное название Янцзе-ма тшо, расположенное у подножья холмов.

Все местное население пришло в лагерь. Молодые люди с длинным косами, висящими с обеих сторон лба, были наряжены в шубы из овчины, украшенные черными полосами ткани, и высокие тибетские сапоги, сделанные из кожи домашней выделки. У некоторых из хорошо одетых щеки были окрашены красным. У других лица были покрыты черной пастой, используемой тибетскими женщинами для защиты кожи от ветров тибетской зимы. Кочевники очень стремились обменять наших монгольских лошадей на местных. Начальник, наряженный в новую шубу из овчины, нанес нам визит и начертал проект длинного сообщения. Он снова спросил число людей и животных в караване и количество багажа. Мы сообщили ему, что это уже было выполнено заставами в Олун-норе, и что сообщение было послано оттуда в Нагчу. Он ответил, что застава милиции в Олун-норе была подчинена губернаторам Нагчу, а его обязанность – сообщить верховному комиссару Хора, Кушо Капшопа, который был выше по службе и по социальному положению, чем губернаторы Нагчу. Он соответственно продолжил писать свое сообщение и считал и пересчитывал животных каравана, которые бродили по пастбищу, и бедный человек каждый раз получал различное число лошадей и верблюдов и, наконец, должен был оставить это занятие.

Охрана милиции из четырех людей была размещена в лагере, а белая палатка была поставлена вне лагеря. Официальное объяснение, данное нам, было то, что палатка и люди были помещены в лагерь, чтобы охранять животных и багаж в течение ночи. В действительности люди были помещены туда, чтобы шпионить за каждым нашим движением. Мы не возражали, надеясь, что странное отношение вскоре изменится. Мы были все еще уверены в наших тибетских паспортах и хороших намерениях правительства Тибета. Нам разрешали покупать молоко и масло, но запретили продавать или обменивать караванных животных. Мы возразили против такого нарушения нашей личной свободы, но начальник извинился, говоря, что он действует согласно приказам от более высоких властей. По его словам, среди четверых русских, которые были задержаны в Цомра, был японец и им позволили посетить Нагчу только потому, что кхан-по из Нагчу был его личный друг. Им было отказано в разрешении посетить Лхасу и вероятно предложат идти в Синин или Ладак.

Первая ночь, проведенная в Шенгди, была холодна, и воздух очень сырой. Ранним утром нас снова посетил местный старшина, который сообщил нам, что прибыли несколько чиновников от верховного комиссара Хора и губернаторов Нагчу, чтобы обсудить вопрос нашего дальнейшего продвижения. Около десяти часов утра мы услышали звон колокольчиков и вскоре заметили нескольких всадников, быстро приближающихся к нашему лагерю. Одним из всадников был младший офицер ше-нго тибетской регулярной армии. Его сопровождали несколько солдат в униформах. Они остановились за лагерем, провели длинный разговор с местным старшиной, в течение которого было выпито много чашек чая, и оттуда осмотрели лагерь. Затем ше-нго направился к нам. Он ехал на серо-стальном тибетском пони под английским седлом. На голове его была меховая шапка иностранного производства. Поверх униформы был надет халат из черного вельвета и шуба из овчины. Он сопровождался молодым солдатом в униформе и крагах. Поверх униформы солдат носил домашнего изготовления тибетский халат, и большая тибетская меховая шапка покрывала его голову. Он был вооружен винтовкой Ли-Энгфилда, украшенной церемониальными шарфами, или хатыками, которые висели на штыке. Он носил несколько патронташей,

которые играют важную роль в тибетском наряде. Оба человека были чрезвычайно робкими и сначала даже тихими.

Офицер скоро ушел к своей служебной палатке и начал писать длинный рапорт. Он пересчитал снова наших животных и даже попросил открыть несколько сумок. В одной из них он нашел нашу коллекцию тибетских знамен и других религиозных предметов. Это произвело на него огромное впечатление, поскольку он внезапно объявил, что его задача закончена и началась для его лошади. Он информировал нас, что в том случае, если его превосходительство верховный комиссар найдет возможным предоставить нам разрешение проследовать дальше, то он бы мог вернуться и сопровождать нас лично. Он возвратился к палатке милицейской заставы и два часа пил чай с нашими охранниками.

Около двух часов мы снова услышали колокольчики, объявляющие прибытие большего количества других официальных лиц. На этот раз прибыл доньер, или представитель губернаторов Нагчу, сопровождаемый двумя мелкими чиновниками из дзонга, или форта Нагчу. Спешившись, новые посетители прибыли сразу в лагерь и представились профессору Рериху. Они все сказали «салам», и один даже добавил по-английски: «Доброе утро». Им предложили сесть около палатки профессора Рериха, и началась долгая и утомительная беседа. Доньер представил себя как одного из известных всем таможням на путях всех иностранцев и выразил свое желание составить проект другого детального рапорта. Он сообщил, что его специально послал для этой цели кхан-по из Нагчу, или Го-манг гарпон, который был его наставником и начальником. По его словам, кхан-по был очень серьезный человек, и если промедлить в выполнении своих обязанностей, то он конечно накажет. После этого краткого представления он просил нас помочь ему в составлении проекта сообщения. «Каковы были ваши намерения в посещении Тибета?» – был его первый вопрос. «Это – американская экспедиция, снаряженная несколькими американскими учреждениями», – был наш ответ. «Амери, Амери, Амери-хан», – повторил доньер несколько раз и внезапно схватил свою ручку и быстро написал что-то на длинном свитке бумаги. Я сумел прочесть первые строчки сообщения из-за его спины и к моему большому изумлению прочел следующее утверждение: «В такой-то день тибетского восьмого месяца года огненного зайца прибыл в Шенгди король Амери, чья цель изучать буддизм и приобретать священные тексты и изображения». Мы возразили, и пробовали объяснить ему, что «Американец» не может интерпретироваться как Амери-хан, но доньер отклонил наш протест, говоря, что он немного знаком с монгольским, а каждый знает, что «хан» означает по-монгольски «король» и что он поэтому был весьма уверен в правильности своего счастливого объяснения. Наш протест только подтверждал правильность его предположения, и что мы только пытались скрыть от него истинное положение нашего лидера, чье имя было «Амери», и чей ранг был обозначен монгольским словом «хан». Он, кроме того, требовал дать фотографию каждого из членов экспедиции и групповую фотографию всей экспедиции. Все эти фотографии вместе с его сообщением будут представлены Его Святейшеству Общеизвестному Господину, который потом прикажет своим министрам рассмотреть наш случай.

Мы напомнили доньеру тот факт, что у нас есть тибетские паспорта, и таким образом имеем право пройти без дальнейших помех. Доньер ответил, что он не знал ничего относительно наших паспортов, и что его начальники никогда не сообщали ему об этом. Было очевидно, что власти пытались игнорировать факт, что мы имели документы, разрешающие путешествовать через тибетские территории, и полагали, что мы были обычными исследователями, которые нарушили уединение их страны

Весьма неожиданно лагерь был посещен двумя милиционерами, которые привезли наш паспорт на проезд из Олун-нора в Нагчу. Мы высказали сомнение относительно его, но они удостоверяли, что паспорт был у губернаторов в Нагчу. Доньер казался смущенным и объяснил, что паспорт был вероятно у кхан-по в Нагчу и что кхан-по не считал необходимым информировать об этом своего подчиненного. Доньер снова сосчитал животных нашего каравана и грузы и после завершения своего рапорта отбыл из нашего лагеря. Он сообщил нам, что иностранцы прошли до нас группой из четырех человек, состоящей из японца, американца, и двух немцев. Он не знал их имена, но сказал, что они много фотографировали и собирали насекомых. Это была очевидно научная экспедиция. Мы думали о докторе Филчнере, который с одним помощником работал некоторое время назад в районе Синина

Вечером официальные представители оставили лагерь и уехали в быстром темпе к горам на юге долины. Следующий день мы провели в лагере, ожидая ответа от верховного комиссара. Общение с местными кочевниками внезапно стало еще более ограниченным, им запрещали торговать или связаться с нами. Молоко, масло и топливо были доставлены начальником. Мы провели день перераспределяя грузы и леча лошадей, поддерживая животных. Согласно начальнику, строгие правила были введены начиная с прошлого года, и никому не позволялось проходить границу без разрешения от Далай ламы, который всегда устанавливал дату отъезда караванов из Нагчу. Эти строгие инструкции не только затрагивали иностранцев – монголов, китайцев или другие нации, – но также тибетцев, прибывающих из Монголии или Китая после длительного проживания в этих странах.

Вечером нас посетили два начальника, одетые в красные халаты пуру и гамбургские шляпы, вооруженные тибетскими саблями в ножнах, украшенных полудрагоценными камнями. Они принесли новости, что верховный комиссар Хора, Кушо Капшопа, и губернаторы Нагчу пригласили нас двигаться сразу в Чу-на-кхе и Нагчу. Они снова подготовились, чтобы составить проект сообщения, но мы выразили сильный протест и заявили им, что предшествующих рапортов было достаточно. Они улыбнулись и оставили вопрос.

Следующим утром мы поднялись намного раньше рассвета, и к шести часам целый караван, сопровождаемый двумя начальниками, шел в южном направлении. Я провел ночь очень плохо и чувствовал ужасную слабость. Большое напряжение предыдущих дней, частые ночные дежурства, утомительные переходы и бесконечные переговоры с пограничными властями в течение трех дней полностью истощили меня. Дорога пересекла долину Шенгди и поднялась на низкий перевал. С высоты этого перевала до Кам-ронг ла простиралось высокое плоскогорье с холмами, покрытыми травой и узкими долинами. Мы обогнали на нашем пути караван яков. Эти караваны очень медленно продвигаются и делают только девять или десять миль в день. Два сопровождавших нас начальника до Чу-на-кхе, остались позади, и мы двигались одни.

Внезапно группа всадников преградила нам путь с криками: «ман-дро» – «стойте», пыталась остановить нас. Их руководитель был вооружен саблей и маузером, висящим через плечо. Остальные люди имели только патронташи без винтовок. Мы были вынуждены остановиться и ждать двух начальников, которые подскакали к нам и приказали людям уйти и дать нам проход. Они кричали: «Сонг, сонг, сонг» – «Идите, идите, идите». Было интересно наблюдать, что должностные лица милиции на маршруте не информированы о нашем продвижении. Мы ехали по местности все более и более пересеченной. Всадники сопровождали нас со всех сторон каравана, и многие приветствовали нас на индийский манер: «Салом, сахиб».

Из-за приступа горной болезни я чуть не упал с лошади на перевале Кам-ронг. Пульс едва прощупывался, но я не терял сознания и услышал, как доктор сказал: «Он умирает». Через два часа я пришел в себя, но едва держался на ногах. Доктор дал мне большую дозу лекарства, стимулирующего деятельность сердца, и я смог поехать в лагерь, расположившийся в долине Чу-на-кхе. Один из монголов также свалился с лошади, и ему помогли добраться до лагеря. Местное население, очевидно, прослышало об экспедиции, и вскоре на территории лагеря собралась толпа, в которой было и несколько лхасских торговцев. Один из них весьма удивил нас, говоря: «Время – деньги» и другие английские слова.

Рано утром 10 октября в лагерь прибыли несколько чиновников с приглашением посетить лагерь верховного комиссара Хора. Несмотря на большую слабость, я должен был сопровождать профессора Рериха и нашего полковника в лагерь генерала. Генерал желал знать о нашей экспедиции, и присутствие переводчика было необходимо.

Лагерь верховного комиссара был расположен в северо-восточном углу низины Чу-на-кхе. Путь к лагерю был тяжел и утомителен из-за многочисленных кочек и отсутствия хорошо протоптанной дороги. Лошади часто спотыкались и с каждым толчком я чувствовал возвращение болезни.

Наша группа ехала в следующем порядке: сначала монгол из нашего конвоя с флагом экспедиции, потом профессор Рерих, полковник и я. Нас сопровождали трое монголов, вооруженных винтовками за плечами. Тибетские чиновники ехали позади них. В дороге у

меня снова начался сердечный приступ, и я вынужден был остаться с одним из монголов. Тибетский чиновник поскакал в лагерь за врачом. Немного позднее к нам подъехали г-жа Рерих, доктор и Портнягин, которые остались со мной, а профессор Рерих с полковником отправились к генералу. После того, как доктор дал мне очередную дозу лекарства, я почувствовал себя несколько лучше, но был все еще слишком слаб, чтобы ехать в лагерь генерала. Тибетский чиновник с несколькими солдатами прискакал оттуда и настаивал на моем прибытии к генералу. Люди пытались отнести меня на винтовках, используя их в качестве носилок. Но эта затея не удалась, и им пришлось оставить меня. Тем временем генерал послал другого посыльного убедить меня прибыть как можно скорее. Это был его личный секретарь, молодой тибетец, которого я встречал в Дарджилинге в 1924 г. Я сделал последнюю попытку добраться до лагеря генерала на лошади доктора, животного с исключительным темпом, и это мне удалось.

Лагерь генерала представлял собой поселение, состоящее из черных палаток кочевников. В центре стояла просторная белая палатка генерала, окруженная высокой стеной, сделанной из дерна и мешков аргала. Эта стена защищала палатку от сильных ветров тибетского нагорья. Перед палаткой был установлен флагшток с тибетским военным флагом. Почетный караул был выстроен около входа, и люди отдали нам честь. Солдаты носили европейские униформы, привезенные несколько лет назад из Индии, но команды отдавались по-китайски. Мы спешились, оставив лошадей под присмотром служащих, и вошли в палатку генерала, где нашли генерала и профессора Рериха. Интерьер был украшен большими кусками разноцветного китайского шелка и парчи, которые образовали балдахины над сиденьем генерала. На центральной стене висели танки, или расписанные знамена. В правом углу стоял алтарь с тяжелой серебряной шкатулкой работы непальских художников.

Кушо Капшопа, верховный комиссар Хор, или Хор чьичьяр (Хор спьи-кхьяб) – молодой человек двадцати четырех лет – сидел на поднятой платформе, покрытой шкурами леопарда. Он был одет в длинный халат из желтого китайского шелка и обычную чиновничью меховую шапку, обшитую золотыми дордже, или молниями, инкрустированными драгоценными камнями, что означало его высокий военный ранг. Массивное золотое кольцо с большим изумрудом украшало генеральскую руку. Перед ним стоял обычный тибетский низкий стол с серебряной чайной чашкой, чернильный прибор и другие письменные принадлежности. К центральному столбу палатки был привязан его личный штандарт, который носили перед ним в процессиях, и его сабля в зеленых кожаных ножнах. Слева от генерала сидели два молодых чиновника в меховых чиновничьих шапках и шелковых одеждах. На более низком месте сидел тибетский офицер в чине ру-пона (ру-дпона), или майора. Мы были приглашены сесть справа от генерала на платформе, покрытой мехами и коврами. Служащие в пурпурных одеждах принесли чай, сушеные фрукты и бисквиты, привезенные из Индии.

После обычных церемониальных вопросов относительно здоровья, трудностей пути и целей экспедиции генерал выразил восхищение профессором Рерихом, который, несмотря на его возраст, согласился предпринять такую трудную поездку в такую незначительную страну, как Тибет. «Мы слышали, – добавил генерал, – что Америка – богатейшая страна мира. Мы не в состоянии принять американскую экспедицию хорошо. Я, являющийся чиновником четвертого разряда, имею право сообщить непосредственно Его Святейшеству Далай ламе и сразу же сообщу лхасским властям о вашем прибытии». Генерал выразил свое желание посетить лагерь в тот же день. Майор из эскорта генерала был вызван и получил приказ готовить процессию. Приготовления продолжались час, в течение которого генерал задавал вопросы об экспедиции и упомянул что доктор Филчнер остается в Цомра, ожидая ответ из Лхасы. Наша беседа была прервана майором, который сообщил, что все готовы. Генерал поднялся, и мы все вышли из палатки. Всадники охраны были выстроены перед палаткой, и люди салютовали генералу, поднявшись на стременах и отдавая честь. Генерал сел на лошадь, оседланную английским седлом, покрытым толстым тибетским ковром. Процессия двинулась. Во главе ехал солдат со штандартом генерала, затем верховые трубачи и отряд кавалерии, сопровождавший генерала, его свиту и нас. Большое количество слуг ехало верхом. Когда мы оставили лагерь, был произведен салют из восьми орудий и местный хорский оркестр из тибетских труб оглушал нас.

При достижении нашего лагеря солдаты снова салютовали своему генералу, который произвел общий осмотр лагеря. Наши палатки привлекли его внимание, и он спросил, можем ли мы продать некоторые из них. После краткого пребывания генерал возвратился в свой лагерь и предложил передвинуться ближе для облегчения переговоров. Ранним утром следующего дня мы переместились и установили палатки в пределах четверти мили от тибетского лагеря. В полдень мы снова нанесли визит генералу. Верховный комиссар уверил нас, что через два дня мы сможем идти дальше и что задержка была временной, чтобы дать гражданским властям время подготовить все по нашему маршруту. Генерал снова говорил о докторе Филчнере и его работе. Профессор Рерих указал, что Чу-на-кхе было очень неподходящее место для длительного пребывания. Генерал ответил, что великие люди Запада имели те же самые удивительные возможности, как и великие инкарнированные ламы Тибета, и были способны выдержать огромные затруднения и что он уверен, что ничего не случится с нами. Генерал добавил, что он не желал бы, чтобы такие видные люди, как профессор Рерих, были задерживаемы, и что он постарается экспедицию отправить во-время. Он приказал своему духовому оркестру играть ежедневно в нашем лагере. Вечером генерал и его помощники нанесли нам еще визит и исследовали багаж. «Багаж больших людей должен быть осмотрен чиновниками самого высокого разряда, – изрек генерал, – именно поэтому я прибыл сегодня». Всё было проверено, и все наше оружие было тщательно осмотрено. Длинное сообщение составлялось и посылалось сразу Его Святейшеству Далай ламе, который желал узнать о нас. Вечером оркестр снова играл для нас, оглушив напоследок

Следующим утром генерал развлекал нас завтраком из китайских и тибетских блюд. Несмотря на очевидную любезность и дружественность чиновников, мы могли заметить определенный холод в отношениях. Генерал информировал нас, что гражданские власти Нагчу категорически отказались позволить нам пройти, и что мы должны ждать официального ответа, или ка-лен, от Лхасы. Он пытался убедить кхан-по из Нагчу разрешить нам пройти, но кханпо и его коллега были очень упрямые люди и отказалась слушать его. Генерал должен возвратиться в Бьи-ру гомпа, в свою зимнюю штаб-квартиру, но его представитель останется с нами до получения разрешения и будет проявлять внимание ко всем нашим нуждам. Мы упомянули что мы имеем тибетские паспорта, но Его Превосходительство отметил, что тибетский представитель в Урге был только частным лицом без каого-либо положения чиновника и что он жил там по частным причинам

Генерал вызвал всех местных старшин к своей палатке и сделал расплывчатое внушение, чтобы они старались служить нам и снабжать всем необходимым. Был оставлен пост милиции в нашем лагере, чтобы защитить нас и багаж от грабителей и местного населения Было невозможно обсуждать дальше с генералом, не склонным прислушиваться ко всем нашим протестам. Нам пришлось возвратиться в лагерь и ждать ответа из Лхасы, который предполагался через четырнадцать дней

Артиллерийский салют из восьми орудий уведомил местных жителей, что верховный комиссар оставил свой лагерь Великолепный кортеж чиновников и вассалов в ярких костюмах вихрем прошел через лагерь, а мы остались одни стоять перед серьезной тибетской зимой.

XV

В ВОРОТАХ ТИБЕТА. ЗАДЕРЖКА В ЧУ-НА-КХЕ И ОПАСНОСТЬ ДЛЯ КАРАВАНА

Генерал отбыл, и большой лагерь опустел. Большинство хорпов, состоявших в свите верховного комиссара, возвратились к своим пастбищам. Только вожди пяти племен Хора и майор Со-нам Топ-джьел с отрядом солдат остался в лагере, чтобы заниматься нами и следить за нашими передвижениями Охрана милиции была размещена в лагере, но служащим и караванным запрещали говорить с незнакомцами. Милиционеры, растрепанные люди в грязных шубах из овчины, сидели довольно далеко от палаток и наблюдали за каждым нашим движением. Начальник, отвечающий за пост милиции, был приятным человеком с хорошими манерами и делал все возможное, чтобы помочь нам. Он имел южно-европейскую внешность, орлиный нос, длинные прямые волосы, носил одежду из лилового пуру и прелестную серебряную шкатулку. По его словам, северная тибетская граница была закрыта с прошлого года.

Маршрут от Нагчу до Лхасы строго охранялся военными постами, которые останавливали и обыскивали безобидных паломников из Монголии и с китайской границы, и только цайдамским монголам разрешалось проходить относительно свободно. Страна была взволнована слухами, что Таши лама приближался с огромным множеством монгольских и китайских войск.

Майор Со-нам Топ-джьел нанес нам официальный визит и расспросил о нуждах. Он сообщил нам о своей уверенности, что ответ от правительства Лхасы будет получен скоро и что нам будет позволено пересечь территорию Внутреннего Тибета. У него было в запасе много историй о своих военных приключениях. Он получил свое звание во время китайско-тибетской войны 1918 г., во время участия в осаде Ри-во-че и Чамдо. Он встречал китайского командира крепости Чамдо генерала Пенга и даже помнил, что видел нашего старого китайского переводчика Цая, взятого в плен и заключенного в Ри-во-че. Майор порекомендовал нам послать всех животных на выпас с хорошей травой, расположенный на расстоянии около восьми миль к северо-западу от Чу-на-кхе. Он обещал послать четырех человек для охраны лошадей и мулов. Поскольку не было никакой другой возможности достать пропитание, а зерна имелось очень мало, мы были вынуждены согласиться, хотя и сильно против своего желания. Многие из этих животных так никогда больше и не возвратились в лагерь, погибнув от холода и недостатка пищи. Мы получили только их хвосты, которые были возвращены, как доказательство того, что животные умерли.

20 октября, 1927. После теплой ночи наступил холодный день с пронизывающим северо-западным ветром. Тибетская зима приближалась. Температура падала и термометр показывал -5°С. Верховой посыльный прибыл к вечеру и принес письмо от губернаторов Нагчу. Губернаторы информировали нас, что пока никакого ответа или инструкции из Лхасы не получено, и требовали, чтобы мы не двигались из Чу-на-кхе до получения ответа от правительства.

21 октября 1927 г. Снова тихий день. Г-жа Рерих из-за холода заболела и вынуждена была остаться в постели. Майор сообщил нам, что в Нагчу отправлен новый посыльный с письмом. Вечером тяжелые серые облака надвинулись с юго-запада, а ранним утром выпал легкий снег. Начальник, исполнявший служебные обязанности по нашему лагерю, посоветовал переместить лагерь в Шаругон, к монастырю бон-по, находящемуся примерно в четырех милях от Чу-на-кхе. Мы не смогли сразу же последовать его совету из-за нездоровья г-жи Рерих и из-за заверений майора, что ответ правительства или Де-вашунга (сДе-па гшунг) поступит со дня на день.

На следующий день тяжелый снег покрыл землю и окружающие холмы и лишил животных столь необходимой травы. Гром рокотал в горах, как будто лето сопротивлялось наступлению зимы. Раннее выпадение снега встревожило тибетцев, и майор послал специального посыльного к общеизвестному ламе-тантрику, прося его остановить снег на несколько дней, в течение которых он ожидал получить ответ из Лхасы.

23 октября 1927 г. День был погожим и, на наше счастье, не было пронизывающего ветра. Так как не было никакой надежды в скором времени отправиться в путь, мы решили улучшить лагерь настолько, насколько это было возможно, чтобы защититься от приближающейся зимы. Расположение лагеря было очень плохим, и необходимо было что-нибудь сделать, чтобы улучшить его. Чу-на-кхе – долина, расположенная на высоте 15500 футов и защищенная со всех сторон низкими холмами, покрытыми травой, на которых паслись стада домашних яков и овец в течение летних месяцев. К югу от долины пролегала седловина Тасанг ла, На южном краю долины стояла высокая ступа, или чортен, и само это место иногда называли Чортен-танг, «Долина Ступы» или Чортен-кар-по, «Белая Ступа». Именно под этим последним названием место было известно цайдамским монголам.

К северу от нас располагался тибетский лагерь, где жили майор со своими солдатами и хорскими вождями. Долину снабжал водой маленький ручеек, который брал свое начало на северных склонах Тасанг ла, а затем поворачивал на восток. Долина Чу-на-кхе открыта всем ветрам, и юго-западный ветер был иногда настолько яростен, что невозможно было находиться вне палатки. Чтобы сделать летние палатки более теплыми, мы покрыли их войлоком, взятым из верблюжьих вьючных седел. Багаж экспедиции был сложен в одном месте в центре лагеря, и предполагалось, что хорпы будут охранять его ночью. Майор нанес нам ежедневный визит, и мы сообщили ему о нашем намерении вести переговоры с губернаторами Нагчу для того, чтобы получить разрешение посетить Нагчу и продолжить наши переговоры с тибетским правительством оттуда. Зима наступала быстро, и так как вопрос был отсрочен на неопределенное время, мы могли бы оказаться в очень серьезной и опасной ситуации. Майор сообщил нам, что не может дать такое разрешение самостоятельно, но предложил послать одного из наших людей в сопровождении солдата в Нагчу, чтобы закупить продовольствие для экспедиции. По его словам, между верховным комиссаром Хора и губернаторами Нагчу возникло противоречие, и чиновники Нагчу отказались предоставить нам какую-либо помощь. «Верховный комиссар Хора задержал вас и его задача помогать вам. Мы – гражданские представители и не имеем права вмешиваться в постановления военных властей», – ответили губернаторы. Было трудно найти причину такого отношения. Происходило что-то очень важное, хотя майор заявлял, что он отрезан от Лхасы или верховного комиссара заносами, которые сделали переходы опасными. Он часто получал сообщения и так же часто мы слышали позвякивание колокольчиков на лошадях, несущих всадников, отправляемых с депешами.

Поздно вечером несколько наших монголов и тибетцев заполучили из тибетского лагеря ячменное вино и напились. Последовала драка, и мы были вынуждены отдать приказ об аресте и наложении тяжелого штрафа. Люди легко раздражались, и было очень трудно поддерживать строгую дисциплину из-за деморализующей близости лагеря майора со всеми развлечениями в виде вина и индийских сигарет, продаваемых тайно солдатней, несмотря на строгие постановления Его Святейшества Далай ламы.

24 октября, 1927. Мокрый снег шел всю ночь, и мы были разбужены шумом, производимым монголами, которые очищали палатки от снега и разгребали пешеходные дорожки в лагере. Если нам не удастся получить достаточно зерна из Нагчу, положение животных каравана может стать критическим. Майор прибыл, чтобы записать все наши требования и прочитать нам свое письмо губернаторам Нагчу. По его словам, задержка была вызвана тем, что чиновники Нагчу получили серьезный выговор от правительства за пропуск путешественников, которые прибыли перед нами. Он посоветовал нам послать губернаторам какой-нибудь подарок, который смог бы сделать их более дружественными. Мы, соответственно, написали письмо губернаторам и сообщили им о нашем положении, о здоровье госпожи Рерих и о нашем твердом намерении достигнуть Индии самым коротким маршрутом. Письмо было послано вместе с серебряным столовым набором и полевым биноклем.

Сильные юго-западные ветры и тяжелые облака предотвратили таяние снега, и мы чувствовали большое беспокойство за наших животных, которые, как нам сообщали, ослабли в результате нескольких дней снегопадов.

25 октября 1927 г. Густой туман окутал окружающие холмы, снег прекратился к полудню, когда погода немного прояснилась. Большие стада прошли мимо нашего лагеря. Все они двигались из Нагчу на север в поисках лучших пастбищ. Говорили, что снегопады в

Нагчу и на Шанг-шунгских горах были особенно сильными в этом году, и население торопливо перемещало свои стоянки и стада в район Тангла, где земля была все еще свободна от снега.

26 октября 1927 г. Устойчивый юго-западный ветер разогнал облака и туман, скрывавший горы, и мы были рады солнечному дню, потому что могли просушить палатки. Влажный снег и пронизывающий ветер особен но чувствительны на высотах. Холодный сырой воздух проникает через палатки и делает условия существования скверными. Многие члены экспедиции уже пострадали от холодов, и доктор предсказал наступление трудных времен. Работники лагеря были не достаточно внимательны ночью, и многие из них начинали коченеть.

Один из монголов, отвечающих за животных каравана, возвратился в лагерь и сообщил, что один верблюд умер, а лошади и мулы в плохом состоянии. Желательно брать в Тибет только молодых верблюдов с крепкими зубами, а не старых с изношенными, которые не способны есть короткую грубую траву Тибетского нагорья.

27 октября 1927 г. День был снова солнечный, но очень холодный, термометр показал -20° С. Вечером прибыл посыльный из Нагчу с письмом от губернаторов, адресованным лично профессору Рериху. Губернаторы, обычно известные под составным названием Нагчу хан-нанг-ньи, благодарили нас за подарки и сообщали, что они ожидают ответ от правительства в ближайшее время. Они сами не писали правительству, так как наш случай был спровоцирован верховным комиссаром Хора, который и ответственен за задержку.

28 октября 1927 г. Тяжелые облака неслись над нами всю ночь, и утро было холодным и туманным. Чу-на-кхе представлял собой мрачную картину с белым снежным покровом и унылыми черными палатками тибетского лагеря. Лагеря кочевников опустошили эти места, и было почти невозможно найти достаточное количество топлива и корма. Майор прибыл со своими солдатами и привез провизию из Нагчу, за которую нам пришлось заплатить непомерные цены. Удалось получить четыре мешка китайской муки, один мешок грязного сахара и несколько пакетов свеч. Мы послали письмо, адресованное лично к Его Святейшеству Далай ламе. Письмо было написано по-английски, так как мы знали, что Далай лама имел личного секретаря с хорошим знанием английского, который когда-то был клерком в дарджилингском банке.

Следующий день был снова холодным, с юго-западным ветром и небольшим снегом. В течение ночи несколько волков пробовали приблизиться к лагерю, но их прогоняли наши собаки. Утром лошадь, принадлежавшая одному из милиционеров, была найдена съеденной волками. Мы обратились за разрешением стрелять в волков, но майор заявил, что это против законов Тибета, где стрельба строго запрещена.

Стаи голодных собак бродили поблизости и иногда нападали на людей. Мы приказали милиции отогнать собак камнями, но это очень мало влияло на них. Становилось опасно выходить из лагеря, и мы поставили тибетского майора в известность, что будем вынуждены рассеять стаи собак винтовочным огнем, но тибетец ответил, что это против тибетских обычаев и считается грехом. Он предлагал нам использовать сабли, как поступают местные жители. Мы последовали его совету и осторожно выносили тибетские сабли при выходе из лагеря.

Другой неприятностью были вороны, которые стаями кишели вокруг лагеря. Их нахальство было настолько велико, что они крали продовольствие из кухонной палатки и иногда даже уносили чайные чашки. Огромные птицы питались трупами животных, оставленных караванами.

Голубин пошел с смотреть животных нашего каравана и нашел их в плачевном состоянии. Лошадь, мул, и верблюд замерзли и еще шесть были близки к гибели. Грубой травы было недостаточно, а норма зерна была очень мала, чтобы дать достаточное питание животным. Лошадь или мул получали только около двух фунтов ежедневно. Верблюды не были приучены есть зерно и быстро теряли свои силы. Мы спросили у майора разрешения продать некоторых животных. Но он ответил, что не может позволить нам продавать их, пока правительство не прислало ответ. Ответ все не поступал, и ситуация принимала серьезный оборот. Здоровье нескольких членов нашей экспедиции начинало давать поводы для серьезного беспокойства. Большинство жаловались на сердечные приступы. Нам было

недостаточно теплой одежды, и мы должны были купить войлок и овчины, чтобы сделать зимнюю одежду и обувь.

Впервые за двадцать два дня мы увидели чайный караван на яках, прибывающий из Цу-чуаня. Он принадлежал богатому ламе, который сам сопровождал караван верхом на маленьком черном пони. Он был очень удивлен, увидев европейский лагерь, и длительное время стоял и наблюдал за нами, пока один из милиционеров не приказал ему удалиться.

В течение последних четырех лет торговля Тибета с Монголией и Западным Китаем значительно сократилась. Караваны и паломники из Монголии прибывали только в малых количествах, и число торговцев из Синина было незначительным. Начиная с Китайской гражданской войны торговцы предпочитают морской маршрут Калькутта-Шанхай. Старые караванные пути, соединяющие Тибет с Внутренним Китаем и Монголией, теряют свою важность. Калимпонг и Калькутта – единственный выход Тибета к внешнему миру. Осень – сезон для верблюжьих караванов из Монголии. В прежние годы маршруты были насыщены, но теперь они почти полностью пустынны. Во время пересечения Тибетского нагорья мы не встретили ни одного каравана, и только несколько караванов прошли мимо нашего лагеря в Чу-на-кхе.

31 октября 1927г. Снова солнечный день. Утро было пронзительно холодным, и колонки дыма поднимались от каждой палатки тибетского лагеря. Термометр зарегистрировал -25°С. Майор нанес свой ежедневный визит и принес тридцать два фунта масла, зашитые в шкуру яка, которые стоили двенадцать нгу-сангов, и несколько шкур местного изготовления очень плохого качества. Мы также купили двух яков за тринадцать мексиканских долларов. Майор проинформировал нас, что он получил предсказание известного тантрического ламы, и согласно пророчеству ламы правительственный ответ будет получен через четыре или пять дней.

Следующий день был теплым с ярким солнцем и безоблачным небом. Твердый смерзшийся снег начал таять, и большие лужи образовались вокруг лагеря. Ранним утром большой верблюжий караван прошел в северном направлении. Наши монгольские погонщики вышли поговорить с путешественниками, но были возвращены милиционерами. Монголы ужасно возмутились и жаловались нам на это нарушение их личной свободы. У меня был жаркий спор с начальником милицейской заставы, в результате которого нашим монголам, наконец, разрешили подходить к караванам.

Караван состоял из цайдамских и кхалка-монголов, возвращающихся в родные страны. С караваном шел алашанский монгольский князь. Он сообщил нашим монголам о причинах затруднительного положения и об отношении к нам тибетских властей: власти не в состоянии решить, можно ли разрешить нам следовать дальше или возвращаться. Потому правительство Лхасы ожидало дополнительной информации о нас. Тибетцы были очень встревожены, так как кто-то распространил слух о том, что мы являемся большим корпусом монгольской кавалерии. Отряды помчались к границе, и правительство даже послало несколько горных пушек, чтобы держать под контролем наше продвижение. По словам князя, все монголы собираются оставить Лхасу, где власти угнетают монгольскую колонию. Старшины Хора сообщили нашим людям, что они не понимают политики правительства Лхасы, и что наше принудительное пребывание в Чу-на-кхе было большим бедствием для местных кочевников, которые должны были снабжать нас топливом, продовольствием и поддерживать большое количество людей и лошадей. Все деньги, полученные от нас для пополнения ресурсов, оказались у майора и лишь очень немногое попало к ним. Были их слова истинными или нет, но они были весомы и показали, что задержка вызвана не местными властями и условиями, а более высокими чиновниками в правительстве. На встрече всех членов экспедиции мы решили послать новый запрос губернаторам Нагчу и просить их передать телеграммы из Лхасы в Соединенные Штаты и полковнику Ф.М.Бейли, официальному британскому представителю в Сиккиме. Положение каравана становилось отчаянным. Каждый день мы находили умирающего мула или лошадь. Скопища голодных собак осаждали окрестности, и большие стаи ворон кружили вокруг лагеря. Бедные караванные животные получали только один фунт зерна в день, травы же совсем не было. Ночью голодные животные скитались вокруг лагеря, и мы наблюдали странное поведение лошадей и мулов. Находящиеся при смерти животные неизменно пытались войти в палатки, словно пытаясь найти более защищенные места. Утром мы часто находили лошадей и мулов

мертвыми, и наши монголы, очень привязанные к животным, неистово сетовали на отношения тибетских властей.

В полдень прибыли эмиссар из Нагчу, глава и инспектор службы почтовых станций путей сообщения. Они привезли письмо от губернаторов Нагчу, в котором те писали, что они возвращают наши подарки и не могут пока сделать ничего для нас, что в целом дело касается не их, а верховного комиссара Хора. Они предоставили нам один мешок риса и три мешка продовольствия для лошадей. Посланники сообщили нам, что письмо из Лхасы, снабженное печатью йир-цанг, или судебного министерства, и адресованное Кушо Капшону, проследовало через Нагчу четыре дня назад. По их же словам, письмо от верховного комиссара, как ожидалось, достигнет Чу-на-кхе через четыре или пять дней. Они также информировали нас, что доктор Филчнер и его сопровождение, состоящее из двух миссионеров, путешествуют из Нагчу в Ладак, и что они проследуют путем на Намру и Нагтшанг. Пока они находятся на тибетской территории, будут сопровождаться местными тибетскими чиновниками. Старшина Нагчу сообщил, что было трудно получить яков в достаточном количестве. Мы послали с нарочным письмо губернаторам и телеграмму для передачи ее в Лхасу и затем в Индию.

4 ноября 1927г. Прекрасное утро с небольшим юго-западным ветром, принесшим облака. Днем снова были снег и туман. Чиновники Нагчу сначала отказались брать наше письмо и телеграмму, они боялись получить неприятности, передавая сообщение от иностранцев. В Тибете никто не смеет передавать сообщение, данное иностранцем, если он не уполномочен на это правительством. Чиновники, получившие письменное сообщение от иностранца, будут тщательно скрывать этот факт. Другие никогда не примут письмо, а если оно все же вручено, то швыряют его на пол, демонстрируя отказ. Запрет на иностранцев и необходимость непрерывного шпионажа за некоторыми подозрительными лицами или замаскированными иностранцами сделало народ этой страны чрезвычайно подозрительным. Согласно законам Тибета, каждый человек, встретивший иностранца на территории Тибета, вынужден сообщить об этом ближайшему правительственному чиновнику или представителю милиции.

Валютный курс китайских долларов улучшился, и мы получили шестнадцать шо и пять кармов, то есть нгу-санг, шесть шо и пять кармов за один серебряный доллар. В течение сезона этого года монгольские паломники и тибетские торговцы возвращались в Синин и Цайдам и потребность в китайской серебряной валюте увеличивалась.

5 ноября 1927 г. За ночь выпало много снега, и к утру лагерь был захоронен под несколькими футами снежного покрова. Пришлось откапывать палатки, поскольку некоторые из них напоминали сугробы. Наши бедные верблюды лежали вне лагеря. Некоторые из наиболее сильных поднялись и пробовали отряхнуть с себя снег. Многие уже никогда не поднимутся, они замерзли насмерть, вытянув длинные шеи по земле. Это было печальное зрелище, и наши монгольские погонщики верблюдов серьезно заметили: «Священные писания говорят, что Тибет будет страной Бурхана, и сострадание будет главной добродетелью. Но тибетский Бурхан не имеет никакого сострадания к живым существам». По словам наших караванщиков, многие из которых были ламами, паломники из Цайдама не совершают более опасного паломничества в Тибет, которое в большинстве случаев полностью разоряет их. В настоящее время наибольшее количество паломников из Цайдама и внутренней Монголии идут в Пекин или Ву-тай Шань, чтобы молиться Панчен ламе, и только некоторые просачиваются в Лхасу.

В лагерь приходил цайдамский монгол из Махай, который следовал из Лхасы и нес письмо от Далай ламы монгольскому князю курлуков. Этот человек ехал с женой и детьми на двух верблюдах. Он очень хотел купить нескольких наших верблюдов, так как его собственные животные были измотаны путешествием из Лхасы. Милиционеры возразили против его входа в наш лагерь, но мы приказали им держаться в своей палатке. Они не имели никакого права останавливать посетителей, прибывающих в наш лагерь, поскольку, согласно словам верховного комиссара, мы были гостями тибетского правительства, а не заключенными. Некоторые из наших погонщиков, которые имели собственных верблюдов, попросили разрешения послать их обратно в Цайдам, но майор отказал, так как, по его словам, ни людям, ни животным не разрешалось оставлять лагерь прежде, чем придет ответ от правительства. Наши монголы настаивали на своем праве сделать это и возвратились в

лагерь с жалобой на майора. Мы сразу отправили ему письмо, предлагая разъяснить его действия и требуя, чтобы он дал разрешение и позволил выход без каких-либо иных задержек. Строгая формулировка нашего письма произвела желаемое впечатление, и нашим монголам разрешили передать верблюдов паломнику.

Монгол сообщил, что чрезвычайно трудно достигнуть Лхасы в настоящее время. Много отрядов размещены по маршруту, и два горных орудия недавно были приобретены правительством. Это была та же самая история, известие о которой мы уже получили от проходящих караванов. Пять больших монгольских караванов были по некоторой неизвестной причине задержаны в Нагчу, и животным каравана нечего было есть из-за исключительно тяжелых снегопадов.

6 ноября 1927 г. Снег продолжал падать всю ночь и следующий день. Мы должны были оставаться в своих палатках. Все были утомлены ужасным морозом, который начинал истощать силы. Сохранять собственное тепло внутри палатки на таких больших высотах было почти невозможно. Держать огонь в каждой палатке было также невозможно, так как мы получали ежедневно очень ограниченное количество аргала и его едва хватало для нашей кухни и кухни монголов. Нам приходилось сохранять тепло, гуляя вверх и вниз вдоль лагеря по пешеходной дорожке, специально проложенной для этой цели. После получасового сидения в палатке приходилось снова выходить и двигаться, чтобы согреться, и так продолжалось в течение целого дня. Чтобы сохранять ноги в тепле, мы сделали дополнительные войлочные чехлы из седел верблюдов, которые умерли.

На следующий день один из наших торгутов, приехав в лагерь, сообщил, что лошади и мулы находятся в состоянии ужасной агонии. Скудная трава на пастбище была покрыта несколькими футами снега, и местные охранники не были способны очистить ее. Прекрасный большой мул из Сучоу и одна лошадь замерзли ночью и еще один мул оставлен умирающим.

Майор нанес очередной визит и принес десять маленьких мешков зерна для лошадей и один мешок цампы для персонала экспедиции. Эта провизия была собрана с большим трудом у местного населения, которое испытывало недостаток зерна и других ресурсов. Мы снова попросили майора разрешить продать наших животных торговцам и паломникам из Нагчу, но он ответил то же самое, что не имеет никакой власти делать это без разрешения правительства, которое запретило ему разрешать нам торговать с местными жителями. Как предполагалось, мы получали наше продовольствие от правительства. Майор сообщил забавную историю, которая хорошо отобразила умственный уровень тибетских властей. Экспедиция везла от Сучоу одного петуха и двух куриц. Птицы питались зерном, но поскольку мы нуждались в любом зерне для наших животных, то отдали их майору. Исчезновение птиц из нашего лагеря было быстро замечено, и так или иначе об этом было сообщено губернаторам. Майор адресовал им письмо, говоря, что, согласно его наблюдениям, мы были религиозными людьми и воздерживались от убийства животных. На это он получил ответ, что его утверждение было неправильным, поскольку мы, очевидно, съели петуха и двух кур, которые, согласно их частной информации, исчезли из нашего лагеря. Майор был так возбужден этим ложным измышлением, что послал другое письмо, информи-ровавшее губернаторов, что петух и две курицы переданы ему и теперь содержатся у него. Ветер выл на перевалах, и полузамороженный посыльный пробивался вперед через снега, неся письма о петухе и двух курицах, исчезнувших из лагеря иностранцев!

7 ноября 1927 г. Чрезвычайно холодный день, термометр зарегистрировал -35°С. Устойчивый юго-западный ветер проникал сквозь палатки и делал все, находящееся в ней, ледяным и нетерпимым. Мы были вынуждены оставаться вне их или в палатке кухни, греясь непосредственно у огня.

Следующий день был холодным и солнечным. Снова никакого посыльного из Лхасы. Казалось, безнадежно ждать ответа от правительства, которое решило уморить голодом целый караван, людей и животных. Местные кочевники были утомлены поставкой нам топлива и продовольствия. Их стойбища были далеко, и снег затруднял доставку провизии к Чу-на-кхе. Начальник информировал нас, что они намеревались ждать ответа еще пять дней, и если ничего не будет получено, они будут обязаны сопроводить нас к Байру-гомпа, где находились зимние квартиры верховного комиссара.

Холод усилился, и термометр перед рассветом зарегистрировал -40°С Доктор уведомил майора, что некоторые из наших людей очень плохо переносят холода и могут легко заработать пневмонию, если нам придется остаться дольше на этих высотах. Многие из них жаловались на состояние сердца, и им приходилось давать стимуляторы. У некоторых монголов были распухшие и искаженные лица и конечности. Они передвигались с большим трудом. Наши ламы бормотали молитвы и жгли свечи. Некоторые из них были в серьезном состоянии и не выдерживали трудностей. Лхаса больше не привлекала их, и они говорили о возвращении в Цайдам и Кумбум. Они вспоминали старые писания, в которых было упомянуто, что с отъездом Таши ламы религия будет исчезать из Тибета и что останутся только внешние проявления. Люди становились агрессивными и часто завязывались драки. Сегодня в наш лагерь прибыл солдат и отдал приказ одному из наших милиционеров, который стал выполнять его слишком медленно. Тогда разгневанный солдат схватил огромный камень и ударил бедного хорпа по голове. Человек рухнул на землю, а солдат собирался нанести другой удар. Наше вмешательство остановило драку, и солдата выдворили из лагеря. Раненого хорпа отнесли к его палатке и побежали за доктором. Когда доктор и я вошли в палатку, чтобы перевязать голову раненого, его начальник воскликнул: «Такое лечение предоставлено согласно Девашун-гу его подданным! Грех падет на них!»

Солдаты постоянно пили и играли в карты целый день. Вдохновенные примеры Джецюна Милы и пламенной борьбы великих религиозных реформаторов с восьмого по четырнадцатое столетия были безвозвратно забыты праздными потомками. В настоящее время все наиболее ученые ламы тибетских ламаистских монастырей прибывают из Монголии, Дерге и Кхама. Люди Лхасы допускают праздность, и этот факт уже был замечен сэром Чарльзом Бэллом в его недавней книге. Пообщавшись один день с ученым тибетским гелонгом, он сказал мне: «Вы хотите найти ученых монахов и истинную религию? Почему тогда идете в Лхасу? Лхаса – простой торговый центр, где религия стала придатком торговли. Идите в горы, и в дикой местности вы найдете лам, сведущих в заповедях святости».

9 ноября 1927 г. Снова холодный день, полный вечного ожидания ответа из Лхасы. Тибет проходит ту же стадию развития, которая привела к краху старый Китай. Древние указы Манчу стали ненужным пережитком. Большинство из молодого поколения, кто посетил Индию с ее современными тенденциями, уже зажигаются желанием строить свои жизни на новой основе и внести большие изменения в указания древних.

Монгольский караван, обслуживающий курлукского князя, окружил наш лагерь, и наши монголы помчались, чтобы поприветствовать своих соотечественников. Милиция попыталась предотвратить это, и страсти сильно накалились. Нам пришлось вмешаться, так что в итоге монголам разрешили поговорить с караванщиками. Они, кажется, из Курлука, с верблюдами, принадлежащими их князю, собирались в Лхасу, чтобы забрать обратно золотой манускрипт Канджур, заказанный несколько лет назад князем. Далай лама содержит отделение лам-копиистов, в чьи обязанности входит копировать священные тексты. Манускрипты Канджура, написанные золотом, очень дороги, и только несколько монастырей и богатые семейства из старинных родов обладают наборами золотых Канджуров. Страницы таких Канджуров неизменно окрашены черным или очень темно-синим цветом и состоят из нескольких листов бумаги, склеенных вместе. Буквы в них из толстого золота, и воры часто крадут страницы или даже целые тома, чтобы соскабливать его. Некоторые из этих манускриптов имеют исключительно прекрасные деревянные переплеты, с резными фигурами Будды и другими мотивами тибетского религиозного орнамента. Эти канджурские манускрипты важны для исследовательской текстов, так как многие из них датированы и показывают древнюю орфографию. Большие монастыри Ташилунпо и Лхасы обладают превосходными копиями манускриптов с датами и тонко вырезанными деревянными досками, которые служат переплетами.

Вне Тибета наборы манускриптов Канджура чрезвычайно редки. Насколько я знаю, ни одного золотого набора манускриптов не существует. Монгольский князь Курлука заказал золотую копию манускриптов Канджура из Лхасы и остался более чем на три года в Лхасе, чтобы контролировать работу.

Мы снова написали майору протест против действий милиции и потребовали письменного объяснения этого случая. Сначала майор сильно сопротивлялся, не желая

давать письменные заявления, но наконец написал, что монголы, которые проходили через наш лагерь утром, были плохими людьми и что мы должны избегать говорить с ними. Если бы курлукский князь слышал это!

Перед рассветом 10 ноября термометр зарегистрировал -20°С, но в полдень показал +10°С. Снег таял, и большие лужи окружили палатки. Майор нанес нам неожиданный визит и принес важные новости о том, что он получил письмо от верховного комиссара Хора, извещающее, что получено письмо из Лхасы, сообщающее, что правительство рассматривает наш случай. Это было первое письмо от правительства, подтверждающее получение сообщения из Чу-на-кхе.

11 ноября был холодный ветреный день со снежными заносами. Тяжелые облака ползли по холмам, обещая ночью снегопад. Главный начальник области неожиданно возвратил наше письмо, адресованное Его Святейшеству Далай ламе, посланное нами 28 октября. Он рассказал странную и невероятную историю о том, что письмо было потеряно посыльным и что другой путешественник подобрал его. Мы потребовали послать письмо еще раз и наказать предыдущего посыльного за небрежность. Посыльный с письмом умчался в тот же самый день. Большой монгольский караван на верблюдах проследовал на север. Наши люди переговорили с караванщиками, которые оказались ламами из Баруна и Дзун дзасака в Восточном Цайдаме. По их словам их караван был задержан на двадцать один день в Нагчу. По лхасскому пути прошли слухи, что на севере Нагчу стоял иностранный генерал с большим кавалерийским подразделением. В Нагчу люди говорили о большом нойоне или князе, прибывшем из Китая.

Прибыл в лагерь один из монголов, отвечающий за лошадей, и сообщил, что еще четверо животных погибли. Мы решили привести оставшихся лошадей и мулов к лагерю и попробовать продать их путешественникам Нам пришлось купить еще войлока, чтобы защитить себя от ночного холода. Холод был настолько силен, что ночью в карауле невозможно было найти себе места, и защита лагеря была поручена местной милиции, которая благополучно выдерживала погоду. У всех наших монголов были сердечные приступы. Они негодовали на жестокое отношение тибетских властей, и становилось все труднее сдерживать их чувства. К вечеру еще один большой верблюжий караван проследовал к северу, длинная вереница нагруженных верблюдов с людьми, идущими перед животными. Унылый холодный вечер следовал за холодным днем, и снежные порывы секли лица и ветер ревел в горах.

12 ноября. Снег шел всю ночь, но день был теплый и ветреный. Лошадь, мул и два верблюда умерли в течение ночи. Чтобы защитить оставшихся от холода, мы купили еще войлок и покрыли им дрожащих животных. Лошади и мулы представляли собой скелеты с длинными гривами и жесткой длинной шерстью.

13 ноября. Снегопад принес изменение в погоде и температуре. День был теплым и туманным, и плотная завеса скрыла окружающие горы Майор нанес нам еще один визит, и мы долго беседовали о ситуации. Он осмотрел животных каравана и нашел их в ужасном состоянии, многие из них были обречены. Он внезапно понял безнадежное положение каравана и согласился послать другого посыльного в Нагчу, чтобы убедить губернаторов постараться быстрее получить ответ из Лхасы. Мы имели достаточно тибетского гостеприимства. Мы вспомнили, что слышали о том, как несколько месяцев назад тибетский караван был задержан на несколько дней по приказу китайских властей. Тибетцы были разъярены и протестовали против такой задержки.

14 ноября. Облачное утро с серыми облаками, плывущими с юго-запада. В полдень необычно сильный снегопад полностью похоронил лагерь, что привело к большому количеству смертных случаев среди караванных животных. Лагерь был теперь окружен трупами лошадей, мулов и верблюдов. Вороны и большие стаи собак обгладывали их. Каждое утро приходилось далеко оттаскивать новый труп животного, умершего в течение ночи.

15 ноября. Тяжелый снегопад продолжался всю ночь, и утром мы едва могли перемещаться по лагерю. Снег необходимо было отгребать от входов в палатки, чтобы обитатели смогли выйти. Верблюды, связанные вьючной веревкой, были полностью захоронены под снегом и отказались подниматься. Это было плохим признаком и означало,

что животные будут вскоре мертвы. Голодные мулы начали есть войлочные покрытия и хвосты друг друга.

16 ноября. Профессор Рерих заболел и должен был остаться в постели. Доктор также страдал от слабости сердца. Я написал еще письмо к майору, проинформировав его, что мы решили идти в Нагчу без задержки, поскольку дальнейшее ожидание причинит невосполнимый вред. Майор теперь старался избегать наш лагерь, отговариваясь тем, что он занят местными вопросами.

Местные старшины посоветовали нам отвести оставшихся верблюдов в Цомра, место в окрестностях Нагчу, где курлукский князь содержит своих верблюдов. По их словам, снегопады не были там столь сильными, и старой травы могло быть в достаточном количестве. Два мула и один верблюд замерзли в течение дня.

17 ноября. Ночной снегопад добавил еще дискомфорта, а теплое утро растопило снег. Воздух был сырой, и большие лужи быстро покрывали землю в лагере. Профессор Рерих все еще страдал от холода, и его состояние начинало беспокоить. Я направил посыльного к майору восемь раз, требуя, чтобы он прибыл, но он не появлялся, и наши служащие сказали, что видели его пьяным и неспособным говорить. Проходящие путешественники сообщили о тяжелом снегопаде в Шанг-шунгских горах. На Шанг-шунгском перевале снег достигает почти до седла, и всадники были не в состоянии пересечь перевал. Местные кочевники потеряли большую часть своего рогатого скота, и несколько семейств, находившихся в окрестностях, пытались переместить свои стоянки дальше на север.

18 ноября. Холодный ясный день последовал за унылыми днями и ночами со снегопадами. Термометр зарегистрировал -35°С утром, и низкие температуры преобладали в течение дня. Посыльный добрался до Чу-на-кхе с сообщением, что письмо из Лхасы должно было прибыть через четыре дня. Профессор Рерих все еще болел, отношение майора вызывало значительное раздражение среди служащих нашего лагеря.

19 ноября. Солнечный яркий день. Ранним утром умерла одна из самых лучших лошадей. Бедное животное долго билось в агонии, а голодные собаки сидели вокруг нее в ожидании конца. У монгола, который ездил на этой лошади, разрывалось сердце, он держал в руках голову умирающего животного до тех пор, пока не наступил конец.

В полдень майор возвратил наши письма Его Святейшеству Далай ламе и полковнику Бейли и несколько телеграмм в Нью-Йорк, которые были посланы для передачи через Лхасу в Индию. Губернаторы Нагчу написали, что они неспособны отправить эти письма в Лхасу из-за тяжелого снегопада на Шанг-шунгском перевале. Солдат, который ушел в Нагчу, чтобы купить зерно для животных, возвратился с провизией. Ему удалось закупить только два маленьких мешка зерна и один мешок плохой муки. Бедные караванные животные должны голодать. У нас было немного зерна, или цампы, и животных приходилось кормить чурой, или тибетским молочным сыром, и сухим чаем, который еще можно было найти у местных жителей. Большинство верблюдов были отправлены в Цомра, и только два лучших остались с нами. Чтобы хорошо сохранить их, пришлось распарывать верблюжьи седла и кормить их соломой, которой были набиты седельные подушки.

20 ноября. Холодные дни с морозными ночами, в течение которых термометр зарегистрировал до -40°С. Земля сильно промерзла, а растаявший снег превратился в толстый слой льда, который затруднял движение.

22 ноября. За холодным безветренным утром последовал ветреный день. Юго-западный ветер обычно начинался после полудня и непрерывно дул до заката. Было невозможно оставаться долго снаружи, а внутренность палаток была слишком промерзшей. Полковник страдал от общего расстройства. Он остался в постели, и мы волновались за его состояние. Майор нанес свой ежедневный визит и сообщил мне, что, согласно тантрическому ламе, который теперь находится с ним в его лагере, письмо от правительства прибудет очень скоро и что мы не должны волноваться. Он сообщил мне, что он помнит, как видел мадам Девид Ноэль в Джекундо, но откровенно признался, что ничего не знает о генерале Перейра, который был там примерно в это же время.

На следующий день сильный ветер дул с самого утра и термометр зарегистрировал -25°С. Ничего не было известно о посыльном, который, как говорили, находился на пути в Лхасу. Некоторые из милиционеров провели целый день, наблюдая за дорогой. Расспрашивали каждого вновь прибывающего из Нагчу, но все были в полном неведении

относительно какого-либо посланника или письма на дороге. Еще две лошади замерзли и несколько других были на грани гибели. Мулы скитались около лагеря в поисках пищи и поедали все, что находили на земле. У одного из погонщиков мулов пропал его ремень, а другой нашел съеденной свою меховую шапку. Возможности желудков мулов просто замечательны.

К вечеру мороз усилился, но ветер стих, и ночь была холодной, но тихой. Вечером я зашел в милицейскую палатку и увидел, что люди спят, сидя на голой земле. Это было чудо, что они не замерзали до смерти в своих рваных шубах из овчины.

24 ноября. Утро было одно из самых холодных, которое мы испытали, термометр зарегистрировал -45°С. Серый иноходец тибетского проводника был найден мертвым в снегу. Стаи голодных собак становились опасны и нападали на людей за лагерем. В этот день они убили трех овец. Милиционеры держали их на расстоянии, бросая камни, но без особых результатов. Собаки рассеивались и сразу же собирались снова в другом месте. Ночью мы едва могли спать из-за непрерывных завываний и лая. Собаки даже влезали в палатки и крали провизию. Местные жители считали, что необычный снегопад был наказанием, посланным Тибету за странное поведение правительства по отношению к нам.

25 ноября. Снова морозный день с температурой – 25°С. Утром мы провели собрание всех европейских членов экспедиции, и было решено попробовать получить разрешение пересечь Тибет к Индии восточным или западным путем через Шигадзе. Послали человека к майору, который прибыл сразу, очень встревоженный нашим решением начать южный путь. После длительной беседы он согласился сообщить наше намерение губернаторам Нагчу и просить их спешно запросить Лхасу.

26 ноября. Снова остро холодный день. Температура понизилась до -55°С, и утром мы обнаружили, что коньяк замерз во флягах. Интенсивный мороз вызвал поломку наших инструментов и часов, поскольку их пружины были неспособны выдержать такой холод. Чтобы сохранить тепло ночью, мы должны были спать в тяжелых меховых мешках и покрываться дополнительными меховыми одеялами. При пробуждении утром мы обычно обнаруживали внешнее одеяло полностью замороженным и образовавшим что-то вроде купола над лагерной постелью. Не могло быть и речи о том, чтобы подняться прежде, чем солнце немного прогреет воздух. Даже после этого процесс одевания (а мы снимали только верхние меховые пальто и верхние меховые сапоги) был болезненной операцией. Руки и ноги немели и отказывались повиноваться. Каждое утро можно было видеть одинокие фигуры наших коллег, бродящих вокруг своих палаток в бесполезной попытке согреться. Большие высоты усилили холод, и было едва возможно делать какую-либо работу.

Несмотря на эти затруднения, наши монголы выказали прекрасный дух и не жаловались. Людям приходилось проводить большую часть дня в холодной палатке. Чтобы согреться, они должны были бродить вокруг лагеря и при этом непрерывно читали молитвы. Было жалко видеть эти тихие фигуры, медленно двигающиеся вокруг. Их лица стали истощенными, с особенно обострившимися чертами, ввалившиеся же глаза приобрели специфический вид, который присущ людям, находящимся при смерти.

В результате несоответствующего питания цинга стала почти повальной среди наших местных спутников, а в конце нашей задержки даже появилась и среди европейского персонала. В целом европейцы показали лучшую сопротивляемость. Несколько монголов страдали от ослабления сердечной деятельности, и их руки и ноги сильно опухли. Они едва могли двигаться и создавали бесконечные причины для беспокойства.

Майор сдержал свое обещание, и посыльный выехал в Нагчу. Чтобы показать тибетцам, что наше намерение отправляться серьезно, мы начали восстанавливать седла и приспосабливать грузы. Хорп наблюдали за всеми этими процессами с большим интересом, и можно было слышать их замечания типа: «Конечно, они могут уйти в Шигадзе. Что делает Дева-шунг?»

27 ноября. Мы провели тихий день. Каждодневная программа наших занятий была ужасно однообразная. Мы поднимались рано, вскоре после рассвета. После завтрака мы все работали в лагере, кормили животных, восстанавливали палатки и писали письма различным чиновникам. Время от времени, чтобы согреться, последнее занятие прерывалось прогулками вверх и вниз по лагерю. Около полудня майор наносил свой ежедневный визит, и мы обычно тратили по несколько часов на переговоры. Вечером мы снова ходили по

лагерю или писали в палатках. Было почти невозможно пользоваться пишущей машинкой. Пальцы примерзали к клавишам, и приходилось одевать перчатки. На закате каждый возвращался в свою палатку, чтобы провести ночь в меховом мешке.

Вечером 27 ноября необычное волнение в тибетском лагере указало на прибытие двух посланников от верховного комиссара Хора. Майор прислал сообщение, что он приедет рано на следующий день с письмами от верховного комиссара.

28 ноября. Майор прибыл около полудня и принес письмо от верховного комиссара. После обычных вежливых фраз верховный комиссар извинился за то, что не послал наши письма к Его Святейшеству Далай ламе и полковнику Ф.М. Бейли. Два письма он возвратил. Он также сообщал, что правительственный ответ будет передан через губернаторов Нагчу и с этого времени мы должны обращаться непосредственно к ним. Верховный комиссар, очевидно, пытался избежать ответственности и был не способен дать определенный ответ от правительства. Я был уверен в этом. Письмо было составлено в таких неясных выражениях, что становилось понятным, что верховный комиссар не способен принять какое-либо четкое решение. Любое постановление тибетского правительства излагалось в такой же манере, и чиновник, к которому оно было адресовано, не мог разобраться о реальных намерениях авторов. Последовав совету верховного комиссара, мы отправили посыльного губернаторам с сообщением, что решили двигаться в Нагчу и провести с ними переговоры о нашем дальнейшем маршруте в Индию.

Поздно вечером лама Риг-дзин прибыл с двумя верблюдами из Цомра и сообщил, что пять других умерли, а оставшиеся двенадцать не способны двигаться и уже несколько дней не поднимаются. Так пришел конец нашему верблюжьему каравану. Сорок прекрасных верблюдов погибли и только четыре остались живы. В Цомра находилось около сотни верблюдов, принадлежащих монголам, и большинство из них были в ужасном состоянии. В Цомра прошли сильные снегопады, и заносы, как сообщалось, распространились далеко на юг и достигли монастыря Ра-денг на южных склонах Шанг-шунга. Из-за этого груженые животные не могли перейти перевал Шанг-шунг и только государственные посыльные поддерживали связь с Лхасой.

29 ноября. Утром обнаружились новые потери животных. Один мул был найден мертвым, а другой пропал. Несколько человек пошли его искать, но нашли также мертвым, засыпанным снегом у подножья холма. В остальном день прошел спокойно.

30 ноября – облачный день с сильным юго-западным ветром. К полудню ветер стих, и до вечера было безветренно и солнечно. Голубин и лама Кхе- дуп пошли на стойбище кочевников, которое находилось милях в трех от лагеря, чтобы купить масло и мех. Охранники оказались в затруднительном положении и попросили нас не ходить. Местным кочевникам было строго приказано не продавать продовольствие, и те сильно опасались майора и его солдат. Голубин и Кхе-дуп возвратились к вечеру с небольшим количеством масла и тибетского сыра. Голубин сообщил, что стойбища окружены остовами мертвых яков и овец и что собаки мешали подойти к стойбищам.

1-3 декабря. В течение этих дней погода была более теплой. О новых снегопадах на перевалах не сообщалось, и груженые животные, как говорили, уже могли пересечь Шанг-шунг по хорошо утоптанной снежной тропе. Несмотря на долгожданные новости, что путь к Лхасе открыт и что караваны и группы паломников успешно пересекают перевалы, ответа от правительства не последовало, и мало вероятно, что он когда-либо мог появиться. Таможенный чиновник, размещавшийся в Чу-на-кхе, поехал в Нагчу, чтобы решить с губернаторами вопрос о нашем прибытии туда.

4 декабря. Солнечный день. Юго-западный ветер сдул снег с западных склонов холмов. Но на северных и восточных он оставался все еще очень глубоким. Был тибетский праздник. Майор и солдаты пьянствовали с раннего утра. Хорп принес для продажи горошину мускуса по непомерной цене в сорок китайских долларов. Правительство запрещает охоту, и цены на мех и мускус были потому очень высоки.

7 декабря. Из Нагчу прибыл солдат и возвратил наши письма, адресованные губернаторам, нераспечатанными! Губернаторы отказались пересылать письмо полковнику Бейли и даже имели наглость вернуть назад адресованное им письмо нераспечатанным. Очевидно, майор был прав, что губернаторы – трудные люди. Один из торговцев говорил, что «верховный комиссар Хора – человек благородного происхождения с приятными

манерами и речью, но губернаторы Нагчу-выскочки». Их такое поведение, кроме того, что оно было нецивилизованным, оказалось очень странным, и мы написали по этому поводу длинный протест и послали его верховному комиссару Хора.

8 декабря, 9, 10, и 11. Посыльный с нашим письмом уехал рано утром. Местное население осудило своевольные действия губернаторов. Следующие несколько дней были потрачены в интенсивных попытках убедить майора переместить лагерь в Бьиру гомпа, зимнюю штаб-квартиру верховного комиссара. На месте легче получить разрешение на передвижение по его территории.

На больших высотах, как было отмечено, очень трудно поддерживать строгую дисциплину среди людей, они становятся агрессивными. И хотя наши люди показали необычайное мужество и терпение, все же начали сдавать к концу вынужденной задержки. Однажды ко мне в палатку пришел один из монголов и сообщил низким голосом, едва способным скрыть волнение: «Господин, наши сабли сами собой становятся все более и более острыми! Если вы не примете меры, произойдет кровопролитие!» Существует поверие среди монголов и тибетцев, что ножи и сабли внезапно заостряются перед сражением или ссорой. Я понял опасность и пошел к палатке служащих. Люди сидели вокруг очага и некоторые исследовали лезвия своих сабель, другие возбужденно что-то обсуждали. При расспросах оказалось, что двое из них поспорили несколько дней назад из-за дополнительной чашки чая, и конфликт остался неразрешенным. Вчера люди обнаружили, что их сабли внезапно стали более острыми, и сегодня этот процесс самообострения продолжался. Атмосфера была напряженная, и лишь немногие более спокойные головы решили сообщить о происходящем. Мы забрали все ножи и сабли в свои палатки на то время, пока напряжение не спадет. Последние три недели, предшествующие нашему освобождению, были особенно изнурительны из-за скрытого волнения среди людей, и нам приходилось быть чрезвычайно осторожными, чтобы не вызвать ссоры или среди наших спутников, или с местным населением.

12 декабря. Майор прибыл опять в полдень, и мы долго беседовали. Опять та же история, которую мы слышали ежедневно, начиная с начала вынужденной задержки: «Не могу разрешить вам идти дальше до получения ответа от правительства». «Но если некоторые из нас умрут, оставленные на произвол судьбы, или получат серьезную болезнь, кто будет тогда отвечать? Правительство Тибета думает о возможных осложнениях?» На все эти вопросы майор отвечал сожалеющим взглядом и говорил, что, вероятно, правительство сделало его козлом отпущения, что тибетские лук-со, или традиции, трудны и жестоки, что тибетцы унаследовали много плохих качеств от своих предков, великанши-людоедки и обезьяны. Тибетцы легко говорят о своих плохих чертах и обычно находят объяснение этому в мифологической истории происхождения народа. Обезьяна и великанша-людоедка повинны в большинстве их плохих качеств. Профессор Рерих решил переместить лагерь к Шаругонскому монастырю бон-по, место, как говорили, хорошо защищенное от ветров.

13 декабря. Была послана разведка в сторону Шаругонского монастыря, чтобы найти подходящее место для лагеря. Мы не собирались останавливаться в монастыре и выбрали плоскую площадку на берегу маленького ручья, впадающего в реку Чу-на-кхе. Высокий гранитный отрог защищал место от юго-западных ветров. Узкая горная долина, находивша яся к югу, поднималась к ущелью, через которое проходила дорога в Нагчу.

15 декабря. Очень холодное утро с пронизывающим ветром. Река возле лагеря неожиданно вздулась подо льдом и на большом участке разлилась. Майор появился необычно рано, около семи утра, и сообщил, что уезжает в Нагчу посоветоваться с губернаторами. Мы согласились с ним, но тем временем решили перенести лагерь в Шаругон и ждать там возвращения майора. Майор сказал, что едет по собственному желанию и что не имеет на этот счет никаких инструкций от правительства.

16 декабря. Очевидно, что-то происходит, «что-то», что скрывается от нас. Старшина, который сопровождал нас от Шенгди до Чу-на-кхе, прибыл в лагерь и сообщил, что получил приказ сопровождать майора в Нагчу. Около полудня майор, старшина и наш тибетский проводник из Урги уехали. Оставшийся день был проведен в укладке грузов. В течение следующего дня мы переносили лагерь в Шаругон.

17 декабря. Потребовалось семьдесят яков для транспортировки нашего лагеря и багажа в Шаругон. Некоторые из животных были настолько дикими, что сбрасывали грузы и

убегали к холмам. Много поклажи было сильно повреждено. Нам не удалось переправить весь багаж за один день, и Голубин с двумя монголами остались, чтобы на следующий день перевезти оставшиеся грузы.

На пути к Шаругону снега не было. После двухчасовой поездки мы достигли монастыря. Не было и речи о том, чтобы разбить лагерь на монастырском дворе или занять две холодные и сырые комнаты на втором этаже ду-кханга. Мы установили палатки на том месте, которое я выбрал два дня назад. Новый лагерь вытянули в одну линию, чтобы избежать скоплений и оставить свободным проход. Вблизи от лагеря находились развалины старой каменной лачуги, которая была раньше собственностью богатого семейства кочевников.

Главный лама монастыря нанес нам визит и принес немного молока. Он сообщил, что монахи не возражают против нашего пребывания в монастыре, но против размещения там майора. По словам старика, майор был плохой человек, и местные божества будут, вероятно, ему вредить.

18 декабря. Ночь стояла тихая, и было приятно отдохнуть в защищенном месте после сильных ветров Чу-на-кхе, которые не давали спать своим ужасным шумом в палатках. В полдень прибыл Голубин с остальным багажом. Он рассказал забавную историю о крысе, которая жила в моей палатке и была всегда источником дискомфорта. После демонтажа палаток Голубин увидел крысу, мчащуюся по лагерю в поиске защиты. Она скоро исчезла, вероятно нашла укромное место. Каково же было наше изумление, когда нашли ее, сидящей между седлом и горбом верблюда! Животное привыкло перемещаться с тибетскими лагерями, а теперь оно присоединилось к нашему каравану.

19 декабря. Солнечный и теплый день, но утро перед рассветом было резко холодным. Узкое ущелье, в котором наш лагерь был расположен, было окружено со всех сторон высокими горными хребтами, и солнце появлялось только около девяти часов. До этого времени лагерь был погружен во тьму. Небо над гребнем горы сразу освещалось золотисто-желтым светом, а несколько мгновений спустя первые лучи солнца освещали монастырь. В монастыре затрубили в раковину, и ламы начинали свои каждодневные занятия. Мы всегда с нетерпением ждали этого момента, приносившего тепло и позволявшего нам начать работу по лагерю. До того, как солнце появлялось над вершиной хребта, холод был настолько силен, что невозможно было что-либо делать. Руки примерзали к металлическим предметам, и даже чай не мог согреть нас. Перепады температуры были очень замечательны – около полудня было +20°С на солнце, а после заката температура падала до -25°- 30°С.

Солдат прибыл от монастыря и попросил нашего доктора посетить жену майора, которая в течение нескольких прошлых дней страдала от холода. Мы нашли молодую женщину сидящей в грязной монастырской келье, сырой и холодной, с открытыми окном и дверью. Доктор обнаружил у нее пневмонию. Женщина была обречена, и единственное, что могло бы ее спасти, – переезд на небольшую высоту и в лучший климат. На высоте почти 16000 футов пневмония была смертельна, и ничем помочь было нельзя. Наш доктор дал некоторые лекарства, чтобы немного облегчить страдания, но не было никакого шанса на ее выздоровление.

В течение нашего пребывания в Шаругоне я договорился с главным ламой монастыря исследовать Канджур и Танджур бон-по, найденные в монастырской библиотеке.

Богатый лама бон-по, который жил выше в ущелье, посетил наш лагерь и очень хотел поторговать с нами. Мы поэтому послали Голубина в его лагерь, и тот вернулся с некоторым количеством баранины, масла, и, что было более важно, свежего молока.

20 декабря. Неожиданно из Нагчу возвратились тибетские и таможенные чиновники. Они передали приглашение от губернаторов посетить их, которое предоставлялось профессору Рериху, г-же Рерих и мне. Остальные члены экспедиции должны были ожидать результатов переговоров. Мы ответили, что экспедиция не может быть разделена и что мы можем перейти в Нагчу только вместе с остальными европейскими сотрудниками. Письмо с такими условиями посылалось губернаторам, чтобы поставить на место наши отношения.

21 декабря. После ветреного дня с легким снегом последовала теплая ночь. Доктор нанес еще один визит жене майора, которой стало хуже.

Наш тибетский проводник передал сообщение от губернаторов, в котором они выражали желание помочь нам на пути к Индии. Они очень удивлены отсутствием какого-

либо ответа из Лхасы. В Нагчу были получены новости, что экспедиция Филчнера была блокирована в снегах где-то на пути к Намру или Нагтшанг.

22 декабря. Солдат прибыл от Бьиру гомпа и возвратил все наши письма и телеграммы, адресованные полковнику Ф.М. Бейли и в Нью-Йорк. Верховный комиссар также сказал в оправдание, что путь к Лхасе был перекрыт снегами, и посыльные не могли преодолеть перевал. Верховный комиссар, услышав о нашей трудной ситуации, послал нам два мешка муки, четыре мешка цампы и десять маленьких мешков зерна для животных. Солдат сообщил нам, что никакие письма от правительства в Бьиру гомпа получены не были, и что чиновник чувствовал большое беспокойство из-за нашего дела.

25,26 декабря. Прошедшие три ночи были исключительно холодными, и температура понижалась до -35°С. Дни были ветреные, и колючий снег вынудил нас находиться в палатках. В полдень 26 декабря в Шаругон неожиданно возвратился майор и прислал посыльного в наш лагерь с известием, что он хотел бы завтра иметь длительную беседу.

27 декабря. Снова сильный холод всю ночь. День был ясный, но холодный, и было невозможно согреться. Мы потеряли еще две лошади. Одна из них была, вероятно, отравлена тибетским сыром плохого качества.

Майор посетил лагерь в полдень и сообщил, что губернаторы не в состоянии разрешить целой экспедиции посетить Нагчу, и они решили приехать и повидать нас в Шаругоне. Новое письмо со срочным запросом предоставить решение послано в Лхасу. По словам майора, ситуация в Нагчу была очень трудной. Население района страдало от голода и большинство рогатого скота замерзло. Маленький мешок муки (около двадцати фунтов) продавался за двадцать нгу-сангов. Бревно для дров стоит один нгу-санг.

28 декабря. Холодный и облачный день. Ранним утром Голубин поехал, чтобы купить баранины и зерна для лошадей. Он скоро возвратился с одним мешком зерна и тремя овцами, которых ему удалось купить с большим трудом. Местные хорпы сообщили ему, что майор снова запретил всю торговлю с нами. В полдень ситуация стала еще более трудной, и все местные старшины прибыли в лагерь и сообщили, что они больше не могут поставлять нам зерно и цампу. С этого времени нам придется либо оказаться перед опасностью голода, либо пытаться убедить губернаторов Нагчу разрешить нам переместиться в Нагчу. Я ответил, что их дело – поставлять нам нужное количество зерна и что в случае, если не будут способны делать это, то должны обратиться в правительство за указаниями. Мы стремились идти на юг и с удовольствием бы отправились, но в таком случае местные старшины были бы привлечены к ответственности. Эти слова возымели влияние на них, и старшины, наконец, согласились продолжать снабжать нас зерном и цампой. Они попросили, однако, чтобы мы настояли, чтобы губернаторы дали нам разрешение путешествовать в южном направлении.

29 декабря. Наш доктор снова навестил жену майора. Она была вне всякой надежды на выздоровление. Старшины хорпов по некоторым причинам снова отказались снабжать нас достаточным количеством продовольствия. Часовые были посланы во все соседние стоянки, чтобы запретить жителям продажу нам продовольствия. Мы отправили разведывательный отряд, который был вооружен, как мера предосторожности, с целью исследовать ситуацию и попытаться получить необходимое. Каждый раз, когда отряд подъезжал к стоянке, сторожевой убегал и оставлял проход свободным. Стало ясно, что местное население только для вида следует указаниям старшин. У меня была резкая беседа с солдатом и местными старшинами. Мы послали письмо верховному комиссару, заявляя, что его постановления не выполняются и что население открыто восстает против майора и его солдат. После горячего обсуждения старшины согласились продолжать поставку нам продуктов и разрешать местному населению торговать с нами. Майор также обещал уладить ситуацию.

31 декабря. Ранним утром мы выпустили другой вооруженный отряд, чтобы выяснить, возымели ли вчерашние беседы какой-либо результат. Мы обнаружили, что местное население стремится торговать, и смогли купить мясо и масло. Местный старшина прибыл, чтобы принести извинения, и проинформировал нас, что запрещение на торговлю было отменено майором. Сегодня был восемьдесят седьмой день нашей принудительной задержки и последний день трудного года.

Январь, 1, 3, 1928. Слухи принесли известие, что губернаторы находятся на пути в Шаругон и что заказываются лошади, которые должны ждать их прибытия на почтовых станциях между Чу-на-кхе и Нагчу. Было беспрецедентно, что губернаторы оставляли Нагчу,

чтобы вести переговоры с иностранцами, и было невозможно сказать, что заставило их прибыть.

Жена майора была в критическом состоянии, но упрямо отказывалась следовать инструкциям доктора.

Майор и его солдаты быстро теряли контроль над местными кочевниками, и мы заметили большое количество вооруженных соплеменников около монастыря. Местное население было, очевидно, утомлено необходимостью поставки нам продовольствия и посещениями майора и его солдат, которые получали все припасы бесплатно.

XVI

ХОРПЫ И ИХ СТРАНА

Обширная горная местность севернее Нагчу в Тибете известна под названием Хор, а племена кочевников, населяющие ее, называются хорпами. Чтобы отличить ее от пяти княжеств Хора (тиб. Хор-сде-лнга) на границе Сичуаня, район севернее Нагчу назван Нуп-хор (тиб. Нуб-хор) или Западный Хор.

Восточный Хор посетил и описал французский исследователь М.Ж.Бакот во время его знаменитого путешествия в 1909 г.

Границы обширной провинции хорошо обозначены. Линии границы обычно проходят вдоль горных хребтов, но во многих случаях племена хорпов пасут свой скот с обеих сторон от границы. Южная граница провинции проходит по горной цепи, в которой расположен перевал Тасангла (высотой 16570 футов). Хотя узкая горная долина непосредственно южнее перевала, перевал находится все еще на территории племени Паоро.

С запада Хор граничит с племенной территорией Амдо тшо-нак, населенной переселенцами из Амдо, управляемой губернаторами Нагчу. За северной границей области, называемой Дричу, или Янцзе, находятся необитаемые тибетские плоскогорья, относящиеся к Чантангу. В Дричу располагаются каких-нибудь двадцать палаток, которые занимают главным образом заставы милиции и их семьи, которые пасут стада домашних яков на южном берегу реки.

К востоку и северо-востоку регион Хора простирается далеко к Таши гомпа и провинции Нангчен, которая управляется китайскими властями из Синина.

Я дам только общее описание природного аспекта страны; детальные описания уже давались в предыдущих главах о продвижении экспедиции.

Регион Хора – это страна, в которой чередуются покрытые травой холмы, долины с болотистой почвой и огромные снежные горные цепи, которые в большинстве тянутся с запада на восток. К востоку страна больше пересечена и своим ландшафтом, с узкими и глубокими разрезами долин, возвышающимися утесами, напоминает путешественнику периферийные области Восточного Тибета.

Главная географическая особенность – высокий обширнейший горный массив Тангла, водораздел между верхним течением рек Дричу (Янцзы), Дзачу (Меконга) и Нагчу (Салуина). Эти три великие реки Азии имеют свой источник в этом регионе. Горные местности между верхним течением Меконга и Салуина пока еще не исследованы. Ни американский, ни европейский путешественник не пересекал отдаленные восточные ответвления могущественного Тангла. Район изобилует горячими серными источниками и подземными ключами с пресной водой. Ровные почвы долин покрыты разновидностью крупной осоки, которая предоставляет обильные пастбища стадам рогатого скота и овец. Поросшая травой местность Хора является одной из крупнейших скотоводческих областей в Тибете и одним из закрытых владений правительства Лхасы.

Климат суровый и необычный, западные ветры проносятся через волнистые холмы и нагорья. Длинная и жестокая холодная зима в шесть месяцев замораживает страну и делает ее пустынной и негостеприимной.Снежная зима часто вызывает сильный падеж скота, и большое количество богатых семейств часто доходят до бедности после суровых ураганов, длящихся неделями, которые покрывают местность слоем снега в 4-5 футов.

Весна начинается только в конце апреля или в мае, когда реки вскрываются и земля, насыщенная талой водой, украшает луга свежей травой. За весной следует короткое лето в каких-нибудь два месяца. В этот период местность получает наибольшее количество осадков, которые выпадают с конца июля до конца августа. Ясные солнечные дни летом редки, и вершины гор скрыты плотными дождевыми тучами. Затем приходит прохладная и ясная осень с бодрящими безветренными днями и холодными, но ясными ночами – лучший сезон для путешествий по всей горной местности Тибета. Я уже писал о значительных суточных изменениях температуры, которые характерны для Тибета и других пустынных областей Внутренней Азии. Перепады температур и ураганные ветры, дующие поздней осенью и ранней весной, сильно способствовали формированию рельефа местности.

С географической точки зрения, такое поросшее травой нагорье простирается далеко до снежного массива Шанг-шунг канг-ри, который формирует южное основание Северного Тибетского нагорья. Соседний округ Нагчу является только административной территорией, а не географической частью. То же можно сказать и о других районах – Намру, Нагтшанг, Чохор.

В течение длительного периода китайского господства теперешний район Хора составлял часть обширной провинции Джьяде (рДжья-сде), которая протянулась так далеко, что достигала заброшенной Ривоче и управлялась специальным китайским комиссаром, проживавшим в Лхасе. Со времен китайской революции и провозглашения независимости теперешним тибетским правительством, регион Хора был включен в территорию ламаистского королевства Лхасы и составил провинцию, управляемую пограничным верховным комиссаром, известным под титулом Хор-чьи-чьяп (тиб. Хор-спьи-кхьяб) или верховным комиссаром Хора.

Современные авторы, кажется, имеют тенденцию к стиранию названия Хор с карты Тибета. Доктор Свен Гедин, прошедший Западный Тибет, пишет:

> «Тибетцы называют тюркский Хор или Хор-па и монгольский Сок, или Сок-па (Сок-по). Вы не встретите тюрок до тех пор, пока вы не достигнете северной стороны гор Квенлун. Но согласно почти всем современным картам, нет вообще ни одного тюрка в центре тибетского плато. Более того, там нет никого вообще, ибо это та часть Тибета, которую на наших картах обычно называют Хор, и она не населена».

Делла Пенна и Наин Сингх, одни из местных топографов индийской тригонометрической инспекции, руководящей изысканиями в области геологии, геодезии и гидрографии, называют словом «Хор» все нагорья региона западнее провинции Нгари корсум, и область севернее тридцать второй широты была названа «Хором» на европейских картах. В действительности название принадлежит только району Джьяде, северо-восточнее Тенгри-нора и западнее Амдо тшо-нака. В тибетской исторической хронике названием «Хор» или «Джья-хор» обычно обозначают монгольские племена или племена средне-азиатского происхождения, которые с восьмого по девятое столетие нашей эры непрерывно переходили Тибет и особенно северо-восточную границу.

В современном разговорном языке слово «Хор» представляет тибетское этническое название для кочевых племен смешанного происхождения, что жили между племенами панаг-голоков и чангпов в регионе Великих Озер. В них видна примесь иностранного происхождения, и мы легко распознаем монгольский, тюркский и даже тип Homo alpinus, последние, вероятно, соответствуют частичной смеси иранской и скифской крови. Они сохранили слабые воспоминания о своем отдаленном среднеазиатском происхождении и даже теперь смотрят больше на Пекин и большие страны Центральной Азии, чем на Лхасу. Для них Лхаса – только временный правитель, который разорвал их существовавшую столетия связь с Китаем.

Я обосновываю сообщение о хорпах на моих личных наблюдениях, сделанных во время пятимесячного пребывания среди пяти хорских племен, которые расположены севернее и южнее хребта Тангла. Они формируют пять шорка, или племенных подразделений, которые обозначены названиями Цемар, Атак-мемар, Атак-томи, Комора и Паоро.

Наиболее важной из пяти является шорка Цемар, управляемая пон-по, или вождем с титулом де-пон (сде-дпон), или районным главой, который решает, кто будет самый старший среди пяти хорских вождей. Все эти пять племенных частей не равны по размерам. Тогда как Цемар шорка имеет около тысячи палаток с населением от четырех с половиной до пяти тысяч человек, племенные части Комора и Паоро имеют только около четырех сотен палаток каждая. Большие племена обитают вверх по течению Меконга и в более низких долинах Салуина, но, как я уже сообщал, обширная горная область между верхним течением Меконга и Салуина все еще не исследована, и невозможно дать даже примерные цифры населения.

Хорпы пока сохранили свою племенную организацию и обладают некоторой автономией, которая, однако, быстро исчезает. Можно не сомневаться, что правительство Лхасы намеревается создать надежное правление в отдаленных провинциях. Верховный комиссар является должностным лицом четвертого ранга и главным представителем центрального правительства в регионе. Он разбирает случаи межплеменной вражды,

контролирует сбор налогов и обеспечивает безопасность торговых путей, пересекающих территорию региона. Во время холодных зимних месяцев он обычно проживает где-нибудь в восточных районах области, иногда в Бьиру гомпа или каком-нибудь другом монастыре или городе. Тяжесть расходов ложится на местное население, которое обязано поставлять продукты питания, корм для скота и топливо для верховного комиссара, его свиты и слуг, и это вынуждает его часто менять официальные места проживания. В течение летних месяцев верховный комиссар часто делает объезд района. Эта инспекция – источник многих неприятностей для местного населения. Племена должны снабжать грузовыми животными и верховыми лошадьми многочисленных слуг комиссара, организовывать смену этапов в удобных местах вдоль пути комиссара и направлять сотни мужчин и женщин следить за потребностями группы. Мелкие чиновники используют эти возможности, чтобы обогатить себя, принимая взятки в деньгах и рогатым скотом. При расследовании таких случаев клеркам суда, которые заносят в протокол свидетельские показания, могут дать взятку прежде, чем случай пойдет для конечного решения верховному комиссару. В выполнении официальных обязанностей верховному комиссару Хора помогают два должностных лица пятого ранга, которые действуют как советники.

Единственное занятие страны – скотоводство. Налог, который районы выплачивают правительству Лхасы начиная с 1912 года, состоит из масла, шерсти, шкур и другой продукции от скотоводства. Скотоводство всегда было национальным занятием хорпов. Но даже в настоящее время оно проводится очень примитивно во всех отношениях, в результате чего породы рогатого скота и лошадей быстро ухудшаются. Хорпы не заготавливают сено на зиму, считая это вредным для божеств земли. Рогатый скот кормится исключительно травой, и зимой им приходится находить себе пищу, раскапывая снег копытами. В этом поиске корма лошади часто теряют последние силы и умирают от истощения. Всю зиму стада рогатого скота и лошадей должны пребывать на открытом воздухе без какого-либо укрытия, защищающего их в холодные зимние ночи. Только самые сильные животные выдерживают эти серьезные испытания.

Несмотря на плохие условия для скотоводства, область все еще относительно богата стадами яков и овец, но старые жители утверждали, что в дни их молодости, около тридцати лет назад, область обладала огромными стадами домашних яков и овец и что за прошедшие тридцать или сорок лет поголовье стад резко сократилось. Это особенно заметно в стадах овец. Общеизвестный факт – количество овец уменьшается по всей Центральной Азии.

Яки снабжают регион основными продуктами – шкурами, шерстью, хвостами, маслом и другими молочными продуктами. Як – также главное вьючное животное во всем регионе. Стада овец снабжают шерстью, которая также принимается правительством или продается частным торговым учреждениям, которые отправляют ее в Лхасу и оттуда торговым маршрутом Гьянгце – Чумби в Индию. Лошади встречаются только в небольшом количестве. Они используются почти исключительно как верховые животные, и одна семья редко имеет больше трех или пяти лошадей. Область не экспортирует лошадей, и большинство животных используются здесь же. Лошади хорской породы не крупные, но выносливые. Большой недостаток – довольно тяжелая голова, из-за чего лошадь с трудом слушается узды и обычно неповоротлива в движении. Разведенная в обширных степях страны, она не предназначена для верховых скачек, а используется только для караванов, поскольку хорошо ходит по каменным тропам. Эти лошади никогда не подковываются, что делает их поступь чрезвычайно уверенной и неоценимой на плохих горных путях.

В среднем кочевое домашнее хозяйство Хора имеет от двадцати до пятидесяти яков и от одной до трех сотен овец. Лошади принадлежат богатым людям, некоторые из них имеют многочисленные табуны. Самые большие стада яков и лошадей, которые мы видели во время нашего движения, принадлежали монастырям или богатым купцам из Нагчу и Лхасы. Большой монастырь Дрепунг имел большие стада домашних яков и отары овец в прилегающих к районам Нагчу и Нагтшанг. Севернее Танглы мы встретили стадо, состоящее примерно из пяти сотен яков, принадлежащее богатому торговцу из Нагчу. Это стадо было под присмотром местного кочевника, который отвечал за животных и должен был поставлять определенное количество шерсти яков, хвостов, шкур, масла и других молочных продуктов.

Главное экономическое богатство Тибета находится в этих кочевых скотоводческих районах. Лишите Тибет областей скотоводства, и страна будет голодать.

Земледельческие районы Тибета не способны прокормить все население страны, и продукция их почти не экспортируется, кроме некоторого ежегодного выпуска ткани и священных предметов, изготавливаемых монастырями Все же ценные изделия Тибета, экспортируемые в Китай, Индию и Монголию, такие, как шерсть, шкуры, шерстяные ткани, хвосты яков и меха, производятся кочевыми районами. Именно эти бедные оборванные кочевники, живущие на высоте до пятнадцати тысяч футов, обогащают правительство и поставляют изделия на экспорт. Это кочевое население – мощный экономический фактор. Суровая снежная зима, уничтожающая огромное количество скота, является бедствием для всей страны. В прошедшие несколько лет северные тибетские нагорья, расположенные к северу и югу от хребта Тангла, пережили несколько очень суровых и снежных зим. Вся страна была покрыта снегом, и рогатый скот и овцы погибали тысячами. В результате этих несчастливых лет скотоводству в кочевых районах Северного Тибета был нанесен тяжелый удар.

Значительная часть ежегодной продукции идет на выплату налогов правительству. Налог, который собирается от имени правительства Лхасы, пропорционален богатству частного налогоплательщика и меняется согласно потребностям правительства. Дополнительный налог иногда взимается с района как штраф. Иногда налоги отменяются, если район сильно пострадал от снегопадов, неожиданной потери рогатого скота или эпидемии. В течение долгого периода китайского правления область Хор была освобождена от уплаты регулярных налогов и полагалось только представлять дань верховному суду Китая один раз в четыре года. Ежегодный налог, наложенный на западные племена хорпов тибетским правительством, – одна из главных причин недовольства, отмечаемого в регионе. Прежняя связь с Китаем все еще явно заметна здесь и хорошо демонстрируется тем, что кочевое население предпочитает китайскую валюту лхасской.

Общепринятая форма торговли – бартерная. Большинство едут торговать в Синин и в восточные районы Тибета. Хор имеет преимущество в том, что расположен вблизи от нескольких важных торговых путей Тибета: монгольско-цайдамского пути, сининского маршрута, дороги на Тачиенлу и северного ладакского маршрута. Все эти трассы ведут в Нагчу, главный тибетский перевалочный пункт пограничной торговли. Лхасские торговцы, которые основали торговые пункты на всей территории области, постоянно стремятся направить местную торговлю на юг и сделать хорские племена зависящими от лхасской продукции. Несомненно, с практическим закрытием китайско-тибетской границы и при существующей поддержке тибетского правительства их действия будут очень облегчены. Кроме правительственных торговых агентств, страна кишит мелкими торговцами, представляющими частные интересы или большие монастырские предприятия. Во временном лагере верховного комиссара Хор в Чу-на-кхе мы нашли, кроме правительственных торговых агентов и таможенных чиновников, целую армию частных торговцев и доньеров, или представителей важных фирм Лхасы. Все они внимательно наблюдают за торговым маршрутом Синин – Лхаса, и это чудо, что их интересы не сталкиваются и что все они, кажется, получают достаточную прибыль.

В обмен на продукты земледелия лхасские и сининские торговцы предлагают разнообразные изделия китайского и иностранного производства. Купцы из Синина и Тачиенлу доставляют в страну китайский шелк, брикеты чая и другие изделия, специально изготовленные китайскими фирмами для тибетской торговли. Лхасские торговцы показывают в своих палатках галантерейные товары, ткани иностранного производства, лекарства китайского и японского производства и покрытые эмалью изделия, которые недавно вошли в моду в отдаленных районах Внутренней Азии.

Тибетский торговец обычно проводит свои дни, сидя в своей палатке среди тюков и ящиков с товарами, принимая визиты от местных старшин и кочевников. Все садятся на корточки на полу вокруг огня, пьют бесконечные чашки чая с маслом и курят длинные китайские трубки. Обсуждаются сделки, и помощники тшонг-пона, или торговца, определяют количество и качество местных изделий, предлагаемых в обмен на изделия иностранного производства. Галантерейные товары пользуются большим спросом, и маленькие дешевые изделия идут здесь по чрезмерно высокой цене. Ведется очень

оживленная торговля медными военными пуговицами, которые привозятся главным образом из Индии. Богатые кочевники очень гордятся своими пуговицами с английской надписью «Непал».

Большая торговля ведется огнестрельным оружием и боеприпасами. Современные магазинные винтовки, обычно армейских образцов, доставляются в страну из Китая, Монголии и Индии. Винтовки Бердана, Мартини, русские армейские винтовки, Ли-Энгфильда, маузеры, манлихеры и японские Арисака можно увидеть заброшенными за спину наездников хорпов, которые обладают хорошим знанием современного огнестрельного оружия. Приклады для оружия изготавливают в Нагчу. Мастерство исполнения приклада и приспособления его к стволу очень высоко. Постоянна потребность в автоматических пистолетах Маузера, любимом огнестрельном оружии тибетских и монгольских офицеров. Хороший пистолет Маузера с сотней патронов продается за четыре сотни нгу-сангов (около двух сотен долларов).

Человек с пистолетом Маузера может благополучно путешествовать через области, кишащие разбойниками, и ни один не подумает напасть на него. Безопасность, получаемая путешественниками, вооруженными маузерами, заставляет изготавливать маузерообразные деревянные кобуры для револьверов различных образцов. Теперь многие из разбойников знают об обмане и обычно ухитряются обнаружить правду.

Один из членов экспедиции имел бельгийский револьвер, который он носил в кожаной кобуре маузера. Панагский разбойник, который однажды нанес визит в наш лагерь и проявил большой интерес к нашему огнестрельному оружию, быстро выяснил тип револьвера и, взяв нашего помощника за руку, спросил его с лукавой улыбкой: «Вы думаете, ваш маузер настоящий?»

Такова экономическая жизнь региона и ее место среди пятидесяти четырех административных районов Тибета. Теперь позвольте описать самих людей, их жизнь и религию на угрюмых нагорьях Нуп-хора.

Хорпы встречаются в значительных количествах только южнее хребта Тангла. Севернее от этого хребта их стоянки рассеяны на больших расстояниях друг от друга. В результате недавних переворотов и последующего голода, вызванного несколькими снежными зимами, кочевое население сократилось. Многие покидали свою родную горную местность, чтобы искать удачи в плодородных районах Восточного Тибета. Другие появлялись около торговых маршрутов как нищие и как разбойники, готовые напасть на одиноких путешественников или маленькие партии паломников.

При пересечении открытых всем ветрам нагорий Северного Тибета с их почти ужасающим бесплодием одно удивляет, где тут можно встретить человеческие существа. Только полное несчастье могло бы заставить людей жить на этих необитаемых горах и равнинах. Иногда после многих дней трудного путешествия, когда почти каждый день гибли от лишений или оставлялись животные каравана, мы видели квадратные каменные стены и кучи навоза. Это была, вероятно, стоянка кочевников. Мертвые туши домашних яков подтверждали предположение. После этих первых следов человеческой деятельности путешественник снова в течение нескольких дней больше не видит даже признаков кочевников или их стад. Снежная буря заметает местность, а окрестные горы прячутся в густом белом тумане. Путешественник едет с головой, склоненной вперед, его плечи и грудь покрыты толстым слоем влажного снега. Он едва смотрит вперед, и только выносливые яки находят правильное направление в этой снежной пограничной области. Внезапно слышишь отдаленный звон, почти сверхъестественный звук среди ревущего шторма. Затем замечаешь впереди что-то темное. Странно видеть всадников, появляющихся из тумана, с длинными мушкетами за спинами, верхом на маленьких лохматых лошадях. Они останавливаются, некоторые из них спешиваются, что означает, что это мирные путешественники и не имеют плохих намерений Их лица закрыты грубо сделанными масками, и их головы защищены большими меховыми шапками, которые полностью закрывают голову и уши и держатся веревочной завязкой под подбородком. Длинные неряшливые пряди черных волос висят с обеих сторон лица. Грязные серые шубы из овчины и высокие сапоги, сделанные из толстой тибетской суконной ткани, защищают людей от жестокого холода. Все вооружены длинными саблями и мушкетами, а иногда даже современными винтовками. Большие разукрашенные патронташи надеты крест-накрест на шубы. Иногда среди них бывает

женщина, сопровождающая мужчин. Она одета подобно им, только ее шуба из овчины более длинная и отсутствует вооружение. Это, вероятно, группа кочевников после охоты на диких яков. Во время таких поездок они живут на сыром мясе животных, которых убивают, и на маленьких порциях цампы – национальной тибетской еды. Они не возят палатки, а проводят ночь под открытым небом, спя в странных согнутых позах, и часто бывают полностью захоронены снегом. М.Ж.Бакот сообщает в своей книге о Восточном Тибете:

> «Их лошади, эти выносливые маленькие животные, которые живут на сухом мясе, цампе и чае, остаются стоять около своих спящих владельцев, повернувшись спиной к бушующему ветру».

Таков вид временной стоянки кочевников в дикой местности тибетских нагорий. Пытаясь объясниться с этими кочевниками, можно услышать странные гортанные звуки, так непохожие на плавную и мягкую речь лхасских тибетцев.

После этой первой встречи путешественник снова едет несколько дней, не находя даже следа человеческого пребывания. Затем вдруг он видит огромное стадо черных и бурых домашних яков, спускающихся со склонов горы. Дикого вида люди в серых овчинных шубах пасут стадо. Они кружат вокруг своих животных, иногда посвистывая, иногда издавая специфические резкие звуки, пронзающие разреженную атмосферу. Эти люди не носят головных уборов, и их длинные неряшливые пряди волос развеваются на ветру. Все люди заняты изготовлением веревок из овечьей шерсти, которую они раскатывают между ладонями, а затем скручивают на маленьких кусочках древесины. Это – любимый род занятий кочевников при движении их стада или при сидении на корточках у костров. Присутствие стада домашних яков указывает, что стоянка кочевников где-то недалеко.

Проехав еще немного, путешественник замечает несколько больших черных палаток в долине, защищенной от ветров. Большие черные собаки с огромными красными и синими ошейниками мчатся к дороге и свирепо лают. Тибет имеет специфическую породу огромных собак, известных европейцам под названием тибетских мастифов. Они иногда почти достигают размера маленького осла, с толстой черной шерстью, широкой и мощной грудью, огромной головой и мощными челюстями. Они, как известно, нападают на волков; и я сам знал одну, которая успешно боролась со снежным леопардом. Чтобы сделать этих животных менее опасными, кочевники привязывают одну из передних ног собаки к ошейнику, что делает невозможным для нее напасть на путешественников и нанести им ущерб. Ночью собакам дают свободу.

Тибетскую кочевую палатку обычно называемую ба-наг, или «черная палатка», часто сравнивают с гигантским пауком. Она сделана из черной шерсти яка, и состоит из двух частей, связанных узкими полосками по тем местам крыши, где зафиксированы два палаточных шеста. Отверстие в крыше, таким образом, оставлено открытым для выхода дыма наружу. Палатку держат два установленных вертикально шеста и многочисленные веревки, которые обычно очень длинные, ибо такие держат палатку лучше во время частых буранов. Не используются ни железные, ни деревянные колышки, веревки обычно привязываются к камням. Иногда вместо колышков используются рога яка. Такие палатки имеют всегда два входа, один впереди и один сзади. Для размещения старшин несколько палаток могут быть соединены вместе, чтобы образовать одну длинную большую комнату. Эти палатки обычно очень просторны и позволяют нескольким семействам разместиться вместе.

Мебель крайне примитивна. Ковры или шкуры редко используются для покрытия пола, и только в богатых хозяйствах. Середина палатки занята одним или несколькими очагами. Долг немощных и стариков – следить за огнем. Ни алтари, ни тибетские низкие столы не встречаются в обычной палатке кочевника. Такую роскошь можно увидеть только в палатках племенных вождей или богатых торговцев и лам. Обыкновенная жилая палатка заполнена верховыми и вьючными седлами, мешками с маслом и цампой, шкурами и деревянными маслобойками.

Новорожденный ягненок и молодая овца живут в палатке со своими хозяевами. Семейная постель – грязная куча овчин, сваленная в угол днем и расстеленная вокруг очага на ночь. Наружная сторона палатки защищена низкими стенами из камней или, чаще, из сухого навоза. Такая стена защищает ее от ветра и пыли, которая иначе легко проникала бы снизу. Летние палатки старшин часто используются как палатки гостей для важных

чиновников и путешественников, они сделаны из белой ткани с синими и темно-красными узорами, нашитыми на крышах. Узоры представляют восемь счастливых символов буддийского украшения, иногда Колесо Закона или фигуры львов, умело соединенные с цветочным орнаментом. Мы уже видели, что подобные палатки иногда используются в путешествиях цайдамскими монголами. Эти гостевые палатки имеют иногда огромные размеры, и великолепная палатка, установленная для Далай ламы во время путешествия Его Святейшества, как говорят, вмещала около трех сотен лиц. Внутри такие гостевые палатки всегда снабжены дорогостоящими китайскими и тибетскими коврами, белым войлоком, тюфяками и низкими столами, на которых стоят тибетские чайные чашки со своими серебряными подставками и крышками.

Большинство домашней работы выполняется женщинами, которые из молока коровы приготавливают масло и тибетский сухой сыр, или чура, дубят кожи, и ткут тибетскую грубую ткань. Мужчины обычно уходят с караванами, которые отправляются в летние месяцы во Внутренний Тибет, чтобы заплатить правительству налог маслом, шерстью и домотканой одеждой, и возвращаются поздней осенью, пока снег еще не перекрыл перевалы, с грузами ячменя и цампы для зимы. Когда мужчины дома, они охраняют стада яков и овец, что отнюдь не легкое дело на таких высотах.

Привыкшая к тяжелой работе женщина часто сильнее физически мужчины и чрезвычайно усердна. Тибетская женщина имеет хорошо известную по всему Тибету и гималайским штатам Индии репутацию своей тяжелой работой. Она поднимается рано и зажигает огонь, приносит воду, если ручей или река близко, но обычно использует снег из окрестных оврагов. В то время как вода для чая будет закипать, домашняя хозяйка выходит присмотреть за стадами яков и отарами овец. Овцы выгоняются из-за каменной ограды, за которой их содержат холодной ночью под защитой тибетских собак. Тем временем глава семейства, если он окажется дома, поднимается, набрасывает на свои голые плечи овчинный халат и садится на свое место у огня. Вся семья, которая может состоять из нескольких семейств, живущих вместе, или нескольких братьев, имеющих одну общую жену, поднимается и садится на корточках у очага. Палатка заполняется громким бормотанием читающихся наизусть утренних молитв. После возвращения домашней хозяйки пьют чай, бросая в деревянные чашки, наполненные чаем, большие куски масла. Чаепитие продолжается некоторое время. Цампа смешивается с чаем и затем скатывается в маленькие шарики, которые проглатываются. Более аппетитное блюдо готовят из сухой цампы, смешанной с маслом хорошего качества и тибетским сыром. Редко бывает, что находится свежее масло, которому у кочевников обычно несколько месяцев, и оно испускает неприятный запах, который пропитывает палатку и одежду ее обитателей.

После утреннего чая каждый начинает ежедневную работу. Домохозяйка и другие женщины доят коров, а мужчины идут по своим делам. Некоторые охотятся, другие пасут большие стада домашних яков и лошадей. В области, кишащей разбойниками, пастух вооружен и перемещается верхом на лошади. Он всегда готов к отпору любой попытки грабителей угнать стадо. Днем женщины в лагере заняты пряжей, дублением кожи и исполнением другой домашней работы. Вечером к закату все семейство собирается снова. Женщины приносят свежее молоко, и все приступают к ужину, состоящему из того же самого чая, цампы и иногда холодной сырой баранины. Потребление сырой баранины считается очень полезным. Каждый член семьи получает баранью кость и срезает с нее ножом мясо.

По окончании еды читаются вечерние молитвы, иногда зажигают ладан, привезенный из Лхасы. Мужчины садятся на корточки на пол вокруг огня, рассказывают друг другу истории и местные новости, привезенные проходящими караванами. Некоторые курят длинные китайские трубки, привезенные из Тачиенлу и Синина. Если один из членов семьи умеет петь, он может спеть древнюю балладу о Гесере, могущественном воинственном повелителе, который в прошлом покорил Тибет, и его появление вновь ожидается в этом мире, чтобы установить царство справедливости. Я помню эти сидящие на корточках фигуры, с лицами, на которых играют отблески огня, говорящие до поздней ночи о прошлых героических подвигах короля Гесера и его семи воинственных друзьях. Обычно унылое выражение кочевников внезапно освещается тайным огнем, который передает вам лучше, чем слова, проблеск древнего воинственного духа. Огонь догорает, и припадающие к земле

фигуры мужчин, с головами, склоненными низко к коленям, и пряди их длинных черных волос постепенно исчезают в темноте.

Трудная жизнь, которую ведут эти кочевники, поражает полным отсутствием у них элементарного комфорта. Иногда кажется, что они рождены страдать за какие-то прошлые грехи, и терпеливо переносят муки своего настоящего существования на холодных нагорьях Тибета. Кочевник никогда не будет думать, где расположиться на ночь и вытянуть свои утомленные члены. Наоборот, он будет подвергать себя испытанию сном в согнутом положении на холодном, промерзшем полу палатки. Комфорт не существует для него. Я помню, видел раненого милиционера-хорпа, перенесенного в палатку и положенного на землю. Его голова лежала на остром крае медного котла. Я пробовал положить голову на тюфяк, но раненый вернул ее на край котла. Казалось, что он был неспособен почувствовать даже момента относительного удобства. Эта удивительная психология полна отрицания своего собственного тела.

Кочевники, составляющие большую часть населения Тибета, представляют самый вырождающийся тип. Это особенно касается западной части кочевой страны и в высочайших горных долинах Трансгималаев. Арктический климат тибетских нагорий и жизнь в высоких горных долинах, часто на высоте от шестнадцати до семнадцати тысяч футов, задерживают их умственное и физическое развитие. Низкий рост обычен среди них. Мужчины и женщины племен, живущих вокруг Нагчу и в окрестностях Великих Озер, невысокие и коренастые, с выступающими скулами и кудрявыми волосами.

Кочевые племена Северо-Восточного Тибета и хорпы имеют более крепкое и более хорошее телосложение Среди них мы часто встречаем высоких людей с длинными, изящными чертами лица. Женщины, за редким исключением, низкого роста, имеют широкие лица и выступающие скулы Это – интересный и непонятный факт, несмотря на то, что тип мужчины изменяется в соответствии с местоположением племени, тип женщин остается одинаковым во всех областях Тибета, заселенных кочевниками

Иностранное происхождение хорпов проявлено в их наружности Принимая во внимание, что чангпы из региона Озер и горные племена Трансгималаев – главным образом все брахицефалы, для хорпов общая черта – долихоцефалия. Часто обнаруживается тип с орлиным носом, кавказскими глазами, средними губами и прямыми, слегка волнистыми волосами.

Вообще говоря, среди хорпов наблюдается два отдельных типа: хорпы, живущие на север от хребта Тангла и живущие южнее его. Среди первых мы часто встречаем кавказский тип, и некоторые из мужчин похожи на европейцев Среди женщин монголоидный тип с монголоидным разрезом глаз более заметен

Хорпы, обитающие южнее хребта Тангла, представляют переходный тип между хорпами, живущими севернее от него, и круглоголовыми тибетцами центральных провинций. Южнее хребта Тангла мы редко встречаем кавказские типы. Глаза в основном имеют монголоидную форму, губы толсты, скулы выступающие, волосы курчавые. Цвет кожи северных хорпов светлее, чем у хорпов, живущих южнее хребта Тангла, и обычно светло-коричневого цвета. По росту хорпы, живущие к северу и северо-востоку от хребта Тангла, более высокие, чем обитающие на нагорьях южнее великого горного массива. Хорпы к югу от Тангла имеют более слабое телосложение. Грудь в большинстве случаев впалая, часто крайне недоразвитая.

Довольно странное различие наблюдается в языках. Хорпы с севера говорят на своем собственном диалекте, близко связанном с первобытным диалектом кочевников Тибета и тяжело понимаемом тибетцами из Лхасы. В недавней работе по тибетской фонологии я показал некоторые отличительные черты этих диалектов кочевников, их первобытные формы и много характерных особенностей, наиболее поразительные из которых – произношение некоторых приставок и звонкое произношение древних звонких согласных, которое стало глухим в современном центральном тибетском. В словаре хорский диалект также очень отличается от центрального тибетского. Поддиалект, на котором говорят хорпы на границах Нагчу, уже сильно насыщен центральным тибетским диалектом, и, хотя он потерял произношение большого количества приставок, все еще сохраняет звонкое произношение древних звонких согласных. В лексиконе он также ближе к центральному тибетскому языку. Появляется впечатление, что хорпы севернее хребта Тангла сохранили

более чистый тип хорпов и что примесь иностранной нетибетской крови в них больше, чем в их соотечественниках на юге, которые стали полностью тибетцами.

Нынешнее состояние нашего знания не позволяет сделать вывод об этнических сходствах племен, кочевавших вдоль северной границы настоящего Тибета. Известный русский исследователь Тибета и Центральной Азии Пржевальский цитирует своего местного переводчика, который заявляет, что язык местных тибетцев севернее Нагчу (хорпов) подобен лхасскому и очень отличается от тибетского в области Коко-нора. Этот великий русский исследователь добавляет, что он был не в состоянии провести какие-либо лингвистические исследования во время пребывания на тибетской границе. Фактически хорский диалект северного Тангла имеет действительно большое количество поразительных подобий с диалектом панагов области Коко-нора и Ньяронгвов Северо-Восточного Тибета.

Одежда универсальна для всех кочевых районов Тибета. Обычная одежда мужчин и женщин хорпов самого бедного рода состоит из овчинной шубы. Иногда носят рубашку, но большинство кочевников носят свою овчину на голом теле. Во время работы тяжелая и неудобная шуба сбрасывается с правого плеча, которое остается голым. Мужчины часто надевают большие домотканые штаны. Обувь состоит из высоких сапог, прикрепляющихся подвязками под коленями. Голенища таких сапог обычно сделаны из грубой шерстяной домотканой материи; подошва – из необработанной шкуры яка, и отделаны они волосами яка. Иногда голенища мужских сапог делают из красной кожи. Кожа для сапог ввозится из Чьен-чанга на юго-западе провинции Сычуань. Богатых старшин и лам можно иногда увидеть в черных сапогах из воловьей кожи китайского производства и фасона. Монгольские сапоги черной, желтой или красной кожи (главным образом импортированной из России), сшитые узором из разноцветной кожи, очень ценятся и образуют одну из удачнейших статей тибетского импорта. У лам низ сапог всегда красный, а верх – из белого хлопка. Шубу из овчины хорпы обычно украшают кусочками сукна, нашитыми на спину и по краям шубы. Черный, синий, темно-зеленый и фиолетовый – любимые цвета. Миряне предпочитают черный и темный ультрамариновый, синий цвета, ламы имеют чаще всего темно-красные кусочки ткани, нашитые на меховые шубы.

Более богатый класс носит одежды, сделанные из пуру – тибетской хлопковой ткани высокого качества, обычно украшенной фиолетовыми или темно-лиловыми цветами и очень высоко ценимой в Тибете и Монголии. Такая ткань изготавливается крестьянами или кочевниками, которых закон обязывает передавать все производимое количество местным правительственным чиновникам, правительство продает ткань за установленные впоследствии цены и экспортирует ее в чужие страны. В зимнее время мужчины носят тяжелые овчинные штаны. Богатые носят еще китайские шелковые гамаши (тао-ку). Китайские жилеты (кан-чьен), заимствованные городскими людьми центрального Тибета, никогда не носят кочевники, которые предпочитают тибетский широкий с длинными рукавами чувас, или халат. Женщины более богатых домашних хозяйств заимствовали тибетскую одежду и носят юбки из полосатого пуру и большие блузы, сделанные из терма, или шелка.

Большинство мужчин и женщин ходят с непокрытой головой. Только в путешествиях или во время буранов они носят меховую шапку, покрытую синей или зеленой тканью и отделанную шкурой лисы или овчиной. Некоторые из этих шапок имеют необычные размеры и на расстоянии напоминают папаху, большую меховую шапку, используемую сибирскими казаками. В течение снежных бурь украшенные мехом отвороты шапки опущены и застегнуты на пуговицы впереди, оставляя свободными только глаза и закрывая остальное лицо. Это дает превосходную защиту на продуваемых всеми ветрами нагорьях Северного Тибета. Во время зимних холодов 1927 года мне удалось приобрести тибетскую меховую шапку, которая спасла меня от мучений. Мех шапок лам окаймляется желтым шелком.

Летняя шляпа сделана из соломы и покрыта хлопчатобумажной тканью, края облицованы красной и синей тканью. Шляпа эта довольно высока и удерживается на голове завязкой под подбородком. Многие носят обычные тибетские меховые шапки с меховыми отворотами, покрытые войлоком сверху, украшенные кусочками парчи. Европейского изготовления гамбургеры (мужские фетровые шляпы) и форменные шапки, используемые в

гуркских батальонах индийской армии, также обычно используют торговцы, которые посетили торговый рынок на индийской границе.

Прически разнообразны. Женщины заплетают волосы в многочисленные тонкие косы, которые свисают вниз сзади, связанные вместе широким куском красной ткани с вышитым серебряным орнаментом, состоящим главным образом из серебряных индийских рупий, китайских долларов и тибетских серебряных монет. Девушки Хора носят маленькие медные колокольчики на поясе и в волосах, и их движения сопровождаются мягким позвякиванием этих колокольчиков.

Женский головной убор очень изменяется в соответствии с местоположением и племенем. В области Нагтшанг в районе Великих Озер женщины носят специфическую овальную налобную повязку, несколько напоминающую один из древних головных уборов, носимых русскими женщинами. Он украшен бирюзой и серебром. В других местах в косы вплетают ракушки. И женщины, и девушки обычно носят большие овальные серьги и многочисленные ожерелья из кораллов, бирюзы и серебра. Женщина-кочевник носит все свои богатства на себе, и по изобилию серебра и бирюзы можно судить о положении ее семьи.

У мужчин обычно длинные спутанные волосы, иногда заплетенные в две длинные косы, которые свисают вниз с обеих сторон лба. Над глазами волосы часто срезаны челкой. Вожди племен и богатые владельцы стад носят косы, часто свисающие значительно ниже колена. Косы, в которые вплетены конские волосы, чтобы сделать их более длинными и более толстыми, часто украшены широкими кольцами из красной ткани с коралловым, бирюзовым и серебряным орнаментом, а иногда и амулетницами, или га-у.

Ламы бон-по из Хора бреют головы. Ламы-тантрики, или нгаг-па из секты желтых шапок, которые живут и действуют среди хорпов, заплетают волосы в косы подобно мирянам. Богатые носят шубу, подпоясанную узким кожаным ремнем, украшенным серебром или медью. К ремню на цепочке у пояса вешают нож, тяжелый кисет, игольник, серебром украшенный футляр, содержащий палочки для еды.

Вооружение хорпов состоит из тибетских сабель, пик и современных магазинных винтовок. Старый тибетский мушкет встречается очень редко и, насколько я знаю, используется только в новогодних обрядах изгнания дьяволов. Кочевники всегда ходят вооруженными. Трудная и опасная жизнь на Тибетском высокогорье делает это необходимым. Все мужчины носят длинные сабли, которые напоминают европейское оружие раннего средневековья. Самые лучшие сабли доставляют из провинции Кхам Восточного Тибета. Высокие цены предлагаются за известные сабли, которыми погубили самое большое число врагов, на лезвиях которых еще можно заметить кровь, поскольку сабли никогда не очищают после сражения и возвращают в ножны запачканными кровью. Согласно тибетской бон-по легенде, оружие, носимое на портупее и поясе, а также щиты появились в Тибете во времена распространения религии Бон из земель Шанг-шунг и Бру-ша.

Как в наших эпических средневековых поэмах, сабли тибетских героев наделяются именами. Известные сабли ведут свое происхождение от так называемого Гесер лха-кханга, или замка Гесера, расположенного вблизи Джекундо в Северо-Восточном Тибете. Упоминают, что после завершения своих кампаний король Гесер внес все свое оружие в этот храм. Потолок храма состоит из длинных сабель и копий вместо балок. Во время недавней китайско-тибетской войны большое количество этих сабель было украдено тибетскими солдатами и теперь их предлагают за баснословные цены. Сабли имеются трех видов. Длинные прямые тибетские сабли с широким лезвием, сделанным из железа, можно рассматривать как национальное оружие. Рукоятка сабли не имеет гарды и удивительно напоминает один из европейских мечей раннего средневековья. Ножны обычно украшены серебряными или медными гвоздями, бирюзой и кораллами. Они сделаны из дерева и покрыты черной кожей. Край ножен часто красиво украшен цветочными узорами, комбинированными с животными мотивами. Рукоятки часто покрыты рыбьей чешуей, иногда тонкой желтой или красной кожей. Было бы интересно изучить происхождение такой длинной и широкой тибетской сабли Изучение вопроса приведет к длинным и прямым сарматским саблям, с которыми Китай познакомился во время первой династии Хань.

Кроме этих длинных сабель, тибетские кочевники носят короткий даггоподобный кинжал в богато украшенных ножнах. Говорят, что лучшие дагги доставляют из Бутана. Их рукоятки закрыты щитками.

К третьей разновидности принадлежит тяжелая, слегка изогнутая сабля, или шоланг, носимая на китайский манер с левой стороны седла под ногой наездника Это оружие вероятнее всего импортировано из Китая и используется только военными и гражданскими служащими.

Другой любимый вид холодного оружия – пика. Используются два вида, длинная пика и дротик. Длинная и тяжелая пика, около трех метров в длину, используется наездниками в кавалерийской атаке. Острие сделано из железа и иногда украшено геометрическим рисунком, раскрашенным красным цветом. Среди кочевых племен Северо-Восточного Тибета и хорпов длинная пика – признак войны. Когда племя намеревается начать войну против другого племени, длинную пику выносят из палатки

Тибетский дротик сделан из твердого дерева, привезенного из Восточного Тибета или Сычуаня. Древко копья обвивает железная тесьма. Большое металлическое кольцо закреплено на конце древка и другое кольцо скользит свободно по древку Во время боя веревка связывает оба кольца. Наездник держит веревку и древко в поднятой руке, затем бросает дротик, продолжая держать конец веревки в руке Дротик летит с большим шумом, производимым свободным кольцом, которое гремит, ударяясь о древко. После того, как кольцо достигает конца древка и дротик падает, всадник тянет его обратно в седло. Большая сила и хорошее искусство верховой езды необходимы для метания такого дротика. Это оружие используется кочевниками Северного и Северо-Восточного Тибета.

Другое обычно используемое оружие – праща, сделанная из сплетенных нитей. Она используется и во время войны, и во время мира. В повседневной жизни хорпы используют пращу, чтобы вести свои стада и караваны яков. Один человек может вести большое стадо или караван яков, швыряя камни своей пращой в животных Тибетское слово лакто (Тиб. лаг-рдо) буквально означает «рука с камнем»

Стрельба из лука почти никогда не применяется, и во время нашего пребывания среди племен Хора и других кочевников Тибета мы не видели ни одного лука в употреблении Наконечники стрел, иногда обнаруживаемые на земле, как говорят, являются окаменевшими молниями и обладают магическими силами.

Лассо, известное киргизским соплеменникам с русско-туркестанской границы, не известно среди хорпов. Чтобы поймать лошадь, они применяют очень странный маневр, который неизменно оказывается успешным. Человек ползет к лошади с рукой, вытянутой по направлению к правой передней ноге животного. Затем он осторожно касается правой ноги и растирает ее, постепенно продвигаясь выше, пока не достигнет шеи лошади и не набросит узду. Этот удивительный способ ловли вредной лошади обычно практикуют по всей Монголии и Тибету. С монгольскими или тибетскими лошадьми это единственный способ приблизиться и овладеть животным.

Общим бичом всех кочевых районов Тибета являются банды разбойников, которые бродят около торговых путей и богатых стоянок. Иногда это банды профессиональных грабительских племен из Северо-Восточного Тибета. Банда состоит из двадцати-тридцати хорошо вооруженных всадников с легким багажом, перевозимым на вьючных пони, которыми управляют всадники. Отряд может покрывать ежедневно большие расстояния и совершать неожиданные нападения на караваны и лагеря. Разбойничьи лошади, как говорят, – самые лучшие в стране. Они обучены подчиняться странным пронзительным звукам, издаваемым наездником. По свисту всадника лошадь удваивает шаг. Пронзительный, повышающийся звук заставляет лошадь перейти на полный галоп. Такими лошадьми не могут управлять обычные наездники, которые не знают управляющих звуков.

Когда в окрестностях обнаруживается банда грабителей, все стоянки кочевников поспешно перемещаются в горы, в какие-нибудь отдаленные долины, а вожди племен созывают всех имеющихся в распоряжении людей ополчения. Наша экспедиция часто встречала большие отряды всадников, мчащихся на большой скорости. Неподалеку были замечены грабители, и эти люди торопились вступить в бой с бандой.

Во время таких схваток пленных берут редко, а раненых никогда не оставляют на поле боя. Разбойники даже ухитрялись уносить своих мертвых. В голодные годы, которые

следуют за холодными и снежными зимами, или после эпидемий и падежа скота, целые районы принимались за разбой. Тогда на подавление направляли правительственные войска.

Племенная милиция утверждена приказами правительства Лхасы. В случае войны каждая палатка должна снарядить одного наездника и дать ему достаточно провизии, чтобы хватило на одномесячный поход. Вооружение, боеприпасы и лошадь человек должен иметь свои. Приказ о мобилизации посылается на куске красной ткани, привязанной к стреле. Стрела отправляется с особым наездником, который скачет галопом к ближайшему вождю и вручает ему эту стрелу. Вождь берет извещение, содержащее приказ, и немедленно посылает нового наездника к другому вождю. Через несколько дней вся округа кишит тяжеловооруженными всадниками. Отряды из Северного и Северо-Восточного Тибета, как упоминается, являются самыми храбрыми во всем Тибете, и там верят, что воин из Восточного и Северного Тибета всякий раз, когда бы он ни пошел сражаться, должен умереть в бою. В недавних боях на китайско-тибетской границе части, собранные из племен Северного и Восточного Тибета, сделали свои имена ужасающими для противников, но понесли тяжелейшие потери.

Кроме военных обязанностей во время национальной угрозы милиция племен несет охрану обширной тибетской границы. Везде по северной тибетской границе, которая проходит через горы Марко Поло, или Ангар Дакчин, стоят милицейские заставы, которые наблюдают за караванными путями из Монголии и Китая. Такая застава обычно состоит от шести до десяти человек, которые живут в черной кочевой палатке. Их обязанность – разведывать окрестности и сообщать ближайшим пограничным властям о приближении караванов. Можно вообразить жизнь на таких заставах, расположенных иногда за сотни миль от самого близкого населенного пункта Тибета и на высоте около пятнадцати-шестнадцати тысяч футов. Людям приходится жить на цампе и охотиться на диких яков и куланов. Зимой такие заставы иногда полностью отрезаны. Много всадников, посланных восстановить связь, погибают в пути, съедаемые волками и медведями.

Кочевые племена Северо-Восточного, Северного и некоторые из племен Западного Тибета, практикуют древнюю религию Тибета, именуемую Бон – поклонение природе, и некромантию. Таинственные ритуалы выполняют дикого вида странствующие священники, одетые в черные одежды. Бон известна в Западном Хоре и удерживает бесспорное влияние во всех хорских племенах. С появлением и учреждением буддизма во времена господства тибетского короля Ти-сронг деуцена (Хри-сронг сдеу-бцан) в восьмом веке нашей эры, религия Бон была изгнана в отдаленные пограничные районы Тибета.

В настоящее время большинство колоний бон-по находятся на северо-востоке Тибета, в области, лежащей между Дерге и пастбищными землями голоков, в дальневосточном Кхаме, в лесном районе Конг-по. Вдоль северного пути в Западный Тибет, как упоминает Наин Сингх, есть колония бон-по Ванг-по (дбанг-по) на северном берегу озера Дангра юм-тшо. В Западном и Южном Тибете также есть значительные колонии бон-по. Провинция Цанг Центрального Тибета богата монастырями бон-по, которые находятся также на границе Непала. Монастырь бон-по, самый близкий к Лхасе, расположен в верхней части Фем-по (фан-по) долины, севернее тибетской столицы.

Во времена господства короля Лангдарма (девятый век) религия бон стала государственной на короткое время. После насильственной смерти короля она снова стала преследуемой, а буддизм – господствующим. Священники были высланы, и большинство их действий пресекалось. Начиная с того времени, религия Бон стала доктриной меньшинства и была вытеснена на отдаленные нагорья, она сохранилась только в немногих семействах, чаще в провинции Цанг.

Наше знание религии бон все еще очень недостаточно. Только очень ограниченное количество текстов было отредактировано и переведено. Остальная обширная литература все еще остается закрытой книгой. Терминология бон-по представляет непреодолимые трудности, трудно добиться услуг хорошо начитанного священника бон-по, который согласился бы поделиться своим знанием доктрины. Собрать информацию об этой первобытной религии – пережитке отдаленного прошлого – труднее, чем о формах тибетского буддизма. Прежде всего общины бон обнаружены в труднодоступных местах, и, во-вторых, знатоки бон-по упорно не хотят предоставлять информацию иностранцу. Они

обычно притворяются невежественными относительно принципов их веры и отрицают существование рукописных или напечатанных текстов.

Во время пребывания экспедиции в Хоре, информация относительно книг бон-по была получена только от путешественников, которые посетили их монастыри или видели священные тексты в палатках богатых последователей бон-по. Только после трехмесячного пребывания я сумел завоевать доверие некоторых из священников бон-по и получить доступ в их библиотеки.

Последующие страницы содержат некоторые выдержки из материалов, полученных во время этого пребывания. Детальное изучение доктрины бон будет добавлено к переводу «Йе-шес ни-ма лхай ргьюд», или «Тантры богов солнечной мудрости», обширного бон-по-текста, который находится в подготовке.

Бон – сложная доктрина, в которой древние формы шаманских идей верхней Азии смешаны с верованиями и культами религии природы первобытного населения Северо-Западной Индии. Либо этот примитивный культ идет обратно к индо-европейской старине, либо, как я полагаю, к доарийским слоям населения – все еще невозможно решить определенно.

Существуют две формы бон: одна примитивного поклонения природе, полная шаманистских и некромантических ритуалов, а иногда и кровавых жертвоприношений (в прежнее время были человеческие жертвоприношения, в настоящее время только животные: овцы, козы либо в жертву приносятся заменяющие их глиняные изображения); другая – преобразованная бон, или бон, приспособленная к буддизму. Доктор Дж. ван Манен справедливо указал на связь, которая существует между древней бон и старой школой Падмасамбхавы. Он сообщает:

> «Это утверждение должно быть интерпретировано в смысле, что компромисс, произведенный Падмасамбхавой, привел к взаимным уступкам и адаптации, которые делают затруднительным сообщить, где в настоящих культах начинаются и кончаются чисто природные и иностранные буддистские элементы».

В первой форме бон мы встречаем богов неба и земли, солнца и луны, звезд и четырех стран света. К этой форме бон принадлежит цикл легенд о короле Гесере, и доктор А.Х.Франке показал в своей ценной монографии по тибетским брачным песням мифологический характер Гесера и его супруги Бругумы, которые имеют близкую связь со старыми божествами земли. Первобытную доктрину бон все еще представляют странствующие заклинатели, которые никогда не принадлежат к оседлым общинам. Их святые места не отмечены монастырями или часовнями, но представлены алтарями из грубых камней или каменными памятниками в форме менгира или кромлеха. Иногда каменные алтари расположены на вершинах гор, иногда в уединенных пещерах среди скал и высоких пиков. Я убежден, что мегалитовые памятники, обнаруженные экспедицией вдоль всех маршрутов паломников к горе Кайласа, являются именно такими священными местами природного поклонения. Детальное описание этих памятников будет дано в главе, посвященной области Великих Озер Тибета. Эти мегалитовые памятники, менгиры, кромлехи и линии, впервые обнаруженные экспедицией, несомненно, принадлежат к добуддистскому периоду тибетской истории, когда первобытная бон была общепринятой верой в стране.

Преобразованная бон чрезвычайно сложна. Она не только содержит всех божеств Ваджраяны, или тантрической формы буддизма, разработанной Падмасамбхавой, но имеет собственный ряд божеств.

Из моих бесед с ламами бон-по выяснилось, что в форме бон Самантаб-хадра, или Бон-ску Кун-тун бзанг-по, почитается высшим божеством бон-по. Он занимает в секте положение, аналогичное Самантабхадре в тантрических сектах нереформированного буддизма и Ади-Буддха в доктрине Калачакры девятого-одиннадцатого веков нашей эры. Мы имеем причины считать, что Кун-ту бзанг-по, или «Всеблагой» реформированной бон, представляет древнего Небесного Отца примитивной бон. В боне Кун-ту бзанг-по ассоциируется с Ма-бцун-па – Матерью Природой, или Матерью Землей, божеством, которое все еще сохраняет большинство из ее первобытного характера всемогущей Матери Земли. Ее изображения часто находят в амулетницах, или га-у, которые носят бон-по.

Кроме этих высших божеств мы знаем о множестве других божественных существ, большинство которых являются олицетворениями сил природы и злобных духов. Старинное божество – Гаруда, или Ча-хьюнг (Бья-кхьюнг), которое фигурирует на многих изображениях и картинах бон, и, вероятно, принадлежит древнему индо-тибетскому стволу бон. Было бы чрезвычайно интересно изучить происхождение культа Гаруды в связи с многочисленными изображениями орла и грифа в искусстве кочевников Центральной Азии и Южной России. На фресках бон мы встречаем бесконечное множество дкар-фьог лха – «Богов Белой Стороны» (или «благосклонных богов») и наг-фьог лха, или «Богов Темной Стороны» (злобные божества). Вера в природные силы, олицетворяемые божественными существами, или лха, приняты в обеих формах бон. Каждое место обладает своим собственным богом местности, или юл-лха, и дре, или демоном. Лха бывает обычно благожелательным, но иногда с тяжелым характером, и люди этого места переживают тяжелое время, пытаясь сохранить благоволение божества.

В одной из деревень бон-по в верхней провинции Цанг мы видели прекрасное поле на речном берегу, необработанное, но тщательно огороженное. Принимая во внимание относительный недостаток пахотной земли, я был очень изумлен, видя, что прекрасный кусок земли оставлен необработанным, и спросил о причине. Причина была в том, что местный лха, проживающий на скале, возвышающейся над полем, воздействовал странным образом на этот участок, и, когда бы ни пытались его вспахать крестьяне, град и ураган уничтожали посев. Местный священник бон-по объяснил желание божества, и с тех пор участок был оставлен в покое и огорожен каменной стеной. Таково влияние этой религии, что люди откажутся от самого лучшего из своих полей и посвятят его местному божеству.

Каждый горный перевал обладает своим собственным лха, и некоторые из этих божеств известны своим жестоким характером. Некоторые из них возражают против стрельбы из ружья и будут посылать град и ураган, если пытаются стрелять поблизости, другие враждебны к путешественникам вообще.

Дуд, или дре – злобные духи, всегда готовые навредить. Ночью они далеко уводят лошадей, таким образом задерживая путешественников. Некоторые местности с большими караванными маршрутами известны деятельностью демонов, или тонг-дре, и люди каравана особо предусмотрительны, чтобы предотвратить паническое бегство своих лошадей и мулов.

Все эти бонские божества, управляющие судьбами людей, обозначены общим названием гьюнг-друнг лха рнам, или «боги свастики». Слово гьюнг-друнг, или «свастика», не только синоним бон, но часто стоит за Бьянг-чуб, или Бодхи, который просвещен в терминологии бон. Желание и поучения этих богов были переданы человечеству учителем Шенрапом, или Шен-рап ми-во – «Человек Шенрап». Мы видели несколько текстов бон-по о жизни этого учителя. На его легендарную жизнь сильно повлияла легенда о Будде. Возьмите, например, сцену жалобы старого брахмана гСал-кхьяб-од-лдана, как рассказано в гСар-мйиг, что он слишком стар, чтобы услышать будущее учение новорожденного Спасителя, и аналогичный эпизод из жизни Будды – посещение риши Аситы новорожденного Бодхисаттвы.

История юноши Шенрапа имеет много общего с соответствующими эпизодами легенды о Будде. Работа Спасителя Шенрапа была продолжена на земле рядом учителей, которые обычно представлены на фресках одетыми в монашеские одежды Нйинг-ма-пы, или нереформированного буддизма. Мы пока еще в состоянии сообщить многое относительно этого ряда учителей бон-по. Похоже, что хозяйство монастырской общины бон было начато только во время буддистского периода. Примитивная религия бон не имела никаких монастырей. Бонский монастырь – адаптация модели буддизма и правил монастырей – в значительной степени взяты из буддистских источников. Большие монастыри бон-по существуют в провинции Джяде и на северо-востоке Кхама. Область Нуп-хор насчитывает три монастырских хозяйства.

Провинция Цанг известна своими монастырями бон-по. В Чату-гомпа, большой деревне в Западном Цанге, имеются три больших монастыря бон-по. Сообщают, что несколько известных бонских монастырей и жилищ отшельников, или ри-то (ри-кхрод), существуют на непало-тибетской границе. Сарат Чандра Дас в своей «Поездке в Лхасу и Центральный Тибет» дает краткое описание хорошо известного монастыря бон-по, Ри-джьял чен-тар (Ри-ргьял гчан-дар), который посетил его спутник лама Ургьен. К сожалению, автор

не дает подробных описаний изображений и фресок, увиденных ламой Ургьеном в монастыре. Мы обладаем очень скудной информацией о литературе бон-по. Литературные памятники бон-по могут быть традиционно описаны по следующим четырем разделам: (1) два больших собрания священных текстов бон, всего около трех сотен томов; (2) национально-эпические героические песни и некоторые рнам-тхары, или легендарные истории; (3) популярные песни; (4) колдовские книги, руководства по магическим ритуалам.

Кодификация бонской доктрины и создание многотомной религиозной литературы датируются с буддистского периода, то есть после девятого столетия нашей эры. Пока мы не имеем никаких знаний о существовании бонских Канджура и Танджура. Мы только предполагаем, что большие бон-по монастыри несомненно обладали большими библиотеками литературы бон-по. Нашей экспедиции посчастливилось обнаружить два полных собрания их священных писаний в Шаругонском бон-по-монастыре, в четырех днях северо-восточнее Нагчу дзонга. Бонский Канджур, или истолкование заповедей, состоит из ста сорока больших томов. Собрание это – явная имитация буддистской Трипитаки. Она не только имеет тройное разделение Трипитаки (бонсде-гсум), но и подражает буддистскому Кан-джуру во внешней классификации томов и их содержания. Заглавие каждого текста дается на двух языках. Иногда это на Шанг-шунг скад, или «язык Шанг-шунга», иногда это гьюнг-другн лхаи скад, или «язык богов свастики». Все эти языки непонятны и вероятно искусственны.

Тибетский язык неизменно назван «язык людей» (ганг-заг ми-вои скад или ми-вои скад). Большинство текстов обозначены названиями ргьюд, или тантра, которые, видимо, представляют буддистские мдо, или сутры. Большинство текстов, включенных в Канджур бон-по, были составлены на голокской территории Северо-Восточного Тибета. Многие были написаны в жилищах бонских отшельников юго-западнее Шигадзе, которая, как предполагают, была одной из священных стран бон. При жизни известного тибетского монаха-поэта Миларепы (XI в.) бон-по были многочисленны и влиятельны в районе непальской границы, и там существует большой цикл легенд, рассказывающих о религиозных спорах между Миларепой и бонским учителем Наро Бон-чунгом.

Бонский Танджур, или толкование комментариев, состоит из ста шестидесяти томов. Он содержит комментарии, написанные различными учителями бон-по на тантры бонского Канджура, как говорят, есть откровения Шенрапа, Спасителя. Многие тексты объясняют запутанные пункты сущности бонской доктрины (бон-нид), понятия, которые имеют точную копию в стонг-па нид буддизма махаяны.

Эти трактаты почти непереводимы из-за их терминологии. Как мне сообщил служитель Шаругонского монастыря, напечатанных копий бонских священных писаний не существует, и все существующие копии – рукописные. Особая копия, находящаяся в Шаругонском монастыре, была выполнена на голокской территории и представляет собой исключительно красивый рукописный подлинник. Орфография таких манускриптов, как правило, устарелая и показывает много особенностей, общих в тибетских рукописях, обнаруженных сэром Аурелом Стейном и Полом Пеллиотом в замурованной библиотеке Тунь хуана. Манускрипты бон-по часто написаны золотом и серебром на толстой черной бумаге, но обычно черными или красными чернилами. В Шаругонской копии передние страницы, имеющие заглавие текста, были неизменно окрашены черным и написаны золотом. Такая рукопись, написанная золотом, дорогостоящая и требует годы на изготовление. Только очень немногие бон монастыри могут гордиться обладанием наборов обоих собраний.

Второй класс бонской литературы представлен легендами кочевников о короле Гесере, могущественном воине, объединенными в шестнадцати томах. Все копии этой важной работы находятся в рукописях. Насколько известно, она никогда не издавалась, а существующие копии ревностно хранятся в семьях. Для кочевников Восточного и Северного Тибета легенда о Гесере не является просто эпической поэмой, это их религия, их воплощенная надежда на лучшее будущее, которое представляет собой выражение славного прошлого.

Современная эпическая поэма о Гесере – сложное художественное произведение, заключающееся в древнем культе, в котором почитание Солнца, Луны, Звезд и времен года сливаются с эпической поэмой великого воина-царя, правившего когда-то в Северо-Восточном Тибете.

Грюнведель и Потанин пытались доказать, что на сказание о Гесере оказали влияние легенды об Александре Великом, так популярные на Востоке, что имя Гесер было не чем иным, как тибетским переложением слова Кайзер-Цезарь. По моему мнению, баллада – автохтонное творение кочевников Центральной Азии, и я полагаю, что доктор Н.Поппе прав в предположении, что большая часть баллады рождена среди кочующих племен Тибета.

Историческая основа легенды уводит нас далеко назад, в прошлое огромной империи кочевников Центральной Азии. Эпическая поэма о Гесере воспевает деяния короля Гесера, его доблесть и ловкость в юные годы и несколько его победоносных походов против царя Хора и других вождей кочевников. Восточный тибетский источник эпической поэмы показан в истории о ее происхождении. История, вероятно, началась среди лам Желтой секты, т.к. она показывает определенную долю презрения к балладе. Установлено, что баллада о Гесере не имеет в себе ничего исторического. Она была создана известным ламой-тантриком (нгаг-па), который был одновременно великим бардом. Однажды в момент вдохновения он начал петь и спел всю балладу о Гесере. Местом рождения этого тантрика был северо-восток Кхама и баллада была сложена там.

Кочевники Кхама и Хора воспринимают балладу по-разному. С их точки зрения, это не творение одного барда, являющееся преимущественно плодом воображения певца, но является поэтическим описанием древних войн, которые велись в прошлом. Согласно некоторым авторам и собранию героических песен, озаглавленному рГьял-друнг, король Гесер жил в восьмом веке. Согласно другим преданиям, король Гесер был могущественным воином-кочевником, который жил во времена царя Сронг-бцан-сгам-по и Кри-сронг лдеу-бцан в стране, граничащей с Монголией и Китаем, на территории, включенной в современную провинцию Шаньси.

Седьмой и восьмой века нашей эры были периодом большого волнения среди тибетских кочевников и эпохой величайших завоеваний тибетского государства за пределами границ. Мои собственные исследования в этой области убедили меня, что ядро баллады возникло в течение этого периода и в него вошли эпизоды древних племенных эпических поэм, уходящих в далекую старину, вероятно, домонгольского и дотибетского происхождения. В настоящем виде баллада о Гесере, вероятно, сравнительно позднего времени. Это древний памятник поэзии кочевников, созданный творческими усилиями нескольких народностей В ее настоящем виде баллада чрезвычайно популярна в Монголии и даже среди тюркских племен центральной Азии. Доктор Н.Поппе говорит, что монгольская версия баллады произошла из Южной Монголии. Согласно ему, большое количество тибетских названий в монгольском тексте, вероятно, показывают, что монгольская версия является переводом с тибетского подлинника. Монгольская версия была опубликована в Пекине в 1716 г. во времена царствования Канг-си и была переведена И.Дж. Шмидтом

Во времена правления Манчу Гесер под именем Хуанг-ти был провозглашен божественным защитником династии. В Тибете все храмы посвящались Хуанг-ти и, как говорят, были лха-кхангами Гесера, или храмами Гесера.

В Азиатском музее Русской Академии наук есть тибетская баллада о Гесере в двух больших томах. Во время пребывания экспедиции в районе Хора я обнаружил балладу о Гесере в шестнадцати рукописных томах – каждая глава эпической поэмы помещена в отдельный том.

В Тибете и Монголии эпическая поэма о Гесере все еще постоянно обогащается новыми песнями и эпизодами. Новые эпизоды добавляются к старой основе баллады, и мессианские идеи присоединяются к образу Гесер- хана. Говорят, что Гесер возвратится снова на землю и поведет племена против могущественного врага, который поднимется, чтобы установить царство дьявола.

Во время длительного пребывания среди хорских кочевников экспедиции удалось собрать дополнительные данные, которые четко устанавливают важный факт, что почти написана новая глава многотомной эпической поэмы о Гесере В Монголии находится в процессе создания новая глава о будущих подвигах Гесера Эти новые добавления имеют характер пророческих песен.

Известный монгольский ученый Ц.Дж.Джамсарано указывает на факт, что устная версия баллад о Гесере значительно шире, чем письменный вариант. Кажется, что кочевые

племена Монголии и Тибета, взволнованные каким-то скрытым беспокойством, ищут вдохновения в древних преданиях своего прошлого.

Говорят, что кроме великой эпической поэмы о Гесере среди населения бон-по существуют несколько рнам-тхар, или легендарных историй. Ни одна из них не напечатана. Если они будут найдены, то представят важные данные религиозного, культурного и исторического развития бонской доктрины. Среди бон-по существует большое количество популярных песен. Доктор А.Х.Франке собрал многие из них во время своего длительного пребывания в Ладаке и Лахуле. Должным образом изученные и проанализированные, они также могут открыть важные факты.

Большое количество книг заклинаний и магических руководств существуют в рукописных вариантах. Некоторые из них совершенно непереводимы, другие требуют обширного детального знания пантеона бон-по. Для надлежащего понимания этих текстов необходимо знание мандал бон-по, или мистических сфер влияния.

Для изучения реформированного бон, бонские Канджур и Танджур имеют крайне важное значение. Три сохранившихся раздела в основном содержат материал для реконструкции первоначальной формы бон. Единственный, насколько известно от Сарат Чандра Даса, текст об истории бон-по «рГьял-рабс Бон-гьи-бьюнг-гнас», но мне сообщили, что существуют и другие исторические работы в форме чос-бьюнг, или историй церкви. Пока ни одна из таких работ не стала известной.

Бонский монастырь Шаругон построен около двадцати лет назад. Необходимые средства были собраны народными взносами среди пяти кочевых племен Западного Хора. Он расположен в узком ущельи из гранитных скал на берегах реки Чу-на-кхе, у подножия живописной гранитной горы, которая защищает монастырь от преобладающих на Тибетском нагорье юго-западных ветров.

Подход к монастырю охраняет высокая ступа, или мчодртен, увенчанная парой ячьих рогов. (Известно, что традиция установки черепов и рогов животных на мендонгах, каменных пирамидах и ступах по своему происхождению относится к бон-по). Ступа окрашена в белый цвет и имеет желтые, красные и синие полосы на своем шпиле, отображая в символической форме три сферы Вселенной: стан-лха – область богов, бар-бцан – средняя область и гьог-клу – местопребывание Нагов.

Монастырь состоит из двух залов собрания, или ду-кхангов, расположенных в маленьком закрытом дворе, вымощенном большими одинаковыми каменными плитами. Старый ду-кханг представляет собой двухэтажное здание и расположен направо от входных ворот. Сам зал собрания занимает первый этаж, а на втором этаже находится маленький лха-кханг, или храм, который содержит большую часть собрания монастырских изображений

Новый ду-кханг – величественное каменное здание, построенное около шести лет назад. Оно еще не полностью завершено. Стены украшены фресками, которые, хотя и новые, представляют большой интерес для изучающих иконографию. Остальная часть монастырского двора занята складскими помещениями и монашескими кельями. Во время посещения экспедиции в монастыре было пять постоянно проживающих монахов.

Некоторые из зажиточных монахов монастыря проживали со своими семействами поблизости. Главный лама, или кхан-по, единственный полностью посвященный в духовный сан монах, жил не в монастыре, а в отшельническом жилище, или ри-то, принадлежащем монастырю и находящимся за горным хребтом, который защищает монастырь с северо-востока. Оба ду-кханга, или зала собрания, украшены в обычном тибетском стиле, и имеется очень небольшое различие между украшениями, используемыми у ортодоксальных желтошапочников, или монастырями Ньингма, и святилищами бон-по.

Резные деревянные колонны на входе и внутри залов украшены традиционными драконами и цветочными узорами и окрашены в яркие цвета. Оба ду-кханга содержат картины, представляющие легендарную жизнь основателя бонской религии Шенрап тон-па, и изображения божественных существ пантеона бон-по. Существует столь полное подобие символов, что можно вообразить себя в ортодоксальном буддистском монастыре. Буддисты считают, что бон-по переняли буддистские изображения и символы, но представители бон-по придерживаются мнения, что ранние учителя тибетского буддизма приняли большое количество богов и символов бон-по. В настоящее время мы не в состоянии определить, которое из утверждений истинно.

Сходство бонской и буддистской живописи приписывают в некоторой степени тому факту, что храмы часто украшаются мирскими художниками, которые рисуют буддистские и бонские символы и изображения подобными и невольно передают буддистские символы в бон-по живописи и наоборот. Именно так случилось и с настенными картинами в Шаругонском монастыре. Картины были выполнены мирским художником, буддистом по вероисповеданию, который раскрашивал фрески под руководством главного ламы монастыря.

Священные писания бон известны не полностью, и очень мало бонских изображений изучены и описаны. До сих пор не найдено иконографического руководства по бон-по, и знания иконографии секты остались, похоже, только у весьма ограниченного количества священников и художников.

Главное место на этих настенных картинах занимает бон-по Спаситель – Шенрап миво. Он обычно представлен в аспекте полностью просветленного Будды, облаченного в пурпурные монашеские одежды, простые и суровые, лишенные всяких украшений. Его левая рука покоится в знаке (мудре) медитации (дхьяни-мудра) и поддерживает монашескую чашку, или патру. Его правая рука опущена в знаке свидетельства (бхумиспарша мудра) и держит бонский скипетр. Скипетр подобен буддистской ваджре или дордже, но вместо венца на каждом конце он имеет куб с изображениями свастики на пяти сторонах куба. Тело его цвета желтой охры, одежда красная или пурпурная, иногда украшена золотом или желтым цветочным орнаментом. Подобие с изображениями Сакьямуни очевидно, и единственным различием является скипетр бон-по. Слева от Основателя обычно представлен будущий учитель бон-по. Он изображен в одежде буддистского бодхисаттвы с золотой диадемой на голове и золотым орнаментом, инкрустированным драгоценными камнями, на плечах, руках и ногах. Обе руки находятся в позе медитации и держат чашу, или це-бум, полную амриты, или бдуд-рцу, с буквой «А» на ней, которое является бонским синонимом «ОМ». Лицо и тело цвета желтой охры, иногда золотые. Это цвет бодхисаттвы Майтрейи. Справа часто можно видеть бонскую форму Будды Врачевания, названной в бон-по Сангс-ргьяс сМан-бла. Цвет тела вместо темно-синего ультрамарина, как в буддистских изображениях, светло-желтый. «Бог врачевания» бон-по не имеет аспекта Будды, но одет как бодхисаттва. Его руки находятся в позе медитации и держат монашескую чашку с цветком удумбары, появляющимся из нее.

Другое общее изображение настенных росписей – бонская копия белой Тары, богиня Ма-бцун-ра, Мать Природа. Ее поднятая правая рука держит стебель цветка кумуды. Во всех других отношениях изображения бон-по и буддистских богинь идентичны. Бон-по форма Всемилосердного, или Авалокитешвары, с одиннадцатью головами и бесчисленными руками идентична ламаистской форме. Только одна из рук держит бонскую ваджру с изображением свастики.

Часто изображается богиня Ситатапатрапараджиты. Ее бонская форма имеет желтое тело вместо окрашенного белым буддистского изображения. Символы, которые держит богиня в своих многочисленных руках, подобны изображениям на буддистских картинах, кроме одной руки, которая держит бонскую ваджру с изображенной на ней свастикой. Пара рук сложена на груди и держит изображение плода, из которого прорастает цветок. (Буддистская богиня держит священный камень, или чинтамани.)

Еще одно популярное божество пантеона бон-по – черная Гаруда, или Кхьюнг-наг, изображена держащей в клюве змею. Эта форма Гаруды также известна в ламаизме, но, вероятно, имеет бонское происхождение. Одна из стен основного зала в новом ду-кханге украшена огромным изображением бон-по формы Ваджрапани, держащего Гаруду и ваджру. Священник, или хан-по, Шаругонского монастыря назвал его Бон-гьи фьяг-рдор, или бон-по Ваджрапани. Он не мог сообщить мне бонское название божества. Трудно сказать, то ли мы имеем дело с невежеством части духовенства бон-по, то ли бонские божества названы теми же именами, как в ламаизме. Относительная частота имени фьяг-рдор в бонских текстах, видимо, указывает на тот факт, что имя принадлежит терминологии бон-по или оно было принято бон-по.

Остальные стены основного зала покрыты фресками, изображающими бонские формы Ваджрадхары, Ваджракилы, Ямантаки, Демчога, Палден Лхамо и даже бонскую форму Калачакры, представлены на стенах в обоих – умеренных и жестоких – формах. Главный

лама монастыря сообщил мне, что существует ряд текстов по Калачакре бон-по. Было бы интересно сравнить их с Калачакрой буддистской системы. Все эти боги изображены держащими бонскую ваджру с символом свастики и плод с появляющимся цветком. Некоторые из божеств изображены с гирляндами цветов на головах. Все они представлены сидящими или стоящими на низких тронах, или асанах, с изображениями льва, орла и слона.

Второй этаж занят несколькими большими комнатами, которые всегда в тибетских монастырях используются как жилища священников. Комнаты имеют также ряд фресок с изображением легендарной жизни Шенрапа ми-во. Легко идентифицировать сцены его жизни, которые, как я уже упоминал, навеяны буддистской легендой. Фреска, занимающая целую стену, изображает различных бонских учителей – все сидят в одном ряду, одетые в одежды лам красной секты. Некоторые из представленных персонажей носят белые мантии поверх своих темно-пурпурных одежд лам. Пока еще мы не способны определить историю линии бонских учителей.

Другая интересная фреска изображает бонский тшок-чин, или собрание бонских божеств, с бонским ску кунг-ту бзанг-по с расположенным в верхней части фрески Шенрапом ми-во, окруженным множеством бонских божеств и святых. Другая фреска, вероятно, представляет семь святых или героев, названных Па-во pan-дун (дпа-во раб-бдун). Они, вероятно, идентичны семи а-кху, или помощникам Гесера. Бонский Танджур хранится в новом ду-кханге, где под библиотеку отведена специальная комната.

Старый ду-кханг на противоположной стороне двора имеет алтарь, представляющий окрашенную деревянную застекленную витрину, в которой стоят глиняные изображения Шенрапа ми-во и ламы «Провозглашателя бонской веры», как бонский священник назвал его, изображенного держащим в правой руке стебель цветка лотоса, поддерживающим религиозную книгу, или легс-бам – вполне буддистский символ, принятый в бон-по. Подобие этого изображения с буддистским реформатором рГьял-ва Дзон-капа очевидно. Перед изображениями жгут большие лампады (чо-ме), сделанные из массивного серебра, и там стоят обычно восемь счастливых подношений. В других отношениях оборудование алтаря идентично тому, которое есть в буддистских храмах. Все другие стены заняты полками, или кюн-ра, содержащими сто сорок томов бонского Канджура.

Выше книжных полок висит ряд масок, используемых в религиозных танцах, которые проводятся летом. Отверстие в крыше дает возможность доступа на плоскую крышу ду-кханга. Ствол дерева с вырезанными ступенями служит лестницей. Каждым утром на рассвете лама поднимается на крышу и звуками раковины приглашает монахов к утренней службе. В течение месяца нашего проживания в монастыре мы редко видели религиозные службы, проводимые там. Главный лама всегда отсутствовал, находясь в своем жилище, остальные монахи занимались своими собственными домашними делами.

В декабре 1923 г. монастырь использовался как казарма для тибетских солдат, посланных на поиски Таши ламы, который перед этим бежал из Шигадзе в Китай.

За оградой найдены многочисленные каменные изображения Шенрапа тон-па, одетого подобно бонскому бодхисаттве, или Гьюнг-друнг сем-па, держащим магический скипетр, и несколько написанных на камне бонских формул Ом-ма-ни-хри-му-йе-са-ленду. Каждой группе букв соответствует один из восьми счастливых символов, или бКра-шис ртагс-бргьяд, которые представлены под надписью.

Современное население, исповедующее бон-по не очень строго в соблюдении бонских ритуалов, и часто можно видеть тантрических лам, или нгаг-пов, из лхасского монастыря Сера, практикующих среди населения бон-по. Имеется, однако, определенный антагонизм между буддистскими и бон-по монастырями. Ламам бон-по приписывают обладание опасным знанием скрытых вещей, и ночь, проведенная в бон-по монастыре, может принести несчастье. В нашем случае смерть жены майора от пневмонии рассматривалась населением как случай гнева местного монастырского божества. Главный лама монастыря, старик с кудрявыми волосами и почти негроидного вида, однажды спросил меня: «Вы изучаете доктрины Будды, как можете вы интересоваться нашими бонскими писаниями? Две доктрины не могут идти вместе, так как одна исключает другую». Ламаистские монголы имеют большую антипатию к бон-по вере, которая обычно известна им под названием Кхара-ном, или «Черная Вера».

Некоторые из лам бон-по региона Хора весьма богаты: обладают большими стадами яков, овец, и имеют хорошие личные библиотеки. Они живут в палатках. Иногда две или три палатки собирают вместе, формируя одну палатку достаточной длины, чтобы разместить все семейство и некоторых служащих. Много таких лам успешно торгуют и продают населению брикеты чая, который они получают из Сычуаня, и другие предметы потребления. Местные кочевники испытывают большое уважение к ним и неизменно обращаются к ним: Кушо-римпоче или лама-ла – драгоценный господин или почтенный учитель. Все мирские последователи бон носят амулетницы, или га-у, на шеях и поперек плеча, и вращают молитвенные барабаны в противоположном направлении. Возле их палаток стоят большие шесты с молитвенными флагами, и иногда на них можно увидеть хвост лошади или яка.

Один из важных результатов экспедиции – открытие «звериного стиля» среди кочевых племен Северного Тибета. Этот «звериный стиль» состоит из декоративных мотивов, состоящих из фигур животных, которые иногда комбинируются, формируя наиболее поразительные орнаментальные композиции. Некоторые из этих мотивов высоко стилизованы и образовывались в результате длительного развития. Художники, создававшие их, были острыми наблюдателями природы и хорошо знали характер и привычки животных, которых они изображали. Этот стиль распространился по огромным регионам и был общим для всех кочевых племен верхней Азии. Центр этой великой культуры кочевников, которая так сильно повлияла на искусство более цивилизованных соседей, находился в Алтайских горах – области, изобилующей золотом и металлической рудой, и фауна которой часто отображается в предметах в «зверином стиле».

Трудно сказать, был ли «звериный стиль» связан с каким-либо особым физическим типом людей. Я склонен думать, что это произошло среди кочевых и охотничьих племен большого этнического разнообразия, но живущих в аналогичной среде, и мы только таким образом способны объяснить огромное распространение «звериного стиля» – от южных российских степей к самым границам Китая и от сибирских лесных просторов до могучих высот Трансгималаев и Тибета.

Тибет всегда был открыт для миграций племен с северо-востока. С северо-востока вторглись в страну предки современных тибетцев. Высокое плоскогорье страны Коко-нор в среднем поднято на высоту около десяти тысяч футов, и окружающая его горная страна предоставляет достаточно пастбищ для передвижения орд и их скота. Отсюда орды древних тибетцев, перемещающиеся некой могучей человеческой волной, были вынуждены искать новые пастбища, пересекая долины и плато Тибета.

В исторические времена тибетские племена имели хорошие торговые сообщения с Ираном и палео-азиатскими племенами, которые кочевали по обширным пространствам китайских пограничных земель. Современное исследование установило факт, что иранские племена были распространителями «звериного стиля». Во время ханьской эпохи (206 до н.э. – 220 н.э.) иранское вооружение поставлялось в Китай, и с ним прибывала богатая орнаментация в нео-зверином стиле, названном так, чтобы отличить его от звериного стиля южных российских степей.

Самое раннее известное сообщение о проникновении иностранных центральноазиатских элементов в страну, населенную тибетскими племенами (Кьянгами по китайским анналам), найдено в Шики известным историком Сзи-ма-цьеном:

> «До времени, когда Лао-шанг, шан-ю из Хиунг-ну, убил короля Юе-чи (иранцев) и сделал чашу для питья из его черепа, Юе-чи жили между Тунь хуаном (ныне Шачоу) и Ки-льеном (горы к юго-западу от Кан-чоу фу), но когда они были побеждены Хиунг-ну, они бежали в отдаленную страну и пересекли Запад Юаня (Фергана), атаковали Та-хиа (Бактрия) и захватили ее. Впоследствии они имели свою столицу на севере Куй-шуй (Оксус) и сделали ее двором своего короля. Меньшинство, которое осталось сзади из-за неспособности следовать за ними, нашли убежище среди Кьянгов (тибетцев) в Нань Шане и были названы Сяо-йе-чи (малые Юе-чи)».

Мы озабочены здесь только концом вышеупомянутого утверждения. Часть Юе-чи, иранское племя Центральной Азии, населяющее современную провинцию Кансу и Южный Алашан (были ли Юе-чи однородным племенем сцитхианского происхождения или скоплением родственных племен со сходными обычаями и правилами жизни – мы полностью не способны решить в настоящее время), мигрировало в горную страну южнее от

настоящей китайской провинции Кансу и стало постепенно сливаться с аборигенным тибетским населением гор. Эти переселяющиеся кочевые племена принесли с собой кочевую культуру и племенной эпос. Они также принесли это высоко условное искусство кочевников Центральной Азии, отличающееся животным орнаментом и длинными тяжелыми мечами, которые до сих пор еще являются любимым вооружением тибетских кочевников. Важные находки текстиля и металлических предметов в «неозверином стиле» были обнаружены генералом П.К.Козловым в Монголии в горах Ноин ула на севере от Урги, но ничего не было известно о существовании этого искусства в Тибете. Из открытий экспедиции Рериха видно, что очень схожий стиль был популярен в металлообрабатывающем регионе Дерге, одной из самых лучших в художественном отношении провинций Тибета, и среди племен Северного и Северо-Восточного Тибета. Среди хорпов этот стиль все еще культивируется, и прилагаемые иллюстрации показывают несколько предметов в тибетском «зверином стиле».

1. Сумка для огнива и кремней. Сумка привезена с запада региона Хор. Она сделана из черной выделанной кожи, украшена медными фигурами животных. Несомненно, центральноазиатская вещь, выполненная в «зверином стиле». Фигуры животных представляют собой самки ланей с детенышами. Изготовление фигур животных и их декоративная обработка свидетельствуют о близкой связи с центральноазиатским кочевым искусством. В центре сумки – медная пластина с изображениями восьми счастливых символов (та-ши таг-гье).

2. Сумка для огнива и кремней. Привезена из того же региона. Она сделана из черной выделанной кожи, украшена медными фигурами живот ных. Мы видим на ней две стилизованные фигуры лис, срывающих плод с дерева. Такая обработка двух фигур и размещение дерева между ними часто появляются на сцитианских и сибирских древностях.

3. Медная пряжка, представляющая двуглавого орла внутри круга. Пряжка доставлена из Чинг-кара, место западнее Нагчу. Бляшки с изображением орлов с двумя головами были обнаружены в кубанских могильниках Северного Кавказа. Мотив с изображением двуглавого орла прослеживается даже до Хиттитского искусства Малой Азии.

Сумки для огнива и пряжки в таком «зверином стиле» были найдены нами только среди хорпов. Чангпы из региона Великих Озер уже имеют обычные тибетские сумки для огнива, украшенные коралловыми, бирюзовыми и металлическими гвоздями из серебра, меди, но редко из золота.

4. Бегущая лань. Эта фигура была взята с медной амулетной сумки, привезенной из Дерге, находящейся в настоящее время в коллекции г-на С.Н.Рериха. Восемь счастливых символов тибетских украшений сочетаются с фигурой бегущей лани. Фигура лани, несомненно, принадлежит искусству кочевников, характеризуемому как «звериный стиль». Голова лани повернута назад, и это характерный и часто замеченный мотив в сцитиансих и сибирских древностях. Обработка морды и глаз животного имеет свои аналогии в древних предметах, найденных в могильниках южных российских степей и Южной Сибири.

5-6. Два изображения были взяты с посеребренного железного футляра для ручек из Дерге. На этом футляре, сделанном из массивного железа, среди обычного цветочного орнамента мы видим фигуру сидящих оленя и лебедя. Мотивы с изображениями сидящих ланей, лосей или оленей общеизвестны в сцитианских и сибирских древних предметах. Фигура лебедя изображена уже под сильным влиянием китайского орнаментального искусства. Эта фигура – изделие китайской мастерской, производящей художественные изделия для пограничных племен. Интересно заметить, что лебедь на нашем футляре соответствует почти во всех деталях фигуре длинношеей птицы с распростертыми крыльями (лебедь?), найденной на части вышивки, обнаруженной генералом П.К.Козловым в горах Ноин ула. Поза птицы и расположение крыльев подобны в обоих случаях. Левое крыло поднято, правое опущено – образуют острый угол. Несомненно, что эти две фигуры прибыли из одного общего центральноазиатского источника и представляют некие мифологические персонажи.

7. Львиная пряжка из коллекции С.Н.Рериха. Другой замечательный пример центральноазиатского кочевого искусства в «зверином стиле», найденный для коллекции С.Н.Рерихом. Привлекает внимание железная посеребренная пряжка с рельефом, привезенная из Дерге в Северо-Восточный Тибет. Этот уникальный предмет представляет льва с головой, направленной налево к зрителю. Грива животного висит вокруг головы

толстыми пучками. Обработка тела животного необычно мощна. Он изображен сидящим на задних ногах с поднятым хвостом, как будто привлеченный каким-то шумом и готовый к прыжку. Фон сформирован из двух стилизованных деревьев. Под фигурой льва видна холмистая местность с высоко стилизованными холмами.

Трудно определить, для чего была использована эта пряжка. Два квадратных отверстия с обеих сторон, видимо, сделаны для полоски кожи, которая пропускалась под пряжкой. Пряжка могла быть использована как нагрудное украшение или как пряжка для ремня. Среди предметов, обнаруженных Козловской экспедицией в курганах гор Ноин ула, найдены металлические пряжки с рельефами, изображающими стоящего быка с опущенной и повернутой влево головой.

При сравнении двух пряжек можно увидеть близкое подобие композиций. На обеих основная фигура – это животное, стоящее слева направо с головой, обращенной к зрителю. Трудно сказать, изображен ли на козловской пряжке як. Я склонен думать, что она изображает зубра. Обработка меха животных в обоих случаях аналогична. Обе пряжки имеют как фон два стилизованных дерева. Пряжка из коллекции С.Н.Рериха имеет фоном два дерева, разветвляющиеся над головой льва. Эти деревья предполагают страну с более теплым климатом, тогда как Козловская пряжка изображает две сосны, что говорит о северном происхождении предмета. Создается впечатление, что два предмета изображают животные мотивы, занесенные в кочевое искусство Внутренней Азии, но львиная пряжка изготовлена в южных частях этой провинции, занимающейся художественными промыслами, а пряжка с зубром – на северной границе. Обе пряжки изображают сильно стилизованные горы, вероятно покрытые лесом.

М-р Персиваль Йеттс в своей статье о козловской находке высказывает мнение, что козловская пряжка использовалась как фалара, или украшение упряжи. Он привлекает внимание к определенным особенностям, которые напоминают сассанианскую серебряную пластину, найденную около верхнего течения Камы.

Древняя пряжка из собрания С Н Рериха – поразительный пример искусства кочевников, так как она найдена среди племен Северного Тибета в большом металлообрабатывающем регионе Дерге и Амдо.

Все эти предметы неопровержимо доказывают существование древнего центральноазиатского кочевого искусства в Тибете. Горный характер страны с недоступными долинами помогает сохранить большое количество воспоминаний об отдаленной старине, и кочевое население сильно дорожит центральноазиатским прошлым. Пока внимание было привлечено только к религиозному искусству Тибета, красочным знаменам и прекрасным бронзам. Теперь открыта новая сфера тибетского народного искусства, которая являет собой добуддистское искусство тибетских кочевых племен, оставшееся с отдаленного прошлого.

XVII

НАГЧУ

4 января 1928 г. Шаругон. Холодная ночь, на термометре -30^{0}С. К утру холод усилился, и мы дрожали под брезентом летних палаток. Около половины седьмого из-за горы, напротив нашего лагеря, выглянуло солнце и слегка согрело воздух. День обещал быть солнечным. Утром мы, как обычно, шли вдоль берега скованной льдом реки и заметили бородачей-ягнятников, замерших на утесах недалеко от монастыря с таким видом, что это навевало мысли об их будущих жертвах и смерти. И действительно, ближе к вечеру один из местных солдат принес известие о том, что жена майора утром умерла. Свое известие он прокомментировал так: «Господин, майор притеснял бедных людей этой местности, причинил много вреда Вашей Чести, и поэтому боги, покровительствующие монастырю, наказали его». За несколько дней до этого я сказал майору, что пневмония на такой высоте и в таких ужасных условиях неизлечима.

Дошли слухи, что губернаторы Нагчу после прибытия в Цомра снова возвратились к себе. Местный старшина, невысокий человек с лукавым лицом и тихими манерами, зашел ко мне в палатку и поведал обычные местные жалобы. Он сообщил, что область перешла во владение правительства Лхасы около двенадцати лет назад. «Под китайским господством мы жили намного счастливей, – убеждал старшина, – но теперь страдаем от непосильных налогов, установленных тибетцами, это довело наших людей до крайней бедности. Не верьте тибетцам. С тех пор, как мы стали тибетскими ми-сер (крестьяне или подчиненные), сменились четыре чьи-чьябы, или верховных комиссара, но мы ничего от них так и не увидели». Наша беседа была прервана солдатом, посланным майором, который сообщил, что губернаторы Нагчу должны прибыть на следующий день.

Все радовались, видя в этом возможный конец вынужденной задержки. Местные жители были особенно довольны, поскольку они были утомлены обслуживанием нас, майора и его солдат. Вечером, когда луна взошла над скалами, часовые пели сагу о Гесере и сопровождали свою песню таинственным танцем. «Сегодня конь Гесера прибыл, сегодня взойдет солнце, лев пройдет по леднику», – пели хорпы отрывок из песни о войне Гесера против правителя Хора. Их пронзительные голоса далеко разносились в безмолвии ночи. В песне о Гесере они желали нам удачи на пути к далекой Индии. Их песня была резко прервана Кхам-па. «Не пойте так громко, – сказал он, – иначе тибетцы в монастыре услышат вас и рассердятся». Песня резко оборвалась, публика рассеялась, и каждый направился к своей палатке. Мы задержались еще на некоторое время, разговаривая о той необычайной притягательности, которую имеет песнь о Гесере для этих простодушных кочевников. В ту ночь мы спали мало. Майор приказал за ночь соорудить лагерь для губернаторов, и время до утра прошло в непрерывном движении и ожидании. На следующее утро, около десяти часов прибыли двое тибетцев: доньер, или представитель, и повар губернатора. Они были одеты в традиционном тибетском стиле, в огромных меховых шапках и несли га-у, или шкатулки с магическими заклинаниями. Они были вооружены русскими винтовками, украшенными кхатагами и разноцветными флажками.

Около полудня всеобщее волнение известило о прибытии губернаторов, которые сразу же направились к своим палаткам. Через час губернаторы официально известили нас о своем прибытии. Мы собрались в палатке-столовой. Губернаторы появились в сопровождении множества слуг, которые несли для нас подарки – два мешка ячменя для сотни животных, цампу и чай очень плохого качества. Кхан-по Нагчу был человек среднего роста, лет шестидесяти, одетый в обычное красно-пурпурное одеяние ламы. Он считался очень опытным дипломатом в Тибете и был известен под именем гарпона Гоманга. В юности он приехал в Гоманг дацан монастыря Дрепунг, но затем уехал оттуда в Китай, где вел странствующую жизнь, посещая различные районы Китая, Монголии и даже Сибири. Впоследствии он провел пять лет на правительственной службе в Пекине, где встретил Рокхилла, и семь лет пробыл в качестве тибетского торгового агента в Синине, в провинции Кансу. Он бегло владел китайским и немного знал монгольский. Это был джентльмен с квадратной челюстью, имевший репутацию чрезвычайно высокомерного человека, с

которым трудно иметь дело. Он носил темные китайские очки, пытаясь, очевидно, запугать нас своей сверепой внешностью.

По его словам, в течение нескольких лет он жил в уединении в Лхасе, когда одно из самых влиятельных правительств Святого Покровителя, опасаясь китайского наступления из Кансу, назначило его, верного служащего и правительственного дипломата, обладающего детальным знанием «восьми великих стран», на пост губернатора Нагчу. Несмотря на то, что он был женат, Далай лама лично присвоил ему звание дзедрунг, получаемое обычно только монахами, дающими обет безбрачия.

Его коллега, гражданский губернатор или нанг-со, был не менее отмечен на правительственной службе. Это был пожилой джентельмен, состарившийся на службе своего правительства. Одет он был в платье из китайской желтой парчи и шляпу манчу. Его звали Гонг-кар, и его сын изучал военную науку в Индии в батальоне гурков. Губернатор провел большую часть своей жизни в различных дзонг-кхасах, или провинциальных районах Тибета. Когда Тибет воевал с Китаем, он занимался мобилизацией в Намру. В 1918 г. он был прикреплен к миссии Тейчмана в Кхаме. Во время китайско-тибетской войны 1917-1918 гг. он служил под командованием Калон ламы, тибетского главнокомандующего. Перед прибытием в Нагчу он был дзонг-поном, или губернатором в Конгпо, где встретил полковника Бэйли и капитана Моршеда. Из этого перечня их заслуг мы могли убедиться, что имеем дело с опытными дипломатами, которым полностью доверяет правительство.

Выяснив цели экспедиции, кхан-по воскликнул, что весьма рад слышать все это, но с тех пор как Тибет стал религиозной страной, не имеющей отношения к делам внешнего мира, правительство страны вообще запрещает иностранцам посещать свои территории. Мы указали ему на то, что в 1904 году они допускали иностранцев и что в Гянцзе находился британский отряд. Губернатор только улыбнулся и уверил нас, что все британские подданные были выдворены из Гянцзе и что никогда не слышал о британских войсках в том районе. Мы спросили у него разрешения послать телеграмму из Лхасы в Сикким, но губернатор утверждал, что телеграфной связи между Лхасой и Индией не существует. «Когда министр Бэлл обсуждал с нами договор, то была необходимость в телеграфной связи, но после того как договор был заключен, телеграфную линию уничтожили. Британцы не сдержали своих обещаний и не научили тибетцев изготовлять черный порох».

Далее губернатор уведомил нас, что его правительство не разрешает британским, русским, китайским и японским подданным вообще посещать Тибет, а также провинции Ю и Цанг. Хотя в существующих договорах не ставится такое условие относительно американцев, но тем не менее они не могут нам позволить въехать, потому что британцы, русские и японцы станут пользоваться преимуществом этого прецедента и проникнут в страну. Губернаторы сообщили нам, что обычный способ обхождения с иностранцами, прибывающими на границу Нагчу, состоит в отправке их обратно в Синин или в Ладак. Но в данном случае власти были готовы рассмотреть нашу просьбу и позволить нам пересечь Тибет на пути к Индии. Кхан-по добавил, что согласно инструкциям, полученным из Лхасы, он и его коллега предоставят нам новых караванных животных и продовольствие до границы Индии.

В ответ мы сообщили губернаторам, что условия соглашения не могут быть применены к нам, поскольку мы не самозванцы, а имели официальный паспорт, выданный представителем Тибета в Монголии. Мы настаивали, чтобы экспедиции позволили посетить Гянцзе, проконсультироваться с британским торговым агентом, остановившимся там, и сослались на тот факт, что в последнее время многие из иностранных подданных побывали в тибетской столице, и главным образом генерал Перейра, который в 1922 г. пересек Тибет на пути в Индию. Губернаторы заявили, что все это была ложь, поскольку генерал Перейра никогда не существовал. Они снова и снова ссылались на общепринятое правило, что иностранцам не позволено посещать Внутренний Тибет (По-нанг), но мы могли свободно перемещаться по Внешнему Тибету (По-чий), включая все провинции к востоку от Чамдо и провинцию Тхо-нга-ри корсум на западе. Мы продолжали настаивать, чтобы нам позволили переправиться в Индию самым коротким путем, при необходимости минуя Лхасу, Шигадзе и Гянцзе. Тибетцы попросили показать предполагаемый маршрут на карте. Мы предложили маршрут через перевал Дам ла, который пересекает территорию Внутреннего Тибета между

Лхасой и Шигадзе, и далее присоединяется к торговому караванному пути Лхаса – Индия в Пхари дзонге.

Этот маршрут имел большое преимущество, являясь намного короче любого из окружных маршрутов. Всего двадцать дней требуется вьючному каравану, чтобы дойти до Пхари дзонга, и, кроме того, он проходит по земледельческим районам Тибета, где легко можно было достать припасы. Мы снова напомнили губернаторам, что не являемся самозванцами и имеем паспорта, выданному тибетским представителем в Монголии. «Почему вы уделяете так много внимания клочку бумаги, выданного этим несчастным нищим?» – воскликнул кхан-по. Он терял самообладание, и стоящие рядом слуги нагло смеялись в рукава своих меховых кафтанов. Мы продолжали настаивать на своем и посоветовали кхан-по, что если тибетское правительство не признает своего официального представителя в Урге, то об этом следует немедленно сообщить китайскому и монгольскому правительствам. Губернаторы пришли в смятение и обьявили, что им нужно составить новое письмо относительно нас в Лхасу. Мы вышли с губернаторами из палатки, и они сразу же отбыли в свой лагерь. К вечеру сгустились облака, указывая на вероятную перемену погоды.

Ночью шел снег, и сильный юго-западный ветер яростно сотрясал палатки. День был ненастный, и буря продолжалась почти до полуночи. Губернаторы прибыли снова, чтобы повидать нас. Нам не разрешалось перейти через Дам ла, минуя Гянцзе, но их правительство было готово договориться о нашем маршруте в Сикким через Намру, Нагтшанг и Сага дзонг. Все путешествие заняло бы только месяц, так как до Сага дзонга всего шесть дней пути от границы Сиккима. Бедные губернаторы, они пытались обмануть нас, или их знание собственной страны было недостаточно полным? Делать было нечего, и пришлось соглашаться, но мы попросили, чтобы нам позволили пересечь Трансгималаи и выйти в провинцию Цанг южнее Нагтшанга. Губернаторы обещали передать нашу просьбу правительству. Кхан-по попросил нас приехать к нему, поскольку хотел бы иметь список припасов, необходимых экспедиции, направлявшейся в Индию, и готовы были отправить трех человек закупать их в Лхасу.

В пять часов дня мы нанесли ответный визит кхан-по. Временная штаб-квартира губернатора находилась в обычной ба-наг, или черной кочевой палатке. Мы застали его сидящим на корточках на низком стуле около костра. Шест палатки, находящийся перед ним, был буквально завешен огнестрельным оружием: несколько русских кавалерийских винтовок и немецкие автоматические пистолеты Маузера, казавшиеся безобидными из-за чрезмерного украшения серебряным орнаментом. Мы снова попытались убедить губернатора отослать телеграммы в Лхасу для дальнейшей пересылки в Нью-Йорк и полковнику Бэйли, британскому государственному служащему в Сиккиме. Губернатор снова отказался послать телеграммы, поскольку линия между Лхасой и Гянцзе была недавно повреждена, а все британские отряды отведены из Гянцзе и долины Чумби, которая теперь находилась под полным контролем Тибета. Мы сообщили губернатору, что сильно удивлены изменением отношения тибетского правительства к британскому и просили его пояснить ситуацию. Ответ был совершенно неожиданным. Губернатор обвинил британцев во внесении большевизма в тибетскую армию.

Уладив вопрос с продовольствием, мы возвратились в лагерь. Завывающий ветер швырял в лицо песок и мокрый снег. На следующее утро губернаторы уехали в Нагчу, а мы начали готовиться к отъезду. Теперь нам позволили отправиться в Нагчу, а местный старшина уехал из Шаругона собирать для нас яков и лошадей.

11 января состоялись похороны жены майора. Они были несколько отсрочены, так как ламе гелугпа, который должен был проводить церемонию, пришлось ехать издалека. Дорога была занесена снегами, и по пути он потерял несколько лошадей. Тело скончавшейся отнесли на вершину близлежащей горы и оставили там грифам. Хищные птицы следовали за процессией от монастыря. Несколько солдат сопровождали тело, чтобы участвовать в ужасном религиозном обряде по расчленению его на части. Тибетцы верят, что тот, кто побывает на запятнанном кровью месте, где расчленяют тела, достигнет долголетия. По поверию, настоящий Далай лама однажды выполнил эту полезную церемонию на скале около отшельнического жилища Па-бон лха, находящегося примерно в двух милях северо-восточнее монастыря Сера. Говорили, что скала сверхъестественным образом прилетела из Индии.

Портнягин и наш тибетский проводник страдали от цинги. Вновь прибывающие из Нагчу сообщили, что в районе распространяется голод: небольшой мешок (около двадцати фунтов) цампы стоит двадцать пять нгу-сангов. Из-за необычного снегопада в районе Ньенчен Тангла возникли огромные трудности. Люди единодушно говорили, что начиная с отъезда Панчен ламы каждый год здесь происходят сильные снегопады, уничтожающие население.

За последние несколько лет климат тибетских нагорий резко изменился, в регионе увеличилось количество осадков. Зимой выпадает обильный снег, в июле и августе – сильные ливневые дожди. Помнится, я видел целые бассейны дождевой воды на песчаной поверхности около гор Кокошили, образованные недавними дождями. В этом году снегопады начались где-то с середины ноября. Местные кочевники снялись с места в поисках пастбищ для скота и ушли далеко на север от горной цепи Тангла. Те, кто не сумел вовремя уехать, потеряли большую часть скота и скитались по району в поисках пищи. Правительство старалось помочь им, и в Нагчу ежедневно раздавали цампу. Местные хорпы сообщили, что в длительном путешествии невозможно использовать яков, поскольку животные в настоящее время были очень слабы. За оставшиеся десять дней мы пытались купить яка, чтобы добыть немного мяса для поездки, но местное население не могло ничем помочь нам, в области совсем не осталось яков. Вьючных же яков для экспедиции пришлось пригнать из-за Тангла, что в восьми днях пути от Шаругона.

Портнягин все еще страдал, и снова заболел полковник. Похоже было на то, что мы не сможем проделать длинный и трудный путь и придется добираться в Индию самым коротким маршрутом. После отъезда губернаторов мы серьезно принялись за упаковку своих яхтанов, ремонтом седельного снаряжения и починкой палаток. 18 января в Шаругон прибыло несколько яков от кочевников паоро. За одну сотню вьючных яков мы должны были бы заплатить две сотни нгу-сангов. Лошадь стоила двадцать пять нгу-сангов, так как в регионе почти не осталось лошадей. Мы решили ехать на своих лошадях, шестнадцать из которых были в состоянии продолжить путь. Майор, сильно потрясенный смертью своей жены, не проявлял никакого интереса к работе. День был занят почти безнадежным делом – извлечением из грунта железных палаточных кольев, которые сильно вмерзли в него, и нам пришлось оттаивать землю огнем.

19 января все встали очень рано. День обещал быть прекрасным. Распределив багаж среди старшин, которые снабдили караван яками, тронулись в путь. Так закончилось четырехмесячное пребывание на земле Хора. Полковник был все еще очень слаб и просил нас оставить его в Шаругоне дожидаться своей смерти, но мы убедили его сесть на лошадь и попытаться следовать за караваном.

Монастырские ламы и собравшиеся старшины попрощались с нами у ворот монастыря. В десять часов мы достигли Чу-на-кхе и проехали место нашей прежней стоянки. Пронизывающий юго-западный ветер дул в лицо, затрудняя продвижение. Тут мы узнали печальную новость о том, что один из сопровождвших нас лам внезапно скончался, когда собирался сесть на своего яка. Он очень страдал во время задержки, и постоянные волнения ослабили его сердце.

Мы остановились севернее Тасангла, около замерзшего ручья. Разбив палатки, мы заметили поблизости два лагеря голоков. Они оказались паломниками, идущими в Лхасу. Пришлось принять меры предосторожности, но ночь прошла спокойно, голоки, очевидно, находились в мирном настроении.

На следующий день нам пришлось прокладывать путь через снежные заносы, которые блокировали Тасангла. Подъем был не крутым, но долгим, и нам потребовалось четыре часа, чтобы достигнуть вершины перевала. Тяжелые тучи закрывали небо. Трудно пришлось якам на перевале, многие вязли в снегу и не могли двигаться, лакто, или погонщикам, приходилось вытаскивать их – утомительная работа на этих высотах. Лошади проваливались по колено в снег. На вершине перевала мы догнали ламу голоков. Бедняга пробивался сквозь снег, его лошадь пала при подъеме на перевал. Несколько караванов с чаем из Синина также застряли на перевале; неспособные двигаться дальше, все караванные животные погибли.

В некоторых местах спуск был крутым. Узкая долина, населенная хорпами племени паоро, простиралась с северо-запада на юго-восток. По направлению к Нагчу тянулись бесконечные цепи гор, покрытые снегом. Долина, в которую мы спустились, пестрела

стоянками лам Амдо, совершающих паломничество в Лхасу. Чтобы покрыть расстояние от Кумбума до Нагчу, им потребовалось восемьдесят дней. В поисках стоянки мы прошли немного дальше, но так как было уже поздно, то пришлось разбить лагерь на склоне холма, выходившего на юго-западную часть долины, где не было ни воды, ни травы для животных. Снег лежал слоем в два фута, и было невозможно отыскать какое-либо топливо для костра. После безуспешных поисков мы решили добыть немного аргала в долине.

На следующий день мы миновали Цомра, где была задержана экспедиция Филчнера. Все покоилось под снегом, и нигде не было видно скота. Караван голоков следовал за нами. Некоторые из них посетили нас – сильные, высокие люди с грубыми чертами лица. Старшина паоро, который сопровождал нас в Нагчу, был обеспокоен их приходом и сообщил голокам, что им следует быть очень осторожными, поскольку я являюсь крупным лхасским чиновником, сопровождающим американскую миссию. Мое знание тибетского и огромная меховая шапка помогли поддержать неожиданную маскировку. Голоки преподнесли мне хатык и удалились из нашего лагеря. Некоторое беспокойство голоки нам все-таки доставили. Они и местные солдаты перекрикивались всю ночь. «Ки-ху-ху»,- в морозном ночном воздухе раздавался крик голоков, и «ха-ха-ха-ха», – звучал протяжный крик наших хорпов. Этот дьявольский концерт взаимного доверия продолжался до рассвета.

Ночью нам довелось пережить необычайно сильный мороз. Термометр показывал -50°С. Некоторые из нас совершенно промерзли. На следующий день мы проехали несколько поселений кочевников, окруженных трупами павших яков и лошадей. У нескольких палаток насчитывалось до сорока мертвых яков. Голод и снегопад произвели в области ужасное опустошение. Перейдя небольшой перевал, мы достигли широкой долины, к югу от которой уловили первые отблески сияющих пиков горной цепи Шанг-шунг.

После перехода долины некоторое время мы пересекали гребень горы и остановились на берегу реки Наг. Снег покрывал землю слоем около пяти футов, и мы потратили несколько часов, очищая место для палаток. Проводник сообщил, что мы могли бы достигнуть Нагчу в тот же день, но лучше бы остановиться здесь, поскольку животные были очень утомлены и мы уже потеряли несколько яков. Ночью снова испытывали сильный холод, но поскольку суточный переход должен был быть коротким, оставались в палатках до десяти часов утра и двинулись в путь, когда солнце достаточно прогрело воздух. Даже коньяк во фляге доктора замерз.

Обогнув скалистый отрог, мы увидели на другом конце долины город Нагчу. Его монастырь, возвышающийся темной массой, был ясно видим в фиолетовой дымке зимнего утра. После часового перехода дошли до места. Доньеры дзонга встретили нас перед городом и проводили к полуразрушенной постройке, самой лучшей и наиболее просторной в Нагчу, за исключением монастыря и дома губернатора. Фотография, иллюстрирующая текст, даст достаточное представление о новой штаб-квартире экспедиции. В доме имелись шесть сырых комнат. Окна были закрыты китайской бумагой, натянутой на рамы, стены покрывала дешевая красная ткань. Потолок был густо обмазан жидкой смолой, постоянно капающей и оставляющей на нашей одежде и принадлежностях темные пятна. Полковник чувствовал такое отвращение к новой квартире, что предпочел остаться в своей палатке, разбитой на внутреннем дворе. В комнатах не было печей, но нам пообещали поставить их через несколько дней. Мы подняли на воротах американский флаг и каждый вечер собирались толпы людей, чтобы посмотреть на то, как его спускают на ночь.

Район Нагчу, названный по имени реки Наг, берущей начало из озера Амдо тшо-нак, находящегося на расстоянии около пятидесяти миль к северо-западу, занимает огромную территорию на высоте в среднем пятнадцати тысяч футов к северу от перевала Шанг-шунг в горной цепи Ньенчен Тангла. На западе он граничит с узкой полоской земли, принадлежащей провинции с названием Чо-хор, которая принадлежит монастырю Сера в Лхасе. На юго-западе он граничит с районом Дам, относящимся к провинции Цанг. К северо-западу он простирается далеко к области Амдо тшо-нак и граничит с Намру. На севере район тянется до перевала Тасанг, затем соприкасается с узкой полоской территории, протянувшейся от перевала Тасанг до перевала Кхамронг (высокогорная долина Чу-на-кхе и окружающие холмы), которая управляется верховным комиссаром Хора. Долина Шенгди севернее перевала Кхам-ронг и местность севернее Шенгди тянутся до реки Чумар, или Напчиту улан-мурен, протекающей по тибетскому нагорью, и снова являются частью района

Нагчу. Такие районы, в которых одна часть отделяется от другой полосками земли, принадлежащими третьему району, являются характерной особенностью местного тибетского управления и одним из самых больших препятствий для путешественников, которым на пути приходится менять свой транспорт.

Нагчу дзонг расположен приблизительно в ста пятидесяти милях к северу от Лхасы на реке Наг, в широкой долине, окруженной низкими холмами. Караваны яков достигают Лхасы за четырнадцать дней, а конные посыльные покрывают расстояние за четыре-пять. Зимой, когда перевалы занесены снегом, требуется восемь дней. Весь район контролируется лхасским монастырем Дрепунг и управляется доверенным лицом ламы в звании дзедрунга, который всегда является представителем монастыря. Доверенный ламы называется кхан-по и считается условным настоятелем монастыря Шабден в Нагчу. Правительство назначает гражданского чиновника, или нанг-со, который обеспечивает интересы правительства и помогает доверенному ламы управлять районом. Само место представляет собой пестрое сборище, состоящее приблизительно из восьмидесяти домов типично китайско-тибетской архитектуры. Французские лазаристские отцы М.Хук и М.Габет, посетившие это место в 1845 г., подробно описали его. Немногое изменилось с того времени. В центре расположен монастырь Шабден, условно имеющий не менее трех тысяч обитателей; фактически же там проживают только сто восемьдесят человек. Это обычная история тибетских монастырей: каждый имеет официальный список, в который занесены имена всех монахов, но количество зарегистрированных лам никогда не соответствует действительному числу проживающих. Монастырь состоит из молитвенного зала, или ду-кханга, на втором этаже находятся комнаты, отведенные под личные покои Его Святейшества Далай ламы и Его Святейшества Таши ламы, из храма (лха-кханга) с большой статуей Будды Майтрейи, двухэтажного дома старшего ламы монастыря и нескольких других построек вокруг центрального двора с помещениями для лам. Снаружи находится храм, посвященный религиозному покровителю района. Доверенный ламы, или кхан-по, Нагчу живет в монастыре, занимая двухэтажное желтое здание с небольшим передним двором, где обычно казнят преступников. К северо-западу от монастыря, на другом берегу реки Наг, находится небольшой женский монастырь и еще несколько домов, которые известны как отшельнические жилища, принадлежащие монастырю Шабден. В Нагчу есть несколько лавок, принадлежащих лхасским торговцам, которые торгуют дешевыми английскими, немецкими и японскими товарами. В обмен торговцы получают местные изделия, главным образом шерсть, которую позже отправляют в Лхасу и дальше в Чумби и Индию.

Нагчу – первое большое поселение на большом северном пути, и странствующие путешественники с севера: монголы, жители Амдо, голоки и панаги из Коко-нора обычно по приезде толпятся в лавках. За время нашего пребывания было только несколько привозов товаров из Синина и с территории голоков и почти ни одного из Монголии и далекой Сибири. По этой причине торговля в Нагчу сильно пострадала. Снега блокировали подходы к Лхасе и прервали всю караванную связь со столицей. Цены были необычайно высокими, и кочевники, доведенные до бедности потерей скота и повсеместным голодом, не могли поддерживать торговлю.

Мы узнали, что необычный снегопад на перевале Шанг-шунг и в горах вокруг Нагчу нарушил всю торговлю, и большая часть таможенных служащих и крупных торговцев уехали в Лхасу. Действительно, в течение января и февраля мы не видели караванов, прибывающих в Нагчу, за исключением нескольких караванов с чаем, расположившихся к северу от перевала Та-санг и не способных к дальнейшему продвижению в Нагчу из-за потери большинства вьючных животных. Только в марте, когда снега на перевале Шанг-шунг достаточно растаяли, мы увидили караваны яков с ячменем и цампой, прибывающие из Лхасы. Караван с запасами продовольствия для экспедиции, посланный из Лхасы, с огромными трудностями преодолел перевал Шанг-шунг, потеряв много животных и покрыв двухдневный переход за шесть дней.

Торговля в Нагчу обычно заключается в продаже плиточного чая, ввозимого из Тачиенлу через Батханг и Чамдо и из Сунг-пан тьинга и Синина в Кансу. Высоко ценятся китайские шелка, монгольский войлок и булгарские сапоги. Тибетцы предлагают меха довольно низкого качества, шерсть и дешевые европейские товары, завезенные через Индию. Количество продаваемой на рынке местной продукции, такой, как пуру, незначительно. В

последние годы европейская фирма из Тьенцина послала агента в Нагчу для изучения тибетского рынка мехов, но результаты исследований были разочаровывающими. После недавнего указа Его Святейшества Далай ламы в районе была запрещена всякая охота, и поэтому количество предлагаемых мехов невелико. Можно подумать, что со времени издания указа количество крупной дичи возросло, но в действительности на юге от Тангла оно быстро уменьшалось.

Нагчу расположен на пересечении нескольких крупных караванных маршрутов. Первый – это большой северный путь: Монголия – Цайдам – Лхаса; второй – Китай – Синин – Нагчу – Лхаса; третий – Сунг-пан тьинг – Джекундо – Нагчу – Лхаса; четвертый – Тачиенлу – Чамдо – Нагчу – Лхаса; пятый – Ладак – Нгари – Нагтшанг – Намру – Нагчу – Лхаса. Нагчу считается одной из наиболее важных таможенных застав в Тибете, и все караваны, прибывающие с севера и северо-востока, останавливаются здесь, ожидая благоприятного ответа из Лхасы.

За последние три года тибетское правительство, опасаясь наступления китайцев с границы Кансу, установило несколько застав вдоль северного пути. Теперь путешественники задерживаются на несколько дней в Шенгди, к югу от Тангла. Тибетские заставы продвинуты даже дальше на север, и в настоящее время занимают границу вдоль южного берега реки Чумар. В 1926 году тибетские солдаты были переброшены в Нейджи, южнее Цайдама, но вскоре были отозваны.

Эта пограничная гвардия состоит из местной милиции, или са-срунг маг-ми, не имеющей униформы, отличающей их от местного населения. Милиция набрана из кочевников Нагчу, и заставы сменяются два-три раза в год. Застава обычно состоит из пяти или десяти человек под командованием чу-пона, или капрала. Они вооружены фитильными ружьями, обычными тибетскими саблями и копьями. Некоторые носят русские армейские винтовки, и мы были удивлены, увидев в их распоряжениии несколько русских пехотных винтовок, изготовленных военным заводом Ремингтона в Соединенных Штатах в конце войны. Конечно же, эти заставы не являются военной защитой страны, и правительство Тибета хорошо знает об этом. Район Нагчу мобилизует около тысячи всадников конной милиции под командованием тонг-пона, а в августе в Нагчу проводятся ежегодные сборы, на которых губернаторы, не зная ничего о современной военной тактике, проверяют отвагу и подготовленность своих войск. На этих сборах милиция должна показать навыки в стрельбе из винтовки на ходу и галопируя на лошади. Последний маневр обычно заканчивается тем, что лошадь сбрасывает наездника. Робкие хорпы считаются самыми жестокими солдатами в Тибете, но можно быть вполне уверенным в том, что все эти храбрецы в случае серьезного сражения отчаянно разбегутся по домам. Затягивание таможенных формальностей и фактическое закрытие северной границы, последовавшие в результате осуществления политики полной изоляции, нанесут тяжелый удар по Нагчу и его торговле.

Тибетцы очень гордятся тем, что они из Нагчу, и в официальной переписке местность имеет помпезное название «величественный снежный дворец Нагчу», хотя ни в самом Нагчу, ни в его окрестностях нет здания, которое могло бы быть названо дворцом. Резиденция губернатора, конечно же, далеко не роскошна.

Санитарные условия в городе ужасны. Повсюду виднеются трупы мертвых лошадей и яков. Кучи мусора и сотни бродячих собак украшают город. К счастью, река была все еще замерзшей, и мы благодарили судьбу, которая заставила нас посетить Нагчу зимой. Летом местные запахи, должно быть, совершенно невыносимы. Беседуя с одним из таможенных служащих дзонга, я упомянул грязь, которой покрыта местность. «Что бы вы сказали о Лхасе. – воскликнул он – Здесь, в Нагчу, у нас есть чистый ручей, текущий из Амдо тшо-нак, а в Лхасе приходится пить воду из реки, которая каждый день принимает огромное количество отходов. Только благодаря Высшему покровительству город редко подвергается болезням».

Мы попытались поудобнее обустроить дом, в котором должны были оставаться до получения окончательного ответа из Лхасы. В нескольких лавках мы обнаружили чугунные печи из Индии, но цена была чрезмерно высокой – семьдесят долларов за одну печь.

Здоровье нашего полковника не улучшалось, и он не покидал своей палатки. Не было ничего, что могло бы нарушить однообразие суровых зимних дней. По утрам жуткий мороз, днем – сильные юго-западные ветры, проносящие тучи пыли через весь город. Прибывших

было мало, так как всаднику требовалось четырнадцать дней, чтобы достичь Лхасы. Некоторые из нас вели дневники, остальные пытались согреться хождением туда сюда по двору.

Губернаторы составляли проект нового отчета правительству и несколько раз просили профессора Рериха и меня приехать к ним. Они очень старались внушить нам, что экспедиция была задержана верховным комиссаром Хора и что правительство, или Девашунг Тибета, никогда не отдавало приказа задержать нас. Согласно тибетским законам, военнослужащему (драг-пой пон-пону) не позволяется вести переговоры с иностранцами, это является обязанностью гражданских властей (ши-вай пон-пона). Мы указали губернаторам, что согласно нашей традиции правительство несет ответственность за действия своих чиновников, и так как, по их словам, правительство Тибета не издавало приказов задержать нас, то мы посчитали себя свободными отправиться на юг и попросили губернаторов снабдить нас транспортом, чтобы заменить погибших караванных животных. Это заявление привело губернаторов в сильное замешательство. Один из них даже вышел из комнаты, вероятно, чтобы прийти в себя.

На четвертый день нашего прибытия в Нагчу я посетил гражданского губернатора, или нанг-со. Старый помещик жил в обычном тибетском доме с двумя дворами, его жилище было намного хуже, чем у его коллег. Он сообщил мне, что вскоре ожидает ответ от правительства и что он «всегда получал благоприятные ответы из Лхасы». Губернатор рассказывал мне самые забавные истории о своей военной службе в Кхаме под командованием Калон ламы. Он посетовал на то, что европейские карты Тибета были несовершенны, и тибетскому штабу пришлось очень трудно в планировании своей компании. Я спросил его, какого рода картами они пользовались, и представьте мое изумление, когда губернатор сообщил, что они пользовались общей картой мира и глобусом. Я старался объяснить ему, что карты совершенно не пригодны для военных целей, и неудивительно, что они не смогли узнать район своих действий, ведь масштаб карт был слишком мал. Гражданский губернатор продолжал настаивать на том, что глобус очень полезная вещь, так как на нем был представлен весь Джамбулинг. Он также рассказал мне, что Эрик Трейчман, служащий британского консульства в Тачиенлу, возил с собой два маленьких артиллерийских орудия в седельном вьюке во время путешествия в Кхам.

По утверждению губернатора, все европейцы имели вредную привычку вести заметки, путешествуя верхом, и таким образом получали всякую полезную информацию о стране.

Дни становились теплее, несмотря на то, что ночи все еще были очень холодными. Часто температура на солнце в полдень доходила до +32°С и опускалась до -20°С ночью. Снег на перевале Шанг-шунг начинал таять, и несколько торговцев успешно добрались до Нагчу. Они сообщили, что большое количество караванов ожидают доступа в Понду дзонг на южном склоне перевала. Мы просили разрешения у кхан-пона посетить монастырь Шабден, описание которого было дано выше. Губернатор сказал, что ему придется обдумать нашу просьбу, поскольку монахи в Тибете непокорны и могут легко причинить вред иностранцам. Разрешение было получено, и через несколько дней в сопровождении доньеров из дзонга мы нанесли визит в монастырь. Ламы показали свое миролюбие, и мы преподнесли им некоторые подарки.

На следующий день губернатор сообщил, что я должен встретиться с ним и что гражданский губернатор и майор тоже будут присутствовать, так как намечено обсуждение некоторых важных вопросов. Из Лхасы было получено письмо, и губернатор зачитал выдержки из него. Правительство получило отчет губернаторов, составленный в Шаругоне, и пожелало поподробнее узнать относительно нашей предстоящей поездки. Правительство заявило, что ничего не знало о нашей задержке и хотело бы сообщить, что письмо, адресованное верховному комиссару Хора, было потеряно по дороге – солдат, который вез его, не добрался до Лхасы. Я спросил майора, вернулся ли солдат к верховному комиссару, но он ответил, что ничего не знает об этом и, по-видимому, не счел предосудительным тот факт, что доверенные курьеры, посланные его вышестоящим начальником, перехватывались где-то по дороге. Губернаторы решили послать новое письмо со всеми необходимыми подробностями о нас, и гражданский губернатор сразу же занялся его подготовкой. Тем временем кхан-по, будучи в болтливом настроении, продолжал рассказывать истории о

недавних событиях в мире. Все нетерпеливо слушали его, а гражданский губернатор даже прекратил работать.

Кхан-по рассказал нам, что прежде религия в России была чем-то похожа на религию Тибета, но с победой красных религии в России не стало. В настоящее время Россия управлялась человеком, который убил Цаган-батор хана из револьвера. Изображения этого человека можно было видеть всюду, и его имя было Ненин. Этот человек, совершив такой поступок, взобрался на высокое дерево и провозгласил сверху, что Цаган-батор-хана больше нет и что религии Иисуса и Будды уничтожены. Но, к сожалению для него, женщина, обладающая знанием обычаев красных и белых, которая прежде была женой большого чиновника, помощника Цаган-батор-хана, была еще жива и решила отомстить за смерть великого хана. Она приблизилась к человеку, правящему Россией и убила его, после чего совершила самоубийство. Такова история русской революции по мнению Лхасы.

По мнению кхан-по, император Китая был светским учеником Далай ламы, и его империя подчинялась Тибету. Он очень сожалел о смене правительства Китая в настоящее время, так как страна потеряла уникальную возможность воспользоваться советами Всезнающего Присутствия. На самом деле китайцы восстали против Тибета в 1911 году, и множество их воинов появилось в Лхасе, но Внутренний Покровитель, обладавший несравненной мощью подавления и храбрыми бесчисленными войсками, наказал дерзких китайцев. Прежде монголы были подданными, или ми-сер, лхасского правительства, но в последнее время они пытались устранить власть Его Святейшества и упразднили воплощение Джецюна там-па, который был тибетским вице-регентом в Монголии. После этой разъясняющей беседы с губернатором у меня сложилось впечатление, что Тибет быстро терял место «верховной» власти в Азии.

Кхан-по объяснил своим слушателям, что доктор Филчнер, или Филик-нер по-тибетски, обладал чудесным зеркалом, в котором вся местность вокруг Лхасы могла быть видимой как на ладони. Он утверждал, что такие зеркала изготавливали только в Германии, и очень желал преобрести это чудо для тибетского правительства, чтобы тибетские чиновники могли наблюдать за ситуацией в соседних областях, не посещая их. Мне пришлось согласиться, что такое изобретение было бы очень полезным для Тибета с тех пор, как страна решила остаться в изоляции.

Вручая мне разрешение, губернатор сказал, что с нашей стороны было очень глупо дарить монастырю 95 нгу-сангов, поскольку монахи – разбойники и никогда не отблагодарят за полученные деньги. Если мы желаем выразить почтение священным изображениям, то нам следовало бы вручить деньги ему, а он бы издал указ о возжении жертвенных лампад перед изображениями. В будущем он попросил меня всегда советоваться в таких делах с ним.

На следующий день я посетил гражданского губернатора, чтобы обсудить наш будущий маршрут. Я обратил внимание на то, что Сага дзонг находится слишком далеко от дороги, и что здоровье некоторых членов экспедиции было сильно подорвано во время пребывания в Чу-на-кхе Губернатор уверил меня, что сделает все возможное, чтобы экспедиции разрешили проследовать из Шенца дзонга в Чанг Лхарце и далее к Яру цанг-по.

В полдень тибетец принес мне копию манускрипта Гесера (Гесер-джий друнга) и меч из его знаменитого дворца. Дворец Гесера, или Гесер пхо-танг, как его называют по-тибетски, находится поблизости от Джекундо. Потолочные балки в храме сделаны из сабель, которые высоко ценятся Кхампами. Во время китайской войны многие из них были украдены солдатами.

7 февраля. Нирва, или казначей дзонга, посетил нас и сообщил, что правительственный ответ, или ка-лен, был получен. Днем попросили навестить кхан-по, который официально сообщил, что правительство Тибета согласилось допустить нас в Сикким. Губернаторы подготовят караван для экспедиции ко времени, как только достаточно стает снег, ибо в настоящее время для лошадей и яков на пути не было пастбищ. Профессор Рерих настаивал на том, чтобы нам позволили отправиться немедленно, так как у экспедиции было недостаточно денежных средств. Кхан-по обещал послать уведомление всем старшинам района Нагчу. Губернатор добавил, что правительство выразило недовольство, узнав, что все караванные животные погибли, и предстояло правительственное расследование.

Посыльный, доставивший правительственный ответ, принес известие, что караван с припасами для экспедиции достиг перевала Шанг-шунг. В последующие дни мы пытались получить некоторую информацию о маршруте в Сикким. Кхан-по открыто признался, что совершнно не осведомлен о маршруте. Он сообщил, что Сага дзонг расположен почти на границе Сиккима, но, чтобы достичь границы с Индией, потребуется тридцать дней. Местные торговцы, которые знают значительно больше о своей стране, чем чиновники, сказали нам, что путь до границы займет у нас примерно сто дней, и их утверждения были полностью подкреплены имеющимися у нас картами. Но с губернаторами спорить уже было бесполезно.

Через несколько дней старшины вернулись в Нагчу и сообщили, что местное население потеряло большое количество рогатого скота и транспортных животных, а те животные, которые все еще живы, были настолько слабы, что не способны совершить длительный переход в Намру. Старшины преподнесли церемониальный шарф губернатору и попросили освободить их от поставок экспедиции караванных животных. Они зашли так далеко, что сослались на задержку экспедиции верховным комиссаром Хора и потому считали, что он обязан снабдить нас транспортом. Губернаторы, видя твердо настроенных крестьян, решили заставить их поставить только половину необходимых животных, другая будет поставлена старшинами хорпов. Майор предложил отправить солдат в Цемар, чтобы собрать яков. Власти пообещали все приготовить для нашего скорейшего отъезда. Наступающие празднества Нового года стали бы неизбежной причиной некоторой задержки, и наш отъезд был назначен на 1 марта.

Приготовления к ло-сару, или Новому году, шло полным ходом. В каждом доме запасли огромное количество чанга – деревенского вина. Большинство чиновников были в отпусках и находились под сильным воздействием чанга. Местные старшины отказались снабдить аргалом наших лам, которые продолжали паломничество в Лхасу. Они настаивали на том, что паломники из Монголии должны им заплатить. Из Лхасы начали прибывать караваны яков. Мы были удивлены, увидев, что местные яки небольшого размера по сравнению с прекрасными животными, встреченными на киргизских пастбищах в Китайском Туркестане.

Вечерами тяжелые тучи дыма аргала отравляли атмосферу. Кучи мусора на улицах становились все больше, так как население было усиленно занято подготовкой к празднованию Нового Года. Как бы мы были счастливы отправиться в долгожданное путешествие к Сиккиму и приблизиться к могучим Гималаям.

16 февраля прибыл надолго задержавшийся караван с припасами, и губернаторы, сопровождаемые всеми чиновниками дзонга, собрались в штаб-квартире экспедиции. Мы получили припасов на сумму семьсот семьдесят нгу-сангов. Плохая мука, немного цампы, китайские консервы в банках, очень плохой сахар, китайская вермишель, замороженная репа и замороженные мандарины. После продолжительной диеты из цампы и баранины все эти продукты казались чудесными деликатесами. Мы были также рады получить пятнадцать мешков корма для бедных ездовых лошадей.

Вечером следующего дня я посетил кхан-по и имел с ним продолжительный разговор о подготовке нашего будущего каравана. Правительство согласилось дать нам возможность оплатить всю сумму налогов за караван через британское представительство в Сиккиме. Я старался получить некоторую информацию о местности, которую мы собирались пересечь. По утверждению кхан-по, нам предстояло путешествие в течение шести дней по территории, принадлежащей району Нагчу. Нагчу имел население около двенадцати тысяч, занимающееся главным образом разведением яков. Район Намру был заселен намного меньше, здесь проживала всего лишь одна тысяча семей. В этом районе разводят овец. Соседний район Нагтшанг известен разведением очень хорошего рогатого скота, и его население состояло приблизительно из десяти тысяч жителей. Губернатор опасался наступления войск Фенг Ю-хсянга из Кансу и старался заручиться помощью со стороны Тунганского губрнатора Синина.

На следующий день (20 февраля) мы стали свидетелями церемонии сожжения торма или жертвоприношений местным духам, совершаемой перед Новым годом. Первая церемония происходила у дома кхан-по. Мы были приглашены, и нам разрешили сфотографировать процессию. Впереди двое лам несли торма. За ними следовал главный

лама, одетый в красную мантию и ша-сер, или желтую шапку, на голове. Его сопровождали множество лам, несущих предметы для церемоний За ними шли ламы-музыканты с барабанами и длинными трубами, называемые дунг-ченами, и тибетскими гобоями. Процессия сопровождалась глухими звуками барабанов и эскортировалась отрядом местных старшин в ярких цветных одеждах с красно-зелеными тюрбанами на головах. У всех были сабли и фитильные ружья с дымящимися фитилями. Процессия медленно двигалась по улице перед домом губернатора. После короткой службы, сопровождаемой шумом тамбуринов, торм был брошен в огромный костер, сложенный на улице.

Старшины выстрелили из ружей в костер и с громким криком стали размахивать саблями. После церемонии последовало дикое зрелище – нищие и заключенные с кандалами на ногах бросались в огонь и вырывали друг у друга в дикой драке куски горящего торма. Говорят, что обладатели таких кусков торма станут неуязвимыми для пуль.

После церемонии мы все отправились к кхан-пону. Губернаторы, одетые в китайскую парчу, расположились на высоких стульях около стены. Они предложили нам рис и тибетский чай. Согласно новогоднему этикету, общему для китайцев и тибетцев, каждый должен быть веселым и не вести серьезных разговоров. Губернатор выбрал нашего полковника объектом своих шуток и называл его «дорогой любимый брат», настаивая на том, чтобы полковник подарил ему свои часы. Было бы слишком утомительно повторять здесь все шутки губернатора. Бедный полковник очень устал от всех этих потех. Празднества в доме кхан-пона сопровождались теми же церемониями, что и в резиденции гражданского губернатора, только в меньшем масштабе.

После обеда состоялась большая церемония в монастыре. Длинная процессия монахов двигалась по монастырскому двору, возглавляемая ламой-настоятелем монастыря, или Джеко ламой. Большие трубы, или дунг-чены, находились на крыше ду-кханга и оттуда наполняли пространство глубокими звенящими звуками. Торма был сожжен на главной площади Нагчу. Потехи и редкая стрельба продолжались до позднего вечера.

22 февраля, 1928. Сегодня праздновался тибетский Новый год. Кхан-по устроил после обеда прием, и каждому приглашенному было уделено внимание; очень утомительная обязанность с чаепитием и бесконечными новогодними поздравлениями. К вечеру город охватила необычайная тишина. Я поинтересовался причиной и узнал, что все порядочные граждане Нагчу были безнадежно пьяны и отсыпались после дневного напряжения. Ближе к вечеру нищие водили хороводы и пели новогодние песни. На следующий день губернаторам предстояло возглавить процессию к вершине близлежащего холма и заложить основание нового обо – ритуал, исполняемый ежегодно в Нагчу. Этой церемонией местные новогодние празднества завершаются, и каждый вернется к повседневным делам, хотя чиновники и богачи продолжат ублажать себя в течение всего месяца.

Приготовления к отъезду шли успешно. Все яхтаны были осторожно связаны веревками и сложены во дворе штаб-квартиры, чтобы их не повредили яки. Лошади были подкованы для длительного путешествия и ежедневно получали дополнительный фунт корма. Гражданский губернатор в ответ на наши подарки подарил нам молодого конг-понского волкодава по кличке Кадру. Собаки Конг-по очень ценятся в Тибете, хотя их повадки не всегда приятны. В раннем возрасте они приносят много хлопот, нападают на овец и домашнюю птицу. Обычно встречаются два вида собак: один – большая стройная, с хорошо развитыми ногами и очень быстрая, другой – тяжелого телосложения. Последний вид напоминает одну из финских собак, служащих для охоты на белок.

26 февраля два солдата, посланные майором, сообщили нам, что яки должны прибыть в этот день и что сам майор предполагает покинуть Нагчу на следующий день. Днем майор появился и подтвердил свое намерениие покинуть Нагчу. Он был пьян, как обычно, и это сделало его более откровенным. Он признался что перед прибытием в Чу-на-кхе гражданский губернатор посетил верховного комиссара Хора и решал с ним вопрос о нашей поездке в Нагчу. По словам майора, нам было разрешено приехать в Нагчу сразу, но затем гражданский губернатор возвратился и совещался с кхан-поном, в результате чего он притворился не знающим о нашем прибытии. О причине такого изменения отношения майор сказать не мог. По его мнению, такие действия могли быть вызваны дополнительными приказами из Лхасы.

Профессор Рерих попросил майора остаться в Нагчу до прибытия всех животных. Майор был явно очень недоволен этим, но притворно согласился. Днем губернаторы неожиданно пригласили нас к себе. Они объявили, что, по полученной информации, яки не смогут добраться до места в этот день и что майору совершенно необходимо остаться в Нагчу до тех пор, пока не прибудет весь караван животных. Губернаторы не могли сами заставить майора оставаться дольше и надеялись, что мы сможем сделать это. Один из доньеров был послан за ним. Нам пришлось стать свидетелями неприятной сцены: майор и гражданский губернатор ссорились и обвиняли друг друга. Кхан-по получал очевидное удовольствие от спора и смеялся, когда майор высказывал гражданскому губернатору, что он о нем думает. Мы сообщили губернаторам, что если все яки не прибудут в Нагчу через несколько дней, мы вынуждены будем немедленно отправиться самым кратчайшим маршрутом в южном направлении, и попросили снабдить нас яками или кули, чтобы везти багаж в Понду дзонг, к югу от перевала Шанг-шунг. Угроза заставила майора дать обещание не уезжать до прибытия всех караванных животных. Как и ожидалось, яки не прибыли в назначенный день, хотя местные чиновники и старшины уверяли нас, что животные прибудут в Нагчу вечером или ночью.

На следующий день губернаторы опять попросили меня прийти к ним. Было получено письмо из Лхасы, в котором сообщалось, что правительство намеревалось начать расследование причин нашей задержки и потерям, которые понес караван. От кхан-пона я узнал, что верховный комиссар Хора доложил правительству о том, что мы сами прибыли в Чу-на-кхе и что он никогда не приглашал нас. Было ясно, что тибетский генерал пытался свалить ответственность на кого-то другого, а губернаторы не были готовы взять ответственность на себя.

Ночью легкий снег покрыл землю, но вскоре растаял. Утром я снова пошел повидать кхан-пона и сказал ему, что если яки не прибудут на следующий день, мы вынуждены будем отправиться через Дам ла. Губернатор ответил, что не в его власти позволить нам идти этим маршрутом, но в то же время у него не было средств, чтобы запретить нам поступить так. При желании мы могли бы идти, но он снабдить нас вьючными животными не мог, и нам пришлось бы нанимать их у частных лиц. Он посоветовал мне идти одному, так как в этом случае он окажет некоторую помощь на пути в Лхасу. Я ответил ему, что лучше мы оставим часть нашего багажа и отправимся с несколькими мулами, поскольку экспедицию разъединять было нельзя.

Мы пригласили майора и твердо сказали ему, что если его яки не прибудут на следующий день, то мы сразу же отправимся в Лхасу, и ему придется сопровождать нас, раз уж он был в некоторой мере ответствен за задержку. Он ответил, что не может достать яков из своего кармана и что нам, находящимся в настоящее время в Нагчу, следует просить караванных животных у губернаторов. Что касается его ответственности за нашу задержку, то плохо сработали его старшие офицеры, а у него не было причин задерживать нас на такое долгое время. Он напомнил, что сам сильно страдал в течение этой задержки и что его жена умерла.

Яки не прибыли, а вновь приехавшие из Цемара сообщили, что ничего не слышали о них. Все это очень тревожило. Профессор Рерих, сопровождаемый полковником и мной, посетил днем губернаторов. Майор тоже присутствовал и вел себя в высшей степени оскорбительно. Он ругал всех. Он заявил, что верховный комиссар никогда не приглашал нас и что сержанта, или ше-нго, который приезжал проверять наш багаж в Шенгди, никогда не существовало, а он сам не знал о его прибытии в наш лагерь. Это была слишком большая вопиющая ложь даже для тибетцев, так как доньер дзонга, посетивший наш лагерь в Шенгди, внезапно вошел и подтвердил, что он возвратился в Чу-на-кхе из Шенгди вместе с сержантом и что они оба доложили об этом верховному комиссару Кушо Капшопа. Будучи уличенным во лжи, майор внезапно вспомнил человека, по его утверждению младшего офицера, совершившего какой-то проступок, якобы бежавшего из лагеря генерала и по дороге зашедшего в наш лагерь, чтобы купить несколько лошадей или мулов. Я сказал ему, что мы здесь не для того, чтобы слушать его глупые истории и наша цель – точно разузнать, когда караванные животные прибудут из Цемара. Получал ли сержант приказ осмотреть наш багаж, или он делал это по своему собственному усмотрению, было неважно. Наш багаж осматривал офицер, одетый в форму тибетской армии, выполняющий официальный приказ

своего начальника. Эти факты никто не мог отрицать. Мы добавили, что вынуждены будем сообщить обо всем в Америку и что тибетскому правительству придется объяснять свое поведение по отношению к экспедиции. Кхан-по, видя наш серьезный настрой, решился на компромисс и пообещал устроить наш отъезд не позже 6 марта. Он дал нам письмо со своей печатью, в котором говорилось, что он берет на себя все приготовления. Мы согласились на это. Гражданский губернатор вышел из комнаты переговорить со старшинами, собравшимися во дворе за пределами резиденции губернатора.

В отсутствие гражданского губернатора кхан-по и майор обвинили его во всем. Это он улаживал дело с верховным комиссаром. Доктор экспедиции вручил губернатору медицинское свидетельство со своей подписью, констатирующее, что состояние здоровья некоторых наших людей было очень серьезным, и до тех пор, пока нам не позволят отправиться в Индию, вся дальнейшая задержка будет рассматриваться как организованное покушение на жизнь членов экспедиции. Кхан-по попросил меня перевести документ, так как свидетельство было написано по-английски, и, изучив формулировку, категорически отказался послать его в Лхасу или сохранить. Верховный комиссар был виновен в нашей задержке, и документы такого рода должны адресоваться ему. Он посоветовал майору отправить свидетельство генералу и вручил ему конверт с документом, но майор швырнул его на стол, стоящий перед ним, также отказавшись его принять.

Кхан-по сообщил нам, что наше письмо к правительству с просьбой о разрешении получить некоторые лекарства из Гянцзе было отправлено, но ответа не получено. Здоровье не принимается во внимание в Тибете – так утверждал кхан-по.

Мы спросили кхан-по, когда он ожидает получить наши паспорта из Лхасы. Он ответил, что нам не следует волноваться, поскольку на это требуется длительное время, особенно если необходима личная санкция Его Святейшества. Дело должно быть представлено сначала Государственному Совету, или Ка-ша, потом Национальному Собранию, или Тшонг-ду, затем Ик-тшангу, или министерству Суда. Из Йк-тшанга дело предстанет перед Далай ламой, который решает все важные международные вопросы. В том случае, если наши паспорта не прибудут вовремя, нам позволят отправиться дальше с временным паспортом, выданным губернаторами Нагчу, а лхаский паспорт будет выслан в Намру или Шенца. Было уже очень поздно, и мы покинули кхан-пона. Шел мокрый снег, и город был погружен во мглу.

2 марта. Губернаторы получили сообщение, что все караванные животные прибудут на следующий день или 4 марта. Так как паспорт не был получен из Лхасы, то нам пришлось платить за наем животных до Намру. Плата за наем лошади до Намру составляла семь нгу-сангов, за яка – три нгу-санга. Весь день был занят расчетами с нирва дзонга за корм лошадям. За один мешок зерна нам пришлось заплатить тринадцать нгу-сангов.

На следующее утро мы встали очень рано. Толпа старшин и погонщиков яков заполнила двор. Яки были привязаны веревками за воротами дома. День прошел в невероятной сутолоке. Крики, удары и общий беспорядок продолжались до захода солнца. Вместе с тибетскими солдатами мы тщетно пытались восстановить порядок. Багаж был распределен между хорпами и чангривами, и около него была поставлена охрана, так как хорпы и чангривы мало доверяли друг другу.

XVIII

ОБЛАСТЬ ВЕЛИКИХ ОЗЕР. НАГЧУ ДЗОНГ – САГА ДЗОНГ

Была еще ночь, когда все поднялись и занялись упаковкой постельных принадлежностей. 4 марта 1928 г. запомнится всем членам экспедиции, как окончание плена на негостеприимных нагорьях Тибета. Рассвет мягко окрашивал небо, а снежные вершины горной цепи Шанг-шунг, находящейся позади нас, были окутаны темно-синей дымкой. Над крышами Нагчу поднимались струйки дыма, но улицы были все еще пустынны. Погонщики яков, или по-тибетски лакто, пили чай с цампой, сидя на корточках около больших костров, разложенных на улице, за воротами штаб-квартиры экспедиции. Началась погрузка багажа на яков, и только через три часа груженый караван тронулся в путь. Мы решили покинуть Нагчу после отправки всего тяжело груженного транспорта.

В половине восьмого все было закончено, ушла последняя группа яков и исчезла в узком ущелье за рекой. Мы выступили в путь в сопровождении двух доньеров из дзонга, которые сопровождали нас в Намру. Наши монгольские слуги, возвращающиеся в Цайдам, распрощались с нами и подарили церемониальные шарфы. Они очень сожалели о нашем отъезде и страшились неприятностей от губернаторов. Они слышали о том, что слуги-тибетцы доктора Филчнера были брошены в тюрьму, и опасались подобной же участи. В Нагчу мне пришлось переговорить с местными властями об их безопасности, и те обещали оказывать нашим людям всяческую помощь во время их пути в Цайдам. Мы выдали слугам от имени экспедиции сертификаты на тибетском языке с просьбой к гражданским и военным властям Тибета оказывать этим людям необходимую помощь и защиту на тибетской территории, а высокопоставленный тибетский лама, отправляющийся в Цайдам, согласился взять их со своим караваном. Четыре месяца спустя я с радостью узнал, что все они благополучно добрались до своих родных земель.

Перебравшись через реку, все еще крепко скованную льдом, мы поднялись на горный отрог, и скалистый силуэт скрыл от нашего взора Нагчу с его монастырем. Едва заметная тропинка вилась вдоль южных склонов невысокого горного хребта, протянувшегося на запад.

С этого момента мы двигались в западном направлении в течение пятидесяти дней. Солнце прогревало воздух, и идти было приятно.

Наконец-то мы покинули Нагчу с его мусорными кучами и направились в Индию. Мы знали, что дорога будет трудной, что местность, которую нам предстоит пересечь, находится на высоте 15500 футов и включает несколько перевалов. Чантанг, или высокогорье северного Тибета, представляет собой область горных равнин и долин, пересеченных могучими снежными хребтами, самый высокий из которых протянулся с запада на восток. Так как на каждом переходе мы были вынуждены менять вьючных животных, то приходилось останавливаться около стоянок кочевников, а для этого порой нужно было сделать длинный крюк. Большинство этих стоянок находилось в горных долинах, укрытых от зимних ветров и бурь.

После двухчасового перехода вдоль южных склонов хребта, расположенного почти параллельно снежной горной цепи Шанг-шунг, мы поднялись на небольшой перевал, находящийся с северо-западной стороны. По северным склонам хребта продвигались с трудом, лошади то и дело проваливались в глубокий снег. Спустившись, мы вышли в узкую долину, лежавшую западнее перевала. Замерзшие между кочками лужи осложняли путь. Мы ехали по долине еще пару часов и в два часа добрались до группы кочевий, расположившихся на травянистых склонах близлежащих холмов. Здесь мы получили неожиданную новость: наш грузовой караван яков, который шел из Нагчу другой, северной дорогой, вдоль гребня хребта, находится в настоящий момент примерно в двух милях от нас. Мы поспешили на север и, перебравшись через долину, погребенную под глубоким снегом, вышли к небольшому кочевью только для того, чтобы убедиться, что никакого каравана здесь нет.

Вскоре после нашего прибытия подул сильный юго-западный ветер, и мы решили переждать, отправив людей на поиски каравана. Порывы ветра поднимали в воздух тучи

мельчайшей пыли с навозных куч, оставленных у кочевья отарами овец, и находиться в этом месте было невозможно. Поэтому мы с полковником отправились на поиски более чистого места. На другой стороне долины нам удалось найти клочок сухой земли, пригодный для установки палаток, и мы замахали остальным, чтобы они присоединялись к нам. Здесь мы провели около часа, сидя на земле среди камней, укрываясь, насколько могли, от жестокого юго-западного ветра. Внезапно в долине появился всадник, пробивающийся через глубокий снег. Это был Очир, один из наших монголов, который сообщил, что лошади и верблюды достигли стоянки на южном маршруте и что тяжело груженный караван яков должен появиться вслед за ними. Мы тут же повернули назад, повторно перейдя через заснеженную долину. Пес Кадру, измотанный длинными переходами, отказался идти, и пришлось взять его в седло.

Добравшись до южной дороги, мы увидели первую приближающуюся группу яков с палатками, и другим инвентарем, необходимым для походной жизни. Около шести часов был разбит лагерь, и мы смогли немного отдохнуть после долгого и утомительного перехода. Ветер утих, и мы наслаждались теплым, спокойным вечером: термометр показывал -1°С. Последняя группа вьючного каравана прибыла только к восьми вечера, животные были измотаны продвижением по глубокому снегу, лежащему вдоль горных хребтов. Кроме того у нас не было питьевой воды и топлива. Местные кочевники приготовили их для нас примерно в десяти милях отсюда, на берегу маленькой речки, именуемой Цангпо. Было уже поздно и караванные животные были совершенно измучены, потому нельзя было снимать лагерь и идти дальше. После коротких переговоров мы получили все необходимое для ночлега. Так как в долине не было воды, мы были вынуждены растапливать снег. Проводник из Нагчу вдруг заявил, что он не знает дальнейшего маршрута, и ему пришлось искать замену.

Лама из Амдо, которому доводилось жить среди кочевников данной местности, сделал все возможное, чтобы поудобнее устроить нас. Я спросил его, сколько времени нам потребуется, чтобы дойти до границ Индии. Он замахал руками и сообщил, что Джангар, или Индия, находится очень далеко и что потребуется по крайней мере шесть месяцев напряженного пути! Утром следующего дня у нас возникли трудности с поиском сменных лошадей. Некоторые лошади, поставленные из Нагчу, оказались неприспособленными к трудным и длительным переходам через снега. У местных жителей лошадей не было, и с огромным трудом нам удалось раздобыть новую лошадь для погонщика верблюдов. Утро было чудесным, и мы с восхищением любовались сверкающими снежными вершинами отдаленной горной цепи Шанг-шунг.

После двухчасовой езды по слегка поднимающейся широкой долине, в некоторых местах покрытой снегом, мы подъехали к берегу Цангпо, где местный старшина поставил для нас белую палатку, украшенную орнаментом, и несколько черных палаток для наших слуг и двух доньеров из дзонга. Так как по плану это было место нашей вчерашней стоянки, то мы решили продолжить путь до Парты, где нам следовало сделать привал на один день, согласно официальному письму, или дай-игу, отправленному еще до отбытия из Нагчу, с уведомлением о нашем приезде. Мы пересекли широкую равнину, покрытую снегом. Месяцем раньше переход через нее был бы труднее из-за глубокого снега, который в настоящее время достаточно осел, и в некоторых местах можно было увидеть торчащие из-под снега перья грубой травы, растущей на тибетских нагорьях. С юго-западной стороны возвышалась горная цепь, покрытая снегом, очевидно, северный отрог Шанг-шунга.

Перейдя равнину, мы поднялись на невысокий хребет и подошли к узкой долине со следами прежних лагерных стоянок. Резкий юго-западный ветер, начавшийся в середине дня, осложнял продвижение. Солнце скрылось за тяжелыми серыми тучами, плывущими с огромной скоростью.

В час дня мы добрались до широкой долины, имеющей форму окружности и именуемой Парта. В узкой ответвляющейся долине для нас были установлены несколько палаток. Толпа чангпов, или северян, со своим старшиной помогала нам ставить палатки. Это было трудным делом, поскольку ветер продолжал дуть с непрекращающейся силой и вскоре превратился в воющий ураган. Все торопились поскорее спрятаться в палатки. Темнело. Из-за сильного сквозняка внутри палаток бесполезно было зажигать свечу, поэтому пришлось спокойно сидеть и слушать шуршание падающего снега и песка, бьющегося о наружные откидные пологи. Долина Парта, расположенная к юго-востоку от лагеря, исчезла

за завесой быстро надвигающихся туч из снега и пыли. Было что-то сверхъестественно жуткое в свисте и завывании, разносящемся среди бесплодных гор и заснеженных долин этой унылой страны. Всю ночь ветер штурмовал лагерь, как будто все силы природы вырвались на свободу и с отчаянной силой пытались снести палатки, выдергивая колья и обрывая веревки. Под ужасающим напором ветра палатка полковника рухнула. К рассвету ветер стих и дал нам небольшую передышку перед снятием лагеря.

Мы выехали около шести утра, поднялись на невысокую гряду в западном направлении и вышли на широкую равнину, окруженную низкими скалистыми хребтами. Сильный юго-западный ветер, который начался вскоре после отъезда, крайне затруднял продвижение. Жестокий ветер тибетских нагорий, иногда дующий с силой урагана, действует путешественнику на нервы и чернит его лицо до неузнаваемости. Некоторое время мы двигались вдоль северного берега озера Наммар фунтшок, первого крупного водоема на пути. К западу от главного озера находилось множество более мелких, окруженных болотами. Мы входили в район Великих Озер – огромный водный бассейн, состоящий из ряда очень соленых озер, расположенных одно за другим севернее Трансгималаев. Путь вдоль берега озера был непроходимым из-за заболоченной почвы. Пришлось сделать длинный крюк к северу и пройти мимо гейзеров, окруженных соляными пластами.

К половине второго мы достигли дневной стоянки. Местный старшина приготовил несколько палаток, около входов в которые лежали груды кизяка. Из ста яков только двадцать девять с палатками дошли до места. Остальные, неспособные идти дальше, остановились на ночь около озера Наммар фунтшок. Это была неприятная новость, поскольку означала, что нам придется задержаться еще на день в ожидании грузового каравана. Ветер утих перед заходом солнца, и мы надеялись провести спокойную ночь. Голубин, у которого жар продолжался несколько дней после езды в снег и ветер, чувствовал себя все хуже, и врач дал ему аспирин и коньяк для прогревания.

На следующий день грузовой караван прибыл в половине двенадцатого. Погонщики рассказали о потере в пути десяти животных. Я попытался достать новых у местных кочевников, чтобы заменить выдохшихся. Но местный старшина посетовал, что большая часть скота погибла в течение тяжелого зимовья и из-за юго-западного ветра, который дул каждый день на протяжении двух недель, покрыв равнину огромным слоем снега и лишив тем самым животных подножного корма. После долгих переговоров мы смогли раздобыть лишь четырнадцать вьючных животных до следующей стоянки.

Широкая равнина, на которой мы находились, и пастбища, протянувшиеся вдоль нее на сорок пять миль, относились к долине Парта. Она была окружена низкими каменистыми хребтами, изъеденными эрозией. Заснеженный пик к юго-западу от лагеря высотой примерно 18900 футов местные жители называли Джунг. Он возвышался над всеми пастбищами Парты. Горные цепи к югу от долины были выше северных и постепенно переходили в более высокие горные цепи, формирующие часть северных отрогов Трансгималаев. Пастбища Парты относились к району Нагчу.

На другой день в семь часов утра мы свернули лагерь и проследовали равниной, постепенно поднимавшейся к западу. Обогнув пик Джунг, экспедиция сделала привал на два с половиной часа рядом с группой стойбищ, огражденных, как обычно, стенами из аргала. Традиционно местные жители часто останавливаются во время переходов, чтобы животные могли отдохнуть и пощипать вволю травы на бедных пастбищах Тибетского нагорья. Мы попытались заставить караванщиков пройти еще немного, но они отказались, так как запланированный дневной переход был завершен. Все дальнейшие препирания оказались бесполезны.

Утро следующего дня было очень холодным, дул слабый юго-западный ветер. Мы миновали пик Джунг и пересекли покрытый снегом перевал Ламси. Не слишком крутой склон оказался трудным для лошадей из-за крепко смерзшегося скользкого снега. Два часа мы шли по каменистой тропе в южном и юго-западном направлении, спускаясь и поднимаясь по низким хребтам, являющимся отрогами более высокой горной цепи, в которую входил пик Джунг. Достигнув узкой заснеженной долины, сразу начинающейся с южной стороны пика, мы устроили однодневный привал. Местные кочевники приготовили для нас три палатки. К западу, на расстоянии примерно шести миль, мы приметили обширное соляное озеро, протянувшееся с севера и северо-запада на юг и юго-восток.

Местные жители называли его Ниашинг тшо. Долина, в которой мы устроили лагерь, была все та же Парта и представляла границу Нагчу. Назавтра нам предстояло войти во владения района Чохор, собственность монастыря Сера в Лхасе.

На следующий день мы свернули лагерь около восьми часов утра. Поднявшись по заснеженному горному хребту юго-западнее от нашей стоянки, мы вышли на песчаную равнину, расположенную южнее озера Ниашинг. Озеро виднелось на северо-западе: изумительная темно-синяя гладь в обрамлении белых соляных берегов. Местные жители утверждали, что в нем обнаружена какая-то разновидность «водной коровы». Иногда на рассвете этих животных видели на берегу, оглашающих мычанием пространство.

К полудню мы подошли к небольшому ручью, впадающему в озеро, перешли его и оказались на холмистой местности, пересеченной узкими долинами. Некоторое время шли вдоль ручья, но добравшись до подножия перевала, были остановлены одним из доньеров Нагчу, поспешившим вернуться назад и сообщившим скверную новость, что официальное письмо из Нагчу было умышленно задержано местным старшиной. Это не позволяло нам идти дальше, поскольку не было предварительных договоренностей с местными властями. Надо было разыскать виновного и договориться с другим посыльным о доставке письма в Намру. Я настаивал на том, чтобы виновного немедленно доставили ко мне. Обвиняемый был доставлен. Это был малый с лицом преступника и бегающими глазками. Он не отвечал ни на какие вопросы, которые мы ему задавали, и я приказал связать его, в ожидании дальнейшего расследования. В соответствии с обычаями страны мы решили передать его вышестоящим местным властям для надлежащего наказания.

Вечером произошла большая неприятность: мы потеряли превосходного верхового пони профессора Рериха. Это был карашарский пони и одно из лучших ездовых животных.

Ночью сильный юго-западный ветер сорвал несколько палаток. На колья, к которым были привязаны палатки, навалили тяжелые мешки с мукой и фуражом. К рассвету натиск ветра уменьшился, и мы тронулись в путь при тихой погоде. При переходе через перевал, к западу от нашей стоянки, нам пришлось взбираться на ряд низких, песчаных горных хребтов, покрытых хорошо сохранившимся под снегом подножным кормом. Особенно сочные травы росли на участках детритового песчаного лесса. Это характерно для тибетских нагорий. На широкой песчаной равнине, к юго-западу от Ниашинг тшо, местные крестьяне приготовили для нас палатку. Так как мы были в пути всего лишь два часа, то решили за час дойти до верховья долины и отдали людям распоряжение перенести палатки в другое место. Мы обогнули северный берег небольшого соляного озера, отделенного от Ниашинг тшо низко расположенной равниной. Очевидно, когда-то оно соединялось с более крупным озером, но потом усохло, и теперь два водоема разделены узкой полоской земли. В сезон летних дождей озеро, что поменьше, выходит из берегов и затопляет перешеек. Местные жители рассказали мне, что протяженность большого Ниашинг тшо равнялась трем дням пути, что составляло около пятидесяти миль. Долину, по которой мы шли, окружали низкие песчаниковые хребты. Заболоченные участки земли вдоль озера были покрыты скудной травой и служили пастбищами для скота кочевников Чохора. Я уже говорил, что в результате суровой зимы местные жители потеряли большую часть своего скота. Мы сделали привал у ручья, журчавшего среди песчаных холмов к северо-западу от долины. Больше всего нас поразило почти полное отсутствие крупной дичи. За время странствия из Нагчу мы лишь однажды видели двух куланов. От кочевников мы узнали, что все животные ушли далеко на север в поисках пастбищ. На дороге мы увидели несколько туш молодых тибетских антилоп, видимо погибших зимой от голода.

Местные кочевники мало что знали о Намру. Одни говорили, что мы достигнем окрестностей Намру за четыре дня, другие, что за десять. Старшина сказал мне, что озеро имеет другое название – Дунг тшо, из-за мычания «водных коров». Мне так и не удалось выяснить, какое животное подразумевается под этим названием. Сначала мы решили, что это выдра, замеченная в Чу-на-кхе и в других местах тибетского нагорья, но вода в озере оказалась соленой. Я попытался заполучить шкуру или череп этого животного, но у местных жителей ничего не было.

Как обычно, мы свернули лагерь рано утром и, перейдя через широкую долину в западном направлении, прошли мимо ряда небольших озер. Самое большое из них называлось Чаг тшо, некоторые называли его Чанг тшо. Чрезвычайно трудно было

установить правильные названия мест, так как большинство из них имело сразу несколько имен.

Спустя четыре часа мы свернули в горную долину, протянувшуюся на северо-запад, и сделали привал около стоянки кочевников. С юго-западной стороны можно было видеть небольшое озеро Пу тшо, из которого местные жители добывали соль. Долина относилась к другому району, называемому Саскья, являющемуся собственностью монастыря Саскья в провинции Цанг. Местность была бесплодной, растительность почти полностью отсутствовала. Казалось, что местные кочевники одичали и дегенерировали, как будто бы бесплодная страна лишила их человеческой искры, которой обладали их восточные соседи.

На следующий день мы продолжили путь, последовательно преодолевая ряд низких песчаных гребней. Пронизывающий юго-западный ветер, дующий с Пу тшо, заставил нас мерзнуть, несмотря на сибирские шубы. Непрерывное чередование подъемов и спусков оказалось очень изнурительным для бедных животных. Через два часа пути мы вышли на холмистую равнину, протянувшуюся от озера Пу тшо к горным цепям на севере. Мы остановились в узкой долине северо-западнее озера, на берегу ручья, текущего по нескольким руслам. Местные кочевники относились к монастырю Саскья. Они отказались сделать необходимые приготовления, и доньеры из Нагчу слегка отхлестали двух из них. Мы столкнулись с тем, что население местных монастырских владений с неохотой повинуется распоряжениям из Лхасы, и нашим доньерам с трудом удалось достать необходимые запасы и сменных лошадей. Могучие снежные вершины поднимались к югу от озера Пу тшо. Во время дневного перехода мы видели много туш тибетских антилоп. Местный джем-по, или старшина, заверил меня в том, что мы достигнем окрестностей Намру на следующий день. Таким образом, мы были вынуждены ежедневно менять проводников, поскольку каждый из них знал маршрут только на расстоянии дня пути от собственной стоянки.

В половине восьмого мы сложили лагерь и, взойдя на скалистый отрог с западной стороны, вновь оказались на равнине Пу тшо. Нам пришлось пересечь широкую равнину, протянувшуюся к юго-западным горам. Равнина была покрыта щебнем, кое-где чередовавшимся с участками лесса, поросшего травой. В отдалении мы заметили первое стадо куланов. Мы даже не пытались стрелять в них, так как согласно нашему паспорту, полученному в Нагчу, охотиться строго запрещалось. Около полудня мы остановились около стойбища кочевников. Один из доньеров выехал вперед, чтобы добраться до Чаглунгхара или Намру в тот же день и попросил нас остаться здесь, чтобы дать ему возможность подготовить для нас в дзонге сменных животных.

В Намру вел еще один путь прямо по северному берегу Пу тшо, сокращавший расстояние на два дня пути. Он был совершенно пустынным, и никаких стойбищ вдоль него не было.

Местные кочевники, чангпы, или северяне, совершенно отличались от хорпов. Здесь преобладал монголоидный тип с сильно развитыми скулами и круглыми головами. Их физическое развитие было ниже нормального. Цинга и рахит были распространены повсеместно. Нынче выдался первый теплый день с момента отъезда из Нагчу; вечером температура была около -5°С.

Мы продолжили путь через равнину на юго-запад, к узкой горной долине, расположенной среди хребтов. Равнину повсюду покрывали хорошие пастбища. Мы обратили внимание на то, что старшины жили в каменных домах у подножия холмов, и это было большим достижением по сравнению с кочевниками-чангривами в районе Нагчу. Спустя четыре часа мы въехали в каменистую долину, ведущую к небольшому перевалу, где и устроили привал около каких-то палаток. В полдень погода испортилась: тяжелые тучи заволокли небо, и самым неприятным было то, что пошел мокрый снег и подул холодный ветер.

На следующий день мы двинулись в путь в восемь часов утра и преодолели перевал с юго-западной стороны, затем спустились на широкую равнину, уходящую далеко на север. Она была покрыта щебнем, чередовавшимся с песком. Прошлой ночью здесь прошел сильный снегопад, и все было покрыто свежим снегом. Голые холмы, окружавшие равнину, были сильно выветрены непрерывно дующими юго-западными ветрами и перепадами температур. Подножия холмов были погребены под нагромождениями камней, снесенных ледниками.

Одним из самых значимых факторов, участвующих в создании природного ландшафта тибетских нагорий, является юго-западный ветер. Зимой он приносит снег, который тает ранней весной, сдувает его и выветривает юго-западные склоны гор. В период летних дождей (июль и август) он приносит влагу и иногда является причиной сильных ливней. Страну, по которой мы шли последние несколько дней, можно было справедливо назвать геологическим кладбищем.

Некоторое время мы шли вдоль подножия холмов, поднимающихся к югу от равнины, затем свернули на запад и, перейдя скалистый отрог, увенчанный обо, двинулись на юг, к находящемуся там горному хребту (18000-20000 футов).

После часовой езды мимо песчаных холмов мы въехали в горную долину, где находился Намру дзонг, административный центр района. Долина была покрыта многочисленными ледяными торосами, осложнявшими продвижение. Чтобы добраться до поселения, нам пришлось пересечь широкий участок заболоченной земли, мерзлой и скользкой в зимнее время. Деревня, представлявшая собой сборище грязных, полуразвалившихся каменных лачуг, находилась на берегу маленькой речки, текущей на север к равнине. Дома окружали большие мусорные кучи и стены из аргала. Поблизости были разбросаны многочисленные палатки кочевников. В центре селения находилось здание дзонг-пона, представлявшее собой довольно жалкое строение с несколькими молитвенными знаменами на крыше. Жители рассказали, что раньше районом Намру управлял местный вождь, дом которого мы видели при въезде в долину. Был он построен на ветреном месте, с фасадом, обращенным на север равнины. Со времени бегства Таши ламы в Чаглунгхаре был основан дзонг для защиты дороги, проходящей вдоль западного берега Чанг нам тшо или Тегри-нора. В официальной переписке место значилось под именем Намру дзонг, а местные жители по-прежнему называли его Чаглунгхар. В дзонге размещались два лхасских представителя: светский, или дун-кхор, и чиновник-лама, или дзедрунг. Дун-кхор находился в Лхасе, а его коллега дзедрунг оставался в дзонге.

По приезде в деревню мы были встречены доньером из Нагчу и смешанной компанией из местных вождей, сородичей и торговцев из внутреннего Тибета. Нам показали около дзонга место для лагеря, но так как оно было грязно и покрыто толстым слоем навоза, мы решили перебраться на другой берег реки. Здесь находился ряд террас с глубокими выветренными каньонами. Это место было сухим и показалось нам подходящим для стоянки. Разбив лагерь, мы отправили послание дзонг-пону о нашем намерении посетить его. Посыльный вернулся и сообщил нам, что дзонг-пон будет очень рад принять нас. Мы вновь перешли на другой берег реки по узкому деревянному мосту и проследовали в дзонг. Несколько слуг поджидали нас у ворот.

Весь двор дзонга был плотно забит тюками с шерстью и маслом, так как все местные налоги оплачивались этим товаром. В центре двора стояла черная кочевая палатка. Нас проводили в небольшое помещение, которое и было жилищем дзонг-пона. Сам чиновник, молодой человек лет тридцати, сидел на низком стуле у алтаря, на котором стояла глиняная фигурка Будды Сакьямуни. Позади алтаря висело несколько танок, или нарисованных изображений. Здесь были Авалокитешвара в его четырехруком проявлении, Белая Тара и Ямантака. Перед изображениями стояли тяжелые серебряные чаши и жертвенные лампады. На стене, напротив окна, висела огромная коллекция огнестрельного оружия. Тибетские чиновники были страстными покупателями оружия и платили за него непомерные деньги. В коллекции дзонг-пона из Намру имелось примерно тридцать русских армейских винтовок, несколько японских винтовок Арисака и немецких Маузера, было также несколько немецких пистолетов Маузер и револьверов Наган. Вместе с огнестрельным оружием висело несколько богато украшенных тибетских сабель. Среди них я заметил короткие бутанские кинжалы, длинные с двойными рукоятками мечи, которые тибетская пехота носит на спинах, и несколько длинных тяжелых сабель, или шо-лангов. Я поинтересовался у дзонг-пона, какая польза от такого количества оружия. Он улыбнулся и ответил, что в случае необходимости ему придется защищать дзонг.

Нас усадили на длинную скамью у окна по правую руку от губернатора. На низком столике перед нами разлили тибетский чай. Дзонг-пон был братом жены губернатора Нагчу и претендовал на то, чтобы быть нашим другом и доброжелателем. Он уведомил нас о том, что паспорт, или лам-инг, из Лхасы все еще не получен, и он действительно не представляет,

что с нами делать. Но поскольку нас рекомендовали ему власти Нагчу, то он отошлет нас к следующему дзонгу. Он не получал писем, касающихся нас, и был в неведении о нашем приезде. Нам придется на один день задержаться в Намру, чтобы он мог собрать необходимое количество животных для каравана. Мы убеждали его ускорить наш отъезд и не откладывая переговорить с местными вождями и старшинами. Были приглашены старшины. Местный глава утверждал, что нам придется дорого заплатить за караванных животных, поскольку был неподходящий сезон для путешествий. Местное население не держало вьючных животных около дзонга, за исключением некоторого количества дзо, пасущихся около юрт. Из-за сильных зимних снегопадов большинство кочевников ушло на север и находилось на расстоянии четырех-пяти дней пути отсюда. Чтобы добраться до Нагтшанга потребовалось бы 15 дней, а караванных животных пришлось бы менять на каждой остановке.

Это было большим неудобством, так как если бы старшины не смогли обеспечить нас достаточным количеством караванных животных, то нам бы пришлось задержаться в пути на неопределенное время.

Мы настаивали на том, чтобы губернатор снизил цены до приемлемых и сделал все от него зависящее, чтобы все было приготовлено к завтрашнему дню, так как мы очень спешим, да и здоровье некоторых членов экспедиции оставляет желать лучшего. В случае смерти любого из них возник бы источник бесконечных неприятностей для Тибета. Дзонг-пон спрашивал, известно ли нам, что за последнее время многие европейцы были убиты в Китае, и в связи с этим он желал знать относительно мер, принятых европейским и американским правительствами. Я ответил, что правительству Китая придется нести всю ответственность за преступления, совершенные на его территории, и компенсировать причиненный ущерб. Дзонг-пон сказал, что он не в состоянии приказать крестьянам привести животных сразу, так как его должность была учреждена недавно, и крестьяне, руководимые из поколения в поколение вождями племен, отказывались подчиняться чиновнику из Лхасы, который был для них чужаком. Даже имелись случаи убийства должностных лиц местными кочевниками. Дзонг-пон выразил глубокое удивление, что правительство послало нас таким трудным окружным маршрутом, вместо того чтобы позволить пересечь внутренний Тибет где-нибудь в провинции Цанг за Лхасой и Шигадзе.

После долгих переговоров цены были наконец установлены. Наем ездовой лошади от Намру до Шенца стоил восемь нгу-сангов и пять шо, наем яка – пять нгу-сангов. Следовало сразу же отправить посыльного в Шенца с сообщением о нашем прибытии и с просьбой приготовить сменных яков, чтобы у нас не было задержек в пути. Отъезд был назначен через два дня.

Весь следующий день мы потратили на то, что пытались достать фураж, замороженное молоко и баранину. Чтобы настроить губернатора более дружественно, мы подарили ему цейсовский полевой бинокль. Это произвело хорошее впечатление, и нас снабдили двадцатью мешками фуража за шестнадцать нгу-сангов и пятью овечьими тушами. Мы раздали небольшие подарки погонщикам яков, прибывшим с нами из Нагчу. Те, кто добрался до лагеря первым, получили кое-что еще. Все они занялись заточкой сабель о камни, поскольку возвращались в Нагчу все вместе, но не доверяли друг другу.

После обеда я пошел поговорить с дзонг-поном о доньере, который будет сопровождать нас в Шенца. Я попросил прислать сильного и бдительного человека, хорошо знающего дорогу и страну, которую нам предстояло пересечь. Он обещал прислать того же самого доньера, который сопровождал экспедицию Филчнера в Шенца дзонг. Я попрощался с губернатором и возвратился в лагерь, чтобы готовиться к отъезду.

18 марта, 1928 г. Раннее утро было ясным, и день обещал быть солнечным. Нам хотелось ускорить отъезд, чтобы пересечь гребень горы, расположенной западнее Чанглунгхара, до того, как начнется ежедневная полуденная буря. Сбор вьючных яков проходил очень медленно: всадники гнали перед собой небольшие группы животных к нашему лагерю. Из-за обильного снега, выпавшего зимой, большинство животных было угнано далеко на север, и поэтому местному населению было трудно доставить нам необходимое количество вьючных животных. Несмотря на задержку, мы выехали в десять часов и направились в сторону горного перевала Тамар-кьер (около 16700 футов).

Тропа следовала через узкое крутое ущелье к вершине перевала. Ущелье было

блокировано булыжниками, и большие скопления осколков напоминали валы, воздвигнутые для защиты. С вершины перевала мы спустились в круглую горную долину, прикрытую со всех сторон высокими горными цепями. С вершины мы заметили маленькое озеро Намка тшо, расположенное севернее на широкой нагорной равнине.

Около разрушенной каменной лачуги, прежде занимаемой богатым старшиной, для нас было поставлено несколько палаток. Местный старшина, пожилой человек, голова которого дрожала и непрерывно дергалась, встретил караван экспедиции. Нам снова пришлось менять караванных животных, но замена прошла гладко благодаря нашим проводникам из Намру, оказавшимся чрезвычайно умелыми людьми. Главный проводник был тибетским кочевником из района Гьянгце, хорошо знавшим местность и совсем недавно служившим проводником в экспедиции Филчнера. Он был одет в темно-фиолетовый халат, отделанный мехом, а на голове носил темно-красный тюрбан. На поясе у него была длинная сабля кампа, а на шее – красивая серебряная амулетница. Его помощник, официально именуемый мисер тху-ми, или представитель крестьянства, был набожным человеком, выбранным из местных кочевников. Он отличался спокойствием и имел значительное влияние на своих соплеменников. Ехал он верхом на яке и управлял им с замечательной ловкостью.

Мы продолжили путь на запад по узкой тропе к другому перевалу Натра ла (16900 футов). Маршрут был обозначен многочисленными мендонгами, построенными по обеим сторонам дороги. Этот маршрут обычно используется странниками из кочевых районов Тибета при их ежегодных паломничествах к священной горе Кайлас. С вершины Натра ла открывается замечательная панорама окружающего горного района и широкой песчаной равнины к северу от него. На юге возвышается горная цепь высотой около 17000 футов. У ее подножия раскинулись низкие скалистые отроги из песчаника и огненно-красного известняка. В лучах утреннего солнца пустынный ландшафт сверкал разнообразными оттенками красного, фиолетового, пурпурного, оранжевого и желтого цветов. Местность очень походила на пустынный район Аравии и на мрачное царство песков Китайского Туркестана. Маленькая речка Чавар цангпо, впадающая в соляное озеро Пангонг тшоча, расположенное на севере равнины, питала скудные пастбища вдоль своих берегов. Спуск с перевала проходил по узкой тропе через изъеденное эрозией ущелье, сквозь ряд песчаниковых горных хребтов. Мы остановились на день у подножия невысокого песчаного отрога, недалеко от нескольких стоянок кочевников. День выдался теплый и безветренный, а ночью неожиданно ударил мороз, температура упала до – 12°С.

20 марта. Мы выехали сравнительно поздно, в восемь часов утра, преодолели отрог к западу от лагеря, спустились на равнину и прошли всего четыре мили, после чего пришлось разбить лагерь на противоположном берегу реки Чавар цангпо. Мы возражали против этого, но проводники сообщили, что мы достигли границы другого района и должны ждать новой смены животных, так как этим животным идти дальше не полагалось. Место, где располагался наш новый лагерь, называлось Шоде намоче и принадлежало большому тибетскому монастырю Ташилунпо. Местный старшина жил в бедной каменной лачуге, окруженной несколькими дворами, используемыми в качестве загонов для овец.

21 марта. Перед выходом нас заставили поволноваться новые сменные животные. Они были отдохнувшими, только что с пастбищ, где провели целую зиму на воле без сбруи и седла. В результате все одичали, становились на дыбы и брыкались.

Тропа проходила по горной местности среди выветренных холмов из гранита и песчаника с прослойками красного известняка. Многочисленные мендонги указывали наш дальнейший путь. После пятимильного перехода по сильно пересеченной холмистой местности мы вышли на обширное плато, заросшее скудной и грубой травой. Плато было излюбленным пастбищем для дичи, и мы видели здесь множество тибетских газелей (Gazella picticaudata).

Преодолев низкий горный перевал Чиангку ла, через узкое ущелье мы спустились в узкую долину, расположенную между двумя песчаниковыми отрогами. Многочисленные высохшие русла сезонных ручьев указывали на значительное количество осадков, выпадающих в дождливые летние месяцы. С вершины перевала мы любовались прекрасным видом долины небольшой речки Бучу цангпо, впадающей в озеро Тшо Зилинг. Эта местность называлась Лунгмар, из-за имевшегося в долине красного известняка.

22 марта. Мы двинулись в путь рано, несмотря на морозное утро и температуру -13°С.

Пронизывающий западный ветер затруднял продвижение каравана. Выйдя из лагеря, мы поднялись на невысокий горный перевал, называемый Лунгмар ла, и спустились в долину, лежащую юго-западнее перевала. Около пяти миль мы шли по долине на юго-восток, затем повернули на юг и обогнули большой горный массив. Местные кочевники сообщили нам, что Таши лама проезжал этим маршрутом во время бегства в 1923 г. После шестнадцатимильного перехода мы разбили лагерь в узкой долине, защищенной волнистыми, поросшими травой холмами. Место называлось Доринг, или «Одинокий Камень», из-за любопытных мегалитических памятников, найденных поблизости. Это были первые памятники такого рода, обнаруженные в Тибете. До сих пор было открыто только несколько святилищ первобытной религии Бон. Это главным образом неотесанные каменные алтари, или лха-со. Некоторые, найденые в западном Тибете, были изучены покойным доктором А.Х.Франке из моравийской миссии в Лехе.

Мегалитические памятники находились миль на тридцать южнее большого соленого озера Пангонг тшоча и относились к добуддийскому периоду тибетской истории. Они состояли из восемнадцати параллельно расположенных рядов каменных плит. Каждый ряд был ориентирован с востока на запад. На западном конце каждого ряда находился кромлех, или круг из камней, состоящий из нескольких менгиров. Перед вертикально расположенными менгирами стояли каменные столы, или алтари. Очевидно это было святилище первобытной религии. Но каков был его возраст и назначение?

Сравнивая знаменитые мегалитические памятники Карнака в Британии и обнаруженные мегалиты Тибета, поражаешься их удивительному сходству. Параллельные ряды менгиров Карнака расположены с востока на запад и с западного конца имеют кромлех, или круг из камней. Памятники в урочище Доринг имеют точно такую же ориентацию. Культовое значение мегалитов Карнака до сих пор остается неустановленным, несмотря на многочисленные выдвинутые гипотезы. Мне кажется, что мы обладаем ключом к объяснению мегалитических сооружений северного Тибета. Мегалиты, открытые в Доринге, имеют на своем восточном крае выложенную из камня стрелу с концом, направленным в сторону рядов менгиров, т.е. на запад. Стрела – важный символ в древнем культе природных сил Тибета. Она связана с культом солнца и небесного огня, символически изображенного в виде молнии. Современные кочевники носят древние бронзовые наконечники стрел в качестве амулетов, и существует поверье, что они являются охлажденной молнией, после того как она ударила в землю. Между прочим, следует отметить, что иногда стрела символизирует царя Гесера, чье отношение к древнему культу природы было четко доказано доктором Франке. Присутствие каменной фигуры стрелы на восточной оконечности мегалитов Доринга ясно указывает на тот факт, что все сооружение было посвящено какому-то культу природы и очень возможно, что солнцу, символом которого она является. Это важное заключение, поскольку до сегодняшнего дня не существовало удовлетворительного объяснения значения мегалитических памятников.

Интересно отметить, что большинство открытых мегалитических памятников найдено вдоль знаменитого маршрута паломников к югу от Великих Озер, который ведет к горе Кайлас, жилищу богов, и священным местам на непальской границе. В будущей публикации о религии Бон я надеюсь показать, что эта паломническая дорога в прошлом была миграционным маршрутом и уже тогда приобрела религиозное значение, которое сохраняется до сих пор.

Мегалитические памятники, обнаруженные экспедицией, совершенно неизвестны современным жителям. В Доринге некоторые из больших менгиров внутри кромлеха имели следы возлияний масла, и местный старшина объяснил мне, что камень был жилищем лха, или бога, оберегающего маршрут и путешественников. Ни он, ни люди его племени ничего не знали о происхождении камня.

23 марта. При отъезде с места стоянки у нас возникли проблемы с местными лошадьми, которые никогда прежде не видели верблюдов и, испугавшись, разбежались в разные стороны. Только спустя некоторое время нам удалось привести животных обратно в лагерь. Путь проходил по горному ущелью, которое простиралось в юго-западном направлении. По его обеим сторонам возвышались выветренные гранитные массивы. Путь вел через низкий песчаниковый гребень, с вершины которого мы заметили широкую поросшую травой долину с несколькими стойбищами. Долина была окружена высокими песчаниковыми хребтами с

выветренными склонами. Перейдя через долину, мы подошли к группе низких песчаных гребней, глубоко изрезанных сухими руслами реки.

Здесь мы обнаружили другую группу мегалитических памятников, три менгира с каменными плитами, установленными вокруг них в форме квадрата. Жертвенный стол, обычно расположенный перед самым большим менгиром, находящимся в центре, отсутствовал, и не было никаких следов возлияний. Вероятно, святилище давно было заброшено. Затем тропа свернула на юг и прошла вдоль течения небольшого ручья. Многочисленные мендонги окаймляли дорогу. Для нас были приготовлены юрты в маленькой боковой узкой долине. Со всех сторон высились обрывистые гранитные скалы. Процесс эрозии обнажил гранитную структуру западных склонов гор, подверженных непрерывному воздействию преобладающих юго-западных ветров. Около лагеря находился вал, созданный мореной и блокирующий долину с юго-востока. Гранитные склоны скал несли на себе многочисленные следы ледника.

Неподалеку от лагеря профессор Рерих обнаружил несколько могильников, вероятно, относящихся к эпохе неолита. Они были огорожены камнями, установленными в виде квадрата. Каждый могильник был ориентирован с востока на запад, и на его восточной оконечности находилась большая глыба. Очевидно, усопших хоронили головой на восток. Судя по внешнему виду могил, они относились к той же эпохе, что и мегалитические памятники, обнаруженные экспедицией. К большому сожалению, тибетские власти настоятельно возражали против проведения научных раскопок, и нам пришлось довольствоваться фотографированием. Местное население совершенно не подозревало о существовании могильников.

Большой интерес представляют конусообразные каменные лачуги, которые местные жители используют в качестве хранилищ. Они покрыты шкурами и штукатуркой. Местные женщины носят своеобразные головные уборы овальной формы, обшитые черной тканью и чем-то напоминающие один из национальных головных уборов славянских крестьянок. Поверхность ткани обшита кораллами, бирюзой, медными и серебряными украшениями, среди которых выделяются тибетские серебряные монеты и индийские рупии. Поверх обычного халата кочевников женщины носят что-то вроде накидки, сделанной из серой домотканой материи и свернутой на спине. Мужчины обычно одеты в шубу и большую меховую шапку, обтянутую красной или синей тканью.

Местечко называлось Ратри и находилось на расстоянии двадцати двух миль от Доринга и четырех дней пути от Шенца дзонга, административного центра района Нагтшанг.

24 марта. Из-за неизбежной задержки с караванными животными, которым предстояло преодолеть высокий гребень на юге долины, мы вышли в путь только в половине десятого. Преодолев несколько песчаных гребней, мы вошли в широкую долину, где находилось озеро Гоманг тшо. Это соляное озеро с солевыми отложениями и песчаными пляжами по берегам. В него впадают ручьи талой воды, стекающие с окружающих холмов. Путь пролегал севернее озера и был довольно опасен из-за сыпучих песков, пересекающих пояса песчаных дюн. Миновав озеро, мы вышли на широкую каменистую равнину со скудной, грубой травой. Невдалеке паслись стада куланов и тибетских антилоп. При пересечении равнины мы встретили посыльного всадника, отправленного из Намру в Нагтшанг с сообщением о нашем приезде. Он возвращался в Намру и рассказал, что в Нагтшанге все готово, и мы можем отправляться туда без всякой задержки.

Перейдя равнину, которая была около восьми миль в ширину и казалась бесконечной, мы вошли в широкую долину, защищенную низкими песчаниковыми холмами. Сильный западный ветер чрезвычайно затруднял продвижение, и мы обрадовались, увидев палатки, поставленные для нас в местечке под названием Чингкар, холодной местности, окруженной со всех сторон горами. Здесь мы достали несколько бронзовых наконечников стрел, которые, как оказалось, встречаются довольно часто в этих местах. И, как уже говорилось, жители верят, что их находят именно там, где молния ударила в землю. Они убеждены, что эти стрелы сделаны не людьми, а являются окаменевшей молнией, принявшей форму стрелы после десяти или двенадцати лет пребывания под землей. Считается, что такие стрелы обладают чудесными силами, и их носят как амулеты.

25 марта. У нас произошла еще одна задержка из-за караванных животных, и экспедиция выступила в путь в половине девятого, несмотря на то, что все встали очень

рано. Госпоже Рерих посчастливилось отыскать интересную находку: медную пряжку (фибулу), с изображением двуглавого орла в круге. Мотив двуглавого орла часто встречается на древних предметах северного Кавказа, и истоки его возникновения восходят к хитайтскому искусству Малой Азии. Эта пряжка служит еще одним важным доказательством вторжения центрально-азиатских мотивов в «звериный стиль» Тибета.

Маршрут пролегал по широкой межгорной равнине, покрытой полосами песка и гравия. Пейзаж был очень однообразен, и мы были рады снова войти в узкую горную долину к юго-западу от равнины. Здесь ландшафт внезапно изменился, и мы обнаружили, что едем по пересеченной местности среди голых и выветренных гребней гор. В узких горных долинах виднелись лагеря кочевников. Мы проехали мимо дома местного старшины – каменной постройки, окруженной стеной грубой каменной кладки, с прикрепленными к ней традиционными молитвенными знаменами. Местные кочевники редко возводят долговременные постройки. Все каменные дома в районе являются либо жилищами местных старшин, либо служат складами сообществу кочевников.

К западу возвышалась горная гряда со средней высотой около восемнадцати тысяч футов. Многие вершины были покрыты снежными шапками, и вся эта длинная зубчатая стена была бела от зимнего снега. После двухчасовой поездки по гористой местности мы прибыли к обширной равнине, окруженной низкими волнистыми холмами. Несколько черных палаток кочевников ждали нас у подножия выветренного горного массива, который дал название равнине: Лугсанг тракна, или «Каменный нос овечьей долины». У подножия отдаленных холмов паслись стада яков. Сильный и устойчивый западный ветер мешал ставить палатки, и нам пришлось ждать целых два часа, прежде чем мы смогли разбить лагерь. После этого я отправился исследовать равнину, которая была свободна от снега. Это, несомненно бывший водный бассейн, о чем свидетельствуют многочисленные окаменелости. Лугсанг находилась от Чингкара на расстоянии около восемнадцати миль. Пришлось принять особые меры и закрепить колья палаток тяжелыми камнями и мешками зерна, потому что после заката с новой силой возобновился устойчивый западный ветер.

26 марта. Путь вел на юго-запад по широкой равнине Лугсанг. День был великолепным, и мы от души наслаждались ездой по равнине, а затем по горной долине. Постепенный подъем привел к плоскому перевалу через продольный гребень.

Спуск не был крутым и вывел нас в бассейн реки Юнгдрунг Цангпо. Краски речной долины и зубчатых утесов, защищавших ее с юго-востока, напомнили нам о могучих горных цепях в самой западной части Тибета. Мы перешли реку вброд напротив базальтового горного массива с мендонгами. Вода достигала стремян, и течение было быстрым. По берегам река была все еще сильно замерзшей, а в середине уже свободной ото льда. Чрезвычайно трудно было заставить животных погружаться в ледяную воду и затем снова взбираться на скользкую поверхность льда. Противоположный берег реки был покрыт болотами, и нам пришлось держаться ближе к скалам. На ночь мы остановились на левом берегу Юнгдрунг Цангпо, которая вытекала из озера Мучу тшо, расположенного на юго-западе, и впадала в озеро Кьерчунг тшо на северо-западе. К югу от речной долины возвышался высокий скалистый гребень. По словам местных жителей, существовал другой маршрут, проходящий южнее озера Мучу тшо. Место, где мы расположились на ночь, называлось Юнгдрунг конгма, или «Верхний Юнгдрунг». Расстояние от Юнгдрунга до Лугсанга составляло около семнадцати миль. Мы снова нашли несколько наконечников стрел той же самой формы, что и в Доринге, Ратри и Чингкаре.

27 марта. Мы вновь задержались из-за каравана и смогли отправиться в путь только в семь часов утра. Некоторое время следовали по долине Юнгдрунг чу, затем поднялись на песчаниковый отрог. Неожиданно на юге перед нами открылась грандиозная панорама: могучие скалистые горные хребты стояли окутанные темно-фиолетовой дымкой; и вдруг лучи восходящего солнца пронзили ее, и все скалы засверкали красным, малиновым и пурпурным цветом. Песок у подножья гор стал огненно-красным и золотисто-желтым. Позади остались холмистые высокогорья северного Тибета, и мы въехали в другую страну – район горных цепей и долин, формирующих северный оплот могучих Трансгималаев. Мы спустились в широкую каменистую равнину, протянувшуюся к северу от горной цепи. Наличие окаменелостей указывало на то, что эта равнина является высохшим морским дном. Здесь повстречался первый караван яков, груженный ячменем, который направлялся в

отдаленные стойбища северного нагорья. Торговцы сообщили нам, что до сих пор перевалы к югу от Шенцадзонга были блокированы снегом, и все караваны из провинции Цанг находились в ожидании у южных склонов гор. В настоящее время снег быстро таял, и переход с вьючным караваном становился возможным. Для нас это была хорошая новость, так как мы немного волновались из-за погодных условий на дороге, идущей через высокие горные перевалы Трансгималаев к северу от Сага дзонга.

Пройдя через долину на юго-запад, мы вошли в горное ущелье, образованное утесами и выветренными скалами. Через него на юг протекал небольшой горный ручей. Окружающий пейзаж был необычайно величественным. Могучие деформации, признаки гигантских смещений земной коры, создали фантастический узор на стенах скал, прикрывающих узкое ущелье. После восемнадцатимильного перехода мы разбили лагерь на широкой равнине, окруженной низкими холмами. Вскоре после этого начал дуть сильный штормовой ветер. Толстые облака пыли окутали вершины, и все были вынуждены сидеть в палатках, придерживая шесты, которые раскачивались во все стороны, грозя повалить все сооружение. Развевались оборванные веревки, и вырванные колья носились с грохотом по всему лагерю.

Неприятный случай произошел с моей тибетской собакой Кадру. Она начала преследовать стадо коз и убила одно из животных. Владелец прибыл в лагерь с жалобой, и мне пришлось заплатить один санг за нанесенный ущерб. Эти тибетские волкодавы известны своими дурными манерами и очень часто нападают на коз, овец и даже домашних яков.

К вечеру буря утихла, и ночь была тихой и теплой, термометр показывал -2°С.

28 марта. Мы выехали рано утром, чтобы засветло достигнуть Шенца дзонга. После двухчасовой езды по неизменно поднимающейся долине добрались до Дигпа ла. С вершины перевала (17600 футов) любовались уникальным видом высокого, покрытого снегом горного массива Шенца Джел-кханг, возвышавшегося на юго-западе широкой равнины Шенца. Одна из многочисленных снежных вершин горной цепи достигает высоты 22000 футов. Широкая равнина, на которой располагался дзонг, хорошо просматривалась до самого озера Чаринг тшо с северо-западной стороны. Спуск с перевала был очень крутым, и нам пришлось спешиться и пройти весь путь пешком. На южном склоне хребта мы видели тибетских газелей и несколько куланов. Окружающая местность была свободна от снега, который лежал только в ущельях и на северных склонах гор. Перед въездом в деревню Шенца мы перешли замерзшую Шенца чу, текущую по нескольким узким руслам.

Шенца дзонг – административный центр большой провинции, протянувшейся к северу от Трансгималаев и включающей большинство великих соляных озер Тибетского нагорья. Деревня представляла собой пестрое сборище из шестидесяти полуразрушенных построек, сделанных из высушенных на солнце кирпичей, с крышами, покрытыми дерном, и мусорными кучами прямо перед домами. Прежде дома выбеливали, но, очевидно, многие годы никакая краска не наносилась на эти стены, которые теперь имели грязно-серый цвет. В центре деревни возвышалось единственное двухэтажное здание – дзонг, или официальная резиденция местных губернаторов, которые оба находились в Лхасе. Как и полагается, это официальное учреждение было окрашено в желтый цвет и по четырем углам украшено джал-ценами или черными религиозными знаменами.

Улицы деревни были, как обычно, чрезвычайно грязными, но благодаря сухому, холодному воздуху мусорные кучи все еще были смерзшиеся. Население состояло приблизительно из пятидесяти жителей, многие из которых находились в состоянии полной нищеты. Обработка земли не проводилась, и все поставки зерна и цампы осуществлялись по высокой цене из долины Брахмапутры. Губернаторов, находящихся в Лхасе, заменяли два ку-тшапа (ску-тшаба), или делегата, являвшихся их личными слугами и выполнявших губернаторские обязанности, но боявшихся брать на себя какую-либо ответственность.

Мы разбили лагерь около деревни, и вскоре нас посетили два чиновника. Один из них носил огромные китайские очки. Он был местным кочевником и поверхностно владел лхасским наречием тибетского. Его коллега был простым старшиной без особых достоинств. Они преподнесли нам обычный церемониальный шарф и сообщили, что получен паспорт из Лхасы с указанием будущего маршрута. Втайне мы надеялись перейти Трансгималаи по одному из многочисленных горных маршрутов южнее Шенца дзонга. Но теперь, когда маршрут был ясно обозначен в документе, нам следовало идти обходным путем, который, несмотря ни на что, обещал оказаться также очень познавательным. В паспорте был указан

следующий маршрут: Шенца дзонг – Сага дзонг – Шекар дзонг – Кампа дзонг – Сикким. Последний тибетский пограничный аванпост на Сиккимской границе – Кампа дзонг, то есть то место, откуда, вероятно, мы отправимся через Лачен в Гангток.

Два чиновника сообщили нам, что все караванные животные, необходимые для нашей экспедиции, приготовлены, и что мы можем отправляться на следующий день. Нам пришлось закупить такое количество зерна, какого хватило бы до самого Сага дзонга, поскольку особой надежды пополнить запасы на дороге не было, так как она проходила через малонаселенную местность. С большими усилиями мы собрали одиннадцать мешков ячменя и сухого гороха; каждый мешок стоил чрезмерно дорого: пятнадцать нгу-сангов. Нам очень нужно было достать масла, и удалось заполучить только четыре фунта, а также кусок порама, или ячменного сахара.

Нам предстояло следовать по южным берегам озер Чаринг тшо, Нганце тшо и Дангра юм тшо. Из Чокчу, местечка, расположенного западнее Дангра юм тшо, мы должны были свернуть на юг и пересечь высокие Трансгималаи в направлении Сага дзонга. Путь предстоял трудный, принимая во внимание бедственное положение наших животных и быстро уменьшающиеся запасы.

29 марта. Всю ночь громкие крики пастухов возвещали о прибытии группы вьючных яков. Длинные вереницы животных образовали черную стену вокруг лагеря. Мы отправились в путь в семь часов утра и, обогнув известняковый отрог к северо-западу от дзонга, направились через каменистую равнину к юго-западному берегу озера Чаринг тшо. Через равнину протекала река Таглунг Цангпо, которая впадает в Чаринг тшо. Река оказалась замерзшей, и мы без труда перешли на другой берег. Путь пересек несколько старых ледниковых отложений, спускавшихся к озеру, затем, поднявшись на низкий отрог, привел нас в сильно изрезанный горный район к югу от озера. Затем тропа поднималась на гребень горной цепи, возвышающейся над берегом озера примерно на триста футов.

Мы перешли низкий перевал Лапце нагри (Лапце на-мо ла по карте Генри Хейдена), с которого нам открылся прекрасный вид озера и окружающей местности. Горы близко подходили к берегу озера, которое занимало низину приблизительно длиною в сорок миль на высоте 15448 футов. В это время года озеро все еще было покрыто коркой льда, кроме юго-западного края, темно-синяя водная поверхность которого ярко контрастировала с белизной льдин.

Спускаясь с перевала, мы встретили группу всадников, сопровождающих четырех пеших людей со связанными за спиной руками Это были грабители, которые недавно убили нескольких купцов и теперь доставлялись местной племенной милицией в дзонг. Один из сопровождающих сообщил нам историю этого происшествия. Эти купцы остановились на ночь в кочевой палатке. Местные кочевники саблями зарубили спящих и забрали их товары. Грабители не смогли сохранить тайну, и банда была обнаружена. Местные власти послали отряд милиции, чтобы арестовать убийц. Вскоре задание было выполнено, и преступников направили в дзонг для получения соответствующего наказания. По рассказам, такое часто случалось в этих местах, когда кочевники легко и быстро превращались в грабителей. Обычные жертвы – торговцы, и это объясняет тот факт, что все богатые караваны имеют вооруженный эскорт.

Мы расположились на ночь у подножия отрога, расположенного к юго-западу от долины, открытой со стороны Чаринг тшо. Место, где курьеры меняли лошадей, называлось Нгандзом и находилось в пятнадцати милях от Шенца дзонга. Оно было известно сильными ветрами. Вскоре эта репутация подтвердилась, так как около полудня начался юго-западный ветер и превратился в настоящую бурю с тучами песка и лессовой пыли, несущимися через долину к озеру. Сэр Генри Хейден останавливался на том же самом месте во время своих исследований в 1922 г.

30 марта. Путь пролегал по небольшой долине, в которой находились несколько кочевых стоянок. В горных долинах и на склонах гор виднелись пасущиеся стада домашних яков и овец. С горного перевала Цунг ла высотой в семнадцать тысяч футов мы любовались прекрасным видом снежного горного массива Шенца Джел-кханг, который возвышался на юго-востоке. Спустившись с перевала, мы прошли мили три по гребню цепи, простирающейся на запад, затем пересекли еще два хребта и вошли в бассейн озера Сера тшо, небольшого водоема примерно в полмили длиной и в четверть мили шириной,

расположенного на ровной низине среди гор. На берегах этого озера были найдены многочисленные морские окаменелости.

Тропа шла по северному берегу озера и затем входила в широкое ущелье, окруженное известняковыми холмами. Мы расположились на равнине, орошаемой рекой Паро Цангпо, впадающей в Чаринг тшо. Место нашей новой стоянки называлось Карчанг. Население равнины было довольно большим, а у подножия окружающих холмов паслись стада домашних яков и лошадей. Как правило, самые лучшие пастбища в тибетском нагорье находятся у подножия гор.

В Карчанге мы получили неожиданный прием. Для нас было поставлено восемь больших палаток, подготовлены двести шестьдесят яков и двадцать верховых лошадей. В услужение нам была предоставлена большое количество слуг. На вопрос о причине такого приема нам сказали, что посыльный из Шенца, который принес официальное письмо с сообщением о нашем прибытии, заявил, что мы нуждаемся в восьми больших палатках на каждой стоянке и в трех сотнях вьючных животных!

К вечеру в наш лагерь зашли странствующие певцы: мужчина и женщина с ребенком. Мужчина играл на старинном инструменте, женщина пела, а ребенок в это время танцевал.

31 марта. Прекрасное утро, теплое и безветренное. Мы пересекли равнину Карчанг в направлении Паро Цангпо, которая текла у подножия холмов, формирующих западную окраину равнины. Миновав речку, тропа вошла в узкую горную долину и поднялась к невысокому перевалу, называемому Ламлунг ла. Вершина перевала была увенчана несколькими каменными пирамидами с обычными многоцветными молитвенными флагами. Спуск был пологим и вывел нас в широкую равнину, окруженную низкими известняковыми хребтами. На некоторых участках земли, покрытых лессом, мы нашли хорошо сохранившуюся под снегом траву.

Спуск был исключительно трудным из-за жестокого холода и западного ветра, продувавшего равнину и со страшной силой ударявшегося о западные склоны перевала. Горизонт был закрыт толстыми облаками лессовой пыли, а желтоватый туман скрывал очертания гор, возвышавшихся к югу и западу от равнины. Лагерь был поставлен на очень неподходящем месте, открытом всем ветрам, и не было никакой возможности перенести его. Местечко называлось Чутрари и известно было своей мутной и солоноватой водой.

1 апреля. В этот день мы решили сделать двойной бросок, то есть объединить два коротких перехода и в конце первого заменить яков и лошадей. Мы выехали рано, в шесть часов утра, и пересекли долину Чутрари, направляясь на юго-запад. Дорога была ровной и хорошей. Пройдя двенадцать миль по каменистой равнине, покрытой лессом, мы сделали часовой привал на стоянке кочевников, чтобы сменить вьючных яков и верховых лошадей. Дальше мы следовали маршрутом сэра Генри Хейдена 1922 г. Покинув Гонкьек, так называлась стоянка, мы пошли по южному берегу озера Фунгпа тшо, в то время, как британский исследователь обогнул его северный берег.

Замена вьючных животных прошла удивительно быстро, и через час колонна каравана была снова в пути. Тропа шла через ряд песчаных холмов. На горизонте с северной и западной стороны поднимались высокие, широко раскинувшиеся горные цепи, увенчанные снежными шапками. Пройдя следующие одиннадцать миль, мы разбили лагерь на юго-восточном берегу озера Фунгпа тшо, или Дару тшо Наин Сингха и Мурчу тшо Свена Гедина. Наин Сингх прошел севернее от озера, а доктор Свен Гедин – западнее от него. Сэр Генри Хейден шел по северо-западному берегу озера в Вангпо, расположенный на северных берегах Данграюм тшо. Фунгпа тшо соединялся очень узкой протокой с другим небольшим озером, которое находилось западнее Фунгпа тшо и называлось Маджьяр тшо. Оба озера были замерзшие, и невозможно было определить, впадает ли одно в другое Место нашей стоянки называлось Мурчен и круглый год было заселено кочевниками. Местные кочевники несколько зажиточнее и содержат прекрасные стада яков и лошадей. Яки поразили нас тем, что были крупнее и сильнее, чем животные, которых мы видели в Нагчу или других местах района Нагтшанг.

2 апреля. Мы выехали очень рано с целью добраться в тот же день до берегов Нганце тшо. Путь пересек равнину Мурчен и затем прошел через ряд низких песчаных гребней, круто спускающихся к Маджьяр тшо. Погода, которая ранним утром была солнечной и ясной, вдруг изменилась, и началась сильная метель. Пронизывающий ветер и мокрый снег

ослож няли продвижение. Наш местный проводник, который не мог разглядеть перед собой дороги, потерял путь, и некоторое время мы блуждали среди завываний бури. Ветер и снег внезапно прекратились, и плотная белая мгла, окружавшая колонну каравана, рассеялась. Мы увидели, что находимся на гребне горного отрога, протянувшегося к Маджьяр тшо. Отсюда мы легко нашли путь в узкую укрытую долину, где находилась наша следующая стоянка. Группа кочевых стойбищ называлась Понгчен. Мы нашли здесь приготовленных сменных животных и смогли сразу же продолжить свой путь.

Узкая долина вела к Понгчен ла, перевалу высотой 17621 фут. Подъем был очень крутым и каменистым. Бедным верблюдам было очень трудно идти по острым камням. К несчастью, вскоре после того, как мы достигли вершины перевала, снова подул холодный западный ветер и пошел мокрый снег. Метель продолжалась все время, пока мы спускались в широкую равнину, где лежало озеро Нганце тшо, отчетливо просматривавшееся с перевала.

На перевале мы пересекли путь, которым следовал Свен Гедин к долине Брахмапутры. Мы разбили лагерь рядом с домом местного старшины, убогой каменной постройкой с грязным двором. Местечко называлось Чибук денга. Дичь на равнине была в изобилии. Мы наблюдали стада куланов, газелей и стаи снежных петухов. На юге равнины возвышалось несколько снежных вершин неизвестной горной цепи. Бассейн Нганце тшо представляет собой широкую равнину, покрытую травой и во многих местах заболоченную. Как и большинство озер тибетского нагорья, Нганце тшо значительно уменьшилось, и сэр Генри Хейден полагает, что три озера – Фунгпа, Маджьяр и Нганце когда-то образовали одно гораздо большее озеро, заполняющее всю обширную долину. Озеро было тщательно изучено Свеном Гедином во время его незабываемого путешествия в январе 1907 г.

3 апреля. Путь пересек долину южнее озера. После нескольких часов пути через каменистую равнину, покрытую лессом, мы остановились на ночь у подножья низкой песчаной гряды, недалеко от юго-западных берегов озера. Оно называлось Нгатам-чен, и возле него у подножия холмов было разбито несколько палаток, в которых жили немногочисленные кочевники. Местное население почти ничего не знало о соседних областях. Им было известно о Нагтшанге, расположенном на востоке, и о Чокчу – на западе. Старик помнил двух европейцев, посетивших северные берега озера, вероятно, доктора Свена Гедина или сэра Генри Хейдена. Наши верблюды были первыми, которые когда-либо добирались до этих мест, и потому произвели необычайную суматоху среди кочевников. В лагерь пришли толпы людей, желающих посмотреть на странных животных.

4 апреля. Мы выехали в шесть часов утра, несмотря на некоторые трудности, связанные со сменными лошадьми, которых предоставили в наше распоряжение. Половина животных были совершенно дикие. Другие едва стояли на ногах, истощенные за снежную зиму. Утро было исключительно теплым, термометр показывал +12°С. Густой туман висел над озером, горными цепями к югу от него и закрывал горизонт.

Тропа, по которой мы шли, вела на юго-запад через сложную систему хребтов. К северу лежала широкая просторная долина, по которой и проследовал тяжело груженный караван вьючных яков. Все всадники с отрядом яков, везущих лагерное снаряжение, шли еще более коротким путем вдоль гребня хребта. После семимильного перехода мы достигли низкого перевала с вершиной, отмеченной каменными пирамидами и мендонгами. Отсюда открывался чудесный вид на широкую водную гладь священного Данграа юм тшо, одного из красивейших озер тибетских нагорий. Прямо на юге поднималась внушительная покрытая снегом меридианная горная цепь Тарко Ладжар или Тарко кангри. Доктор Свен Гедин доказал, что ее следует рассматривать как отдельный горный массив. Горная цепь протянулась на север до ущелья, разрезающего хребет, по которому проходил путь к Чокчу. С вершины перевала тропа повернула на юг и внезапно, как это часто случается с тибетскими дорогами, превратилась в широкую трассу, с обеих сторон окруженную мендонгами. Почва была песчаной и мягкой, животные быстрой рысью приближались к нескольким стоянкам кочевников, которые, как нам сказали, являются местом нашего назначения.

У подножия перевала пришлось преодолеть узкую полосу болот. Лагерь был разбит на маленькой квадратной ровной площадке в миле от юго-западного берега озера. Место называлось Лова намо, и здесь проживал местный старшина, внушительного вида человек с очень вежливыми манерами.

Данграюм тшо, которое было впервые открыто Наин Сингхом во время его замечательного путешествия из Ладака в Юго-Западный Тибет и Ассам в 1873-1875 гг., имеет 45 миль в длину и 25 миль в ширину в самом широком месте. Это озеро также значительно уменьшилось в размерах. Существующие террасы, изъеденные эрозией, четко обрисовывают его бывший большой бассейн. Наин Сингх полагал, что меньшее озеро Сангюнг, расположенное севернее, образует единый водоем с Данграюм тшо. Озеро получает много пресной воды из реки Тарко Цангпо, текущей по руслу, расположенному террасами, высота которых достигает двадцати пяти – тридцати метров. Вероятное объяснение происхождения террас заключается в том, что уменьшение озера в размерах привело к уменьшению рек, углубивших свое русло.

Фактически мы были первыми европейцами, которым удалось расположиться лагерем на южных берегах озера. Во время своей экспедиции 1907 г. доктор Свен Гедин добрался до места в трех днях езды к югу от озера, где и был остановлен местными кочевниками по приказу вышестоящих властей. Наин Сингх, обнаруживший озеро, побывал только на его северном берегу, в местечке под названием Вангпо.

В долине Вангпо проживает оседлое население. В этом месте, расположенном несколько ниже окружающих нагорий, выращивается ячмень. Согласно местному преданию, записанному пандитом, много десятилетий тому назад долина Вангпо была мощным княжеством. Местный правитель имел резиденцию в Кхьюнг дзонге, руины которого все еще можно было увидеть. Он был побежден королем Лхасы. В 1921 г. Вангпо посетил сэр Генри Хейден, занимавшийся геологическими исследованиями по заданию тибетского правительства. Согласно Наин Сингху, население Вангпо принадлежало к секте Бон-по. Население, проживавшее к югу от озера, было буддистским.

В местечке Лова, где мы расположились лагерем, находилось несколько стоянок кочевников. Некоторые семьи жили там постоянно, и их палатки были обнесены стенами из камня и дерна для защиты от весенних и зимних ветров. Не было никаких признаков земледелия. Некоторые из наших проводников хорошо знали пути в провинцию Цанг, по которым доктор Свен Гедин пытался подойти к озеру. Я даже нашел человека, который побывал в Непале и немного владел хиндустани.

Трудно было получить надежную информацию относительно путей в Сага дзонг. В нашем лхасском паспорте было указано, что власти Шенца дзонга, как предполагалось, должны были помочь нам с транспортом до Сага дзонга, но вскоре мы обнаружили, что два представителя дзонга ничего не знали о дорогах в Сага и даже планировали оставить нас в Чокчу. Местный старшина не был уверен в том, что караван животных был приготовлен для нас в Чокчу, и поэтому мы решили послать одного из представителей Шенца в Чокчу тем же вечером, чтобы сделать все необходимые приготовления. Он выехал на новой лошади в сопровождении местного проводника. Им было велено ехать поспешно и договориться с другим представителем из Чокчу о том, чтобы сопроводить нас в Сага дзонг.

Я знал, что южный маршрут вел из Лова намо в Сага дзонг и пересекал Тарко ла, расположенный юго-западнее озера. Этот путь был короче на десять дней и имел огромное преимущество в том, что проходил через населенную область. Официально он был известен под названием лхо-лам, или большая дорога, и кочевники, жившие вдоль этого пути, всегда держали наготове вьючных яков и ездовых лошадей или для правительственного улы, или как сменных животных. Я с трудом пытался убедить местного старшину отправить нас южным маршрутом, который давал всем большие преимущества, так как ему придется снабдить нас животными только для одного перехода. Он согласился, что это было бы лучшим решением для обеих сторон, но поскольку он имел непосредственный приказ от властей Нагтшанга послать нас в Чокчу, то был совершенно бессилен изменить наш маршрут. В этом он был непреклонен, и хотя я сильно давил на него, он не изменил своего решения отправить нас другим путем.

День оставался спокойным и теплым, термометр в два часа дня показывал + 13°С. Мы видели стаи диких гусей и чирков во многих водных заводях и на болотах к востоку от лагеря. Это был первый весенний день, и окружающие горы уже принимали ту темно-синюю и фиолетовую окраску, которая так характерна для горных районов Центральной Азии в весеннее время.

5 апреля. Снова прекрасный и ясный день. Мы тронулись в путь вскоре после того, как

восходящее солнце осветило снежные пики Тарко кангри. Это было незабываемое зрелище, предвосхищающее величественные горные пейзажи Трансгималаев. Путь шел вдоль южного берега озера. Почва была песчаной, и узкие овраги пересекали равнину южнее озера. Река Тарко Цангпо, которая впадала в озеро, только вскрылась и была покрыта кусками плавающего льда, которые били по ногам животных и наносили ранения. Особенно тяжело было переправляться верблюдам. Они имеют естественное отвращение к воде, и нам стоило больших трудов благополучно переправить их через быстрый поток. На другом берегу реки простиралось обширное плато, протянувшееся и покрытое можжевельни ком, – первый кустарник, который мы увидели за шесть месяцев путешествия по тибетским высокогорьям.

Мы пересекли плато в северо-западном направлении и расположились на ночь у подножия горной цепи на юго-западном берегу озера. Прозрачный ручей, стекающий с горного склона, питаемый ледниками и тающими снегами, снабдил караван питьевой водой. Верблюды же наслаждались соленой водой озера. Место, где мы остановились, называлось Сугу лапце, и его главным недостатком, как места караванной стоянки, было полное отсутствие травы, за исключением кустов можжевельника, которые были пригодны для верблюдов, но не для лошадей. День был очень теплым и термометр показывал + 28°С. До самого позднего вечера мы сидели и любовались уникальной панорамой озера и окружающих гор, освещенных лучами заходящего солнца.

6 апреля. Мы сняли лагерь очень рано, в шесть часов утра, т.к. нам предстоял длинный переход. Путь проходил по юго-западному берегу озера. В некоторых местах продвижение было затруднено, особенно для верблюдов, так как дорога поднималась по скалистым карнизам, нависаю щим над озером, и была такой узкой, что груз пришлось снять и нести на руках, а животных каравана вести в поводу одного за другим. Все это нас задерживало. На западе возвышалась северная часть Тарко кангри, и дорога вела по широкому песчаному склону, постепенно понижающемуся к озеру. Пройдя четыре мили, мы миновали небольшое озеро длиной около четверти мили. Темные тучи окутывали снежные вершины Тарко, и около полудня подул сильный западный ветер с мокрым снегом, очень осложнившим продвижение. На ночь остановились на высокогорной долине со скудной травой, называемой Чумго марпо. Для нас было поставлено одиннадцать палаток, и местные жители уверяли, что они провели семь дней на этом месте в ожидании. Караван яков прибыл только поздно ночью, и мы долгое время сидели на положенных на землю седлах, а вокруг нас завывала буря.

7 апреля. Унылый день с тяжелыми серыми тучами на горизонте. Дорога вела через низкий песчаниковый хребет, расположенный к западу от долины Чумго марпо, и затем через ряд песчаных гребней, возвышающихся на северо-западе. После трехчасового пути мы вышли на обширную равнину и остановились на берегах маленького озера. Здесь старшины Чокчу подготовили для нас лагерь и привели караванных животных. Мы редко встречали таких дегенеративных типов, прирожденных разбойников и убежденных лгунов. Главный старшина, существо неописуемого вида, уверял нас, что они все подготовили для нас по дороге к Нгари дзонгу, находящемуся на ладакском маршруте, но что они ничего не знали относительно маршрута в Сага дзонг, по которому нам предстояло теперь ехать.

Маршрут в Ладак проходил по джья лам, или большой дороге, а в Сага вела только местная тропа. По мнению старшин, было совершенно неправильно со стороны Девашунга посылать нас в Чокчу, поскольку оттуда никакой ула не приезжал в Сага. Нам следовало дожидаться приезда гарпона Тарко, который примет решение относительно нашего маршрута в Сага. Я резко поговорил со старшинами и сообщил им, что мы отправимся в путь завтра и что им придется сопровождать нас, чтобы обеспечить животными для следующего перехода, а если это не будет должным образом выполнено, мы будем жаловаться на них в Лхасу. Я добавил, что их очевидное незнание маршрута было только отговоркой и они обязаны знать путь в дзонг, потому что Чокчу платил ежегодный налог Сага дзонгу. После долгих разговоров и препирательств старшины, наконец, согласились сопроводить нас к гарпону Тарко. Я попытался получить некоторую информацию об окружающей местности, но кочевники имели об этом очень скудное представление, и мне удалось разыскать только единственную старую женщину, которая помнила об участии в паломничестве, состоявшемся около тридцати лет тому назад к Озеру Манасаровар и святым местам на границе Непала.

Информация, которую она дала мне, была далеко не обнадеживающей. По ее словам, к югу от Чокчу находилась высокогорная страна, а Сага дзонг был большим поселением, с преуспевающей торговлей и лавками, где продавались непальские, индийские и лхасские товары. Я засомневался в правильности ее утверждения, т.к. капитан Роллинг и Свен Гедин, которые посетили это место, совершенно по-другому описывали его. Вероятно, старая женщина побывала там во время ежегодной осенней ярмарки и видела прибывших туда непальских и лхасских торговцев с их временными лавками.

8 апреля. Было около семи часов утра, когда все было приведено в походную готовность и мы выехали на юг через обширную равнину Чокчу к горе, находящейся приблизительно в шести милях от лагеря. Вчерашняя беседа, вероятно, оказала некоторое влияние на старшин, т.к. они все явились утром и лично сопровождали нас. По их словам, было два маршрута в Сага дзонг: один через Тарко, а другой через высокий перевал Сангмо Бертик.

Широкая, просторная равнина Чокчу – межгорное пространство, большей частью покрытое песком и лессом, на котором в летний период произрастает хороший подножный корм. На пути мы встретили стада куланов и тибетских газелей. Главный старшина уехал вперед, чтобы сообщить гарпону о нашем приезде. После двухчасовой верховой езды мы были внезапно остановлены старшинами около группы палаток невдалеке от подножия гор. Они объяснили свои действия тем, что гарпон отправил посыльного к нам с просьбой остановиться здесь на день, поскольку он ехал сам лично, чтобы повидать нас.

Гарпон Тарко прибыл в полдень. Это был молодой человек лет тридцати, высокий и хорошего сложения. Он был одет в пуру, кафтан, который носят зажиточные люди, и тибетскую меховую шапку с повязанным красным тюрбаном по моде кхампов. К его седлу был прикреплен длинный шо-ланг, или сабля, украшенная бирюзой и кораллами. За лагерем была поставлена белая палатка, расшитая орнаментом, которая стала временной штаб-квартирой правителя района.

С местными старшинами и нашим тибетским проводником гарпон провел предварительную беседу. Через час гарпону захотелось увидеть наш лхасский паспорт, и он объявил о желании посетить нас. Он был принят в моей палатке и выразил глубокое сожаление, что нас послали этим маршрутом и из-за этого мы потеряли три дня. Он считал, что правильнее для нас было бы идти южным путем, который начинается в Лова намо на южном берегу Данграюм тшо. Этот путь пересекал Тарко ла и вел в штаб-квартиру гарпона, место, называемое Тарко ладжап. Оттуда он шел через Пендонг ла, перевал, расположенный на той же горной цепи, что и Донгчен ла, далее по Накпо кондро ла, расположенный на главной горной цепи Трансгималаев, восточнее перевала Сангмо Бертик. Горная цепь, на которой расположен этот перевал, называется Накпо кондро кангри, или Накпо гонгронг гангри на карте Свена Гедина.

Поскольку мы были уже в Чокчу, то гарпон подумал, что было бы желательно позволить нам пройти сангминской дорогой на Сага, которая пересекает следующие перевалы: Донгчен ла, Сангмо ла, Гьегонг ла и Цукчунг ла. Этот маршрут был пройден и исследован доктором Свеном Гедином в 1907 г. Мы сразу же поняли, что действительной целью гарпона было послать нас через территорию соседнего правителя, старшины Бумпа чангра (Бонгба на карте Свена Гедина), и таким образом избежать необходимости обеспечивать нас караванными животными и другими припасами на трудном и пустынном горном маршруте. Мне удалось заставить его пообещать сопровождать нас лично к поселению следующего старшины и договориться с ним о караванных животных. Гарпон намекнул, что наш паспорт был выдан в Лхасе, и поэтому мы имели право путешествовать через территорию, подвластную правительству, в то время, как его территория принадлежала монастырю.

Место, где находился наш лагерь, было известно под названием Кангру. Вьючные животные прибывали небольшими партиями, погоняемые дикого вида людьми, говорящими на разных кочевых диалектах и с трудом понимающими наречия друг друга. Наши лхасские тибетцы с большим трудом добились того, чтобы местное население понимало их.

Чангпы Трансгималаев поражают путешественника примитивным и неразвитым телосложением. Суровая жизнь на высотах и пастбищах северных склонов Трансгималаев, находящихся на 16-17 тысячах футов, сказывается на физическом и умственном развитии

кочевников. Они представляют собой дикую и грязную толпу с длинными, спутанными волосами, развевающимися на ветру. Местные кочевники круглоголовы, с выдающимися скулами. Мы очень часто наблюдали примитивные типы со скошенными лбами, нависающими над переносицей. Губы имеют среднюю толщину. Большинство мужчин имеют тонкое телосложение с довольно слабыми конечностями и впалой грудью. Волосы скудны, и я не помню, чтобы видел бородатых мужчин. Коротко подстриженные волосы грубы. Миряне обычно заплетают свои волосы в большое количество тонких косичек, которые свисают на лоб и спину. Семьи маленькие, и дети в поселениях видны редко. Создается ясное впечатление, что население устойчиво сокращается. Доктор наблюдал частые случаи рахита, особенно распространенного среди детей, и цинги среди взрослых. Почти всеобщее цинготное состояние десен.

Одежда состоит из обычного овчинного кафтана, который носят на голое тело, и обычных сапог кочевников, сделанных из домотканого сукна и поддерживаемых подвязками под коленями. Редко используются головные уборы. Зимой обычно носят подбитый мехом капор. Мужчины носят сабли и фитильные ружья. Современные магазинные винтовки встречаются редко. Население, как упоминалось, было склонно к грабежу, и такое же впечатление сложилось у доктора Свена Гедина. Во время перехода через район мы не сталкивались с бандами грабителей, хотя существование племенной организации разбойников было весьма вероятно в таких удаленных от дорог местах.

Трансгималайские кочевники живут в обычных черных палатках и питаются продуктами, которые получают от своих стад, состоящих в основном из овец и яков. Лошадей содержат только состоятельные семьи. Летние месяцы стада обычно проводят в некоторых долинах Трансгималаев, но зимой рогатый скот перегоняется на север, где меньше снега и лучше пастбища.

На севере горные долины и низкие холмы покрыты песком и лессом и представляют собой хорошие пастбища, тогда как долины Трансгималаев в основном покрыты детритом и скудной травой даже после сезона летних дождей. Во время перехода через Трансгималаи мы испытали большие трудности в поисках хороших пастбищ. Большая часть страны была полностью бесплодной, а скудные участки земли покрывала мертвая сухая трава.

Отнюдь не легко было перейти через эту страну не только из-за естественных препятствий, высокогорных перевалов и бесплодных долин, но, главным образом, из-за странного распределения районов, которые отделялись друг от друга полосками земли, принадлежащими другим районам, и это сильно осложняло путь. Чокчу принадлежит Нагтшангу, а платит налог Сага дзонгу. Кангру и горная страна к югу от него находились под юрисдикцией гарпона Тарко, который назначался лабрангом Ташилун-по. Намчен и Нгамо дангханг на южном берегу Тингри лам тшо снова находились под владением Нагтшангдзонга, тогда как следующий переход Лекар и Лапсару принадлежали провинции Бумпа чангра и подчинялись Нгари дзонгу. Долины Цукчена и Цукчунга принадлежали Сага дзонгу.

9 апреля. Этим утром толстый белый туман повис над долиной Чокчу и скрыл вершины окружающих гор. Ночью выпал снег и покрыл горные склоны. Мы пересекли песчаниковый гребень и вошли в пересеченную горную страну, в лабиринт долин, в страну, которая протянулась до самой Брахмапутры, и представляет собой один из высочайших водоразделов на земле. Горная долина, в которой находилось несколько кочевий, простиралась на юго-запад. Небольшой, но глубокий ручей бежал вниз по долине. Он уже очистился ото льда, который узкой полосой сохранялся только по берегам. Дно было илистым, и мы с трудом нашли подходящее место для переправы. После нескольких попыток, наконец, удалось найти место, подходящее для брода. Мы ехали по высокогорной долине, называемой Угпа и занятой кочевыми поселениями. Гарпон ехал впереди нас, и мы могли видеть его скачущим галопом от палатки к палатке, собирающим для нас животных.

По дороге к нам присоединились несколько слуг гарпона. У всех были фитильные ружья на ремне через плечо, а на голове красные тюрбаны. Мало кто из них бывал в Сага дзонге, и лишь один мужчина вспомнил, как однажды посетил это место. Долина, по которой мы следовали, повышалась постепенно, пока внезапно не расширилась и не образовала маленькую круглую долину, хорошо защищенную горами. Место называлось Намчен; местным старшиной для нас была приготовлена палатка. Бедняк был в отчаянии от того, что

ему нужно было снабдить нас караванными животными до Бумпа чангра. По его словам, мы должны были идти южным путем через Накпо кондро ла. Мы оставили гарпона и старшину решать вопрос о караванных животных между собой. Было бессмысленно сидеть и наблюдать, как препираются эти двое. Через час гарпон и старшина появились из своей палатки и сообщили нам, что старшина Намчена взял на себя обеспечение экспедиции транспортом в Бумпа чангра, а гарпон будет помогать ему в этом, поставляя часть вьючных животных.

10 апреля. У нас произошла задержка с отправлением из-за вьючных животных, которые прибыли только около восьми часов утра. Некоторые из новых сменных лошадей были настолько дикие, что, вырвавшись, панически бежали, и пришлось их возвращать назад. Покинув лагерь, мы пересекли низкий перевал, называемый Маритранг ла (17300 футов), и спустились в широкую песчаную долину, бассейн соляного озера Тингри лам тшо (Тери нам тшо на картах). Мы обогнули юго-восточные берега озера. К югу от него возвышались базальтовые скалы. В прежние времена озеро занимало еще больший бассейн, но со временем уменьшилось. Долина к юго-востоку и югу от озера является высохшим дном бывшего большего озера. Берега самого озера покрыты слоями соляной корки. Мы наблюдали стаи водоплавающих птиц, турпанов, чирков, браминских уток и чаек. Воздух был наполнен их криками, и стаи диких гусей то и дело улетали на север.

Мы нашли приготовленный для нас лагерь в местечке, называемом Нгамо дангханг, расположенном южнее озера в долине, закрытой с юга высокими скалистыми горными цепями и открытой к озеру. На юго-западе поднималась горная цепь Дронгчен ла. По пути к лагерю мы обнаружили, что официальное письмо, которое предположительно должно было опередить наш приезд, достигло места только два часа назад, т.к. посыльный ночевал в лагере и, таким образом, задержал доставку. Практически невозможно было заполучить нового верхового посыльного, поскольку население не имело лошадей. К вечеру старшина Намчена нашел другого гонца и отправил его с письмом в Бумпа.

Местное население выглядело исключительно диким и никогда прежде не видело белого человека. Они дивились нашим верблюдам и настаивали, чтобы мы дали им немного верблюжьей шерсти и они могли положить их в свои амулетницы, т.к., по их убеждению, шерсть такого странного животного непременно должна быть очень мощным талисманом против болезни и другой опасности.

К северо-западу от озера находится монастырь Мендонг гомпа, принадлежащий секте Кармапа, который посетил доктор Свен Гедин во время своего путешествия в 1908 г. Полдень был очень жарким, термометр показывал +32°С.

11 апреля. Обещанные караванные животные не прибыли в лагерь, и нам пришлось ехать на собственных лошадях, оставив Портнягина, ответствен ного за багаж, дожидаться прибытия всех вьючных животных. Мы перешли долину на юго-запад и вошли в широкое горное ущелье, которое вело к перевалу Донгчен. После десятимильного перехода мы разбили лагерь у подножия перевала. Население было чрезвычайно бедным, и с большим трудом нам удалось раздобыть зерно для лошадей и верблюдов. За последние три дня мы смогли заполучить только один маленький мешок с зерном, содержащий около пятнадцати фунтов ячменя. Был отдан приказ накормить верблюдов и лошадей цампой, а верблюдам дать дополнительную пищу, приготовленную из китайской муки. Крайне необходимо было добраться до Сага дзонга и пополнить запасы. Мы были вынуждены сократить порции для людей и животных, так как провизии было только на семь дней.

Амплитуда колебаний температуры была очень значительной. Утром до восхода солнца термометр показывал -13°С, а в два часа дня +40°С на солнце.

12 апреля. Мы выехали раньше, чем обычно, и после часового подъема достигли вершины перевала Донгчен. С вершины перед нами открылся уникальный вид на обширную горную долину, расположенную юго- западнее перевала, защищенного высокими выветренными горными массивами из известняка. Мы скоро добрались до широкой межгорной долины Су Цангпо, обозначенной на картах как Сома Цангпо. Лагерь разбили на левом берегу реки, которая текла по нескольким узким руслам. Су Цангпо брала начало где-то в Тарко кангри и впадала в озеро Тингри лам тшо. Русло реки было ровным и мелким, но, как уже говорилось, в период половодья река наполнялась огромным количеством воды. Местный старшина был не в состоянии поставить нам необходимое число вьючных

животных, так как все грузовые яки района были угнаны на далекие пастбища. Он согласился нанять яков, которые пришли с нами из Дангханга. Место, где мы остановились, называлось Лекар и все еще находилось под юрисдикцией Нагтшанга. Местный старшина сообщил, что в трех днях юго-восточнее Лекара находится лесистая долина, в которой водится множество дичи. День был облачным и теплым, термометр в полдень показывал +14°С.

13 апреля. Прекрасное, но холодное утро, с температурой -5°С. Мы пересекли равнину в южно-юго-западном направлении и поднялись на невысокий песчаниковый отрог. Отсюда мы прошли по пересеченным каменистым равнинам, раскинувшимся у подножия хребта южнее маршру та. Нам пришлось остановиться в местечке с названием Сангмо нгадум, так как местный старшина ничего не подготовил к встрече нашего каравана. Не были разбиты палатки, не было запасено для нас топливо.

Нам пришлось разбить лагерь около жалкой палатки каких-то пастухов и послать человека к старшине с просьбой прийти лично для обсуждения положения и выполнения распоряжений из Лхасы. Тем временем мы обустраивали лагерь как можно лучше, собирали топливо и кололи лед в ручье, чтобы набрать питьевой воды.

Старшина появился с палатками и топливом только к вечеру и откровенно признался, что находился в полном неведении о нашем прибытии. Он слышал об официальном письме, сообщавшем о нашем приезде, но думал, что это было адресовано не ему, а другому старшине, по ту сторону гор! Он мог снабдить нас только тридцатью яками, остальные двадцать нам, к счастью, согласился одолжить еще на два перехода старшина Намчена. Весь вечер был потрачен на переговоры, которые занимают много времени в Тибете и оставляют мизерную возможность заняться другими нуждами каравана.

14 апреля. Мы выехали рано, несмотря на вновь возникшие трудности с вьючными животными. Новые не прибыли в лагерь вовремя, и Портнягин был вынужден снова остаться с багажом, чтобы дождаться яков. Но в последний момент старшине Сангмо удалось привести требуемое количества яков.

Покинув стоянку, мы проследовали через ущелье, которое постепенно поднималось к высокому перевалу Сангмо. По обеим сторонам возвышались базальтовые горные массивы.

Куланы паслись в ущельи на скудной траве, что росла по берегам крошечной горной речушки. Путь проходил по твердой каменистой почве, и для верблюдов наступило тяжелое время.

После шестичасового перехода мы расположились лагерем на высоте 17600 футов в защищенной долине у маленького ручья с пресной водой. Караван яков прибыл только поздно вечером. Серые облака скрывали вершины гор, и тибетцы боялись, что ночью будет снегопад, который затруднит переход. Погонщики яков уверяли нас, что около двух недель назад перевал был еще полностью блокирован снегом, и даже теперь большое количество снега покрывает вершину. Было невозможно доверять местным осведомителям, и нам самим пришлось выяснять ситуацию на перевале. Все чувствовали себя несколько взволнованно, так как на следующий день нам предстояло пересечь самый высокий перевал на пути к Сага дзонгу.

Хотя существование могучей цепи горных хребтов на севере Цангпо предполагалось рядом исследователей, а Д'Анвилл (1733 г.), Брайен Ходсон и другие отметили их на картах как предполагаемую цепь гор, которая пересекает Центральный Тибет с запада на восток, доктор Свен Гедин был первый, кто произвел съемку горной цепи и пересек ее по крайней мере по восьми жутким горным перевалам со средней высотой восемнадцать тысяч футов во время своих памятных путешествий в 1906-1908 гг. Цепь формирует водораздел между Индийским океаном и обособленным засушливым районом центральной Азии. На западе Трансгималаи сливаются с великим Каракорумом, и будущему исследователю предоставлена возможность изучать место пересечения двух величественных горных цепей. Исследования Доктора Свена Гедина показали, что система Трансгималаев относится к сравнительно недавнему геологическому периоду. Структура горных цепей говорит о том, что формирование системы проходило под влиянием вулканической деятельности, а наличие многочисленных горячих источников доказывает, что здесь недавно происходили дистурбации.

Трансгималаи состоят из рядов горных цепей, среди которых, очевидно, главным

является тот, где расположены пики Сангмо ла (19094 фута), Сэла ла (18064 фута), Каламба ла (17200 футов), Горинг ла (19587 футов) и Шанг-шунг ла. Южные склоны цепей изрезаны глубокими выветренными долинами – следами активности индийского муссона. Северные склоны сливаются с холмистыми нагорьями северного Тибета и получают намного меньше осадков, чем южные склоны. На северной стороне снежная полоса расположена приблизительно на высоте восемнадцати сотен футов, и ледники никогда не достигают оснований долин.

15 апреля. Ночь была тихой и бесснежной. Мы встали очень рано, и к шести часам утра колонна каравана начала подъем к перевалу. Северный склон был покрыт огромными булыжниками, скатившимися с гор. В некоторых местах земля все еще была покрыта снегом, и лошади часто глубоко увязали в нем, так что приходилось их вытаскивать.

После трех часов непрерывного восхождения мы достигли вершины перевала (19094 фута). Несколько каменных памятников стояло на обочине дороги. С вершины перед нами открылся прекрасный вид на горы, величественный и суровый. К югу тянулось широкое горное ущелье. На западе и востоке вид закрывали меридиональные горные цепи, понижающиеся к равнине Лапсару, южнее которой возвышался покрытый снегом горный массив Кангчунг кангри. День был унылый, тяжелые тучи и туман нависали над горами. Крутой, но короткий спуск, во время которого нам всем пришлось спешиться, привел нас к ущелью. Трудно было лошадям на узкой тропе среди булыжников и замерзших луж. Люди и животные часто поскальзывались, так как с трудом можно было найти место, куда поставить ногу. Спускаясь с перевала, на одном из склонов мы видели стадо диких яков. Они взбирались по обрывистому, почти вертикальному горному склону, с каждым шагом посылая в ущелье камни и тучи песка. Некоторое мгновенье их темные силуэты выделялись на фоне ясного тибетского неба, а затем исчезли за скалистой стеной. Это была картина дикого Тибета, которая всегда появляется в воображении каждого, кто странствовал по его незабываемым горным пространствам.

После семичасового перехода по трудной, каменистой дороге мы спустились на широкую, просторную равнину, относящуюся к району Бумпа чангра. К большому удивлению, для нас ничего не было приготовлено, несмотря на ранее отправленное официальное письмо. Мы послали группу людей на разведку, и они привели двоих людей, назвавшихся пастухами и отказавшихся нам помочь. Наши тибетцы сердито спорили с ними, и было решено оставить их в лагере и дождаться расследования ситуации. Наконец, два местных жителя согласились дать топливо и отправить посыльного к старшине с просьбой сразу же приехать. Каждый из них заверял нас, что ничего не слышал о нашем приезде. К счастью, посыльный, отвозивший письма, находился среди наших погонщиков яков и удостоверил в том, что письма были в сохранности и вовремя вручены местному районному старшине, или ю-пону. Мы стали свидетелями жаркой схватки между посыльным и местными кочевниками. В целях предосторожности мы решили оставить при себе всех вьючных яков и лошадей из Сангмо до тех пор, пока местный старшина не поставит нужное количество караванных животных. Погонщики запротестовали, но вынуждены были подчиниться, так как поняли наше затруднительное положение.

Был теплый день, несмотря на то, что долина со всех сторон была окружена горами, покрытыми снежными шапками и ледниками, спускающимися глубоко в долину. Примерно в двух с половиной милях южнее лагеря находилось небольшое соляное озеро Лапчунг тшо. Вечером заходящее солнце освещало горные снега, и весь пейзаж погружался в пурпурное зарево. Ю-пон не приехал этим вечером, и было похоже на то, что нам придется остаться в долине на пару дней, разыскивая старшину, пытающегося избежать встречи с нами. Наши запасы подходили к концу, и было крайне необходимо добраться до Сага дзонга.

16 апреля. Солнечный, теплый день. Мы были вынуждены простоять целый день и дожидаться старшины. Погонщики из Сангмо несколько раз пытались увести своих животных, но наша охрана помешала этому. Мы сказали людям, что нам придется жаловаться чиновникам дзонга по поводу такой задержки и открытого игнорирования приказов из Лхасы. Местные жители, наконец, согласились поставить нам всех яков, имеющихся в долине, чтобы мы могли выехать на следующий день. Мы должны были получить от них тридцать яков, а остальные животные должны быть поставлены погонщиками из Сангмо. После трехчасовых переговоров все было решено, и мы были

уверены, что отправимся в путь на следующий день. Мы также договорились с владельцами сменных лошадей сопровож дать нас в Сага дзонг и дополнительно заплатили им за услуги. Люди были полностью удовлетворены.

Место, где мы расположились лагерем, называлось Лапсару и было населено несколькими семьями кочевников, которые разводили яков и овец. В одной из палаток мы встретили двух кузнецов из провинции Цанг, которые работали на местных кочевников. Ю-пон так и не прибыл, и мы были сильно раздражены его поведением и намеренным игнорированием указов из Лхасы.

17 апреля. Мы выехали около полудня, так как произошла задержка из-за сменных животных и погонщиков. Мы пересекли равнину Лапсару на юго-запад и расположились на берегу озера Лапчунг с юго-восточной стороны. Озеро расположено на высоте 17037 футов. На его берегах мы видели тибетских антилоп.

Недалеко от лагеря нашли еще одну группу мегалитических памятников. Она была частично погребена дрейфующими песками, поэтому над землей были видны лишь верхушки менгиров, образующих ровный ряд. Я попытался откопать один из камней, но он уходил глубоко в землю, и мои раскопки привлекли внимание местных жителей, которые, как и все тибетцы, очень заботятся о том, чтобы земляные работы не потревожили богов земли. Мне пришлось остановиться и отложить исследования на будущее, когда тибетское правительство санкционирует научные раскопки на своей территории.

Какой ритуал совершался перед этими каменными алтарями и кромлехами, мы сможем описать лишь только после тщательного изучения обширной литературы Бон-по. Огромные собрания священных текстов Бон, приблизительно три сотни томов, все еще остаются недоступными для нас. Несомненно, из некоторых текстов о ритуалах, собранных в них, мы смогли бы узнать подробно о назначении менгиров, кромлехов и рядов.

Ю-пон, или местный старшина, встретил нас в пути. Это был огромный малый со спутанными волосами, одетый в большой грязный овчинный кафтан. Он был очень высокомерен и сказал, что никогда не получал официального письма о нашем прибытии. У него не было яков в собственном распоряжении, и он был неспособен помочь нам. После долгой беседы, в которой принимали участие все члены экспедиции, нам удалось убедить его нанять яков из караванов, перевозящих соль. Он согласился на это, и у торговцев были наняты яки с договоренностью, что животным придется идти в Сага. Поздно вечером ю-пон изменил свое мнение и решил поставить нам своих собственных животных.

Мы разбили лагерь у подножия горы, образующей юго-восточный край равнины Лапсару. Отсюда в Сага дзонг вело два пути: короткий – через Луг ла и более длинный – по окраине горной цепи. По сообщениям, короткий путь все еще был занесен снегом, и поэтому мы решили идти более длинным маршрутом. Официальное письмо из Лхасы было утеряно бесследно. Мне пришлось самому написать другое письмо и заверить его нашей личной печатью. Тотчас же был отправлен всадник с донесением, но, к нашему изумлению, новая договоренность действовала так же, как и старая. Место, где расположился лагерь, называлось Ронгзэ.

18 апреля. Мы отправились в путь в восемь часов утра и пересекли низкий песчаный отрог, находящийся юго-восточнее лагеря. Отсюда путь поднимался по долине мимо небольшого озера, все еще сильно замерзшего. От озера мы свернули в долину, ведущую к Гьегонг ла и раскинувшуюся в сторону юго-запада. Долина известна своими многочисленными горячими серными источниками и называется Мемо чуцен. Доктор Свен Гедин упоминает об этих источниках. Он определил, что их температура достигала 93,6°С.

Подъем к Гьегонг ла (18012 футов) был довольно трудным. Долина у подножия перевала была покрыта глубоким снегом, и было трудно искать дорогу среди валунов и снега. После четырех часов утомительного восхождения мы достигли вершины перевала. Перед нами развернулась грандиозная горная панорама: море горных пиков сверкающих на солнце. «О, Господи! Бескрайние горы!» – воскликнул Голубин, слезая с лошади и приготавливаясь к спуску. Некоторое время мы все стояли, глядя на этот незабываемый пейзаж. Спуск был крутым, и часть пути проходила по льду замерзшего горного потока. В некоторых местах огромные глыбы льда преграждали путь. Спуск по ущелью оказался трудным для неподкованных животных и длился четыре часа. Нам часто приходилось переходить замерзший поток по ледяным мостам. Местность становилась все более и более

пересеченной.

Мы приближались к окраинным районам Тибета с их глубоко изрезанными горными долинами с бурными потоками. Нигде не было видно мрачного волнообразного пейзажа нагорий северного Тибета; вместо скалистых массивов здесь были узкие горные долины и вздымающиеся цепи гор. Достигнув места, где встречаются три важные долины, мы свернули на юго-восток и остановились на ночлег в долине, называемой Цукчунг. Не было видно никаких признаков лагеря или палаток, приготовленных для нас. Мы отправили людей на разведку местности и поручили им при возможности привезти кого-нибудь, кто смог бы информировать нас о положении в районе и снабдить необходимыми припасами.

После двух часов ожидания мы увидели в полевой бинокль человеческую фигуру, быстро идущую по противоположной стороне долины. Фигура двигалась в нашем направлении, и оказалось, что это старик с высокомерным, неприятным лицом, который сразу же начал говорить, что не его дело помогать нам и что правительство не имело права посылать нас в дикую местность. Мы сообщили ему, что нам необходимо получить караван животных за любую цену и что он должен снабдить нас топливом и зерном для лошадей или привести в лагерь местного старшину. Старик заупрямился и сказал, что у него нет яков, топлива и палаток в свободном распоряжении. Наши тибетцы пришли в сильное волнение и грозились арестовать его и сдать властям Сага дзонга. Старик выслушал их с совершенным спокойствием и возразил, что с тех пор, как у него все было отнято правительством, он ничего не имеет против того, чтобы лишиться своей головы.

Необходимость ареста упрямого старика отпала благодаря прибытию высокого красивого мужчины, который оказался бывшим ламой монастыря Чамдо в западном Каме, а в настоящее время исполнял обязанности местного старшины. Он сразу же понял наше трудное положение и приказал непокорному старику привезти палатки и топливо и, кроме того, обещал на следующий день поговорить с ю-поном Бумпа о караванных животных. Ближе к вечеру были установлены две палатки, и большие костры осветили лагерь. Ю-пон прибыл только в сумерках, но неожиданно отказался располагаться с нами в лагере и вместо этого остановился за низким песчаным отрогом. Он обещал прийти вечером после захода солнца и обговорить все дела. Старшина Цукчунга и наш тибетский проводник сочли его действия странными и побоялись, что ночью он попытается исчезнуть вместе со своими яками. Мы прождали его до десяти часов вечера, но он не пришел, и мы решили послать за ним человека. Вскоре посыльный вернулся с ответом, в котором старшина Бумпа сообщал, что у него нет дел в нашем лагере и что он не сможет сдержать свое слово и транспортировать наш багаж до Сага дзонга.

Нельзя было терять время, поскольку мы намеревались добраться до Сага дзонга без задержки. Оставаться в пустынной местности без топлива и продуктов для людей и животных означало гибель всего каравана. Мы вынуждены были предпринять активные действия в защиту своих интересов и обеспечить незамедлительное выполнение правительственных распоряжений. Я сообщил о ситуации профессору Рериху и получил инструкцию принять серьезные меры для нашей защиты. Мы решили послать местного старшину Цукчунга и нашего тибетского проводника в лагерь старшины Бумпа с просьбой лично появиться в нашем лагере. Так как Цукчунг побоялся идти один, то с ним была послана половина нашей охраны с приказом при необходимости арестовать старшину Бумпа.

Когда наш маленький отряд приблизился к лагерю старшины Бумпа, мы увидели его сидящим у лагерного костра в окружении тридцати вооруженных попутчиков. Все встали, когда старшина Цукчунга приблизился к огню. Наши люди выстроились в шеренгу в нескольких футах позади него, готовые к любой неожиданности. Старшина Цукчунга упрекнул ю-пона за то, что он не явился в лагерь для улаживания дела по-дружески, и попросил его прийти и обсудить ситуацию. Мертвая тишина последовала за его словами. Из толпы вооруженных погонщиков яков послышался приглушенный шум голосов, и вдруг один из них выхватил свою саблю. Кочевники, очевидно, были готовы оказать сопротивление оружием. Портнягин, стоявший около человека с саблей, выхватил револьвер и направил дуло ему в лицо. Это оказало магическое действие. Толпа начала отступать назад. Наши люди стояли в готовности открыть огонь в случае необходимости, и еще некоторое время сохранялось чрезвычайное напряжение. Внезапно кто-то из толпы побежал назад, и вся охрана бросилась в паническое бегство к холмам, оставив ю-пона сидящим возле

лагерного костра. Он был арестован и под охраной приведен в наш лагерь, где в большой палатке старшины Цукчунга состоялась важное совещание.

Вокруг лагеря были поставлены вооруженные часовые, так как мы получили сведения о том, что погонщики яков обсуждают возможность нападения на лагерь с целью освобождения своего старшины. Двое часовых были поставлены у входа в палатку, которая временно превратилась в зал суда. Ю-пона ввели в палатку и взяли под сильную вооруженную охрану. Когда все заняли свои места, старшина Цукчунга еще раз упрекнул старшину Бумпа за его надменное поведение и предложил ему завершить дело дружески. Упрямый ю-пон снова отказался подчиниться нашим требованиям и молчал в ответ на все наши предложения. По его словам, он не имел ничего общего с правительством Лхасы, которое находилось далеко от его области. Я сказал ему, что если он не согласится с нашими требованиями, то будет арестован и передан лхасским властям для надлежащего наказания за его мятежные слова и действия. Я дал ему десять минут на размышление. Он опустил голову и сидел так все время, пока думал, потом встал со словами: «Нет, нет» – и снова сел. Таким образом, он был объявлен арестованным, его руки связали за спиной кожаной веревкой. Двое часовых были поставлены наблюдать за ним ночью.

Всю ночь лагерь находился под сильной охраной, и соплеменники Бумпа, которые несколько раз пытались проникнуть в лагерь, получили предупреждение держаться подальше. Поздно вечером ю-пон согласился доставить нам караванных животных и сдержать свое слово. Единственным его условием было, чтобы мы отпустили его на свободу и забыли о случившемся. Вероятно, человек испугался и понял, что мы настроены серьезно. Поэтому он был освобожден, но ему пришлось заночевать в лагере.

19 апреля. Мы выехали в семь часов утра и вернулись немного назад по пройденной дороге до узкой горной долины, ведущей к перевалу Цукчунг ла (18000 футов). Недалеко от входа в долину мы обнаружили еще один кромлех с рядами каменных плит. Как и в Лапсару, камни наполовину были занесены песком. Местный старшина ничего не знал о камнях, но, по его словам, они были установлены подобным образом неким лха, или местным божеством.

Подъем к перевалу был очень крутым, и бедным животным пришлось тяжело. Им часто приходилось останавливаться для восстановления дыхания. С вершины открывался вид на три долины: Цукчунг на северо-востоке, Цукчен на западе и Сага дзонг на юге и юго-западе. На горизонте с запада и востока поднимались могущественные снежные вершины Трансгималаев. Самым заметным среди них был прекрасный пик Сага Джочунг, отчетливо видимый среди вершин, образующих восточную ветвь горной цепи, на которой находился перевал Цукчунг. Спуск был крутым, и всем пришлось идти спешившись вниз по песчаным склонам. Широкое горное ущелье вело к бассейну Чорта Цангпо, притока реки Брахмапутры. Далеко на юге сквозь туманную дымку можно было видеть белоснежные очертания северных отрогов Гималаев в районе Ньелам.

Равнину, по которой мы ехали, покрывал щебень. Трава была скудной, и нигде не было видно рогатого скота. Сага дзонг скрывался за низким песчаным отрогом, вдающимся в равнину. С вершины отрога мы получили первое представление о местности. Сага представлял собой пестрое сборище грязных каменных лачуг и находился на месте, открытом для всех ветров и бурь тибетского нагорья. Перед деревней мы были встречены местными чиновниками, которые проводили нас в подготовленный лагерь. Юго-восточнее дзонга были поставлены две палатки, и толпа местных жителей и солдат из небольшого отряда, размещенного в форте, пришла посмотреть на нас. Несмотря на то, что чиновники получили специальные инструкции непосредственно из Лхасы, ничего не было приготовлено, и нас попросили остаться на три дня в Сага, чтобы дать властям время на обеспечение каравана животными. Начальник форта находился в Лхасе, и управление велось его персональным представителем, нирва, или казначеем дзонга, который также уехал по служебным делам в район. К нему был отправлен посыльный с требованием сразу же возвратиться в форт. Между тем младший чиновник, оставшийся в форте, отказался обсуждать ситуацию.

Наш караван прибыл в лагерь поздно ночью; мы сильно беспокоились за верблюдов, задержавшихся на перевале. Около одиннадцати часов ночи погонщик с тремя верблюдами добрался до лагеря и сообщил, что четвертый верблюд погиб на вершине перевала.

XIX

ОТ САГА ДЗОНГА К СИККИМУ

20 апреля 1928 г. Казначей дзонга не прибыл, и нам пришлось остаться в Сага дзонге до его появления. Все отдыхали после последних напряженных десяти дней пути. Наш лагерь располагался вблизи торгового пути Ладак – Нгари – Сага дзонг – Лхаса, и с раннего утра было слышно мелодичное позвякивание колокольчиков лошадей и мулов проходящих караванов. Сага дзонг – правительственная перевалочная станция на торговом маршруте и административный центр обширного района, который граничит на севере с территориями Нагтшанг и Нгари; на юге и востоке с районом, управляемым Дзонгха, фортом, расположенным на границе Непала.

Население района Сага состоит исключительно из кочевников, которые разводят яков и овец. Ежегодный налог выплачивается продуктами животноводства, в основном маслом, шерстью и кожей. Старшины района собираются ежегодно в девятом месяце тибетского года (примерно октябрь-ноябрь), чтобы заплатить ежегодный налог, собираемый чиновниками из Лхасы. В Сага дзонге находится около тридцати полуразрушенных каменных и кирпичных строений. Официальное место жительства губернаторов, или собственно дзонг, находится в центре деревни. В 1904 г резиденцию посетила британская гартокская миссия во главе с капитанами Райдером и Роулингом, а в 1908 г. – доктор Свен Гедин.

Во время нашего пребывания в Сага оба губернатора форта находились в Лхасе, и районом управляли несколько заместителей и нирва дзонга, которым помогали доверенные лица из местных старшин. Дзонг имел гарнизон из тридцати солдат под началом ше-нго, или младшего офицера, обязанностью которого было охранять район и выполнять правительственные постановления. Солдаты не носили никакой униформы, отличающей их от местного населения, за исключением патронташей и полоски ткани на правом плече с номером роты (маг-кханг). Гарнизон в Сага снабжается из пехотного батальона, расположенного в Тингри на границе Непала. Вооружение состояло из винтовок Ли-Энгфильда старого образца в очень плохом состоянии.

Около дзонга находятся многочисленные мендонги, а в самой деревне есть маленький храм с огромным молитвенным барабаном внутри. Летом сюда приезжают торговцы из центральных провинций Тибета и непальские купцы, следующие маршрутами на Дзонгха и Ньелам. Кочевники в основном продают местную продукцию – соль, шерсть и кожу. В этом году из-за необычного снегопада торговые пути были перекрыты, а зимой от недостатка корма погибло большое количество домашнего скота. У населения не было возможности запастись необходимым количеством продовольствия, и многие семьи голодали. Во время нашего пребывания в дзонге деревня была полна нищих, находящихся в столь отчаянном положении, что они поедали трупы животных. Власти были не в состоянии содержать нужное количество сменных лошадей на дорожных этапах вдоль маршрута и посылать ежегодный налог в Лхасу, поэтому правительству была подана петиция с просьбой к Его Дражайшему Покровителю освободить население Сага дзонга на следующий год от налогов.

Ранним утром к нам пришли чиновники дзонга и принесли набросок письма с сообщением о нашем маршруте, которое следовало отправить со специальным посыльным в Тингри. Власти намеревались направить нас в Тингри через пустыню, чтобы мы совершили переправу через Яру Цангпо в местечке около Кьякья, где две кожаные лодки перевозят пассажиров и товары через реку. Они признались, что лодки были в плохом состоянии и нуждались в ремонте. Мы решительно возразили против этого плана и заявили, что требуем разрешить идти в Янджу и переправиться через реку в Шару. Наконец они согласились и отправили посыльного в Янджу, но попросили, чтобы мы поставили свою личную печать на красном воске, скрепляющем документ. Крестьяне, видя только официальную печать дзонга, подумают, что это один из ежегодных сборов караванных животных для собственных нужд дзонга и не будут торопиться с выполнением приказа. Было удивительно, что местные чиновники смертельно боятся своего собственного народа и с удовольствием прячутся за спины чужестранцев. Мы предупредили, что на них будет лежать ответственность за любую проволочку и задержку в Сага и что наш паспорт обязывает представителей местной власти

обеспечивать нас всем необходимым. Они ответили, что готовы дать письмо с изложением причин задержки и невозможности поставить нам достаточное количество продовольствия.

21 апреля. Солнечный день с легким юго-западным ветром. На берегах ручья, протекающего около нашего лагеря, появилась молодая трава. Мы упорно пытались купить что-нибудь из провизии, но совершенно безнадежно было получить что-либо у местных властей или населения. Кхампский торговец из Тачиенлу, оставшийся в Сага для закупки домашней продукции кочевников, сообщил мне, что этот год был исключительно тяжелым для местных жителей и торговля в районе была незначительной. Нам удалось купить у него кусок порама и один мешок ячменя для лошадей, которые очень нуждались в корме.

22 апреля. Еще один день мы провели, пытаясь запастись зерном для четырехдневного путешествия в Янджу. Ячмень был очень плохого качества, и в каждом мешке было множество мелких камней. Местные кочевники жаловались на то, что крестьяне в оседлых районах Тибета добавляют камни в зерно, чтобы утяжелить мешки и таким образом продать его кочевникам по более высокой стоимости. Зерно поступало в основном из района Шекар. Богатство Тибета заключено в кочевых районах страны, откуда поступает вся шерсть, кожа, крупнорогатый скот и соль и которые являются главными предметами тибетского экспорта.

23 апреля. Снова солнечный день с устойчивым юго-западным ветром после полудня. Медленно начался сбор караванных животных для предстоящего путешествия в Янджу, и местные чиновники заверили нас, что мы сможем отправиться на следующий день. Я провел утро в поисках могилы Мухамеда Исы, доверенного проводника и караван-баши Свена Гедина, который умер здесь в 1908 г., но найти не смог, и похоже, что местные жители ничего об этом не знали.

24 апреля. Мы поднялись рано утром, чтобы ускорить отъезд. Возникла неизбежная задержка с караванными животными, которые прибыли в деревню, но по той или иной причине были задержаны в дзонге. Нам с Портнягиным пришлось идти во внутренний двор дзонга и выводить животных. После большой суматохи караван яков наконец-то отправился, и мы выехали в сопровождении двух доньеров, или местных чиновников, которые были назначены сопровождать нас в Шекар дзонг.

Тропа шла по левому все еще замерзшему берегу Чорта цангпо. Сразу за селением Сага стоял огромный менгир из серого гранита. Камень был окружен многочисленными небольшими колоннами, сделанными из мелких камней белого кварцита. На внешней стороне плиты виднелись следы частых возлияний маслом. По словам чиновника, камень стоял здесь с незапамятных времен и был посвящен богине Пал-ден Лхамо (дПал-лдан Лха-мо), божественной покровительнице района. По преданию, он является обителью целого сонма могущественных божеств и поэтому назван Сага, или «Счастливое Место». Этот местный культ Пал-ден Лхамо был введен по приказу правительства, и всем путешественникам приходится останавливаться здесь и совершать возлияния. Это хороший пример ассимиляции древних святилищ примитивной религии Тибета с современной тибетской церковью.

Страна была совершенно бесплодной, и мы удивлялись, где же находятся пастбища местных кочевников. После короткого шестимильного перехода мы остановились напротив снежного пика Сага Джочунг. Заставлять чиновника двигаться дальше было бесполезно, так как он утверждал, что яки находятся в плохом состоянии и могут совершать только короткие переходы. По-видимому, чиновник боялся местных кочевников и старался избежать неприятных разговоров. Его помощник оказался ни к чему не пригодным парнем и заботился только о себе. Достать зерно было невозможно, хотя каждый переход приближал нас к земледельческим районам Тибета. За один мешок ячменя, содержащий около семнадцати фунтов зерна, нам пришлось заплатить двенадцать нгу-сангов.

В наш лагерь пришла группа паломников, уроженцев районов, прилегающих к озеру Манасаровар, которые возвращались из странствия по монастырям Лхасы. Группа состояла из нескольких мужчин и женщин, несущих свое имущество на собственных спинах и путешествующих пешком. Они попросили немного денег и пищи. К сожалению, слово «бакшиш» здесь уже хорошо знали и широко использовали. Такие паломники редко ночуют в деревнях и чаще всего спят в пещерах и других защищенных местах. Местное население их не любит, и как правило, прогоняет прочь. Многие из них умирают по дороге от лишений, опасностей и голода.

Здешние кочевники, казалось, были очень независимы и почти не обращали внимания на приказы чиновников, сопровождавших нас. Вечером нам сообщили, что несколько сменных лошадей сорвались с привязи и убежали, но наши часовые заверили, что лошадей увели их собственные хозяева. Мы выразили протест чиновнику из дзонга, но он был не в состоянии удержать людей и лошадей. Чтобы заставить чиновников более аккуратно исполнять свои обязанности, мы забрали лошадь одного из них, и на другой день ему пришлось идти пешком. В результате на следующих переходах мы были обеспечены нужным количеством сменных лошадей.

25 апреля. На следующий день мы вышли рано. Тропа поднималась на перевал Джа ла, расположенный на высоте 16135 футов. С вершины мы любовались прекрасными пейзажами Гималаев. Спуск был очень пологим и шел по хорошо проторенной тропе, за исключением пары сотен футов довольно крутого отрезка пути, идущего по краю обрывистого ущелья. Песчаные склоны гор были покрыты кустами можжевельника. Заметили первого удода.

При спуске с перевала мы столкнулись с первым большим караваном, который принадлежал ламе-торговцу из Ташилунпо и вез тюки с чаем, одеждой, шелком и металлическими изделиями в Ньима провинции Нгари корсум. Караван состоял в основном из яков, но вместе с ним шел также большой табун лошадей без грузов, который перегоняли табунщики. Торговца сопровождало несколько вооруженных слуг в красных тюрбанах и с винтовками Маузера через плечо. Все лето эти купцы торговали в провинции Нгари и ранней осенью возвратились во Внутренний Тибет.

На спуске с перевала тропа проходила по широкой горной долине с маленьким соленым озерком, берега которого были покрыты стаями серых гусей, уток брахмини и чаек. Долина расширилась, и через час тропа вышла на обширную, покрытую лессом равнину с прекрасным пастбищем. В окрестностях паслись стада куланов. В некоторых местах земля была покрыта соляной коркой, и этим объяснялся прекрасный травяной покров равнины, так как в Тибете самые лучшие пастбища неизменно находятся на равнинах и в долинах с соляной почвой.

Мы пересекли пояс песчаных дюн с таким глубоким и сыпучим песком, что лошади увязали в нем по колено. К западу открылась укромная долина с текущим по ней ручьем. У подножия гор, обрамляющих долину, были видны отары овец и несколько стойбищ. Мы двигались по тропе, которая пересекала долину и входила в узкое горное ущелье на юго-востоке. Около трех миль дорога шла по ущелью, затем по размытому каньону в долину Яру Цангпо – великой водной артерии Тибета. Мы разбили лагерь на песчаном плато на берегу реки.

Наконец-то великая Брахмапутра! Трудно передать наши чувства. Крайне необходимо было остановиться на берегу большой реки и напоить наших лошадей. Берега, покрытые плывунами, были сильно заболочены. В периоды летних наводнений река разливается и приближается к эоловым столовым горам, обнаруженным на высоких речных террасах.

Место нашего лагеря было известно под названием Кьякья (сКья-сКья). Рядом с лагерем находилась переправа: две жалкие кожаные лодки, валяющиеся на берегу реки. Они были очень плохи и нуждались в ремонте. Отсюда маршрут вел к Тингри и Ньеламу, пересекая возвышенное плоскогорье южнее Цангпо. Местное население никогда раньше не видело верблюдов. Старики и молодежь собирались посмотреть на странных животных, которые важно бродили по берегу. Местные жители были уверены, что мы привезли этих необычных животных из самой Америки, где их используют как транспорт.

Язык местных кочевников был близок к диалекту провинции Цанг. Люди, приходящие в наш лагерь, живо интересовались географией Тибета и задавали много вопросов о Чанг нам тшо, который на наших картах назывался Тенгри-нор. Также их интересовал Шенца дзонг, а дикие яки стали предметом оживленной беседы между нашим обслуживающим персоналом и местными старшинами. День был теплым, и на речных берегах мы нашли молодую траву. Сложили лагерный костер из можжевелового кустарника, принесенного местными кочевниками, и многим из нас так понравился восхитительный смолистый аромат, что мы собрались и сели у кухонного очага. Как не похож он на вредоносный запах аргала!

26 апреля. В дорогу вышли рано, у всех в караване было желание побыстрее достичь земледельческих районов. Тропа шла по левому берегу Яру Цангпо. Местами утесы глубоко вдавались в реку, и нам приходилось идти по воде. Яру Цангпо течет несколькими руслами,

которые, вероятно, объединяются во время паводка. Вода была мутной и полна круговоротов. На этом отрезке пути дно Цангпо песчаное и опасное. На многочисленных речных отмелях, которые делают реку несудоходной, мы видели цапель и уток брахмини. После шестимильного перехода вдоль северного берега, мы повернули к горной долине, простирающейся на северо-восток. Чтобы достичь Янджу, караваны с тяжелым грузом вынуждены идти по этой долине и преодолевать перевал. Дорога вдоль берега реки намного короче, но так же непроходима для тяжело нагруженных животных и используется только всадниками.

Мы прошли долиной еще четыре мили и разбили лагерь на ровной площадке на берегу маленького горного потока, впадающего в Цангпо. Здесь по распоряжению ю-пона, или старшины Янджу, для нас было поставлено две палатки. Это место было известно под названием Пхур. Великолепные разноцветные скалы возвышались по обеим сторонам узкой долины. Темный базальт чередовался с полосками ярко-красного и пурпурного известняка, на фоне которого были разбросаны ярко-зеленые пятна можжевеловых кустов. Снег еще лежал в укромных оврагах. Люди из Янджу, которые привезли палатки, отказались снабжать нас топливом и кормом для скота на основании того, что они не желают служить джагарским или индийским пхи-лингам. Мы приказали узнать их имена и сообщить властям в Янджу. После таких суровых действий появились и топливо, и корм. Чиновники из Сага оказались ни на что не годными и беспомощными перед местным населением.

27 апреля. Теплую ночь сменило морозное утро, термометр зарегистрировал – 6°С. Ночью ручей замерз и покрылся тонкой коркой льда. Тропа вела по ущелью, затем сворачивала на восток в боковую долину. После двухмильного пути мы достигли подножия перевала Уранг ла. Подъем был долгим и крутым. Лошади часто останавливались и тяжело дышали. Одна из сменных лошадей выбилась из сил недалеко от вершины перевала, и ее пришлось оставить. С вершины нам открылась грандиозная картина Гималаев, вероятно, самый величественный пейзаж в мире. Сверкающие под утренним солнцем, покрытые снегом зубчатые стены Гималаев высоко вознеслись над соседними горными вершинами. Мы все застыли в изумлении перед этой панорамой космического величия. Ни единое облачко не затеняло высокие пики, и все снеговые гиганты ясно и отчетливо просматривались в разреженной атмосфере Тибета. Позади пиков и снеговых пространств лежат знойные равнины Индии со всеми присущими им чудесами природы.

Спуск был нетрудным и проходил по хорошо утоптанной дороге, которая огибала склон горы и вела в узкую долину. В долине мы остановились подождать верблюдов, которым тяжело пришлось на перевале. Как только мы различили их высокие силуэты на гребне горы, так тотчас же двинулись дальше. Храбрые животные преодолели высокий перевал и медленно спускались в долину.

Пройдя эту долину, мы поднялись на следующий невысокий перевал с длинным и крутым спуском. Всем пришлось спешиться и отыскивать дорогу среди завалов и камней, преграждающих путь. Ниже перевала лежала большая песчаная равнина, открытая в долину Цангпо. Мы заметили руины древних сооружений, башен и стен, следы старых полей и ирригационных каналов.

После пятимильного легкого перехода по равнине мы достигли Яру Цангпо и спустились к берегу реки по размытому каньону, прорезанному в известняковом склоне горного отрога потоком, который когда-то впадал в Цангпо, но позже высох. Многочисленные эоловые столовые горы венчали речные террасы. Некоторые из них фантастическими формами напоминали старинные индийские храмы с резными поверхностями колонн и стен. Река в это время года была мелкой и изобиловала песчаными отмелями. Некоторые речные террасы были покрыты песчаными дюнами, несущими следы западных ветров, дующих вдоль долины. Во время паводка вода в реке поднимается и затопляет прилегающие песчаные почвы, прорывая глубокие каньоны в окружающих известняковых холмах. Сильные западные ветры, которые дуют зимой и ранней весной, разрушают поверхность соседних холмов и образуют эоловые столовые горы, находящиеся высоко на горных вершинах.

Обогнув скалистый горный отрог, нависающий над рекой, мы въехали в широкую долину, в которой расположился Янджу дангхар. Ступы и мендонги окаймляли дорогу. Вдали мы увидели несколько групп каменных и кирпичных построек. Это был Янджу. Мы

миновали монастырь красношапочников, или Ньингма, в Чату, с полуразрушенным залом собраний и разбитыми окнами, из которых торчали пучки соломы. Храм окружали грязные кирпичные постройки, а на улицах расположился караван яков с грузом ячменя для кочевых стойбищ, находящихся к северу от Трансги-малаев.

Мы подъехали к холмам, образующим северный край круглой долины Янджу, у подножия которых располагалась большая деревня. Резиденция местного старшины и два монастыря Бон-по, с недавно побеленными стенами, выглядели намного лучше, чем грязное и полуразрушенное строение монастыря Ньингма. Мы разбили лагерь на берегу ручья неподалеку от ячменных полей, принадлежащих деревне. По берегам гнездились дикие гуси и совсем не обращали внимание на деревенских жителей и животных. Для нас было поставлено три больших палатки и припасено достаточное количество зерна и даже сено с соломой. Большая толпа людей окружила лагерь. Мы попросили всех уйти, но местные жители настойчиво требовали позволения посмотреть на верблюдов, слух о которых летел впереди нас. Каждому хотелось иметь немного верблюжьей шерсти, чтобы положить ее в свою амулетницу. К вечеру толпа вернулась в деревню, и мы с облергчением вздохнули.

Странного вида женщина с маленькой девочкой осталась в лагере и бродила вокруг палаток. На ней был длинный желтый халат и несколько рядов непальских бус на шее. Она держала в руках длинный посох и дамару, или ручной барабан, используемый в религиозных церемониях. Девочка была почти обнаженной, ее тело было покрыто золой, а волосы собраны в пучок на макушке. Женщина и ребенок пришли из Кхамбу, интересного горного района в окрестностях Эвереста.

Поздно вечером к нам пришел неварский торговец из Део-Патхана в Непале. Он только что добрался до Янджу и ожидал прибытия своего большого каравана из Катманду, идущего через Чиронг дзонг и Тингри. Он был одет по-тибетски, за исключением индийских домашних туфель и шерстяной шапки на голове. Торговец свободно разговаривал по-тибетски и каждую весну приезжал торговать в Тибет. Мы попробовали приобрести у него индийские рупии, но он отказался брать наши серебряные китайские доллары. По его словам, Катманду, столица Непала, была примерно в двадцати днях пути от Янджу. Дорога туда была чрезвычайно трудной. После преодоления высокогорных перевалов, путешественники вынуждены двигаться по труднопроходимой местности почти без дорог.

Нас посетил старшина Янджу и принес новое дайиг, или «письмо-стрелу», сообщающее о нашем маршруте. Это письмо собирались отправить специальным верховым посыльным в Тингри и Шекар. Старшина попросил для большей значимости поставить на документе нашу печать. Яки еще не прибыли, и нам предстояло целый день провести в Янджу. У местных жителей были только ослы и дзо. Вечером наши верблюды и лошади получили сено после восьми месяцев поста на ячменном зерне и скудной сухой траве тибетских нагорий.

28 апреля. Я проснулся рано, около четырех часов утра, разбуженный непрерывным звоном и дребезжанием колокольчиков многочисленных ослов, которые возили воду в деревню и навоз на поля. Это были маленькие, но необычайно выносливые лохматые создания, способные временами нести грузы больше собственного веса. Тибетцы земледельческих районов держат ослов главным образом в качестве транспортных животных. Звон колокольчиков начался задолго до рассвета, так как тибетские земледельцы встают намного раньше, чем их кочевые соотечественники на севере. Утро было прекрасным и почти теплым. Горы южнее Цангпо были покрыты завесой светлого прозрачного тумана. Утром мы посетили монастырь Ньингма в Чату, а также попросили о допуске в монастырь Бон-по, расположенный у подножия горной гряды на севере долины, но нам вежливо сказали, что после посещения монастырей чужестранцами другой веры следуют ужасные бедствия. Зерновые посевы часто полностью уничтожаются градом. Мы не стали настаивать и обратились к монастырю Ньингма. По пути туда миновали несколько ячменных полей. На таких высотах растет только ячмень. Крестьяне уже работали, распахивая и засевая свои участки.

Ду-кханг, или монастырский зал для собраний, представлял собой квадратное побеленное здание из кирпича. К сожалению, главный лама отсутствовал и забрал ключи от храма с собой. Тибетские монахи имеют похвальную привычку проводить одну или две недели в медитации в третий и четвертый месяцы тибетского года (апрель-май). Внутренний

двор монастыря имел заброшенный вид. Когда-то многокрасочный портал храма был полностью разрушен и удивительно, что он до сих пор не упал на головы верующих.

Нас сопровождал тибетец, который имел к нам двойной интерес. Во-первых, он пытался продать нам лошадь, принадлежащую его хозяину, а во-вторых, был рад дружески поболтать с иностранцами, которых очень уважал. По его словам, одним из больших достоинств иностранцев было то, что они строго держали свое слово, тогда как его собственные соотечественники были довольно ненадежными людьми и большими лгунами, даже когда в этом не было необходимости. «Послушайте, господин, – сказал тибетец, – сейчас я разговариваю с Вашей Честью, и у меня нет необходимости лгать, но мне еще трудно удержаться от этой привычки, и я постоянно напоминаю себе: говори правду, говори правду!» Когда его спросили о причинах столь странной национальной особенности, он почесал ухо и ответил: «Куг-па ре», что значит «Глупость».

Мимо деревни проходил торговый путь Нгари – Лхаса, по которому шло непрерывное движение в обе стороны. Всадники на мулах и лошадях с колокольчиками и огромными седельными вьюками, маленькие караваны ослов и дзо, везущих дрова, странствующие ламы и нищие – все двигались непрерывным потоком по узкой дороге, называемой лхасским джья-ламом, или торговым путем.

Мы собирались купить несколько вьючных мулов или лошадей для перевозки палаток. Для продажи привели несколько прекрасных животных, в основном мулов из Конгпо, но цены были невероятно высокими, около двух сотен мексиканских долларов за каждого.

Местное население не принимало серебряные китайские доллары, и поскольку наш запас медных тибетских монет подходил к концу, нам с трудом приходилось добывать дополнительное количество шо. Индийские рупии продавались по цене четыре транг-ка или шесть медных шо. Несколько лет назад правительство Лхасы ввело в употребление бумажные деньги, отпечатанные на машинах, специально заказанных в Индии. Это рискованное предприятие оказалось неудачным, и банкноты убрали из обращения. Основной причиной их изъятия было появление большого количества поддельных денег, наводнивших рынок. Смельчаки из Лхасы нашли новое начинание чрезвычайно выгодным и стали печатать банкноты в собственных типографиях. Естественно, крестьянам и другим посетителям Лхасы досталось самое большое количество поддельной валюты.

Поздно вечером местный старшина сообщил нам, что все караванные животные будут готовы на следующий день рано утром.

29 апреля. Все поднялись раньше, чем рассвет осветил горы на противоположном берегу Цангпо. Нам пришлось значительное время ждать прибытия вьючных животных и лошадей. Караван пришлось собирать по деревне, и так как каждый крестьянин имел только одно или два вьючных животных, то пришли все местные жители, чтобы везти наш багаж. На семьдесят вьючных животных у нас было сорок погонщиков! Новый караван состоял из тридцати косматых яков, двадцати ослов, десяти дзо, некоторые из которых были ростом с осла, и десяти вьючных лошадей. Вполне понятно, что продвижение всей этой массы караванных животных было далеко не ровным, и караван двигался несколькими группами с большими интервалами между ними. Первыми шли вьючные лошади, затем ослы и дзо, последними тянулись яки.

Перед отправлением погонщики в течение часа с криками распределяли грузы. Несколько тяжелых ящиков были оставлены, потому что их никто не хотел брать, и пришлось грузить их на дополнительных животных, которых поставил старшина. Все сменные лошади были лохматыми и недокормленными. Две из них даже не смогли выехать из лагеря и упали под всадниками. Пришлось седлать своих собственных лошадей.

Тропа шла по левому берегу Яру Цангпо. Мы проехали несколько деревень, окруженных ячменными полями. Издалека тибетская деревня или город напоминают один из прибрежных городов Италии. Расстояние сильно приукрашивает и иногда вводит в заблуждение. Вдалеке мы видели величественные белые особняки с плоскими крышами, большими окнами, высокими садовыми стенами и внушительные религиозные сооружения. Путешественник радуется мысли о том, что скоро устроит лагерь под тенистыми деревьями сада и будет бродить по живописному городку, который не может не сравнивать с приморскими городами юга Италии.

Расстояние уменьшается, и очаровательная картина, которую он только что созерцал, вдруг исчезает. Глубокое разочарование постигает путешественника, и, должен сказать по своему собственному опыту, я часто испытывал сильное желание вернуться назад и снова полюбоваться издалека.

Город все ближе и ближе. Величественные особняки превращаются в большие кварталы жалких лачуг, на крышах которых стоят уродливые прутья с нацепленными на них обрывками разноцветных тряпок. Вместо тенистых садов на небольшом огороженном участке растут несколько деревьев. Деревенская улица с обеих сторон перегорожена кучами мусора, образующими настоящие крепостные валы перед каждым домом, из-за которых выглядывают любопытные толпы, грязные до невозможности, но вполне довольные и жаждущие увидеть иностранцев.

Разбить лагерь в такой деревне совершенно невозможно, и путешественнику приходится ставить палатку за ее пределами на пустом поле. Плотная толпа собирается вокруг лагеря и внимательно наблюдает за каждым движением путешественников. Это хорошая возможность рассмотреть одежду местных жителей.

Тибетцы большие любители одежды, дорогостоящих китайских шелков, парчи ярких расцветок и драгоценностей. Во время новогодних празднеств можно видеть толпы нарядно одетых людей, шествующих по улицам, но в повседневной жизни большинство тибетцев одеты серо, в лохмотья или грязные одежды из серой домотканной материи. Обувь в основном носят тибетскую, но у многих есть дешевые европейские ботинки, привезенные из Индии. Мужчины редко носят головные уборы, хотя некоторые состоятельные тибетцы имеют зеленые или коричневые гамбургские шляпы. Женщины носят множество разнообразных головных уборов. У некоторых деревянные овальные кокошники, украшенные кораллами, бирюзой и серебром. Это излюбленный стиль в провинции Цанг центрального Тибета. Женщины из провинции Лхаса носят маленькие треугольные венцы, украшенные крупными круглыми бусинами и бирюзой. Широко распространены большие ожерелья с висячими украшениями, иногда в форме павлина или других птиц и животных, амулеты, ожерелья из так называемых зи-бусин, находимых на полях и в долинах рек. Возможно, что они принадлежали древним слоям населения. Некоторые из зи-бусин, имеющие определенный узор, продавались по баснословным ценам.

Когда бы мы ни проезжали по деревне, толпа жителей бросалась навстречу и долго сопровождала нас выкриками: «А-тси, а-тси, Кушо-ла, Кале пхеп» – «Смотри! Смотри! Почтенный господин, иди с миром!»

На противоположном берегу Цангпо высились величественные монастыри и руины крепостей, построенные на крутых скалах и обращенные к обрывам. Все руины и древние монастыри живописно расположены высоко над речной долиной. Более поздние постройки возводились у подножия гор. Эти уродливые деревушки состояли из прямоугольных стен, сложенных из высушенного на солнце кирпича и небрежно побеленных снаружи. Тибетская побелка – своеобразная и удивительная процедура. Однажды надо было побелить дом, в котором мы остановились, и для этого пригласили несколько местных крестьян. Они пришли с ведрами и начали плескать побелку на стены, забрызгивая окна, двери, и двор. Находиться в доме было невозможно, и нам пришлось попросить людей прекратить работу и вернуться в деревню.

Сразу над тропой на крутом обрывистом утесе мы нашли пещеру со ступой внутри. Когда-то здесь было убежище известного отшельника из Ташилунпо. Теперь пещера была заброшена, возвышаясь над долиной Цангпо, являясь молчаливым свидетелем великолепного прошлого и бесславного настоящего.

После восемнадцатимильного перехода мы остановились у небольшой деревни вблизи монастыря, который имел переправу через Цангпо. Для лагеря мы выбрали ровную площадку на выступающем отроге, но жители деревни запротестовали, говоря, что это особенное место посвящено лха. Пришлось подойти ближе к деревне и разбить лагерь на ячменных полях.

Деревня состояла из пары хозяйств, поэтому трудно было раздобыть солому и зерно для животных. Жители выглядели дико, вид у людей был очень сердитый. Женщины носили такие же головные уборы, что и в провинции Цанг, и на некоторых были серебрянные украшения в форме павлинов, вероятно, непальской работы. Очень сильно непальское

влияние на произведения искусства в этой части Тибета, расположенной близко к границе Непала.

С Портнягиным, сопровождавшим караван яков, произошел по дороге несчастный случай. Его лошадь оступилась на обрывистом месте и упала с утеса. Портнягин едва успел спрыгнуть с лошади, которая катилась с кручи.

Наши люди сообщили, что один из монголов, Очир, в Янджу опять напился и теперь сильно ослаб в дороге. С ним случился серьезный сердечный приступ, а лицо и руки ужасно распухли. Он не смог ехать верхом и был оставлен под присмотром тибетца. Поздно вечером прибыл посыльный и сообщил, что Очир умирает и спрашивает своего брата Дордже. Дордже дали свежую лошадь, и он ускакал. Около полуночи оба вернулись. Очир, хотя и был очень слаб, приехал верхом. Наш доктор дал большую дозу сердечного стимулирующего средства, и монгол провел ночь спокойно. Утром он попросил у нас прощения и был оштрафован на пять долларов за пьянство и недисциплинированное поведение. После этого случая в лагерь были вызваны два чиновника из Сага дзонга, и им было приказано удерживать крестьян от продажи спиртных напитков обслуживающему персоналу экспедиции. Вечером западный ветер гнал тучи пыли по речной долине, а ночью падал мокрый снег, покрывая близлежащие холмы.

30 апреля. Мы выехали примерно в семь часов утра. Тропа тянулась вдоль многочисленных мендонгов. Среди высоких скал мелькали куропатки. Мы проехали мимо нескольких разрушенных фортов, которые, как говорят, были построены китайцами после непальской войны 1792 г.

Через четыре мили мы подошли к парому, который принадлежал монастырю Ньингма, расположенному на берегу реки. Паромом называлась большая квадратная деревянная лодка с вырезанной из дерева конской головой на носу. Такие лодки в Тибете обычно называются шинг-та, или «деревянные лошади». Ею управляли восемь лам из монастыря. Все движение через реку было закрыто, а паром предоставлен только в наше распоряжение. Каравану с зерном, который прибыл почти одновременно с нами, пришлось разгрузить яков и ждать своей очереди. На Цангпо работало несколько паромов, но многие из них были в плохом состоянии и нам пришлось пользоваться только этим. Лодка одновременно перевозила восемь лошадей и значительное количество багажа, который складывали на носу. Паромщики с трудом справлялись с судном в быстром течении, управляя с помощью двух больших весел, установленных в носовой части, по одному с каждой стороны. Каждым веслом работали два человека. Один давил на рукоятку весла, другой помогал ему, натягивая канат, прикрепленный к середине весла. Верблюдов перевозили не разгружая. Двух верблюдов погрузили одновременно и благополучно переправили через реку. Они оказались первыми верблюдами, переправившимися через Цангпо в этом месте. Торговец, едущий из Лхасы, попросил нашего разрешения использовать лодку при ее возвращении на северный берег и переправиться вместе со своими четырьмя вьючными лошадьми. На торговце была необычная меховая шапка, как говорится, по последней лхасской моде. Она была высокой, с довольно большими полями, которые вместо меха по обычному тибетскому образцу, были богато отделаны парчой. Шапка сверкала на солнце и являла собой варварское и безвкусное произведение эпохи декаданса. Чтобы торговец не замочил ноги, слуга перенес его на берег на своей спине.

Переправившись через Цангпо, мы оседлали коней и поехали по южному берегу реки пока не добрались до одинокой деревни Шару, где было около шести кирпичных хижин, построенных вокруг руин прежней крепости. Форт, как нам сказали, относился к семнадцатому веку. Местные жители поведали, что прежде это место принадлежало лабрангу из Ташилунпо и что народ процветал под управлением Таши ламы и никогда не платил такие высокие ежегодные налоги, какие он вынужден отдавать сейчас чиновникам из Лхасы. После ухода Его Святейшества Таши ламы это место было занято правительством Лхасы, и с тех пор население уменьшилось, дома разрушились, и в район пришел голод. Нам удалось купить редис – первые свежие овощи, который мы увидели после отъезда из Ших-пао-чьенга в Нань Шаньских горах.

Произошла неожиданная задержка нашего каравана яков на переправе. Предполагалось, что караван животных из Янджу от парома возвратится обратно, а новые животные из Шару повезут багаж в деревню. Поэтому грузы были переправлены через реку

и оставлены на южном берегу. Яки из Шару не прибыли вовремя, и чиновникам из Сага пришлось повторно пересечь реку и возвратиться с животными, которые уже шли обратно в Янджу. Багаж прибыл в Шару только в шесть часов вечера.

1 мая. Выехали очень рано, в пять часов утра, чтобы до заката успеть дойти до следующего перехода. Утро было теплое, и мы ехали следом за караваном яков, вышедшим раньше. Путь следовал по горной долине, движение по которой затрудняли многочисленные кочки. В некоторых местах лошади с трудом находили, куда поставить ногу, и спотыкались.

Долина сузилась, и дорога стала каменистой и трудной. Огромные валуны на склонах, покрытых детритом, преграждали тропу. После трехчасового подъема мы достигли вершины Шару ла (17600 футов над уровнем моря). День был ясным, и мы могли видеть всю горную цепь Гималаев с Эверестом, над вершиной которого парили легкие облака. К западу от перевала высился остроконечный конус горы Цангла (21169 футов). На перевале наши проводники начали петь. Они пели о европейце, прибывшем в Лхасу, который сказал людям «доброе утро». Я подъехал поближе к ним и попросил повторить песню, но они засмеялись и отказались. Один из них был солдатом, прослужившим пять лет в Кампа дзонге на сиккимской границе, а теперь поселившийся в Шару. Другой проводник пришел из Лхасы, где работал танцовщиком (гар-трук) в Норбу линг-ка, в летнем дворце Его Святейшества Далай ламы. Он танцевал и пел на протяжении всего спуска с перевала. По словам наших проводников, несколько лет назад правительство решило вновь заселить район вокруг Тингри, разоренный войной с гурками в 1792 г., и нескольким сотням крестьянских семей было приказано оставить свои родные деревни в центральных провинциях Тибета и переехать в Тингри. Здесь их оставили в чрезвычайной бедности, выдавая только по три шо в день в виде субсидии от правительства.

Мы спустились по узкой однообразной горной долине, спрятанной между травянистыми холмами, которые живо напомнили нам тоскливые хорские нагорья. Сходство было бы полным, если бы не Гималаи, сверкающими вершинами и глетчерами венчающие горизонт.

После восемнадцатимильного перехода мы остановились на ровной площадке возле ручья с пресной горной водой. Долина носит название Панглунг, или «Долина дерна». Наш погонщик верблюдов принес плохое известие – второй верблюд умер на перевале. Животное болело несколько дней, и мы ожидали, что оно умрет. Теперь у нас осталось только три здоровых животных. Мы послали мулов принести в лагерь груз, оставленный на перевале. Портнягин, которому снова пришлось остаться с тяжелым багажом, сообщил, что наш тибетский проводник и чиновники из Сага дзонга напились после нашего отъезда, грозились отрезать ему голову, отказались дать лошадь и приказали ошеломленным крестьянам не слушать пхьи-лингов, или распоряжений чужестранцев. История началась из-за того, что Портнягин велел проводнику-тибетцу поспешить с погрузкой. Тибетцы прибыли в Панглунг в возбужденном состоянии и сказали мне, что здесь они нас покинут и заберут с собой всех крестьян и животных. Я посоветовал им сохранять спокойствие и предупредил, что обо всех их действиях будет сообщено правительству и я лично прослежу, чтобы они получили по заслугам. Это их успокоило, и они больше не вспоминали о происшествии. Беседа произвела благоприятное действие на чиновника, он пришел помочь поставить палатки и лично раздал сено и зерно нашим лошадям, чего раньше никогда не делал. Мы все основательно устали от такого беззакония и неподчинения. После дневного перехода приходилось принимать специальные меры предосторожности, чтобы воспрепятствовать местному населению продавать спиртные напитки нашим походным слугам. Легко управлять людьми, зависящими от вас, но удержать тибетского чиновника от пьянства и тайной доставки спиртного в лагерь руководителю экспедиции было не под силу.

2 мая. Как обычно, вышли рано. Гималаи ясно выделялись на темном фоне глубокого утреннего неба. Песчаная долина шла под уклон, и идти было нетрудно. Повсюду виднелись руины старых фортов, сторожевых башен и стен. Говорили, что это следы непальско-тибетской войны 1792 г., когда отряды гурков пронеслись через провинцию Цанг, разграбили Шигадзе и Ташилунпо, и тибетцы были спасены китайскими экспедиционными войсками, посланными великим императором Манчу Чьен-лонгом (1736-1795 гг.). Память о замечательной стрельбе из лука кавалеристов Манчу и по сей день живет среди людей, и

много историй рассказывается о доблести Со-ло маг-ми, или солонских воинах, которые составляли часть китайского войска.

В одном месте мы увидели остатки зубчатой стены, которая прежде закрывала вход в долину. После четырехчасовой езды вышли на обширную равнину, которая, как говорили, соединяется с равниной Тингри, орошаемой Пхунгчу, протекающей мимо Тингри, Шекара, а затем по территории Непала, где она известна под названием Арун. Долина была геологически сформирована недавно и на большей части покрыта болотами и солончаками. Мы остановились в местечке, называемом Кхарчунг, которое состояло из нескольких хозяйств.

На холме к северу от поселка виднелись руины дзонга местного де-па, или начальника. Некоторые из здешних крестьян живут в пещерах, вырытых в известняковых склонах горного массива. Это были первые пещерные жилища центрального Тибета. Они обычно встречаются в Южном Цанге и западнее, по направлению к Нгари. Нам опять пришлось менять караванных животных. В полдень сильный западный ветер с яростью тряс наши палатки, а над горами сгустились грозные серые тучи. Вечером впервые шел дождь, и Гималаи скрылись за клубами пыли, принесенной ветром с равнины.

3 мая. Исключительно прекрасное утро. Ураган очистил воздух, и горный пейзаж с его четкими очертаниями и глубокими сине-фиолетовыми красками был великолепен. Над высочайшими пиками Гималаев нависли облака и скрыли вершину Эвереста. Мы шли на юг через равнину вдоль левого берега Пхунгчу. Земля была покрыта щебнем, и пейзаж несколько напоминал Гоби Центральной Монголии. Вдали проносились стада куланов, поднимая тучи пыли. Одно животное приблизилось к колонне каравана, и монгол, проезжавший мимо него, обнаружил, что это был жеребец, ослепший от старости. Мы пересекли грязную реку с илистым дном. В период паводка уровень воды поднимается и река затопляет окружающие болота. Правый берег был сильно заболочен, и нам пришлось сделать большой крюк, чтобы добраться до твердого грунта у подножия холмов. По берегам реки паслись отары овец. На правом берегу развалины были так многочисленны, что, казалось, покрывали каждый ровный клочок земли на склонах холмов. После восемнадцатимильного перехода мы достигли маленькой деревушки Дагчо, состоящей из группы кирпичных домов с разрушенной сторожевой башней в центре.

Население пребывало в чрезвычайной бедности, возделывая всего несколько ячменных полей, орошаемых каналами. Это место принадлежало секте красношапочников, на что указывали красные, белые и темно-синие вертикальные линии, нарисованные на стенах домов. Нам опять пришлось менять караванных животных. Яков в деревне было мало, и багаж пришлось грузить на дзо.

Вечером в лагерь пришли нищие странники, которые произвели такой ужасный шум, что пришлось попросить их оставить нас в покое. Большая группа паломников, направляющихся к священному озеру Манасаровар, ходила вокруг лагеря и пела, в надежде получить что-нибудь от сахибов. Поздно вечером к деревне подошел маленький караван с грузом плиточного чая и разбил лагерь по соседству с нами. Мулы и товары принадлежали правительственному торговому агенту (шунг-ги тшонг-ра), то есть человеку, торгующему от имени правительства и имеющему на это лицензию.

4 мая. Очень печальное зрелище представляет собой ландшафт равнины, ведущей в Тингри. Всюду руины, руины и руины – древние крепости, обезлюдевшие деревни, остатки зубчатых стен. Бесплодные, скалистые холмы по обеим сторонам долины лишь обостряют чувство полного опустошения. И над этими картинами разрушения вздымаются могучие блистающие снегом пики Гималаев – драгоценное ожерелье Азии. Через обширную равнину вы продвигаетесь к Тингри, чей темный силуэт возвышается на скалистом горном отроге на востоке.

Тингри – четвертая военная станция Тибета после Лхасы, Шигадзе и Гянцзе. Она имеет гарнизон приблизительно из пяти сотен пехотинцев под командованием Цанга и охраняет дорогу к Чьиронг дзонгу и Катманду. Равнина со всех сторон окружена хребтами гор, а на востоке выходит в широкую горную долину, через которую проходит торговый путь в Шекар дзонг, а затем в Шигадзе и Лхасу. Подходы к долине охраняются военным фортом Тингри. Военная станция и форт Тингри были основаны китайцами после наступления гурков в 1792 г. Руины и полуразрушенные стены китайского форта все еще видны на гребне

отрогов, возвышающихся над деревней Тингри. Во время правления Манчу форт имел гарнизон из тридцати китайских солдат под командованием лейтенанта. В случае тревоги гарнизону помогали отряды местной милиции, или са-сунг маг-ми (са-срунг дмаг-ми), собранные среди местных кочевников и крестьян. Конечно, крепость не имеет никакой стратегической ценности и может быть легко обойдена с флангов продвигающимися с юга войсками. Солдаты гарнизона и их семьи живут в деревне, расположенной ниже форта.

Две полуразрушенные ступы с фантастическими узорами и головами охраняющих божеств стоят у входа в деревню, расположенную на юго-восточном склоне горного отрога. Равнина около деревни заболочена, и стоило больших трудов найти сухое место для лагеря. После поисков ровное пространство было найдено недалеко от въезда в деревню. По прибытии в лагерь мы были неприятно удивлены, обнаружив большую толпу поджидающих нас зрителей. Ничего не было подготовлено: ни палатки, ни топливо, ни корм и, что самое худшее, никаких караванных животных к следующему дню, так как гем-по, или местный старшина, который занимался всеми гражданскими вопросами Тингри, отсутствовал в течение нескольких дней, а офицер, командующий фортом, известный в основном как Тингри да-пон (Тингри мда-пон), был в Лхасе, и его обязанности выполнял заместитель командира, который притворялся, что ничего не смыслит в местных делах попечительства гражданских лиц.

Мы сразу же послали курьеров за старшиной и отправили сообщение майору, командующему фортом, с просьбой прислать солдат, чтобы очистить лагерь от толпы. В ответ на этот запрос явились два тибетца, один в обычной тибетской одежде и зеленой гамбургской шляпе, который представился как ше-нго, или младший офицер, дворецкий в доме майора. Другой был невысокого роста, одетый в грязную цвета хаки военную форму британского образца. Вероятно, в частной жизни оба были торговцами, поскольку один тотчас же предложил поставить сахар и овощи и даже поинтересовался, не купим ли мы несколько прекрасных верховых лошадей, принадлежащих его хозяину. Второй побывал в Калимпонге на индийской стороне границы и привез полный ассортимент дешевой душистой помады японского изготовления. Она очень популярна в Тибете, поскольку состоятельные люди обычно накладывают ее толстым слоем на лица для защиты от волдырей во время холодных тибетских ветров. Во время перехода через район Великих Озер некоторым из нас пришлось обратиться к тому же средству и смазывать лица помадой, купленной в Нагчу. Это средство было очень популярно у наших монголов, и они выходили из своих палаток с блестящими лицами, потемневшими и покрытыми волдырями из-за ветров Тибетских нагорий.

В Тингри обнаружилась нехватка продовольствия, поскольку непальские торговцы, которые обычно прибывают в Тингри весной и летом, не приехали в этом году из-за сильных снегопадов на перевале Кхамбушарканг ла, который ведет к долине Катманду. Однако после значительных усилий, нам удалось купить некоторое количество порама, сушеного картофеля и лука. Нашим главным поставщиком стал бывший китайский лао-е форта, который со времени свержения китайского правления в Тибете занялся торговлей и стал полностью тибетцем.

Местные крестьяне рассказали о тяжелом положении в провинции Цанг. После вынужденного отъезда Его Святейшества Таши ламы многие ламы покинули монастырь Ташилунпо. Провинция и монастырь в настоящее время управляются чиновником, назначенным Лхасой, который имеет титул Лабранг ша-пе (Ла-бранг шабс-пад). Все жаловались на высокие налоги, которые приходилось платить лхасскому казначейству. Налоги никогда не фиксируются, и правительство назначает сумму, которую нужно платить, согласно своим финансовым потребностям. Иногда зажиточной семье приходится выплачивать до двадцати нгу-сангов в месяц.

Мы также встретили нескольких тибетских торговцев, которые хорошо знали дорогу в Сикким, и они заверили нас, что самый лучший путь туда проходит через Шекар – Добтра к северу от озера Тшомо Третунг и Кампа дзонга. Некоторые из них немного говорили на хинди и часто бывали в Гангтоке и Калимпонге.

Ближе к вечеру прибыл местный старшина, высокий и седовласый. Он заверил, что все будет готово для нас на следующий день и что мы не должны волноваться, потому что караванные животные, как и планировалось, достигнут Тингри до заката солнца, и мы

сможем отправиться в Мемо – деревню, находящуюся между Тингри и Шекаром. К вечеру неожиданное событие взбудоражило деревню. Около семи часов в форте прозвучал сигнальный горн, и все солдаты, находящиеся в нашем лагере, посмотрели вверх на скалистый отрог. Что это было? Ошибки здесь быть не могло: горн призывал к оружию. И только позже до нас дошли слухи, что в Кхаме началась новая война, и правительство мобилизовывало отряды на восточную границу. Торговцы из Кхама, высокие мужественные люди, серьезно говорили о тяжелых временах на своей родине. Казалось, что приближается новая буря. Солдаты спешно выехали и присоединились к своим частям. Был получен приказ, призывающий войска поддержать власть ламаистского правителя Тибета.

5 мая. Мы поднялись очень рано, но скоро обнаружили, что вьючные животные ни в деревню, ни в наш лагерь не прибыли, а старшина все еще наслаждался утренним сном. Мы с Портнягиным отправились к нему и строго приказали тотчас же приготовить животных, иначе ему придется сопровождать нас в Шекар, где он будет передан дзонг-пону. Он оправдывался тем, что крестьяне игнорировали его приказы, и хотя в деревне было достаточно вьючных животных, он не смог их собрать без нашей помощи! Старшина настаивал на том, чтобы мы остались в его доме и дали ему время сбегать к помощнику и выяснить, готовы ли животные. Через полчаса он возвратился в отчаянии, рассказывая, что крестьяне посмеялись над ним и отказались выполнять приказы. Он попросил нас пойти с ним и разобраться в ситуации. Так мы начали обход дворов деревни. Процедура была короткой, но достойной внимания. В каждом дворе неизменно происходило одно и то же. Старшина с тяжелым хлыстом в руке входил во двор и спрашивал громким голосом: «Вы готовы поставить животных, согласно вчерашнему приказу?» Вопрос сопровождался в большинстве случаев ударом хлыста. Получивший удар неизменно отвечал пронзительным голосом: «Ла-лес», то есть «да». После такой действенной процедуры вьючных животных выводили со двора на улицу, а старшина направлялся к следующему дому. Таким образом нам удалось собрать около половины нужного количества караванных животных. Остальные должны были прибыть из соседних ферм и деревень. Мы выразили старшине протест против его жестокого обращения с местными крестьянами, но он только рассмеялся, сочтя наше возмущение нелепым.

Мы возвратились в наш лагерь с двумя прекрасными верховыми лошадьми. Пришлось еще пару часов прождать недостающих животных, которые, как сообщили, были уже в пути. Забавный несчастный случай произошел утром, когда майор, исполняющий обязанности командующего фортом, и несколько его солдат приехали в лагерь, чтобы выставить своих коней на продажу. Лошадь майора взвилась, понесла, за лагерем сбросила наездника в пыль и исчезла за горным отрогом. После такого позора он не посмел приближаться к нашему лагерю и пешим отправился в деревню.

Наконец, караванные животные прибыли. Снова пришлось стать свидетелями любопытной сцены. Старшина сердито ругал погонщиков и приказал одному из своих слуг принести широкий ремень. Когда инструмент для наказания принесли, опоздавших погонщиков – троих мужчин и пятерых женщин – поставили на колени, и старшина нанес им несколько звучных ударов по щекам. Виновные кричали неестественно пронзительными голосами, но не казались страдающими от наказания.

Мы покинули лагерь вскоре после того, как прибыл весь караван, оставив одного Портнягина следить за распределением грузов в последней партии вьючных животных. За несколько минут до их отбытия старшине принесли стрелу с прикрепленной к ней полоской красной ткани. Это был официальный приказ из Лхасы, предписывающий роте пехотинцев немедленно отправиться в Лхасу и присоединиться к экспедиционным войскам, стоящим в Поюле на юго-востоке провинции Кхам. Деревенским старшинам, проживающим вдоль маршрута, было приказано снабдить проходящие отряды транспортом и провизией. Приказ не произвел большого впечатления на местных жителей, лишь большее количество чанга, или ячменного вина, было выпито в этот день. После прочтения приказа старшина тщательно намотал материю на стрелу и воткнул ее в одну из наших коробок, таким образом приказ о мобилизации пропутешествовал с нами к Мемо и дальше. Как оказалось впоследствии, старшина опасался отправлять приказ с верховым посыльным, который мог выбросить его, и поэтому предпочел доверить важное послание иностранному каравану! Да-йиг, или письмо-стрела, объявляющее мобилизацию отрядов, прибыло в Мемо с нашим караваном и было

обнаружено Портнягиным во время осмотра грузов. Оно было сразу передано местному старшине с объяснением, что мы не имеем никакого отношения к мобилизации. Несмотря на наши заверения, приказ после внимательного изучения был возвращен нам на том основании, что раз он прибыл с нами, то с нами должен и отбыть! Мы, конечно, отказались взять его, но утром он снова был воткнут в одну из наших коробок и таким образом прибыл в Шекар. По мнению старшины, надежнее было послать письмо с европейским караваном, чем доверить местному посыльному.

Что случилось в Поюле? Задавленное чрезмерными налогами население некоторых наиболее воинственных долин восстало с оружием в руках против губернаторов Лхасы и их солдат. Сообщалось, что губернатор и около шестидесяти тибетских солдат расстались с жизнью в Поюле, стране знаменитых воинов. В Лхасе и Шигадзе были мобилизованы отряды, и лхасскому казначейству пришлось выдержать это новое напряжение. Кроме страданий войны стране приходилось переживать гибельные последствия мобилизации.

В перемещении тибетских отрядов нет никакого порядка. Они обычно получают транспортные средства от местного населения. Солдатам приходится везти с собой провизию из дома. Все они едут верхом, некоторые на лошадях и мулах, а некоторые даже на ослах и яках. Никакой униформы нет, за исключением редко встречающихся краг, в то время как большинство людей одеты в тибетские кафтаны и меховые шапки. Обмундирование цвета хаки, позаимствованное не так давно из Индии, служит только парадной формой. Обычное вооружение состоит из английских винтовок старого образца, которые никому не в состоянии причинить вреда из-за отсутствия надлежащего ухода. Тибетским пехотинцам и кавалеристам нравится ездить с примкнутыми к стволам штыками, которые, кроме того, обычно ярко украшаются церемониальными шарфами и разноцветными полосками ткани. Часто случается, что при начале боевых действий они предпочитают оставлять свои винтовки из опасения потерять их и стреляют из старинных мушкетов или просто скрываются за камнями или в любом другом естественном укрытии. Нападение тибетцы всегда предваряют дикими воплями, которые должны подбодрить отряды. «Кхи, ху, ху!» или «у-ху, у-ху, у-ху!» – любимые боевые кличи тибетцев, идущих в атаку.

Тибетская колонна представляет собой длинную вереницу всадников, которую сопровождают сотни вьючных животных, груженных всеми видами домашнего и лагерного снаряжения. Среди багажа особенно бросаются в глаза мешалки для приготовления чая. Офицеры едут на своих собственных лошадях или мулах, которые иногда украшены богатыми попонами и имеют чрезмерное количество багажа, притороченного к седлу, из-за чего всаднику приходится сидеть на лошади как в кресле с вытянутыми вперед ногами. Все идет хорошо, пока животное спокойно, но если оно вдруг пугается, то часто сбрасывает наездника и поклажу в дорожную пыль. Обычно вперед посылаются верховые, объявляющие о прибытии отрядов. В данном случае посыльный, спешно отправленный в Шекар, по дороге присоединился к нашему каравану и не торопясь добрался до Шекара за два дня вместо одного, оставаясь все время в нашем лагере и пользуясь всеми приготовлениями, сделанными для нас по приказу правительства. Все это время он пьянствовал и доставлял большие неприятности.

Когда мы наблюдали за передвижением тибетских отрядов, то удивлялись, что станет с ними в горных долинах Поюла, и смогут ли их командиры справиться с ситуацией. Восстания в горах – ужасное бедствие, уносящее многие жизни подобно наводнению. Никогда не знаешь точно, где и кто является врагом, поэтому проходящие колонны, неспособные оказать сопротивление, часто уничтожаются в узких долинах. По словам старого тибетского солдата, который был свидетелем некоторых походов Калон ламы в 1917-1918 гг., такое часто случается в Восточном Тибете.

Путь в Шекар пролегал по правому песчаному берегу Пхунгчу. Песчаные и известняковые утесы высились по обеим сторонам долины. Страна живо напоминала районы Центральной Гоби. Повсюду виднелись небольшие деревушки со скудными полями, на которых работали крестьяне. Молодая трава росла на речных берегах, покрытых стаями диких гусей, уток брахмини и чирков. К нашему отряду присоединился лама на великолепном черном муле и сопровождал нас до нашей стоянки в Мемо. За спиной у ламы висел прекрасный карабин Маузера и патронташ. Он ехал из Ташилунпо и сопровождал своего господина, богатого ламу-торговца, в Шекар.

Около двух часов дня мы достигли маленькой деревушки Мемо, которая состояла из одного большого дома, принадлежащего местному старшине, и нескольких фермерских хозяйств в ее окрестностях. Мы были встречены женой местного старшины, пожилой женщиной, которая старалась устроить нас поудобнее. Лагерь разбили на ровном месте за деревней, и все шло хорошо, пока наш тибетский проводник не напился и не отказался выполнять свою работу. Госпожа Рерих упрекнула его за такое поведение, и он, разъярившись, выбежал к толпе крестьян, крича, что мы плохие люди, потому что сказали, что он пьян, когда этого не было, и приказал крестьянам не обслуживать нас.

Толпа испугалась и рассеялась, а мы остались без топлива и корма для животных почти на три часа. Недисциплинированный служащий ушел в палатку и наотрез отказался выполнять свою работу. Солдат из Тингри, который сопровождал экспедицию в Шекар, тоже был пьян и совершенно не мог помочь. Он пришел ко мне и в отчаянии просил поговорить с крестьянами и убедить их изменить свое отношение. Пришлось идти к старшине, где я убедился, что его семья была во всем готова помочь нам. Жена старшины сразу созвала всех слуг и дала им строгие указания снабдить нас топливом и кормом и собрать животных к завтрашнему дню. Через час у нас было все. Но за первой неприятностью последовала другая. Между караванщиками из Тингри и крестьянами Мемо возник серьезный спор. Письмо с сообщением о нашем прибытии крестьяне получили всего за несколько часов до приезда экспедиции и не смогли приготовить нужное число караванных животных. Они решили нанять их у людей из Тингри. Те отказались и бросились уводить своих лошадей и мулов, но были задержаны группой жителей Мемо, в то время как другая группа крестьян пригнала всех животных старшине во двор. После бурного разговора вопрос был улажен, и караванщики из Тингри согласились отдать животных в наем. Профессор Рерих сразу уволил недисциплинированного служащего и сообщил, что о его поведении будет доложено районому губернатору в Шекаре.

После полудня нас посетил лама из Ташилунпо. Почтенный монах горько жаловался на репрессии лхасского правительства и сообщил, что многие монахи оставили монастыри, а большинство богатых семей Цанга доведены до чрезвычайной бедности.

Вечером мы сидели около палаток и наблюдали за непрерывным потоком всадников, едущих из Тингри в Шекар. Некоторые были на мулах, другие – на прекрасных верховых лошадях необычайно высокого роста, как говорили, выведенных в Центральном Тибете. Посыльные солдаты, отправленные из Тингри объявить о прохождении отрядов, выполняли свои обязанности не спеша и провели ночь в нашем лагере. Они напились, и один из них горько жаловался на грустную жизнь тибетского солдата. По его словам, едва его часть возвратилась из Кхама в Тингри, как снова получила приказ двигаться в Поюл и принимать участие в военной операции против по-пов. Наш третий верблюд стал показывать признаки истощения, и пришлось оставить его на попечении жены старшины. Пожилую госпожу пригласили в лагерь и подарили ей верблюда. Она чувствовала себя чрезвычайно польщенной и настаивала на том, чтобы мы проинструктировали ее и ее брата, как ухаживать за животным. Мы дали ей урок «верблюдовождения» и показали, как заставить его вставать на ноги и ложиться. Все зрители были сильно взволнованы, а бравое животное препроводили в его новый дом. Ворота, ведущие во внутренний двор дома, были слишком малы, чтобы через них мог пройти верблюд, и пришлось их расширить, удалив часть кирпичной стены. Это был первый верблюд, которого видели в этой области, и семья старшины по достоинству оценила выпавшую им честь. Ночью ужасная суматоха и беготня по лагерю заставили нас вскочить с постелей. Верблюд вырвался на свободу и возвратился к своим товарищам. Старшина со всем своим семейством гонялся за ним, но поймать животное им не удалось. Нашим людям пришлось отвести верблюда в новую конюшню, расположенную во внутреннем дворе дома старшины.

С Тингри и областью, расположенной юго-западнее его вокруг горной цепи Лапчи кангри, связан один из величественных эпизодов религиозной и литературной истории Тибета. В первой половине одиннадцатого столетия здесь жил и трудился самый знаменитый учитель Тибета – отшельник Миларепа (Мила рас-па), святой Франциск Страны Снегов. На юге Тингри в почти недоступных горных долинах, ведущих к высочайшим нагорьям земли, где снежные гиганты Эверест, Макалу и Гауришанкар вздымаются на громадные высоты, словно соперничая друг с другом, еще живут отшельники, ревностно оберегающие тайну

Миларепы, передаваемую через поколения учителей. Здесь в затерянных диких горах все еще можно услышать песни Миларепы и рассмотреть на стенах покинутых горных жилищ отшельников изображения Учителя, слушающего Внутренний Голос. Каждый год паломники поднимаются почти недоступными тропами к Эвересту, чтобы увидеть гигантский скол на склоне горы – след падения Наро Бон-чунга.

Однажды Наро, один из главных учителей Черной Веры Тибета, вызвал Миларепу подняться на вершину Эвереста, называемого здесь «Матерью Великих Снегов». Миларепа принял вызов и вошел в глубокую медитацию. Тем временем Наро, видя Миларепу, сидящего неподвижно, с помощью сверхъестественной силы начал взлетать к вершине великой горы. Но как могла победить Черная Вера? Внезапно на вершине горы появился сияющий трон, на котором сидел медитирующий Миларепа. Ослепленный блистающим видением, Наро упал в глубокую пропасть и при падении оставил гигантский след своего поражения. Так говорит легенда, и сотни паломников превозносят мудрость Учителя, которому были послушны и звери, и птицы.

Там, в отдаленных горах, можно все еще встретить затворников, членов тайного братства последователей Миларепы, именуемого «Братья и Друзья Тайного». На покрытых льдом склонах прохожий еще может увидеть фигуру монаха в белых одеждах адепта тайной науки «Внутреннего Огня», или Лунг-тум-мо (лунг гтум-мо). Молва об этой области распространилась далеко по всей буддистской Центральной Азии, и ученые ламы Монголии часто рассказывают о духовных учителях и отшельниках горной страны юго-западнее Шигадзе.

По дороге в Тингри мы встретили нескольких лам – последователей Миларепы, совершающих паломничество в долину Лапчи и ее храм. Некоторые из них несли большой дамару, трезубец и канг-линг, или трубу, сделанную из человеческой кости, подвешенную к поясу. Их одежда состояла только из белого домотканого халата, ставшего серым от постоянной носки и непогоды; волосы были собраны в узел на макушке.

Мне предоставилась возможность поговорить с ними и составить Гурбум, или собрание песен Миларепы. Я расспрашивал их о последователях Миларепы и известных убежищах в горах. Сначала они были озадачены моими вопросами. Какое право имел чужестранец расспрашивать о жизни их товарищей-монахов? Но постепенно, видя что я совершенно серьезен, они становились более общительными. Уже упомянутые «Братья и Друзья Тайного» – посвященные ученики одного учителя, объединенные общим источником указаний. Они обычно останавливаются в горных убежищах и узнают друг друга по определенным приметам. Они практикуют интенсивную медитацию и тайную науку «Внутреннего Огня», которая позволяет адепту часами сидеть на пронизывающем ветру и во время бури, не ощущая мороза. Наоборот, он чувствует приятное тепло, разливающееся по телу и иногда видит возникающие вокруг него языки пламени. Говорят, что некоторые из адептов этих практик, чьи жизни были особенно исполнены святости, способны растопить снег вокруг себя на значительном расстоянии. Перед достижением этой стадии тум-мо, устремленный монах должен подвергнуться курсу обучения под руководством учителя, который пристально наблюдает за своими учениками. Без учителя тум-мо считается чрезвычайно опасным, и известны многие случаи, когда монахи сходили с ума. Я слышал о монахе, который практиковал концентрацию, позволяющую развить в себе тум-мо, в течение четырнадцати лет, но однажды был прерван случайным прохожим, потерявшим путь и спросившим монаха о дороге. В результате этого медитирующий лама испытал такой страшный удар, что не сумел перенести его и лишился разума. Правила тум-мо и медитаций, которые служат чтобы развить эту способность, содержатся в специальных руководствах. Некоторые из них напечатаны в Нартанге, но чтобы получить их, нужно иметь специальное разрешение от правительства. Большинство руководств – рукописные и переходят после смерти учителя к его самому лучшему ученику. Эти руководства, как правило, составлены на так называемом языке мантр, высоко техничной форме тибетской литературы, использующей специальные выражения.

Интересно заметить, что тум-мо также практикуется в монгольских монастырях. Эти монастыри, обычно называемые дьян-кхитами, или отшельническими жилищами дхьяна (санскр. дхьяна – размышление), рассеяны по всей стране. На посещение их должно быть

получено специальное разрешение, и даже после этого посетителям запрещается разговаривать с ламами в их кельях.

Миларепа и его песни очень популярны среди жителей Тингри и его окрестностей, и легенды о нем часто рассказываются по вечерам возле костров лагерных стоянок и у деревенских домашних очагов. Автор получил огромную пользу от таких бесед с путешествующими торговцами и странствующими ламами.

В некоторых домах Тингри и окрестных деревнях мы обнаружили настенные росписи, изображающие Миларепу с правой рукой, поднятой к правому уху, слушающего таинственные голоса природы. Он всегда изображается сидящим перед пещерой на фоне огромной снежной горы. На нем белые одежды его секты и шнурок аскета. Газели, леопарды и лани смотрят на святого, погруженного в глубокую медитацию. Его учитель, Джецюн Марпа, часто изображается над ним в облаках, руки его сложены в дхиани-мудру – позу размышления. Другие популярные картины изображают святого в его обычной позе, сидящего среди остроконечных скал на фоне заснеженных гор, с богиней Тше-ринг-мой, прислуживающей ему. Святой выглядит совершенно изнуренным после строгой епитимьи. Рисунок фресок выполнен довольно грубо, но цвета изящны. Время смягчило слишком яркие контрасты и скрыло ошибки рисунка. Раскрашенные изображения Миларепы встречаются довольно часто, а его бронзовые статуэтки чрезвычайно редки. Удалось достать только одно очень грубо сделанное бронзовое изображение святого.

6 мая. Выехали рано. В шесть часов караван покинул Мемо и пересек обширную равнину, на которой находилась деревня. Обогнув скалистый мыс, тропа вошла в узкую долину, которую со всех сторон обступали известняковые хребты. В маленькой деревушке из дюжины хижин, расположенной на берегу Пхунгчу, дорога разветвлялась. Один путь шел берегом реки к мосту, другой пересекал реку около деревни и вел на северо-восток в горы. Второй путь был гораздо короче, и мы решили перейти реку вброд. Наняв двоих проводников, начали переправу. Река была глубокой, и те, кто ехали на низких лошадях, промочили ноги. Еще труднее было обеспечить переправу ослиного каравана. Вода была слишком высокой для навьюченного осла, и некоторую крупную поклажу людям пришлось переносить на собственных спинах. Русло реки было песчаным, и в дождливые сезоны (июль-август) уровень воды значительно поднимался. Перейдя реку, мы вошли в сильно пересеченную известняковыми и песчаными холмами местность. Через две мили известняк исчез, и мы оказались среди каменистых скал и горных массивов – свидетелей вулканической деятельности в недавний геологический период. Дорога была узкой и трудной. Преодолев два невысоких горных перевала, мы спустились в продольную долину, покрытую многочисленными ячменными полями и крестьянскими фермами. Миновав низкий скалистый отрог, вышли в узкую, хорошо защищенную долину, в которой располагался Шекар дзонг.

Шекар – несомненно одно из наиболее живописных мест Тибета. Сам дзонг возвышается на скалистом массиве. Ниже форта находилось несколько монастырей, из которых наиболее важным был Шекар чоде. Все монастыри принадлежали к правящей секте ламаизма – желтошапочникам. Город Шекар был построен у подножия горного массива и делился на две части маленькой грязной речкой. Район Шекара управлялся двумя губернаторами, светским и ламой-чиновником, или рце-друнгом. Во время нашего визита светский губернатор находился в Лхасе, и ответственность за руководство районом была возложена на клерикальную коллегию и ку-тшапа, или представителя гражданского губернатора. Ламой-губернатором был молодой человек со спокойными и достойными манерами, но выглядел он унылым и, очевидно, не проявлял большого интереса к административной деятельности. Большинство дел дзонга были возложены на его главного секретаря. Настоящий губернатор жил не в живописном дзонге на вершине холма, а занимал небольшую квадратную постройку в центре города.

Нам показали место для лагеря к югу от города, но местный старшина очень медленно занимался необходимыми приготовлениями, и целый час был потрачен на спор с ми-сером тху-ми, или представителем населения Шекара, который должен был позаботиться о наших нуждах. Профессор Рерих и я сразу поехали на встречу с губернатором, чтобы уточнить наш дальнейший маршрут в Кампа дзонг. Мы нашли его осматривающим наш лагерь из-за выступа стены на крыше дома.

Нас провели в большую комнату на втором этаже. Губернатор сел на обычный низкий стул около окна и вежливо поинтересовался нашим здоровьем и трудностями, которые мы испытали в пути. Большая часть переговоров велась секретарем губернатора и важным таможенным чиновником из Лхасы, который совершал инспекционную поездку по району Шекара. Этот господин вел большую часть беседы. Прежде он был губернатором Нагчу и очень стремился узнать о современном положении дел в том районе. Он имел смутное представление о внешнем мире, а Америка была ему известна под китайским названием Мейкуо. Он выразил неподдельный интерес к небоскребам и попросил разрешения посетить наш лагерь в полдень. Секретарь губернатора сообщил, что животные не могут быть готовы ранее, чем через три дня. Это заявление подкреплялось длинной аргументацией. Мы стремились поскорее отправиться вперед, чтобы покрыть расстояние между Шекаром и следующими тремя этапами до того, как прибудут отряды из Тингри и реквизируют весь доступный транспорт.

Таможенный представитель, который принимал живое участие в беседе, сообщил, что письмо с приказом предоставить караванных животных, было отослано несколько дней назад, но у крестьян не хватило достаточно времени, чтобы собрать и доставить их сюда. Население было задавлено чрезмерными налогами, и местные губернаторы не могли настаивать на незамедлительном исполнении их приказов из-за опасения возможных беспорядков, тем самым открыто признавая бессильное положение гражданских властей района. Мы требовали разрешения продолжить путь в Кампа дзонг через Добтра, севернее озера Тшомо Третунг, но губернатор настаивал на другом маршруте – через Тингкье дзонг. По его мнению, в Добтра не сделаны необходимые приготовления, и караван от Шекар дзонга не сможет везти наш багаж всю дорогу до Кампа дзонга. Наконец, мы покинули дзонг, получив обещание губернатора, что животные будут доставлены в Шекар 9 мая.

В полдень нас навестили несколько тибетских купцов. Большинство из них торгуют с Индией и часто посещают Калимпонг и Гангток в зимнее время. Прибыл секретарь дзонга, чтобы сосчитать наш груз. Он поручил двум убого выглядевшим крестьянам, одетым в лохмотья, присматривать за ним ночью. Затем сообщил, что власти находились в большом затруднении, поскольку кроме нас они должны были снабдить транспортными животными и другие прибывающие отряды, но обещал сделать все от него зависящее.

Непрерывная вереница всадников на лошадях, позвякивающих колокольчиками, проезжала мимо нашего лагеря. Большинство из них были торговцы, прибывающие из Внутреннего Тибета. Некоторые ехали на прекрасных животных и имели очень живописный вид. Около нашего лагеря находились ячменные поля Шекара, и крестьяне вспахивали их на ярко украшенных буйволах. В сельских районах Тибета рога буйволов обычно обвивают красной тесьмой, свисающей вниз по обеим сторонам головы.

7 мая. Утром мы запасались провизией для дальнейшей поездки. Цены на пищевые продукты были необычайно высокими. Наш лагерь был переполнен зеваками, которые наблюдали за каждым нашим движением и даже пытались забраться внутрь палаток. Мы пробовали убедить толпу разойтись, но все наши попытки потерпели полную неудачу – толпа только удвоилась. Люди, вероятно, думали, что мы собираемся делать что-нибудь интересное. Очень скоро стало невозможно ходить по лагерю без чьих- нибудь приставаний или без сопровождения группы местных жителей. Пришлось обратиться к губернатору и попросить у него пару человек, чтобы выгнать толпу. Люди появились быстро, но никого не смогли разогнать и предложили нам самим это сделать, поскольку толпа не осмелится оказывать сопротивление иностранцам. Вместе с Портнягиным нам удалось отогнать толпу за пределы лагеря, но люди продолжали стоять на значительном расстоянии и даже садились, устраиваясь поудобнее. Очевидно, они решили провести весь день, наблюдая за происходящим в лагере иностранцев.

В полдень чиновники дзонга нанесли нам ответный визит. Их очень интересовали фотографии Нью-Йорка. Они считали этажи в каждом здании и удивлялись количеству транспорта на улицах. «Наш Тибет намного отстал от вашей страны, – сказал таможенник, – неудивительно, что вы презираете нас из-за нашей отсталости». Во время их визита толпа снова заполонила лагерь, и даже сами чиновники не смогли ее разогнать. Люди вплотную подходили к палаткам и толпились у входов, поэтому в них стало совсем темно. Чиновник протестовал, но почти безуспешно. Особенно досаждали маленькие монастырские

послушники, которые постоянно просили бакшиш, как обычно выкрикивая: «Мое горло пересохло. Пожа луйста подайте мне что-нибудь, чтобы купить вина!»

8 мая. Губернатор уверил нас, что сделает все, что в его силах, чтобы обеспечить нас караванными животными. Все больше солдат прибывало из Тингри, следующих в Лхасу и Поюл; главная колонна отряда следовала позади. Около полудня лагерь был внезапно наводнен огромной толпой монахов различных возрастов, которые толпились вокруг палаток, загля-довали внутрь и делали нашу жизнь невыносимой. Толпа была ужасно грязной, и я постоянно вспоминал слова капитана Роулинга, сказанные о другом тибетском монастыре: «Их тела были всегда густо покрыты жиром и салом, а большинство открытых частей тела наводило на мысль, что ламы только что завершили чистку дымохода или загона для скота».

Чтобы у нас больше не было задержек на пути в Кампа дзонг, мы убедили губернатора послать специального верхового в Тингкье дзонг и Кампа дзонг, а также написать письмо местным чиновникам с просьбой ускорить поставку караванных животных.

9 мая. Поздно вечером мы услышали топот большого стада, идущего по главному тракту, и нам сказали, что это животные, приготовленные к нашему отъезду на следующий день. Утром здесь не оказалось никаких караванных животных, а колонна, прошедшая ночью, была обычным караваном с ячменем, принадлежащим частному торговцу.

Толпа чиновников и старшин собралась в нашем лагере и занялась бесконечным обсуждением того, как разместить наш груз. Секретарь дзонга обошел деревню и собрал всех годных вьючных животных. К десяти часам утра нужное количество было найдено, и караван несколькими колоннами покинул Шекар. У властей возникли проблемы с местными ламами, которые, как предполагалось, поставят около двадцати ослов. В последний момент монахи отказались от своего обещания. Секретарь форта вызвал главного ламу и строго приказал ему предоставить животных. После горячего спора непокорные монахи со своими животными появились на месте событий. Для себя мы получили необыкновенно прекрасных верховых лошадей, поскольку местные чиновники вынуждены были отдать своих собственных. Полковник ехал на хорошем сером коне, а я получил крупного черного мерина.

Выехали довольно поздно, а переход предстоял длительный. Тропа тянулась по левому берегу Пхунгчу, или Аруна. Миновали несколько маленьких деревушек. По обеим сторонам реки высились известняковые гребни с глубокими следами эрозии. В некоторых местах путь пресекался выветренными каньонами, прорезанными в склонах гор.

После пятичасовой езды вдоль берега Пхунгчу мы въехали в большую деревню Цона, которая была местом нашей стоянки. Два представителя дзонга, которые, как предполагалось, поедут с нами до Тингкье, были задержаны в Шекаре и явились только после того, как за ними отправили человека, отвечающего за сменных лошадей. Деревенские жители неверно информировали нас, сказав, что палатки приготовлены примерно в четырех милях отсюда, ниже по течению реки. Веря им на слово, мы продолжили путь, но, к удивлению, ничего не обнаружили на указанном месте и решили дождаться прибытия представителей дзонга. Мы разбили временный лагерь на берегу реки и сварили чай. Я остался на выступающем холме с полевым биноклем, чтобы наблюдать за нашим караваном. На широкой равнине со стороны деревни Цона ничего не было видно. В шесть часов нас отыскала группа всадников, среди которых были представители Шекара и наши монголы. Представители были очень раздражены и сообщили нам, что деревенские жители подготовили палатки для нас примерно в шести милях дальше этого места. Поскольку дорога была легкой и ровной, мы направились туда.

Снова сели на лошадей и поехали через огромную песчаную равнину, которая занимала обширное плато на берегу реки. Темнело, но лагеря не было видно. Наконец, после перехода длиною в двадцать восемь миль, мы наткнулись на старую китайскую почтовую станцию, очень похожую на заведения подобного рода в других частях Внутреннего Китая, и одну черную палатку, установленную за пределами двора. Это и было место лагеря. Вьючные животные прибыли только в два часа утра, и у нас была только одна палатка. Большинству из нас пришлось искать укрытие в палатке, разбитой местными жителями, и на постоялом дворе. Я предпочел спать на открытом воздухе, используя в качестве кровати пару поваленных деревьев. За рекой в тусклом вечернем свете виднелась деревня и несколько монастырей, разбросанных по горным склонам. Второй представитель из Шекара,

отсутствовавший весь день, прибыл поздно ночью. Он получил ложное сообщение о том, что мы переправились через реку и остановились в деревне на противоположном берегу. Он был насквозь мокрым и безнадежно пьяным. За нашим лагерем находилась глубокая канава, полная грязи и воды, и чиновник свалился в нее вниз головой. Пришлось спасать его вместе с лошадью и препроводить на постоялый двор. Непокорные монахи из Шекар чо-де побросали свою поклажу на плато к востоку от Цоны и возвратились домой. Ранним утром нам пришлось отправить людей и животных подобрать груз.

10 мая. Вышли в путь очень поздно, поскольку и люди, и животные сильно нуждались в хорошем отдыхе после трудного перехода предыдущего дня. Дорога проходила по притоку Аруна, далее поворачивала на восток и пересекала песчаную равнину с полосами дюн. Весь ландшафт походил на равнину Китайского Туркестана. Перейдя через равнину, мы подошли к песчаному руслу другого притока Аруна. Воды в реке было немного, и у нас не возникло трудностей при переправе. Тропа шла по узкому ущелью, окруженному известняковыми хребтами. По дну ущелья протекал крошечный горный поток, впадавший в приток Аруна. Через шесть миль путь вышел на обширную равнину с несколькими деревнями. Деревня Чунгтю была расположена на берегу небольшого ручья, текущего на юг. Она была чрезвычайно интересна и живописна, так как стояла на известняковом холме, причудливо изрезанном узкими проходами, которые служили улицами. На выступе холма находились большие ступы и несколько домов. В этом же месте расположился небольшой монастырь красношапочников, принадлежащий большому королевскому монастырю Саскья. Мы разбили лагерь на высокой террасе за деревней. Караван снова задержался в пути, и мы получили свои палатки только в десять часов утра. Часть нашего каравана была не в состоянии добраться до деревни, и им пришлось разбить лагерь на берегу реки.

11 мая. Отправление было снова отложено из-за неприятностей с караваном. Крестьяне из Шекара отказались нести наш багаж в Ташиганг, который был местом нашей следующей остановки. Из Чунгтю есть два пути в Ташиганг: один – через Пха ла, перевал в горной цепи северо-восточнее Чунгтю, а второй – через равнину, на которой расположен Чунгтю, и мимо горной цепи на юго-востоке от Чунгтю. Второй маршрут был намного длиннее, но на нем не было перевалов.

Некоторые из крестьян решили идти длинным путем, остальные согласились следовать коротким – через Пха ла. Дорога в Пха ла проходила через селения и фермы с небольшими зарослями тополей и ив. Около Пха ла мы видели даже остатки того, что когда-то было большим лесом. Подъем на перевал был крутым, но коротким и вывел в широкую долину, где находилась Ташиганг.

Ташиганг – большая деревня, в центре которой возвышался огромный дом местного старшины. Улицы были настолько узкими, что двое всадников не смогли бы разъехаться друг с другом. Дома построены плотно друг к другу, и на расстоянии создавалось впечатление, что все это было одним огромным строением. Дом старшины был двухэтажным с большим внутренним двором и конюшнями, где мы разместили наших лошадей.

Лагерь для нас был разбит за домом старшины на небольшом ровном участке земли, который, вероятно, был прежде ячменным полем. Множество ирригационных каналов разделяло большую долину на квадратные участки, засеянные ячменем. Крестьяне казались гостеприимными. Некоторые из них немного знали хинди и бывали в Индии. Равнина Ташиганг была густо населена и покрыта фермами и деревушками. К югу и юго-востоку возвышалась высокая горная гряда, где был расположен перевал Гулунг ла, который нам предстояло преодолеть на пути в Тингкье.

12 мая. Утром старшина неожиданно отказался от поставки караванных животных. Он сообщил, что губернатор Шекара знает совершенно точно, что Ташиганг не находится на главном пути в Тингкье и что в соответствии со специальным приказом Его Святейшества Далай ламы Ташиганг освобожден от почтового, или ула-обслуживания. Два чиновника из Шекара, сопровождавшие нас до Тингкье, были неспособны убедить старшину и только попросили его дать им письменное подтверждение, что он и сделал. Мы были вынуждены использовать тех же самых животных. Крестьяне упорно отказывались предоставить животных, несмотря на угрозы чиновников, прибывших из Шекара. Большая часть каравана провела ночь в миле от деревни. Крестьяне собирались поехать в Ташиганг и передать груз местному старшине. Один из чиновников Шекара расположился за деревней, и когда караван

подошел ближе, приказал погонщикам сворачивать в сторону Гулунг ла. Последовала бурная сцена, в ходе которой чиновнику пришлось применить свой кнут. Караван повернул и медленно пошел к перевалу.

Мы покинули деревню и поехали за караваном, пересекли ручей, протекающий за деревней, и начали длительный подъем на перевал. На тропе мы догнали караван ослов, шедший впереди нас. Большая часть животных изнемогала под тяжестью грузов. Их владельцы со слезами на глазах просили позволить им возвратиться в Шекар, потому что их животные не могли преодолеть крутой перевал, высовывали языки и падали в изнеможении. Ситуация казалась серьезной, и мы решили расследовать дело. Вскоре обнаружилось, что у ослов было достаточно сил, чтобы продолжить переход в Тингкье, но владельцы преднамеренно заставили их лечь, и бедные животные уже не могли подняться под тяжестью грузов. Мы приказали им немедленно поднять животных и продолжать подъем.

Чиновники из Шекара находились все еще в деревне в ожидании сменных лошадей, и нам пришлось послать им сообщение. Полковника и меня оставили с грузом. Мы начали разгрузку, а «истощенные» животные вскочили на ноги и принялись пастись на горном склоне. После прибытия чиновников колонну ослов снова нагрузили, и она медленно начала двигаться к перевалу. Профессор Рерих с остальной частью нашего отряда был уже далеко впереди, на вершине перевала. Полковнику и мне пришлось остаться с двумя верблюдами, помогая погонщику. Подъем был чрезвычайно крут, и нам потребовалось целых три часа, чтобы добраться до вершины. Мы спустились с перевала, следуя через размытый каньон к равнине, бассейну озера Тшомо Третунг.

К югу поднималась заснеженная горная цепь Центральных Гималаев. Путь проходил вдоль западного берега озера. Около озера мы догнали остальную часть нашего отряда и пересекли плоский перевал, расположенный юго-западнее озера. Вскоре после того как мы достигли вершины перевала, пошел мокрый снег и подул холодный западный ветер. Спуск был длинным, но постепенным и вел к огромной нагорной равнине, распростершейся вдоль северного подножья Гималаев. Путь был тяжелым, во многих местах заваленный грудами детритов и валунов, скатившихся с горных склонов. У подножья мы миновали маленький сельский дом и несколько ячменных полей. Оттуда дорога поворачивала на запад, и вскоре перед нами оказался дзонг Тингкье на западном берегу небольшого озера.

В окрестностях дзонга было несколько монастырей и деревень. Несколько чиновников дзонга встретили нас и проводили на восточный берег озера, где прежде располагалась лагерная стоянка конной экспедиции к Эвересту. Несмотря на то, что местный дзонг-пон получил письма с сообщением о нашем прибытии, животные не были готовы, и нам предложили остаться еще на один день в Тингкье и выехать 14 мая. Мы согласились, поскольку наши верблюды и лошади нуждались в серьезном отдыхе после трудного подъема на Гулунг ла. Наш лагерь был расположен в красивом месте, и мы наслаждались своим пребыванием в Тингкье. Севернее от нас находились монастырь желтошапочников Ташичомбу и принадлежащая ему деревня. Сам дзонг, большое квадратное здание, окруженное кирпичными и каменными лачугами прислуги, был построен на противоположном берегу озера. Дорога в дзонг тянулась вдоль дамбы, которая разделяла озеро на две части.

На следующий день профессор Рерих и я пошли повидать дзонг-пона, чтобы установить плату за наем каждого животного до Кампа дзонга. Входом в дзонг служили огромные ворота, за которыми находился вымощенный камнем двор. Как и во всех тибетских постройках, здесь имелась конюшня. Со двора мы поднялись по каменной лестнице с высокими ступенями на второй этаж, затем по деревянной лестнице туда, где нас ждал губернатор. Он сидел на веранде, выходящей на внутренний двор. Это был еще молодой человек с приятными манерами, одетый в обычную тибетскую пуру, который произвел на нас хорошее впечатление.

После обычных комплиментов и взаимных расспросов о здоровье мы начали говорить о деле. Дзонг-пон сообщил нам, что стоимость найма каждой лошади будет соответствовать местным ценам, ни больше и ни меньше. Созвали несколько местных старшин, и началось длительное совещание. Наконец были установлены следующие цены: три нгу-санга за каждую лошадь и один нгу-санг и пять шо за каждое вьючное животное. По словам дзонг-пона, в его районе зима была необычайно снежной, и много людей замерзло, преодолевая

перевалы Гималаев. Сепо ла был уже свободен от снега, а высокие перевалы южнее Тингкье были все еще непроходимы.

13 мая. В утреннем свете легкие облака нависли над вершинами гор, а проплывающая туча поприветствовала нас легким дождем. Утро мы провели в монастыре Ташичомбу, который находился на склоне скалистого гребня. Дорога, ведущая к монастырю, поднималась по склону горы и была окружена мендонгами и небольшими разрушенными ступами. Ниже дороги, неподалеку от деревни, находилась огороженная роща тополей с большой открытой площадкой в центре. Здесь в четвертый месяц тибетского года ставят ярко украшенные палатки и монахи проводят религиозные дебаты и слушают доклады ученых докторов, приезжающих в монастырь по этому случаю. Дебаты продолжаются около десяти дней. Монастырь обнесен кирпичной стеной, несколько ворот ведут во внутренний двор, вымощенный большими каменными плитами. Это филиал большого монастыря Дрепунг в Лхасе, и периодически сюда присылают лам на один-два года. Перед залом собрания находился маленький мощеный двор с фресками тысячи Татхагат. Исцеляющий Будда, или по-тибетски Ман-ла (сМан-бла), белая и зеленая Тары и восемьдесят четыре аскета Индии были изображены рядами на стенах внутренних дворов. Рисунки были сделаны грубо и не представляли художественной ценности. В некоторых местах краска выцвела, оставив следы в виде уродливых темных пятен на белом фоне стены. С точки зрения иконографии, фрески имели определенную ценность, поскольку под изображениями, как и полагается, были написаны имена божеств и святых. Настоятель монастыря, высокий лама из Дрепун-га, который проживал здесь временно, приветствовал нас на внутреннем дворе и проводил в зал собраний. В мерцающем свете жертвенных лампад перед алтарем мы заметили позолоченные глиняные изображения Будды Сакьямуни и его двух главных учеников – Шарипутры и Маудгальяны. Фигурки Дзон-капы и его двух учеников – Дже-тшап-дже (рГьял-тшап-рдже) и Кхе-дуб-дже (мКхас-груб-рдже) – стояли на алтаре. Перед изображениями горела большая жертвенная лампада из серебра. Часть стен была занята под монастырскую библиотеку с полным собранием Канджура и Танджура старого нартанского издания; свободные места были расписаны фресками в общепринятом стиле. Я заметил несколько изображений главных идамов Желтой секты, начинающихся с тантрической фигуры Ямантака, покровителя секты. У входа в храм стояло огромное изображение идама Калачакры, представленного в тантрическом виде.

Существует некоторое различие между фресковой и обычной техникой, используемой в росписи танок или знамен. Фреска является лишь увеличенным изображением танки на стене храма с аналогичным рисунком, композицией и цветом. Иногда фреска служит фоном для скульптуры. Это часто бывает при изображении Будды. Вспоминаю фрески, на которых представлен Будда, соблазняемый Марой-дьяволом, или тьмой, перед достижением полного просветления. Центральная фигура Будды, сидящего в состоянии медитации со слегка опущенной головой, была выполнена из глины и покрыта позолотой, которая придавала ей мягкую окраску, а волосы, как обычно, были синего цвета. Мара и его войско были представлены на фреске за изображением Будды. Аналогичное сочетание фрески и скульптуры было известно центральноазиатским художникам, которые украшали пещерные храмы Китайского Туркестана и западного Кансу.

По словам кхан-по, или настоятеля, только сто монахов проживали в настоящее время в монастыре, остальные рассеялись по стране или паломничали. На выходе из зала нас встретил лама, которого очень интересовало, не подать ли сахибам чай, или ман-джу, в зал монашеских собраний и какими деньгами они будут расчитываться: чгу-сангами, китайскими долларами или индийскими рупиями Мы поняли, что это был финансовый советник монастыря.

Остаток дня мы потратили на починку и приведение в порядок грузов. Наши палатки очень нуждались в ремонте. Верхнее покрытие моей палатки было изорвано на куски бурей несколько недель назад, и мне пришлось довольствоваться единственным слоем брезента.

Наш лагерь посетил губернатор с маленьким сыном и несколькими чиновниками. Он узнал, что у нас есть фотографии Нью-Йорка, и очень хотел их увидеть. Губернатор делал умные замечания и, очевидно, понял, как много предстоит его стране учиться у внешнего мира.

14 мая. Непросто было начать формировать новый караван, так как багаж пришлось снова распределять по шести различным деревням. Погонщики снимали свои подвязки и отдавали их старшине, который решал, какой груз кому следовало везти.

Был облачный день, и Гималаи скрывались за непроницаемой завесой тумана. Далеко в горах гремел гром; все утро шел редкий дождь с мокрым снегом. После двухчасовой сутолоки мы покинули лагерь, оставив последнюю группу каравана. Тропа шла по равнине, протянувшейся от Тингкье до Кампа дзонга. Она была ровной и пересекалась болотистыми соляными участками и полосами песчаных дюн, окруженных сыпучими песками. Мы прошли мимо маленького озера, называемого местными жителями Чанг тшо. Чтобы избежать болот на берегах озера, нам пришлось свернуть на север в сторону холмов и въехать в узкую долину, загроможденную камнями и скоплениями детритовых пород.

После двухчасового перехода мы достигли маленькой деревни Лингкар, расположенной на твердом участке земли, со всех сторон окруженной болотами. К юго-востоку от деревни возвышался снежный пик Джомо юммо, и вечером прекрасный закат ярко освещал вздымающуюся снежную цепь к югу от нагорной равнины.

15 мая. Мы выехали рано, в шесть часов утра, чтобы до полудня добраться до Кампа дзонга. День обещал быть ясным, и снег Гималаев сверкал в лучах утреннего солнца. К несчастью, я потерял моего тибетского волкодава Кадру. Собака была, вероятно, украдена поселянами. Мы ходили от дома к дому, но не нашли никаких его следов. Впоследствии мы уведомили об этом губернатора Кампа дзонга, но даже он был бессилен отыскать собаку или найти вора.

Мы продолжили наш путь на восток, к небольшой деревушке Менде. В Менде мы пересекли маленькую речку Яру чу. В это время года река была мелкой, но говорят, что летом она наполнялась огромным количеством воды. Переправившись через Яру чу, мы поднялись на низкий песчаный гребень и оказались на равнине Кампа дзонг.

Кампа дзонг – одно из наиболее живописных мест Тибета. Сам дзонг скрыт в узком горном ущелье, защищенном высокими песчаниковыми хребтами. Старый дзонг построен на скалистом утесе. Это квадратное здание добротной кирпичной кладки, окруженное каменными стенами и башнями, которые защищают подступы к долине. Настоящий губернатор района больше не живет в старом дзонге, так как считается, что старое здание небезопасно. Он построил себе маленький одноэтажный дом у подножия утеса недалеко от деревни.

Когда мы подъезжали, губернатор встретил нас за деревней и сопроводил в лагерь. Нам сообщили, что животные не смогли прибыть вовремя и что, вероятно, придется остаться еще на один день в Кампа.

16 мая. Прекрасный солнечный день. Утром мы совершили экскурсию к старому дзонгу на вершине утеса и нанесли ответный визит губернатору форта. Старый дзонг, с гордо возвышающейся каменной стеной, является одним из самых лучших архитектурных творений старого Тибета. Южнее дзонга, высоко на гребне хребта стоял небольшой монастырь Кампа рито, известный святой жизнью проживающих там восьми монахов.

В полдень нас снова посетил губернатор. Он вспомнил, что встречал Свена Гедина в Сага дзонге в 1908 г. Мы долго говорили о Тибете и других странах, о создании карт, полевых биноклях и фотографии. В полдень мы снова отправились к губернатору, чтобы установить цены на животных до Тхангу на сиккимской стороне границы.

Поздно вечером в ущелье появилась черная колонна, а знакомый свист погонщиков возвестил о подходе нашего каравана яков, предназначенного для завтрашнего отъезда. Яков привязали веревками вокруг лагеря; горели лагерные костры, освещая окрестности.

17 мая. Мы отправились в путь очень рано. Перед рассветом лагерь был уже собран, а грузы распределены. Дзонг-пон предоставил нам своих собственных животных до Тхангу, прекрасных мулов и лошадей. Нам предстоял короткий переход до пограничной деревушки Кьеру. Посыльный выехал с письмами от губернатора и от нас к полковнику Ф.М.Бейли и старшине Лачена с сообщением о нашем прибытии. Когда-то в Нагчу мы просили правительство Тибета сообщить британским властям о нашем прибытии и надеялись, что они подготовились к нашему приезду. После нетрудного двухчасового перехода по поднимающейся равнине мы добрались до маленькой грязной деревушки Кьеру. Из-за большой высоты над уровнем моря заниматься земледелием здесь было невозможно, и

деревушка служила перевалочной станцией для проходящих караванов и пограничной заставой. Мы разбили лагерь на ровной площадке около деревни. Мимо нас проезжали путешественники из Лачена. Большинство из них были его коренными жителями, едущими торговать в Кампа дзонг.

18 мая. Памятный день для всех членов экспедиции. Несмотря на резкий холод ранних утренних часов, все были на ногах до рассвета, и в темноте мерцали лагерные костры. Лошади были оседланы, палатки свернуты и погружены на мулов. До восхода солнца все было готово к отправлению, но для подъема на перевал было слишком темно, и нам пришлось ждать еще час. Наконец лучи солнца осветили снежные пики, возвышающиеся со всех сторон вокруг Сепо ла, и длинная вереница наших наездников и караванных животных покинула Кьеру и начала подъем на перевал. Восхождение прошло очень спокойно. Все выше и выше поднималась тропа, пока не достигла вершины перевала на высоте в 16970 футов. Каменная пирамида отмечала вершину, которая являлась политической границей между Тибетом и Индийской Империей. Затем начался постепенный спуск мимо обширных снегов, ледников и громадных пиков. Из-за близости снегов было очень холодно.

Прощай, Тибет, земля бурь, ветров и негостеприимных правителей! Мы направлялись к стране чудес – Сиккиму – с рододендроновыми лесами и деодарами. Долина сузилась, и тропа обогнула маленькое озеро, в котором берет свое начало река Лачен. Внезапно чудесный аромат наполнил воздух, словно мы приближались к сосновым лесам. Но мы ехали и ехали и не видели никаких признаков деревьев. Перемена произошла внезапно. Тропа свернула в узкое ущелье реки Лачен, и в отдалении мы увидели горные склоны, густо поросшие вечнозелеными кустами балу. Растения были в полном цвету и покрывали склоны гор бело-розовыми цветами.

К вечеру мы заметили впереди что-то темное. В бинокли мы увидели первый лес рододендронов, растущих на горных склонах. Дальше вниз по речному ущелью, где грохочет река Лачен, находилась гостиница при почтовой станции Тхангу, и все вокруг было покрыто восхитительно цветущим рододендроновым лесом. Незабываемая картина, такая желанная после трех лет странствий по бесплодным районам Внутренней Азии.

Проехав еще одну милю, мы слезли с утомленных лошадей перед бунгало, и нас приветствовал дружелюбный чоукидар, или смотритель места. Было странно снова находиться в доме, сидеть в комнатах и иметь возможность снять шубы, сапоги и пропыленные меховые шапки.

Мы волновались за наших монгольских лошадей, которые пугались деревьев и не хотели идти в конюшни. Местное население никогда раньше не видело верблюдов и интересовалось их назначением. Наши два верблюда первыми прибыли из Кампа дзонга, и мы радовались, что смогли привести обоих животных здоровыми в Сикким, особенно большого черного верблюда, который прошел весь путь от реки Булугун, что около Кобдо в Северо-Западной Монголии, преодолев более пяти тысяч миль.

19 мая. Пришлось остаться на один день в Тхангу и ждать старшину Лачена, который сообщил нам, что прибудет с вьючными мулами и верховыми лошадьми. Он приехал в полдень и любезно помогал нам подготовить новый караван в Гангток. Он согласился сам сопровождать караван и нанять мулов до Гангтока, что не типично для жителей Лачена. Остаток дня мы отдыхали в просторной гостинице почтовой станции.

20 мая. Когда мы проснулись утром следующего дня, караван с багажом уже ушел, и мы поспешили сесть на лошадей. Что за чудесная страна эта долина Лачен! Весна была в полном разгаре, и мы получали удовольствие проезжая через леса. В Лачене экспедиция была очень радушно принята мисс Торнквист из финской миссии. Благодаря ей, мы достали некоторые продукты и настоящий сахар, которого были лишены очень долгое время. На следующий день мы были в Цзонтанге. Пришлось остановиться в палатках, так как местное бунгало было смыто разлившейся рекой. Долина Лачен – опасное место, поскольку ежегодно происходят оползни и уносят большие пласты плодородной земли.

От Цзонтанга мы прошли через Сингик к Дричу. В Сингике нас встретил начальник сиккимской военной полиции, направленной Дурбаром Сиккима в помощь нашей экспедиции.

24 мая экспедиция прибыла в Гангток и была гостеприимно встречена полковником и госпожой Бейли в их доме, где мы провели два восхитительных дня.

26 мая все европейские члены экспедиции отправились дальше в Дарджилинг. Три монгола: Очир, Дордже, и Манджи, которые так преданно служили экспедиции в трудном переходе через Тибет, должны были возвратиться в свои родные места в Цайдам через Лхасу. Благодаря любезной помощи полковника Бейли, им были выданы паспорта и разрешалось сохранить выданные винтовки. Два из сорока двух верблюдов, оставшиеся в живых, были подарены Его Высочеству Махарадже Сиккима, и мы были рады узнать, что Его Высочество согласился держать животных в своем тибетском поместье в Добтра.

В Дарджилинге экспедиция была официально распущена, ее участники вернулись домой, унося с собой воспоминания о могучих снежных цепях гор, ревущих горных потоках и бескрайних пустынях.

Несмотря на огромные трудности, включая политические перевороты и неблагоприятные для путешествий сезонные смены погоды, во время которых экспедиции часто приходилось продолжать свой путь, она достигла замечательных успехов и вернулась с уникальным описанием районов Внутренней Азии.